ГОСУДАРСТВО И ВЛАСТЬ

Потемкин

Наталья БОЛОТИНА

ВИП

ВЕЛИКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРСОНЫ

Потемкин

Наталья БОЛОТИНА

Потемкин

Наталья
БОЛОТИНА

ВЕЛИКИЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПЕРСОНЫ

Москва
«Вече»

УДК 93/94
ББК-8*63.3
Б79

Scan By Vitautas & Kali

Болотина, Н.Ю.

Б79 Потемкин / Наталья Болотина.— М. : Вече, 2014. — 480с. : ил. — (Великие исторические персоны).

ISBN 978-5-4444-1983-0

Знак информационной продукции **12+**

Книга историка-архивиста Н.Ю. Болотиной (доцента РАНХиГС) рассказывает о блистательной жизни светлейшего князя Г.А. Потемкина-Таврического, выдающегося администратора и полководца второй половины XVIII века.

О Потемкине писали много. Необычный человек, неординарная личность, светлейший вызывал самые разные эмоции и у современников, и у потомков. Одни говорили только о достоинствах и заслугах Григория Александровича, другие называли главными качествами князя леность и восточный деспотизм. Самые противоречивые мнения можно и по сей день услышать о «великолепном князе Тавриды». Потемкин не был идеальным человеком, его обуревали сильные страсти, немыслимые желания, которые он умел блистательно осуществлять. Недоброжелатели утверждали, что деятельность Потемкина вредна для страны, а императрица Екатерина II, главная его покровительница и защитница, не уставала благодарить своего фаворита за труды на благо Отечества.

УДК 93/94
ББК-8*63.3

ISBN 978-5-4444-1983-0

© Болотина Н.Ю., 2014
© ООО «Издательство «Вече», 2014

ПРОЛОГ

Шел 1930 год. Отбушевала братоубийственная Гражданская война на просторах России. Советская власть сменила императорских чиновников, установила новые пролетарские порядки. В южном городке Херсоне, в старинной крепости, открылся музей. На прекрасном классическом фронтоне собора неприятно выделялась кумачовая тряпка, на которой кривыми буквами с подтеками было выведено: «Херсоньский антирелигийный музей». Бывший сотрудник Одесского общества истории и древностей решил зайти в это учреждение, чтобы посмотреть, какую культуру несет людям новая власть, какие ценности теперь проповедуются. С собой он взял молодого писателя Бориса Лавренева, приехавшего из Ленинграда проведать своего больного отца, давнишнего приятеля старого хранителя. Первые же шаги внутри собора повергли их в недоумение, сменившееся нарастающим раздражением. За неимением сколько-нибудь серьезных экспонатов по стенам были развешаны вырезанные из старых журналов репродукции картин мастеров итальянской и голландской школ, изображающие религиозные сюжеты. Тут были «Сикстинская Мадонна», «Голгофа», «Снятие с креста», «Воскресение», «Христос у Марии и Марфы», «Мария Магдалина», «Вознесение», «Сошествие Святого Духа на апостолов»; работы Тициана, Веронезе, Рубенса, Ван Дейка и др. Под каждой репродукцией на неряшливых клочках бумаги были приклеены напечатанные лиловым шрифтом на машинке надписи совершенно невразумительного содержания.

Архивариус, удивившись нелепости существования подобного музея, уже было развернулся, чтобы покинуть его, но вдруг обратил внимание на пирамидальной формы застекленную витрину, в которой лежал какой-то круглый коричневый предмет. Подойдя, они увидели, что это человеческий череп. Внизу витри-

ны была приклеена табличка: «Череп полюбовника Катерины II Патьомкина». Историк закрыл и снова открыл глаза, но видение не исчезло.

Череп оставался по-прежнему в витрине и глядел на посетителей пустыми глазницами. Старый хранитель оглянулся и заметил вторую такую же витрину, но уже продолговатой формы. В ней находился скелет с остатками мускулов. Надпись гласила: «Кистки полюбовника Катерины II Патьомкина». Рядом, в третьей витрине, лежали остатки зеленого бархатного кафтана с потускнелыми позументами, затем что-то неразличимое, в пятнах гнили, бывшее когда-то белыми атласными короткими штанами, такие же сгнившие чулки и туфли. «Шматки одягу полюбовника Катерины II Патьомкина» — прочел архивариус, склонясь к надписи.

Фантасмагория. Старый, убеленный сединами архивариус бродил между витринами с осквернеными останками Потемкина и печально повторял: «Фантасмагория. Апокалипсис. Вот уж действительно, кто был ничем, тот станет всем. Великие императоры — враги своих подданных, национальные герои — злодеи, бывшие бунтовщики превратились в освободителей. Куда катится наш мир? Что ждет в будущем это новое государство, созданное на костях свергнутых героев?»

Хранитель знал много историй о герое своих исследований — некогда великолепном князе Тавриды, светлейшем князе Римской империи, первом и лучшем сподвижнике императрицы Екатерины Великой, чьи останки теперь выставили на всеобщее обозрение и порицание, — Григории Александровиче Потемкине. Он мог много рассказать о том, что было и чего не было. Долгие годы архивариус изучал удивительные документы, читал служебную, личную, а порой даже интимную переписку Потемкина, внимательно выслушивал рассказы его потомков о семейных преданиях, кропотливо собирал все легендарные известия о любимом историческом персонаже. Теперь же, когда национального героя, государственного деятеля и полководца обрекли на десятилетия позора и порицания, старый хранитель понял, что труд всей его жизни — подлинную историю сиятельного князя — смогут оценить только далекие потомки.

Прошло почти сто лет с тех тревожных дней в судьбе России. Забылись войны и потрясения начала XX в., появились новые герои и антигерои. Сегодня Россия готова узнать и признать имена и деяния императоров и императриц, их верных и могущественных вельмож, вершивших судьбы государства, трудившихся на благо процветания империи. Пришла пора достать с полки старинную рукопись таврического архивариуса, смахнуть с нее пыль веков и восстановить историческую справедливость — представить вам ту самую, подлинную, непридуманную историю дворянского юноши из небогатой семьи, достигшего величайших вершин при дворе Семирамиды Севера, венценосной Екатерины II. Итак, перед вами жизнь истинного героя эпохи Екатерины Великой.

Глава 1. ИСТОКИ

Уходила в прошлое бурная эпоха Петра Великого. Россия полностью изменила свой облик, превратившись в мировую державу с мощной боеспособной армией и флотом, европейским законодательством и государственным аппаратом. Россия стала великой империей.

По разбитой распутицей дороге осенью далекого 1724-го, а быть может, и весной 1725 г. (разве теперь упомнишь) в Низовой корпус под Астрахань возвращался из отпуска небогатый смоленский дворянин капитан Александр Васильевич Потемкин. Путь его лежал по Киевской дороге от тульского имения родной сестры Марьи Васильевны села Маншино на южные окраины Российской империи. Начал военную службу Александр Васильевич еще при Петре Великом, в 1703 г., солдатом; с 1708 г. — прапорщик в Устюжском пехотном полку. В этом звании он сражался и в знаменитой Полтавской битве 1709 г. В 1712 г. А.В. Потемкин был переведен в Первый гренадерский полк капитаном, участвовал в войне с Турцией; в Финляндии был тяжело ранен в левый бок, а в 1722 г. определен в Ростовский драгунский полк и в этом чине выполнял важное государственное задание — проводил первую перепись населения в Казанской и Астраханской губерниях.

«Да, — размышлял 50-летний Потемкин, поглядывая из кибитки по сторонам, — многое я повидал, вышел живым из стольких сражений, когда вражеские ядра проносились рядом, сражая наповал друзей. Стоял в боях рядом с величайшим императором Петром Алексеевичем, храбрым и великолепным Александром Даниловичем Меншиковым. Да, были времена. Не то что сейчас. Царь Петр умирает, спокойствие и забвение вскоре сменят грандиозные преобразования его правления, Россия погрузится в тишину. Да, в моей жизни не все ладно. Столько лет уже прожито, а наследника все нет».

Ямщик обратил внимание Александра Васильевича на огни приближающегося селения. Это была деревенька Журавино, вотчина семьи Скуратовых. Кибитку с заезжим незнакомцем встретила семья помещиков — хозяин имения Алексей Иванович Скуратов, брат Дмитрий, бабушка Мария Федоровна да вдовая мачеха Дарья Васильевна Скуратова, дочь стольника Василия Ивановича Кафтырева, чиновника Монастырского приказа. Радушный прием обрадовал капитана, но особое впечатление на него произвела двадцатилетняя вдова, супружество которой, как оказалось, длилось всего два года. К тому же у нее было неплохое по тем временам приданое. Отец определил младшую свою дочь Дарью, по неимению сына, наследницей всего своего недвижимого имущества, о чем имелась и соответствующая запись в книге челобитных Вотчинной коллегии за сентябрь 1723 г. В челобитной В.И. Кафтырев перечислил все свои поместья: «В Костромском уезде в Осецком стану усадьба Балакирева, да в Сущеве и во Гидомском станех половина усадьбы Барщевой а Ям тож, да в Галицком уезде в Корежской волости половина села Прокунина з жеребьем. А те ево вышеозначенные усадьбы и половина села с деревнями, и с пустошми, и со всеми угодьи, что к тем усадьбам и к тому селу надлежит, и со крестьяны и з деловыми людьми».

Романтическое знакомство Александра Васильевича и ответившей взаимностью на его ухаживания Дарьи Васильевны шло к свадьбе, но, чтобы идти под венец, капитану-кавалеристу требовалось развестись со своей первой супругой — Мариной Ивановной Потемкиной. Он сумел уговорить жену постричься в монахини, после чего союз родителей будущего светлейшего князя получил свое законное оформление.

В первые годы брака молодая жена радовала Александра Васильевича лишь девочками, и только четырнадцать лет спустя, 13 сентября 1739 г., в их семье родился долгожданный мальчик, наследник доблестей отца и всего рода Потемкиных. Это знаменательное событие произошло по обычаям давних времен в бане, которая впоследствии была превращена потомками в каменную беседку. Ему было суждено прославить свою фамилию, повлиять не только на судьбу России, но и войти в мировую историю под славным именем Григория Александровича Потемкина, князя Таврического.

В 1728 г. в связи с тяжелейшими ранениями, которые засвидетельствовали в Медицинской коллегии, А.В. Потемкин был отставлен от военной службы с чином майора и назначен воеводою в Алатырскую провинцию. Всего один год потом, с 1738 по 1739 г., прослужил он в Конторе конфискаций. Желая навсегда покинуть военную службу из-за мучивших его ран, Потемкин явился в Военную коллегию на освидетельствование. Снимая мундир, он среди членов комиссии узнал унтер-офицера, когда-то служившего у него в роте, в бытность его в капитанском чине. Обладавший своенравным характером Александр Васильевич вспылил: «Как? И он будет меня свидетельствовать! Я сего не перенесу и останусь еще в службе, сколь ни тяжки мои раны». И после того пробыл на службе еще два года.

В 1742 г. в документах Герольдмейстерской канцелярии, ведавшей учетом дворян и порядком прохождения ими службы, появилась запись о рассмотрении в Сенате прошения А.В. Потемкина об отставке, которое и было удовлетворено. Он оставил службу с повышением чина, получив звание подполковника, согласно указу царствовавшей в те времена Елизаветы Петровны, дочери Петра Великого. Отдав царю и Отечеству свои силы, молодость и здоровье, Александр Васильевич был отпущен из Москвы в свое имение с пашпортом, в нем говорилось, что «в нынешнем 1742 году октября 13 дня по Ея императорского величества указу, по смотру и по приговору правительствующего Сената маэор Александр Васильев сын Потемкин за старостию, дряхлостию и за раны от всех дел отставлен вовсе, а за службы ево дан ему ранг подполковничей...». Теперь уже никто — ни губернаторы, ни вице-губернаторы, ни воеводы — не имел права «определять к делам» отставного подполковника. Семья Потемкиных поселилась в родовом имении на Смоленщине — селе Чижеве Духовщинского уезда. Оно насчитывало около 20 дворов, где проживало примерно 200 крестьян. Располагалось село по обе стороны речки Чижевки, в нем была деревянная церковь во имя Покрова Пресвятые Богородицы при речке Славицы, построенная в 1703 г. А.В. Потемкиным вместе с неким «Смоленской шляхты ротмистром» Иваном Осиповичем Шельвичем. Храм был небольшой, с деревянной оградой, без колокольни, ее заменял отдельно стоящий навес на столбах, где помещались

колокола. Именно в этой церкви был крещен младенец Григорий Потемкин, как, впрочем, и его сестры.

Чижево было скромной усадьбой без особых затей, но зато приспособленной для удобного и спокойного житья. Господский дом изрядной архитектуры возводил, возможно, малоизвестный или даже крепостной архитектор по указаниям самого барина. План дома был согласован с потребностями широкого домашнего быта, и забота об уюте пересиливала стремление к великолепию. И все строилось прочно, удобно и надолго. С высокого балкона помещичьего дома распахивалась великолепная панорама на заречные луга, поля, перелески. Дом был сооружен из очень толстых дубовых брусьев, с первым каменным этажом, где располагались кладовые. Были предусмотрены все необходимые в дворянских деревенских домах комнаты: лакейская, зала, гостиная, спальня, уборная (там одевались хозяева), столовая, детская, девичья и кабинет, сверх того было место для буфета, просторной кладовой и сеней. В деревенской глуши всегда были рады гостям, для них предназначалось несколько всегда чисто прибранных комнат. Стены и потолки в парадных комнатах были затянуты холстом и расписаны красками домашними художниками, на окнах висели шторы из парусины или ситца, мебель обита черной кожей с золотыми гвоздиками.

Помещичьи крестьяне Потемкиных состояли на изделье, т.е. платили за аренду земли долей урожая, занимались хлебопашеством, пчеловодством, рыбной ловлей, а женщины сверх полевой работы упражнялись в рукоделье, пряли лен, шерсть, посконь и ткали холсты и сукна не только для своего употребления, но и на продажу. Не все благополучно было в небольшом владении Потемкиных, о чем свидетельствует запись в делах Московской конторы Сената о розыске беглых крестьян по челобитью четы Потемкиных.

Обычный день в дворянском доме летом распределялся так: обитатели усадьбы вставали рано, часов в семь, в восемь раскладывались в гостиной ломберные столики, облитые чернилами и изрезанные перочинными ножами, на них выкладывались тетради, книги — и начиналось время занятий арифметикой, грамматикой, французским, историей под предводительством матери или сельского дьячка. По традиции, все жившие в усадь-

бе вместе собирались только к завтраку и обеду. Обедали, как правило, часа в два, затем подавали десерт и фрукты, а потом наступало затишье: одни ложились вздремнуть на кушетку, другие шли читать или отправлялись всей семьей в сад. После чая дети с прислугой снаряжались в дальний путь, отправлялись в лес за грибами и ягодами. Мать семейства шла на кухню, где надо было присмотреть не только за приготовлением ужина, но и за заготовкой запасов на зиму: варили варенье, солили и мариновали огурцы, квасили капусту, коптили мясо.

Помещик же в это время принимал старосту с отчетом о полевых работах, делал распоряжения на следующий день. Для разнообразия в течение дня предпринимались объезды полей, катанья на лошадях, а то сзывали в столовую или к крыльцу дворовых запевал, плясунов и веселились их нехитрым представлением. Когда солнце садилось за ветхими крышами, на горе подымалась пыль столбом, и раздавалось мычание коров, возвращавшихся на ночлег. Вечер для детей проходил быстро среди игр и рассказов нянюшки, то страшных, то веселых. В воскресенье и в церковные праздники вся семья с детьми отправлялась в церковь, а потом наносили визиты соседям. Зимой, когда выпадал снег, к детским забавам добавлялись катание с гор, строительство снежных крепостей, игра в снежки, святочные затеи и другие прелести русской долгой зимы.

По семейным преданиям, Александр Васильевич Потемкин отличался тяжелым характером, а следствием неравенства лет стала необузданная ревность. Сумасбродные подозрения довели его даже до желания опровергнуть брачный союз, от которого было пять дочерей и сын Григорий. Защитником Дарьи Васильевны стал двоюродный брат Потемкина — Григорий Матвеевич Козловский, президент Камер-коллегии. Однако смоленские помещики-соседи Глинки совсем по-другому рассказывали об удивительной семье светлейшего князя. Они вспоминали, что отца Григория Александровича любили и ценили во всем околотке за доброе сердце, за радушную ласку и за патриархальное гостеприимство; и для богатого, и для бедного соседа, у него для всех равно отворялись и двери его дома, и сердце. Мать же князя Таврического для родных и знакомых была законодательницей и в хозяйстве, и в нарядах домашнего изделия. (Тогда еще моды

парижские были в необозримой дали от сельских приютов Смоленска.) Как бы то ни было, но соседи Дарьи Васильевны ценили ее здравый ум и доброе сердце, советовались с нею во всех своих семейных обстоятельствах. Без нее не улаживалось ни одно сватовство, ни одна свадьба. От нее перешло и к сыну искусство завораживать сердца приветливым взглядом и живым словом.

О детстве Григория Потемкина нам известно из устных преданий. Осенью, после уборки полей, наступала пора любимого тогдашнего дворянского удовольствия — охоты. Хозяева и гости имения травили зайцев, загоняли волков, захватывали живьем лисиц и, связанных, привозили в село. Часто охотники увлекались, и возвращаться домой бывало уже поздно. Тогда раскидывался лагерь и готовился ужин из пойманной дичи. Соседи, вспоминая затейливую шутку маленького Григория, еще долго рассказывали ее в длинные зимние вечера своим детям и внукам в назидание: «Однажды отец его отправился на охоту с родным дядею его. Охотники заполевались и в сумерки возвращались домой. Луна засеребрилась над лесом. Издали неслись звуки рогов, хлопанья арапниками и песни заливные, верные вестники веселого полевого разгула. Наш молодец, затеяв потешить юную удаль свою, принарядился в медвежью кожу в полном ее виде и притаился под лесом в кустах. На беду дяде довелось ехать прямо мимо этой медвежьей засады. Озорник выскочил, протяжно заревел, испуганный конь шарахнулся, и дядя во весь свой рост ринулся на землю. Крепко журили проказника, а он отвечал: волка бояться, так и в лес не ходить».

В 1746 г. отец Григория Потемкина умер, и воспитание он получил под руководством матери, хотя некоторые свидетельствуют, что уже в пятилетнем возрасте мальчика забрал в свою семью Г.М. Козловский. Обучать детей грамоте было принято лет с шести, обычно этим занимался кто-нибудь из церковного клира, а иногда и сами родители. В селе Чижево образование Потемкина и его сестер было поручено сельскому дьячку Семену Карцеву, начавшему свою службу в 1742 г. Он учил смышленого и любознательного дворянского мальчика славянской грамоте в древнерусских традициях буквослагательным методом. Освоив азбуку, ученик перешел к Часослову и Псалтири; на всю жизнь Григорий приобрел любовь к церковным книгам и твердое знание Святцев и правил церковной жизни.

В 1806 г. известный писатель Сергей Николаевич Глинка, владелец соседних сел Закупы и Сутоки Духовщинского уезда, интересующийся истоками жизни могущественного вельможи блистательного екатерининского века, посетил родовое гнездо Потемкиных. Он увидел: все осталось неизменным, церковь выглядела неприкосновенной. Дом «просто дворянский», как замечает Глинка, также уцелел и свидетельствовал посетителю, что великий Потемкин, которому по плечу было превратить родное жилище в великолепный готический замок, оставил все по-прежнему. Правитель дома на вопрос путешественника: «Не осталось ли каких-нибудь книг от князя Григория Александровича?» — показал шкаф с духовными книгами, принадлежавшими еще князю и сохранившими на своих страницах восторженные замечания юного Григория. Вот книга Златоуста «О священстве». На завернутой странице Глинка читает слова автора: «Если хочешь всех военачальников исчислить от самой глубокой древности, ты увидишь, что их трофеи были большею частию следствием военной хитрости, и побеждавшие посредством оной заслужили более славы, нежели те, кои поражали открытою силою; ибо сии последние одерживают верх с великою тратою людей, так что никакой выгоды не остается от победы». Тут же на полях этой речи пометка юного Потемкина: «Правда! Сущая правда! Нельзя ничего сказать справедливие». Сколько раз современники и потомки будут обвинять Потемкина-военачальника в трусости и лености, не замечая его стараний сберечь людей и военной хитрости. На следующей загнутой странице против строк «Изобилие денег не то что благоразумие души, деньги истрачиваются» на полях запись: «это сущая правда: и я целую сии золотые слова». В селе Татеве, куда Потемкин в молодости приезжал к родным гостить, бабушки рассказывали внучатам старинное предание, будто часто утром дворня находила Григория спящим в библиотеке на стоявшем там бильярде: юноша просиживал за книгами целые ночи.

Как сын мелкопоместного шляхтича, Гриша вел простой образ жизни, играл на поповке с детьми духовенства и с ними же находил развлечение в разных сельскохозяйственных работах детского возраста — пас лошадей, собирал сено, был поводырем у телег с навозом, лихо скакал на неоседланной лошади. Своему

учителю Семену Карцеву, охотно позволявшему ему все эти нехитрые удовольствия, он часто говаривал: «Когда я вырасту и буду богат, дам тебе самое хорошее место».

Спустя много лет, когда слава о положении Потемкина при дворе дошла и до Чижева, дьячок Семен Карцев, уволенный по старости в отставку, вспомнил про своего ученика и отправился навестить его в столицу. По прибытии в столицу, вспоминали его рассказ старожилы, он долго спрашивал на улицах у прохожих, где тут живет Гриша Потемкин. Сначала над стариком смеялись, наконец, какой-то офицер сжалился над ним и указал на Таврический дворец. Явившись туда, дьячок оробел при виде блеска и великолепия дворца. Но, когда вышел к нему в халате непричесанный Потемкин, Семен Карцев забыл про все страхи и, залившись от радости слезами, бросился к нему навстречу со словами: «Гришенька! Голубчик мой, здравствуй!» Потемкин и сам обрадовался, обнял своего первого учителя и воспитателя и сказал: «Ну, брат, утешил ты меня: давно, давно уже ни от кого не слыхал я такого ласкового привета». Стали вспоминать старину, родное Чижево, знакомых мужиков, сверстников детских игр. Важные вельможи так и не добились в этот день приема у светлейшего; он забыл про все дела и, запершись с дьячком в кабинете, переживал заново свое детство, без стеснения раскрывал свою душу и думы перед старым другом и учителем. Напомнил Потемкину Семен Карцев и то, как он, бывало, в детстве приставал к нему, прося разрешения вести в поле буланого с телегой, нагруженной навозом, уверяя, что выполнит важное задание не хуже деревенских ребятишек; как потом возвращался с поля, стоя на телеге, мчась во весь дух и погоняя буланку веревочными вожжами. Этот буланый по привычке все назывался у дьячка жеребенком, хотя ему уже перевалило за 20 лет. И много приятного сердцу вспомнили всесильный вельможа и заштатный дьячок. Наконец Карцев заговорил о цели своего путешествия и об давнишнем обещании своего ученика дать ему место. Потемкин призадумался. «Какое бы тебе дать место? Я, пожалуй, сделал бы тебя сейчас митрополитом, — усмехнулся могучий вельможа, — да ты сам не захочешь, я знаю. Ну, вот что: выбирай себе любую церковь в Петербурге и готовься в протопопы». Дьячок замахал руками. За неделю хождений по столице не нашел

подходящего храма, уж больно все значительные, не похожие на милые маленькие смоленские церквушки. Тогда Потемкин придумал ему такую работу: ежедневно ходить к памятнику Петра на Сенатскую площадь и, осмотрев его, докладывать ему, все ли там обстоит благополучно. Вскоре эта пустая работа надоела дьячку, да и Потемкину наскучила забава. Он отпустил старика в родное Чижево, где Карцев жил до глубокой старости и умер в 1806 г., пережив своего питомца на 15 лет.

Но это все в будущем, а пока малолетнему дворянскому недорослю Григорию Потемкину пришла пора вступить во взрослую жизнь. На протяжении веков основным родом деятельности дворянского сословия была государева служба. Особенный смысл она приобрела в начале XVIII в., когда Петр I объявил: отныне каждый дворянин обязан служить, пройти все азы службы от солдата, как это сделал отец Потемкина, поднимаясь вверх по ступеням иерархической лестницы. Не «порода», а служба должна была отныне стать главным мерилом заслуг каждого. Для придания государственной службе четкой организационной структуры, обеспечивавшей ее подконтрольность верховной власти, Петр I, учитывая опыт других стран, признавал необходимым установить строгую иерархию всех ее должностей, число которых, в связи с расширением функций государственного управления, значительно возросло. Такая иерархия должна была способствовать укреплению дисциплины и субординации, с одной стороны, а с другой — быть стимулом, создающим условия для последовательного продвижения по служебной лестнице каждого государственного служащего в соответствии с его способностями и заслугами. Правовой основой для этого была «Табель о рангах всех чинов воинских, статских и придворных, которые в каком классе чины», введенная в действие 24 января 1722 г. Сама практика службы стала главной школой профессиональной подготовки чиновничества и военных специалистов. Интересы укрепления дворянского государства требовали создания квалифицированных кадров чиновников, способных со знанием дела управлять обширной сетью новых учреждений. В своих дополнениях к проекту «Табели о рангах» Петр I развивал мысль о необходимости получения дворянами знаний, что должно было обеспечить им более быстрое продвижение

по служебной лестнице, высокие чины и ранги. Предложения Петра I содержали новую для своего времени мысль об обязательности обучения дворян наукам для замещения должностей в государственном управлении.

На протяжении всего XVIII в., получившего в литературе звучное имя «золотой век» российского дворянства, правительство вело политику, направленную одновременно на расширение прав и свобод дворянства и на привлечение представителей этого сословия на государственную службу и в учебные заведения. Манифест 1736 г. «О порядке приема в службу шляхетских детей и увольнения от оной» ограничил службу дворян 25 годами. Было разрешено записывать детей в полки и «коллегиальные присутствия» с момента крещения, в полк они являлись 16—17-летними офицерами, служили 10—12 лет, после чего возвращались в свои имения. Однако большинство дворян не переставало стремиться к службе, получение чина становилось идеалом. Чин давал власть и почет, а доходы от службы нередко обеспечивали безбедную жизнь всего семейства.

По установленному порядку впервые на смотр недорослей Григорий Потемкин явился в 11 лет, тогда решено было отпустить его домой для обучения грамоте. Достигнув 15-летнего возраста, он прибыл на второй в своей жизни смотр недорослей в Смоленскую губернскую канцелярию для определения на государеву службу, где дотошные чиновники записали в книгах: «Недоросль Григорей Александров сын Потемкин явился ко 2-му смотру и показал: от роду ему 15 лет, грамоте российской и писать обучен, а ныне обучается арифметики и по французски». В то время он уже владел 430 душами в Костромском, в Смоленском, в Коломенском, в Тульском и в Алексинском уездах Российской империи. Когда Григория спросили, где, в каком полку желает он служить, не раздумывая Потемкин объявил: «Хочу лейб-гвардии в Конный полк в рейтары».

Мальчик должен был рассказать о своих предках, но вспомнил лишь, что отец его Александр Васильев сын Потемкин служил в Ростовском драгунском полку капитаном и отставлен был подполковником, а в прошлом году умер, дед, Василий Силин сын, был стольником, а прадед — из дворян Сила Семенов сын, но «в какой службе служил, того сказать не знает».

Важный для каждого дворянина документ — родословная, которую привез с собой 15-летний Григорий, бережно хранилась в семейном архиве. Перед смертью отец с гордостью показал ее своему единственному наследнику и поведал про далеких предков, войны и сражения, много вспоминал о своей службе, Петре Великом и Полтавской битве. Теперь юноша, приложив копии жалованных грамот, с гордостью подал этот документ писцам, а те слово в слово записали его в книгу родословий Герольдмейстерской конторы. «Род Потемкиных. А поведение того рода из государства Римского и с королевства Неопалитанского ис княжества по древнему нареченного Самницкого и обоих Абрузий и Базиликатцкого от князя самницкого Понциуша Телезина...» — так начиналось древнее свидетельство славы Потемкиных.

Сколько наговоров и сомнений высказывали многие недовольные придворные, интригуя по углам на дворцовых приемах, да и некоторые историки потом по поводу происхождения Г.А. Потемкина, приписывая ему инициативу составления именно такой родословной, в которой среди предков значился известный дипломат XVII в. Петр Иванович Потемкин. По их мнению, только благодаря древности происхождения, а не выдающимся заслугам Григорий Потемкин мог претендовать на высшие государственные посты. Вот, мол, воспользовался высоким положением во время систематического копирования родословных конца XVII в. в Разрядном архиве в 1785—1790 гг., сделал себе знатных предков, приписался к известным людям в потомки, чтобы доказать легитимность своего высокого положения. С усмешкой слушал доносы своих осведомителей светлейший князь: разве стоит доказывать толпе свое право, время рассудит всех.

Долгие годы был неизвестен список родословной, составленной еще в 1754 г., полностью реабилитирующей в глазах потомков Потемкина и подтверждающей его родство с предком-дипломатом. Именно для П.И. Потемкина и его сына Степана в 1687 г. в Палате родословных дел была проверена и получила статус юридического документа родословная Потемкиных, ее, как и приложенные к ней документы, заверили своими подписями П.И. и С.П. Потемкины. Запись канцеляриста Герольдмейстерской конторы в конце родословной росписи подтверждает дату составления родословной, подлинник которой был утрачен с годами.

Родословная Потемкиных имеет сведения, восходящие к польской традиции, когда мелкопоместная шляхта создавала красочные легенды о своем происхождении, чтобы «удревнить» и облагородить своих предков. Эта традиция основывалась на легенде о бегстве римлян в Литву, а чтобы найти более древние корни своего рода, Потемкины обратились к иностранным авторам. По их легенде, которая была обязательной частью любой родословной росписи конца XVII в., Потемкины являлись родственниками братьев Телезиных, живших в I в. до н.э. Один из них, Понциуш Телезин, был князем древнего италийского племени самнитов, обитавшем на Апеннинском полуострове и представлявшем постоянную угрозу римлянам. Потемкины, указав своих предков в латинских книгах, не смогли составить непрерывную поколенную роспись между ними и первыми Потемкиными, выехавшими из Польши в Россию в XV в. Это ставит под сомнение достоверность легенды, хотя она, несомненно, является памятником исторической мысли второй половины XVII в.

Прямой предок Григория Потемкина Сила Семенович значился в списках московских дворян, что засвидетельствовала боярская книга по Москве. В родословной же имеется указание на то, что ему дана жалованная грамота «быть воеводой на Коломне» в 1677—1678 гг. В 1685—1686 гг. Сила Семенович и его сын Василий Силыч значатся стольниками, «написанными из Смоленской шляхты». В 1692 г. в «Списке служащих из смоленской шляхты в Москве» записан Василий Силин, сын Потемкин.

Как свидетельствует комплекс родословных документов, род Потемкиных на протяжении нескольких веков верно и преданно служил на благо России, занимая различные военные и гражданские должности. Сформировавшаяся традиция службы, закрепленная поколениями, нашла свое выражение в Григории Потемкине, причем, надо заметить, что его соратниками в государственных делах в дальнейшем будут и представители другой ветви Потемкиных — братья Михаил и Павел Сергеевичи.

После смерти отца Потемкин вместе с матерью и сестрами Марией, Марфой, Пелагеей, Надеждой, которая умерла в 1757 г. в девичестве, и Дарьей переехал в Москву. Потемкины обосновались в родовом доме на Большой Никитской улице и

стали прихожанами церкви Вознесения за Никитскими воротами. В дальнейшем Потемкин завещал землю под строительство неподалеку другого храма — Большого Вознесения, который был возведен уже после его смерти.

Сохранившиеся в бумагах князя Г.А. Потемкина «Описные книги московских церквей» за конец XVIII в. дают уникальную возможность восстановить внутренний вид убранства церкви Вознесения за Никитскими воротами. В это время храм уже «о пяти каменных же главах, обитых жестью, кресты золоченные, крыты лещедью каменной». На колокольне восемь колоколов, а вокруг церкви с Царицыной улицы «ограда каменная с столбами, Святые ворота и три калитки деревянныя». При церкви числилось 25 приходских домов.

В церкви Вознесения за Никитскими воротами были похоронены сестры князя Г.А. Потемкина: под престолом — Марья Александровна Самойлова, под жертвенником — Пелагея Александровна Высоцкая и девица Надежда Александровна; в самой церкви и на кладбище покоились другие предки и родственники Потемкиных. Сохранилась запись о вкладе Дарьи Васильевны Потемкиной «по детех ее: ризы и стихарь юстриновые белые, в круг воротов, оплечьев и подольников сетка золотая, у стихаря в круг нарукавников сетка ж золотая, кресты и звезды бархатныя черныя, в круг их сетка ж золотая, кресты и звезды бархатныя черныя, в круг их сетка золотая узинькая с городочками». Три вклада в эту церковь сделала и одна из племянниц Потемкина — Варвара Васильевна Энгельгардт (в замужестве Голицына), возможно, на поминовение своих тетушек.

В апреле 1758 г. служитель Д.В. Потемкиной Василий Шибаев подал от ее имени челобитную, в которой говорилось, что «дом госпожи моей имеетца в шестой команде в приходе церкви Вознесения Господне, что за Никитскими вороты в Земляном городе, в котором доме госпожа моя ныне желает вновь построить три светлицы с сеньми, да три избы с сеньми ж, баню с предбанником и конюшню...». Вероятно, такое благоустройство усадьбы было связано с переездом всей семьи со Смоленщины в Москву.

К челобитной был приложен план части Большой Никитской улицы в Земляном городе, на нем располагался двор Потемкиных, составленный архитектором Василием Коневым. Двор

Потемкиных находился в непосредственной близости от церкви, и на плане, кроме усадьбы и предполагаемых построек, были отмечены дома викарного священника, дворы причетников, богадельня, церковное кладбище. 10 апреля 1758 г. состоялся приказ Московской полицмейстерской канцелярии о разрешении Д.В. Потемкиной производить строение на своем дворе под присмотром майора Яковлева «регулярно, а при том накрепко смотреть, чтоб улица была в указную меру...».

Уже в годы фавора сына, в 1774 г., Дарья Васильевна Потемкина приобрела у князя С.В. Гагарина «двор с хоромами» рядом со своей усадьбой на Большой Никитской. В это время она сообщала в одном из писем к сыну о том, что старый дом уже пришел в плачевное состояние:

«Друг мой, Григорий Александрович! Вот как правдив Александр Артемович в своем обещании, пожаловал, ко мне приехал, а пробыл у меня три дни. А к тебе на твое письмо отвечала чрез Пастухова, получил ли ты? А яз на малое время одна побывала в Москве. Двор совсем таперь расстроился, все переломано как бы ни на есть. Сделай нужное для приезду, когда можно починить и больше не пробыть с проездом дней десять. Как приедут к нам, то немедленно буду писать и пришлю реестр всему куда велишь. А не надобно ли людей? Прости мой друг, Господь с тобой. Мать твоя Дарья Потемкина». Здесь же она приложила письмо соседа Александра Артемьевича Загряжского с очередной просьбой к могущественному вельможе. Но Григорий, вчитываясь в послание матери, думами участвовал в придворной жизни и не внял ее просьбам.

Только после смерти Дарьи Васильевны, в июле 1782 г., Потемкин занялся устройством усадьбы на Никитской. По его поручению генерал-адъютант И.И. Шиц подал челобитную в Каменный приказ об «исправлении починкою» и перекрытии тесом дома. Ему был выдан «билет» с разрешением покрыть дом тесом «не выше третьей части широты строения, а, кроме того, другова ничего не строить...». На плане, составленном по челобитной, изображен большой отрезок Никитской улицы в Белом и Земляном городе с обозначением церкви Вознесения за Никитскими воротами и расположенной рядом усадьбой Потемкина.

Потемкин проектировал перестроить церковь Вознесения за Никитскими воротами и превратить ее в собор Преображенского полка, подполковником которого он являлся; полковой двор находился поблизости. Для этого он вместе с Московским митрополитом Платоном и знаменитым архитектором полковником Василием Баженовым ездил подробно осматривать как церковь, так и местоположение «с произвождением при той церкви звона, чего ради великое стечение было народа; но, по разрытии фундамента, оказалась неспособна к прочности».

Еще 28 марта 1781 г. Потемкин писал к митрополиту Платону о своих замыслах, рекомендуя «ревностного Вознесения священника Антипа Матвеева, который такового храма, где я от младенчества моего познал Сотворшаго, доведен Всевышнего Промыслом на самый сей пост, за что должность требует посвятить мое к нему усердие: вместо нынешнего воздвигнуть храм новый, великолепный, служащий монументом имени моему». Для исполнения своего величественного замысла Г.А. Потемкин пожертвовал родовой двор, где для этого уже было заготовлено много кирпича и щебня. Строительство храма было осуществлено только наследниками князя, особенно заботился об этом племянник светлейшего князя, сын Прасковьи Александровны Потемкиной, в замужестве Высоцкой — генерал-майор Н.П. Высоцкий. В 1798 г. проектирование храма было поручено знаменитому архитектору М.Ф. Казакову, тогда же начали возводить и трапезную с двумя приделами, ее строительство завершилось в 1816 г. Именно в период постройки новой церкви для того, чтобы отличить ее от старой и от храма Вознесения в Белом городе («Малого»), который уже не был отделен стеной, и возникло название «Большое» Вознесение. В 1827 г. архитектор Ф.М. Шестаков начал переделывать и достраивать церковь, сильно обгоревшую в 1812 г. В 1830 г. архитектор О.И. Бове изменил проект Шестакова, чтобы сделать здание более величественным, «на манер Санктпетербургской Преображенской» (церковь Преображенского полка в Петербурге). Освящение храма Большого Вознесения состоялось 19 сентября 1848 г., причем алтарь новой церкви оказался на том самом месте, где стоял дом Потемкиных. Колокольня так и не была устроена, поэтому, когда в 1831 г. старая церковь Вознесения за Никитскими во-

ротами была разобрана, ее шатровую колокольню сохранили, и она просуществовала еще сто лет.

В левом иконостасе были установлены иконы святых, тезоименитых Григорию Алексеевичу Потемкину и настоятелю храма Антипу Матвееву. Здесь же, по преданию, хранились и венцы от бракосочетания князя с Екатериной II, или, по другим свидетельствам, венчальные венцы с изображением св. Григория и великомученицы Екатерины, сделанные в память их тайного венчания. Возможно, именно их держали над А.С. Пушкиным и Н.Н. Гончаровой во время их венчания 18 февраля 1831 г. в западном приделе новой, еще недостроенной церкви Большого Вознесения, прихожанами которой была семья Гончаровых.

В воспитании Григория Потемкина Дарье Васильевне помогали родственники: крестный отец юноши Григорий Матвеевич Козловский, генерал-поручик Александр Артемьевич Загряжский, барон Строганов, к которому по приказанию матери Григорий хаживал на поклон в праздничные дни. Характер Потемкина-юноши, по воспоминаниям современников, представлял странную смесь любознательности и легкомыслия, склонности к ученым трудам и особенной набожности. Он любил общаться с лицами духовного звания: посещал иеродиакона Греческого монастыря Дорофея и прилежно занимался с ним греческим языком, часто беседовал о Священном Писании и духовных обрядах со священником приходской церкви Николая Чудотворца, прислуживал ему в алтаре, раздувал кадило и вынашивал свечи перед Евангелием и Святыми дарами. Недаром, как исторический анекдот, передают его фразы, которые он часто повторял товарищам: «Хочу непременно быть архиереем или министром» или «Так, так начну военной службой; а не так, то стану командовать попами».

Если в допетровской Руси обучение детей обычно оканчивалось на этапе овладения чтением и письмом, то новое время требовало для дворянства и новых знаний: иностранных языков и математических навыков. Григорий Потемкин продолжил свое обучение в частном пансионе И.Ф. Литкена в Немецкой слободе Москвы.

Глава 2. ВРАТА НАУК

«Всякое добро происходит от просвещенного разума, а напротив того зло искореняется» — провозглашал указ императрицы Елизаветы Петровны от 12 января 1755 г. об учреждении Московского университета и двух гимназий при нем. Монархиня обещала свое особенное покровительство университету и выгоды по службе его достойным питомцам. 26 апреля 1755 г., на другой день после празднования дня коронации императрицы Елизаветы Петровны, в доме бывшей аптеки у Куретных или Воскресенских ворот состоялось торжественное открытие университета, первого и на многие века главного на бескрайних просторах Российской империи. В восьмом часу утра в преображенном доме собрались учителя с учениками, родители студентов, знатные особы, иностранцы, именитое купечество. Первые молитвы Богу принесены были наставниками университетскими и их воспитанниками перед началом учения в рядом стоящей церкви Казанской Богоматери. Вместе с матушкой Дарьей Васильевной, крестным Григорием Матвеевичем Козловским и его сыном Сергеем в университетской зале находился юный Григорий Потемкин. Среди первых воспитанников он узнавал своих приятелей по пансиону Литкена, да и сам учитель прохаживался между преподавателей. Очень внимательно, с нескрываемым интересом вслушивался Григорий в речь магистра А.А. Барсова о пользе учреждения Московского университета. Особо среди наук, столь необходимых умственному и нравственному развитию юношества, оратор выделил философию: «Она приобучает разум к твердому познанию истины, чтоб оный напоследок знать мог, в чем наше истинное благополучие заключается, рассматривает силы и свойства наших душ, и из того определяет наши должности в рассуждении Творца нашего, в рассуждении населяющих с нами землю человеков, в рассуждении высших, низших, равных, своих, чужих, кровных, знаемых, приятелей и неприятелей». «Да, да, — жадно внимал словам магистра Григорий, — я хочу знать многое, я хочу быть нужным своему Отечеству! Именно в университете я смогу получить приготовление к службе государственной». После Барсова говорили речи: латинскую — магистр Поповский, французскую — учитель Лабом, немецкую — учитель Литкен,

но погруженный в свои размышления юноша слушал их не столь внимательно.

Веселость возраста взяла свое — когда кончились торжественные речи, великолепная иллюминация привлекла внимание Григория. Она изображала Парнас, где Минерва ставит обелиск во славу императрицы Елизаветы. У подошвы обелиска многие младенцы упражняются в науках. Один из них пишет незабвенное имя ближайшего друга ее, основателя и первого куратора Московского университета — Ивана Ивановича Шувалова. Рог изобилия и источник вод тут же как символы будущих плодов учения. Ученик с книгой всходит по ступеням к Минерве, которая принимает его с любовью. С пальмового дерева младенец ломает ветви и держит в руке венцы и медали: награды всегда готовы для достойных. Все университетские покои и башня до самого верха оказались освещены и внутри и снаружи. Зрелище грандиозное. Музыка инструментальная, трубы, литавры слышны были целый день, «как звук радостного и всем любезного торжества». Гостей ждало богатое угощенье. Внутри покоев галерея с портиками была убрана грудами конфет. Между столбов располагались фигуры младенцев с разными математическими инструментами, книгами, географическими картами и глобусами в руках, посреди галереи — настоящий фонтан, на фронтонах ее сияли имя и герб Ивана Шувалова. Целый день и почти всю ночь до четырех утра несчетное количество народа теснилось около университета. Так праздновала вся Москва вместе с торжеством коронации Елизаветы Петровны и рождение своего университета.

Мысль об учебе в Московском университете не оставляла Потемкина, и уже 30 мая 1755 г. с дозволением не являться в Конный полк он стал студентом. Любопытную картину представлял собой Московский университет в первые годы своего существования. Сюда отдавали детей в первую очередь малоимущие дворяне, затруднявшиеся дать им хорошее домашнее образование. Родители видели в гимназиях при университете отличное решение проблемы поисков толковых учителей.

Вскоре после открытия университета его директор коллежский советник Алексей Михайлович Аргамаков получил подробную инструкцию от Шувалова о порядке организации учебного процесса, согласно которой в дворянской гимназии, куда посту-

пил Потемкин, 50 человек должны были содержаться на жалованье Ее императорского величества, остальные же «на своем коште»; всякий, «кто желает детей своих или порученных себе под опеку отдать для обучения, должен оных представить в университетской директории при доношении, в котором объявить ученика, его звание, лета и чему он прежде учился». Шувалов отмечал, что при обучении гимназистов особо следует наблюдать, чтобы «разными понятиями не отягощать и не приводить их память в замешательство, а всякова по склонности во всякой науке стараться прилежно обучать, разве кто особливое понятие и склонность ко многим разным учения окажет», определенных на жалованье «школьников» стараться скорее научить латыни, «чтобы можно было чрез непродолжительное время сделать их способными к слушанию профессорских лекций, и начинать с Божиею помощию университет, которой единственно за неимением знающих латинской язык ныне начаться не может».

Согласно уставу университет был разделен на три факультета: юридический, медицинский и философский, в них предполагалось десять профессоров. На юридическом изучали юриспруденцию всеобщую, российскую и политику; на медицинском — химию с применением аптекарской, т.е. натуральной, истории, анатомию; на философском, привлекшем, наверное, особое внимание Потемкина, — философию, логику, метафизику и нравоучение, физику экспериментальную и теоретическую, красноречие (оратории и стихотворство), историю всеобщую и русскую с вспомогательными науками — древностями и геральдикой.

В дворянской гимназии одновременно с Потемкиным на студенческой скамье сидели многие будущие знаменитые деятели государства, науки и культуры второй половины XVIII в.: просветитель и издатель Н.Н. Новиков, писатель Денис Фонвизин и его брат Павел, дипломат Я.И. Булгаков, С.Г. Домашнев, архитекторы В.И. Баженов и И.Е. Старов, профессор М.И. Афонин, поэты В.Г. Рубан и Е.И. Костров и многие другие. Их преподавателями были известные профессора Антон Алексеевич Барсов и Николай Никитич Поповский, которые уделяли большое внимание воспитанию своих подопечных и поощряли их первые литературные опыты. О начальных годах Московского университета

красочно рассказал в своем автобиографическом произведении «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях» писатель Денис Иванович Фонвизин, автор известного «Недоросля». Надо заметить, что в высказываниях он не стеснялся и писал весьма нелицеприятно о студенческой жизни:

«Остается мне теперь сказать об образе нашего университетского учения; но самая справедливость велит мне предварительно признаться, что нынешний университет уже не тот, какой при мне был. Учители и ученики совсем ныне других свойств, и сколько тогдашнее положение сего училища подвергалось осуждению, столь нынешнее похвалы заслуживает. Я скажу в пример бывший наш экзамен в нижнем латинском классе. Накануне экзамена делалося приготовление; вот в чем оно состояло: учитель наш пришел в кафтане, на коем было пять пуговиц, а на камзоле четыре; удивленный сею странностию, спросил я учителя о причине. "Пуговицы мои вам кажутся смешны, — говорил он, — но они суть стражи вашей и моей чести: ибо на кафтане значут пять склонений, а на камзоле — четыре спряжения; итак, — продолжал он, ударя по столу рукою, — извольте слушать все, что говорить стану. Когда станут спрашивать о ком-нибудь имени, какого склонения, тогда примечайте, за которую пуговицу я возмусь; если за вторую, то смело отвечайте: второго склонения. С спряжениями поступайте, смотря на мои камзольныя, и никогда ошибки не сделаете". Вот каков был экзамен наш! В бытность мою в университете учились мы весьма беспорядочно. Ибо, с одной стороны, причиною тому была ребяческая леность, а с другой, нерадение и пьянство учителей».

При всем скепсисе в оценке университетских будней Фонвизин нашел слова искренней благодарности альма-матер за развитие его творческих способностей, пробуждение пера и слова. Студенты занимались арифметикой, латынью, немецким языком, словесными науками. Особое внимание уделялось изучению иностранных языков как основы для получения дальнейших знаний и благополучного прохождения ступеней государственной службы. «Как бы то ни было, — писал удачливый сочинитель, — я должен с благодарностью воспоминать университет. Ибо в нем, обучась по латыни, положил основание некоторым моим знаниям. В нем научился я довольно латинскому языку, а паче всего в

нем получил я вкус к словесным наукам». Каждый студент смог проникнуть в глубь неизведанного, узнать новые книги, выучить языки — врата науки, осознать свои пристрастия, способности и предназначение.

Для московских жителей стали привычными встречи на улицах со студентами, одетыми в мундиры зеленого цвета с красным воротом и обшлагами, при шпаге. Помещение в доме у Воскресенских ворот скоро оказалось тесным для университета, и в мае 1756 г. для него приобрели еще дом Главной аптеки на Моховой улице в приходе церкви Дионисия Ареопагита. С июля 1756 г. москвичи могли посещать университетскую библиотеку, а в книжной лавке продавались разнообразные книги, русские и иностранные. В стенах университета устраивались публичные лекции с демонстрацией опытов, «любители наук» приглашались на экзамены и диспуты студентов и учеников, среди них был и юный Потемкин. К сожалению, о внутренней учебной жизни Московского университета в первые десятилетия его существования мы знаем слишком мало, чтобы реально оценить достижения Потемкина. Опустошительные московские пожары 1812 г. уничтожили университетский архив, и о студенческих годах нашего героя мы узнаем только из отрывочных и уже ставших легендарными рассказов его университетских приятелей, сложившихся под впечатлением образа могущественного вельможи, светлейшего князя, в которого со временем вырос дворянский юноша Григорий Потемкин.

По свидетельствам современников, именно в студенческие годы появились и первые литературные упражнения Потемкина — сатиры и эпиграммы на преподавателей и университетское начальство. Тяга к чтению, проявившаяся у Григория Потемкина еще в детском возрасте, получила свое дальнейшее развитие. Сохранилось множество преданий о необычайных способностях Потемкина, проявившихся у него уже на студенческой скамье. Любимый его приятель поэт Ермил Иванович Костров рассказывал, как однажды Григорий взял у него десять книг различного содержания и возвратил уже спустя пять дней. «Да ты, брат, — сказал Костров на это, — видно, только пошевелил листы в моих книгах. На почтовых хорошо лететь в дороге; а книги — не почтовая езда». «Ну! — возразил товарищ, — пусть

будет по твоему, что я летел на почтовых, а все-таки я прочитал твои книги от доски до доски. Изволь! Профессорствуй! Вскочи на стул вместо кафедры. Раскрой какую хочешь из книг своих и вопрошай громогласно, без запинки». «И в самом деле, — делился с собеседниками своими впечатлениями Костров, — Григорий Александрович не только читал, но и вчитывался в каждую книжку живою памятью. Он все мне пересказывал, как будто заданный урок». Все отличали особое прилежание, необыкновенную быстроту ума, память и непомерное честолюбие Потемкина.

Однажды один из его товарищей, Михаил Афонин, которого в годы величия Григорий Александрович вызвал к себе на юг для устройства Екатеринославского университета, нарочно для него и на последние деньги купил «Натуральную историю» Бюффона, только вышедшую в свет. Потемкин взял презент и, перебирая один за другим листы, бегло пробежал все знаменитое творение. Товарищ, обиженный таким невниманием, не скрыл своего разочарования от Григория, но как же он был удивлен, когда тот подробно пересказал ему содержание Бюффоновой истории и тем самым доказал, что прочел ее с величайшим вниманием и все удержал в памяти. Тронутый вниманием приятеля, Григорий Алексеевич на долгие годы сохранил ту книгу, и, когда Афонин прибыл к нему в распоряжение на юг, князь первым делом привел его в библиотеку, где среди множества книг указал на дорогой сердцу подарок друга.

Потемкин довольно хорошо учился, любил древних поэтов, овладел греческим и латынью, знал наизусть оды Ломоносова. Наиболее прилежных учеников по уставу Московского университета ждали поощрения: упоминание в рапорте, награждение медалями, книгами, математическими инструментами и др. Среди достойных наград не раз значилось и имя Григория Потемкина. Ровно через год после торжественного открытия Московского университета, 26 апреля 1756 г., преподаватель и студенты праздновали это знаменательное событие. После молитвы в Казанском соборе посетители наполнили университетскую залу, где все начиналось. Теперь Потемкин по праву стоял среди своих друзей-студентов. Профессор Поповский прочитал речь, обращенную к родителям учеников и наполненную осознанием пользы, силы и влияния университета: «Толикое множество

детей вашим тщанием, вашими советами и повелениями толь ревностно и почти ежедневно в сие место стекающихся довольно показывает, коль истинное и высокое мнение, коль великое почтение и любовь к учению имеете. Бесчисленные тысячи нашего потомства, — предрекал профессор, — прежде еще своего рождения сим благодеянием уже обязаны... Дождемся блаженного оного времени, когда из сего премудрою государынею учрежденного места произойдут судии правду от клеветы отделяющие, полководцы на море и на земле спокойство своего Отечества утверждающие; когда процветут здесь мужи, закрытыя натуры таинства открывающие». Сердце Потемкина наполнялось гордостью за себя и товарищей, он чувствовал свое предназначение и мысленно обещал оправдать надежды, возлагавшиеся на них императрицей, государством, преподавателями. На торжестве прилежным студентам и ученикам публично были розданы золотые и серебряные медали, присланные Шуваловым из Петербурга. За свои дарования и успехи в учебе ученик Григорий Потемкин был удостоен золотой медали. Награждаемым было объявлено: «Ея императорское величество всемилостивейшая государыня и самодержица в знак высочайшего своего благоволения жалует вас сими медалями за вашу прилежность».

15 июня 1757 г. с разрешения Шувалова новый директор Московского университета Иван Иванович Мелиссино отправился в Петербург «для исправления некоторых самонужнейших университетских дел». В награду за успехи и прилежание он взял с собой для представления куратору и при дворе лучших студентов и учеников дворянской гимназии, среди которых был и наш герой. 27 июля на куртаге — дне, когда совершался выход при дворе, все эти юноши, заслужившие высочайшего внимания своими успехами, были представлены Шуваловым венценосной покровительнице университета императрице Елизавете Петровне. Государыня жаловала их к руке, а некоторые были удостоены ее беседы. Это летнее воскресенье в Петергофе Елизавета Петровна и Их императорские высочества Петр Федорович и Екатерина Алексеевна начали с обедни, которую слушали в большой церкви. Еще 18 июля в полицию и к церемониальным делам посланы были повестки, а придворным гофмейстерине, статс-дамам, фрейлинам и кавалерам через придворного лакея

объявлено: «Ея императорское величество соизволила высочайше указать, что в Петергофе при дворе Ея императорского величества в приходящее воскресенье, то есть сего июля 20-го числа, быть куртагу, также и впредь по воскресным дням, доколе в Петергофе императрица присутствие иметь изволит». На второй летний куртаг в предместье Петербурга по установленному правилу, пополудни с 7-го часа, начали съезжаться иностранные министры, генералитет, знатное дворянство. Придворные чинно шествовали в большой зал, где в 10 часов в присутствии Елизаветы Петровны и Их императорских высочеств начался куртаг, в продолжение которого играла итальянская инструментальная вокальная музыка. После куртага наверху в галерее был накрыт стол для Их императорских высочеств и приглашены чужестранные послы, посланники, знатные вельможи, а придворные кавалеры и фрейлины ужинали в нижней галерее за маршальским столом.

Денис Фонвизин в тот раз не оказался в числе представленных при дворе, но великолепно описал свои впечатления от другой поездки учеников вместе с Мелиссино в Петербург: «Чрез несколько дней директор представил нас куратору. Сей добродетельный муж, которого заслуг Россия позабыть не должна, принял нас весьма милостиво и, взяв меня за руку, подвел к человеку, которого вид обратил на себя почтительное мое внимание. То был бессмертный Ломоносов! После обеда в тот же день были мы во дворце на куртаге; но государыня не выходила. Признаюсь искренно, что я удивлен был великолепием двора нашей императрицы. Везде сияющее золото, собрание людей в голубых и красных лентах, множество дам прекрасных, наконец, огромная музыка, все сие поражало зрение и слух мой, и дворец казался мне жилищем существа выше смертного». Можно представить, какие чувства охватили Потемкина при виде великолепия двора Елизаветы Петровны, важных сановников и нарядных дам. Он жадно прислушивался к разговорам вельмож о политике, недавнем взятии прусского города Мемеля (его ключи и знамена привез майор Романиус 6 июля), положении российской армии, сношениях с другими государствами; юноша с нескрываемым любопытством разглядывал иностранных дипломатов, важных чиновников, бросал смущенные взгляды на молоденьких фрей-

лин. Возможно, именно здесь, на придворном куртаге, впервые встретились взглядом прилежный ученик Григорий Александрович Потемкин и супруга наследника престола, цесаревна Екатерина Алексеевна, урожденная Софья Фредерика Августа принцесса Анхальт-Цербстская. Меж ними в тот раз не пробежало искры чувства: он был увлечен учебой, она — придворными интригами; история их любви еще впереди. Но не заметить прекрасную принцессу Григорий не мог. Много лет спустя Екатерина вспоминала балы при дворе Елизаветы Петровны и не без удовольствия писала, что «ухищерения кокетства были тогда очень велики при дворе», и она всегда умела выделиться нарядом среди придворных дам. На один из маскарадов Екатерина Алексеевна придумала надеть гродетуровый белый корсаж, выгодно подчеркивающий ее тонкую талию, и такую же юбку на очень маленьких фижмах. «Я велела убрать волосы спереди как можно лучше, — возвращалась в давние времена императрица в своих "Записках", — а назади сделать локоны из волос, которые были у меня очень длинные, очень густые и очень красивые; я велела их завязать белой лентой сзади в виде лисьего хвоста и приколола к ним одну только розу с бутонами и листьями... другую я приколола к корсажу; я надела на шею брыжжи из того же газу...» Едва принцесса появилась на балу, все взоры обратились к ней, вельможи зачарованно провожали ее стройную фигуру взглядами, дамы с завистью разглядывали наряд, а императрица Елизавета Петровна, имевшая хороший вкус, при виде Екатерины воскликнула: «Боже мой, какая простота! Как! Даже ни одной мушки?»

После столь запоминающейся для Потемкина поездки в Московский университет из Петербурга пришло извещение о награждении воспитанников чинами, в том числе и Григория, в «гвардию капралами для лутчего ободрения и поощрения учащемуся юношеству в науках». Однако дальнейшие события трудно объяснимы: в 1760 г. по решению университетской конференции Потемкин был исключен из гимназии «за леность и нехождение в классы», о чем было публично пропечатано в 34-м номере «Московских ведомостей». Следует отметить, что подобная формулировка отчисления мало свидетельствует об истинных способностях учащегося, вместе с Григорием Потемкиным был

исключен и Николай Новиков, ставший спустя годы известным просветителем, писателем и издателем книг в университетской типографии. Некоторые биографы объясняли такое решение университетского начальства тем, что Потемкин вместо участия в регулярных занятиях увлекся самостоятельными работами, чтением книг и другими интересами; другие замечали, что он много времени проводил в беседах с духовенством Заиконоспасского и Греческого монастырей о религиозных предметах. Кто знает, о чем думал Григорий в те дни, но в мыслях он не раз возвращался к приему при дворе императрицы; он грезил о карьере, он жаждал славы, и, возможно, в один прекрасный день Потемкин наконец понял, что слишком долгой будет дорога с университетской скамьи к подножию престола. Чтобы сделать карьеру, добиться власти и славы, чтобы служить Отечеству и быть ему нужным, в те времена следовало искать другой, более верный путь. Так или иначе, но на всю оставшуюся жизнь Потемкин сохранил теплые воспоминания об альма-матер, назначил для преумножения университетского капитала ежегодные доходы с одного из своих имений, дружил и оказывал покровительство бывшим соученикам и преподавателям, привлекал выпускников и студентов к различным работзм. Со временем он стал почетным членом Вольного российского собрания и всегда посещал его торжественные заседания, бывая в Москве. Потемкин, как никто другой, понимал необходимость получения образования для будущих государственных служащих и прилагал в дальнейшем все усилия для того, чтобы на службу Отечеству приходили знающие и подготовленные люди. Спустя много лет, будучи уже на вершине славы, Потемкин встретился с профессором Барсовым, чью речь он так внимательно слушал при открытии университета. «Помните ли, — сказал всесильный вельможа бывшему своему наставнику, — как вы меня выключали из университета?» «Ваша светлость тогда этого заслуживали», — ответил Барсов. Потемкин посетил Московский университет 23 сентября 1775 г. В это время он был в зените фавора у императрицы. Профессора и студенты преподнесли ему специально напечатанные в университетской типографии стихи на греческом, латыни, немецком, французском и итальянском языках. Посвящение гласило:

Безмерна радость муз московских восхищает,
Что славный сей герой их рощи посещает,
Который в храме их ученьем процветал,
Их другом в детстве был и меценатом стал.

Помнишь ли, читатель, как Потемкин не раз повторял товарищам: «Хочу быть непременно или архиереем, или министром»? Теперь он точно знал свое призвание. Первый, кому открылся юноша в своих намерениях, был Крутицкий и Можайский архиепископ Амвросий, его чаще всего посещал Григорий. (Амвросий принял мученическую смерть от неистовой черни в трагические дни «чумного бунта» 1771 г. в Москве.) Получив архипастырское благословение и 500 рублей денег на дорогу, Потемкин отправился покорять столицу.

Глава 3. ПОД РУЖЬЕМ

В XVIII в. гвардия была не только украшением императорского двора, но и серьезной политической силой, которую активно использовали придворные группировки в дворцовых переворотах. Первые гвардейские полки были организованы еще Петром I в подмосковных дворцовых селах Преображенском и Семеновском. Гвардейские полки оставались верной опорой трона при Анне Ивановне, сыграли свою роль в перевороте 1741 г. в пользу Елизаветы Петровны. Принадлежать к гвардии было престижно и одновременно выгодно, если твоя цель — получить офицерский чин, сделать карьеру, реализовать честолюбивые замыслы. Гвардейский Драбантский, или Конный, полк, где числился наш герой, был учрежден императрицей Анной Ивановной в 1730 г. для своей личной охраны. Поочередно с Преображенским и Семеновским полками, Конная гвардия несла караулы при императрице. Всякий раз, когда она выезжала из дворца, несколько самых красивых и видных конногвардейцев составляли ее конвой. Следуя сложившейся традиции, в гвардейские полки набирали только рослых мужчин, и современникам гренадеры, чей рост был 180—192 см, казались сказочными исполинами, так как люди в те времена не отличались высоким ростом.

В ночь с 24 на 25 ноября 1741 г. Россия узнала о вступлении на престол дочери Петра Великого — Елизаветы, милость которой

распространилась на все гвардейские полки. При этой императрице Конный полк получил новое место на малозаселенной окраине Санкт-Петербурга для постройки полковой слободы поблизости от небольшого деревянного дворца, принадлежавшего ей и называвшегося тогда Смольным запасным двором. От него начиналось владение, отведенное конногвардейцам, и шло вверх и вниз по Неве, прямо против Охтенских слобод. Строительство, начавшееся в июне 1741 г., было окончено только к 1757 г. Слобода Конной гвардии, куда прибыл Григорий Потемкин для несения службы, представляла собой прямоугольник. От Литейного двора до Смольного монастыря его прорезала центральная улица, именуемая Большой, к которой примыкали 11 переулков, застроенных 107 рейтарскими избами. Офицерские дома были построены на отдельной улице. В центре слободы располагался каменный дом, в нем находились полковая церковь, госпиталь, канцелярия, караульная и архив, а в нижнем этаже — цейхгауз и арестантская комната. Рядом со слободой были выстроены конюшни, выходившие на небольшой луг.

Со времен Елизаветы Петровны, кроме государственной службы, гвардия должна была способствовать увеличению блеска императорского двора. В обязанности конногвардейцев входили полковые учения, состоявшие в упражнениях с палашами, карабинами и стрельбы из пистолетов, конных и воинских построениях, пешем ученье. Ежедневно в 8 часов утра караульный трубач играл полковой сбор, по которому на полковой двор собирались все назначенные в караул во дворец и в другие места. Дворцовые караулы поражали взгляды жителей Петербурга, когда церемониально шествовали от слободы до дворца с обнаженными палашами. Во время появления императрицы конногвардейский караул становился во фронт и отдавал честь с барабанным боем и музыкой, если же совершался большой выезд, то карету Елизаветы Петровны сопровождала конная команда во главе с офицером. Несение караулов в Летнем и Зимнем дворцах, в Царском Селе, Петергофе и Ораниенбауме было не только парадной функцией гвардии, караул должен был быть «во всякой осторожности» и пропускать только указанных лиц.

Итак, Григорий Потемкин из среды московского студенчества с головой окунулся в столичную жизнь гвардии и в 1761 г.

был произведен в вахмистры. Быть может, он жил вот в той избе, в третьем справа или пятом слева переулке, отходящем от Большой улицы полковой слободы, часами упражнялся в ротных экзерциях, отрабатывая прохождение перед начальствующими лицами, совершенствовал приемы верховой езды в заездах и атаке, отчаянно рубился на палашах, стрелял из пистолетов, осваивал науку воинских построений. Постойте, вон там, среди конногвардейцев, не Григорий ли в унтер-офицерском васильковом кафтане с позументом по бортам, воротнику и обшлагам? Под кафтаном красный камзол с медными пуговицами, треугольная шляпа, обложенная по борту золотым позументом, с черной кокардой, к ней пристегнут белый бант... Но даль времен не всегда позволяет увидеть желаемое. Нам остается только представлять себе эти дни в жизни Григория; он — лишь один из гвардейцев, и история еще не знала, что нужно хранить каждый миг в его жизни, хотя, скорее всего, это были обычные будни военного XVIII в. Вместе с Потемкиным в Конном полку служили представители многих древнейших дворянских фамилий и менее знатное шляхетство. Находясь в полку, Григорий смог не только постичь азы военного дела, но и узнал внутреннюю механику царского двора, возможности и методы достижения поставленных целей с помощью придворных интриг и заговоров. Он жадно прислушивался к пересудам придворных, пытался разобраться в политических пристрастиях придворных партий, обсуждал вместе с другими гвардейцами будущее России и династии Романовых.

Потемкин оказался в Петербурге во времена чрезвычайно важных для империи событий. 25 декабря 1761 г., на Рождество, скончалась императрица Елизавета Петровна. За два дня до этого Потемкин был произведен из каптенармусов в квартирмистры. Эта должность существовала в армиях многих государств (Франции, Пруссии, России и др.). Первоначально квартирмистр занимался расположением войск лагерем или по квартирам, а позднее в его обязанности вошло изучение местности и дорог, организация передвижения войск, вопросы разведки и изучение театра военных действий. В повседневной жизни квартирмистр занимался составлением ведомостей о чинах для раздачи жалованья и распределял его по ротам, в его ведении также находи-

лась вся амуниция для офицеров, унтер-офицеров и рядовых. Получив назначение, Потемкин еще не знал, что для него начинается новый этап жизни — дорога к высоким государственным постам.

После смерти Елизаветы Петровны на российский престол вступил Петр III — внук Петра Великого и одновременно внучатый племянник его противника в Северной войне шведского короля Карла XII. Общество, как уже бывало не раз, было полно ожиданиями, в новом монархе современники искали величественные черты предков, но видели только его попытки быть похожим. «Он подражает обоим в простоте своих вкусов и в одежде, — замечал французский дипломат Фавье, — вид у него вполне военного человека. Он постоянно затянут в мундир такого узкого и короткого покроя, который следует прусской моде еще в преувеличенном виде... От Петра Великого он главным образом наследовал страсть к горячительным напиткам и в высшей степени безразборчивую фамильярность в обращении». Воспитатель будущего императора, академик Штеллин замечал в голштинском принце Карле Петре Ульрихе, после крещения получившем имя Петр Федорович и титул великого князя, удивительную противоречивость характера: он мечтал о полководческой славе, но при этом отличался удивительной для его возраста робостью. В один из дней академик отметил странное поведение ученика в своих записках: «Боялся грозы. На словах нисколько не страшился смерти, но на деле боялся всякой опасности. Часто хвалился, что он ни в каком сражении не останется позади...»

Сразу после вступления на престол Петр III поторопился заключить мир с противником России в продолжавшейся тогда Семилетней войне — прусским королем Фридрихом II, своим кумиром, нарушив тем самым союзные обязательства перед Австрией и Францией, и тут же начал приготовления к новой войне, на сей раз против Дании, во имя своей родной Голштинии. Короткая эпоха Петра III открылась в блеске неожиданного для всех истинного величия. В январе 1762 г. английский посол Роберт Кейт с восхищением замечал: «Всевозможные дела исполняются гораздо скорее, чем раньше. Император сам занимается всем, и по большинству дел он сам дает нужные приказания, однако

всегда спрося мнение начальников ведомств, откуда они выходят, или сообразно с просьбами простых частных людей».

Успехи начального этапа правления Петра III не были случайны: рядом с ним находились талантливые люди, а сам он имел некоторые задатки государственного деятеля. Без личного участия императора не обходилось ни одно государственное дело; он трудился со всей горячностью и самоотдачей творческой натуры — принимал доклады президентов коллегий и высших чинов государства, посещал заседания Сената, Синода, коллегий и других государственных учреждений, осматривал различные фабрики, отдавал распоряжения. Основное законодательство Петра III и главные решения его царствования связаны с именем личного секретаря императора Дмитрия Васильевича Волкова. Он имел незаурядный ум, прекрасно говорил, а еще лучше писал. Составленные им императорские указы, протоколы учреждений и другие официальные бумаги отличаются виртуозностью слога, а его письма обладали определенными художественными достоинствами. Влияние Волкова на императора было огромно и со временем продолжало возрастать, а к концу шестимесячного правления Петра III он стал вторым человеком в системе государственного управления после императора.

К числу замечательных дел Петра III следует отнести указ от 16 февраля 1762 г. о ликвидации Канцелярии тайных розыскных дел — главного органа политического сыска; одновременно было уничтожено и выражение, наводившее долгие годы ужас на любого человека, начиная с крепостного крестьянина и до самого знатного вельможи, — «слово и дело». Но главным законодательным актом Петра III стал манифест 18 февраля 1762 г. «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству», коренным образом изменивший принципы государственной службы и освободивший все дворянское сословие от обязательных и порой тягостных трудов. Еще 17 января император на заседании Сената объявил: «Дворянам службу продолжать по своей воле, сколько и где пожелают». Сенат решил сделать золотую статую Петра III в знак великой благодарности ныне свободного от государевой службы дворянства, но император отказался от подобной чести со словами: «Употребите это золото на лучшее дело. Если вы сохраните в своих сердцах благодарное

воспоминание о моем царствовании, то это мне будет приятнее золотой статуи». С ликованием был встречен манифест о вольности и в армии. Императрица Екатерина II вспоминала в своих «Записках» о встрече с князем Михаилом Ивановичем Дашковым. Плача, вне себя от радости он бросился к ней со словами: «Государь достоин, дабы ему воздвигнуть штатую золотую; он всему дворянству дал вольность», на что тогда еще только жена Петра III, проявив неосведомленность в правительственных делах, с недоумением отвечала: «Разве вы были крепостные и вас продавали доныне? В чем же ета вольность состоит? И вышло, что в том, чтоб служить и не служить по воле всякого. Сие и прежде было, ибо шли в отставку, но осталось изстари, что дворянство, с вотчин и поместья служа все, окроме одряхлых и малолетних, в службе империи записаны были; вместо людей дворянских Петр I начал рекрут собирать, а дворянство осталось в службе. От чево вздумали, что в неволе...»

Казалось бы, вот он, царь-освободитель дворян, достойный монарх для России, однако Петр III, взявшись за дело государственного управления с неукротимой энергией своего деда Петра Великого, не обладал его талантами и знаниями. Государственный аппарат, привыкший за двадцать лет спокойного елизаветинского царствования к неторопливому и размеренному течению дел, скрипел и раскачивался под воздействием непривычного несбалансированного управления. Император нередко принимал важнейшие решения под воздействием сиюминутного порыва, следствием чего были непродуманные мероприятия, необоснованность которых вскоре признавал и сам Петр III. Ярчайшим примером подобного рода просчета в организации работы госаппарата стал перевод Мануфактур-коллегии из Москвы в Санкт-Петербург. Лишь только когда выяснилось, что все основные фабрики находились в пределах Московской губернии, она была возвращена. Не всегда умел новый император разумно пользоваться своей властью самодержца в стране с неограниченной монархией. Он нуждался в опоре, но не находил себе поддержку ни в одном сословии.

При всеобщих ожиданиях и надеждах характер нового императора пугал многих придворных. Из уст в уста передавались рассказы о его пьянстве, пренебрежении к православной вере,

жестокости, приверженности к прусским порядкам. Современники много писали о том, что Петр Федорович не умел завоевать популярность у своих подданных, был увлечен только муштрой своей голштинской гвардии. «Он очень гордится, что легко переносит холод, жар и усталость, — рассказывает нам мемуарист. — Враг всякой представительности и утонченности, он занимается смотрами, разводами и обучением воспитанников...»

В бытность свою наследником, Петр III не пользовался авторитетом и не имел влияния ни в Сенате, ни в других высших учреждениях империи. Но наибольшую опасность представляли его взаимоотношения с гвардией. Свергнув с трона в 1741 г. законного императора Иоанна Антоновича — российскую «железную маску», гвардия почувствовала свою силу, подтверждением которой стали милости и привилегии, щедро раздаваемые Елизаветой Петровной. Гвардия, не принимавшая участия в боевых действиях во время Семилетней войны, постепенно превращалась во внутренние войска, дворцовую охрану, развращенную придворной жизнью и благосклонностью монархов. Эти изменения были подмечены одной из активных участниц переворота в пользу жены Петра III — Екатерины Алексеевны, Екатериной Романовной Дашковой. Вспоминая о том времени, она свидетельствовала о возросшей политической силе элитных войск: «Гвардейские полки играли значительную роль при дворе, так как составляли как бы часть дворцового штата. Они не ходили на войну». Невзирая на страстную увлеченность Петра III военными делами, сами военные не питали симпатий к императору. Происходило это, по мнению одного из французских дипломатов при российском дворе, оттого, что «видят в нем чересчур строгого начальника, который стремится их подчинить дисциплине иностранных генералов. В особенности дурно расположен к нему многочисленный и в высшей степени бесполезный корпус гвардейцев, этих янычар Российской империи, гарнизон которых находится в столице, где они как бы держат в заточении двор». Можно назвать подобную характеристику русской гвардии преувеличением, но последующие события дворцового переворота июня 1762 г. лишь подтвердили возросшую роль элитных полков и их возможности в решении политических вопросов.

Вступив на престол, Петр III всецело отдался любимому делу — подготовке и обучению армии. Деревянных игрушечных

солдатиков заменили живые люди, однако они не были столь послушными, как хотелось императору. Замена устаревшего петровского мундира немецкого образца на форму, скроенную по прусской моде, вызвала неприятие подданных, почитавших наследие Петра I и его атрибутику. Попытался, причем очень настойчиво, новый император и навести строгую дисциплину в армии. Естественно, он начал со столичного гарнизона и гвардии, введя в полках систему ежедневных военных занятий, частых смотров и парадов. При всей логичности действий Петра III, когда дворяне, не желавшие служить, могли согласно манифесту о вольности покинуть армию и поселиться в своих имениях, а оставшиеся должны были составить сильную и боеспособную армию, эти начинания воспринимались в штыки. Армия не желала понять, почему ей приказано сменить национальный мундир с петровской атрибутикой на форму враждебной армии, с которой русские сражались в течение семи лет. Недовольство гвардии вызвал и следующий приказ Петра III: при начале войны с датчанами выступить гвардейским полкам в поход на Данию. Подготовка к нему приобрела самый широкий размах. Гвардейцы уже должны были покинуть удобные квартиры в столице и общество придворных дам, но поход не состоялся из-за переворота.

Преобразования Петра III коснулись и жизни лейб-гвардии Конного полка. По распоряжению императора 17 января 1762 г. от всех людей в полку отобраны были кафтаны и камзолы с тем, чтобы в 10 дней перешить их на новый образец, утвержденный лично государем. Для такой спешности из всех полков гвардии и из Военной коллегии были собраны все портные, и даже люди, только знакомые с портновским мастерством. Но император так и не увидел конногвардейцев в новых колетах из лосинного сукна с суконным красным подколетником, украшенным золотым позументом и басоном. Его правление окончилось раньше, чем портные дошили последний мундир. Порядок поведения гвардейцев был определен приказом 7 февраля 1762 г., который гласил: «1) унтер-офицерам и капралам в другом платье, кроме мундира, никогда не ходить; 2) унтер-офицерам и капралам, когда идут на сборное место и на вахт-парад, также и сменяясь с караула, алебард хлопцам своим не отдавать, а носить самим; 3) штаб и обер-офицерам с унтер-офицерами и другими нижними

чинами фамильярного обхождения и кампании не иметь, дабы оные к ним почтение не потеряли».

Сразу же по вступлении на престол Петр III вызвал в Петербург своих родственников — принцев Георга Людвига Голштейн-Готторпского и Петра Августа Фридриха Голштейн-Бека. Желая обеспечить свою безопасность и поставить на ключевые посты наиболее преданных людей, Петр III назначил 3 марта 1762 г. своего дядю герцога Георга Голштейн-Готторпского полковником лейб-гвардии Конного полка. Это был еще один повод для возмущения гвардии: как, их полковником была сама императрица Елизавета Петровна, и после этого они должны подчиняться бывшему прусскому генералу? Григорий Потемкин был определен к нему в ординарцы. Но служба эта продлилась недолго.

Всеми своими неловкими, хотя порой вполне разумными действиями Петр III неминуемо приближал свое падение, ускоряло его и постепенная деградация императора как личности и государственного деятеля, что отмечали все современники. Со времен Петра I на первый план выходит именно личность государя, его персональные качества; одной законной власти на престол становится недостаточно. Русское общество, его политически активная часть, «доросло» до неприятия царя-самодура с немотивированными поступками. По Петербургу носились слухи даже о слабоумии императора, о его неспособности управлять государством, сама Екатерина II утверждала: «Петр III потерял ту малую долю рассудка, какую имел. Он во всем шел напролом... Он хотел переменить веру». Авторитет императора подрывался его беспорядочной личной жизнью, фактически он открыто пребывал в состоянии двоеженства, поскольку не только не скрывал свою связь с фавориткой — графиней Елизаветой Романовной Воронцовой, но и всячески ее подчеркивал, иногда унижая законную супругу Екатерину Алексеевну в присутствии двора. Нарекания в адрес императора усилились и стали всеобщими, когда он через месяц после вступления на престол дал полную волю своей любвеобильности, и его увлечения приводили к бурным сценам ревности со стороны основной фаворитки. Столь неблаговидное поведение императораРоссийской империи вызывало недоумение и удивление иностранных дипломатов и возмущение его подданных. Во время одного из обедов, по рассказам ино-

странца, «девица Воронцова... совершенно забыла все подобающее государю почтение, даже до того, что осмелилась назвать его гадким мужиком и еще другими словами, повторить которые не позволяет приличие», а вскоре произошла еще более горячая сцена, причем оскорбления, которыми обменялись император и его фаворитка, по мнению рассказчика, «редко можно слышать на наших рынках». Как снежный ком росло количество выходок Петра III, он проводил свои вечера в пьянстве, «распущенность и попойки, выходящие из границ всякого приличия, — свидетельствовал современник, — увеличиваются ежедневно при вечерних пирушках до такой степени, что составляют мучение и возбуждают отвращение в тех, кому приходится на них присутствовать». Конечно же, Григорий Потемкин многого не знал в те времена о жизни при дворе и выходках императора, очевидцами которых становились дипломаты и высокопоставленные чиновники. До него доносились лишь отголоски происходящих событий, да еще в пересказе гвардейцев, передающих то, что слышали, со своими домыслами и комментариями. Но вот однажды, уже после назначения ординарцем к герцогу Георгу Голштейн-Готторпскому, Потемкин, сопровождая его во дворец, стал очевидцем одной нелепой сцены. Император обращался со своими голштинскими родственниками, как с равными, что иногда порождало непонятные и неприемлемые для русского человека ситуации. Из приоткрытых дверей залы Потемкин с любопытством наблюдал за беседой Петра III с дядей. О чем они говорили, он не слышал, но вдруг государь и принц Георгий, как настоящие прусские офицеры, из-за различия мнений в разговоре обнажили шпаги и уж собрались было драться, но их поспешил разнять любимый обоими Николай Андреевич Корф. Потемкин был удивлен: разве может подданный, даже состоящий в родстве с монархом, вести себя с ним, как с равным? Испокон веку такого не бывало на Руси. А в другой раз из-за дверей ему послышался резкий раздраженный голос императора и тихий женский плач, секунду спустя из залы вышла Екатерина Алексеевна и, бросив на гвардейца рассеянный взгляд, не заметив его за пеленой слез, скрылась в своих апартаментах. Да, чудные дела творятся во дворце, добром это не кончится. Потемкин вспомнил слова одного из гвардейцев, П.Б. Пассека, слышанные им от сотоварищей: «У этого государя

нет более жестокого врага, чем он сам, потому что он не пренебрегает ничем из всего, что могло ему повредить».

Недовольные прекрасно знали не раз опробованный в истории России способ разрешения такого политического кризиса, когда, по их мнению, монарх не соответствовал возлагаемым на него надеждам, — дворцовый переворот. Традиционно самыми активными его участниками стали гвардейцы под предводительством братьев Орловых. Молодой и пылкий вахмистр Григорий Потемкин, с восхищением внимавший словам заговорщиков, с головой окунулся в придворную интригу и тотчас же стал в ряды сторонников великой княгини Екатерины Алексеевны. Самым видным из братьев Орловых, принесшим им милость и благодарность Екатерины, был ее фаворит и отец сына Алексея, тезка нашего героя — Григорий Орлов. Этот предшественник Потемкина в ряду фаворитов, несомненно, достоин нашего внимания. Как писал очевидец «революции 1762 г.» Рюльер, Григорий Григорьевич Орлов — «мужчина стран северных, не весьма знатного происхождения, дворянин, если угодно, потому что имел несколько крепостных крестьян и братьев, служивших солдатами в полках гвардейских...». Еще в 1760 г. Орлов появляется при «малом дворе» Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны, он был младше ее всего на пять лет. Екатерина одинока, Орлов красив; сближению их содействовали доверенные люди. Григорий увлекся Екатериной, 25-летний красавец был от нее без ума, готов на все, лишь бы угодить великой княгине. Его самолюбию льстила близость к Екатерине, он не только не скрывал своего положения, но и всячески выставлял его на вид. Орлов везде следовал за своей любезною, всегда был перед ее глазами. Новое значение приобрела их близость после рождения сына — Алексея Бобринского.

Жизнь незаконных отпрысков коронованных особ всегда несла на себе отпечаток их происхождения, занимала людей, вызывая преувеличенный интерес, и, как правило, была окутана сенью таинственности и легенд. В судьбе сына Екатерины Великой и ее фаворита Григория Орлова все примечательно, начиная уже с самого его рождения. Зная особую страсть Петра III к тушению пожаров, сторонники Екатерины, чтобы обезопасить будущую мать, решили, что, как только начнутся роды,

кто-нибудь из них для отвлечения внимания подожжет свой собственный дом. В Пасхальную ночь 1762 г. у великой княгини начались родовые схватки, и дом графа Гендрикова тотчас запылал. Однако, как оказалось, напрасно: роды неожиданно прекратились. Возобновились они только через четыре дня, и тогда загорелся дом ее камердинера — Василия Шубина. Все прошло благополучно, младенец родился в четверг на Святой неделе, 11 апреля, в Зимнем дворце в апартаментах Екатерины, расположенных в юго-западном углу и выходящих окнами на Дворцовую площадь и Адмиралтейство. Сразу же после появления на свет ребенок, завернутый в бобровую шубу, был вынесен из дворца, а спустя некоторое время в спальню супруги ворвался император — слуги предупредили, что на половине императрицы что-то происходит. Но, собрав все свои силы, Екатерина встретила его уже одетой. Спустя многие годы, так и не решившись назвать себя матерью, императрица Екатерина Великая собственноручным письмом известила своего сына о дате и обстоятельствах его рождения. «Алексей Григорьевич. Известно мне, что мать ваша, — писала она о себе в третьем лице, — быв угнетаема разными неприязными и сильными неприятелями, по тогдашним смутным обстоятельствам, спасая себя и старшего своего сына, принуждена нашлась скрыть ваше рождение...» В одном из писем к знаменитому французскому просветителю императрица дала предельно краткую характеристику родителям Бобринского: «Он происходит от очень странных людей и во многом уродился в них». Не открывая себя, отец и мать прилежно занимались вопросами воспитания и образования сына, росшего в семье камердинера Шкурина. В неменьшей степени Екатерину беспокоили будущий общественный статус сына и его материальное положение. Среди секретных бумаг из кабинета императрицы сохранились ее собственноручные указы и распоряжения, в которых подробно излагалась система денежного обеспечения малолетнего Алексея.

В один из дней конца 1762 г., уже после вступления Екатерины на престол, судьба Алексея могла совершенно измениться. Во время тяжелой болезни законного сына Екатерины и Петра III цесаревича Павла встал вопрос о престолонаследии. Тогда-то и возник при дворе грандиозный и даже фантастический план,

так называемый Бестужевский проект, названный по автору — А.П. Бестужеву-Рюмину, согласно которому императрице предстояло обвенчаться с Григорием Орловым, а их сына «привенчать», как некогда поступили с Елизаветой Петровной при венчании Петра Великого с Екатериной I. Однако императрица не желала делить самодержавную власть, полученную с таким трудом, и проект этот остался только в голове его автора. Кроме этого, венчание с Орловым могло напрямую угрожать тогда еще нестабильному положению императрицы, ее советник и воспитатель наследника престола Никита Панин осмелился прямо заявить Екатерине: «Императрица русская вольна делать, что ей хочется, но госпожа Орлова царствовать не будет».

Сохранилось предание, что Екатерина составила два манифеста. В первом она объявляла: императрица вступает в брак с Григорием Орловым, во втором — Алексей Разумовский, бывший фаворит императрицы Елизаветы Петровны, награждается титулом императорского высочества, поскольку он хотя и тайно, но законным порядком был обручен с покойной государыней. С этим вторым манифестом к Алексею Разумовскому, находившемуся в это время в своем доме на Покровке в Москве, был направлен канцлер Михаил Воронцов. Бывший фаворит, долгие годы живший при дворе и разбиравшийся в политической борьбе, прекрасно понимал, чего ждет от него Екатерина: ей нужен был повод, чтобы отказаться от заведомо невыгодного брака. Ознакомившись с манифестом, он тихо встал со своих кресел, медленно подошел к комоду, на котором стоял ларец черного дерева, окованный серебром и выложенный перламутром, отыскал в комоде ключ, отпер им ларец и из потаенного ящика достал брачные документы. Зачитав и благоговейно поцеловав их, он подошел к образам, перекрестился и, со слезами на глазах, бросил в пылавший камин. После чего добавил: «Я не был ничем более, как верным рабом ее величества, покойной императрицы Елизаветы Петровны, осыпавшей меня благодеяниями превыше заслуг моих... Теперь вы видите, что у меня нет никаких документов». Когда Воронцов доложил Екатерине о результатах своей поездки к Разумовскому, она заметила: «Мы друг друга понимаем. Тайного брака не существовало... Шепот о сем всегда был для меня неприятен. Почтенный старик предупредил меня, но я ожидала этого...»

В 1765 г. Екатерина II предполагала причислить младшего сына к фамилии князей Сицких — наиболее близкому к Романовым роду, угасшему еще в конце XVII в. Однако в апреле 1774 г. за Алексеем была закреплена фамилия Бобринский, производная от названия села Бобрики, купленного для него матерью. Осенью того же года юноша был помещен в Сухопутный дворянский корпус в Петербурге. В своем дневнике он подробно описывал встречи с императрицей, Г.Г. Орловым, с наставником Иваном Бецким, могущественным фаворитом Потемкиным, его прелестными племянницами, другими придворными. Вечером 3 января 1782 г. вернувшийся из дворца Алексей сделал пометку в дневнике: «После обеда я имел счастье видеть государыню и поздравлять ее с Новым годом. Говорили о том о сем...» Как же мучительна для них была эта маска таинственности, эта необходимость соблюсти этикет и достоинство самодержавной власти! С годами из-за осознания своего особенного положения менялся и характер Бобринского. Отправившись после окончания корпуса в заграничное путешествие, на протяжении всей поездки Алексей находился под пристальным вниманием встречавшихся с ним людей; его двусмысленное положение было общеизвестно, что, несомненно, накладывало особый отпечаток на поведение молодого человека. «Вы изволите знать совершенно характер Алексея Григорьевича, — писал сопровождавший его в поездке полковник А.М. Бушуев Бецкому, — к сожалению, я все то в нем открыл, что только вы мне объявить об нем изволили. Он долго под притворною своею тихистию скрывал тяжелый нрав свой, но по множеству случаев не мог не открыть себя. Нет случая, где бы не оказал он самолюбия неумеренного, нет разговора между сотоварищей своих, где не желал он взять над ними поверхности, и случилося столько раз с оказанием суровости». Обеспокоенная мать делала все возможное, чтобы Алексей не чувствовал себя изгоем, его характер, поведение и материальное положение стали одними из основных вопросов в переписке Екатерины с бароном Гриммом, ее постоянным корреспондентом во Франции (он опекал юношу, оставшегося в 1785 г. жить в Париже). Слухи о его карточных долгах и беспечной жизни добавляли забот российской императрице. «Этот юноша крайне беспечный, но я не считаю его ни злым, ни бесчестным, он молод

и может быть вовлечен в очень дурные общества», — пыталась оправдать Екатерина пагубные пристрастия сына.

Алексей Бобринский так и не смог или не сумел реализовать свои способности и возможности, что стало несчастьем и для него, и для его матери, которая, может быть, по-своему, не очень приемлемо для нас, но любила сына. Хорошо зная характер Алексея и его пристрастия, Екатерина так и не решилась при жизни официально передать сыну документы на владения имениями: она не была полностью уверена в его способности самостоятельно решать денежные вопросы и боялась, что его дети останутся ни с чем. Все изменилось с вступлением на престол Павла I. Он не только выполнил предначертания Екатерины, но и официально признал Бобринского своим братом. Из столицы Алексей Григорьевич подробно писал к своей жене, урожденной баронессе Анне Владимировне Унгерн-Штернберг, о событиях первых дней после смерти Екатерины II: «Я ходил к телу покойной государыни и поцеловал у нее руку... Все глядели на меня такими удивленными глазами, не зная, чему приписать мое появление. За обедом император и императрица несколько раз говорили со мною, и внезапно взоры всех присутствующих устремлялись на меня».

Удивительные, красивые и талантливые родители Алексея — княгиня Екатерина Алексеевна и граф Г.Г. Орлов — передали свои лучшие качества потомкам. Графы Бобринские, породнившиеся за более чем двухвековую свою историю с лучшими родами России: Трубецкими и Раевскими, Голицыными и Шереметевыми, Хомяковыми и Львовыми, Долгорукими и Горчаковыми, верно служили на благо Отечества и стали неотъемлемой частью русской истории и культуры.

Но это все далекое будущее, а пока нам следует вернуться к Екатерине Алексеевне, чья судьба полностью зависит от прихоти мужа — императора громадной Российской империи Петра III. Их отношения, как и во многих семейных парах во все века, были сложными. Множество свидетельств о ссорах и обидах Екатерины и Петра III сохранилось в рассказах современников, да и она сама уже в зените славы вспоминала прежние обиды. Трудно точно сказать, кто более прав или виноват в этой семейно-политической драме, что Екатерина «вспомнила», чтобы вызвать понимание и сочувствие у потомков. Но сказка ложь, а в ней намек...

Однажды, еще при малом дворе в Ораниенбауме, великая княгиня Екатерина Алексеевна заметила, что все ее фрейлины либо наперсницы великого князя Петра Федоровича, либо его любовницы, и во многих случаях пренебрегают своим долгом по отношению к ней, уважением и почтением, которое должны оказывать будущей императрице. Екатерина вспоминает, что «пошла как-то после обеда на их половину и стала упрекать их за их поведение, напоминая им об их долге... и сказала, что, если они будут продолжать, я пожалуюсь императрице». Некоторые фрейлины всполошились, другие рассердились, третьи расплакались и поспешили рассказать о происшествии великому князю. «Его императорское высочество, — вспоминает Екатерина, — взбесился и тотчас прибежал ко мне. Войдя, он начал с того, что сказал мне, что нет больше возможности жить со мною, что с каждым днем я становлюсь более гордой и высокомерной, что я требую почтения и уважения от фрейлин и отравляю им жизнь, что они целый день заливаются слезами...» Уверив мужа, что его тетушка Елизавета Петровна предпочтет для сохранения мира между великим князем и княгиней избавиться от причины раздора и выгнать, как выразилась Екатерина, «этих девиц дрянного поведения», будущая императрица настояла на своем.

После воцарения Петра III Екатерина была готова помогать мужу в управлении страной, она могла бы стать опорой и верным советником императора, недаром еще в ранней молодости Екатерина дала своеобразную клятву верности своему новому отечеству и начертала в дневнике следующие слова: «Я не желаю, я не хочу ничего, кроме блага стране, в которой меня поставил Бог, он мне в том свидетель. Слава страны есть моя слава, вот мой принцип, и я была бы слишком счастлива, если бы мои идеи могли тому содействовать». Но муж отверг ее не только как женщину, но и как императрицу. В своих взаимоотношениях императорская чета ограничивалась формальной вежливостью, но со временем все изменилось. Через два месяца двор, Петербург и иностранные дипломаты заговорили о том, что император хочет развестись с супругой, заключить ее в монастырь или тюрьму и жениться на фаворитке Елизавете Воронцовой. 9 июня 1762 г. на обеде в честь заключения союза с Пруссией Петр III, не сдержав своего раздражения и разгоряченный напитками,

через весь банкетный зал прокричал супруге, что она — «дура». Екатерина залилась слезами, ее противники обрадовались, сторонники получили лишний повод в пользу переворота, а Петербург наполнился сочувствием и осуждением «деспотичного и развратного» мужа.

С отъездом двора в Петергоф и Ораниенбаум столица несколько успокоилась, затихла, лишь только некоторые солдаты-гвардейцы, среди них, возможно, был и наш Григорий Потемкин, не хотели мириться с бездействием. Опасаясь, что их неожиданно посадят на корабли и отправят на войну с Данией, они передавали друг другу ими же выдуманные слухи насчет императрицы и ее скверного положения, что угрожало планам заговорщиков. За два дня до дворцового переворота Петр III, остерегаясь действий гвардии, предполагал вывести 4 батальона лейб-гвардии пехотных полков с 4 гренадерскими ротами и 3 эскадрона Конной гвардии в отдаленный лагерь через Нарву, Дерпт, Ригу в Курляндию. Если бы это удалось, кто знает, что суждено было бы Екатерине Алексеевне, а Потемкин мог повторить судьбу своего отца, сделать неплохую военную карьеру, жениться, выйти в отставку и закончить свои дни, охотясь в лесах Смоленщины с окрестными помещиками. Но все свершилось так, как было предначертано.

Заговор, подогреваемый слухами и рассказами, сплетнями и пересудами, желанием власти и перемен в политике, разрастался как снежный ком, собирая все больше сторонников Екатерины. Она хотела быть императрицей и чувствовала в себе силы и способности, уверенность Екатерины Алексеевны совпадала со стремлениями ее сторонников. Развязка семейно-политического конфликта неумолимо приближалась, и не было силы, способной остановить бег времени и судьбу, благоволившей к Екатерине. Россия хотела другого монарха, и она его получила на последующие три десятилетия. Григорий Потемкин, то ли влекомый юношеским честолюбием, то ли следуя своей планиде, оказался в самом водовороте политического конфликта. Дворцовые перевороты XVIII века в одну секунду могли изменить судьбу человека, возвысить его к вершинам власти или низвергнуть в ссылку. Потемкин вряд ли предполагал, что, встав на сторону великой княгини, он делает самую верную ставку в игре под названием «жизнь». Несколько следующих июньских дней 1762 г.

изменили течение его жизни, отныне и до смерти вся она будет принадлежать Екатерине, с ней будут связаны все радости и горести нашего героя. Потемкин станет самым верным и преданным человеком для императрицы.

Глава 4. ТРИУМФ НЕМЕЦКОЙ ПРИНЦЕССЫ

Одной из ближайших сторонниц Екатерины Алексеевны, активной участницей заговора и верной подругой на протяжении многих лет была Екатерина Романовна Дашкова, родная сестра фаворитки Петра III Елизаветы Воронцовой, женщина своеобразная и замечательная. Их дружба, в которой некоторые историки элементы куртуазной игры XVIII в. принимали за нечто большее, переживала разные периоды: то искренней привязанности, то политической необходимости, то охлаждения; впрочем, любая женщина, имеющая подругу, прекрасно понимает перипетии и всю сложность женской дружбы.

Во время переворота 1762 г. Екатерина Дашкова и Григорий Потемкин принадлежали к разным партиям его участников, познакомились они только спустя несколько лет. Потемкин как гвардеец вошел в так называемый «секрет» великой княгини, т.е. в узкое число посвященных в заговор, они во время переворота должны были направлять и координировать действия гвардейских полков, а Дашкова, в силу родства, принадлежала к партии придворных аристократов. Екатерина Романовна даже не знала тогда имени Потемкина среди заговорщиков, но в последующие годы их связали приятельские отношения двух ближайших к императрице людей.

Сама Екатерина II, управлявшая заговором и всеми партиями в нем, в письме 2 августа 1762 г. (спустя некоторое время после дворцового переворота) к своему некогда горячо любимому мужчине польскому вельможе Станиславу Понятовскому дала любопытное «описание поведения каждого из начальствующих лиц».

О братьях Орловых императрица писала, что они «блистали своим искусством управлять умами, осторожною смелостью в больших и мелких подробностях, присутствием духа и авторитетом, который это поведение им доставило. У них много здравого

смысла, благородного мужества. Они патриоты до энтузиазма и очень честные люди, страстно привязанные ко мне, и друзья, какими никогда еще не был никто из братьев; их пятеро, но здесь только трое было».

Екатерина II с иронией рассказывала о желании княгини Дашковой, младшей сестры фаворитки Петра III, занять главную роль в дворцовом перевороте. Она, по словам императрицы, очень хотела приписать себе всю честь, так как была знакома с некоторыми из главарей, но сама «не была в чести вследствие своего родства и своего девятнадцатилетнего возраста и не внушала никому доверия». Екатерина писала, что «хотя она уверяет, что все ко мне проходило через ее руки, однако все лица имели сношения со мною в течение шести месяцев, прежде чем она узнала только их имена... Приходилось скрывать от княгини пути, которыми другие сносились со мной еще за пять месяцев до того, как она что-либо узнала, а за четыре последних недели ей сообщали так мало, как только могли». Только императрица знала всех и обо всем, только ей принадлежит первенствующее право, а Екатерина Дашкова «очень умна, но с большим тщеславием, она соединяет взбалмошный характер и очень нелюбима нашими главарями; только ветреные люди сообщали ей о том, что знали сами, но это были лишь мелкие подробности». Уже тогда образованная и дорожащая мнением европейских мыслителей Екатерина II испытывает первый укол ревности по отношению к Дашковой: ей сообщили, будто бы И.И. Шувалов написал Вольтеру, что девятнадцатилетняя женщина переменила правительство этой империи, и она просит Понятовского вывести из заблуждения великого писателя.

Две Екатерины, как их часто именуют — Большая и Малая, познакомились еще зимой 1759 г. Тогда великокняжеская чета приехала на Садовую к канцлеру Михаилу Илларионовичу Воронцову, в доме которого с четырехлетнего возраста жила и воспитывалась его племянница Екатерина Романовна. Усадьба Воронцова в центре Петербурга славилась не только великолепным дворцом, но и прекрасным английским парком. Во время первой встречи Екатерине Воронцовой было только 15 лет — вдвое меньше, чем великой княгине. Но, несмотря на возраст, девушка обнаружила в себе свойства прекрасного собеседника, начитанность и глубокий ум.

Екатерина Алексеевна, следуя правилам этикета в ведении светской беседы, обратилась к девушке: «Милая сударыня! Я много слышала о вас и давно хотела с вами познакомиться. Посвятите меня, как вы проводите время? Я в восторге от вашего парка». Очарованная великой княжной, Екатерина Дашкова охотно вступила в беседу: «Вы правы, ваше высочество. Я люблю гулять по дорожкам парка ранним утром, когда еще дрожит роса на листочках и птицы, не боясь людей, поют свои песни, приветствуя новый день и меня, — застенчиво улыбнулась девушка. — У меня есть свои любимые цветы, которые ждут моего прихода, и я сама за ними ухаживаю». Екатерина Алексеевна, довольная, что нашла в младшей племяннице влиятельного канцлера приятную собеседницу, продолжает: «Я рада, что у нас есть общее увлечение. У меня тоже есть свои любимцы в ораниенбауманском саду. Мне многие говорили, что вы много времени проводите за серьезным чтением. Я тоже отдаюсь этой страсти. Кого вы предпочитаете, милая Катерина, Вольтера или Гельвеция?» Общие литературные пристрастия, политические взгляды и взаимная симпатия, для достижения которой Екатерина Алексеевна приложила все свои усилия, сблизили этих двух женщин на многие годы. Дашкова спустя годы вспоминала, что очарование, исходившее от великой княгини, в особенности когда она хотела привлечь к себе кого-нибудь, было слишком могущественным, чтобы подросток, каким она была в день знакомства, мог ему противостоять.

Поговорив о литературных новинках, Екатерина Алексеевна спросила у девушки: «Но ведь у вас есть и любимая книга?», на что Дашкова, не колеблясь ни минуты, ответила: «Конечно, это героическая поэма "Генриада"». Великая княгиня с радостью обратилась к ней: «Я тоже ее перечитала несколько раз после того, как хвалебные строки посвятили ей наши сочинители Сумароков и Тредиаковский. У нас с вами столько общих интересов и увлечений! Я надеюсь на вашу дружбу. Буду рада видеть вас при нашем дворе. Но одно пристрастие вы все же скрыли от меня, а оно как раз может скрасить наши долгие зимние вечера. Я видела вас в итальянской опере. А дядюшка ваш под большим секретом поведал мне, что вы, милая барышня, прекрасно поете и сами пишете стихи и даже сочиняете к ним музыку. Я была бы вам благодарна, сударыня, если бы вы познакомили меня с

ними». Екатерина Дашкова со смущением протянула великой княгине свой альбом, та внимательно перелистала его и выбрала стихи на свой вкус, чтобы услышать их из уст собеседницы. Слегка замешкав, но глядя прямо в глаза Екатерине, девушка продекламировала:

Природа, в свет тебя стараясь произвесть,
Дары свои на тя едину истощила,
Чтобы наверх тебя величия воззвать,
И, награждая всем, она нас наградила.

Приняв эти слова как должное почтение к своей персоне, Екатерина Алексеевна задумчиво произнесла: «Как вы счастливы, милая Екатерина, с вашей вдохновенной любовью к поэзии. Ведь это могущественное из всех изящных искусств».

Последующее происшествие показывает, какое неизгладимое впечатление произвела великая княгиня на 15-летнюю девушку, каким поклонением та прониклась к Екатерине. Уходя, гостья уронила свой веер, который с поспешностью подняла Екатерина Воронцова. Екатерина Алексеевна с благодарностью поцеловала восхищенную девушку, подающую ей веер, и сказала: «Прошу вас, оставьте его у себя на память о нашей первой встрече. Это будет началом замечательной дружбы». С тех пор две молодые женщины стали неразлучны. Английская компаньонка Екатерины Дашковой Мэри Уилмот вспоминала, с какой трепетностью она относилась к этому первому залогу дружбы великих людей. «Эту ничтожную вещь, — писала она, — княгиня ценила больше, чем все другие подарки, принятые впоследствии от императрицы; она хотела положить ее с собой в могилу».

Итак, мы познакомились с некоторыми действующими лицами, принадлежащими к разным партиям в заговоре 1762 г. Гвардейские полки, аристократия, решимость сторонников Екатерины — все было готово к последнему акту семейно-политической драмы. Многие ее участники оставили нам подробные описания событий, происходивших в последний день царствования Петра III и первый — Екатерины II, но не забывайте, что они писали свои мемуары, когда все уже случилось, когда следовало предложить потомкам свою версию событий и определить собственную

роль в этом знаменательном для России событии. Участники переворота — воспитатель наследника престола Павла Петровича граф Никита Иванович Панин, Екатерина Романовна Дашкова, сама Екатерина — в своих версиях событий считали себя главными виновниками успеха. Первоначально заговорщики планировали захватить Петра III в его покоях, как сделали некогда сторонники Елизаветы Петровны с принцессой Анной Леопольдовной и ее детьми, но император уехал в Ораниенбаум, и им пришлось импровизировать соответственно ситуации.

Екатерина Дашкова в своих «Записках» сохранила воспоминания о том накале эмоций и страстей, который сопровождал события 27 и 28 июня 1762 г., когда все свершилось «по мановению руки Провидения, исполнившего расплывчатый план людей, мало связанных между собой, не понимающих друг друга, объединенных лишь одним желанием...». За несколько часов до события никто не знал, когда и чем оно закончится, но это были дни трепета и счастья для заговорщиков, тогда, по словам современницы, «был разрублен гордиев узел, завязанный невежеством, различием мнений, разнообразием взглядов на основные условия готовящегося великого свершения».

27 июня 1762 г. столица заволновалась: среди гвардейцев распространился слух о мнимом аресте императрицы. В полдень фаворит Екатерины Алексеевны Григорий Орлов привез Дашковой известие об аресте одного из активных участников заговора капитана Пассека, это и подтолкнуло заговорщиков к решительным действиям. Промедление грозило провалом всей затеи, арестом императрицы и ее сторонников, а далее знатоки истории могут себе представить, что ожидало участников неудавшихся заговоров, будь это в России или Европе.

Утром 28 июня 1762 г., в день своих именин, Петр III выехал из Ораниенбаума в Петергоф, где его должна была ждать Екатерина, чтобы вместе отпраздновать столь знаменательное событие. Но ночью из Петербурга в Петергоф прискакал Алексей Орлов, брат ее фаворита. Оставив карету на дороге, по едва различимой в белом тумане северной летней ночи тропинке он пробрался сквозь кусты ароматных роз к боковому входу павильона Монплезир, где остановилась императрица в ожидании супруга. Проходя через гардеробную, Алексей Орлов заметил

уже с вечера приготовленное придворное парадное платье для встречи Петра III и подумал, что вряд ли состоится их свидание. Растолкав слуг, он дал распоряжение камеристке Шаргородской: «Будите императрицу!» На уверения о том, что Екатерина Алексеевна изволит почивать и они не смеют нарушить ее покой, гвардеец воскликнул: «Будите же скорее. Дело не терпит отлагательства, ожидание может погубить и ее, и нас. Скорее!» Встревоженной Екатерине, вышедшей к нему спустя несколько минут, Алексей Орлов сообщил, что медлить и откладывать переворот далее нельзя: арестован один из заговорщиков, и надо скорее отправляться в Петербург.

Сомневалась ли в тот миг немецкая принцесса, в которой не было ни капли романовской крови, не имевшая никаких прав на престол? Кто знает, какие видения славы ли, позора пронеслись в ее воображении за те несколько секунд, пока не было принято окончательного решения: ехать. Она была уверена в своей победе, в решимости сторонников и слабости противника. Она так хотела быть императрицей и мечтала о власти много лет, что сомнений не оставалось: ехать. Все получится.

И вот она, «даже не помывшись», спешно одевается с помощью дрожащей от волнения камеристки. Вслед за Алексеем Орловым женщины пробираются по той же тропинке, что привела его, к карете. Розы шипами впиваются в платье, будто пытаясь остановить их, но теперь уже никакая сила не способна на это. Карета мчится к Петербургу, и Орлов, сидящий на козлах рядом с кучером, время от времени оборачивается, нет ли погони, и все торопит кучера: «Гони! Гони!» Радостное волнение, страх погони и предвкушение успеха будоражит сидящих в карете, известие о том, что горничная потеряла туфлю на тропинке, вызывает у Екатерины хохот. У нее самой на голове — ночной чепчик с кружевами. Очень удачно, что на дороге они встретили парикмахера Мишеля, направляющегося в Петергоф делать ей прическу, в карете он наспех уложил ей волосы, смятые чепчиком. Но что это? Карета замедляет ход, затем резкий толчок, и она вовсе остановилась. Лошади, галопом преодолевшие путь из столицы в Петергоф и без отдыха отправившиеся обратно с нагруженной каретой, изнемогли, одна из них падает и с трудом поднимается. Предприятие под угрозой, Алексей Орлов злится при мысли, что

он не позаботился о перекладных. Выдержат ли лошади обратный пути или затея, так удачно начатая, провалится? Но вот из утреннего тумана появляется крестьянская телега, запряженная двумя деревенскими лошадками. Они-то и решили судьбу Российской империи, благополучно доставив Екатерину до окраин столицы, где уже поджидал князь Барятинский с открытой коляской. Сердце беглянки забилось быстрее: она видит около коляски верхом своего горячо любимого и верного Григория Орлова. Удостоверившись, что его блистательная подруга благополучно ступает по пути славы, пришпорив горячего коня, он галопом скачет в Измайловский полк подготовить ее встречу.

В семь утра с минутами барабанный бой встречает коляску с императрицей. Скрывая волнение, Екатерина, одетая в траурное платье, идет к солдатам, от которых зависит ее судьба. Григорий Орлов, привстав на стременах, отдает ей честь саблей. Тишина прерывается мощным криком: «Матушке Екатерине — ура!» Все решилось, солдаты на ее стороне, опасения напрасны. Полковой священник осеняет ее крестом и благословляет. Офицеры преклоняют колена и целуют полы ее плаща, а граф Кирилл Григорьевич Разумовский — глава Измайловского полка, брат фаворита императрицы Елизаветы Петровны — Алексея, сквозь крики радости провозглашает Екатерину единовластной самодержицей Российской империи и произносит клятву верности. С искренней благодарностью она смотрит на Разумовского, пусть он не был активным участником заговора, сохраняя политический нейтралитет, но сейчас граф на ее стороне, не подвел. Ее признательность выразится в пожаловании «по пяти тысяч сверх жалованья», а с 2 ноября 1762 г. пансиона в размере 5000 руб. Спустя год, вспоминая эти важнейшие в ее жизни дни, Екатерина II 28 июня 1763 г. послала Разумовскому письмо с высказыванием своего благоволения, как она писала, памятуя, «сколько вы усердия имели» в событиях прошлого года.

Дальнейший путь Екатерины Алексеевны лежал к казармам Семеновского полка. Священник в торжественном облачении идет впереди, вокруг открытой коляски, едва сдерживая лошадей и собственное волнение, едут верхом Григорий Орлов, Кирилл Разумовский и некоторые офицеры. За ними ликующая толпа измайловцев, которые, узнав об обещанных наградах и стопке

водки, кричат: «Vivat! Ура матушке Екатерине! Готовы за нее и смерть принять!» Семеновцы с энтузиазмом подхватывают крики и смешиваются с Измайловским полком, образуя огромную человеческую реку, несущую своим потоком, как казалось издалека, коляску с новой самодержицей Всероссийской. Людская толпа двигалась к Зимнему дворцу, вбирая в себя все новые и новые полки, разрастаясь и умножаясь с каждой минутой. Заговорщики в полках постарались на славу, подготовив умы солдат и офицеров.

Григорий Потемкин в эти дни был в самой гуще событий. Долгие и задушевные разговоры с солдатами и офицерами принесли свои плоды, Конная гвардия во главе с князем М.Н. Волконским встала на сторону новопровозглашенной императрицы. Конногвардейцы присоединились к шествию между Аничковым дворцом и Казанским собором, как вспоминала Екатерина, «они были в таком восторге, какого я еще не видывала, и кричали со слезами, что Отечество освобождено». Среди ликующих был и Потемкин: ведь он вместе с другими офицерами, будучи в «секрете», завоевывал симпатии к Екатерине среди низших чинов полка. Со слов Орловых она знала о стараниях Григория, а в письме Станиславу Августу Понятовскому от 2 августа 1762 г. прямо говорит о той роли, которую он сыграл в подготовке переворота: «В Конной гвардии, — писала императрица, — один офицер по имени Хитрово 22 лет и один унтер-офицер 17 лет по имени Потемкин всем руководили со сметливостью, мужеством и расторопностью». Правда, Екатерина немного ошиблась в возрасте Потемкина, но это простительно великим людям.

Около 9 часов утра Екатерина Алексеевна уже появилась у Казанского собора, где свершилось торжественное провозглашение ее самодержицей, а Павла — наследником престола, в присутствии архиепископа Новгородского Дмитрия Сеченова и представителей политический элиты: графа Разумовского, Брюса, Строганова, князя Волконского, Панина и других сановников. Недолгое царствование Петра III прекратилось, началось победное шествие императрицы в Зимний дворец. Она рискнула и победила.

Переворот почти не вызвал противодействия, что показывает не столько хорошую его подготовку, сколько готовность общества

или, по крайней мере, его верхушки к изменению политического курса и смене монарха. Знаменитый русский поэт Гавриил Романович Державин в это время служил в Преображенском полку, том самом, который пытался сдержать майор Воейков, напоминая солдатам и офицерам о присяге Петру III. Едва не став жертвой их ярости, майор бежал, а полк с криками «ура!» пришел присягнуть Екатерине, говоря: «Виноваты, что последние пришли: офицеры нас не пускали; зато четырех мы арестовали и привели в доказательство нашего усердия, потому что мы того же хотим, чего наши братья». Вместе с преображенцами, конногвардейцами и другими гвардейцами Державин попал во дворец, где рядом с ним, возможно, оказался и наш герой, быть может, они там и познакомились или просто наблюдали за происходящим. Но тем не менее в дальнейшей служебной карьере великому поэту не раз помогал бывший гвардеец Григорий Потемкин.

Разобравшись по ранжиру, роты гвардейцев с трепетом целовали Святой крест, подносимый каждому рядовому архиепископом Новгородским, и это была присяга в верности службы императрице Екатерине. День соответствовал значимости события, небо было безоблачным, и ярко, будто желая, чтобы все увидели торжество немецкой принцессы, светило солнце. Державин вспоминает, что нескончаемым потоком приходили во дворец армейские полки и, присягнув, примыкали к полкам гвардии, «занимая места по улицам Морским и прочим», даже до отдаленного района Петербурга — Коломны.

Завершив триумфальный объезд казарм, где Екатерина каждый раз встречала восторженный прием, она прибыла в Зимний дворец. Ее верная подруга и соратница Екатерина Дашкова, узнав о происходящем в столице, надела парадное платье и поспешила присоединиться к императрице. В карете она подъехала к площади перед дворцом, заполненной гвардейцами, многие из которых уже успели переодеться в невесть как сохраненную форму петровского образца, скинув ненавистную прусскую амуницию, и армейскими полками. «Я хотела пересечь площадь, — вспоминала Екатерина Романовна, — некоторые офицеры и солдаты меня узнали, подняли и понесли над толпой». Остановились они только перед покоями Екатерины. Измятое платье, растрепанная прическа, румянец на щеках и горящие глаза — такой предстала

перед императрицей Дашкова. Они бросились в объятия друг к другу, повторяя: «Слава Богу! Слава Богу! Слава Богу!» Это все, что они могли сказать. Когда спало волнение, императрица рассказа о своем побеге из Петергофа и о том, с каким восторгом ее встречали полки, а Дашкова посетовала, что не могла приехать сразу, так как не был готов ее мужской костюм.

Прибытие юного наследника Павла Петровича, доставленного во дворец прямо в ночной рубашке, было встречено радостными криками толпы, проникшими в покои сквозь растворенные окна. По приказу Екатерины все двери во дворец открыты: каждый может приблизиться к своей императрице. Члены Священного синода, сенаторы, высшие сановники, придворные вельможи, послы, купцы, горожане — все спешат выразить свои верноподданнические чувства, поздравить ее величество, коснуться края одежды. В течение нескольких часов Екатерина, во всем блеске своего обаяния, радостная и сияющая, принимает поздравления высокопоставленных лиц и простолюдинов. Время от времени она отдает вполголоса распоряжения своим верным сторонникам: проследить, чтобы известие о перевороте как можно позже достигло Петра III, перекрыть все въезды в город и дорогу на Ораниенбаум, послать сообщение о смене власти в полки, стоявшие в окрестностях столицы, и на базу военно-морского флота в Кронштадт, вернуть из Нарвы войска, отправленные в Данию, во избежание беспорядков строго контролировать раздачу спиртного... Все происходившее до мельчайших подробностей контролировалось Екатериной, все решения принимались ею, она теперь глава государства. На улице тем временем огласили манифест, отпечатанный ночью. В нем императрица объявляла причины, толкнувшие ее на такие решительные действия, только они и могли спасти Россию от уничтожения православной веры, порабощения славы российского оружия после заключения мира с Пруссией, нарушения «внутренних порядков». «Того ради, убеждены будучи всех наших верноподданных таковою опасностью, — объявляла Екатерина II, — принуждены были, приняв Бога и его правосудие себе в помощь, а особливо видев к тому желание всех наших верноподданных явное и нелицемерное, вступили на престол наш всероссийский и самодержавный, в чем и все наши верноподданные присягу нам торжественно учинили».

В это время ничего не подозревающий Петр III в сопровождении своей любовницы Елизаветы Воронцовой, придворных кавалеров и дам в парадных туалетах приезжает из Ораниенбаума в Петергоф. Остановившись у павильона Монплезир, где он ожидал найти свою супругу, облаченную для встречи с ним в парадное платье, Петр поражается тишине, которая его пугает. Двери и окна закрыты, не видно суетящихся слуг, никто не спешит проводить императора в покои. Наконец подходит офицер охраны и сообщает: «Дом пуст. На рассвете императрица бежала». Петр с криками «Катерина, Катерина!» вбегает в комнаты, словно желая отыскать в пустом доме обманувшую его супругу, пробегает через зимний сад, китайский кабинет, приемную, оттуда в музыкальный салон — ее нет, это не шутка, она не прячется от него, как бывало во времена их отрочества. Канцлер Михаил Воронцов сообщает Петру III о сведениях, только что полученных от тайного агента в Петербурге: Екатерина провозглашена императрицей. Петр не находит в себе сил сопротивляться, не готов сражаться, не хочет выступать с голштинским войском на столицу; он сломлен.

Неудачей обернулась и попытка сторонников свергнутого императора привезти его в Кронштадт. 29 июня в час ночи императорской яхте, вошедшей при свете летнего неба над Финским заливом на рейд морской крепости, не позволили пришвартоваться. «Нет больше императора. Да здравствует императрица, — прокричал вахтенный офицер. — Возвращайтесь в море!» На рассвете судно причалило у летней резиденции в Ораниенбауме. Петр не слушает советов, он не хочет принимать никаких решений, единственное, что ему надо, — забыть, лечь спать, никого не видеть.

В то время как свергнутый император направлялся в Кронштадт, его супруга после легкого обеда, отдав необходимые для защиты города распоряжения и переодевшись вместе с Дашковой в позаимствованные у верных гвардейских офицеров мундиры, во главе войска направилась в Ораниенбаум, чтобы самолично арестовать неудачливого супруга. По традиции императорской семьи, она приняла на себя звание полковника Преображенского и Конного полков. Выйдя из дворца по наружной лестнице на площадь, Екатерина приняла первый парад своего царствования.

Именно с ним связана и знаменитая легенда о темляке, якобы благодаря которому императрица обратила внимание на Григория Потемкина. Легко вскочив в седло белого породистого рысака, императрица заметила, что на сабле нет темляка. Потемкин, находившийся в свите императрицы, услышав об этом, сорвал свой и поднес ей, обратив на себя внимание. Но, как мы уже поняли, Екатерина не только знала Потемкина, но и заметила его «сметливость, мужество и расторопность». Кроме этого Потемкин как унтер-офицер не имел темляка.

Из столицы полки выступили обыкновенным церемониальным маршем, повзводно, под барабанный бой. Во главе — императрица в мундире на белом коне с обнаженной шпагой в руках. Она лихо усмиряет приплясывающего от нетерпения горячего коня, длинные каштановые волосы, вырывающиеся из-под собольей шапки с венком из дубовых листьев, развеваются на ветру. Зрелище было величественным и завораживающим: эта женщина в мужском мундире, олицетворяющая силу и грацию, вызывала всеобщее восхищение и желание следовать за ней на край света. Она хорошо продумала и политический эффект своего появления в гвардейском мундире во главе армии — это торжество над жалким противником, спрятавшимся под юбкой фаворитки. Возгласы восхищения и одобрения перекрывают грохот барабанов и звуки флейт.

Через двадцать лет Державин, вспоминая этот величественный день триумфа Екатерины, поэтически обращаясь к великому художнику прошлого Рафаэлю, просил его:

Одень в доспехи, в брони златы
И в мужество ея красы;
Чтоб шлем блистал на ней пернатый,
Зефиры веяли власы;
Чтоб конь под ней главой крутился,
И бурно бразды опенял;
Чтоб Норд седый ей удивился,
И обладать собой избрал.

Идущая сквозь летнюю ночь, армия во главе с богиней войны спустя несколько часов достигает небольшого местечка Красный Кабак, где объявляется привал. Княгиня Дашкова вспоминает,

что в скверном доме, оказавшемся жалким постоялым двором, нашлась всего лишь одна широкая кровать. Застелив ее офицерским плащом, женщины смогли отдохнуть, не раздеваясь, несколько часов, но в пять утра 29 июня они вновь вскочили в седла. По дороге в Ораниенбаум парламентарии Петра III передают Екатерине его предложения о начале переговоров и условиях разделения власти, которые она отклоняет. Ей нужна только полная победа.

Гаврила Романович Державин вспоминает, как ранним утром полки подошли к Петергофу, находившемуся всего в девяти верстах от Ораниенбаума, и «чрез весь зверинец, по косогору, увидели по разным местам расставленные заряженные пушки с зажженными фитилями» под прикрытием нескольких армейских полков и голштинских батальонов. Немедленно доложили Екатерине. Но, не сделав ни единого выстрела, все они отдались государыне в плен и принесли ей присягу верности. Вернувшись спустя несколько часов (но каких!) в Монплезир, Екатерина продиктовала текст отречения, его должен был подписать свергнутый император.

В ожидании ответа Петра III Екатерина садится за стол с офицерами, но даже среди торжествующих сторонников ее не оставляют размышления о том, что должно свершиться. Что, если он откажется подписать отречение? Встречаться ли с ним, когда его привезут? Как решить судьбу супруга, ведь он всегда будет напоминанием о ее незаконном восшествии на престол? Вопросы без ответов.

После обеда, часу в пятом, мимо расположившихся в Петергофе полков проследовала большая четырехместная карета в сопровождении конного конвоя с завешенными окнами, с вооруженными гвардейцами на запятках, на козлах и по подножкам. Привезли отрекшегося от престола Петра III. Все кончено, теперь Екатерина может торжествовать: она победила. На просьбу встретиться с женой свергнутый император получает отказ, с него снимают награды, шпагу и военный мундир, дав взамен гражданскую одежду. С его любовницы Елизаветы Воронцовой толпа солдат сорвала все украшения. Никита Панин объявляет Петру III волю императрицы — отныне он государственный узник и будет жить в загородном дворце в Ропше, недалеко от

Санкт-Петербурга, в ожидании решения своей участи. Его увозят в той же карете в сопровождении Алексея Орлова и конвоя из преданных сторонников Екатерины, среди которых оказался и Григорий Потемкин.

Войска в седьмом часу пополудни тронулись из Петергофа в обратный путь на Петербург, как вспоминают участники этого знаменательного похода, шли они всю ночь «и часу по полуночи в двенадцатом прибыли благополучно вслед императрицы в летний деревянный дворец», где, простояв часа два, были распущены по квартирам.

Большая четырехместная карета, запряженная несколькими лошадьми, доставила свергнутого императора в сопровождении конвоя в место его последнего приюта — по словам Екатерины II, «местечко, называемое Ропша, очень уединенное и приятное». Окошки были также плотно зашторены, на запятках, козлах и подножках по-прежнему находились вооруженные гренадеры. Вместе с Петром III был оставлен только камер-лакей Маслов, а с фавориткой Елизаветой Воронцовой его разлучили навсегда. За каретой скакал конвой во главе с Алексеем Орловым, с ним было еще четыре обер-офицера и сто человек унтер-офицеров и солдат.

Начальник стражи, Алексей Орлов, в письме, посланном 2 июля самой императрице, упоминает имя Потемкина, находящегося в составе команды наиболее доверенных лиц: «Матушка милостивая, государыня, здраствовать Вам мы желаем нещетные годы. Мы теперь по отпуске сего письма и со всею командою благополучны, только урод наш очень занемог и схватила его нечаенная колика, и я опасен, штоб севоднишную ночь не умер, а больше опасаюсь, штоб не ожил. Первая опасность, што он действительно для нас всех опасен для тово, што он иногда отзывается, хотя в прежнем состоянии быть. В силу имяннова вашего повеления я салдатам деньги за полгода отдал, також и ундер-офицерам, кроме одного Потiомкина, вахмистра, для того, што он служит без жалованья». Это говорилось уже после смерти Петра III, тайна которой будоражит многих историков до сих пор.

Тот факт, что Потемкин, еще не имевший офицерского чина, оказался среди активных участников переворота, весьма примечателен. Еще одним немаловажным свидетельством участия

Потемкина в перевороте 1762 г. являются награды, их он был удостоен за услуги, оказанные при этом случае Екатерине II. Многие офицеры Конного полка были пожалованы следующими чинами. В июле от полка был представлен доклад о произведении в корнеты вахмистров Конной гвардии, а против фамилии Потемкина императрица написала: «быть порутчиком»; кроме этого он получил 400 душ крестьян и 10 000 рублей.

Местечко Ропша, куда доставили Петра III, было подарено ему теткой императрицей Елизаветой Петровной и являлось прекрасным образцом русского барокко. Удачно вписанная в красивый природный ландшафт, дворцовая Ропша считалась одной из красивейших пригородных императорских резиденций. В прудах, окружавших дворец, разводили форель, карпов, карасей — опальный император, как и его тетушка, был любителем рыбной ловли. В парках, незаметно переходивших в густые еловые и лиственные леса, водились медведи, волки, специально выпущенные олени, зайцы и прочее зверье.

Около восьми вечера карета с Петром III замедлила ход и, свернув с петергофской дороги, оказалась на аллее Верхнего парка. Спустя несколько минут она остановилась перед дворцом. Солдаты окружили его, у каждого окна были поставлены часовые, а при дверях даже по двое. Охрана распахнула дверцы, и пленника провели через внутренний садик в покои. Его поместили в спальне, где стояла широкая кровать с балдахином. К спальне примыкала маленькая комната, в которой Петр III, как он писал к Екатерине, едва мог передвигаться. При свергнутом императоре неотлучно находился охранник, ни на минуту не покидавший пленника, что очень смущало его — об этом он тоже писал к супруге. В своих посланиях он просил прислать к нему Елизавету Романовну, а с нею любимую собачку, негра Нарцисса и скрипку. «Но, — сообщала Екатерина своему бывшему фавориту Станиславу Понятовскому в Польшу, — боясь произвести скандал и усилить брожения среди людей, которые его караулили, я ему послала только три последние вещи».

В комнатах при свергнутом императоре постоянно находились только офицеры, поэтому вряд ли мог унтер-офицер Григорий Потемкин стать свидетелем тех неприглядных сцен, устраивавшихся в дворцовых покоях и сохранившихся в рас-

сказах современников. О том, что происходило в Ропшинском дворце, многие могли только гадать. 1 июля в Петербург прибыл курьер с известием, что бывший император нездоров, только спустя два дня лейб-медик Лудерс отправился в «скверном русском экипаже» вместе с любимым мопсом и скрипкой Петра Федоровича в Ропшу.

Через несколько дней Екатерина получила печальное известие от Алексея Орлова: «Матушка милосердная государыня. Как изъяснить, описать, что случилось: не поверишь верному своему рабу, но как перед Богом скажу истину. Матушка! Готов идти на смерть; но сам не знаю, как эта беда случилась. Погибли мы, когда ты не помилуешь. Матушка — его нет на свете. Но никто сего не думал. И как нам задумать поднять руку на государя! Но, государыня, совершилась беда. [Мы были пьяны, и он тоже.] Он заспорил за столом с князем Федором, не успели мы разнять, а его уже и не стало. Сами не помним, что делали; но все до единаго виноваты, достойны казни. Помилуй меня для брата. Повинную тебе принес, и разыскивать нечего. Прости или прикажи скорее окончить. Свет не мил, прогневили тебя и погубили души навек».

В письме к бывшему фавориту Станиславу Понятовскому Екатерина излагает иную версию смерти Петра III: у свергнутого императора случился приступ геморроидальных колик вместе с приливами крови к мозгу, два дня он был в этом состоянии, потом последовала страшная слабость, и, несмотря на усиленную помощь докторов, он «испустил дух, потребовав (перед тем) лютеранского священника». По словам Екатерины, она, опасаясь, не отравили ли пленника офицеры, приказала произвести вскрытие тела, но не было обнаружено «ни малейшего следа (отравы)»; Петр III имел совершенно здоровый желудок, но умер он от «воспаления в кишках и апоплексического удара». «Его сердце, — замечает овдовевшая Екатерина Алексеевна, — было необычайно мало и совсем сморщено».

Верная подруга императрицы Екатерина Дашкова спустя годы вспоминала о том трагическом дне, когда государыня получила известие о смерти Петра III: «Я нашла императрицу в совершенном отчаянии; видно было, под влиянием каких тяжких дум она находилась. Вот что она мне сказала: “Эта смерть наводит на

меня ужас; этот удар меня сокрушает"». Верный статс-секретарь императрицы Храповицкий в своем дневнике подробно рассказал, как Екатерина II беседовала с ним о перевороте 1762 г. Она говорила, что ее восшествие на престол нельзя сравнить с переворотом, возведшим на трон императрицу Елизавету Петровну. «Тут не было неустройства, но было единодушие... Меня знали 18 лет прежде», — сказала Екатерина.

Многие годы историки пытаются разгадать тайну смерти Петра III: был ли это приказ Екатерины II или инициатива Орловых, знала ли она или нет, искренне соболезновала и переживала или надела маску и лицедействовала, чтобы оправдать себя? Навеки стены Ропшинского дворца спрятали ответы на все эти вопросы. Трудно поверить, что Екатерина II, только что захватившая власть, была настолько уверена в незыблемости своего нового положения, что распорядилась о расправе с низвергнутым императором. Приказала ли Екатерина умертвить свергнутого императора и супруга или нет, нам неизвестно, но его смерть избавила ее от опасности нового дворцового переворота в пользу заточенного монарха и постоянной оппозиции, поддержкой которой мог стать живой Петр III. Однако образ супруга еще долгие годы преследовал Екатерину, то там, то здесь на обширной территории Российской империи появлялись самозванцы, выдававшие себя за чудом спасенного царя, а самым опасным стал Емельян Пугачев.

Вот так, поставив все на карту, рискнув не только собственной судьбой и жизнью, но и многими другими, немецкая принцесса из небогатого Анхальт-Цербстского рода стала самодержицей громадной Российской империи, повелительницей многих и многих народов, населявших ее. Позже она напишет барону Гримму об этих трагических днях переворота 1762 г. в ее жизни и судьбе России: «Все дело заключалось в том, чтобы или погибнуть вместе с сумасшедшим, или спастись вместе с народом, который хотел избавиться от него. Если бы он вел себя благоразумнее, с ним бы ничего не случилось». Постепенно Екатерина уверила и себя, и окружающих в том, что она единственная была спасительницей великой Российской империи. Страна с радостью приняла узурпировавшую власть Екатерину, которая благополучно процарствовала 34 года и вошла навеки в российскую историю как Екатерина Великая. «Счастье не так слепо, как его себе пред-

ставляют, — напишет она позднее в своих «Записках». — Часто оно бывает следствием длинного ряда мер, верных и точных, не замеченных толпою и предшествующих событию. А в особенности счастье отдельных личностей бывает следствием их качеств, характера и личного поведения».

Глава 5. ДА ЗДРАВСТВУЕТ ИМПЕРАТРИЦА!

Для императрицы Екатерины Алексеевны захватить власть — мало, надо было ее удержать, добиться всеобщей любви и послушания, достичь своей цели — создания государства, где будет реализована идея ее наставников-просветителей, идея «всеобщего блага». Вспоминая о том, в каком состоянии ей досталась страна, Екатерина не без основания указывала на довольно затруднительные обстоятельства, при которых она начала царствовать: «Финансы были истощены. Армия не получала жалованья за три месяца. Торговля находилась в упадке, ибо многие отрасли ее были отданы в монополию. Не было правильной системы в государственном хозяйстве. Военное ведомство было погружено в долги; морское едва держалось, находясь в крайнем пренебрежении. Духовенство было недовольно отнятием у него земель. Правосудие продавалось с торгу, и законами руководились только в тех случаях, когда они благоприятствовали лицу сильному...»

Первые шаги Екатерины II после дворцового переворота были направлены на сохранение и упрочение власти. Возведенная на российский престол дворянской гвардией, она хорошо понимала, что шляхетство не хочет довольствоваться законом о «вольности дворянской», дарованным еще свергнутым правителем, оно хотело большего расширения и укрепления своих прав. Императрица подтвердила манифест Петра III и попыталась расположить дворян другими мерами. К этому Екатерину II подталкивало и обострение политической ситуации, связанное с мятежом в Шлиссельбургской крепости. В ночь с 4 на 5 июля 1762 г. поручик Смоленского полка В.Я. Мирович вывел отряд из 38 ничего не подозревавших солдат и попытался захватить крепость, проникнуть в секретную казарму, где содержался

экс-император Иоанн Антонович — российская «железная маска»; караульные закололи узника шпагами, и мятеж окончился арестом зачинщиков. Убийство Иоанна Антоновича, последовавшее за странной кончиной Петра III, нанесло Екатерине II колоссальный ущерб в глазах общества, но одновременно положение ее на троне теперь стало гораздо надежнее, чем раньше. Представители политической элиты, ее сторонники и сановники, желавшие регентства Екатерины при малолетнем Павле, превратились в стойких приверженцев нового режима, понимая необходимость политической стабильности.

Рядом с Екатериной находился ее верный друг, вдохновитель и организатор дворцового переворота, фаворит и отец сына Алексея, Григорий Григорьевич Орлов. Он был произведен в генерал-майоры и получил орден Святого Александра Невского. Все братья Орловы были возведены в графское достоинство. В первые годы правления Екатерины II отношения между ней и Орловым можно назвать самыми близкими: он посвящен во все государственные дела и является первым советником Екатерины II. В фаворе состояли и его четыре брата, активнейшие участники дворцового переворота — Алексей, Федор, Иван и Владимир, занявшие высокие посты в государственном аппарате.

Григорий Григорьевич Орлов не был заурядным гвардейским офицером. Этот красавец-мужчина, выделявшийся высоким ростом, привлекательными чертами лица, общительным характером, не мог не вызывать любви и восхищения. Даже главный критик Екатерины II князь М.М. Щербатов, осуждая некоторые пороки этого фаворита, не без признательности говорит о разных добрых качествах его. О достоинствах Григория Орлова Екатерина с восторгом писала своей постоянной корреспондентке госпоже Бьельке, расхваливая красоту, ум, познания, доблесть своего любимца: «Природа избаловала его; ему всего труднее заставить себя учиться, и до тридцати лет ничто не могло принудить его к тому. При этом нельзя не удивляться, как много он знает; его природная проницательность так велика, что, слыша в первый раз о каком-нибудь предмете, он в минуту схватывает всю его суть и далеко оставляет за собой того, кто с ним говорит». Когда Екатерина говорит о нежелании Григория Орлова учиться, то скорее имеет в виду отсутствие у него стрем-

ления овладеть опытом государственного управления, поскольку нам известно, что в 1739 г., в пятнадцатилетнем возрасте, он был определен в элитное учебное заведение России — Петербургский сухопутный кадетский корпус, по окончании которого стал офицером. Он участвовал в Семилетней войне и уже тогда покорял окружающих ласковым и приятным обращением, красотой и щегольством. Автор знаменитых записок о временах Екатерины II А.Т. Болотов писал о нем: «Он и тогда имел во всем характере своем столь много хорошего и привлекательного, что нельзя было его никому не любить».

Григория Орлова отличали небывалая энергия и здравый смысл, он следовал во всем увлечениям своей императрицы, выполняя те задания, которым Екатерина придавала особое значение. Орлов был знаком и состоял в переписке с французским просветителем Ж.Ж. Руссо и в 1765 г. даже предлагал ему поселиться в России. В декабре 1762 г. состоялся знаменитый манифест о переселении в Россию иностранных поселенцев, чтобы решить проблему малолюдства страны и привлечения опытных специалистов. Именно Орлову Екатерина II поручила это новое и важное для страны дело — создание в России иностранных колоний, за его исполнение он взялся с особым энтузиазмом. Фаворит императрицы стал одним из основателей и президентом знаменитого «Вольного экономического общества». Члены этого общества пытались решать насущные вопросы экономического развития России, в том числе и столь сложную для страны проблему отмены крепостного права. В 1767 г. дворяне Копорского уезда Петербургской губернии избрали его депутатом в Уложенную комиссию.

В страшный для страны 1771 г., когда в древней столице, сердце страны — Москве вспыхнула эпидемия чумы и кровавый бунт, жертвой которого пал архиепископ Амвросий (Зертис-Каменский), Екатерина II, полностью доверяя своему милому другу и надеясь только на него, манифестом 21 сентября объявила о посылке в город «персоны от нас поверенной» — графа Г.Г. Орлова, избранного «по довольно известной его ревности, усердию и верности к нам и отечеству»; фавориту должны были повиноваться все учреждения. Прибыв в Москву, Орлов прежде всего объявил, что в городе действительно свирепствует «моровая язва» и призвал жителей к спокойствию и мужеству.

Были учреждены специальные комиссии, доктора, получавшие по приказу Орлова двойное жалованье, стали объявлять народу, «как всякий предохранить сам себя и пользовать может»; увеличилось число карантинов и больниц.

По свидетельству современников, Орлов, проявляя мужество своей натуры, «лично посещал госпитали, оказывал пособие зараженным, являлся среди народа, участвовал в крестных ходах». Екатерина II считала убыль чумы в Москве и устранение бунта заслугой Орлова. Графа торжественно встретил Петербург, а в память его деятельности была выбита медаль с надписью «За избавление Москвы от язвы» и воздвигнуты триумфальные мраморные ворота в Царскосельском саду.

Память о добрых делах Григория Орлова нашла выражение и в трогательных строках неизвестного автора-современника:

Не гордость пышная им в счастьи обладала,
Но сердца чистота одна в нем обитала.
Молений плачущих Орлов не презирал;
Но, сострадая им, их слезы отирал.

22 сентября 1762 г. в Успенском соборе Московского Кремля состоялась величественная церемония коронации императрицы Всероссийской Екатерины II, она символизировала законность власти новой государыни, взошедшей на российский престол в результате дворцового переворота. Примечательно, что знакомство юной немецкой принцессы с неведомой страной, с новыми людьми, их обычаями и традициями началось именно с древней столицы России. Почти весь свой первый год в России прожила она в Москве, здесь тяжело заболела, чуть не умерла, а затем, едва оправившись, впервые отпраздновала свой день рождения на новой родине.

Екатерина II прекрасно понимала значение этого города в жизни России. Торжеству коронации предшествовала большая подготовительная работа, в ходе которой шла кропотливая проработка мельчайших деталей предстоящего знаменательного события. Так, например, 23 июля 1762 г. руководитель Камер-цалмейстерской конторы Дмитрий Симонов докладывал в Кабинет Ея императорского величества о подготовке к коронации:

«манту, которую подложить и опушить горностаевыми мехами, а на подкладку и на опушку оной манты потребно восемь мехов горностаевых...» В тот же день главный распорядитель торжеств князь Н.Ю. Трубецкой прислал Екатерине II чертежи четырех триумфальных ворот, возводившихся в Москве в честь ее коронации. Предполагалось построить заново двое ворот — в Земляном и Белом городе по Тверской, а в Китай-городе ворота, называемые «по просторечию куретные» и в Кремле Никольские — только украсить. Для пребывания императрицы и организации коронации, согласно сообщению Трубецкого, «от вновь построенных в кремлевском дворце Вашего величества покоев к Грановитой полате сделать надобно покрытую каммуникацию... покрытый проход к апартаментам Вашего величества и зделать же извнутри дворца к покоем Вашего величества лестницу, ибо тепере кроме одного большего приезду, то есть Красного крыльца, иного нет...».

Грановитая палата в честь торжества была убрана бархатом, на Ивановской площади от Успенского до Архангельского и от Архангельского до Благовещенского соборов и вокруг Ивановской колокольни были построены специальные мосты и «вкружие Ивановской колокольни» галереи, отремонтировали к коронации Казанский собор, Кремлевский и Потешный дворцы; Кремль был богато иллюминирован. В представленных на высочайшее рассмотрение ведомостях подробно перечислялись мельчайшие детали подготовки и организации торжества, начиная от убранства императорского места в Успенском соборе золотой парчой, заканчивая покупкой «чернил арешковых» и гусиных перьев.

Екатерина II придавала большое значение церемонии священного венчания, для нее было важно это величественное действие, проникнутое сакральным смыслом. Получение царских регалий и мистическое обретение Божественной благодати через миропомазание и литургическое таинство делали ее законной самодержицей Всероссийской в глазах подданных и всего мира. Москвичи смогли стать свидетелями великолепных коронационных торжеств, продлившихся неделю: театральные представления сменялись балами и маскарадами у частных лиц, вечером жителей ждали изумительные по красочности фейерверки.

В составе трех эскадронов Конной гвардии Григорий Потемкин, исполненный гордостью, что и его заслуга есть в триумфе императрицы, сопровождал Екатерину в Москву осенью 1762 г. и присутствовал на торжественной коронации. Во время этой церемонии конногвардейцы по обыкновению были в пешем строю; в Кремлевском дворце офицеры торжественно приносили поздравления императрице, а она раздавала награды, и в первую очередь тем, кто «отличную услугу и верность» оказал ей при восшествии на престол.

Бытует мнение, основанное на записке Екатерины II «Размышления о Петербурге и Москве», что она негативно относилась к древнему городу, считая его «столицей безделья». Однако всей своей деятельностью императрица доказала желание изменить облик Москвы, благоустроить ее; она со вниманием отнеслась к совету французского просветителя XVIII в. Дени Дидро, посетившего Россию в 1773—1774 гг., который предлагал снова перенести столицу в Москву. Положение Москвы укрепилось, когда Екатерина II уравняла ее в правах с Петербургом и перевела туда некоторые правительственные учреждения (Главную межевую канцелярию, Сенатскую и Синодскую конторы, Монетную экспедицию). Многие законодательные акты Екатерины II были посвящены сохранению и укреплению статуса Москвы, ее благосостоянию.

Собирая вокруг себя талантливых, а главное для нее в тот момент — преданных людей, Екатерина не могла не обратить внимания на бывшего питомца Московского университета, выделявшегося своей ученостью и способностями. 30 ноября Потемкин назначен ко двору камер-юнкером с оставлением в полку, так же как и прочие конногвардейцы камер-юнкеры.

Первоначально придворный чин камер-юнкера относился к IX классу «Табели о рангах», но в 1742 г. он был установлен в V классе и входил в разряд вторых чинов двора. В «Табели» камер-юнкер соответствовал подполковнику в гвардии, бригадиру в армии, полковнику от артиллерии или статскому советнику в гражданской службе. Право производства в придворный чин в данном случае зависело целиком от усмотрения императрицы. Стать придворным можно было путем гражданской или военной службы. Но был и иной путь получения этого чина, как в случае с Потемкиным и другими участниками переворота, — экс-

траординарное пожалование его императрицей. Она сразу по восшествии на престол в 1762 г. утвердила инструкцию для придворных кавалеров-камергеров и камер-юнкеров, составленную обер-камергером графом П.Б. Шереметевым. Обязанности обладателей этих чинов сводились главным образом к «дежурству при Ее императорском величестве», но и от этого многие были фактически освобождены. Камергерские и камерюнкерские обязанности оказывалось возможным совмещать с другой службой, в частности с военной (из 123 камер-юнкеров, получивших этот чин в царствование Екатерины II, военными были 111).

Казалось, судьба благоволит Потемкину, он замечен императрицей и допущен в узкий кружок личных друзей государыни, сопровождает ее в поездках в село Тайнинское 18 апреля 1763 г. и Воскресенский монастырь — Новый Иерусалим 2 мая. Новый Иерусалим, построенный знаменитым патриархом Никоном, — одно из традиционных и любимых мест паломничества российских монархов. Путешествие всегда было неспешным, Екатерина II любила по дороге посещать примечательные места и имения своих вельмож. В этот день, покинув Москву в начале двенадцатого часа, свита императрицы, в которой находился Григорий Потемкин, во втором часу пополудни прибыла в село Знаменское, принадлежавшее князю Василию Михайловичу Долгорукову и располагавшееся в 20 верстах от города. Здесь при колокольном звоне и пушечной пальбе со святым крестом императрицу встретили духовные чины. Обедать Екатерина II с кавалерами, дамами и фрейлинами изволила в доме своего вельможи. Григорий Потемкин, еще не входивший в ближайшее окружение императрицы, расположился вместе с остальной свитой за особливыми столами. Когда подняли тост за здравие Ее императорского величества и Его императорского высочества, грянула пушечная пальба. Радушный хозяин организовал необычное развлечение: Екатерина II и ее свита с берега пруда наблюдали за ловлей рыбы.

Затем весь двор пешком следовал до села Чернева, где у церкви при колокольном звоне их встречал священник. Ее величество, приложась к кресту, проследовала в приготовленный для нее дом, который по обычаю именовался дворцом с того момента, как его порог переступила царственная особа. При уступах на крыльцо Екатерине II монахи Нового Иерусалимского монасты-

ря поднесли хлеб и соль и были жалованы к руке. Сердце глубоко религиозного Григория Потемкина наполнялось радостью при виде того, как торжественно приветствуют монахи прославленного монастыря новую самодержицу Всероссийскую и с каким она почтением относится к обрядам и традициям православной церкви. На следующий день он смог стать свидетелем любимой забавы русских государей — егерной охоты в поле. Далее императрица в сопровождении свиты прибыла в Новый Иерусалим. Здесь ее встречали преосвященнейший архиепископ Амвросий с архимандритами и монахами в священном облачении, с хоругвями и святыми иконами. По окончании поздравительной речи началось шествие, монахи пели стих «Святися, святися Новый Иерусалим», торжественно звонили колокола, а преосвященный Амвросий кропил путь монаршей гостьи святой водой. Церковные торжества продолжались несколько дней, немецкая принцесса, ставшая православной самодержицей, следовала всем канонам церковной службы, прикладывалась к гробу Христа Спасителя и к святым иконам, внимала божественной литургии.

Еще только будучи новичком в придворных торжествах, наблюдая за своей императрицей, старавшейся расположить к себе своих подданных, Григорий Потемкин упивался мечтами. Юноша был счастлив: он в свите императрицы, будущее представляется ему в блеске церемониальных торжеств, балов, маскарадов, непременным участником которых он станет. Юноша жаждет заслужить доверие Екатерины II, приблизиться к ней, возможно, сделать блестящую карьеру и послужить Отечеству и монархине.

Многие его современники, уже когда он совершил все задуманное и даже более, достиг вершин власти, вспоминали любопытные истории о первых шагах Потемкина при дворе и пытались увидеть в них первые попытки сближения Григория и императрицы. Рассказывали, что он, желая понравиться Екатерине, ловил ее взгляды, вздыхал, имел дерзновение дожидаться в коридоре, а когда она проходила, падал на колени и, целуя ей руку, делал некоторого рода изъяснения, на что императрица взирала благосклонно. Племянник Потемкина Александр Самойлов описал очень характерный случай, свидетельствующий о том, что дядя его предпочитал больше русский язык для письма и общения, нежели французский, который он, по обычаю того вре-

мени, также прекрасно знал. Однажды за столом императрица обратилась к Григорию Потемкину с вопросом на французском языке, а он отвечал ей по-русски. Кто-то из сановников заметил ему, что следует отвечать на том языке, на каком предложен вопрос. Нимало не смущаясь и, наверно, даже бравируя своей смелостью (на нее, несомненно, обратила внимание Екатерина), Потемкин возразил: «Я, напротив того, думаю, что подданный должен ответствовать своему государю на том языке, на котором может вернее мысли свои объяснять; русский же язык учу я с лишком 22 года». Знаменитый проповедник времен Екатерины II и друг Потемкина митрополит Платон рассказывал, что Потемкин был обязан своим возвышением умению подделаться под чужой голос, чем иногда забавлял Григория Орлова. Фаворит императрицы сообщил об этой способности своего тезки государыне, и она пожелала видеть забавника. Потемкин о чем-то был спрошен Екатериной, отвечал ей ее же голосом и выговором, чем насмешил императрицу до слез.

В том же 1763 г. Григория Потемкина, едва вкусившего прелесть придворной жизни, постигает большое несчастье, способное привести к отставке от службы и окончанию какой-либо карьеры: он повредил роговицу и ослеп на один глаз. Кого угодно подобное происшествие может повергнуть в отчаяние, а уж тем более человека, мечтающего о блестящем будущем и стремящегося к достижению своей цели. В исторической литературе встречаются различные версии потери глаза Потемкиным — от ревности Орловых до невежества знахаря, многие рассказы носят поистине анекдотический и даже легендарный характер. Правдоподобнее всех представляется рассказ Александра Самойлова о том, что дядя его однажды, заболев сильною горячкою и не доверяя медикам, велел отыскать мужика-знахаря, а тот обвязал ему голову и один глаз какой-то припаркой, лишившей Григория Алексеевича способности видеть этим глазом. Действительно, уровень медицины в это время оставлял желать лучшего, врачей было мало и только иностранцы, поэтому многие предпочитали дедовские методы лечения и обращались к малограмотным знахарям.

Все рассказчики сходны только в передаче довольно важного обстоятельства: сама Екатерина II позаботилась о привлечении вновь ко двору Потемкина, отсутствовавшего около 3 месяцев.

Тогдашние остроумы сравнивали ослепшего на один глаз Потемкина с афинейским Альцибиадом, «прославившемся душевными качествами и отличною наружностью».

Многовековая традиция службы государю и Отечеству, сохранявшаяся в роду Потемкиных, оказала влияние на молодого Григория. Московский университет, в стенах которого Потемкин достиг определенных успехов, стал для него важной ступенью в освоении азов государственной деятельности, а военная служба сформировала у него представления о долге, чести и ответственности за порученные дела. Начало служебной деятельности Потемкина совпало с важнейшими политическими преобразованиями в России. Приняв участие в дворцовом перевороте на стороне Екатерины, он сделал решительный шаг на пути к вершинам государственной власти.

19 августа 1763 г. Екатерина II подписала указ, где повелевала «в Синоде беспрерывно при текущих делах, особливо при собраниях, быть Нашему камер-юнкеру Григорию Потемкину и место свое иметь за обер-прокурорским столом, дабы он слушанием, читанием и собственным сочинением текущих резолюций и всего того, что он к пользе своей за потребно найдет, навыкая быть искуссным и способным к сему месту для отправления дел, ежели впредь, смотря на его успехи, за благо усмотрим его определить к действительному по сему месту упражнению. Чего ради, по доверенности в допущении к делам привести его повелеваем к присяге».

Синод являлся высшим государственным органом по делам русской православной церкви и был создан Петром I в 1721 г. из Духовной коллегии. Правительственное его значение в делах и учреждениях церкви равнялось значению Сената в делах государственного управления. Синод имел право учинять конференции с Сенатом и сноситься с ним ведениями, а коллегиям и провинциальным учреждениям посылать указы. В ведении Синода находились самые разнообразные дела: чисто церковного характера (например, истолкование церковных догм), церковно-административные и хозяйственные дела, борьба с еретиками и раскольниками, церковная цензура. На заседаниях рассматривались документы, поступавшие из Военной, Адмиралтейской, Иностранной коллегий, Коллегии экономии, Сената,

Московского университета, губерний и других государственных учреждений.

Екатерина, видимо, уже успела к этому времени заметить особенную склонность Потемкина к религиозным вопросам и чтению духовных книг, она знала о его тесном общении с митрополитом Платоном (Левшиным), архиепископом Амвросием (Зертис-Каменским) и другими представителями высшего духовенства, а обер-прокурор Синода И.И. Мелиссино был директором Московского университета в годы учения там Потемкина и привозил лучших учеников в 1757 г. ко двору в Санкт-Петербург. Для Потемкина открылась прекрасная возможность: сквозь призму церковного управления познакомиться с системой всего государственного устройства.

Екатерина II прекрасно осознавала, что для действительного, фактического влияния государства на Синод, а через него и на всю церковную жизнь недостаточно одного назначения обер-прокурора из числа лиц, вполне разделявших взгляды и намерения императрицы, а необходимо и предварительное основательное практическое знакомство предполагаемого преемника И.И. Мелиссино — Потемкина. Некоторые историки церкви рассматривали должность Потемкина как первый шаг к его назначению обер-прокурором. Учитывала императрица при назначении Потемкина и необходимость облегчить тяжелый труд нового обер-прокурора, особенно принимая во внимание происходившую в то время в высшей степени сложную разработку вопроса о предстоявшей секуляризации церковных имений.

С учетом требований, предъявлявшихся Потемкину, Екатериной была составлена специальная инструкция для него. Это подтверждает, что способности его были оценены значительно раньше, чем многие личные качества. Екатерине, только начинающей претворять в жизнь свой образ «просвещенного» государства, нужны были верные и преданные люди на различных постах. Пост, предложенный Григорию Потемкину, видимо, был важен для нее, если императрица сама занялась составлением инструкции. Она гласила:

«Из указа, даннаго об вас святейшему Синоду, хотя вам уже известно, с каким намерением определены вы в сие место, однако ж, для точнейшего вам в поступках ваших наставления, особенно предписываем мы вам еще нижеследующие:

1. Для лучшаго понятия дел, по сему месту производящихся, и дабы вы разсуждения ваши об оных, с хорошим основанием располагать могли, надлежит вам знать всемерно к духовному сему правительству принадлежащия узаконения, и для того приобресть себе достаточное сведение о поставленных Вселенскими и поместными соборами правилах святых отец, о Духовном регламенте, о касающихся до разных по духовным делам учреждений именных указов, о штате духовном и о всем прочем, что к сему принадлежит.

2. Сверх обыкновеннаго времени собрания и присутствия членов синодальных, не безполезно вам поставлять себе за должность, для лучшаго приобучения вашего, приезжать в Синод и без собрания в такие часы, в какие вам разсудится.

3. Заблаговременно справясь, какие дела на утро готовятся к докладу, причитывайте оныя со вниманием и делайте для себя ясныя примечания, дабы при случае могли вы — или разсуждения судейския точнее понимать, или, ежели что пропускается при докладах и разсуждениях, с благопристойностью припамятовать.

4. С крайним прилежанием внимать вы должны, какия приказываются резолюции, и по выходе членов или после полудня заставливать перед собою читать протоколы, так ли тот, кто протокол держал, оныя резолюции понял и то ли написал.

5. Когда определенно о деле важном поднесть нам доклад, тогда стараться, для лучшей своей приобычке, сочинять иногда оные вам самим, равно как и всякия иныя сочинения, а наипаче, которыя в народ за нашим подписанием издаются или синодским.

6. Во время отсутствия или болезни обер-прокурора долг вы имеете нам докладывать по всяким делам и наши по всяким делам и наши по оным повеления в Синоде записывать. Словом всему тому, что содействием вашим к облегчению порядочнаго дел течения, а притом и к лучшему оных познанию вашему служить может, должны вы со всяким радением приобучаться, ожидая нашей за то апробации и милости».

Сохранились журналы заседаний Синода, на основе которых можно получить представление о круге вопросов, решаемых с участием Потемкина. Его работа продолжалась и в 1766 г. 25 октября он прибыл в Синод в 11 утра и был до 13 часов, в это время слушались дела, связанные с решением типограф-

ских вопросов, затем следственное дело о священнослужителях, имеющих «волшебные тетрадки», т.е. рукописи с описанием магических обрядов. 27 октября Потемкин находился на заседании всего один час, с 12 до 13 часов, именно в это время обсуждалось строительство нового семинарского здания в Казани вместо сгоревшего и доношение Берг-коллегии о краже серы. 8 декабря он прибыл в Синод в 12 часов и участвовал в слушании дел: о посылке ведомостей в Академию наук для составления адрес-календарей, исправлении чина об отправлении в неделю православной церемонии, о грузинском архиепископе Зеноне.

Столь скудные сведения о службе Потемкина в Синоде свидетельствуют, что первый опыт практической подготовки правительственных чиновников для замещения обер-прокурорской должности оказался не столь удачным, как на это рассчитывала Екатерина II. Хотя скорее она увидела в Потемкине более глубокий потенциал, чем должность обер-прокурора, и не очень настаивала на тщательном исполнении инструкции, а сам Григорий окончательно решил, что карьера на духовном поприще не для него.

Одновременно со службой в Синоде Потемкин продолжал исправлять свои полковые обязанности. 31 декабря 1765 г. он был произведен в поручики, правил казначейскую должность и был назначен в полку для смотрения у шитья вновь «строившихся» вседневных мундиров, в 1766 г. за увольнением в отпуск ротмистра Мельгунова командовал 9-й ротой.

Весной 1767 г., накануне созыва своей знаменитой Уложенной комиссии, участники которой, а среди них окажется и наш герой — Григорий Потемкин, были призваны составить новое законодательство для обширнейшей и многонациональной страны, императрица Екатерина II с царственной парадностью отправилась в путешествие по Волге и посетила Казань. Эта поездка во многом повлияла на государственную деятельность монархини, на ее мнение о том, что нужно подданным и как организовывать внутриполитическую жизнь такой страны, как Россия.

Это путешествие императрица обдумывала несколько месяцев. Государыня хотела явить себя своим подданным и посмотреть, как живется народу по берегам могучей реки. Екатерина, возможно, следуя примеру Петра I, решила, что лучше всего сделать это, снарядив пышную флотилию, украсив корабли ее

знаками отличия и отрядив на них моряков из российского императорского флота. Парадная церемония путешествия должна была продемонстрировать подданным величие и небывалое значение российской императрицы — Екатерины Великой.

Екатерину II в поездке сопровождала целая флотилия лодок, в них разместился многочисленный императорский двор: сановники, государственные чиновники, придворные служители; всего около 2000 человек. Для «шествия» императрицы и придворных вельмож в Тверь было приготовлено 300 «дорожных колясок» и большое количество лошадей. Вместе с Екатериной II в путь отправились ее фаворит граф Г.Г. Орлов, его брат Алексей, граф Л.А. Нарышкин, графиня П.А. Брюс, С.М. Козьмин, И.П. Елагин и многие другие высокопоставленные лица из окружения монархини. Процессию сопровождали лекарь и аптекарь, повара, лакеи, егеря с ружьями; специально оборудованные кареты везли гардероб, ширмы, приборы, аптеку. 2 марта 1767 г. состоялся указ Сената, предписывающий Ямской конторе иметь на каждой станции, где предполагаются остановки императрицы, 75 лошадей для смены.

Для организации смены лошадей до Казани и обратно на все станции были отправлены обер-офицеры, в их обязанности входило обеспечение императорского шествия подводами и лошадьми.

Проехав Клин, Завидово и Городню, экипажи прибыли в Тверь, откуда императрица и ее свита 2 мая 1767 г. отправились водным путем в Казань на специально подготовленных галерах; сама Екатерина разместилась на галере «Тверь», которая была затем оставлена в Адмиралтействе Казани. В крупных городах и монастырях по пути своего следования монархиня останавливалась на несколько дней, принимая делегации чиновников, дворянства, духовенства, купечества, участвовала в церковных службах. Накануне прибытия императрицы в Казань губернатор А.Н. Квашнин-Самарин представил ей описание Казанской губернии, оно должно было дать Екатерине II предварительные сведения о том крае, куда она направляется, его экономическом и торговом значении и подготовить ее впечатления.

Согласно официальному «Камер-фурьерскому журналу», 26 мая, в субботу, в четвертом часу пополудни галерная эскадра двинулась к Казани и прошла по реке Казанке почти к самой

крепости. При приближении монаршей флотилии из городских пушек началась приветственная салютация — «пушечная пальба и у всех святых церквей колокольный звон». Когда галера Екатерины II встала на якорь, а она со свитой на шлюпках направилась к пристани, «от всей галерной эскадры и с города производима была пушечная пальба и отдаваема от эскадры честь игранием на трубах с литавры, а от матросов и от состоящего на берегах многочисленного народа восклицаемо было "ура"». На пристани императрицу встречали первые лица города и губернии: губернатор А.Н. Квашнин-Самарин и комендант города, губернатор Оренбурга князь Путятин, а «на верхней площадке по правой стороне стояли дамские персоны, а по левой — штаб- и обер-офицеры, тамошнее дворянство и купечество». С пристани Екатерина II в карете отправилась в город, куда въехала через Тайнинские ворота, и проследовала сквозь построенный по обеим сторонам улицы казанский гарнизон к соборной церкви Благовещения Пресвятые Богородицы, где ее приветствовали иерархи церкви.

К приезду Екатерины II, следуя традициям организации императорских путешествий, в Казани губернатором А.Н. Квашниным-Самариным были предприняты пышные приготовления, сооружены триумфальные ворота, их украсили «великолепно портретами и прочим живописным художеством». Одни из них, устроенные купечеством, состояли из трех арок, одной главной и двух боковых; от них шла галерея из колонн и пилястр, между которыми стояли фигуры и статуи во весь рост человека, а венчал галерею позолоченный купол. Вторые триумфальные ворота были сооружены директором Казанской гимназии фон Каницем: над главной аркой возвышался громадный щит с гербом Российской империи, а по сторонам были расставлены прозрачные картины.

Во время высочайшего шествия по городу «все улицы, и по домам в окнах и на крышках, тако ж по валу Земляного города и по городским каменным стенам», были заполнены жителями города, «российскими и татарскими», и окрестных селений. Екатерина II в Казани разместилась в доме «заводчика Осокина». У крыльца ее встретил сам владелец дома, и при поднесении им хлеба и соли на серебряном позолоченном блюде «с фигурною немалою золотою солоницею» Екатерина II, «пожаловав к руке хозяина, изволила проходить в покои и слушать всенощного

бдения». «Я живу здесь в купеческом каменном доме, — писала императрица из Казани воспитателю цесаревича Павла Петровича Н.И. Панину 27 мая 1767 г., — девять покоев анфиладою, все шелком обитые; креслы и канапеи вызолоченные; везде трюмо и мраморные столы под ними».

Казань и торжественный прием, оказанный ее жителями, поразили воображение Екатерины II, о чем она также сообщала Н.И. Панину: «Мы вчера, в вечеру, сюда приехали и нашли город, который всячески может слыть столицею большого царства; прием мне отменной... Естли бы дозволили, они бы себя вместо ковра постлали...» В письме к А.В. Олсуфьеву императрица восхищенно писала: «Сей город, безспорно, первый в России после Москвы». На следующий день после прибытия в Казань, 27 мая, в день праздника Живоначальные Троицы Екатерина II в сопровождении генералитета и дворянства предприняла шествие в соборную церковь, где ее встретил преосвященный Венеамин, здесь императрица слушала Божественную литургию и «большую вечернюю». По всему пути Екатерины II в собор и обратно, как зафиксировал «Камер-фурьерский журнал», «подле триумфальных ворот, по обеим сторонам, стояли татары и черемисы с женами и дочерьми, во всем их богатом платье». В этот же день императрица принимала у себя представителей казанского и свияжского дворянства, казанского губернатора и генералитет, офицеров Адмиралтейства, а затем в таратайках отправилась на Арское поле, где проходило народное гулянье, «проезжала мимо состоящих на том поле качель». При посещении девичьего Богородского монастыря в понедельник 28 мая Екатерина II отстояла обедню и пожертвовала две небольших бриллиантовых короны для чудотворной иконы Богоматери и образа Спасителя. В этот же день она принимала в своих покоях чиновников Казанской губернской канцелярии, купечество, «при поднесении ими хлеба и соли», купеческих жен и дочерей. По вечерам за столом императрицы собирались по 30—40 человек, «изволили кушать», «забавлялись в шахматы», играли валторны и кларнеты, и, возможно, Екатерина II обсуждала со своими приближенными и высшими чинами Казанской губернии увиденное в городе и услышанное от его жителей.

Просвещенная императрица, одной из главных забот которой было распространение образования на всей территории

Российской империи, особое внимание обратила на Казанскую гимназию, впоследствии послужившую основой для создания в городе университета. Символично, что именно в эту гимназию в 1798 г. император Павел I передал богатое книжное собрание и кабинет минералов Григория Александровича Потемкина. 29 мая 1767 г. «пред полуднем в начале 12-го часа» Екатерина II принимала учителей Казанской гимназии, те, вероятно, просили ее увеличить ассигнования, о чем последовал указ уже 3 сентября того же года. В следующие дни императрица побывала на суконной фабрике Дряблова, в Казанской семинарии; особо ей были представлены живущие в Казани старой и новой слободы «абызы татары и их жены». Екатерине II преподнесли подарки, в том числе «богатый женский убор и два ковра».

Из Казани она писала и к своему постоянному корреспонденту, выдающемуся французскому мыслителю Вольтеру, размышляя над трудностями создания законов, учитывающих интересы всех народов, населявших Российскую империю: «Вот я и в Азии. Мне хотелось видеть ее своими глазами. В здешнем городе есть до двадцати различных народов, которые не похожи друг на друга, а между тем им надобно сделать платье, которое годилось бы для них всех». При всей приятности путешествия Екатерина II не прекращала своей работы по составлению знаменитого «Наказа», и посещение Казанского края способствовало пониманию стоящих перед ней задач управления страной и создания единой законодательной системы. «Эта империя, — писала она к Н.И. Панину из Казани 31 мая 1767 г., — совсем особенная, и только здесь можно видеть, что значит огромное предприятие относительно наших законов, и как нынешнее законодательство мало сообразно с состоянием империи вообще».

Императрица не спешила покидать город, где ей было «весьма хорошо, и истинно как дома». Вечером 29 мая она посетила загородный дом преосвященного Венеамина в пяти верстах от Казани, где ее встретило все знатное духовенство, а «по обеим сторонам внутри двора стояли учащиеся в школах малолетние татары, мордва, чуваши, черемисы и вотяки, которые пели "Царю небесный" и держали в руках зеленые ветви». Несколько малолетних школьников говорили «вновь сочиненныя в виршах речи» на родных языках. Столы для Екатерины II и сопровождавших ее персон были накрыты «десертом», кофе, виноградными винами и

фруктами. В последний день пребывания в Казани императрица посетила загородный дом губернатора, куда для прощального торжества были приглашены знатные особы «обоего пола». У крыльца ее встречал радушный хозяин со своей семьей и всеми гостями. Для увеселения «собраны были татары, чуваши, мордва, черемисы и вотяки с женами, которыя плясали, каждая порознь, при том играла их татарская музыка с припевами». Затем начался маскарад, но императрица не надела маскарадного платья и весь вечер «забавлялась» игрой в карты. После ужина был устроен великолепный фейерверк, и всем присутствующим, по традиции, раздавали специально подготовленные книжки с его описанием. Причем, как свидетельствует «Камер-фурьерский журнал», во все дни пребывания императрицы в Казани, с 26 мая по 1 июня, перед домом, где она остановилась, «вечером за полночь... построен был щит и украшен живописными картинами и зажжены внутри плошки», а в городе дома были иллюминированы.

1 июня 1767 г. Екатерина II отправилась из Казани в дальнейшее путешествие, отъезд монаршей особы из города проходил не менее торжественно, чем встреча: карета императрицы «окружаема была бегущим гражданством так, что с нуждою и карете идти было возможно, и все восклицали "ура", и в городе производилась пушечная пальба и колокольный звон, а на пристани по обеим сторонам стояли дворяне и купечество». На следующий день эскадра стала на якорь у города Болгары, где сохранились руины древнего Болгарского городища — домонгольского поселения волжских булгар X — начала XI столетия, и Екатерина II на шлюпках переправилась на специально построенную к ее приезду пристань. После молебна в Вознесенском монастыре Екатерина II осмотрела «каменного строения, которое еще в давнейших годах строено было». О своих впечатлениях она сразу же сообщила в письме к Н.И. Панину: «Вчерашний день мы ездили на берег смотреть развалины старинного, Тамерланом построенного, города Болгары и нашли действительно остатки больших, но не весьма хороших строений, два турецких минарета весьма высокие, и все, что тут ни осталось, построено из плиты очень хорошей; татары же великое почтение имеют к сему месту и ездят Богу молиться в сии развалины». С возмущением она писала своему корреспонденту, что по указанию казанского архиерея Луки в годы правления императрицы Елизаветы Пе-

тровны многие древние сооружения были сломаны или перестроены, «хотя Петра I указ есть, чтобы не вредить и не ломать сию древность».

Летом 1767 года в Москве началась работа Комиссии по составлению нового Уложения, участие в которой стало одним из важнейших этапов на пути становления Потемкина как государственного деятеля. В древнюю столицу он был командирован с двумя ротами своего полка. Открытие комиссии состоялось 30 июля. В тот день в 10 часов утра Екатерина II, сопровождаемая двором, прибыла в Успенский собор, где после торжественного молебна пятьсот депутатов подписали присягу, обещая добросовестно выполнять свои обязанности. Затем все прошли в аудиенц-залу, где вице-канцлер князь А.М. Голицын от имени императрицы вручил членам комиссии знаменитый «Наказ», составленный самой Екатериной II. Этот документ стал не только крупнейшим актом государственной политики и законодательной доктрины своего времени, но и своеобразным выражением теории и политики «просвещенного абсолютизма». «Наказ» был адресован не только собственно окружению императрицы: для реализации его идей необходима была опора в разных социальных слоях. Надо заметить, что в составе библиотеки Потемкина было несколько десятков экземпляров «Наказа» на разных языках, это дает возможность утверждать, что он подробнейшим образом изучал и использовал столь значимый для того времени документ.

В работе Комиссии о сочинении нового Уложения принимало участие 572 депутата, избранных по манифесту 14 декабря 1766 г. о созыве Уложенной комиссии. Все депутаты при выборах снабжались письменными наказами своих избирателей, причем каждый такой наказ должен был не только служить руководством самому депутату, но и быть внимательно изучен всеми остальными. Наказы излагали не только «пользы и нужды» избирателей, но и предлагали меры к удовлетворению «нужд» и достижению «пользы». В правительственных наказах от центральных учреждений в основном затрагивались вопросы совершенствования законодательства по делам ведомств. В наказах дворянства и от городов шла речь о конкретных проблемах расширения сословных и имущественных прав и об их закреплении законом, упрочении законной охраны от посягательств или от «повреждения» таковых низшими сословиями. В наказах крестьянского населе-

ния, включая однодворцев, содержались в основном частные (но практически общие для сословия в целом) просьбы о снятии тех или иных повинностей или об иных «облегчениях».

Екатерина II, несомненно, знакомая с парламентскими порядками Англии, понимала, что Комиссия, состоявшая из нескольких сот человек и призванная ею не только для выслушивания о «нуждах и недостатках каждого места», но и для непосредственного участия в процессе законотворчества, не сможет выполнить свою задачу, заседая в полном составе. По примеру английского парламента Екатерина возложила задачу составления и разработки отдельных законопроектов на особые так называемые «частные комиссии», специально избираемые для этого из состава большой комиссии. Частные комиссии должны были создаваться по рекомендации Дирекционной комиссии в составе не более пяти депутатов. Первоначально этим комиссиям предписывалось иметь сношения с местными органами управления, участвовать в доработке законопроектов по мнениям и указаниям депутатов, а с апреля 1768 г. система частных комиссий обрела новый смысл: именно в них переносилась основная работа по разработке Уложения, причем каждой комиссии предстояло подготовить определенный и законченный его раздел.

Григорий Потемкин не являлся избранным депутатом Уложенной комиссии. Его статус основывался на 13-м пункте «положения» о выборах, в котором говорилось: «дабы дела депутатов, подданных нам народов, с лучшим успехом производились, дозволяется им в сей Комиссии с позволения оныя выбрать по приезде их в столицу нашу, кого хотят опекуном, какого б тот человек чина и звания не был, лишь бы не имел уже полномочия другого места; сей опекун должен быть вместо их ходатаем за их делами в Комиссии». Содержание этого пункта не дает оснований думать, что заранее намечалось избрание опекунами лиц выдающегося общественного положения, которые могли бы быть не столько «ходатаями» по делам, сколько действительными «опекунами» или покровителями. На деле, видимо, мысль о покровительстве сыграла известную роль при реализации данного разрешения — в числе опекунов, кроме Потемкина, состоявшего в то время и в Синоде, мы видим тайного советника и сенатора А. Олсуфьева и прокурора Канцелярии строения домов и садов князя С. Вяземского.

О причинах обращения «иноверцов», как тогда называли всех нехристиан, проживающих на территории Российской империи, и их надеждах, возлагаемых на избранных вельмож, можно судить, анализируя письма депутатов к будущим опекунам. Так, в письме к князю С. Вяземскому от 23 апреля 1768 г. эта точка зрения высказана прямо. «Обстоятельства наши, — писали три татарских депутата, — по данным нам от собратии наказам требуют недремлющаго попечения, изъяснения недостатков и представительства по оным», почему они и просят принять их в «милостивою опеку и покровительство». В обращении же к Потемкину 21 депутата из разных губерний от татар и «иноверцов», написанному ранее, 28 ноября 1767 г., еще нет столь конкретных объяснений, а приведены лишь слова «положения» с просьбой:

«Милостивой государь, Григорий Александрович!

В положении, изданном при Манифесте Ея императорского величества 14 декабря 1766 года, между протчим дозволено депутатам подданных Ея императорскому величеству народов, кои довольно российского языка не знают, по приезде в столицу выбрать с позволения комиссии кого хотят опекуном, какого б тот человек чина и звания не был, лишь бы не имел уже полномочия другова места. А как нам известно, что Ваше высокородие ниоткуда полномочия не имеете, то и просим покорнейше зделать милость, принять нас в свое опекунство и по делам нашим вместо нас быть ходатаем в Комиссии о сочинении проекта новаго Уложения на основании помянутого положения...»

Работа опекунов, и в данном случае Потемкина, была тесно связана с его деятельностью в Синоде. Там на заседаниях постоянно поднимались вопросы о взаимоотношениях церкви и «иноверцов» в составе одного государства. В течение XVIII в. положение мусульман (их в данном случае и именуют иноверцами) в России постепенно менялось. Государство от политики наступательной христианизации перешло к смягчению межконфессиональной атмосферы. В апреле 1764 г. Екатерина прекратила деятельность Новокрещенской конторы, и для Потемкина участие в рассмотрении наказов «иноверцов» послужило прекрасной базой для формирования своего взгляда на национальную политику, успешно реализовать который он смог в Крыму. 3 декабря 1767 г. состоялось 70-е заседание Комиссии, где было объявлено о выборе депутатами-«иноверцами»

разных губерний своим опекуном двора Его императорского величества камер-юнкера Потемкина, и собрание дало свое согласие. Будучи опекуном депутатов от «иноверцов», Потемкин, в качестве так называемых помощников, участвовал в заседаниях Большой и Дирекционной комиссий и, по предложению маршала Уложенной комиссии, был включен в состав частной Духовно-гражданской комиссии, причем вакансия, которую он занимал, не предусматривала жалованья.

Частная Духовно-гражданская комиссия работала с 27 мая 1768 г. по 18 октября 1771 г., проведя за это время 299 заседаний. Согласно «Начертанию о приведении к окончанию Комиссии проекта нового Уложения» (СПб., 1768), задача комиссии состояла в том, чтобы систематизировать «все то, в чем гражданские законы в сохранении доброго порядка имеют сношение и сопряжение с духовными, или в чем сии последние от светских занимают помощь», а также разработать общее новое положение «духовенства вообще, установив, в том числе, и начало свободы вероисповедания для благоденствия общества». В «Большом наставлении» Дирекционной комиссией обращалось внимание на то, чтобы при установлении прав других вероисповеданий никоим образом не умалялась бы «непорочность и целость» православной веры, а также на необходимость пересмотреть правовые характеристики уголовных посягательств и проступков в отношении вероучения, церковных порядков и, частично, благочиния. По сути, ей предстояло разработать целостный свод законов о положении церкви, о правах духовенства во всем объеме мыслимых общественных связей, а также определить новые рамки отношения государства и церкви.

Сохранившиеся «Дневные записки» частной Духовно-гражданской комиссии дают нам прекрасную возможность проследить, причем по каждому заседанию, работу Потемкина непосредственно в этой комиссии. За время участия в ней Григория Алексеевича состоялось 64 заседания, из которых он присутствовал на 15. Обращая внимание на столь редкое его посещение заседаний, надо не забывать, что одновременно с работой в комиссии он исполнял полковую должность и все еще состоял в Синоде. Так, например, в дни, когда проходили 5-е, 10-е, 15-е, 18-е, 20-е, 21-е заседания (июнь — июль 1768 г.) отмечено, что Потемкин отсутствовал «за отправлением полковой должности»;

6, 7 и 9 октября (38—40-е заседания) он не был «за отправлением должности при дворе Ея императорского величества»; при этом 17 заседаний Потемкин пропустил «за болезнью».

Особенно активно Потемкин посещал Духовно-гражданскую комиссию в мае — июне 1768 г., присутствуя почти на каждом заседании. Пропустив 1-е собрание, будучи «на карауле», Потемкин прибыл 28 мая на 2-е заседание в 9 часов 15 минут. В этот день члены комиссии занялись разработкой регламента заседаний, согласившись собираться по вторникам и четвергам, «потом разсуждали, каким образом наилутче приступить Духовно-гражданской комиссии ко исправлению наложенной на нее должности и поставить наиудобнейшей порядок общим своим упражнением и особыми трудами каждого члена, чего ради согласно положено, чтоб прочесть прежде обряд, ...наставление, а после того общее для всех комиссий начертание и, наконец, Большой наказ, замечая при том все те пункты и статьи, которые прямо принадлежат до сведения Духовно-гражданской комиссии, дабы выписав единожды все до ея упражнения касающияся правила, иметь всегда пред глазами своими, как для сбережения времени в приискании приличных статей, кое туне потерено быть может, а наипаче ради избежания могущих от забвения последовать погрешностей и ошибок». В ходе заседания был прочитан обряд до 9-го пункта и наставление до 5-го пункта.

Утвердив план работы, комиссия приступила к его осуществлению. Уже на 3-м заседании, 29 мая, члены комиссии при обсуждении наставления оказались в затруднительном положении: входит ли в их компетенцию вопрос о бракосочетании «иноверцов» с русскими? Являясь опекуном «иноверцов», Потемкин и вместе с ним депутат от Судиславского дворянства Василий Баскаков отправились в Дирекционную комиссию, чтобы испросить ее мнение. Вернувшись, они объявили, что решение о том, «каких вер представители могут вступать в союз с русскими», принадлежит к ведению Комиссии о разных установлениях, а все остальное касается до Духовно-гражданской комиссии. 3 июня состоялось 6-е заседание, на нем рассуждали о том, что ни в начертании, ни в наставлении нет точного упоминания о предполагаемых наказаниях за преступления для духовных лиц. Как и в предыдущем случае, Потемкин и Баскаков были отправлены в Дирекционную комиссию, чтобы затребовать от нее словесного

наставления, принадлежит ли этот вопрос к их ведению, а также о том, «каким образом с Синодом сношения и советования держать». Надо полагать, что в данном случае должность Потемкина в Синоде позволила ему проявить свою компетентность в этих вопросах. Постепенно работа в комиссии усложнялась, и для рассмотрения некоторых вопросов 10 июня 1768 г. из Дирекционной комиссии были получены затребованные ранее книги: «Кормчая, Духовный регламент и выписка о расколах».

После продолжительного отсутствия на заседаниях комиссии Потемкин появился 19 августа 1768 г. и участвовал в обсуждении вопросов, требовавших применения классического церковного законодательства (Кормчей книги), а 26 августа, на 33-м заседании, присутствовал депутатский маршал и беседовал о «разных сумнительствах, о коих Духовно-гражданская комиссия, выписав, представить намерена Дирекционной комиссии для испрошения себе на оныя поставления». К сожалению, «Дневные записки» не фиксировали участие тех или иных членов в обсуждении и рассмотрении вопросов, но позволим себе предположить, что Потемкин мог высказываться со знанием дела, используя полученные сведения и опыт заседаний в Синоде.

Осенью 1768 г., уже после своего пожалования в действительные камергеры по случаю годовщины коронации Екатерины II (22 сентября) и после объявления Турцией войны (25 сентября), Потемкин принял участие еще в трех заседаниях Духовно-гражданской комиссии (30-й, 37-й и 49-й). На них продолжалось чтение Большого наказа, правил из Кормчей, в частности решений «Карфагенского собора», экстрактов старых законов и выписок «по материям» из наказов городских жителей, обсуждались вопросы о браках христиан с «иноверцами», о причинах, побуждавших «простолюдинов» к разным суевериям и расколам, и о средствах, удобных к удержанию их от этого. Располагавший высоким статусом государственного чиновника — второго человека в Синоде, Потемкин не мог не быть ключевой фигурой во всех этих дискуссиях. Суть обсуждаемых вопросов сводилась к взаимоотношениям церкви и государства, в развитии которых можно выделить три периода:

1. От начала христианства на Руси до утверждения московского единодержавия в XVI в. Это период наибольшей церковной самостоятельности.

2. От начала московского единодержавия до Петра I. В это время отношения между духовной и светской властью характеризуются решительным стремлением правительства подчинить церковь своему влиянию.

3. От Петра I и учреждения Синода. Именно в это время церковное управление принимает формы государственного управления и даже делается частью последнего. Постепенно государство занимает главенствующее положение по отношению к церкви. Часть предметов, относящихся к классическому церковному праву, перешла к ведению светского государства. Так, например, внутренняя организация церкви определялась «Духовным регламентом» (1721 г.) и контролировалась Синодом.

Вынося на обсуждение Частной Духовно-гражданской комиссии вопросы о браках христиан с «иноверцами», государство переводит их также из области церковного права в светское. Проводником государственной политики, вероятно, и являлся Потемкин. Он должен был стать связующим звеном между церковью и государством.

В поле деятельности Потемкина в Синоде и Уложенной комиссии, несомненно, находился и вопрос об имущественном положении церкви. В 1762 г. состоялся указ Петра III о секуляризации всех церковных и монастырских имуществ. Несмотря на то что Екатерина II отменила это распоряжение после восшествия на престол, в феврале 1764 г. правительство опубликовало Манифест о передаче духовных владений в ведомство Коллегии экономии. Монастыри, число которых значительно уменьшилось, поступали на содержание государства. В этой связи представляет большой интерес автограф записки Потемкина или, лучше сказать, нескольких заметок под заголовком «О монастырях». Его рассуждения относятся к 1786 г., но они неразрывно связаны с ранним этапом деятельности Потемкина.

Проблема монастырей была одной из центральных для русской церкви. Первые попытки ограничить церковное землевладение относятся еще к Ивану III. При Василии III эта проблема поднимается на теоретический уровень в споре иосифлян и нестяжателей, в частности, обсуждается вопрос о том, нужны ли монастыри вообще.

Потемкин как человек, выросший в русской культуре и хорошо разбиравшийся в этих проблемах, пытается вернуться на

теоретические основания спора иосифлян и нестяжателей и дать то церковно-догматическое объяснение монастырей, которое существовало в русской церкви. В этом смысле рассуждения Потемкина опережают время.

Говоря о монашествующих, он замечает, что они «объявляют право свое из слов Спа[си]телевых в Евангелии, аще как изречение сие отнюдь не принадлежит к ним, но касалось тех, которые для отцов своих не присоединялись ученикам Христовым. Первые монахи завелись в Египте от сект жидовских... живущих обществами, кои, перейдя в христианство, подали образ общежительства и сие было началом».

Анализируя историю монастырей, Потемкин приходит к выводу, что монашество появилось в России «ни в честь закону, ни в пользу людям, ибо народ наш, присоединя к тогдашней грубости ханжество и лицемерие, был источником ложных чудес и вредных оснований, слава Богу, не допустил Россию к участи греков». По мнению Потемкина, монастыри в том виде, как они существуют, наносят вред. Он считал, что «презрение мира не зависит от обетов; кто убежден в совести о должности, тот сердцем монах, а не помянутые. Собрание монахов по образу нашему — есть собрание тунеятцов. Пример соблазна и общество путаницы». Столь категоричные заявления Потемкина являются революционными не только для того времени, но и сейчас. Высказываясь отрицательно по отношению к существующим монастырям, он, в свою очередь, предлагает «все в городах, а паче в Москве, уничтожить, как несообразные уединению, обратя их в училищи или гофшпитали для бедных и престарелых офицеров и рядовых, облегча устав церковной, но с наблюдением чистоты и благопристойности».

Вероятнее всего, Потемкин сам прекрасно понимал всю революционность своих высказываний и не делал официальных представлений по этому вопросу. Тем не менее в записке он говорит, что охотно бы взялся установить такой монастырь «для примеру». За образец он считает необходимым взять «новые ерусалимския ордены кавалерския» и всех существующих в России орденов кавалеры давали бы «малое подаяние» к содержанию инвалидов в предлагаемых Потемкиным монастырях. Жительствующие в них инвалиды «сверх часа молитвы должны были трудится размножением огородных и садовых, и ботанических

растений...». Екатерина II все же ознакомилась с «Запиской» Потемкина. Ее статс-секретарь А.А. Безбородко писал Потемкину 22 октября 1786 г.: «Бумаги о епархиях и монастырях, от вашей светлости мне врученные, на другой день были представлены. Ея величество весьма была ими довольна, особливо удивилась записке о монахах, быв прежде в мнении, что вы исключительно к их пользе представляете».

В силу вышеизложенных причин проект Потемкина не был реализован, но среди его многочисленных предложений Екатерине мы с удивлением встречаем в 1789 г. прошение о строительстве монастыря на Витовке. «Я тут учрежу общество послушническое, — обращается Потемкин к императрице, — из инвалидов офицеров и салдат...» Несмотря на поддержку Екатерины, монастырь так и не был основан.

Неизвестные ранее заметки Потемкина о монастырях в корне изменяют историографическую картину. Они являются свидетельством глубоких размышлений Потемкина, причем очень любопытных, об усилении роли государства в отношениях с церковью и одновременно о решении некоторых социальных проблем.

Возвращаясь к заседаниям частной Духовно-гражданской комиссии, следует указать на присутствие среди рассматриваемых проблем вопросов, касающихся раскола. Скорее всего Григорий Потемкин был знаком с запиской директора Московского университета в годы его учебы И. Мелиссино 1763 г. «Мысли о раскольниках и о средствах к обращению их», и ее содержание могло оказать на него определенное влияние. Мелиссино замечает, что изменения в обрядах не коснулись догматов и основ религии. Далее он говорит, что существует возможность объединения старообрядчества с синодальной церковью и многие раскольники стремятся к этому. Автор допускает разрешить им строить церкви и иметь священников. Высказанные Мелиссино положения нашли свое развитие и реально осуществились при самом непосредственном участии Потемкина.

Особое внимание заслуживает пункт 9 экстракта из «наказов и голосов господ депутатов» — «О праве разных вер людей, живущих в России», непосредственно относящийся к сфере деятельности Потемкина в Уложенной комиссии как опекуна «иноверцов». Можно предположить, что изложенные в нем по-

желания депутатов, сформулированные на основе наказов жителей, оказали определенное влияние на политику Потемкина в дальнейшей государственной деятельности. Депутаты просили, чтобы «в разсуждении закона магометанцы отличаемы были от идолопоклонников», «учинить законоположение, чтоб никто не дерзал ругать мусульманскую веру», а если «кто чужой закон дерзнет поносить, то за сие наказывать на публичном месте», о разрешении строить в каждом селении мечети, не крестить насильно «иноверцов» и т.д.

Ожесточенная борьба развернулась в Уложенной комиссии по главным вопросам жизни страны и народа — положении крестьян, крепостном праве, проявлений и порождений крепостничества. При обсуждении Проекта прав благородным» в июле — декабре 1768 г. возник вопрос о предоставлении воли крепостным, который сторонники крепостного права встретили в штыки. Представители просветительской мысли доказывали, что крепостное право — главная причина разорения, нищеты и невежества крестьян и, стараясь улучшить и облегчить их положение, предлагали ограничить и регламентировать крестьянские повинности.

Последовавший за тем роспуск Уложенной комиссии не прекратил обсуждения крестьянского вопроса, как на это рассчитывала Екатерина II и большинство дворянства. Провал затеи претворить в жизнь теоретические построения европейских философов на русской почве становился все очевиднее для императрицы. С началом войны с Турцией у нее появился прекрасный повод для роспуска депутатов. 18 декабря маршал собрания А.И. Бибиков зачитал депутатам указ Екатерины о прекращении пленарных заседаний «Большого собрания». Частные комиссии продолжали работать, но Потемкин, отчисленный 11 ноября от полка как состоящий при дворе, в силу своего понятия о воинском долге не мог оставаться в стороне, когда Россия вступила в войну. Возможно, что на его решение отправиться в армию волонтером повлияла и степень осведомленности о судьбе Уложенной комиссии.

2 января 1769 г. на 201-м заседании комиссии Бибиков объявил депутатам, что «господин опекун от иноверцов и член комиссии Духовно-гражданской Григорий Потемкин по высочайшему Ея императорского величества соизволению отправляется к армии волонтиром».

За короткое время Потемкин получил важные уроки государственного устройства, деятельности Синода и принял участие в парламентских заседаниях екатерининского времени. Становление его как государственного деятеля проходило именно в эти годы. Можно долго спорить, что именно привлекало в Потемкине Екатерину — умение подражать чужим голосам или проявление несомненных талантов государственного ума, но дальнейшие события в жизни нашего героя однозначно свидетельствуют: никакие гримасы и ужимки придворного не могут сравниться с теми масштабными проектами, которые он смог осуществить. Учеба в Московском университете, служба в Конной гвардии и одновременно участие в заседаниях Синода, деятельность в Уложенной комиссии — все это способствовало формированию у Потемкина определенного мировоззрения и представлений о методах и формах государственной деятельности. Свои взгляды и убеждения он развивал и совершенствовал в дальнейшей службе на благо Отечества.

Глава 6. «ГЛАЗЕНЬЕ НА СИЛИСТИРИЮ»

Прибыв в действующую армию, Потемкин начал службу под командованием генерал-аншефа князя А.М. Голицына, а потом в армии графа П.А. Румянцева. 24 мая 1769 г., почти сразу по приезде в «квартиру князя Прозоровского» — начальника авангарда Первой армии, Потемкин отправил Екатерине II свое первое письмо, в котором молодой камергер изложил мотивы решения отправиться на войну с турками. По его словам, именно императрица своим примером показала, как надо служить благу Отечества, а теперь настал его черед отплатить за все оказанные милости:

«Всемилостивейшая государыня!

Безпримерные Вашего величества попечения о пользе общей учинили Отечество наше для нас любезным. Долг подданнической обязанности требовал от каждого соответствования намерениям Вашим. И с сей стороны должность моя исполнена точно так, как Вашему величеству угодно.

Я высочайшие Вашего величества к Отечеству милости видел с признанием, вникал в премудрые Ваши узаконения и старался

быть добрым гражданином. Но высочайшая милость, которою я особенно взыскан, наполняет меня отменным к персоне Вашего величества усердием. Я обязан служить государыне и моей благодетельнице. И так благодарность моя тогда только изъявится в своей силе, когда мне для славы Вашего величества удастся кровь пролить. Сей случай представился в настоящей войне, и я не остался в праздности.

Теперь позвольте, всемилостивейшая государыня, прибегнуть к стопам Вашего величества и просить высочайшего повеления быть в действительной должности при корпусе князя Прозоровского, в каком звании Вашему величеству угодно будет, не включая меня навсегда в военный список, но только пока война продлится.

Я, всемилостивейшая государыня, старался быть к чему ни есть годным в службе Вашей; склонность моя особливо к конице, которой и подробности, я смело утвердить могу, что знаю. Впротчем, что касается до военного искусства, больше всего затвердил сие правило: что ревностная служба к своему государю и пренебрежение жизни бывают лутчими способами к получению успехов. Вот, всемилостивейшая государыня, чему научили меня тактика и тот генерал, при котором служить я прошу Вашего высочайшего повеления. Вы изволите увидеть, что усердие мое к службе Вашей наградит недостатки моих способностей и Вы не будете иметь раскаяния в выборе Вашем.

Всемилостивейшая государыня, Вашего императорского величества всеподданнейший раб Григорий Потемкин».

Порыв Потемкина, его отвага, мужество, желание служить на благо ей, своей государыне, и стране на самом опасном посту, высказанные с такой искренностью и прямотой, поразили Екатерину II. Наверно, не раз она в мыслях возвращалась к этому странному человеку, в котором сочеталось стремление к карьере, образованность, красота и способность жертвовать собой на поле боя. 23 июня 1769 г. последовало повеление императрицы главе Военной коллегии графу З.Г. Чернышеву: «Нашего камергера Григория Потемкина извольте определить в армию».

Со всем пылом молодости окунулся Потемкин в военную жизнь. 19 июня, находясь в авангарде, он участвовал в поражении генерал-майором князем А.А. Прозоровским 20-тысячного войска противника, перешедшего у Хотина на левый берег

Днестра и шедшего к Каменец-Подольску, а 30 июня в боях за Днестром «прошед Буковину», 2 июля, когда неприятель на горах атаковал гусар и был разбит, Потемкин находился среди сражающихся. При генеральной баталии под Хотиным и во все время осады города Григорий с двумя кавалеристскими полками отличился при захвате турецких укреплений, а 14 августа был послан генерал-поручиком князем Репниным для «прогнания татар». Потемкин всецело отдавался бою, стремился оказаться в самых опасных местах и не раз рисковал жизнью; все только для того, чтобы исполнить обещанное своей императрице — для славы кровь пролить. «За оказанную храбрость и опытность в военных делах» он был пожалован в генерал-майоры. Предводительствуя отрядом конницы, Григорий Александрович храбро бился в сражении 29 августа, когда визирь Молдаванжи-паша и крымский хан были разбиты. В начале января 1770 г. Потемкин, вместе с генерал-майором графом И.М. Подгоричани, в окрестностях Фокшан разбил турецкий 10-тысячный отряд, бывший под начальством Сулеймана-паши и сераскира Румели-Валаси. 18 января он сражался при Браилове, участвуя в занятии и разорении форштата[1], командовал отрядом, двинувшимся к Бухаресту, а 4 февраля содействовал генерал-поручику Штофельну в овладении Журжею.

Весну 1770 г. Потемкин встретил командиром бригады, в которую входило два кирасирских[2] полка. Ему исполнилось 30 лет. Солдаты любили своего командира и были готовы идти за ним в огонь и в воду. Его личное мужество и бесстрашие захватывало и воодушевляло их. Григорий Потемкин участвовал и в знаменитых победах графа П.А. Румянцева. Под Рябой Могилой в течение 6 недель он находился в ежедневных боях с неприятелем, а 17 июня уже преследовал разбитого противника. В реляции Румянцева Екатерине II 20 июня 1770 г. из лагеря ниже Рябой Могилы особо отмечалось, что «отбито у неприятеля войсками помянутого генерала-майора Потемкина одно знамя». 7 июля генерал был в деле у Ларги и командовал самыми передовыми

[1] Форштат — предместье.

[2] Кирасиры — вид тяжелой кавалерии в европейских армиях конца XVI — начала XX в. (в России с XVIII в.); имели кирасу и каску, вооружение — палаш, карабин и пистолет.

войсками при атаке лагеря и неприятельского ретраншемента[1] под предводительством крымского хана, а потом был направлен для прикрытия транспортов с провиантом, когда татары «обратились для отрезывания». Вскоре он получил указ, подписанный Екатериной II 29 июля 1770 г. в Царском Селе:

«Нашему генерал-майору Потемкину. Оказанная Вами сего 1770 года июля 7-го дня неустрашимая храбрость при овладении батареями и неприятельским лагерем учиняет Вас достойным к получению отличной чести и Нашей монаршей милости по узаконенному от Нас статуту военнаго ордена Святого великомученика и Победоносца Георгия, а потому Мы Вас в третей класс сего ордена всемилостивейше жалуем, и знак онаго здесь включая, повелеваем Вам его на себя возложить и носить на шее по установлению Нашему. Сия Ваша заслуга уверяет Нас, что Вы сим монаршим поощрением наипаче почтитесь и впредь равным образом усугублять Ваши военные достоинства».

Сердце Григория Потемкина озарилось небывалой радостью при получении этого известия о признании его заслуг и знака высшей воинской награды России — ордена Святого Георгия, учрежденного только в 1769 г. В его статусе было сказано: «Ни высокий род, ни прежние заслуги, ни полученные в сражениях раны не приемлются в уважение при удостоении к ордену Св. Георгия за воинские подвиги; удостаивается же оного единственно тот, кто не только обязанность свою исполнил во всем по присяге, чести и долгу, но сверх сего ознаменовал себя на пользу и славу Российского оружия особенным отличием». Орден мог получить, например, тот, кто, «лично предводительствуя войском, одержит над неприятелем, в значительных силах состоящим, полную победу» или возьмет неприятельскую крепость. Эта награда могла быть выдана также за взятие неприятельского знамени, захват в плен главнокомандующего или корпусного командира неприятельского войска и другие выдающиеся подвиги.

Орден Св. Георгия был четырех степеней, причем первый раз награждаемый представлялся к низшей, 4-й, степени, в следующий раз — к более высокой и, наконец, совершивший четвертый выдающийся военный подвиг мог быть представлен к награжде-

[1] Ретраншемент — вспомогательная фортификационная постройка, предназначенная для усиления обороны полевой позиции или долговременного укрепления.

нию орденом Св. Георгия 1-й степени. Тем более удивительно, что Потемкин сразу получил знаки 3-й степени; это говорит о небывалой отваге в сражении.

Учреждение ордена Св. Георгия было торжественно отмечено в Санкт-Петербурге 26 ноября 1769 г., причем Екатерина II как учредительница ордена в тот день возложила на себя знаки 1-й степени. Заслужить Георгиевский орден было чрезвычайно трудно. За первые сто лет существования этой награды орден низшей, 4-й, степени за боевые заслуги получили 2239 человек, 3-й степени — 512 человек, 2-й степени — 100 человек и 1-й степени — 20 человек. Многие знаменитые победы российской армии и флота при Кунесдорфе, Чесме, в Кагуле, Очакове, Измаиле получили отражение в наградных медалях — причем зачастую инициатором и автором проектов медалей являлся ставший тогда уже во главе Военной коллегии князь Г.А. Потемкин («За храбрость и усердие», «За службу», «За усердную службу», «За верность» и др.). Все рисунки наградных медалей обязательно утверждались Екатериной II, да и она сама очень интересовалась медальерным искусством и являлась автором многих проектов медалей и надписей на них.

Благодарный за признание его достоинств, генерал Потемкин решился ответить на официальный указ Екатерины II коротким письмом с изъявлением верноподданнических чувств и искренними словами: «Нет для меня драгоценней жизни — и та Вашему величеству нелицемерно посвящена. Конец токмо оной окончит мою службу». Как верно он видел свое будущее! Воодушевленный почетной наградой императрицы, Григорий Потемкин с еще большим рвением стал участвовать в тяжелейших сражениях с османской армией. Деятельное участие он принимал во взятии Измаила 26 июля 1770 г.; в горевшее предместье крепости Килии он вступил первым, затем после соединения всего корпуса с деташементом[1] при начавшейся осаде командовал правым крылом и, заняв форштат, прикрывал батареи, неоднократно отражая неприятельские вылазки.

Глава русских войск П.А. Румянцев оценил незаурядную личность Потемкина и способствовал его росту и продвижению по службе. 31 июля 1770 г. в реляции императрице из лагеря при

[1] Деташемент — легкий корпус, отряд из разных родов войск.

устье реки Кагул он писал: «По справедливости я также должен засвидетельствовать и о подвигах отделенных на сие время от армии генерал-майоров и кавалеров Глебова, графа Подгорични, Потемкина и брегадира Гудовича, которые со вверенными им войсками сохранили целость пропитания нашего и нападки хана крымского со всею ордою в ничто обратили». Отпуская осенью 1770 г. Потемкина в Петербург, П.А. Румянцев отрекомендовал его Екатерине как инициативного, решительного и способного военачальника: «Ваше величество видеть соизволили, сколько участвовал в действиях своими ревностными подвигами генерал-майор Потемкин. Не зная, что есть быть побуждаемому на дело, он сам искал от доброй своей воли везде употребиться. Сколько сия причина, столько другая, что он во всех местах, где мы ведем войну, с примечанием обращался и в состоянии подать объяснение относительно до нашего положения и обстоятельств сего края, преклонили меня при настоящем конце компании отпустить его в Петербург ко удовольствию его просьбы, чтобы пасть к освященным стопам Вашего величества». Боевой генерал был отменно принят при дворе, одиннадцать раз приглашался к царскому столу, присутствовал на первом празднике Георгиевских кавалеров, ставшем с тех пор традиционным собранием воинов, прославившихся своими подвигами. Не могла не обратить внимания на молодого генерала и государыня, хотя в это время звезда братьев Орловых находилась еще в зените. Возвращаясь в армию, Потемкин вез письмо Екатерины, в котором она писала о нем как «о человеке, наполненном охотою отличить себя. Также ревность его ко мне известна. Я надеюсь, что Вы, — обращалась императрица к Румянцеву, — не оставите молодость его без полезных советов, а его самого без употребления, ибо он рожден с качествами, кои Отечеству могут пользу приносить».

Вернувшись в строй, Потемкин отличился в это время как «вождь конницы»: налетит со своими кирасирами на турецкий лагерь за Дунаем, ударит неожиданно, порубит янычар и вернется обратно. В 1771 г. он принял команду над корпусом, находившимся в Крайовском банате, отразил нападение турок на Крайов и, перейдя через Дунай, атаковал и вытеснил их из Цимбы, «разбил и прогнал, город разорил и, отняв все неприятельские суда, перевез на свой берег», 17 мая разбил 4-тысячный турецкий отряд на Ольте, осаждал крепость Турку, выдержал

атаки неприятеля при обороне Журжи. 10 июля 1771 г. Григорий Потемкин, соединившись с корпусом князя Репнина, участвовал в сражении при Бухаресте, командуя флангом. Противник был разбит, а храбрый генерал гнал бегущую турецкую армию за реку Аракс.

В 1772 г. в военной кампании настало затишье, Турция запросила перемирия. Мирные переговоры велись в Фокшанах и Бухаресте, но окончились провалом. Оттоманская Порта (так в XVIII в. называлась Турция), поддержанная Францией и Австрией, отказалась признать условия, выставленные Россией: независимость Крымского ханства и свободу плавания русских судов на Черном море и в проливах. Военные действия возобновились в 1773 г. Истощенная войной Россия нуждалась в мире, и Екатерина II требовала от Румянцева решительного наступления на Балканы. Главнокомандующий решил переправить армию за Дунай и овладеть крепостью Силистирия — опорным пунктом противника. Для разведывания положения неприятеля трем генералам — Салтыкову, Вейсману и Потемкину — было приказано провести частные поиски за Дунай. В мае в монастырь Негоешти на левом берегу Дуная, напротив Туртукая, прибыл новый командир — 43-летний генерал-майор Александр Васильевич Суворов, уже давно стремившийся попасть в армию Румянцева. Именно здесь, в боевой обстановке, состоялось знакомство двух великих людей, которым предстояло не только вести совместные действия против неприятеля в этой войне, но и затем долгие годы трудиться над укреплением Российского государства.

Недовольный недостатком пехоты для подготовки нападения на турецкий укрепленный лагерь при Туртукае, Суворов писал своему непосредственному начальнику И.П. Салтыкову: «Все мне кажетца пехоты мало. Целим атаку, захватывая ночь. От Потемкина я не очень надежен, судов его долго ждать. Все хорошо, как Бог благоволит. А пехоты, кажетца, мало...» Накануне Суворов уведомил своего соседа слева Григория Потемкина о решении атаковать противника 9 мая и просил его содействия. Вполне вероятно, что излишняя поспешность только что прибывшего на театр военных действий Суворова не находила поддержки уже довольно опытного в боях с турками Потемкина, входившего в число самых близких сподвижников фельдмаршала Румянцева.

В результате Суворов и Потемкин находят общий язык, и Александр Васильевич постоянно делится с ним данными разведки, координирует совместные действия. Именно тогда между ними установились дружеские отношения, сохранявшиеся долгие годы. Позже, когда Потемкин занял первые должности в государственном управлении, а Суворов находился в его подчинении, Григорий Александрович всегда старался обратить внимание императрицы на заслуги и таланты своего боевого приятеля.

Кампания 1773 г. под Силистирией была очень сложной для русской армии и опасной для Потемкина. 14 июня П.А. Румянцев докладывает Екатерине II о решительных действиях генерал-поручиков Ступишина и Потемкина, «опровергнувших стремление» турецкой конницы под началом самого Осман-паши, которые «вслед за тем повели приступ и на его лагерь и воспользовались толико сим случаем, что к полной победе неприятеля взяты его стан, артиллерия, и все тут бывшие запасы». 18 июня, после тяжелых боев, он едва не попал в плен к туркам. В этот же день Румянцев узнал о движении 20-тысячного корпуса Нуман-паши, шедшего к Силистирии с намерением отрезать русскую армию от переправ. Военный совет принимает решение отступить. Прикрывал отход русской армии генерал-майор Отто фон Вейсман-Вейсенштейн, боевой генерал (его называли «Ахиллом армии») с 5-тысячным войском. В сражении 22 июня он был смертельно ранен, и на следующий день Потемкин привел полки Вейсмана к армии. Сковав значительные силы турок под Рущуком и Силистирией активными действиями корпусов Салтыкова и Потемкина, фельдмаршал Румянцев двинул два корпуса на правый берег Дуная в направлении на Карасу и Базарджик. Противник, не оказывая серьезного сопротивления, бежал. Потемкин во главе резервного корпуса остался осаждать Силистирию, где «отражал неоднократно покушавшегося неприятеля на берег, потом по переходе всей армии за Дунай имел особливой корпус, употребляем был во всех делах сей экспедиции».

О заслугах Потемкина в осаде Силистирии говорят официальные документы и подробный отзыв П.А. Румянцева о действиях нового фаворита во время прошедшей войны, представленный 14 ноября 1775 г., после заключения мира с Турцией и подготовки наград для отличившихся. Фельдмаршал тогда писал Екатерине II: «Между сподвижников моих в течение минувшей с

турками войны генерал граф Потемкин был один из тех воинских предводителей, которые чрез храбрость и искуство, чрез рвение к службе Вашего императорского величества и победоносными своими делами вознесли славу и пользу оружия российского; но ему принадлежит и то еще преимущество, что важность им сохраненного поста, где взаимное оружие проходило, против коего упор сил неприятельских всегда обращен был, и самые меры наступательные, коими он граф Потемкин действовал против врагов, производили часто удобность и случай другим начальникам с своими частями совершать над ними победы».

Уже в годы фавора Потемкина жена фельдмаршала графа П.А. Румянцева, получившего после заключения мира с Турцией к своей фамилии приставку «Задунайский», обер-гофмейстерина при малом дворе наследника престола Павла Петровича Екатерина Михайловна Румянцева писала к мужу о благодарности и привязанности его бывшего подчиненного. Сообщив о смене фаворитов весной 1774 г., она пишет мужу, находящемуся в военном лагере на юге: «Итак, батюшка, теперь мой совет тебе адресоваться, можешь писать к Григорию Александрычу, об своих делех изъясняться, он, как быв в армии, все знает, переговорить наедине все может...» Через несколько дней Румянцев получает новое подтверждение признательности Потемкина. Румянцева сообщает, пользуясь «верной оказией», «что Григорий Александрыч столько много тебе служит во всяком случае и, пожалуй, поблагодари его, даже и мне великия атенции делает, и смотрит во всяком случае доказать; вчерась он мне говорил, чтобы я к тебе писала, чтобы ты к нему обо всем писал прямо, что я советую, во-первых, что и он во все входит, да и письма все кажет...».

Не все участники той первой русско-турецкой войны сходились в оценке личности Потемкина, его действий в боях и способностей. Один из них, Юрий Владимирович Долгоруков — участник Семилетней войны и двух русско-турецких, уже после смерти бывшего сотоварища по военным кампаниям первой русско-турецкой войны, в своих записках очень едко писал о том, что «у Потемкина никогда ни в чем порядку не было» и он был причиной задержки переправы через Дунай весной 1773 г. Долгоруков вспоминал, что именно он оказал помощь Григорию Александровичу, когда турки, имеющие большой гарнизон в Силистирии, «сделали против Потемкина вылазку; тут случилось, как обыкновенно в робких

людях, просить сикурсу (поддержки, помощи. — *Н.Б.*)». Во время летней атаки Силистирии, как вспоминает Долгоруков, без его участия опять не мог обойтись Потемкин. Ему предстояло атаковать закрывающие крепость ретраншементы, «но как должно правду сказать, что Потемкин был редко большого разума, но ни малейшей способности из военной службы не имел и корпус его был до крайности разстроен, так что сей корпус в армии прозван был мертвым капиталом». Автору записок, по его словам, пришлось ехать в корпус к Потемкину и самому разрабатывать план его действий. Атака была неудачной, но Григорий Александрович, корпусу которого было поручено «делать аръергард... где-то достал несколько судов и прежде всех перебрался».

То, что суровый Долгоруков считал промахами и хитростью Потемкина, Румянцев в своем отзыве именовал небывалой смекалкой и храбростью, характеризуя его действия в 1773 г.: «В продолжение той кампании, когда армия приближалась к переправе чрез реку Дунай и когда на Гуробальских высотах сопротивного берега, в немалом количестве людей и артиллерии стоявший неприятельский корпус, приуготовлен был воспрещать наш переход, он, граф Потемкин, 7 июня первый от левого берега учинил движение чрез реку на судах и высадил войска на неприятеля, которого с другой стороны обходил генерал-майор барон Вейсман фон Вейсенштейн, способствовал ему, и сам тут же, разбив онаго, овладел лагерем и всею артиллериею. А 12-го того же месяца, не доходя Силистирии, решил также победу, подоспев с кавалериею и легкими войсками ударить на неприятеля, который превосходным числом окружил и бой уже вел с частью войск, посланною от корпуса правого крыла, а опрокинувши и гоня бегущих, отнял весь лагерь и артиллерию всего турецкого корпуса, выведенного от города сераскиром Осман-пашею; да и в продолжение тогдашних действий под Силистриею он, командуя передовым корпусом, снес все наибольшия трудности и опасности, выбил неприятеля 18 июня из укреплений пред городом, и потом, когда главная часть обратную переправу чрез Дунай чинила, он, граф Потемкин, последний оставался прикрывать оную на неприятельском берегу».

Во второй половине декабря 1773 г. Потемкин, продолжавший осаду Силистирии, получил странное письмо из столицы. Писала сама императрица:

«Господин генерал-поручик и кавалер. Вы, я чаю, столь упражнены глазеньем на Силистрию, что Вам некогда письмы читать. И хотя я по ею пору не знаю, предуспела ли Ваша бомбардирада, но тем не меньше я уверена, что все то, чего Вы сами предприемлете, ничему иному приписать не должно, как горячему Вашему усердию ко мне персонально и вообще к любезному Отечеству, которого службу Вы любите.

Но как с моей стороны я весьма желаю ревностных, храбрых, умных и искусных людей сохранить, то Вас прошу по-пустому не даваться в опасности. Вы, читав сие письмо, может статься зделаете вопрос: к чему оно писано? На сие Вам имею ответствовать: к тому, чтоб Вы имели подтверждение моего образа мысли об Вас, ибо я всегда к Вам весьма доброжелательна».

О чем подумал Потемкин, получивший столь любопытное послание от самой Екатерины II? Понял ли он сразу, что настал его звездный час и надо спешить в столицу? Знал ли он, боевой генерал, принявший участие во всех кампаниях этой тяжелой для России войны с Оттоманской империей, о событиях придворной жизни? Или просто сердце подсказало Григорию, что императрица — женщина, она одинока, ей трудно, не на кого опереться, и она зовет его встать рядом и подставить свое мужественное плечо?

Екатерина в это время находилась в весьма сложном положении. С одной стороны, русско-турецкая война, которую не удавалось закончить, а далеко от Дуная беглый донской казак Емельян Пугачев поднял мятеж, охватывающий все большие территории. Императрица писала Новгородскому губернатору Я.Е. Сиверсу об опасности, исходившей от Пугачева, объявившего себя чудом спасенным императором Петром III: «Два года назад у меня в сердце империи была чума, теперь на границах Казанского царства политическая чума, с которою справиться нелегко... Генерал Бибиков отправляется туда с войсками... чтобы побороть этот ужас XVIII столетия, который не принесет России ни славы, ни чести, ни прибыли. Все же с Божиею помощию надеюсь, что мы возьмем верх, ибо на стороне этих каналий нет ни порядка, ни искусства. Это сброд голытьбы, имеющий во главе обманщика, столь же бесстыдного, как и невежественного. По всей вероятности, это кончится виселицами. Какая перспектива, господин губернатор, для меня, не любящей виселиц. Европа подумает, что

мы вернулись к временам Ивана Васильевича». При всем оптимизме Екатерины II этот сброд голытьбы во главе с Емельяном Пугачевым своими масштабами и быстрым продвижением по просторам страны угрожал не только спокойствию империи, но и самой самодержавной власти, основам государства.

Екатерина II, которой шел сорок пятый год, за более чем десять лет своего правления сумела не только значительно упрочить свои позиции, но и показала себя умной и расчетливой государыней. Ее искусство пользоваться обстоятельствами и людьми, ее смелость и способность к риску, проявившиеся в дни дворцового переворота 1762 г., позволили успешно лавировать между двумя самыми влиятельными придворными группировками — Орловыми и Паниными, отстаивая свои интересы. Однако затянувшаяся война обострила отношения между Н.И. Паниным и Г.Г. Орловым. Панин стремился к разумным уступкам и завершению тяжелой для России войны, Орлов был против. Возглавляя в 1772 г. русскую делегацию на мирном конгрессе, он фактически сорвал переговоры.

Тяготили Екатерину проблемы военные и внутриполитические, но на сердце у нее тоже было неспокойно. «Гатчинский помещик хандрит», — пишет о Григории Орлове императрица. Он был постоянно при Екатерине, ежедневно соучаствовал в ее великих делах и своим живым сочувствием поддерживал в ней стремление к улучшению жизни государства и общества. Но шли годы, они были вместе уже более десяти лет, и чувства, некогда сжигавшие их, наверно, постепенно сменились привычкой, остыли. Екатерина смогла пристально взглянуть на своего любезного и поняла, что он не во всем разделяет ее взгляды, кроме того, ее тяготила постоянная зависимость от Орловых, ведь она была обязана им престолом. Вполне возможно, что укрепление политических позиций Екатерины и охлаждение чувств к Григорию Орлову привело к разрыву между ними. Отношение императрицы к Орлову резко изменилось во время его отъезда на переговоры в Фокшаны. Еще испытывая нежные чувства к нему, императрица писала к одному из своих заграничных корреспондентов: «Мои ангелы мира, думаю, находятся теперь лицом к лицу с этими дрянными турецкими бородачами. Гр. Орлов, который, без преувеличения, самый красивый человек своего времени, должен казаться действительно ангелом перед этим

мужичьем; у него свита блестящая и отборная; и мой посол не презирает великолепия и блеска... Это удивительный человек; природа была к нему необыкновенно щедра относительно наружности, ума, сердца, души». Трудно предполагать, что творится на сердце у другого человека, невозможно проникнуть в чувства Екатерины II. Одно мы знаем несомненно — Орлов очутился в немилости у императрицы.

За несколько верст от столицы возвращающийся из Ясс Григорий Орлов был встречен курьером, вручившим ему письмо Екатерины: «Вам нужно выдержать карантин, и я предлагаю Вам избрать для временного пребывания Ваш замок Гатчину». В этом случае «карантин» означал отставку, особенно если вспомнить, что после чумы в Москве Орлов был принят при дворе с разрешением не находиться в карантине. Тогда любящая женщина, ожидающая своего победителя, была готова рискнуть здоровьем, лишь бы увидеть дорогого человека. Опала была смягчена пожалованием Орлову ежегодной пенсии в 150 тысяч руб., единовременным пособием на обзаведение дома в 100 тысяч руб., десяти тысяч крестьян по выбору самого графа, великолепного сервиза и т.д.

Орлов продолжал жить поблизости от столицы, и даже присутствовал во дворце на Рождество 1772 г. Держался он со всеми просто и непринужденно — трудно было уловить, что между ним и императрицей произошла размолвка. В марте 1773 г., опасаясь заговора в пользу Павла Петровича, Екатерина вернула Григорию Орлову все прежние должности. Казалось, звезда его, скрывшись на время за тучами, вновь ярко засияла на небосводе придворной жизни. 26 ноября прусский посланник граф Сольмс докладывал своему правительству о праздновании тезоименитства Екатерины II. Именно в этот день Григорий Орлов поднес своей императрице как букет знаменитый большой бриллиант, доставленный из Персии в Европу и купленный графом за 400 тысяч руб. у армянского купца Лазарева. Этот необыкновенный по величине алмаз, считающийся одним из чудес минерального царства, стал украшением российского скипетра и навсегда останется напоминанием Екатерине о ее верном друге Григории Орлове. Но прежним отношениям не суждено было вернуться. В 1777 г. бывший фаворит женился на одной из красивейших женщин — Е.Н. Зиновьевой, которая трагически скончалась во

время их путешествия по Европе в 1780 г. Сам Григорий Орлов умер 13 апреля 1783 г. в Москве. Горько сожалея о потере верного и некогда горячо любимого человека, отца ее сына Алексея Бобринского, исполина, столько сделавшего для нее и России, Екатерина писала своему постоянному корреспонденту барону Мельхиору Гримму, искренне признаваясь в тяжести утраты: «В нем я теряю друга и общественного человека, которому я бесконечно обязана и который мне оказал существенные услуги. Меня утешают, и я сама говорю себе все, что можно сказать в подобных случаях, но ответом на эти доводы служат мои рыдания, и я страдаю жестоко с той минуты, как пришло это роковое известие...»

Место фаворита после Григория Орлова занял на время А.С. Васильчиков, но для Екатерины это было лишь минутное увлечение, он не тот человек, который нужен государыне. Императрица остро ощущала потребность в соратнике, способном по своим качествам стать опорой в деле государственного управления. В пользу Потемкина говорили похвалы А.Г. Орлова, рекомендации П.А. Румянцева, против него ничего не имел и Н.И. Панин. Кроме этого, Екатерина обладала особым умением угадывать таланты, выбирать сподвижников, оставивших заметный след в истории России: государственные деятели и дипломаты А.А. Безбородко, И.И. Бецкой, А.И. Бибиков, А.А. Вяземский, братья Г.Г. и А.Г. Орловы, Н.И. Панин и многие другие.

Так или иначе, Потемкин понял призыв Екатерины II, в нем проснулись прежние надежды на благоволение императрицы. Это расположение могло осчастливить его, принести немалые почести и высокие должности. Григорий Потемкин поспешил в Петербург.

По дороге из действующей армии в столицу, в доме генерала Еропкина в Москве, он впервые увидел и познакомился с ближайшей подругой своей обожаемой императрицы — Екатериной Романовной Дашковой. «Знакомство наше было весьма поверхностным», — записала Екатерина Романовна. И далее: «от присутствовавшего на обеде Левашова, который был мне очень обязан, я узнала под секретом, что Потемкин скоро возвращается в Петербург, ибо спешит занять место фаворита. Я дала Левашову один совет, и последуй он ему, не было бы сцен, которые позже великий князь Павел, к большому возмущению публики,

не преминул устроить, чтобы повредить Потемкину и огорчить свою мать». Недолюбливая Орловых, ревнуя их к Екатерине II, Дашкова благосклонно отнеслась к новому претенденту. Приятельские отношения они поддерживали и в дальнейшем. Дашкова обратилась к Потемкину уже как к президенту Военной коллегии с просьбой о продвижении ее сына по службе. Князь оказывал молодому Павлу Дашкову постоянное покровительство, о чем писала сама Екатерина Романовна: «Князь любил моего сына и постоянно проявлял внимание к нему». Видимо, внимание Потемкина к Дашковой, забота о ее сыне, а в некоторых случаях и о ее финансовых делах благотворно повлияли на отношение ее к князю. Да и он, как замечала сама Дашкова, в отличие от другого фаворита, А.Д. Ланского, относился к ней с большим уважением и пытался снискать ее дружбу.

Любопытную роль сыграл Потемкин в истории назначения Дашковой на должность директора Академии наук, о чем она поведала в своих «Записках». После объяснения с императрицей, в котором Екатерина Романовна пыталась отказаться от этого назначения, она написала письмо Екатерине II, чтобы более твердо мотивировать свой отказ. Письмо было готово уже около полуночи, — слишком поздно, чтобы отправить его императрице. И Дашкова, страстно желая скорее добиться отказа государыни от абсурдной, с ее точки зрения, идеи, поехала к Потемкину. До этого она ни разу не посещала дом князя, но велела доложить о себе и сказать, что, даже если князь в постели, она хочет видеть его по очень важному делу. Потемкин действительно уже лег, но все-таки вышел к ней и внимательно выслушал. Прочитав письмо, он разорвал его на четыре части. В ответ на гневное восклицание Дашковой он сказал: «Я говорю с вами как человек вам преданный и хочу прибавить, что ее величество видит в этом назначении вполне естественное средство приблизить вас к себе и удержать в Петербурге: ей наскучили дураки, которые ее окружают».

Несмотря на столь скоротечное знакомство, Потемкин почувствовал симпатию к себе одной из главных участниц переворота 1762 г., родственницы Паниных и приятельницы Екатерины II. Он счел эту встречу знаком, предвещавшим исполнение всех желаний.

Глава 7. ФАВОРИТ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА

Кто может сказать, что такое любовь? Отчего при виде любимого так неистово бьется сердце и замирает дыхание, ведь в самые решительные и опасные минуты ты могла сохранять хладнокровие? Каждый из нас хочет заглянуть в эту бездну страсти и боится потеряться в ней навечно. Философы и поэты, монархи и простолюдины, мечтатели и практики — все хоть раз в жизни да задавали себе вопрос: что такое любовь? Нет ответа, и ответов миллион.

Зрелая сорокапятилетняя женщина, обаянием и красотой поражавшая всех окружающих, самодержица Всероссийская, владычица огромной Российской империи, перед которой склонялись в почтении не только ее подданные, но и европейские философы, Екатерина Великая с замиранием сердца, подобно всем женщинам мира в любые времена и эпохи, ждала появления своего избранника — Григория Потемкина. Императрица без устали бродила по великолепным покоям Царского Села и размышляла о своем выборе. Не ошиблась ли она, вызвав боевого генерала в столицу? Каковы его искренние чувства? А она сама? Хочет ли его любви, любит ли его? Как они встретятся? Вдруг он не тот человек и окажется неспособен любить в ней не самодержицу и блага, даруемые связью с монархами, а женщину, ищущую теплоты и поддержки в многотрудных государственных делах? Да, конечно, как политическая фигура Потемкин, несомненно, удобен. Все его хвалят, говорят о талантах и заслугах, он не примыкает ни к одной из придворных группировок, да и подруга графиня П.А. Брюс, родная племянница фельдмаршала П.А. Румянцева, намекала Екатерине II, что Григорий Александрович давно и страстно любит одну женщину, и это она — императрица. Но все же, готов ли он принять двусмысленность положения фаворита и перешептывания за спиной, вечное брюзжание недовольных вельмож, заговоры и всю сложность придворной жизни ради своей избранницы? «Наша встреча все решит. Если любит, если люблю я, то пойму, только увидев его», — загадывает про себя императрица.

Екатерина с волнением смотрит на каминные часы. Скоро, скоро приведут Потемкина, и судьба ее решится, она узнает, выиграла ли она и на этот раз, рискнув пригласить ко двору новое лицо.

«Это была величественная монархиня и любезная дама», — писали об императрице современники. Возвышенное чело, несколько откинутая назад голова, гордый взгляд и благородство осанки, казалось, возвышали ее невысокий стан. У нее был орлиный нос, прелестный рот, голубые глаза и черные брови, чрезвычайно приятный взгляд и привлекательная улыбка. Чтобы скрыть свою полноту, она носила широкие платья с пышными рукавами, напоминавшими старинный русский наряд. Белизна и блеск кожи служили ей украшением, которое она долго сохраняла.

Одна из самых красивых женщин XVIII столетия с трепетом вслушивается в приближающиеся шаги.

4 февраля, во вторник, в шестом часу вечера из Первой армии прибыл генерал-поручик и кавалер Григорий Александрович Потемкин. Дежурный генерал-адъютант Григорий Орлов сопроводил его во внутренние покои императрицы и представил ей. Идя по залам великолепного дворца в Царском Селе, не достигший еще 35-летнего возраста генерал Потемкин, так же как и ожидавшая его Екатерина, был погружен в размышления. О чем думал этот красавец-мужчина, облик которого не портил даже ослепший глаз? Он уже не тот трепетный юноша, с замиранием сердца следивший за великой княжной Екатериной Алексеевной на придворном балу, где был представлен вместе с другими учениками Московского университета императрице Елизавете Петровне. Он успел многое повидать, есть его, хоть и небольшая, заслуга в возведении Екатерины на престол, смело сражался Григорий с турками на бастионах. Но сердце его сейчас билось куда быстрее, чем в самые опасные моменты жизни. Что его ждет? Кратковременный роман императрицы, ее прихоть или глубочайшая привязанность на годы? Перед ним шел Григорий Орлов, разве это не насмешка судьбы? Вот он — живой пример любви Екатерины, человек, более десяти лет бывший рядом с ней, отец ее ребенка. И даже он потерял место в сердце этой великой женщины. «Смогу ли я удержать милость государыни, или мне суждено стать тем случайным человеком, который через несколько месяцев или лет покинет покои Екатерины и пропадет в забвении?» — думал Потемкин. Нет, он не сожалел о своем приезде, да и мог ли — ведь это воля императрицы. Потемкин был уверен, что правильно понял призыв своей государыни, и чувствовал в себе силы завоевать не только сердце этой

прекрасной монархини, но и доказать, что создан для великих государственных дел. Он готов был служить ей и Отечеству.

Шаги остановились перед дверью, Екатерина замерла. Вот, вот сейчас все будет кончено, победа или поражение — все решится. Створки распахнулись, Григорий Орлов представил: «Ваше императорское величество. Генерал-поручик и кавалер Григорий Александрович Потемкин».

Она увидела его. Не императрица, а женщина смотрела в глаза своему избраннику.

«Григорий Потемкин был росту великого, — вспоминал о нем племянник Александр Самойлов. — В кругу особ при дворе, да и потом в собрании генералитета он по возносящейся выше прочих главе своей мог быть замечен и узнаваем издали. При сем имел все совершенства телесной стройности и благообразнейшие черты лица и почитался в цветущих летах молодости красивейшим мужчиной своего времени. Лицо его было продолговатое, полное, чело возвышенное, округлое, нос соразмерно протяженный, орлиный, брови приятно выгнутые, глаза голубые, полные, не впалые, взгляд острый, вдаль зрящий, рот небольшой, приятно улыбающийся, голос ясный и звонкий, зубы ровные, чистые и здоровые, подбородок острый, несколько посередине раздвоенный и приподнимающийся вверх, шею, соразмерную сложению тела; цвет лица белый, оттененный свежим румянцем... волосы имел светло-русые, несколько завивающиеся, мягкие; грудь возвышенную при довольно широких плечах... все части тела его исполнены были статности и стройности. Поступь Потемкина была мужественная, а осанка — величественная».

После представления Григория Орлова Потемкин склонился в поклоне, затем сделал шаг вперед, взгляды генерала и Екатерины встретились, и они поняли, что суждено им броситься в бездну любви и страсти. Их волнения улеглись, и императрица победоносно улыбнулась: снова рискнула и не ошиблась. Да, он любит ее. Да, она испытывает к нему не простой интерес, а глубокое чувство. Екатерина отпустила Григория Орлова и осталась с Потемкиным наедине. Около часа продолжалась их встреча. О чем говорили эти двое? Они вряд ли нарушили этикет и беседовали о переполнявших их чувствах. Скорее всего, Екатерина выразила свое удовольствие боевыми заслугами генерала, заметила, что рада видеть его при дворе. Потемкин отвечал соответственно, а затем мог рассказать о

своих впечатлениях от турецкой армии и идеях, касающихся необходимых реформ в обмундировании русских войск, о прекрасных землях на юге, которым пора войти в состав великой Российской империи, об отношении к «иноверцам»-мусульманам, живущим в стране. А быть может, они просто перекинулись парой ничего не значащих фраз, вглядываясь в глаза друг другу с надеждой увидеть желаемое.

Как иногда хочется проникнуть в глубь веков и очутиться за темными и глухими портьерами, услышать шепот в алькове государыни, увидеть то, что никогда не будет известно ни современникам, ни историкам. Мы никогда не узнаем, что происходило во внутренних покоях императрицы, когда она оставалась наедине со своим возлюбленным. Но сила чувств Екатерины была настолько велика, что, расставаясь даже на несколько часов с Потемкиным, она писала ему короткие записочки. Сколько их было каждый день — одна, две, три, пять? — на них нет дат. Послания императрицы — это целый любовный роман в письмах, шедевр любовной переписки XVIII в. Автор многочисленных литературных и исторических сочинений, начитанная женщина, Екатерина прекрасно владела пером и изысканным стилем. Она выписывала в своих посланиях тонкую вязь чувственности, соединенную с самоиронией. Они дышат неподдельной страстью, в них нет ни капли фальши, пошлости или притворства. Написанные в основном по-русски, послания Екатерины сочетают в себе простонародный язык, богатый на пословицы, поговорки, элементы сказок и притч, идиоматические обороты, и в то же время стиль придворных «петимеров» — щеголей и кокеток, ставший составной частью светских манер. Для этого любовного языка были обычными частые «анималистические» сравнения друг друга с разными экзотическими животными и птицами, а также цветами, фарфоровыми куклами и мраморными статуями богов и героев, модным считалась и гиперболичность высказываний, создаваемая подбором слов «ужасно», «страшно», «смертельно». Нередко использовалось сопоставление любви с военными действиями — поскольку любовь, по мнению «идеологов» петимерства, есть состояние войны, — или с болезнью, тяжким недугом. Особенностью жаргона придворных дам стало постоянное подчеркивание нежной чувствительности, сентиментальности, это сочеталось с некоей напускной

грубостью, использованием слов-ругательств, показывающих непринужденность и развязанность говорящего. Благодаря своим талантам императрица превращает послания в литературные произведения, представляя Потемкину образ любящей нежной женщины, верной и безропотно сносящей его капризы и сумасбродства. Но не стоит лишать ее права на искренность чувств, которые она высказывала, говорить о том, что она писала только от страсти к сочинительству. Прежде всего, Екатерина всеми имеющимися у нее способами стремилась выразить переполнявшие ее ощущения. «Я отроду так счастлива не была... Хочется часто скрыть от тебя внутреннее чувство, но сердце мое обыкновенно прибалтывает страсть. Знатно, что полно налито и от того проливается», — призналась императрица однажды Потемкину. Только он мог оценить ее литературные таланты в эпистолярном жанре, никто, кроме милого друга, не читал посланий Екатерины, а некоторые из них только недавно стали достоянием широкой публики.

Таких коротеньких, нежных «цыдулок» сохранилось около 200 за недолгие два года их близости. Никогда — ни до, ни после Потемкина — она не посвящала никому из фаворитов стольких интимных записочек. Послания Екатерины к Потемкину открывают нам спустя столетия внутренний мир императрицы, бурю чувств, овладевших ею, оживляют образ великой государыни и заставляют с искренним уважением относиться и к ее чувствам, и к ее слабостям. Записок Потемкина времен фавора сохранилось немного, и они значительно более сдержанные, чем послания императрицы. Может быть, осторожная и опытная Екатерина сжигала любовные послания своего избранника, а может быть, он как мужчина был более сдержан в высказывании своих чувств к монархине.

После первого свидания с Потемкиным Екатерина, окрыленная, вошла в начале седьмого часа в картинную залу дворца в Царском Селе и до девяти часов изволила забавляться с кавалерами в карты, затем было вечернее кушанье, за столом присутствовало 13 фрейлин и кавалеров, но, наверно, никто не заметил перемены в настроении государыни: она была умелым дипломатом.

9 февраля, в воскресенье, боевой генерал уже удостоен чести обедать за императорским столом на 42 куверта (столовых прибора) по количеству присутствующих персон. Испепеляющая

страсть тайного любовного романа захлестнула российскую императрицу и ее избранника. Их встречи становятся все более частыми и интимными, они упиваются чувствами, открывают друг в друге новые и все более привлекательные свойства сердца и души, обмениваются шутливыми прозвищами. «Мой дорогой друг, я только что вышла из бани, — пишет по-французски Потемкину в одной из записочек Екатерина, — Дух (так иногда она именовала предмет своей страсти. — *Н.Б.*) желал пойти туда третьяго дня, но сегодня это будет трудно. Во-первых, потому что уже девять часов. Во-вторых, потому что все мои женщины налицо и, вероятно, уйдут не ранее чем через час. И кроме того, пришлось бы опять ставить воду и пр. Это взяло бы остаток утра. Прощайте, мой дорогой друг», — с сожалением о несостоявшемся свидании заканчивает влюбленная императрица. Она не стремится афишировать свои чувства и выставлять их на обсуждение двора, иногда Екатерина даже сама удивляется и опасается силе своей страсти, в одном из посланий она пишет: «Мой дорогой друг, несмотря на удовольствие, которое нам доставили "духи Калиостро", я встревожена мыслью, что злоупотребила вашим терпением и причинила вам неудобство долговременностью визита. Мои часы остановились, а время пролетело так быстро, что в час (ночи) казалось, что еще нет полуночи... Мы полны благодарности и разного рода чувствами признательности и уважения к вам».

14 февраля 1774 г. императорский двор переехал из Царского Села в Петербург. В этот день за обеденным столом еще присутствовал бывший предмет интереса императрицы — Александр Семенович Васильчиков, а уже на следующий день его место занял Григорий Александрович Потемкин. «Камер-фурьерский журнал», беспристрастно фиксировавший всю внешнюю жизнь двора императрицы, все чаще и чаще отмечает присутствие нового фаворита то за столом Екатерины, то среди придворных на балах и маскарадах, то называет его партнером государыни за карточными играми. Екатерина счастлива, она обрела друга и любовника, может полной грудью вдыхать аромат страсти и наслаждаться близостью любимого человека. Это ли не счастье для женщины — государыни или простолюдинки, для женщины, вечно ищущей любви, поддержки и понимания. Одно омрачало ее думы. Екатерина знала, насколько жестоко придворное

общество, сколько сплетен в нем бродит, судачат не только друг о друге, но даже и о ней, самодержице и монархине. Она чувствовала, что кто-нибудь обязательно наговорами и слухами о ее якобы многочисленных любовных приключениях наполнит мысли Потемкина злым дурманом ревности и недоверия. А быть может, он уже ревнует и ждет признания императрицы во всех ее прошлых сердечных увлечениях. И Екатерина решилась, она сама расскажет ему правду, ведь любящее сердце должно простить прежние страсти.

Никто не знает, с каким трудом ей далось сочинение этого самого откровенного послания к Григорию Потемкину, в котором она с беспощадной искренностью пишет о прошлом своей личной жизни. Подлинника «Чистосердечной исповеди» императрицы не сохранилось, только копия, — она спустя столетия была представлена на суд публики. Сколько раз Екатерина возвращалась к письму, перечеркивала фразы, замарывала слова: в ее памяти всплывали прекрасные и трагические моменты прошлого, лица любимых мужчин, прежние чувства вспыхивали на мгновение и гасли. Наконец посвященный в тайну придворный камердинер направлен к Потемкину с посланием, и ей остается только ждать.

Екатерина писала Потемкину о своем сближении в 1752 г., спустя девять лет не очень счастливого брака, с камергером Сергеем Васильевичем Салтыковым. Два года он находился при дворе, а затем был отослан за границу. Екатерина вспоминает свое одиночество, слезы и «великую скорбь» в течение года, а затем расцвет нового чувства — в столицу приезжает в свите английского посланника сэра Чарльза Уильямса граф Станислав Август Понятовский, в 1774 г. благодаря стараниям российской императрицы уже король Польский. Умный, красивый, европейски образованный поляк, обладающий природным шармом, произвел сильное впечатление на великую княгиню и сам попал под ее чары. «Сей был любезен и любим от 1755 до 1761 г.», — писала Екатерина. Она боролась за участь своего избранника, отозванного из Петербурга, и возвращение его. «Но тригоднейшая отлучка, то есть с 1758-го, и старательства князя Григория Григориевича (Орлова. — *Н.Б.*), которого паки добрыя люди заставили приметить, переменили образ мыслей», — вспоминает Екатерина верного друга и отца своего сына Алексея. Роман с

ним был сильный, бурный, длительный, связанный с самыми трудными временами дворцового переворота и первых лет правления. Навсегда в ее сердце сохранится признательность к Григорию Орлову и щемящее чувство прежней любви. Не лукавя, Екатерина честно признается: «Сей бы век остался, есть ли б сам не скучал. Я сие узнала в самый день его отъезда на конгресс из Села Царского и просто сделала заключение, что о том узнав, уже доверки иметь не могу, мысль, которая жестоко меня мучила и заставила сделать из дешперации выбор кое-какой...» — это уже об Александре Васильчикове. От отчаянья Екатерина сблизилась с молодым гвардейским офицером и вспоминает о своих страданиях, слезах, грусти на протяжении полуторалетней связи с ним. Она пишет о том, что надеялась привыкнуть к этому человеку, наладить жизнь с ним, ведь прежние ее связи были длительными, но постепенно становились только хуже: «с другой стороны месяцы по три дуться стали, и признаться надобно, что никогда довольна не была, как когда осердится и в покое оставит, а ласка его меня плакать принуждала».

И вот в минуту отчаяния Екатерина призывает ко двору Потемкина. «Потом приехал некто богатырь, — напоминает она ему недавние дни. — Сей богатырь по заслугам своим и по всегдашней ласке прелестен был так, что, услыша о его приезде, уже говорить стали, что ему тут поселиться, а того не знали, что мы письмецом сюда призвали неприметно его, однако же с таким внутренним намерением, чтоб не вовсе слепо по приезде его сюда поступать, но разбирать, есть ли в нем склонность, о которой мне Брюсша сказывала, что давно многие подозревали, то есть та, которую я желаю, что он имел». Императрица говорит о продуманности своего выбора, а не о минутной прихоти, она хочет увериться в искренности любви Потемкина и обрести покой в душе и сердце. Ей хочется любить и быть любимой, видеть рядом верного и преданного человека.

Об этом ее призыв в конце «Чистосердечной исповеди», обращенный к сердцу Потемкина: «Ну, господин богатырь, после сей исповеди могу ли я надеяться получить отпущение грехов своих? Изволишь видеть, что не пятнадцать, но третья доля из сих: первого по неволе да четвертого из дешперации я думала на счет легкомыслия поставить никак не можно; о трех прочих, есть ли точно разберешь, Бог видит, что не от распутства,

к которому никакой склонности не имею, и есть ли б я в участь получила смолоду мужа, которого бы любить могла, я бы вечно к нему не переменилась. Беда та, что сердце мое не хочет быть ни на час охотно без любви. Сказывают, такие пороки людские покрыть стараются, будто сие происходит от добросердечия, но статься может, что подобная диспозиция сердца есть порок, нежели добродетель. Но напрасно я сие к тебе пишу, ибо после того взлюбишь или не захочешь в армию ехать боясь, чтоб я тебя позабыла. Но, право, не думаю, чтоб такую глупость зделала, и есть ли хочешь на век меня к себе привязать, то покажи мне столько же дружбы, как и любви, а наипаче люби и говори правду». Екатерина ждет от Потемкина не оправдания, а сочувствия и понимания, искреннего сердечного порыва.

Прочитав откровенное послание императрицы, где она, не лукавя, перечисляет все свои прежние увлечения и рассказывает о пережитых чувствах, Потемкин в миг уверился в чувствах этой прекрасной, сильной духом женщины, не побоявшейся осуждения и искренне сказавшей ему: вот мои прежние страсти, но ты любим сейчас и надолго, забудь сплетни двора и шепот за портьерами, поверь мне и люби такую, как есть, люби искренне и будь правдив, и дням счастья нашего не будет конца. Однако в любви, как и в жизни, ничто не дается легко и не приходит сразу. Еще несколько дней Екатерине приходиться уверять Потемкина письмами в искренности своих чувств. Он капризничает, играет с Екатериной, не появляется во внутренних покоях, разжигая страсть императрицы и заставляя ее страдать от непонимания.

«Я ласкаясь к тебе по сю пору много, тем ни на единую черту не предуспела ни в чем. Принуждать к ласке никого неможно, вынуждать непристойно, притворяться — подлых душ свойство. Изволь вести себя таким образом, чтоб я была тобою довольна. Ты знаешь мой нрав и мое сердце, ты ведаешь хорошие и дурные свойства, ты умен, тебе самому предоставляю избрать приличное по тому поведение. Напрасно мучися, напрасно терзаеся. Един здравый рассудок тебя выведет из беспокойного сего положения; без ни крайности здоровье свое надседаешь понапрасно», — закаленная в любовных баталиях, Екатерина не торопит Потемкина, она старше его на 10 лет, возможно, понимает сомнения своего избранника лучше, чем мы. Отчего он мучается и терзается? От ревности или страха перед будущим?

А может быть, это игра, чтобы заставить ее сказать те самые слова, совершить те самые поступки, которые крепкими нитями свяжут их на годы? Сколько бы мы ни гадали, ответ знают только они — Екатерина и Потемкин. Мы можем только заглядывать через плечо и читать их письма, нам не предназначавшиеся, пытаясь проникнуть в события прошлого.

Спустя несколько дней императрица в очередном послании к нерешительному фавориту уже не может сдержаться от того, чтобы не высказать свое недовольство, и даже обращается к нему на Вы: «Благодарствую за посещение. Я не понимаю, что Вас удержало. Неуже что мои слова подавали к тому повод? Я жаловалась, что спать хочу, единственно для того, чтоб ранее все утихло и я б Вас и ранее увидеть могла. А Вы, тому испужавшись и дабы меня не найти на постели, и не пришли. Не изволь бояться. Мы сами догадливы». Екатерина, как только все люди ушли, бросилась в библиотеку, где на «сквозном ветре» простояла два часа, дожидаясь Потемкина, и ни с чем «пошла с печали лечь в постель, где по милости Вашей пятую ночь проводила без сна». Она мучалась и страдала от непонимания, но все равно была готова простить и принять: «Одним словом, многое множество имею тебе сказать, а наипаче похожего на то, что говорила между двенацатого и второго часа вчера, но не знаю, во вчерашнем ли ты расположении и соответствуют ли часто твои слова так мало делу, как в сии последние сутки. Ибо все ты твердил, что прийдешь, а не пришел. Не можешь сердиться, что пеняю. Прощай, Бог с тобою. Всякий час об тебе думаю. Ахти, какое долгое письмо намарала. Виновата, позабыла, что ты их не любишь. Впредь не стану». Женщина, не императрица, умоляет о признаниях в любви. Окончательное объяснение Екатерины и Потемкина вскоре состоялось. Наверное, они смогли честно взглянуть в глаза друг другу и, откинув сомнения, решить свое будущее.

Умиротворенная императрица погрузилась в любовь, волнительные для сердца встречи становятся постоянными. Поток записочек также значительно увеличился. Екатерина писала по любому поводу, лишь бы показать своему милому заботу и любовь. «Голубчик, буде мясо кушать изволишь, то знай, что теперь все готово в бане. А к себе кушанье оттудова отнюдь не таскай, а то весь свет сведает, что в бане кушанье готовят», — некоторые встречи любовников проходили в мыленке Екатерины, и она за-

ранее предупреждала Потемкина о приготовлениях к свиданию. Ей хотелось любить и всегда выказывать свое чувство любимому: «Гришенька, — ласково обращается она к другу, — не милой, потому что милой. Я спала хорошо, но очень немогу, грудь болит и голова, и, право, не знаю, выйду ли сегодни или нет. А есть ли выйду, то это будет для того, что я тебя более люблю, нежели ты меня любишь, чего я доказать могу, как два и два — четыре. Выйду, чтоб тебя видеть».

Екатерине нравится восхищаться своим новым избранником, хвалить его и высказывать комплименты: «Да и не всякий так умен, так хорош, так приятен. Не удивляюсь, что весь город бесчетное число женщин на твой щет ставил. Никто на свете столь не горазд с ними возиться, я чаю, как Вы. Мне кажется, во всем ты не рядовой, но весьма отличаешься от прочих».

Императрица упивается новыми переживаниями, литературный талант требует оформления любовных порывов и чувственных переживаний в нечто осязаемое — в послания объекту страсти, в великолепный монолог любви. Сидя над листом бумаги, Екатерина с каждым словом, подаренным Григорию Потемкину, открывает в себе все новые и новые мелодии любви, она иронизирует над собой, быть может, даже боится силы испытываемых чувств, но тем не менее ей нравится говорить о них в письмах к человеку, вызвавшему эту бурю страстей. «Чтоб мне смысла иметь, когда ты со мною, — объясняет Екатерина Потемкину, — надобно, чтоб я глаза закрыла, а то заподлинно сказать могу того, чему век смеялась: "что взор мой тобою пленен". Экспрессия, которую я почитала за глупую, несбыточную и ненатуральную, а теперь вижу, что это быть может. Глупые мои глаза уставятся на тебя смотреть: разсужденье ни на копейку в ум не лезет, а одурею Бог весть как. Мне нужно и надобно дни с три, есть ли возможность будет, с тобою не видаться, чтоб ум мой установился и я б память нашла, а то мною скоро скучать станешь, и нельзя инако быть. Я на себя сегодни очень, очень сердита и бранилась сама с собою и всячески старалась быть умнее. Авось-либо силы и твердости как-нибудь да достану, перейму у Вас — самый лучий пример перед собою имею. Вы умны. Вы тверды и непоколебимы в своих принятых намерениях, чему доказательством служит и то, сколько лет говорите, что старались около нас, но я сие не приметила, а мне сказывали другие.

Прощай, миленький, всего дни с три осталось для нашего свидания, а там первая неделя поста — дни покаяния и молитвы, в которых Вас видеть никак нельзя будет, ибо всячески дурно. Мне же говеть должно. Уф! я вздумать не могу и чуть что не плачу от мыслей сих однех. Adieu, Monsieur, напиши, пожалуй, каков ты сегодни: изволил ли опочивать, хорошо или нет, и лихорадка продолжается ли и сильна ли? Панин тебе скажет: "Изволь, сударь, отведать хину, хину, хину!" Куда как бы нам с тобою бы весело было вместе сидеть и разговаривать. Есть ли б друг друга меньше любили, умнее бы были, веселее. Вить и я весельчак, когда ум, а наипаче сердце свободно. Вить не поверишь, радость, как нужно для разговора, чтоб менее действовала любовь.

Пожалуй, напиши, смеялся ли ты, читав сие письмо, ибо я так и покатилась со смеху, как по написании прочла. Какой здор намарала, самая горячка с бредом, да пусть поедет: авось-либо и ты позабавися».

Что чувствовал Григорий Потемкин, пробегая строки, написанные пером императрицы и посыпанные ее руками специальной золотой стружкой? Как искры страсти горели прилипшие к чернилам песчинки. Так же сильны были чувства Потемкина или он принимал любовь этой необыкновенной женщины как должное? Свидетельств его переживаний куда как меньше, по ним трудно проникнуть во внутренний мир нашего героя, понять его. В тех немногих посланиях, которые нам сохранило беспощадное время или скромность автора, Потемкин почтителен и часто именует свою возлюбленную матушкой. Уж не разница в возрасте и императорское достоинство Екатерины тому причина? «Матушка моя родная и безценная, — пишет Потемкин. — Я приехал, но так назябся, что зубы не согрею. Прежде всего желаю ведать о твоем здоровье. Благодарствую, кормилица, за три платья. Цалую Ваши ножки». А сбоку приписка Екатерины, возвращающей это письмо автору: «Радуюсь, батя, что ты приехал. Я здорова. А чтоб тебе согреваться, изволь идти в баню, она топлена». И в другой записочке Потемкин обращается к Екатерине: «Позвольте, матушка государыня, сегодня отлучиться. Я зван в гости».

Конечно, инициатива в объяснениях, в любви Екатерины и Потемкина принадлежала женщине. Она более свободна в чувствах и словах, ее фантазия в признаниях и эпитетах богаче и

смелей. Екатерина не устает говорить о своей любви: «Я люблю вас всем сердцем», «Но спроси, кто в мыслях: знай единожды, что ты навсегда. Я говорю навсегда, но со времен захочешь ли, чтоб всегда осталось и не вычернишь ли сам. Великая моя к тебе ласка меня же стращает», «Милая милюшечка Гришенька, здравствуй», «Добро, ищи лукавство хотя со свечой, хотя с фонарем в любви моей к тебе. Есть ли найдешь, окроме любви чистой самой первой статьи, я дозволяю тебе все прочее класть вместо заряда в пушки и выстрелить по Силистирии или куды хочешь. Мррр, мррр, я ворчу — это глупо сказано, но умнее на ум не пришло». Екатерина импровизирует, сочиняет все новые и новые формы объяснений своих чувств и ощущений, повторяется только в некоторых особо полюбившихся эпитетах и прозвищах, да слово «люблю» через строчку.

«Миленький, и впрямь, я чаю, ты вздумал, что я тебе сегодня писать не буду. Изволил ошибиться. Я проснулась в пять часов, теперь седьмой — быть писать к нему. Только, правда сказать, послушай, пожалуй, какая правда: я тебя не люблю и более видеть не хочу. Но поверишь, радость никак терпеть не могу... От мизинца моего до пяты и от сих до последнего волоску главы моей зделано от меня генеральное запрещение сегодня показать Вам малейшую ласку. А любовь заперта в сердце за десятью замками. Ужасно, как ей тесно. С великой нуждою умещается, того и смотри, что ни на есть — выскочит. Ну сам рассуди, человек разумный, можно ли в столько строк более безумства заключить. Река слов вздорных из главы моей изтекохся. Каково-то тебе мило с такою разстройкою ума обходиться, не ведаю. О, господин Потемкин, что за странное чудо Вы содеяли, расстроив так голову, которая доселе слыла всюду одной из лучших в Европе?

Право пора и великая пора за ум приняться. Стыдно, дурно, грех, Ек/атерине/ Вт/орой/ давать властвовать над собою безумной страсти. Ему самому ты опротиви/шь/ся подобной безрассудностью. Почасту сей последний стишок себе твердить стану и, чаю, что один он в состояньи меня опять привести на путь истинный. И сие будет не из последних доказательств великой твоей надо мною власти. Пора перестать, а то намараю целую метафизику сентиментальную, которая тебя наконец насмешит, а иного добра не выдет. Ну, бредня моя, поезжай к тем местам, к тем щастливым брегам, где живет мой герой. Авось-либо не

застанешь уже его дома и тебя принесут ко мне назад, и тогда прямо в огонь тебя кину, и Гришенька не увидит сие сумазбродство, в котором, однако, Бог видит, любви много, но гораздо луче, чтоб он о сем не знал. Прощай, Гяур, москов, казак...»

Великая императрица Екатерина Вторая в этом нежном и прелестном письме, полном страсти и ласки, в этом образчике любовного эпистолярного жанра XVIII в. обращалась к своей, наверное, самой большой любви в жизни — Григорию Александровичу Потемкину. Для нее, немецкой принцессы, выросшей в педантичной Германии и жившей в официальном, а от этого довольно строгом Петербурге, Григорий Потемкин всегда ассоциировался с Москвой. Возможно, в нем воплощалась широта и раздолье московских просторов, тишина и задумчивость улиц и закоулков, бесшабашная удаль, богатство души и некоторая московская леность, которая до сих пор вводит в заблуждение тех, кто не знает, что за ней скрывается кипучая энергия.

Весна 1774 г. для Екатерины — одна из счастливейших. Она любит, любима и ищет доказательства искренности в поведении Потемкина. Екатерина — рассудочная натура и постоянно пытается анализировать себя и объект своих пристрастий: «Гришенька, здравствуй. Сего утра мне кажется не только, что любишь и ласков, но что все это с таким чистосердечием, как и с моей стороны. А надобно Вам знать, что заключения те, кои я делаю по утрам, те и пойдут правилами до тех пор, пока опыты не подадут причины к опровержению оных. Но есть ли б, паче всякого чаяния и вероятья, ты б употреблял какое ни есть лукавство или хитрость, то поверь, что непростительно умному человеку, каков ты, прилепиться к таким глупым способам тогда, когда ты сам собою — первый и лучший способ к обузданию сердца и ума пречувствительного человека на век. И напротиву того знаешь, что из того родиться бы могло не что иное, как некоторый род недоверки и опасения, вовсе невместный с откровенностию и чистосердечием, без которых любовь никогда твердо основана быть не может.

Бог с тобою, прости, брат. По утрам я гораздо умнее, нежели по захождении сонца. Но как бы то ни было, а ум мой расстроен. И есть ли это продолжится, от дел откажусь, ибо не лезут в голову, и голова, как у угорелой кошки. Только стараться буду сию неделю употребить в свою пользу, а Бог даст мне рассуждение

и смысл напасть на путь истинный. Вить я всегда была резонер по роду занятий, хотя с бредом иногда».

Почти весь март 1774 г. счастливая пара провела в Царском Селе, где свободней встречи, весенний воздух кружит голову и дни, проведенные в развлечениях, допускаемых Великим постом, заканчиваются приятнейшими вечерами. 27 марта, в четверг, императрица вместе с придворными кавалерами и фрейлинами осматривала привезенную из Италии большую мраморную чашу, затем все забавлялись игрой в мячи в галерее грота. Во время обеда за столом Екатерины во внутренних покоях самые близкие люди: графиня Прасковья Александровна Брюс, фельдмаршал князь Александр Михайлович Голицын, Сергей Матвеевич Козьмин, Александр Иванович Черкасов, и он — Григорий Александрович Потемкин. Игры в карты и шахматы в великолепной Янтарной комнате под звуки гуслей, флейт и скрипок, забавы в мячи, церковные службы, прогулки по саду, интимные обеды, бесконечные разговоры с придворными — прекрасное времяпровождение императрицы и ее двора, и везде ее герой — Потемкин, «красавец мой миленький, на которого ни единый король не похож».

В апреле 1774 г. двор возвращается в Петербург. Екатерина напряженно работает над решением насущных политических вопросов, вокруг больше людей, больше внимательных глаз и любопытных ушей. Но даже среди многочисленных дел государственных она нашла время, чтобы собственноручно составить план расположения комнат Потемкина в Зимнем дворце, откуда он мог незаметно проходить в ее покои. Легкие карандашные заметки с чернильными пометами, закрепленные умелым реставратором спустя десятилетия, открывают нам альковные тайны. «В покоях № 6, — фантазирует императрица, — вынуть альков», тут же чернилами: «или нет» (сомнения относятся к покоям князя Орлова), и снова «да, альков делать на место того, как карандашам означен, и сии покои будут для ген[ерала] Потемкина. В нумер 10 вынуть антресоль, раскрыть дверь, запереть дверь, сделать дверь вновь. В № 14 делать альков и сии покой будут для князя Орлова». Екатерина оставила для отца своего сына Бобринского комнаты в Зимнем дворце. Комнаты Потемкина располагались прямо под покоями императрицы, так же будут устроены покои следующих после него любимцев

Екатерины. Окна апартаментов фаворита и государыни выходили на Дворцовую площадь и внутренний двор. Императрица внимательно следила за ходом работ по обустройству покоев для нового фаворита: все должно быть сделано для удобства милого друга и радостных свиданий. Желая посетить Екатерину, Потемкин мог в любой момент без доклада подняться в ее комнаты по винтовой лестнице, устланной ковром зеленого цвета — цвета любви в те времена.

Уже 10 апреля жена новгородского губернатора Е.К. Сиверс пишет мужу о слухах при дворе: «Покои для нового генерал-адъютанта готовы, и он занимает их; говорят, что они великолепны».

Встречаться наедине становится сложнее, и это печалит любящую женщину: «Я пишу из Эрмитажа, где нет камер-пажа. У меня ночию колика была. Здесь неловко, Гришенька, к тебе приходить по утрам. Здравствуй, миленький издали и на бумаге, а не вблизи, как водилося в Царском Селе... Душа моя милая, чрезмерно я к вам ласкова, и есть ли болтливому сердцу дать волю, то намараю целый лист, а вы долгих писем не жалуете, и для сего принуждена сказать: прощай, Гаур, москов, казак, сердитый, милый, прекрасный, умный, храбрый, смелый, предприимчивый, веселый. Знаешь ли ты, что имеешь все те качества, кои я люблю, и для того я столько тебя люблю, что выговорить нет способу. Мое сердце, мой ум и мое тщеславие одинаково и совершенно довольны вашим превосходительством, ибо ваше превосходительство превосходны, сладостны, очень милы, очень забавны и совершенно такие, какие мне нужны. Мне кажется, чертовски трудно пытаться покинуть вас». Воистину, прекраснейший гимн любви и признание, которому позавидовал бы любой мужчина на свете. Но, как не раз пишет Екатерина, очень часто у Григория Александровича «передня полна», для встречи нет времени меж дел государственных, и свидание заменяет пылкое послание.

Любовный роман Екатерины и Потемкина развивался согласно законам жанра, они знали и сомнения, и непонимание, и обиды. Екатерина уверяла своего избранника в истинности и неизменности своих чувств, а он, видимо, позволял себе капризничать и сердиться без повода. «Я ужасно как с тобою браниться хочу, — посылает Екатерина записку из покоев Царского Села к Потемкину. — Я пришла тебя будить, а не то, чтоб спал, и в

комнате тебя нету. И так вижу, что только для того сон на себя всклепал, чтоб бежать от меня. В городе, по крайней мере, бывало, сидишь у меня, хотя после обеда с нуждою несколько, по усильной моей прозьбе, или вечеру; а здесь лишь набегом. Гаур, казак москов. Побываешь и всячески спешишь бежать. Ей-ей, отвадишь меня желать с тобою быть — самый Князь Ор[лов]. Ну добро, есть ли одиножды принудишь меня переломить жадное мое желанье быть с тобою, право, холоднее буду. Сему смеяться станешь, но, право, мне не смешно видеть, что скучаешь быть со мною и что тебе везде нужнее быть, окроме у меня».

Быть может, не раз мучил Потемкин свою возлюбленную Екатерину приступами ревности, вызванными страхом потерять с сердцем императрицы и место при дворе, и возможность получения должностей, денег, славы, испытывая тем самым терпение и любовь этой женщины. «Фуй, миленький, как тебе не стыдно. Какая тебе нужда сказать, что жив не останется тот, кто место твое займет. Похоже ли на дело, чтоб ты страхом захотел приневолить сердце. Самый мерзкий способ сей непохож вовсе на твой образ мысли, в котором нигде лихо не обитает... Не печалься. Скорее ты мною скучишься, нежели я», — увещевает своего милого императрица.

Но больше, несравненно больше записочек Екатерины посвящены любви. Каждое утро она посылает камер-юнкеров или придворных камердинеров в покои Потемкина с цидулками: как он себя чувствует? как его лихорадка? любит ли ее? скоро увидимся. Маленькие обрезанные полоски пожелтевшей бумаги (бережливая государыня экономила), запечатлевшие страсть, заботу и милость великой императрицы, теперь доступны взору любого человека. Мы можем читать и перечитывать их, анализировать, изучать как исторический источник, высказывать свое осуждение или восхищение, забывая иногда, что эти записочки не только свидетельства российской истории — они часть интимной жизни двух людей.

«Батинька, мой милой друг. Прийди ко мне, чтоб я могла успокоить тебя безконечной лаской моей».

***

«Душенька, разчванист ты очень. Изволишь ли быть сегодни и играть на бильярды? Прошу прислать сказать на словах — да или

нет, для того, что письма в комедьи без очков прочесть нельзя. Мррр, разчванист ты душенька».

***

«Хотя тебе, душечка, до меня и нужды нету, но мне весьма есть до тебя. Каков ты в своем здоровье и в опале ли я или нету? А тебе объявляю всякую милость от Бога и от государыни».

***

«Мамурка, здоров ли ты? Я здорова и очень, очень тебя люблю».

***

«Милой друг, я не знаю почему, но мне кажется, будто я у тебя сегодни под гневом. Буде нету и я ошибаюсь, тем лучше. И в доказательство сбеги ко мне. Я тебя жду в спальне, душа моя желает жадно тебя видеть».

***

«Милая милуша, дорогие сладкие губки, жизнь, радость, веселье. Сударушка, голубошка, мой золотой фазан. Я люблю вас всем сердцем».

***

«Долго ли это будет, что пожитки свои у меня оставляешь? Покорно прошу, по-турецкому обыкновению платки не кидать. А за посещение словесно так, как письменно, спасибо до земли тебе скажу и очень тебя люблю».

***

«На охоту ехать не очень хочется. Далеко да и ветрено. Пришли сказать, как советуешь».

***

«Сто лет тебя не видала. Как хочешь, но очисти горницу, как прийду из Комедии, чтоб прийти могла. А то день несносен будет, и так ведь грусен проходил. Черт Фонвизина к Вам привел. Добро, душенька, он забавнее меня знатно. Однако я тебя люблю, а он, кроме себя, никого».

И еще множество ласковых, милых посланий Екатерины своему Григорию Потемкину.

Летом 1774 г. могло произойти еще одно знаменательное событие в личной жизни Потемкина и Екатерины. К этому времени исторические легенды и их современные последователи относят заключение тайного морганатического брака между императрицей и ее фаворитом. Как и заключение тайных браков некоторых других российских государынь (о них в истории осталось немало рассказов), союз Екатерины и Потемкина не подтверждается никакими брачными документами напрямую. Их нет, хотя сохранилось грустное предание: вместе с фамильными бумагами свидетельства о браке Екатерины Великой и Григория Потемкина попали к внучатой племяннице светлейшего — княгине Елизавете Ксаверьевне Воронцовой, одной из прекраснейших и удивительных женщин XIX в. Ее воспевал влюбленный Александр Пушкин, ходили даже слухи о том, что поэт — отец одной из дочерей Воронцовой. Княгиня, якобы не желая опубликовывать тайные бумаги великого предка, на лодке отплыла с пристани своего крымского имения Алупка и бросила шкатулку с документами в волны Черного моря. Красивая история, но, зная интерес Пушкина к XVIII столетию и личностям Екатерины Великой и Потемкина, а также силу женской страсти, трудно представить себе, что увлеченная поэтом женщина не показала ему столь интересующие его бумаги.

Однако несколько писем действительно позволяют говорить о возможности заключения тайного союза между Екатериной и ее фаворитом. Это могло случиться в один из летних дней: в воскресенье 8 июня 1774 г., в праздник Животворящей Троицы; на следующий день, в понедельник — праздник Сошествия Святого Духа; в среду на этой же неделе или в пятницу 13-го числа. Венчание могло состояться в Петербурге теплой летней ночью. Шлюпка отчалила от Летнего дворца на Фонтанке, затем вошла в Неву, пересекла ее и двинулась по Большой Невке, где в отдаленной части города находился храм Святого Сампсония Странноприимца. Он был основан еще по повелению Петра I в честь Полтавской победы, ознаменовавшей перелом в тяжелейшей для страны Северной войне. В соборе перед прекрасным барочным иконостасом мог состояться обряд венчания самодержицы Всероссийской и смоленского шляхтича Потемкина, его

совершил духовник Екатерины Иван Панфилов. Свидетелями называют камер-юнгферу Марию Савишну Перекусихину, камергера Евграфа Александровича Черткова и адъютанта Потемкина, его племянника поручика лейб-гвардии Семеновского полка Александра Николаевича Самойлова.

А вот и то самое письмо, написанное уже в дни расставания двух влюбленных, которое должно указывать на совершение тайного обряда венчания: «Владыка и Cher Epoux (в переводе — дорогой супруг. — *Н.Б.*)! Я зачну ответ с той строки, которая более меня трогает: хто велит плакать? Для чего более дать волю воображению живому, нежели доказательствам, глаголющим в пользу твоей жены? Два года назад была ли она к тебе привязана Святейшими узами?.. Верь моим словам, люблю тебя и привязана к тебе всеми узами. Теперь сам личи: два года назад были ли мои слова и действия в твоей пользы сильнее, нежели теперь?»

Если вы ждете прямого ответа: были ли Екатерина и Потемкин супругами, то его нет. Но даже и в случае заключения брака, не он стал залогом будущих успехов фаворита, основой его достижений в жизни. Вспомните, разве не было в жизни Екатерины законного супруга — Петра III, и какова его судьба? Если бы личная привязанность императрицы не была питаема достоинствами Потемкина, кто бы помешал отправить его в забвение на какую-нибудь захудалую должность? Да и великолепный Григорий Орлов, а связь с ним увенчалась рождением сына, не избегнул отставки.

Но судьба Потемкина будет решаться несколько позже, а пока он любим и поток милостей неиссякаем. Дни влюбленной пары проходили в трудах и развлечениях. Придворные обеды, куртаги, балы и маскарады, представление французских комедий — везде рядом с Екатериной был ее Григорий. В субботу, 8 ноября, в день праздника Архистратига Михаила, после обеденного кушанья и отбытия из кавалерской комнаты всех кавалеров императрица вышла из внутренних комнат и в сопровождении Потемкина, обер-маршала и гофмаршала проследовала в боковую комнату у галереи, чтобы осмотреть привезенные из Англии часы с курантами. Мода на английские новинки постепенно завоевывала Екатерину и ее придворных, интерес Потемкина к диковинным вещам и идеям туманного Альбиона тоже зародился в годы его пребывания при дворе.

Потемкин становится одной из обсуждаемых тем постоянной переписки Екатерины с ее корреспондентом во Франции, странствующим агентом Просвещения — бароном Гриммом. Она хочет представить своего избранника в лучшем свете и сообщить через Гримма европейской общественности о том, что рядом с ней не случайный человек, а достойный внимания и интереса мужчина с блестящей карьерой. Кроме этого, в шутливом тоне, свойственном переписке Екатерины с Гриммом, ей нравится хвалить чудачества и неординарность своего фаворита. 14 июля 1774 г. она пишет об отставке Васильчикова и приближении Потемкина: «Вы и Ваши единомышленники подозреваете других в переменчивости. Знаю, откуда это подозрение; наверное, от того, что, когда Вы были здесь, я отдалилась от некоего превосходного, но весьма скучнаго гражданина, котораго немедленно, и сама не знаю как, заменил величайший, забавнейший и приятнейший чудак, какого только можно встретить в нынешнем железном веке». Она сообщает Гримму о турецких диванах, введенных в моду Потемкиным, его привычке кусать ногти, сервском сервизе, заказанном для князя, за который он отблагодарил Екатерину ангорским котом: «Это над котами кот, веселый, умный, вовсе не взбалмошный и именно такой, как вам хочется, чтоб был кот с бархатными лапками». Екатерина с восторгом рассказывает еще об одном чудачестве своего любимца: «По поводу этого кота надо рассказать Вам, каково было изумление принца Генриха, когда князь Потемкин вогнал в комнату, где мы сидели, обезьяну. Вместо того чтобы продолжать приятный разговор с принцем, я начала играть с обезьяною. Принц выпучил глаза; но делать было нечево: штуки, которыя выделывала обезьяна, вывели его из недоумения».

Великолепным торжеством, следуя традиции, введенной Петром I, императрица планировала отметить заключение Кючук-Кайнарджийского мира с Оттоманской империей в древней столице России — Москве. Многодневное празднество, тщательно организованное, феерически оформленное, должно было показать подданным величие силы русского оружия и знаменательность победы над постоянным соперником Российской империи на юге. Потемкину, сопровождавшему Екатерину в город, где прошла его юность, предложено было жить не в родовом доме, а рядом с ней — императрицей. Екатерина тщательно подошла

не только к составлению плана торжеств, но и к вопросу размещения своего милого. «Голубчик, странное я тебе скажу. Сего утра вздумала я смотреть план московского Екатерининского дворца и нашла, что покои, кои бы, например, могли быть для тебя, так далеко и к моим почти что непроходны, и вспомнила, что я их полтора года назад зделала сама нарочно таково, за что я была бранена, но оставила их так, отговорясь, что места нету. А теперь нашла шесть покоев для тебя: так близки и так хороши, как лучше быть не можно. С вами все становится легко, вот что значит воистину любить».

Приехав в 1775 г. в Москву, императорский двор погрузился в череду празднеств и развлечений. Екатерина восхищена Москвой, она пишет Гримму: «Знаете ли вы, всезнающие люди, что я в восторге от приезда сюда, и что все здесь, от мала до велика, тоже в восторге, видя меня. Город этот, как феникс, возрождается из пепла...» Императрица остановилась в доме М.М. Голицына у Пречистинских ворот, который был специально соединен с домом, где разместился Григорий Потемкин. Екатерина в сопровождении фрейлин и придворных кавалеров любила выезжать в город и прогуливаться по улицам в каретах. В праздник Лазарева воскресения, 4 апреля 1775 г., пополудни, в 4-м часу, императрица с дежурными фрейлинами и кавалерами соизволила «иметь выход в каретах для гуляния по улицам и в шествии чрез Спасский мост соизволила из кареты смотреть продающих верб», от Спасского моста экипажи следовали к Новой Басманной и в Немецкую слободу. К Вербному воскресенью для Екатерины были приготовлены вербы, украшенные померанцевыми и лавровыми ветвями, лежащие на особых серебряных блюдах, а для прочих персон вербы стояли в серебряной передаче, и их раздавал духовник императрицы.

Москва в те дни принимала в своих древних стенах не только императрицу и весь двор, сюда прибыли иностранные послы, благородное дворянство. 20 апреля Григорий Потемкин представил Екатерине французского полковника пехотного Овернского полка графа Монтье-Поль-Луи де Монмарси-Лаваль. Полковник был удостоен беседы с государыней, обедал за ее столом с фрейлинами и кавалерами, а затем в кавалерской комнате его «потчивали кофием». Накануне Екатерина прислала маленькую записочку Потемкину, занимавшемуся организацией приема

Лаваля при дворе: «Батинька, буде притом останется, что приведешь обедать Лаваля, то дай знать маршалам, чтоб стол мой поприборнее был». Императрица великой державы должна была поражать великолепием своего двора даже отдельных представителей европейских держав, чтобы, вернувшись на родину, они с восторгом отзывались о придворной жизни в России. После обеда Потемкин проводил Лаваля в специальную внутреннюю комнату, в «которой находятся бриллиантовыя вещи и оныя показываны были ему». Блеск драгоценных камней закреплял яркое впечатление от приема императрицы.

Особо торжественно праздновался при дворе день рождения Екатерины — вторник 21 апреля. В силу учиненных повесток во дворец прибыли «российские знатные обоего пола персоны, господа чужестранные министры и знатное шляхетство». Дамы были в особом виде платья — робах, кавалеры, имеющие ордена, — в соответствующих орденских уборах, а прочие кавалеры — в обыкновенном цветном платье. В начале двенадцатого часа Екатерина в сопровождении своего сына Павла Петровича и его супруги, а также всего штата кавалеров и дам проследовала в церковь к Божественной литургии, которую совершал ее духовник с собором придворных священников. По окончании проповедь произнес знаменитый Московский митрополит Платон, давний знакомый Григория Потемкина. Представители духовенства были жалованы к руке и смогли высказать свои поздравления монархине, сопровождавшиеся пушечной пальбой на Красной площади (101 выстрел был произведен в честь рождения августейшей особы). На обратном пути из церкви во внутренние комнаты Екатерину поздравляли представители европейских держав, генералитет и придворные кавалеры. Потемкин, успевший оказать внимание и порадовать свою возлюбленную до начала торжественной церемонии, в числе прочих знатных вельмож теперь уже официально был жалован к руке и смог высказать соответствующие моменту желания.

Во время парадного обеда на 34 персоны прозвучал залп из 51 пушки, стоявшей на валу Земляного города у Пречистинских ворот, рядом с дворцом, где расположилась Екатерина. Она была счастлива в этот день, жизнь казалась ей удивительной и прекрасной: Российская империя заключила победоносный мир, внутренние волнения подавлены, политические интриги утихли,

Москва ее принимала отменно, вокруг приветливые веселые лица, а главное — рядом он, любимый мужчина и верный советчик Гришатка, Гришенок — Григорий Потемкин. Вот он сидит по левую руку за наследником престола Павлом Петровичем и его молодой супругой Натальей Алексеевной, красивый, веселый, спокойный. За праздничным столом Екатерины в тот день собралась вся политическая элита государства: граф Кирилл Григорьевич Разумовский, граф Никита Панин, граф Захар Григорьевич Чернышев, граф Яков Александрович Брюс, князь Михаил Никитович Волконский — московский генерал-губернатор, князь Александр Михайлович Голицын, генерал-прокурор Сената князь Александр Алексеевич Вяземский, граф Петр Борисович Шереметев и другие. Потемкин, один из немногих еще без титула, пока он не граф и не князь — это впереди, но все знают его высокое положение и близость к императрице, с фаворитом советуются, прислушиваются к его мнению, ищут покровительства.

Вечером празднование дня рождения Екатерины продолжилось балом, она надела «русское платье», так выгодно подчеркивающее ее достоинства и скрывающее уже появившиеся недостатки фигуры, приглашенные дамы и кавалеры также сменили наряды. Императрица, наверное, не танцевала, а наблюдала за веселящимися придворными из-за карточного стола, где проводила время в игре со «знатным генералитетом и чужестранными министрами». А Григорий Потемкин танцевал? Приходилось ли Екатерине отвлекаться от разговоров и искать его приметную фигуру среди придворных, бросать ревнивые взгляды? Или он весь вечер был рядом? Об этом, к сожалению, в официальном «Камер-фурьерском журнале» ничего не сказано. Но уже в ноябрьских записях почти каждый день среди присутствующих за императорским обеденным столом называется имя секретаря Екатерины — Петра Васильевича Завадовского, он в скором времени сменит Потемкина в списке фаворитов.

На следующий день после бала Екатерина прислала письмецо своему возлюбленному: «Милуша, я весела, я не сержусь, да и не за что. Гришенька премилый, вчерашний день не выключу из числа дней щастливых, ибо кончился весьма приятно. Хотя бы и впредь бы так было». Она счастлива: она любима. Екатерина балует своего возлюбленного презентами: осыпанный бриллиантами портрет императрицы Потемкин получил в день празднования заключения

мира с Турцией, его матери Дарье Васильевне императрица подарила часы, заметив на одном из приемов, что «матушка ваша очень нарядна сегодня, а часов нету», ей же в утешение государыня повелела своему фавориту: «объяви фрейлинами сколько хочешь из своих племянниц (сестер Энгельгардт. — *Н.Б.*)». Многочисленных щедрых денежных пожалований Потемкину не хватало. В Москве, например, у фаворита был постоянный кредитор и заимодавец купец Иван Власьевич Логинов, не раз выручавший вельможу. «Сударик мой, пожалуй, одолжи меня, возьми сукна мне на мундир, — обращался к нему фаворит в конце 1770-х гг. — Я столько сим одолжен буду, что век помнить должен, а приехавши, не земедля вас заблагодарностью заплачу». Тот же Логинов летом 1776 г. по просьбе всесильного фаворита выдал пять тысяч рублей Дарье Васильевне Потемкиной, часть которых она вернула уже в декабре того же года.

Жизнь шла своим чередом, установившиеся ровные и доверительные взаимоотношения Екатерины и Потемкина радовали обоих, но, как и в обычных парах, они иногда нарушались ссорами и обидами. Григорий Александрович становился все более и более незаменимым советчиком по разным вопросам, да и чувства Екатерины оставались неизменными. Она по-прежнему горячо любила его и помногу писала к своему милому другу, иногда ревнуя его к делам, отвлекающим от нее. «Кукла, — обращалась она к Потемкину в один из августовских дней 1775 г., — или ты спесив, или ты сердит, что ни строки не вижу. Добро, душенька, накажу тебя, расцалую ужо. Мне кажется, ты отвык от меня. Целые сутки почти что не видала тебя...» «Кукла» — это новое обращение, появившееся в записочках Екатерины, оно ей, видимо, очень понравилось, и спустя несколько дней она снова пишет: «Кукла, я с концерта, на котором вы из памяти не выходили, пришла. Могу ли прийти к вам или нету, не знаю. Или изволишь ли ко мне пожаловать?»

Любовную идиллию, когда Екатерина пишет: «Боже мой, увижу ли я тебя сегодни? Как пусто, какая скука. Я политическое ваше собранье желаю быть везде, где хотят, а мне бы быть с тобою», постепенно начинают нарушать увеличивающиеся ссоры. Потемкин угрожает уйти от двора, отправиться в Запорожскую Сечь к казакам или в монастырь, покинуть императрицу. После одного из таких неприятных разговоров она увещевает

фаворита: «Унимай свой гнев, Божок. Вздор несешь. Не бывать ни в Сечи, ни в монастыре». Но разлад между Потемкиным и Екатериной нарастает. Она старше его, мудрее, опытнее. Императрица старается уладить обиды. Екатерина просит своего милого Гришатку умерить «колобродство», гнев сменить на ласку, отказаться от споров и раздоров, «я взяла веревочку и с камнем, да навязала их на шею всем ссорам, да погрузила их в прорубь». «Я хочу ласки, да и ласки нежной, самой лучшей, — пишет любящая женщина. — А холодность глупая с глупой хандрой вместе не произведут, кроме гнева и досады. Дорого тебе стоило знатно молвить или "душенька" или "голубушка". Неужто сердце твое молчит? Мое сердце, право, не молчит». И в другой цыдулке Екатерина просит Потемкина утихомириться, успокоиться: «И ведомо, пора жить душа в душу. Не мучь меня несносным обхождением, не увидишь холодность. Платить же ласкою за грубости не буду».

Почему Потемкин «колобродил»? Чего ему не хватало? Любовь императрицы, почести, должности, возможность участвовать в управлении империи — разве этого не достаточно? Бывает иногда во взаимоотношениях двух людей такая ситуация, когда один из них, не важно, мужчина или женщина, играет роль «недовольного». Его партнер вечно твердит о любви, всяческими способами доказывает свои слова, уговаривает и убеждает. «Недовольный» же наивно думает, что его капризы только разжигают страсть и будоражат чувства. Но он ошибается. Приходит время, и устаешь от ссор и претензий, демонстрации холодности и несносного обхождения. Тебе нужны ласка, спокойствие, условия, чтобы творить и созидать, а не тратить душевные силы на доказательство очевидного. Влечение исчезает, когда все чаще и чаще вместо признаний и нежных слов приходится слышать упреки. Страсть гаснет под холодностью взгляда, любовь остается в сердце, но сил и желания на убеждения уже не хочется тратить.

Екатерина мечтала о спокойных и ровных взаимоотношениях с Потемкиным, она готова быть рядом с ним, но терпеть его выходки становится все труднее и труднее. «Теперь, когда всякое слово беда, — пишет императрица в один из дней фавориту, — изволь сличить свои слова и поведение, когда говоришь, чтоб жить душа в душу и не иметь тайных мыслей. Сумазброда тебя милее нету, как безпокойство твое собственное и мое, а спокойствие есть для тебя

чрезвычайное и несносное положение. Благодарность, которою я тебе обязана, не исчезла, ибо не проходило, чаю, время, в которое бы ты не получал о том знаки. Но притом и то правда, что дал мне способы царствовать, отнимаешь сил души моей, разтерзая ее непрестанно новыми и несносными человечеству выдумками. Сладкая позиция, за которую прошу объяснить: надлежит ли же благодарить или нет? Я думала всегда, что здоровье и покойные дни во что-нибудь же в свете почитают? Я бы знать хотела, где и то и другое с тобою быть может?»

Об одной из неприглядных сцен, происходивших между Екатериной и Потемкиным в это время, спустя годы рассказал своим детям Федор Ермолаевич Секретарев (его князь мальчиком взял из своего белорусского имения). «Мне случалось видеть, — говорил он, — как князь кричал в гневе на горько плакавшую императрицу, вскакивал с места и скорыми, порывистыми шагами направлялся к двери, с сердцем отворял ее и так ею хлопал, что даже стекла дребезжали, и тряслась мебель. Они меня не стеснялись, потому что мне нередко приходилось видеть такие сцены; на меня они смотрели, как на ребенка, который ничего не понимает.

Однажды князь, рассердившись и хлопнув по своему обыкновению дверью, ушел, а императрица вся в слезах осталась глаз на глаз со мной в своей комнате. Я притаился и не смел промолвить слова. Очень мне жаль ее было: она горько плакала, рыдала даже, видеть ее плачущею для меня было невыносимо; я стоял, боясь пошевельнуться. Кажется, она прочла на лице моем участие к ней. Взглянув на меня своим добрым, почти заискивающим взором, она сказала мне: "Сходи, Федя, к нему, посмотри, что он делает; но не говори, что я тебя прислала". Я вышел и, войдя в кабинет князя, где он сидел задумавшись, начал что-то убирать на столе. Увидя меня, он спросил: "Это она тебя прислала?" Сказав, что я пришел сам по себе, я опять начал что-то перекладывать на столе с места на место. "Она плачет?" — "Горько плачет, — отвечал я. — Разве вам не жаль ее? Ведь она будет нездорова". На лице князя показалась досада. "Пусть ревет, она капризничает", — проговорил он отрывисто. "Сходите к ней, помиритесь", — упрашивал я смело, нисколько не опасаясь его гнева, и не знаю — задушевность ли моего детского голоса и искренность моего к ним обоим сочувствия, или сама собой

прошла его горячка, но только он встал, велел мне остаться, а сам пошел на половину к государыне. Кажется, что согласие восстановилось, потому что во весь день лица князя и государыни были ясны, спокойны и веселы, и о размолвке не было помину».

Разрыв между Екатериной и Потемкиным становится неизбежным. Она еще уговаривает его в письмах, ждет ласкового и спокойного поведения, но все чаще звучат упреки в необоснованном недовольстве. Екатерина устала, страсть угасает под потоком объяснений: «Мучить тебя я не намерена», «Неблагодарность оказать я непривычна», «Христа ради выискивай способ, чтоб мы никогда не ссорились», «Пора быть порядочен. Я не горжусь, я не гневаюсь. Будь спокоен и дай мне покоя» и еще множество, множество слов.

Никто никогда не сможет назвать точную причину охлаждения Екатерины и ее разрыва с Потемкиным. Так сильно и страстно она не любила никого, столько признаний не слышал от нее ни один фаворит, и все же роман окончился. Загадку эту пытаются открыть многие: кто-то вам скажет, что Потемкину стало скучно при дворе, он хотел большего, стремился во вверенные его управлению присоединенные земли на юге России, чтобы реализовать предначертанное; может быть, причина — дочь Потемкина Елизавета, появившаяся на свет в 1775 г., но мать ее — не Екатерина; обязательно в одном из романов вы прочтете, что Екатерина — Клеопатра и Мессалина XVIII столетия и ее любвеобильность и страсть к мужчинам приводила ко все более частым сменам фаворитов, и с годами соответственно уменьшался их возраст. Несомненно, каждая версия имеет право на существование, вопрос только в ее доказуемости. Бывает и так в жизни: сильная, вспыхнувшая в миг страсть так же вдруг проходит, и ты уже не знаешь, почему этот человек, которого ты по-прежнему любишь и уважаешь, для тебя только близкий, доверенный друг, но не его желаешь видеть во внутренних покоях. Как часто мы пытаемся понять свое отношение к любимому человеку и проникнуть в его чувства, ошибаемся, уверяемся или остаемся в неведении. Все наши сомнения, переживания, радости и горести знакомы и сильным мира сего, только, быть может, они более решительны, свободны и имеют привычку следовать своим желаниям. Конечно, императрица Екатерина в силу своего

высокого положения была желаема многими мужчинами, они видели в ней не только женщину, но в первую очередь возможность возвыситься и получить те или иные блага. Конечно, она пользовалась этой возможностью привлекать интересующих ее мужчин и реализовывать свою женскую фантазию. Строгая к своим подданным, нарушавшим установившиеся морально-этические нормы, она, как коронованная особа, была снисходительна к своим слабостям. Несомненно, что и Потемкин не был чужд женского общества, о его любвеобильности и многочисленных связях сохранилось немало исторических анекдотов и мемуаров современников. Но стоит ли их осуждать? Екатерина и Потемкин любили друг друга и сохранили нежную привязанность на многие годы, он вошел в число ближайших советников российской императрицы, и она смогла использовать заложенный в нем потенциал государственного деятеля на благо Отечеству. Нам остается только восхищаться великим чувством двух замечательных исторических персонажей прошлого России, чей союз оставил не только достижения в государственном строительстве, но и, что может быть не менее важно, красивую романтическую историю, изложенную пером императрицы Екатерины Великой.

В конце января 1776 г. Екатерина сближается со своим новым секретарем П.В. Завадовским, Потемкин в замешательстве: что его ждет? Неужели ему предстоит пережить трагедию отставного фаворита, удалиться от двора, испытать позор отставки, когда окружающие будут говорить о нем: «Вот некогда могущественный вельможа, бывший любимец государыни, а ныне отставной чиновник», потерять милость и щедроты императрицы? Думал ли он, что его сумасбродства привели к такой развязке? Себя, Екатерину или соперника винил Потемкин в прекращении многообещающего романа с императрицей? Сожалел ли о сказанном и сделанном сгоряча? Теперь он требует признаний Екатерины в незыблемости отношений, в сохранении любви и ласки. И она великодушна, она будет любить всегда своего милого, но теперь только как друга. Императрица терпеливо уговаривает Потемкина смириться и принять реальность, уверяет его, успокаивает. Только сейчас в посланиях Потемкина мы читаем о любви и его чувствах, испытываемых к Екатерине, но остается сомнение: не страх ли потерять ее водит пером князя?

Рукой Г.А. Потемкина	**Рукой Екатерины**
Моя душа безценная,	Знаю.
Ты знаешь, что я весь твой,	Знаю, ведаю.
И у меня только ты одна.	Правда.
Я по смерть тебе верен,	Без сомненья.
и интересы твои мне нужны.	Верю.
Как по сей причине,	
так и по своему желанию,	
мне всего приятнее	Давно
твоя служба и употребление	доказано.
заранее моих способностей.	
Зделав что ни есть для меня,	
право не раскаешься,	Душой рада, да тупа.
а увидишь пользу.	Яснее скажи.

В другом послании Потемкина Екатерине снова повторяется заочный диалог о любви и будущих отношениях двух некогда очень близких людей:

Рукой Г.А. Потемкина	**Рукой Екатерины**
Позволь, голубушка, сказать	Чем скорее, тем лучше.
последнее, чем, я думаю, наш	Будь спокоен.
процесс и кончится. Не дивись,	Рука руку моет.
что я безпокоюсь в деле любви	Твердо и крепко.
нашей. Сверх безсчетных благо-	
деяний твоих ко мне, поместила	Есть и будешь.
ты меня у себя на сердце. Я хочу	Вижу и верю.
быть тут один преимущественно	Душою рада.
всем прежним для того, что тебя	Первое удовольствие.
никто так не любил; а как я дело	Само собою придет.
твоих рук, то и желаю, чтоб мой	Дай успокоиться мыс-
покой был устроен тобою, чтоб	лям, дабы чувства дейст-
ты веселилась, делая мне добро;	вовать свободно могли;
чтоб ты придумывала все к мое-	оне нежны, сами сыщут
му утешению и в том бы находи-	дорогу лучую. Конец
ла себе отдохновение по трудах	ссоры.
важных, коими ты занимаешься	Аминь.
по своему высокому званию.	
Аминь.	

Но не сразу договорились Потемкин и Екатерина, всю весну 1776 г. продолжались ссоры, которые императрица очень тяжело переживала. «От Вашей светлости подобного бешенства ожидать надлежит, — возмущенно писала Екатерина после очередной выходки Потемкину в конце марта, — буде доказать Вам угодно в публике так, как и передо мною, сколь мало границы имеет Ваша необузданность. И конечно, сие будет неоспоримый знак Вашей ко мне неблагодарности, так как и малой Вашей ко мне привязанности, ибо оно противно как воле моей, так и несходственно с положением дел и состоянием персон». 21 марта императрица поздравила Потемкина с получением диплома на княжеское достоинство Священной Римской империи, и послала записку своему новому фавориту Завадовскому: «Буде ты пошел новую Светлость поздравить, Светлость примет ласково. Буде заперся, ни я, никто не привыкнет тебя видеть. Терпения недостает у тебя».

Каждый следующий фаворит после Потемкина должен был сразу понимать значение князя и его влияние на Екатерину, а если учесть, что почти всех мужчин императрицы вводил в ее покои сам светлейший, то его роль в придворной жизни и положение в государстве несоизмеримо возрастали с каждым последующим увлечением государыни.

Май 1776 г. — решающий месяц в жизни Потемкина. Екатерина, не переставая, увещевает своего милого друга в письмах, уговаривает, ей хватает терпения отвечать на все претензии и выходки Потемкина, лишь изредка она срывается на упреки и строгий тон возмущенной женщины.

«Прочтите с терпением мой ответ, ибо я без скуки прочитаю Ваши письмы, — ведет непрерывный диалог с Потемкиным Екатерина. — Вот Вам ответ на первую строку: Бог да простит Вам, по моему желанию, пустое отчаяние и бешенство не токмо, но и несправедливости, мне оказанные, ради причин, кои приписываешь и кои не инако, как приятны мне быть должны. Но буде можно, просим позабыть неприятное. Катарина (говорит о себе императрица в третьем лице. — *Н.Б.*) — никогда не была безчувственная. Она и теперь всей душою и сердцем к тебе привязана. Она иного тебе не говорила и, снося обиды и оскорбления (читай вчерашнее ея письмо), увидишь, что ты найдешь всегда, как ее желать можешь. Я не понимаю, почему называешь себя немилым и гадким, а меня милостивой ко всем, опричь тебя. Не

прогневайся, сии суть три лжи. В милости по сю пору ты первый. Гадким и немилым едва быть ли можешь. Слово "омерзение" не токмо из тебя, но и из меня душу извлекает. Я не рождена для ненависти. Она не обитает в моей душе, я ее никогда не ощущала, не имею чести с ней знаться».

Терпение Екатерины неиссякаемо, и в ней все-таки остается любовь к этому необыкновенному человеку, которого она никак не хочет терять: «Я верю, что ты меня любишь, хотя и весьма часто и в разговорах твоих и следа нет любви. Верю для того, что я разборчива и справедлива, людей не сужу и по словам их тогда, когда вижу, что они не следуют здравому рассудку. Ты изволишь писать в разуме прошедшем, изволишь говорить "был, было". А мои поступки во все дни приворотили лад на настоящее время. Кто более делает покой и спокойствие твое, как не я. Теперь слышу, что ты был доволен прошедшим временем, а тогда тебе казалось все мало. Но Бог простит, я не пеняю, отдаю тебе справедливость и скажу тебе, чего ты еще не слыхал: то есть, что, хотя ты меня оскорбил и досадил до бесконечности, но ненавидеть тебя никак не могу, а думаю, что с тех пор, что сие письмо начато и я тебя видела в полном уме и здравой памяти, то едва ли не пошло все по-старому. Лишь бы устоял в сем положении, а буде устоишь, то, право, баяться не будешь, милой друг, душа моя. Ты знаешь чувствительность моего сердца». Екатерина говорит о надежде, обещает свою привязанность надолго, она, как ласковая и нежная мать, увещевает усомнившегося в любви ребенка. Но решение ее бесповоротно — Завадовский остается при дворе.

В ответ на новые упреки и обиды Потемкина императрица снова садится за письмо, оно получается большим, несравненно больше тех, что были о любви. Она еще и еще раз отвечает на все колкости князя, уверяет в своей привязанности, успокаивает его, но твердо говорит о том, что прошлого не вернуть. Сколько времени она провела над листом бумаги: несколько часов, день, ночь, возвращалась ли к нему? Это письмо — ее боль, ее страдания, частичка ее души:

«Прочитала я тебе в угодность письмо твое и, прочитав его, не нашла следа речей твоих вчерашних, ни тех, кои говорены были после обеда, ни тех, кои я слышала вечеру. Сие меня не удивляет, ибо частые перемены в оных я обыкла видеть. Но возьми в рассуждение, кто из нас безпрерывно строит разлад и кто из

нас непременно паки наводит лад, из чего заключение легко родиться может: кто из нас воистину прямо, чистосердечно и вечно к кому привязан, кто снисходителен, кто обиды, притеснения, неуважение позабыть умеет. Моим словам места нету, я знаю. Но, по крайней мере, всякий час делом самим показываю и доказываю все то и нету роду сентиментов в твою пользу, которых бы я не имела и не рада бы показать. Бога для опомнись, сличая мои поступки с твоими. Не в твоей ли воле уничтожить плевелы и не в твоей ли воле покрыть слабость, буде бы она место имела. От уважения, кое ты дашь или не дашь сему делу, зависит рассуждение и глупой публики.

Просишь ты отдаления Завадовского. Слава моя страждет всячески от исполнения сей прозьбы. Плевелы тем самым утвердятся и только почтут меня притом слабою более, нежели с одной стороны. И совокуплю к тому несправедливость и гонение на невинного человека. Не требуй несправедливостей, закрой уши от наушник[ов], дай уважение моим словам. Покой наш возстановится. Буде горесть моя тебя трогает, отложи из ума и помышления твои от меня отдалиться. Ей-Богу, одно воображение сие для меня несносно, из чего еще утверждается, что моя к тебе привязанность сильнее твоей и, смело скажу, независима от происшествий..

Из моей комнаты и ниоткудова я тебя не изгоняла. В омерзении же век быть не можешь. Я стократно тебе сие повторяю и повторяла. Перестань беситца, зделай милость для того, чтобы мой характер мог вернуться к натуральной для него нежности. Впрочем, вы заставите меня умереть».

Потемкин понял, что Екатерина хочет сохранить его как друга, соратника, крупную политическую фигуру, он убедился в своей судьбе, навеки связавшей его с этой сильной и гордой женщиной.

В начале июня Екатерина пишет Потемкину: «Изволь сам сказать или написать к Елагину, чтоб сыскал и купил и устроил дом по твоей угодности». Она хотела приобрести для своего друга собственный дом, ведь до того времени он занимал покои в Зимнем дворце, теперь они предназначались для другого. Потемкин сначала хотел получить дом А.И. Бибикова в Москве, но Екатерина II, не желая так далеко отпускать от себя князя, покупает у графа К.Г. Разумовского Аничков дворец в Петербур-

ге, некогда принадлежавший бывшему фавориту императрицы Елизаветы Петровны — Алексею Разумовскому.

До сих пор потемкинский период в судьбе этой жемчужины Петербурга — Аничкова дворца — был обозначен лишь именем в череде его владельцев.

Во время триумфального шествия Екатерины Алексеевны в Зимний дворец в знаменательный день дворцового переворота 28 июня 1762 г. конногвардейцы присоединились к ней именно между Аничковым дворцом и Казанским собором. Разве мог тогда юный Григорий Потемкин представить себе, что настанут времена, когда он будет рядом с императрицей, а этот великолепный дворец гостеприимно встретит его как нового хозяина?! Пожаловав дворец Потемкину 22 июня 1776 г. «в вечное и потомственное владение», императрица выделила еще 100 000 рублей для его ремонта и благоустройства.

Смирившийся со своим новым положением князь, несколько официально, поблагодарил Екатерину II. «По сообщению Ивана Перфильевича (Елагина. — *Н.Б.*), — говорится в послании Потемкина, — о пожаловании мне дома Аничковского я лобызаю ноги Ваши. Приношу наичувствительнейшую благодарность. Милосерднейшая мать, Бог, дав тебе все способы и силу, не дал, к моему несчастию, возможности знать сердца человеческие. Боже мой, внуши моей государыне и благодетельнице, сколько я ей благодарен, сколько предан и что жизнь моя в Ея службе».

Потемкин так и не сумел полюбить Аничков дворец, всегда напоминавший ему «смутные» дни в отношениях с императрицей. Тяжелые воспоминания, а также частые разъезды по делам государственного управления привели к тому, что Потемкин не жил постоянно в Аничковом дворце, изредка давая в нем и специально сооруженном Итальянском павильоне великолепные празднества. Тем не менее Потемкин поручил своему любимому архитектору И.Е. Старову переделать Аничков дворец в стиле классицизма и разбить английский сад. Потемкин был большим любителем парков и садов в пейзажном английском стиле. Состоявший при нем английский садовник Уильям Гульд организовывал их на юге Российской империи: в Екатеринославле, Херсоне, Николаеве, на пути следования императрицы в 1787 г.; в Петербурге в Таврическом и Аничковом дворцах, на Островках, в Осиновой роще; словом, везде, где вельможа устраивал усадьбы.

Стараниями Старова к Аничкову дворцу был пристроен Зимний сад и терраса, разобраны галереи и ограда, засыпана гавань и пруды. В усадьбе построили Итальянский дом с галереей (предназначенный для празднеств), театр и колоннаду. Екатерина, радуясь, что Потемкин согласился с пожалованием Аничкова дворца и остается при дворе в Петербурге, заботилась о ходе реконструкции новой резиденции князя. «Слышу я, что кровли на дом князя Потемкина свести не умеют, — говорится в одной из записок Екатерины, адресованной, по-видимому, к дворцовому чиновнику, — здесь и в моей службе плотниской мастер Валтер, сей человек зделал кровли на одной зале пятидесяти сажени длинника и девятнацать сажень поперечника».

Потемкин с головой погрузился в государственную деятельность, став проводником политического курса Екатерины II и ее ближайшим соратником. Уезжая из Петербурга на юг, он продал Аничков дворец и усадьбу, вероятно, в 1777—1778 гг., купцу Шемякину, тот некоторое время отдавал дворец внаймы торговцам, а павильон, где при Потемкине помещался театр, сдавал иностранным «комедиантам».

Решив наградить Потемкина за успехи в освоении Новороссии и Крыма, Екатерина II выкупила Аничков дворец и снова подарила его князю. В заботах государственной важности не забывал он свои обширные вотчины, дворцы, дома, наполняя их книгами, изысканной мебелью, редкими произведениями искусства. Бывая в Петербурге, Потемкин давал великолепные балы в Аничковом дворце, устраивал маскарады. Сохранившееся свидетельство очевидца бала 8 февраля 1779 г. позволяет представить великолепные галереи Аничкова дворца, обставленные тропическими растениями и цветами, украшенные висячими гирляндами и свечами. Большой любитель и ценитель музыки, Потемкин занял более ста музыкантов, которые инструментальной, духовой, роговой и вокальной музыкой сопровождали маскарад. Праздник удался: Екатерина II, двор и иностранные министры танцевали, играли в карты, ужинали — веселились от души.

Еще один маскарад в честь императрицы, запомнившийся всему Петербургу, устроил Потемкин в Аничковом дворце 27 февраля 1785 г. Именно здесь состоялся первый выход в свет шестнадцатилетней красавицы — Екатерины Федоровны Барятинской, пленившей сердце Потемкина в 1790 г. в военном лагере

близ Бендер. «В вечеру, в 7-м часов Ея императорское величество, — зафиксировано в "Камер-фурьерском журнале", — при свите дежурных фрейлин и кавалеров изволила выход иметь в Аничковский дворец к Его светлости князю Григорию Александровичу Потемкину в маскерад, почему Ея императорское величество изволила быть и в свите обретающиеся особы были ж в маскерадном платье». Екатерина II пробыла во дворце до 9 часов и в сопровождении дежурного генерал-адъютанта князя Репнина вернулась в Зимний дворец. Посетили потемкинский маскарад и цесаревич Павел Петрович с супругой, пробыв на час дольше императрицы.

Любопытным свидетельством того, как готовился костюмированный бал, являются скупые, но очень емкие, делопроизводственные бумаги домовой канцелярии Потемкина. В «Ведомости, сколько для маскераду в Аничковом доме забрано у разных людей материалов и вещей» подробно записано, сколько товаров и на какую сумму было куплено для угощения гостей. Это сахар, «кофий», чай, «шекелад», лимоны, сливки, горчица, перец, сыр (швейцарский, пармезан, голландский), «уксус ренский», масло «парванское», хлеб «пеклеванный и французский», кренделя, масло сливочное и многое другое.

Напитков было приобретено на 834 рубля 50 копеек. У купца Нечаева напрокат взяли посуду, часть мебели привезли из «Гаррисова дома» Потемкина, извозчик Панфилов доставил ельник на девяти возах, плотник Андрей Иванов сделал «подъезд и чюланы», другой плотник Дмитриев обил колоннаду холстом для размещения там лакеев. Для «топления печей» были приобретены березовые дрова на 95 рублей 80 копеек. Столы украшались голубыми лентами, тесьмой. Специально нанятые полотеры обработали полы воском в галерее и комнатах.

При исполнении разных должностей на маскараде находились заводские мастеровые, «военноколлежские гребцы» и гвардейские солдаты на карауле. В документах домовой канцелярии даже сохранился список «официантов и лакеев господских, бывших в услужении во время бала и оратории в Аничковом доме». Всего прислуживало 26 официантов, взятых у Л.А. Нарышкина, князя В.В. Долгорукова, графа В.П. Мусина-Пушкина, А.Ф. Талызина; 20 лакеев, нанятых у тех же лиц, баронессы А.Б. Строгановой и собственных князя Потемкина.

Дворец засверкал новыми стеклами, натертыми до блеска полами, яркими гирляндами; с кухни доносились ароматные запахи свежего хлеба, кофе, напитков. Нанятые поденщики разгребли снег на дорожках вокруг дворца, «очистили театр (предназначавшийся для кухни. — *Н.Б.*) и в большом доме комнаты», соорудили «через речку мостик». Все было готово к приему императрицы и петербургского высшего света. Согласно смете на этот маскарад в Аничковом дворце Потемкин потратил 17 396 рублей. Интересно, что после маскарада обнаружилось, что часть посуды, взятой напрокат у купца Нечаева: шандалы (подсвечники), подносы, рюмки, стаканы, чашки, тарелки, чаши для пунша, были разбиты или «затеряны»; всего на 183 рубля.

В 1785 г. Потемкин, увлеченный строительством грандиозного Таврического дворца, продал Аничков дворец в казну. В материалах придворной канцелярии сохранились интересные сведения о переустройстве дворца в 1793 г., причем Екатерина II отдельно отметила, чтобы «домики», в которых проходили маскарады, не сдавались внаем.

Так закончилась романтическая история любви российской императрицы и ее милого друга Григория Александровича Потемкина. С этого времени он — первейший советник главы государства по всем вопросам, наперсник Екатерины, посвященный во все перипетии ее взаимоотношений с другими любимцами государыни. Все они были почтительны с князем, и часто послания ее сопровождались любезными письмами фаворитов.

Глава 8. ЖИЗНЬ ПРИ ДВОРЕ

В XVIII в. Россия превратилась в одну из крупнейших держав с формой правления, определяемой как абсолютная монархия. Такая форма правления была характерна для ряда стран Европы этого периода: Австрии, Испании, Пруссии, Франции и др. Абсолютизм был всегда связан с нарастанием личностного начала в системе государственного управления. Императорская власть, вытесняя традиционные институты управления сословно-представительной монархии учреждениями, непосредственно подчиненными императору, создавала вместе с тем своего рода «дублирующую систему» — фаворитов, людей, близких к мо-

нарху и выполнявших его прямые указания как через руководство государственными учреждениями, так и непосредственно. Фаворитизм — это своего рода универсальная характеристика системы управления абсолютистского государства.

Расцвет абсолютизма в России неразрывно связан с именем Екатерины II. При ней происходит расширение территории Российской империи, совершенствуется законодательная база российского абсолютизма, осуществляется ряд важных государственных реформ. Осуществление государственной деятельности в эпоху «просвещенного абсолютизма» проходило в специфических формах, тесным образом связанных с отсутствием в России четкого разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную. Формально главой государства являлся монарх, воплощавший в себе все три ветви власти. Наиболее полное и концентрированное выражение статуса власти царя как верховного главы дается во второй главе Соборного уложения 1649 г. «О государьской чести и как его государьское здоровье оберегать». Абсолютистские черты, приобретаемые монархией, в отождествлении власти и личности царя с государством. В условиях абсолютизма монархия, стремясь осуществить свою «цивилизаторскую» миссию, заключающуюся в дальнейшей централизации государства, постепенно реформирует аппарат управления, вводя во всех его звеньях, сверху донизу, систематическое разделение труда. При этом в государстве складывается иерархия учреждений и должностей, предусматривающая подчинение низших звеньев администрации высшим, а всей армии чиновников — абсолютному монарху, находящемуся наверху пирамиды власти.

Государственный деятель — это человек, в силу своего служебного положения способный и обязанный принимать решения, имеющие общегосударственное значение. В системе абсолютистского государства чем больше он приближен ко двору и лично к монарху, тем более он эффективен. Отсюда такое специфическое состояние, связанное с государственной деятельностью, как положение фаворита. Фаворит, как правило, находится в тесных личных отношениях с государем и в связи с этим получает возможность распоряжаться частью его неограниченной власти. Уже сам перевод французского слова «favori», «favorite» (от латинского favor — благосклонность), как любимец высокопоставленного лица, получающий выгоды

и преимущества от высокого покровительства, отличает его от смысла слова «фаворитка» — любовница. Фаворитизм, таким образом, не обязательно состояние любовника. Это понятие значительно шире. Мы считаем, что фаворитизм является одним из существенных инструментов в системе государственного управления абсолютизма. Его следует определять как назначение на государственные посты и должности, исходя из личной заинтересованности монарха в деятельности того или иного человека. При этом фаворитизм — всегда нарушение общего принципа назначения на государственные должности.

Если формально при прохождении ступеней государственной службы действовали как писаные законы, в частности «Табель о рангах», так и неписаные, предусматривающие занятие должностей в зависимости от возраста, соотношения со служебной карьерой своих коллег, то фаворитизм был нарушением обычного прохождения службы. Вместе с тем он сам являлся принципом функционирования абсолютистского государства. Он не имел статусного характера, не предусматривался юридически. Следовательно, лица, пользующиеся такой властью, в данном случае не имели на нее формального права, и их положение было всегда нестабильно. Впрочем, это нарушение тоже регламентировалось обычаем, имело некоторые традиции. Фаворитизм — права немногих избранных — был тем самым исключением, которое лишь подтверждало обязательность служебных правил для остальных.

Исходя из этого, фаворит мог ограничиться устройством своих личных дел, представляя собой тип «случайного человека». В то же время, обладая определенными личными качествами: умением рисковать, политической интуицией, предприимчивостью и, наконец, стремлением служить царю и Отечеству, — фаворит мог осуществлять свою государственную деятельность, соотнося ее с объективными потребностями страны, и внести значительный вклад в реализацию политического курса.

Ярчайшим образцом такого типа фаворита — государственного деятеля можно считать Г.А. Потемкина, сумевшего успешно реализовать себя в государственной деятельности и оказавшего большое влияние на развитие и реформирование Российской империи второй половины XVIII в.

Г.А. Потемкин является достаточно характерной фигурой в ряду известных государственных деятелей XVIII в.: А.Д. Меншиков

кова, Э. Бирона, А.И. Остермана, И.И. Шувалова и др. При всем личном своеобразии и человеческой неповторимости Потемкин в принципе укладывается в определенные политические традиции, связанные с осуществлением государственной деятельности фаворитом. Исполняемые им обязанности сложно разнести по конкретным сферам государственной деятельности. Занимая определенные посты, Потемкин в то же время участвовал в обсуждении и решении практически всех вопросов законодательства, внутренней и внешней политики, реформирования государственного аппарата и армии, создания Черноморского флота и т.п. По сути, он являлся вторым лицом в государстве, а по мнению некоторых биографов — даже соправителем императрицы.

Исторический опыт создал институт фаворитизма как часть государственного механизма, когда рядом с абсолютным монархом находился человек, облеченный особым доверием, занимавший почти все главные посты в государстве и связанный с правителем личными отношениями. Как любой абсолютный монарх, Екатерина считала, что эффективное царствование зависит в первую очередь от управителей, «и как все на свете держится людьми, то люди могут и управиться...». Она ничуть не сомневалась, что «в замечательных людях никогда не бывает недостатка, так как люди зависят от обстоятельств, а обстоятельства зависят от людей. Мне никогда не приходилось отыскивать людей, — говорила императрица, — но у меня всегда под рукой находились люди, которые мне служили и всегда служили хорошо. Кроме того, я по временам люблю новых людей: работа идет хорошо, когда они работают вместе и рядом с прежними». Апогей развития этой системы мы наблюдаем в последней четверти XVIII в., когда Потемкин, уже утратив место фаворита как такового, оставался фактически соправителем Екатерины на протяжении многих лет и не потерял ни одного своего поста. Некоторые объясняют это его тайным браком с Екатериной. Нельзя исключать влияние этого возможного фактора. Но нельзя забывать, что и с Григорием Орловым ее связывали достаточно сильные узы — десятилетняя связь и общий ребенок, но Орлов не достиг таких вершин в государстве. Скорее всего, сила личной привязанности Екатерины к Потемкину совпала с ее убежденностью в его способностях и незаменимости; ее уверенность укреплялась по мере раскрытия его всесторонней натуры. Действительно, неимоверно быстро

прошедший ступени высших административных и военных должностей, делом доказавший свое соответствие им, выученный императрицей, Потемкин стал самой могущественной и влиятельной фигурой екатерининского времени.

4 февраля 1774 г. Григорий Потемкин прибыл в Царское Село. Начинается его сближение с Екатериной, о чем свидетельствует, например, письмо Д.И. Фонвизина к А.М. Обрескову: «Здесь у двора примечательно только то, что камергер А.С. Васильчиков выслан из дворца и генерал-поручик Потемкин пожалован генерал-адъютантом и в Преображенский полк подполковником». Об этом же новшестве, происшедшем в покоях императрицы, пишет мужу, новгородскому генерал-губернатору, Е.К. Сиверс: «Новый генерал-адъютант дежурит постоянно вместо всех других... Говорят, он очень скромен и приятен».

Давнишний знакомый Потемкина поэт Василий Петров восторженной одой отозвался на пожалование Потемкину столь значимого при дворе генерал-адъютантского чина. Строки эти долгие годы были известны только специалистам, а теперь и вы можете познакомиться с традиционным для блестящего XVIII в. образчиком литературы, призванным воспевать доблести и таланты знаменитых личностей, героев («ироев») и знаменательные торжества:

***

Достоинства твои мы прежде почитали,
И славу имени готовились принесть,
Сбылося то, что мы усердно предвещали
Взведен Потемкин ты, тебя в достойну честь,
Возвышено твоей души великой свойство,
Военны подвиги и мужеско иройство.

***

Когда ты, отразив кичливого злодея,
Разсыпал стан его и ужас водворил,
Когда в Петрополь ты, победу ту имея,
Пришед, монархине Российской возвестил.
Дана верховныя старижи тебе держава,
Быстропарящая пустилась всюда Слава.

***

Обрадованная рекла тогда Россия:
«Сто крат блаженна я монархиня тобой,
Тобой возводятся предстатели такия,
Чтоб больше жиздимый распространить покой.
Мне добродетели сынов моих известны,
Сей истинный ирой, и друг при том нелестный».

***

Он свято соблюдет премудрые законы,
«И человеколюбие пребудет с ним.
Благодеяния низпослет милионы,
Под покровительством монархиня твоим.
Незлобив нрав его, душа Зефира тиша,
Он добродетель чтит других премногих выше».

***

Сие пророчество мы опытом узрели,
Для счастия наук, Потемкин, ты рожден,
И музы уж к тебе прибежище имели,
Любимец их тобой высоко награжден.
Не тем, что стоили труды его посильны,
Но тем, чем богатят щедроты преобильны.

***

Благополучия возшедшая планета!
Сияй к нам милостьми монаршими всегда.
Сего мы от тебя желаем ныне света,
Ко отвращению во обществе вреда.
Для счастья нашего твой век всего дороже,
Продли благополучие и жизнь его, о Боже!

С получением символического чина генерал-адъютанта Потемкин начинает открыто бывать во дворце, войдя в узкий круг самых доверенных людей Екатерины. Уже 7 марта Екатерина сообщает А.И. Бибикову, командированному для подавления Пугачевского восстания, о приближении к себе Потемкина, которого он хорошо знал: «Во-первых, скажу Вам весть но-

вую: я прошедшего марта 1-го числа Григория Александровича Потемкина по его просьбе и желанию к себе взяла в генерал-адъютанты, а как он думает, что Вы, любя его, тем обрадуетеся, то сие к Вам и пишу. А кажется мне, что по его ко мне верности и заслугам немного для него сделала, но его о том удовольствие трудно описать. А я, глядя на него, веселюсь, что хотя одного человека совершенно довольного около себя вижу».

Двор пытается разгадать нового фаворита, понять, какой политики от него ожидать, надолго ли он, каков. Все обсуждают генерал-адъютанта, его внешность, манеры, поведение, поступки. Те, кто давно с ним знаком, сразу становятся любимы в обществе как возможные протеже. По сообщениям надежных информаторов, английский дипломат Гуннинг заметил в одной из своих депеш, что, «если рассматривать характер любимца императрицы, которому она, кажется, хочет доверить бразды правления, нужно бояться, что она кует себе цепи, от которых нелегко освободиться». Григорию Александровичу Потемкину с этого времени пришлось научиться жить на виду у множества людей, критически оценивавших каждый поступок, каждое слово, каждый взгляд вельможи.

Представитель прусского короля Фридриха Великого при дворе Екатерины II граф Сольмс 4 марта 1774 г. представил своему правительству подробный отчет о событиях жизни императрицы. Они, по его мнению, сильно осложняли принятие каких-либо важных политических решений в России: «...при дворе начинает разыгрываться новая сцена интриг и заговоров. Императрица назначила генерала Потемкина, недавно вернувшегося из армии, своим генерал-адъютантом, а это необыкновенное отличие служит вместе с тем признаком величайшей благосклонности, которую он должен наследовать от Орлова и Васильчикова. Потемкин высок ростом, хорошо сложен, но имеет неприятную наружность, так как сильно косит. Он известен за человека хитраго и злаго, и потому новый выбор императрицы не может встретить одобрения». Говоря о вхождении Потемкина в орбиту ближайших людей Екатерины, Сольмс опасается столкновений его с Орловыми и предполагает развитие ситуации: «Хотя теперь Орлов и не разчитывает уже на прежнюю благосклонность к нему императрицы, однако нет оснований предполагать, чтобы он желал разстаться со своим первенствующим значением, и так

как новый любимец, по-видимому, настолько же честолюбив, насколько тщеславен, то надо думать, что эти два соперника согласятся разделить между собой влияние на дела». Наблюдая за двором со стороны, прусский дипломат не мог знать о действиях опытной в управлении Екатерины, которая сумела иначе решить вопрос между Потемкиным и Орловым.

Положение, занятое Г.А. Потемкиным при дворе, было совершенно особое, ни прежде, ни после никто не достигал подобных успехов. Это отмечали и современники князя: «Любимцы ее (Екатерины II. — *Н.Б.*) не имели до сего никакого важного значения в правительстве...» «Никогда еще ни при дворе, ни на поприще гражданском или военном, — писал французский посол граф Л.-Ф. Сегюр, — не было царедворца более великолепного и дикого, министра более предприимчивого и менее трудолюбивого, полководца более храброго и вместе нерешительного». Положение Потемкина не зависело от того, кто именно занимал в Зимнем дворце ближайшие апартаменты к внутренним покоям императрицы — А.П. Ермолов или А.Д. Ланской, А.М. Мамонтов или кто-то другой. Оно было основано прежде всего не на интимной связи, и потому было значительно серьезнее, прочнее и не прекращалось с окончанием фавора — оно коренилось как в согласии государственных идей и политических целей, так и в тождестве взглядов и намерений. Об этом писала и сама Екатерина: «У князя Потемкина были качества, встречающиеся весьма редко и отличавшия его между всеми другими: смелый ум, смелая душа, смелое сердце. Вот почему мы всегда понимали друг друга».

Так началась блистательная карьера Г.А. Потемкина, состоявшаяся благодаря его разносторонним способностям. Екатерина II сумела увидеть их и оценить. В марте 1774 г. Г.А. Потемкин получил чин генерал-адъютанта и был назначен подполковником Преображенского полка, в мае — членом высшего совещательного органа — Совета при высочайшем дворе, генерал-аншефом и вице-президентом Военной коллегии, в декабре награжден орденом Св. Андрея Первозванного, 10 июля 1775 г. возведен в графское достоинство, в 1776 г. пожалован в поручики Кавалергардского корпуса и 27 февраля того же года стал князем Священной Римской империи с титулом светлейшего.

Екатерина II очень довольна, когда удается порадовать своего любимца знаками государственных наград. «Здравствуй,

миленький, и с Белым Орлом, и с двумя красными лентами, и с полосатым лоскутком, который, однако, милее прочих, ибо дело рук наших. Его же требовать можно как принадлежащий заслуге и храбрости», — веселится довольная императрица, поздравляя Потемкина с получением синей ленты польского ордена Белого Орла, двух красных лент орденов Св. Анны и Св. Александра Невского, носившихся через плечо, а полосатый лоскуток (черно-оранжевая ленточка) принадлежал к боевому ордену Св. Георгия 3-й степени, полученному Потемкиным еще в 1770 г. Боевые награды, говорит Екатерина, несоразмерно дороже, чем парадные награждения.

Назначение Потемкина подполковником Преображенского полка, полковником которого была сама Екатерина, показало двору, что это не временное увлечение императрицы, что Потемкин нечто более серьезное, чем один из фаворитов. «Все странною манерою идет, — сообщает графиня Е.М. Румянцева своему мужу, бывшему командиру Потемкина фельдмаршалу П.А. Румянцеву о переменах при дворе, — не так, как прежде, в публике сдержана благопристойность, так что и отмены никакой нету, а больше все старых менажируют, подполковничество гвардии их (Орловых. — *Н.Б.*) с ног срезало и доказывает, что он преодолел, потому что Алексей Григорьич здеся и в бытность его при нем определяется другой в полк. Григорий Александрыч теперь ту методу ведет, что сказывает, что во всех ищет дружбы... Граф Чернышев весьма смутен, ходит и твердит, что в Ерополец жить поедет... Я теперь считаю, что ежели Потемкин не отбоярит пяти братов, так опять им быть великим. Правда, что он умен и может взяться такою манерою, только для него один пункт тяжел, что великий князь не очень любит, и по сю пору с ним ничего не говорил, как и приехал из армии; да не мудрено это будет, вперед все сделается, сын с материю на такой ноге нонеча, что никогда так не бывали, он может к ней идти, коли хочет, и сам обо всем с нею говорить... И графа Панина состояние или кредит стал гораздо лучше; он нонеча так делался, что и мало ездил в эти дни, когда такая перемена делалася у двора и по наружности никакого виду, а Григорий Александрыч с ним очень хорошо...»

Екатерина Михайловна Румянцева, занимая должность обергофмейстерины при малом дворе наследника престола Павла Петровича, была прекрасно осведомлена в придворных интригах, и

ее письма к мужу чем-то напоминают реляции о событиях военной кампании. Действительно, она показала, что Потемкин повел правильную политику при дворе — старается быть другом всем. И еще один урок придворной жизни дала ему сама Екатерина II: «Только одно прошу не делать: не вредить и не стараться вредить Кн[язю] Ор[лову] в моих мыслях, ибо я сие почту за неблагодарность с твоей стороны. Нет человека, которого он более мне хвалил и, по-видимому мне, более любил и в прежнее время, и ныне до самого приезда твоего, как тебя. А есть ли он свои пороки имеет, то ни тебе, ни мне непригоже их расценить и разславить. Он тебя любит, а мне оне друзья, и я с ними не расстанусь. Вот те нравоученье: умен будешь — приимешь; неумно будет противуречить сему для того, что сущая правда». Потемкин понял — после своего назначения подполковником Преображенского полка он посетил своего предшественника Алексея Григорьевича Орлова, брата прежнего фаворита Григория, и беседовал с ним о делах полка. Уже 25 сентября 1774 г. в письме из Пизы, куда он отправился выполнять важнейшую государственную миссию по захвату самозванки Таракановой, Алексей Орлов одобрял меры, разработанные Потемкиным для восстановления состояния Преображенского полка, выказывал ему дружеские чувства, жаловался на плохое здоровье. Орловы должны были принять нового любимца императрицы, которого они давно и хорошо знали.

Особо доверяя Потемкину, Екатерина советовалась с ним при подготовке официальных писем к Орловым и ставила своего ближайшего помощника в известность о характере переписки: «Голубчик, при сем посылаю к вам письмо к графу Алексею Григорьевичу Орлову. Есть ли в ортографии есть ошибка, то прошу, поправя, где надобно, ко мне возвратить». Ровные отношения с Орловыми сохранил Потемкин и в последующие годы, когда уже занял крупные посты в государстве. 21 августа 1788 г. Алексей Орлов благодарил его за заботу о своем воспитаннике — внебрачном сыне Александре Чесменском (тот состоял в штате князя). «При сем случае, — продолжал герой екатерининских времен, — посылаю к вашей светлости лучшаго из моих кипрского вина двенадцать бутылок за печатею моею, которое я в бытность мою в Санкт-Петербурге обещал вашей светлости по приезде вашем в Москву... желаю от сердца моего оное употребить во здравие».

Приехав ко двору и вступив в покои императрицы, сумел Потемкин сблизиться и с графом Н.И. Паниным, поддержавшим его в противовес влиянию своих противников — Орловых и З.Г. Чернышева. Об этом свидетельствуют донесения иностранных дипломатов. Представитель прусского короля Фридриха Великого при дворе Екатерины II граф Сольмс, с каждым днем меняя свое впечатление от Потемкина, сообщал в своей депеше от 7 марта 1774 г.: «...перемена любимца, по-видимому, не тревожит Панина. Напротив того, мне кажется, он доволен ею и надеется извлечь из нее некоторые выгоды. Более того, он разсчитывает на то, что это событие повлечет за собою падение Орловых и уменьшит влияние князя Григория Григорьевича на императрицу... Пока еще Потемкин не имеет ни доверия, ни партии, ни друзей. Если для приобретения тех и других он будет придерживаться графа Панина, то скорее будет хорошо, чем дурно... Боюсь только, чтоб Потемкин, имеющий вообще репутацию лукаваго и злаго человека, не воспользовался бы добротою Панина». Ему вторит и английский дипломат Гуннинг: «Г. Потемкин продолжает поддерживать величайшую дружбу с г. Паниным».

Спустя несколько дней граф Сольмс окончательно убеждается в том, что Потемкин обладает небывалым влиянием на Екатерину и прочно вошел в политическую элиту: его правительство должно учитывать этот факт при подготовке каких-либо дипломатических проектов. 18 марта, комментируя произведение Потемкина в подполковники Преображенского полка, прусский представитель приходит к следующему заключению: «По-видимому, Потемкин сумеет извлечь пользу из расположения к нему императрицы и сделается самым влиятельным лицом в России. Молодость, ум и положительность доставят ему такое значение, каким не пользовался даже Орлов. Григорий Григорьевич будет скоро забыт, и вся фамилия Орловых ниспадет в общий уровень». А 24 марта Сольмс сообщает, что «они (Орловы. — *Н.Б.*) во всеуслышанье говорят, что уже утратили доверие и намерены совершенно удалиться от двора. Камергер Васильчиков очистил свое помещение во дворце, и теперь там по-прежнему будет собираться Совет. Князь Орлов также очищает свои покои во дворце, куда переселится новый любимец, помещавшийся до сих пор в дежурной генерал-адъютантской комнате».

Стране и сохранению государства в это время угрожает самое крупное социальное потрясение XVIII в. — восстание под предводительством Емельяна Пугачева, отличавшееся массовостью, большей организованностью, четко выраженными целями. Наряду с казаками в восстании приняли участие различные группы населения, каждая из которых преследовала свои цели: крестьяне и заводские рабочие Урала боролись против крепостного права, борьба нерусских народов Поволжья носила национально-освободительный характер. Антиправительственная пропаганда Пугачева находила отклик среди простого народа, положение которого было действительно тяжелым: несмотря на филантропические призывы Екатерины II к умеренности и терпимости, эксплуатация крестьян и работных людей на заводах с каждым годом становилась все невыносимее. В ходе восстания Пугачев, объявивший себя счастливо спасшимся императором Петром III, и его сторонники создавали органы управления, подобно существовавшим в России того времени, самозванец подписывал указы, составленные на манер царских, и жаловал своих приближенных дворянскими титулами, создавая, таким образом, параллельные государственным институты власти и иерархию чинов.

Волна восстания, сопровождавшаяся обильным кровопролитием и проявлениями варварства и вандализма, катилась по просторам Российской империи, наводя ужас на дворянское общество. Жертвами недовольных стали тысячи дворян, чиновников, священников, горожан, простых солдат, не подчинившихся самозванцу.

С первых же шагов своего возвышения Потемкин не только постоянно дежурит во дворце, но и становится единственным докладчиком по военным делам. По его рекомендации против Пугачева в Оренбург Екатерина все-таки отправляет А.В. Суворова; Потемкин же советует ей обратить внимание на тех или иных способных людей, которых знает по действующей армии. Екатерина писала ему: «Батинька, пошлите повеление в обои армии, чтобы, оставя самое нужное число генералов при войсках для возвращения полков в Русь (после заключения мира с Турцией. — *Н.Б.*), прочие генералы-поручики и генералы-майоры ехали каждый из тех, коим повелено быть при дивизии Казанской, Нижегородской, Московской и прочих бунтом зараженных мест... и чтоб каждый из них взял с собой невеликий эскорт

и везде бы объявляли, что войска идут за ними...» Это должно было внушить надежду сторонникам стабильности и самодержавной власти и страх сочувствующим самозванцу Пугачеву.

Самое деятельное участие принял Потемкин в назначении П.И. Панина в «спасители отечества» летом 1774 г., когда стране угрожало восстание Емельяна Пугачева. Считаясь с влиянием Н.И. Панина, он с его помощью рассчитывал еще более укрепить свое положение при дворе. Уже 7 марта Павел Панин в ответ на сообщение своего племянника князя А.Б. Куракина о фаворе Потемкина, высказывает мнение о неординарности нового любимца императрицы и предполагает, «что сей новый актер станет ролю свою играть с великой живностью и со многими переменами, если только утвердится». Потемкин, несомненно, прилагал все усилия к тому, чтобы занять ведущее место в системе власти, участвовать во внутренней и внешней политике и активно влиять на разработку и реализацию важных государственных проектов. 9 апреля 1774 г. скончался А.И. Бибиков, и войска, действовавшие против Пугачева, остались без начальника, в то время как бунт, охвативший всю заволжскую сторону, начал принимать все более и более грозные размеры. Перед этим П.А. Румянцев ослушался приказа Военной коллегии и не отпустил из армии А.В. Суворова под предлогом того, что тот находился «на посту в лице неприятеля». В начале июля 1774 г. Екатерина решилась поручить начальство князю П.М. Голицину, но курьер, ехавший с этим приказом, был остановлен в Нижнем Новгороде по причине небезопасности дороги.

Тем временем обстановка накалялась, пугачевщина грозила захватить все большие территории. В этих трудных обстоятельствах Екатерина решила собрать чрезвычайное заседание Совета при высочайшем дворе, членом которого уже стал Потемкин. Письмо графа Никиты Ивановича Панина своему брату Павлу в Москву живописует это заседание. Открылось оно заявлением самой императрицы о решении принять личное начальство над войсками и ехать «для спасения Москвы и внутренности империи». «Безмолвие между нами было великое, — пишет Никита Панин. — Государыня ко мне одному обратилась и с большим вынуждением требовала, чтоб я ей сказал, хорошо или дурно она сие сделает. Мой ответ был, что не только не хорошо, но и бедственно в рассуждении целости всей Империи...» Граф Панин

сказал, что волнение «презрительной черни» не заслуживает столь решительных мер. Желание Екатерины поддержал Потемкин. Панин решился на следующий шаг для отвращения императрицы от ее решения. «После обеда, — продолжает Никита Панин, — взял новаго фаворита особенно и, облича дерзость его мыслей, которой ни лета, ни практика ему не могут дозволить, и повторя резоны, мною сказанные, угрожающие разрушением Империи, объявил ему, что на отвращение сего я решился ехать против Пугачева или ответствовать за тебя... Вот, мой любезный друг, каковым образом жребий твой решился». Панин-старший поспешил известить брата о его назначении, сообщив ему эту новость как решенное дело. Тем не менее Екатерина еще не отказалась от идеи ехать самой в Москву, видимо, Панин выставил определенные условия назначения своего брата во главе войск, вызывавшие у нее настороженность и опасения. Свидетельством этого является ее письмо к Потемкину, где звучит обеспокоенность далеко идущими планами Панина: «Увидишь, голубчик, из приложенных при сем штук, что господин граф Панин из братца своего изволит делать властителя с беспредельною властию в лучшей части империи...» Но Потемкин находит выход: он предлагает перехватить у Панина инициативу выдвижения его брата, и 29 июля 1774 г., в тот самый день, когда Екатерина подписывает полномочия Панину, направляет ему письмо. Потемкин напоминает генералу об их беседе в январе в Москве, когда Петр Панин говорил о своем желании «охотно принять команду войск, отряженных против бунтовщика и государственного злодея Пугачова», и сообщает, что именно он рекомендовал его императрице, а Н.И. Панин подтвердил желание своего брата. В этом же письме Потемкин предлагает не только помощь в политическом решении вопроса, но и напоминает о своих возможностях: «Ежели я найдусь к чему ни есть вам потребен, не щадите меня: я всякое ваше приказание с охотою исполню».

Реакция Екатерины и противодействие Потемкина не остались незамеченными для Н.И. Панина. Вслед за письмом фаворита он посылает тревожное сообщение брату, где пишет, что необходимость прибегнуть к его помощи против Пугачева воспринимается «внутренно крайним и чувствительным себе уничтожением, и следовательно, разстроганное сим чувствие обратилось все против меня...». Никита Панин высказывает недоумение изменением

отношения к нему Потемкина, совсем недавно искавшего дружбу, но опытный политик видит в этом желание фаворита стать самостоятельной политической фигурой: «...а тот, которому бы надобно было мне служить подпорою уже от некотораго времени, забыл все свои предо мною обеты, и хотя, как я думаю, не сделался мне еще врагом, но по последней мере по рвению своего высокомерия и надменности оставил меня так, как и многих других, в которых увидел он, что более ему нет собственной нужды». Никита Панин чувствует угрозу своему положению при дворе с усилением влияния Потемкина. Возлюбленный Екатерины постепенно осваивался при дворе, подбирал команду верных сторонников, создавал себе придворную партию, которая стала бы гарантом его самостоятельности и независимости как политического деятеля. «Я уверен, мой любезный друг, — заключает он в письме в Москву с описанием назначения Павла, — что ты собственным своим прорицанием уже довольно постигнешь, в каком критическом положении я теперь и как очевидно извлекают меня из участвования в твоем деле, как будто бы в возмездие тому, что крайность привела к употреблению тебя, а из сего выходит самое притеснение и всем моим делам...»

При общих распоряжениях по усмирению Пугачевского бунта не забыты были и косвенные средства: два агента были посланы по непосредственному распоряжению Потемкина в Оренбург со значительной суммой денег. После решительного сражения Михельсона с мятежниками казачьи атаманы арестовали самозванца и выдали его отряду правительственных войск. С поимкой Пугачева восстание быстро угасло. Екатерина смогла убедиться в правильности своего выбора: Потемкин не только оказал ей должную помощь в скорейшем подавлении восстания, но и сумел нейтрализовать братьев Паниных. Их последующая переписка свидетельствует о постепенном охлаждении между Паниными и Потемкиным, чье положение к этому времени значительно укрепилось.

Докладные записки Потемкина этого периода на имя Екатерины с ее собственноручными резолюциями свидетельствуют о его большой осведомленности и участии в мероприятиях по поводу волнений в крестьянском сословии, в раздаче наград лицам, отличившимся во время подавления Пугачевского восстания. Имея большой опыт работы с депутатами-«иноверцами», По-

темкин и тут хлопотал о назначении наград и льгот некоторым «инородцам» по аттестациям покойного генерала Бибикова и генералитета, причем на все предложения Потемкина императрица дала положительные резолюции.

Потемкин как наиболее приближенное лицо к Екатерине II был посвящен в секретные дела, связанные со следствием по восстанию Пугачева: он знакомился с материалами Казанской тайной комиссии, и императрица требовала от него не только высказывания своего мнения, но и действий. Пленный пугачевец, назвавшийся Мамаевым, заявил на допросе поручику Г.Р. Державину, что яицкие казаки послали в Петербург доверенных людей с ядом, чтобы отравить Екатерину и наследника Павла Петровича с женой. Императрица писала своему фавориту и советнику по этому поводу: «Я думаю, что гора родила мышь. Однако есть ли где сих шалунов отыскать должно, то чаю здесь, в Царском Селе... А приметы при сем посылаю». К этому же мнению пришел и Потемкин, сообщавший генерал-прокурору Сената князю А.А. Вяземскому (первому министру правительства Екатерины II) о своих планах в отношении опасных слухов, связанных с серьезнейшим политическим преступлением — покушением на жизнь членов императорского дома: «Мне кажется, что это не новое и, хотя больше на вздор, нежели на дело походит, однако ж в столь важнейшем пункте, как драгоценному здоровью касающемуся, не худо сделать строгое изыскание, что я здесь произвесть не оставлю».

Еще 10 мая Гуннинг доносил в Лондон: «Потемкин действительно приобрел гораздо больше власти, чем кто-либо из его предшественников». К великому удивлению большинства членов Совета при высочайшем дворе, куда входили самые важные лица империи, имевшие чины 1-го и 2-го классов (согласно «Табели о рангах»): граф Н.И. Панин, оба князя А.М. Голицины, граф З.Г. Чернышев, граф К.Г. Разумовский, князь Г.Г. Орлов, князь А.А. Вяземский, Потемкин занял место среди них. Когда он первый раз появился в Совете, 5 мая, у него был еще чин 3-го класса, но уже 30 мая 1774 г. последовал указ о назначении его вице-президентом Военной коллегии с чином генерал-аншефа. Хорошо осведомленный Гуннинг спешит донести в Лондон 21 июня: «Генерал Потемкин присоединен к графу Захару Чернышеву в Военный департамент. Это такой большой удар, нанесенный

последнему...», причем дипломат считал именно Чернышева главной пружиной всех придворных интриг.

Потемкин сам просит Екатерину доверить ему какую-нибудь работу в Совете, и она находит повод: «Миленький, как ты мне анамнесь говорил, чтоб я тебя с чем-нибудь послала в Совет сегодни, то я заготовила записку, которую надлежит вручить кн. Вяземскому. Итак, есть ли идти хочешь, то будь готов в двенадцать часов или около того».

Первоначально Совет при высочайшем дворе был учрежден в 1768 г. Екатериной II для решения всех дел, связанных с начавшейся русско-турецкой войной. Собрания Совета обычно проходили два раза в неделю и чаще, по мере надобности. Каждый член по вверенной ему части должен был предлагать к рассуждению нужное по обстоятельствам, а прочие члены должны были «оговаривать предложенное своими мнениями и суждениями, не перебивая один другому речь и начиная в подавании голосов обыкновенно с младших членов, а при разсуждении, как кому придет мысль». В Совете, особенно в первое время его существования, довольно часто присутствовала сама императрица, а также присылала собственноручные записки, выражавшие ее волю или обращавшие внимание членов Совета на определенный интересующий ее вопрос. Совет являлся только совещательным органом, не имевшим никакой исполнительной власти, но выполнение его постановлений возлагалось на разные правительственные места и лица, причем те были обязаны сообщать о результатах.

Поступавшие в Совет бумаги разделялись на два разряда: одни для сведения, другие непосредственно для обсуждения. Последние поступали в Совет от разных учреждений или чиновников и касались всех наиболее важных вопросов внутренней и внешней политики России. По ходу обсуждения и принятия решений составлялись протоколы, которые в отсутствие Екатерины в Совете подносились ей на высочайшее рассмотрение.

Совет не принимал участия в разработке важнейших законодательных актов, но тем не менее они ему предъявлялись и принимались благожелательно. Таким образом, Совет занимался в основном текущими административными делами, и целью совещаний являлось осведомление административной верхушки о важнейших событиях и соотношение действий учреждений и должностных лиц.

Как свидетельствуют протоколы Совета, Потемкин неоднократно участвовал в прениях и высказывал свои предложения по вопросам размещения войск в Крыму, финансового управления, дипломатических отношений России с Турцией после заключения Кючук-Кайнарджийского мира. О заслугах Потемкина в заключении мира с Турцией двенадцать лет спустя вспоминала Екатерина II в беседе со статс-секретарем А.В. Храповицким: «Кн[язь] Вяземский, гр[аф] За[хар] Чернышев и Н.И. Панин во все время войны разные делали препятствия и остановки; решиться было должно дать полную мочь г[рафу] Румянцеву, и тем кончилась война. Много умом и советом помог к[нязь] Г.А. Потемкин. Он до бесконечности верен, и тогда-то досталось Чернышеву, Вяземскому, Панину...»

Потемкин был хорошо осведомлен о ходе переговоров с Турцией благодаря письмам своего армейского приятеля генерал-поручика Николая Васильевича Репнина. Его послания настолько насыщены информацией, что, по его словам, «церемониально уже негде кончить, места не осталось, а люблю Вас искренно»; старинный приятель мог позволить именовать могущественного фаворита «мой друг сердечной». 15 сентября 1774 г. Репнин сообщал из Фокшан, что по прибытии застал фельдмаршала Румянцева и его помощников больными лихорадками и горячками, которыми славился южный климат в XVIII в., да так сильно, что «из всего города сделалась больница». Наряду с описанием состояния дел, связанных с заключением 10 июля Кючук-Кайнарджийского мира с Турцией и завершением посольства, Репнин сообщает, что проездом через Тулу «купил Вам, то есть шефу драгунскому, ефес палашной, а козаку запорожскому (Потемкин получил титул гетмана Запорожской Сечи, реорганизованной спустя несколько лет. — *Н.Б.*) Григорию Потемкину огниво, так нужную казаку вещь»; кроме этого приятель «из любопытства» посылал Потемкину из Севска чубуки из говяжьих костей, глиняные трубки, платок и мешок для табака — все это изготовляли жившие там пленные турки.

Преданный товарищ, храбрый военачальник, способный политик, талантливый государственный деятель — именно в Потемкине Екатерина нашла столь необходимое ей сочетание ума и верности. В письмах к нему и ко многим своим корреспондентам императрица не переставала восхищаться деловыми качествами

своего любимца, его фантазии и инициативе, творческому подходу в решении тех или иных вопросов. «Генерал, у меня голова кружится от вашего проекта, — писала Екатерина однажды Потемкину. — Вы не будете иметь никакого покоя от меня после праздников, пока не изложите ваших идей на письме. Вы человек очаровательный и единственный; я вас люблю и ценю от всего моего сердца».

25 октября 1774 г. Совет при высочайшем дворе рассуждал по представлению Потемкина о местах, где необходимо расположить остающиеся в Крыму войска второй армии «для содержания татар в страхе», и счел нужным оставить 3 тысячи в Еникале и Керчи, а прочие расположить в Таганроге. Следующее заседание по этому вопросу состоялось 1 декабря, и в целях побуждения Турции к выполнению трактата «рассуждено» было, опять же по представлению Потемкина, расположить остающиеся около Крыма войска второй армии на зиму в новороссийских селениях. Участвовал Потемкин и в обсуждении реляций генерал-фельдмаршала графа П.А. Румянцева о полученных им сведениях, касающихся до военных приготовлений Порты Оттоманской против венского двора, а также министерских депеш. При рассмотрении 11 мая 1775 г. реляций Румянцева о неизбежной потери части денег, причитающихся России от Порты, в случае их перевода через Голландию, Потемкин представлял, «что лучше было бы оставить сии деньги для обращения в торговле, нежели отправлять теперь отсюда наши товары, и особливо железо, которое за всем облегчением дорого стоить будет, не зная еще точно, что из них там (в Порте. — *Н.Б.*) нужнее и потому выгоднее продано быть может, и, что отправляя в таком случае суда наши в Константинополь пустыми или с малым числом товаров, можно будет и на них отвезть несколько турецких пленных». Совет принял решение поручить А.А. Вяземскому рассмотреть этот вопрос более подробно, чтобы остаьить хотя бы половину денег для торговли, а затем доложить императрице.

Участие Потемкина в реальном государственном управлении в 1774—1776 гг. контролировалось и регулировалось непосредственно самой Екатериной. Среди множества любовных записочек этого периода встречаются лаконичные замечания или указания императрицы, поручения, связанные не только с его прямыми обязанностями, но и дающие ему своеобразные уроки управления,

поощряющие его инициативу. «Возись с полком, возись с офицерами сегодня целый день, — пишет ему Екатерина в марте 1774 г. и продолжает уже о личном, — а я знаю, что буду делать: я буду думать об чем? Для вирши скажешь: об нем». В другой записочке указание на неизвестное письмо Потемкина, в котором Екатерина «об Обрезкове все вычернила, а только оставила то, чтоб с канцелярией остался в фельдмаршалской диспозиции». (А.М. Обресков принимал деятельное участие в Фокшанском конгрессе. Когда Румянцев получил полномочия на ведение переговоров, он медлил с приездом и опоздал в деревушку Кючук-Кайнарджи, где был подписан мирный договор.) Коротенькое послание Екатерины: «Посылаю вам бумаги, которые вы желаете. Интерес, который вы к ним проявляете, может причинить мне лишь радость» — говорит о том, что она всячески поощряла желание Потемкина помогать ей и участвовать в решении насущных вопросов государственного управления. Однако фаворит все более и более времени уделял делам, что не раз служило помехой свиданиям. Об этом несколько записочек раздосадованной Екатерины: «Я искала к тебе проход, но столько гайдуков и лакей нашла на пути, что покинула таковое предприятие к вышнему моему сожалению...», и в другой раз: «Сердце мое, я пришла к вам, но, увидав в двери спину секретаря или унтер-офицера, убежала со всех ног. Все же люблю вас от всей души».

Фаворит и даже, возможно, тайный муж для Екатерины четко отделялся от чиновника, которому она, иногда и в достаточно резкой форме, давала уроки государственной деятельности и четкие рекомендации в решении тех или иных вопросов внутренней политики. Именно этим объясняется своеобразие ее посланий Потемкину. Недаром она называла его своим лучшим «выучеником». Одно из писем Екатерины II накануне награждения Потемкина орденом Св. Александра Невского (21.04.1774 г.) начинается обращением: «Миленький, здравствуй. Надобно правду сказать, куда как мы оба друг к другу ласковы», а затем уже о делах: «При сем прилагаю записки, кои я сегодни заготовила для объявления сего же дня. Прошу их ко мне возвратить, есть ли в них не найдешь, чего поправить. А есть ли что переменить находишь, напиши, милуша, душа моя». Упоминаемые документы относились, по-видимому, к заседанию Государственного Совета, состоявшемуся 24 апреля, где заслушалась

реляция Бибикова об успехах правительственных войск и рапорт генерал-поручика князя Ф.Ф. Щербатова о смерти Бибикова и о принятии им команды. А вот и наставление государыни, основанное на житейском опыте и вызванное, вероятно, каким-либо неудачным высказыванием или поступком Потемкина: «Великие дела может исправлять человек, дух которого никакое дело потревожить не может. Меньше говори, будучи пьян. Нимало не сердись, когда кушаешь. Спечи дело, кое спеет трудно. Принимай великодушно, что дурак сделал».

Анализируя послания Екатерины к Потемкину за 1774—1777 гг., создается впечатление, что он не только выполнял свои обязанности по полученным должностям, но и являлся фактически личным секретарем императрицы, занимаясь ее различными деловыми поручениями. Посылая Потемкина в Совет, она давала ему распоряжения о передаче своих записок обер-прокурору Сената А.А. Вяземскому, изучении докладов Казанской тайной комиссии, советовалась по назначениям в Синоде, памятуя о работе Потемкина в этом учреждении; он участвовал в подготовке манифеста, объявлявшего «о преступлениях казака Пугачева» и манифеста о Мировиче. К этим манифестам относится резкая записка, в которой Екатерина отчитывает Потемкина за промедление в работе: «...понеже двенадцатый час, но не имели в возвращении окончания Манифеста, следственно, не успеют его переписывать, ни прочесть в Совете. И посему он остановит еще на несколько дней других. И до того дня, буде начертания наши угодны, просим о возвращении. Буде неугодны — о поправлении». В работе не должно быть промедления, он должен все успевать и на должном уровне, ведь сама Екатерина, начиная с раннего утра, занималась вопросами управления государства. Причем императрица должна была вникать абсолютно во все и не терпела, даже от близкого человека, когда что-либо оставалось вне ее поля зрения. Она писала фавориту в конце 1774 г.: «А репортиции без меня и, не показав мне, выпустить не должно... Да и ни один шеф Военной коллегии сие делать не мог. Я тебя люблю, а репортиции прошу казать». Екатерина не безрассудная женщина, выполняющая все предложения фаворита, она самодержавная монархиня, и ее решение должно быть единственным и окончательным.

Еще один пример практического «обучения» можно найти в переписке Екатерины и Потемкина. В марте 1775 г. императрица

назначает родственников фаворита — братьев Михаила и Павла Сергеевичей Потемкиных — «для исследования и щета соляных дел». Соль была важной статьей дохода государственной казны. Военные расходы на борьбу с Портой и разорение губерний, охваченных пугачевским восстанием, привели к серьезному напряжению финансов России. И все же Екатерина решила сделать «подарок» населению, сбавив цену с продаваемой соли. Изучить состояние дел и было поручено братьям Потемкиным. Далее, как можно предполагать, сам Потемкин составил указ (он не сохранился), касающийся разбора злоупотреблений, связанных с солью, но он был критично оценен Екатериной: «...указ о соляном разбирательстве весьма пространен. Это первый его порок. Другой есть то, что дело еще до кончания века не кончится тем обрядом, и столько винных по всей империи сыщем, что более будет крика, нежели добра... И так, дабы добро зделано было, а вред, колико возможно, отвращен был, мое мнение есть указ переписать коротче и просто сказать, что как мое желание есть видеть устройство и порядок во всех частях и доходах и того для...» В заключение императрица сообщает, что поручила А.А. Вяземскому составить указ по этому вопросу и, по получении его проекта, «...который мне понравится, того и подпишу, или же из обеих сочиню своим лаконическим и нервезным штилем, в котором обыкновенно более дела, нежели слов». Как ни любит, как ни ценит Екатерина Потемкина, она ясно дает ему понять, что в делах государственных ему не будет послабления. Он должен совершенствовать свои способности и стремиться как можно лучше и организованнее исполнять порученные дела, превнося при этом свои инициативы и предложения. Но Потемкин, несмотря на преподанный урок, настаивал на своем варианте указа, где, по словам Екатерины, было некое «противуречие»; на это Екатерина довольно резко отвечала: «Прошу, написав указ порядочно, прислать к моему подписанию и притом перестать меня бранить и ругать тогда, когда я сие не заслуживаю». Последнюю точку в споре поставила императрица, издав 21 апреля 1775 г. указ о ставке «с продажи соли, с каждого пуда по 5 копеек», а накануне она велела Потемкину больше не возвращаться к этому вопросу.

Принимал участие Григорий Потемкин и в подготовке «Учреждения для управления губерний» — крупного и значительного

законодательного акта екатерининского времени. Восстание Пугачева и его стремительное распространение по России показали несовершенство губернского управления, и всю весну и лето 1775 г. Екатерина работала над губернской реформой, привлекая к этому труду многих заинтересованных и опытных государственных деятелей. В числе них был и наш герой, которому в дальнейшей работе пришлось заниматься и непосредственной организацией местного управления на основе «Учреждения о губерниях». Уже на последнем этапе подготовки этого государственного акта Екатерине особенно важно было мнение фаворита, она писала: «Просим и молим при каждой статье поставить крестик таковой +, и сие значить будет апробацию вашу. Выключение же статьи просим означивать тако #. Переменение же статьи просим прописать точно». Но императрица, вопреки мнению многих, не беспрекословно подчинялась воле Потемкина. Не он властвовал над ней, а Екатерина была абсолютной монархиней, самодержицей Всероссийской; ни один государь, стоявший во главе империи, никогда не отдавал своей власти фаворитам, они лишь позволяли пользоваться близостью к монарху. Получив от Потемкина бумаги по губернской реформе с его пометками и ознакомившись с его замечаниями, Екатерина поступает так, как считает необходимым: «вторые бумаги, касательно губерний, я тоже читала и об оном приказала с тобою объясниться, ибо число жителей по уездам некоторым вышло из прилагаемой препорции. Луче оные, то есть уезды, умножить».

Во время торжеств в Москве по случаю заключения Кючук-Кайнарджийского мира Потемкин получил знаменательную должность — он был назначен руководить Оружейной палатой в Кремле. 24 января 1775 г. состоялся указ о поручении «в главное смотрение» Потемкину «производимый разбор в Мастерской Оружейной палате». Вполне возможно, что назначение фаворита на этот пост носило парадный характер, но Екатерина прекрасно знала об увлечении Потемкина старинными вещами и редкими книгами. Князь был широко образованным человеком, знал несколько языков, увлекался музыкой, поэзией, философией; он был знаком и помогал многим деятелям культуры, литературы, искусства. В одном из писем Екатерина (наверное, после посещения 6 апреля 1775 г. Патриаршего дома, «где бывает мироварение») предлагает Потемкину: «Батинька, я тринадцать

лет назад приказала Коллегии экономии, чтоб все, что мироварению надлежит, зделать серебряное. И теперь вижу, что варят в серебре, а понесут в церемонии всенародно миро в оловянных премерзких сосудах. Пришло мне на ум на сей случай: пока поспеют серебряные, не можно ли дать взаймы из Мастерской или Оружейной кувшины серебряные, но с тем, чтоб опять поставлены были в Грановитую к праздникам мирного торжества? И буде мысль моя Вам нравиться, прикажи по ней исполнить, слышишь, душа».

Торжества в Москве, посвященные подписанному 10 июля 1774 г. в болгарской деревушке Кючук-Кайнарджа мирному договору, должны были поставить Екатерину II в ряд чтимых народом законных монархов, действовавших на славу России. Мир с Портой Оттоманской закреплял новую расстановку сил на международной арене, увеличивая роль и влияние России на европейские дела. Значение этого события подчеркивала пышная церемония, продолжавшаяся несколько дней. Екатерина и весь двор заблаговременно прибыли в Москву и проводили время в работе, поездках, развлечениях. Московский генерал-губернатор князь Михаил Никитич Волконский почти каждый день докладывал императрице посредством «полицейских записок», часто через Григория Потемкина, о малейших происшествиях, случавшихся в эти дни в городе: 23 мая 1775 г. загорелась кровля на доме сенатора Маслова из-за искры, выскочившей из трубы; 23 и 24 мая вдруг пошел снег и покрыл все кровли, ударил небольшой мороз, но «большева вреда цвету не зделано», однако уже 25 мая ночью мороз «на деревьях цвет побил, мало нынешной год яблок будет»; 2 июня ночью в доме княгини Гагариной за Никитскими воротами в людских покоях от «небрежения поставленной пред образом лампады сделался пожар». Но в большинстве писем Потемкину говорится, что в городе, слава Богу, все спокойно, и приложенные «полицейские записки» должны проинформировать фаворита и императрицу о благополучном состоянии древней столицы и хорошей организации городского управления.

Во время отъезда императрицы в село Тайнинское в Москве случилось неприятное происшествие. О нем 19 мая генерал-прокурор Сената А.А. Вяземский известил письмом Григория

Потемкина и просил передать приложенную реляцию Екатерине. Что же так обеспокоило высоких чиновников? По отъезде императрицы «один сумасшедший надворный советник Рогов» зашел в Московскую контору Синода и «писал странные указы». Вяземский был уверен в безумии этого человека, но проступок слишком серьезен — покушение на абсолютное право государыни издавать указы, а в те времена политический сыск работал очень тщательно, и по малейшему подозрению заводилось дело. В связи с этим Вяземский сообщает ближайшему к императрице человеку — Потемкину — о своих действиях: с Рогова и регистратора, видевшего «указы», взята подписка о неразглашении, приказано «сведать» у жены и слуги провинившегося, с кем он знаком и кто к нему «хаживал». На следующий день в 10 часов поутру московский генерал-губернатор князь М.Н. Волконский сообщил Григорию Потемкину, что знает провинившегося Рогова и он уже совершал странные поступки: «Этот самой тот Рогов, что по дежурстве моем вынимал шпагу пред караульным фрунтом во дворце».

Начало празднования заключения Кючук-Кайнарджийского мира ознаменовалось торжественным въездом 9 июля 1775 г. Екатерины II в Москву в золоченой карете, запряженной восьмеркой богато убранных лошадей, в сопровождении наследника престола Павла с супругой и двора. Вечером состоялась всенощная служба в Успенском соборе древнего Кремля. На следующий день императрица и весь двор присутствовали на торжественной церемонии литургии и благодарственном молебне в Успенском соборе Кремля, а затем прошло награждение героев войны в Грановитой палате. По окончании церемонии пышный кортеж отправился в Пречистенский дворец. Ехавший за каретой Екатерины II верхом, в красном плаще, Григорий Потемкин — тоже герой этой войны — разбрасывал в народ серебряные памятные жетоны с надписями: «Мир с турками» и «Приобретен победами».

Москвичи и гости из других городов, приехавшие посмотреть на грандиозный праздник, были ослеплены блеском двора Екатерины II, величием монархини, оглушены пушечной «салютацией», громом оркестров, многоголосьем московских колоколов и в первую очередь подвешенного накануне самого большого

колокола звонницы Ивана Великого. Для народных гуляний, начавшихся 21 июля 1775 г., было подготовлено Ходынское поле. Сценарий придумала сама императрица, а для постройки комплекса увеселительных сооружений призвала необычного архитектора — знаменитого Василия Баженова. Свои идеи о порядке празднования победы над Оттоманской Портой Екатерина изложила иностранным корреспондентам, чтобы и просвещенная Европа узнала о достижениях русского оружия.

Самое подробное письмо с описанием предстоящего праздника было адресовано, конечно же, барону Гримму, в котором Екатерина передавала свой разговор с архитектором В.И. Баженовым: «...в трех верстах от города есть луг; вообразите себе, что этот луг — Черное море, что из города доходят до него двумя путями; ну, так один из этих путей будет Дон, а другой — Днепр; при устье первого вы построите обеденный зал и назовете его Азовом, при устье другого вы устроите театр и назовете его Кинбурном. Вы обрисуете песком Крымский полуостров, там поставьте Керчь и Еникале, две бальные залы; налево от Дона вы расположите буфет с вином и мясом для народа, против Крыма вы зажжете иллюминацию, чтобы представить радость двух империй о заключении мира. За Дунаем вы устройте фейерверк, а на той земле, которая должна представлять Черное море, вы расставите освещенные лодки и суда; берега рек, в которые обращены дороги, вы украсите ландшафтами, мельницами, деревьями, иллюминированными домами, и вот у вас будет праздник без вымыслов, но зато прекрасный, а особливо естественный... Направо от Дона будет ярмарка, окрещенная именем Таганрога». Эту идею государыни Баженов и его команда воплотили в жизнь с блеском и поразительной фантазией. Они устроили на Ходынском поле турецкие крепости и европейские дворцы, минареты и колокольни, причудливые павильоны и галереи, построенные в различных архитектурных стилях, морские суда, с которых зрители смотрели фейерверк и иллюминацию, «изобретенные» мастером Матвеем Мартыновым и исполненные Михаилом Немовым. Несколько поколений москвичей вспоминали об этом празднестве, вернувшем на время городу его древнюю славу столицы, рассказывали детям и внукам о фонтанах вина и пива, пирамидах с жареными быками и прочей снедью, пред-

назначенных для угощения простого народа, о выступлениях балансеров, канатоходцев, искусных театральных представлениях и пышном маскараде.

Григорий Потемкин был поражен великолепным исполнением грандиозного замысла Екатерины. В XVIII в. формируется традиция отмечать знаменательные события и путешествия государей по стране великолепными торжествами, несущими в себе и определенные идеологические функции представления в художественном виде подданным и соседним государствам величия и могущества Российской империи, незыблемости и значимости самодержавия. Опыт, полученный в 1775 г. в Москве, Потемкин с блеском использовал во время разработки сценария путешествия Екатерины II в Новороссию и Крым в 1787 г., после чего его фантазии досужие иностранцы назвали «потемкинскими деревнями». Приметил Потемкин во время посещения Ходынского поля в свите императрицы и еще один важный момент: силуэт Крымского полуострова, обрисованный на поле песком, навел его на мысли об опасности существования такого соседа у южных границ России. «А вот если бы дойти до моря, чтобы оно разделяло нас с Турцией, так и безопаснее будет и земли там плодородные», — задумался тогда Григорий Потемкин.

10 октября 1775 г. в Кремле состоялся парадный прием турецкого посла, вручившего Екатерине II грамоту о вечном мире и подарки от султана. В день аудиенции в Кремле от Никольских ворот до Красного крыльца Кремлевского дворца была расставлена казацкая конная команда, лейб-гусарский эскадрон и лейб-гвардии гренадерские роты под предводительством Юрия Владимировича Долгорукова. Обыкновенный во дворце лейб-гвардии караул был умножен элитной гренадерской ротой лейб-гвардии Преображенского полка, и фрунт стоял у Красного крыльца, а кавалергарды расположились в Грановитой палате по обеим сторонам от дверей до трона без ружей и в богатом уборе. В передней комнате до Грановитой палаты, там, где должен был пройти турецкий чрезвычайный и полномочный посол, также были поставлены лейб-гвардии Преображенского полка гренадеры без ружей.

Уже утром в Кремлевский дворец в силу учиненных повесток съехались статс-дамы, фрейлины и прочие знатные дамские осо-

бы, одетые в так называемое русское платье и робронды, знатное духовенство, придворные кавалеры, первых пяти классов мужские особы и состоящие при дворе чужестранные министры, военные штаб и обер-офицеры, знатное дворянство — кавалеры были в обыкновенном цветном платье. Двор ждал приезда посла, Их императорские высочества Павел с супругой в начале второго «изволили пойти на золотую решетку в тайник», чтобы оттуда наблюдать церемонию аудиенции. Когда объявили, что прибыл посол, его торжественно препроводил в Грановитую палату обер-шталмейстер Лев Александрович Нарышкин, где на троне под балдахином восседала Екатерина II во всем императорском уборе, в малой короне. Слева от нее стоял Ее императорского величества генерал-адъютант, Военной коллегии вице-президент и разных орденов кавалер его сиятельство граф Григорий Александрович Потемкин. На троне с правой стороны от императрицы был поставлен специальный стол, покрытый золотой парчой, для «положения приемной от посла Султанской грамоты». Несколько поодаль от трона полукругом расположились приглашенные персоны. Церемония аудиенции окончилась в 3 часа дня.

Вечером Екатерина, переодевшись в русское платье, осматривала султанские подарки, а на следующий день в честь турецкого чрезвычайного и полномочного посла был дан бал, во время которого, как отмечает «Камер-фурьерский журнал», он несколько раз выходил в комнату «для отдохновения», курил табак и имел беседу с генерал-фельдмаршалом П.А. Румянцевым-Задунайским. 27 ноября в Пречистенском дворце состоялся маскарад, посол и его свита прибыли в турецком платье. Их потчевали «конфектами, кофеем и сорбетом», затем посол был «трактован вечерним столом». Во время посольского трактования (приема) Ея императорское величество «соизволила из дверей смотреть в маске малое время». Екатерина и ее двор веселились на этом маскараде до 4-го числа пополуночи.

Подарки турецкого султана пополнили коллекцию Оружейной палаты. Сохранившаяся коллекция документов XVII—XVIII вв., известная под названием «Архив Оружейной палаты», представляет великолепную возможность не только для изучения состава музея, но и для исследования процесса управления

этим учреждением Григорием Потемкиным. Особого внимания заслуживают журналы и протоколы заседаний присутствия палаты, благодаря которым мы имеем информацию обо всех словесных приказаниях Потемкина и их исполнении. Уже через два дня после своего назначения он посылает в порученное ему ведомство по принятой системе управления «Предложение», в котором «предлагает» представить ему подлинники книг и описей «всем имеющимся в палате вещам», а также собрать всех мастеров, необходимых для осмотра, оценки и исправления вещей, хранящихся в Мастерской и Оружейной палатах. В тот же день в журнале конторы записано решение о посылке рапорта Потемкину с приложением описных книг и реестра мастеров, служителей и купцов серебряного ряда, определенных для оценки. 27 января Потемкин прибыл лично и осматривал «государственные регалии и знатныя богатыя разных уборов вещи», а на другой день «смотрел Уложение Алексея Михайловича в серебряном ковчеге». Надо полагать, что осмотр царских регалий был непосредственным образом связан с подготовкой торжеств по случаю заключения мира, и на Потемкина была возложена задача их организации. 30 января последовало новое «предложение» князя конторе, в котором он сообщает о разделении комиссии о разборе вещей на две экспедиции: первая должна была работать под руководством лейб-гвардии Преображенского полка секунд-майора Толстого, вторая поручалась полковнику Колюпанову. При этом на все время «разбора» в палатах должен был быть выставлен караул Преображенского полка. В заключение Потемкин приказывал о «всем порядке и целости обоих палат» докладывать ему.

Под руководством Потемкина (он занимал пост «главного смотрителя» Мастерской и Оружейной палат до самой смерти) началась работа по приведению в порядок и изучению церковной утвари, образов, уникальных вещей, старопечатных и рукописных книг, некоторые из которых, как свидетельствуют документы, князь брал к себе для прочтения. В 1784 г. выяснилась необходимость создания новой, более полной описи рукописных книг, которая была составлена асессором Новоселовым и охватывала в хронологическом порядке 1103 книги за 1589—1722 гг.

Отличительной чертой Мастерской и Оружейной палат под управлением Потемкина было совершенствование функций государственного хранилища ценностей и зарождение музея «Оружейная палата», что выражалось в увеличении количества посетителей сокровищницы. По несколько часов в день продолжались осмотры «государственных регалий и прочих богатых вещей» знатными персонами, иностранными послами, иногда в сопровождении самого Потемкина. Так, за 11 октября 1775 г. есть запись в журнале о его словесном распоряжении: «чтоб в Мастерской, и Оружейной, и в Грановитой палатах везде очистить для того, что завтрашний день в десятом часу пополуночи изволит смотреть вещей Ее императорское величество». В тот же день должен был быть допущен в палаты и знаменитый архитектор Василий Баженов, для «рисования булав, буздыханов, пернатов, топориков и протчих... вещей». Документы Оружейной палаты сохранили любопытное свидетельство о посещении и осмотре царских сокровищ императором Священной Римской империи Иосифом II, приехавшим в Россию для встречи с императрицей под именем графа Фалькенштейна. «Июня 7 дня, воскресенье, — зафиксировал журнал Оружейной и Мастерской палат за 1780 г., — надворный советник Райкович прибыл пополуночи в 8-м часу и находился в Казенной Мастерской и Оружейной полатах, что в Московском Кремлевском дворце вверху за золотою решеткою, в которую прибыл его светлость генерал-аншеф государственной Военной коллегии вице-президент, Мастерской и Оружейной полат верховный начальник и разных орденов кавалер князь Григорей Александрович Потемкин пополуночи в 9-м часу. И осмотря хранящиеся во оных полатах короны и скипетры, и прочия регалии, и золотую и серебряную посуду, и все вещи, сколько во оных полатах есть, и спрося, все ли в готовности и в тех полатах, кои со оруженьми и конюшенными вещми, вышел в Успенский собор, в котором тогда отправлялась Божественная литургия. И по тем и паки во 2-м часу пополудни во оные прибыл с прибывшим в Москву графом Фанкенштейном (Фалькенштейном. — *Н. Б.*) и с его свитою, причем были генерал-порутчик и кавалер Михайла Михайлович Измайлов и генерал-порутчик и губернатор граф Остерман, и сенатской обер-прокурор князь Волконский, и прочие генералы и его преосвещенства Платон

Московский и Калужский. И как во оных так и в состоящих к Потешному дворцу со оруженными и конюшенными вещми казенных полатах оной граф Фанкенштейн все находящиеся вещи изволил смотреть. И вышли из оных полат пополудни в 3-м часу, и те полаты заперты и запечатаны казенною надвороного советника Райковича печатьми. Определено о том записать в журнал впредь для ведома». Столь важная миссия Г.А. Потемкина лишний раз показывает, насколько сильным было его положение при дворе и сколь велико его участие не только в решении внутриполитических, но и внешнеполитических задач, стоящих перед Российской империей. Посещение Оружейной палаты в сопровождении Потемкина, осмотр хранилища и особенно знаменитой грамоты императора Максимилиана, адресованной русскому царю Ивану III, где он обращался к русскому царю — «цесарь», позволили укрепить союз государств и впоследствии создать антитурецкую коалицию Австрии и России.

Особый интерес проявлял Потемкин к церковным вещам и книгам, находящимся под его «смотрением». Еще в 1774 г. он брал для переделки ризу Чудова монастыря, а находясь во главе Оружейной палаты, князь заботился о сохранности и описании церковной утвари. По предложению Потемкина часть ветхих вещей, которые, по его мнению, «столь обременяют смотрителей, что и взыскать не можно», были розданы по церквям, а для «украшения "большого Успенского собора" из Оружейной палаты отданы образа».

20 декабря 1775 г. Екатерина и императорский двор отправились в Петербург, в Царское Село императрица прибыла в ночь с 23-е на 24-е, причем последние 164 версты от Новгорода она ехала без остановки, разместившись в дорожных почивальных санях; впереди посменно сидели два кавалергарда, а сзади — по два придворных лакея. Уже в конце января 1776 г. в отношениях Екатерины с Потемкиным начался кризис, не оставшийся без внимания сторонних наблюдателей. В это время императрица сближается со своим новым секретарем П.В. Завадовским, рекомендованным именно Потемкиным. Любопытно, что он сумел сделать самостоятельную карьеру уже после окончания фавора: много занимался вопросами просвещения и организацией системы образования, а при Александре I стал первым

российским министром образования. Английский поверенный в делах Оак доносит в Лондон в январе 1776 г.: «Императрица начинает видеть в другом свете вольности, которые позволяет себе ее любимец...» Читая переписку Екатерины с Потемкиным за февраль — июнь 1776 г., понимаешь, что это один из самых драматичных моментов, во всяком случае в жизни фаворита: он не раз срывается, угрожая уйти со всех постов, или настаивает на удалении Завадовского. Проявляя поразительное терпение, Екатерина делает все, чтобы сохранить Потемкина в системе власти: «Прочитав, душатка, твои письмы, нетрудно решиться: останься со мною. Политичны же твои предложения все весьма разумные»; и в другом письме: «Когда ни поступки, ни слова не могут служить доказательством, тогда или воображение наполнено пустотою и своенравием, либо подозрением равномерно пустым, как бы то ни было, не имев на сердце, ни за душой оскорбительной для тебя мысли, пребываю в надежде, что бред сей наискоре кончится, чему истинная пора». Надо признаться, Потемкину было чего опасаться: он хорошо знал всемирную и русскую историю, да и видел судьбу Григория Орлова и других. Он мог лишиться всего.

Трагичность ситуации, нерешительность Потемкина и его неровное поведение было замечено многими при дворе. Эти смутные дни в жизни фаворита Екатерина Михайловна Румянцева описывала в письмах к мужу, им небезразлично было положение Григория Александровича при дворе — уйдет он, и неизвестно, чего ожидать от нового фаворита. «...Ты, батюшка, пишешь, чтобы я тебе писала, что найду примечательного, — докладывает фельдмаршалу графу Румянцеву 27 февраля 1776 г. из Царского Села его жена, пристально следящая за придворной жизнью, — истинно сказать, что так мудрено, непонятно здесь видеть, а заочно, чаю, и мудренее кажется. Григорий Александрыч по наружности так велик, велик, что захочет, то сделает. Третьего дня, в вечеру уже это было, на братнином дежурстве, чтобы конную гвардию отдали в команду, что как полк весь этот опустился. Это было поутру, что дала приказ писать, а там остановили, опять в вечеру послали, а многие уверяют, что горячность уже прошла, та, которая была, и он совсем другую жизнь ведет; вечера у себя в карты не играет, а всегда там прослуживает, у нас же на

половине такие атенции в угодность делает, особливо по полку, что даже что на покупку лошадей денег своих прислал 4000 р., и ходит с представлениями, как мундиры переменять и как делать и все на апробацию. Вы его бы не узнали, как он нонеча учтив предо всеми. Веселым всегда и говорливым делается, видно, что сие притворное только; со всем тем, чего бы он ни захотел и ни попросил, то, конечно, не откажут». Потемкину не только не отказывали в просьбах, но Екатерина искала всяческие способы, чтобы смягчить горечь разрыва. 2 мая 1776 г. она писала русскому посланнику в Варшаве графу Стакельбергу: «Желая отблагодарить князя Потемкина за заслуги, оказанные им государству, и намериваясь предоставить ему герцогство Курляндское», далее следовала инструкция императрицы о том, как довести дело «до объявления герцогского стула вакантным». Но проект этот так и не был реализован.

Екатерина II — мудрая самодержица и опытный руководитель — не хотела терять столь способного «выученика», чей потенциал обещал большие выгоды для России. Свидетельством окончательного примирения и понимания Потемкиным своего положения является его письмо Екатерине, где он сам формулирует свое жизненное кредо: «Моя душа бесценная, ты знаешь, что я весь твой и у меня только ты одна. Я по смерть тебе верен, интересы твои мне нужны, как по сей причине, так и по своему желанию. Мне всево приятнее твоя служба и употребление заранее моих способностей...»

Фаворит не упал, как ожидали многие, его могущество и влияние возрастало соразмерно производимым успехам в решении вопросов государственного управления, внутренней и внешней политики, проведения военных реформ. С каждым днем Екатерина получала новые подтверждения правильности своего выбора.

Продолжал исполнять Григорий Потемкин при дворе и должность генерал-адъютанта, представляя нередко, как когда-то его Григорий Орлов, новых любимцев Екатерине II, но теперь почти все они были его протеже. В целях обеспечения безопасности и спокойствия в покоях императрицы в сентябре 1779 г., во время своего дежурства во дворце, он сообщил капралу караульного Кавалергардского корпуса «Дворцовый приказ»: «Строжайше

наблюдать, чтоб в той комнате, где кавалергардский пост состоит, от приходящих в оную, какого б звания и чина ни были, подобающее двору благочиние соблюдаемо было, и чтоб не токмо ни малейшаго безчинства, но и шуму не происходило, в чем как самому господину капралу и часовым строго смотреть, и есть ли бы кто выходить стал из благопристойности, то о таковых немедленно докладывать дежурному генерал-адъютанту». К приказу был приложен список почти из 200 человек, допускаемых во дворец, в том числе разрешалось «во время балов и концертов пропускать во внутренния комнаты княгиню Дашкову и детей ея, дочь и сына Семеновскаго полку капитана», — Потемкин неизменно благоволил к Екатерине Романовне.

Незыблемость положения в окружении императрицы, его политическое влияние и значение постепенно становились аксиомой придворной жизни, и при всех тех колкостях, которые позволяли себе многие вельможи и фавориты Екатерины II в переписке с другими лицами, в официальной жизни и письмах к светлейшему соблюдалась необходимая почтительность и соответствующий пиетет. В 1778 г. сменивший Потемкина в покоях императрицы П.В. Завадовский пишет П.А. Румянцеву из Петербурга о том, что «князь ГП (Григорий Потемкин. — *Н.Б.*) не имеет против себя балансу». Неизменность доверия Екатерины и продолжение ее благосклонности удивляют многих, такого еще не бывало при дворе: меняется фаворит, прежний уходит в тень. А здесь Потемкин получает все новые и новые знаки внимания императрицы, Завадовский пишет о добрых словах Екатерины по случаю заложения города Херсона и ее желании изготовить специальную медаль на память этого происшествия. Не без тени зависти он замечает: «Во все века редко Бог производил человека столь универсального, каковым есть князь Потемкин: везде он и все он...»

Часто сопровождал письма Екатерины к Потемкину в 1783—1784 гг. своими записочками очередной фаворит императрицы — 22-летний конногвардеец Александр Дмитриевич Ланской. Отличавшийся скромностью и мягкостью, он находился «в случае» с конца 1770-х годов и имел огромное влияние на Екатерину, испытывавшую к нему самые нежные чувства. Скромностью и сентиментальностью отличаются его коротенькие записочки

к всесильному вельможе, обращения — самые почтительные: «любезнай дядюшка», «батюшка князь». Александр Ланской сообщает Потемкину о состоянии здоровья императрицы, интересуется самочувствием князя, поздравляет с праздниками, благодарит за письма и присылаемые фрукты, подчеркивает свою «истинную привязанность» к Потемкину. Это письма не соперника в мнении Екатерины, а преданного союзника, понимающего значение и влияние светлейшего. Снова императрица берется за переделку покоев для нового фаворита в одном из дворцов, оставляя комнаты и для Потемкина, еле заметным на бумаге красным карандашом она набрасывает поручения дворцовым чиновникам: «1. чтоб протопить зимой мои новыя комнаты и те, кои подо мной, чтоб не сыры были; 2. средней комнаты между спалны нынешной князя Потемкина и А. Дм. Ланс[кого] зделать двери в сад, дверей же общих; вышесказанные спален в той средней комнаты закладывать кирпичем... 5. картины, кои над диваном поставить по будущей леты под новыми моими комнатами в покои А. Дми. Ланс[ого] в третьей комнате от дверей дома. В той же комнате отградить для постели место перегородкою, как в Петербурге у него спальня отгорожена».

Летом 1784 г. Ланской опасно заболел и умер от «злокачественной горячки в соединении с жабой» на двадцать седьмом году жизни. Эта смерть так поразила сердце могущественной государыни, что многие ее приближенные опасались за жизнь Екатерины. Именно Потемкин с графом Федором Орловым, как писала императрица барону Гримму, утешали ее: «Они начали с того, что принялись выть заодно со мною, тогда я почувствовала, что мне с ними по себе, но до конца было еще далеко». В продолжение целого года носила императрица траур по своему любимцу. Горечью потери делилась она с Гриммом: «Это был юноша, которого я воспитывала, признательный, с мягкой душой, честный, разделявший мои огорчения, когда они случались, и радовавшийся моим радостям»; любящая женщина надеялась, что он «будет опорой моей старости».

15 июля 1786 г. начался роман Екатерины с 28-летним адъютантом всесильного князя Потемкина Александром Матвеевичем Дмитриевым-Мамоновым. Еще 12 февраля 1784 г. отец будущего фаворита Матвей Дмитриев-Мамонов благодарит светлейше-

го за пожалование сына в генерал-адъютанты и «особливую милость» к сыну. 27 февраля 1785 г. он снова пишет к князю: «Все, что имеет сын мой со дня определения ево в службу и до нынешняго настоящего времени, то имеет он от Вас единаго, и Ваша светлость были ему покровителем, что и обязывает не только меня, но и всю мою семью к вечной Вам благодарности». Рекомендованный Потемкиным фаворит пришелся по душе императрице, ей нравится характер Дмитриева-Мамонова, его склонность к занятиям музыкой и гравированию. Он также с неизменным почтением писал к своему светлейшему покровителю: «...беру я смелость повторить Вам прежние мои уверения о том наисмерейшем почтении и совершенной преданности, с коими во всю жизнь мою пребуду вашей светлости милостивого государя всепокорнейшим слугою». В записочках к Екатерине Дмитриев-Мамонов не раз говорил о своей любви и адресовал к ней самые нежные слова. «Скажи мне, — обращался к императрице фаворит, — что меня очень любишь, и верь, что я с моей стороны верно, искренно и нежно люблю тебя».

Но и в этом романе Екатерина не нашла успокоения: фаворит увлекся 15-летней фрейлиной Дашенькой Щербатовой. Верный помощник Потемкина Гарновский, неизменно информировавший князя о придворной жизни в столице, когда тот занимался делами на юге России, в начале 1789 г. настойчиво просит князя приехать в Петербург. Князь выступил миротворцем, и на время отношения Екатерины с фаворитом восстановились, но вскоре выяснилось, что Дмитриев-Мамонов обручился с княжной Щербатовой, и императрица настояла на свадьбе. Сердце ее вновь страдало: сила ли обстоятельств, обманчивость ли мужчин или недостатки характеров, но Екатерина все время оказывалась одна. Только Потемкин по-прежнему оставался верным, преданным другом и помощником, все знающим и все понимающим человеком, на которого она всегда могла положиться. Ему будет поручено решение важнейших стратегических вопросов внутренней политики: освоение бескрайних южных земель, строительство городов и портов, превращение этого района в мощную сельскохозяйственную и промышленную область страны. Его деятельность будет способствовать постепенному расширению территории Российской империи до берегов Черного моря —

естественных границ, а это, в свою очередь, решит и важнейшие внешнеполитические задачи укрепления мощи государства. Теперь Екатерина выпустила своего «выученика» на простор государственной деятельности, и он должен доказывать каждый день, что способен и может успешно управлять огромным краем, быть крупным политическим и государственным деятелем.

Глава 9. ГОСУДАРЕВ НАМЕСТНИК

Разрыв мужчины и женщины, как правило, приводит к расставанию навсегда, люди прекращают видеться, вычеркивают некогда близких из своей жизни. Бывает и иначе, если их связывают еще и дружеские, уважительные отношения. Екатерина постаралась сохранить Потемкина как хорошего советчика и использовать потенциал своего любимца в области государственного управления. Перестав занимать покои фаворита, Григорий Потемкин оставил за собой уголок в сердце императрицы и на долгие годы стал для нее необходимым помощником в делах государственных. Отныне для милого друга приготовлены важнейшие поручения, его совет необходим по самым сложным вопросам жизни страны и ее роли в мировой политике, курьеры с письмами Екатерины II и ответами светлейшего несутся по бескрайним просторам Российской империи, загоняя лошадей. В посланиях императрицы теперь основное место отводится насущным проблемам управления, но сохраняется неизменно ласковое обращение, доверительный тон, ее интересует здоровье часто болеющего на юге Потемкина.

Справедливости ради надо заметить, что письма Екатерины к другим губернаторам и наместникам, конечно же, не сравнимые по тональности с адресованными к князю, также носили в некотором роде характер личных посланий. Она писала о своем здоровье, о событиях при дворе, обсуждала вопросы, не относящиеся напрямую к роду их деятельности или территории. Вот прекрасный образец — письмо Екатерины II рижскому генерал-губернатору графу Ю.Ю. Броуну от 10 марта 1785 г. из Москвы, где наряду с рабочими вопросами говорится о здоровье императрицы и ее трудах:

«...Я приказала Сенату потребовать от вас копию с распоряжений шведского правительства в Лифляндии, касающихся надворных и земских судов, дабы по ним, насколько это возможно, устроить внутри империи судебные места, которыя причиняют мне много хлопот и еще далеки от моих предположений, но я все таки духом падать не буду. Здоровье мое меня нисколько не тревожит; я встаю, самое позднее, в 6 часов и сижу до 11 в моем кабинете, куда ко мне приходит не тот, кто у меня в милости, но кому, по его званию, есть до меня дело, и часто приходят лица, которых я еле знаю по имени. Кто у меня в милости, тех я приучила уходить, если дело их не касается. После обеда нет ничего, а вечером я вижусь, кому охота придти, и отправляюсь спать, самое позднее, в половине одиннадцатого...»

В таком положении дел можно увидеть феномен фаворитизма как метода управления. Не будучи связанными с императрицей интимными отношениями, чиновники высшего эшелона власти пользовались ее личной симпатией и доверием, что в большой степени влияло на назначение их на должности. В свою очередь, они чувствовали себя ответственными не только как государственные служащие, но и как доверенные лица Екатерины II, ведь от них требовалось эффективное исполнение должности и верность монархине.

На светлейшего князя Григория Александровича Потемкина была возложена важнейшая задача в области внутренней политики государства — обеспечение безопасности южных границ России и освоение приобретенных после первой русско-турецкой войны земель. Заслуги Потемкина в обустройстве России в той или иной степени признавали не только положительно относящиеся к нему историки, но и критики.

В результате заключения Кючук-Кайнарджийского мира в 1774 г. была в основном реализована программа русской внешней политики в отношении Турции и Крыма, разработанная в период 1760—1770 гг. Черное море и проливы стали доступны для русского торгового судоходства. На русское купечество распространялись все права и привилегии, которыми пользовались в Турции представители других держав, и перед русской внешней торговлей открылись новые широкие перспективы. По Кючук-Кайнарджийскому договору в состав России вошла

территория между Бугом и Днепром, а также крепости Керчь, Еникале и Кинбурн. Были подтверждены древние права России на территорию Кабарды, вступившей в русское подданство еще в середине XVI в.; Азов и приазовские земли, завоеванные при Петре I, окончательно закреплялись за Россией. Крымское ханство отделилось от Оттоманской империи и провозглашалось независимым.

Укрепление стратегических позиций России в Северном Причерноморье после подписания Кючук-Кайнарджийского мира сделало излишним существование знаменитой казацкой вольницы — Запорожской Сечи как заслона против внешних врагов; кроме этого, наличие автономных окраин потенциально угрожало целостности и безопасности государства. 4 июня 1775 г. укрепленная Запорожская Сечь была окружена войсками под командованием генерал-поручика П.А. Текели и сдалась без сопротивления. Уничтожение Запорожской Сечи было «вверено в диспозицию» Григорию Потемкину. Уже 18 июня генерал Текели получает от Потемкина ордер с предписанием: собрать церковную утварь и, описав ее, прислать к нему, сделать перепись населения по слободам, назначить места для желающих поселиться в Днепровской провинции, как стали именовать Запорожскую Сечь, а «затверделых в грубости старшин, также и самых распутных пьяниц стараться всеми возможными образами удалить...». И только 3 августа 1775 г. последовал высочайший манифест об уничтожении Запорожской Сечи. Ее земли вошли в состав двух новых губерний — Новороссийской и Азовской, образованных из прежней Новороссийской губернии (существовавшей в 1764—1775 гг.), новых приобретений и земель Войска Донского.

Новороссийская губерния была учреждена в 1764 г. с центром в городе Кременчуге. Ее управление первоначально было поручено генерал-поручику А.П. Мельгунову, а незадолго до заключения Кючук-Кайнарджийского мира, указом 31 марта 1774 г., Г.А. Потемкину. 16 января 1775 г. штат Потемкина по его представлению был уравнен со штатом малороссийского генерал-губернатора, что свидетельствовало о значимости полученной должности и новом высоком статусе фаворита. Вскоре после Кючук-Кайнарджийского мира состоялось но-

вое районирование на юге. По указу 14 февраля 1775 г. была создана Азовская губерния, включившая в свой состав часть Новороссийской губернии (Бахмутский уезд), новые приобретения по Кючук-Кайнарджийскому договору и «все жилища» Войска Донского, сохранявшего фактически свою автономию. Одновременно Герольдмейстерской конторе Сената предписывалось организовать подбор кадров в губернскую и воеводскую канцелярии из находящихся не у дел военных чинов и сочинить гербы для новых городов.

Новороссийская губерния включала в себя бывшую Ново-Сербию с Новослободским полком и 15 сотен Левобережной Украины. В связи с тем, что часть Азовской губернии между Днепром и Бугом, а также Кинбурн не соприкасались с остальными частями губернии, 20 октября 1775 г., после ликвидации Запорожской Сечи, был издан новый указ о границах Азовской и Новороссийской губерний. Кинбурн вместе с «углом земли» между Днепром и Бугом и территорией Запорожья отошел к Новороссийской губернии. Тогда же к ней были присоединены два сотенных местечка Миргородского полка — Потоки и Омельник — и пять сотен Полтавского полка вместе с Полтавой, Будищем и Решетиловкой. К Азовской губернии дополнительно были отнесены местечки Старые и Новые Водолаги и город Тор с его уездом, взятые из Слободской губернии.

Таким образом, в состав Новороссийской и Азовской губерний, существовавших до 1784 г., входили: некоторые старые районы Украины, полоса недавней колонизации к северу от запорожских земель (бывшие Ново-Сербия и Славяносербия), запорожские земли и пустынный край, приобретенный в Русско-турецкую войну 1768—1774 гг. Кроме упомянутых губерний и Днепровской линии (11.01.1776 г.) Потемкину было поручено управление Астраханской и Саратовской губерниями (23.02.1775 г.), Войском Донским (февраль 1775 г.). Одновременно он стал командиром всех войск, поселенных в Астраханской, Новороссийской и Азовской губерниях, наместником которых он был назначен в 1775 г. В Новороссийское наместничество входили Саратовская, Астраханская, Новороссийская и Азовская губернии.

Должность генерал-губернатора или государева наместника определялась «Учреждением о губерниях» (1775 г.), хотя оно

еще не распространялось на эти пограничные районы. Статья 81 знаменитого екатерининского «Учреждения» (в его подготовке участвовал и Потемкин) гласила, что «должность генерал-губернатора есть строгое и точное взыскание чинить со всех ему подчиненных мест и людей, о исполнении законов и определенного их звания и должностей». Однако в круг обязанностей наместника входило и пресечение всяких злоупотреблений, и принятие мер в случае голода или недостатка припасов, и сохранение государственной безопасности в пограничных местах, а в случае возмущения — принятие мер к его усмирению и т.п. Все это указывает на двоякий характер должности. Исторические обстоятельства того времени придали ей такой оттенок, вследствие которого она не могла оставаться обыкновенным губернским установлением. Наместники, пользующиеся личной дружбой и полной доверенностью императрицы, действовали совершенно самостоятельно, сосредотачивая в своих руках не только главный местный, но и общий административно-политический надзор. Они сделались представителями не только местной администрации, но и политическими деятелями, проводниками государственных соображений. При этом высшая власть издавала общие распоряжения, а наместник с учетом «исторических условий», удобства и необходимости реализовывал их, привнося свое субъективное мнение. Личный состав наместников был действительно замечателен. Г.А. Потемкин, П.А. Румянцев, А.П. Мельгунов, Я.Е. Сиверс — таковы доверенные лица Екатерины II. Чрезвычайная власть, вверенная им, принесла значительную пользу для проведения государственных указов, совершенствования управления, развития регионов и прекращения социальных выступлений.

До присоединения Крыма в новых областях на юге России существовало отличное от общероссийского, установленного «Учреждением», управление военно-гражданского образца: губерниями руководили военные губернаторы, территория делилась на полки, действовали одновременно военная и гражданская власти.

Ни о чьей государственной деятельности не высказывалось столько критических мнений и едких замечаний, как о работе Потемкина на посту наместника южных губерний. Говорили о

том, что он ничего не делал, занимался только развлечениями и мечтал превратить степные просторы в собственное княжество. При организации руководства вверенных ему губерний Потемкин мог использовать три возможных модели управления, с разной степенью своего личного вклада.

Первая предполагала непосредственное участие в создании нормативных актов, на основе которых строилась система местного аппарата, а Потемкин через личную канцелярию мог руководить губерниями, составляя доклады Екатерине на основе получаемых рапортов.

Вторая модель управления подразумевает, что формированием основных нормативных актов, органов местного управления и проведением всей работы занимается канцелярия Потемкина, а он подключается только на этапе докладов императрице.

Третью модель можно определить, как «потемкинские деревни», т.е. личное участие Потемкина носит декоративный характер.

Изучая нормотворческую документацию и другие материалы, связанные с управлением губерниями, можно с полной уверенностью сказать, что Потемкин использовал первую модель, замкнув на себе решение всех вопросов жизнедеятельности губерний. Подтверждением высказанного нами суждения могут служить многочисленные доношения губернаторов, сопровождавшиеся экстрактами из судебных дел, различными ведомостями о доходах и расходах по губерниям, ценах на основные продукты (хлеб и т.п.), штатах, содержавшихся колодников (арестантов), родившихся и умерших и т.д. Иногда в день Григорий Александрович Потемкин успевал просматривать до 80—100 документов, вникнуть в суть рассматриваемых вопросов, подготовить черновые наброски посланий императрице, продиктовать распоряжения-ордера чиновникам в столицу и подчиненным в губернии. Как бы удивились злословы, увидев кипу бумаг на столе князя, датированную одним днем.

Вот любопытный образчик легендарной истории, повествующей об анекдотической бездеятельности Потемкина, рожденной в среде людей, видевших и оценивавших только внешнюю сторону событий, не зная о трудных часах в работе князя. Как вспоминали, на Потемкина часто находила хандра. Он по це-

лым суткам сидел один, никого к себе не пуская, в совершенном бездействии. Однажды, когда князь был в таком состоянии, накопилось множество бумаг, требовавших немедленного его разрешения, но никто не смел войти к нему с докладом. Молодой чиновник по имени Петушков, подслушав толки, вызвался представить нужные бумаги князю для подписи. Служащие канцелярии поручили ему это сложное задание с охотою и с нетерпением ожидали, что из этого будет. Петушков с бумагами вошел прямо в кабинет. Потемкин сидел в халате, босой, нечесаный, грызя ногти в задумчивости. Петушков смело объяснил ему, в чем дело, и положил перед ним бумаги. Потемкин молча взял перо и подписал их одну за другою. Петушков поклонился и вышел в переднюю с торжествующим лицом: «Подписал!..» Сослуживцы к нему кинулись, глядят: все бумаги в самом деле подписаны. Петушкова поздравляют: «Молодец! Нечего сказать». Но кто-то всматривается в подпись — и что же? На всех бумагах вместо князь Потемкин — подписано: Петушков, Петушков, Петушков... Вот из таких исторических рассказов-легенд складывался образ Потемкина-фаворита, занимавшего должности без способностей и талантов, человека бездеятельного и ленивого.

Читать и анализировать скучные делопроизводственные бумаги, рисующие каждодневные заботы чиновников разного уровня по управлению и развитию государства, конечно же, менее интересно, чем собирать исторические анекдоты и легенды. Но приходит время, когда интерес к подлинной истории побеждает стереотипы и ставит все на свои места. Необычайно интересно наблюдать живой процесс деятельности Потемкина на посту наместника, его методы и приемы управления новыми, только вошедшими в состав Российской империи землями, где он мог в полной мере проявить свои таланты и реализовать самые фантастические идеи.

Необходимо отметить, что Астраханская и Саратовская губернии, не являясь непосредственно пограничными, не претерпели значительных изменений в своем управлении. Вступив в звание генерал-губернатора Астраханской губернией, Потемкин в первую очередь поставил себе задачу «разсмотреть положение границ ея, и защиту оных от обыкновенных соседственных набегов» и представил 11 апреля 1776 г. свой доклад Екатерине II. Говоря

о расположении иррегулярных войск, Потемкин высказывает три серьезных замечания к существующей системе прикрытия границы: «1) что дистанция, занимаемая Моздокским казатским полком, поселенным по самому Тереку в пяти станицах весьма слаба; 2) что от Моздока до Азова, простирающаяся на 500 верст граница, против черкес и кубанцев, совсем не прикрыта; 3) что, напротив того, внутренняя ея с другими губерниями граница по Волге безплодным образом Волгским войском заселена так, что оное, пользуясь исключительными привилегиями, по положению места своего, никакой военной службы не отправляет, а угнетается единственно мелкими и до прямой службы совсем не принадлежащими». Как действенную меру, Потемкин предлагает заселить указанные им опасные места в обороне границы «Волгским войском» и поселить несколько слобод из военных отставников, объединив все эти войска в один корпус и наименовать его Астраханским казачьим войском.

Получив одобрение императрицы, Потемкин отправил Астраханскому губернатору И.В. Якоби ордер с планом переселения людей и создания Астраханского казачьего войска, которое надо привести в такое положение, чтобы оно могло «заграждать» границу от «хищных соседей». Астраханская губерния в это время являлась форпостом российского государственного управления на Кавказе, что придавало ей особую значимость. Процесс вхождения народов Северного Кавказа в состав Российской империи был сложным и многотрудным.

Нередко силой правительственных войск государство подавляло сопротивление некоторых горских «князцов и узденей», после чего они приносили присягу на верность и «кабардинские владелцы и уздени и весь черный народ» подписывали «Обязательства», в которых говорилось: «...всех пленных, которыя в прошедшее замешательство захвачены под крепостми и по лини/и/ на дорогах, забранных под Калинивской станицей чеченцами, как они злодейство сие учинили по поводу вашему и вместе с вашими владелцами и узденями... равно и пограбленные до сего у кизлярских и моздокских обывателей у грузин и армян вещи и товары отыскать и возвратить вам, при нынешней же претензии безоговорочно, а сверх того и всех пленников российских, какие прежде сего захватены и какие толко в Кабарде есть без

изъятия до одного представить подполковнику Таганову вашему приставу, а с ними доставить и дезертиров, которые из войск российских бежали к вам в прошлое лето».

Здесь же кавказским народам предписывалось «все, что угодно будет Ея императорскому величеству приказать, должны вы так, как и в присяге вашей сказано, исполнять повелении Ея и отнюдь не имеете противу речить, а принимать всякое премудрое Ея величества установление за святое правило, разумея, что вы вечно подданныя Ея величества... Все, что усмотрено будет к лутчему поправлению благосостояние вашего и что, ежели впредь придложено будет от главнаго вашего началника принимать всякое к тому учреждение з благодарным духом и не препятствовать...». У подлинного татарского обязательства были приложены «старших владелцов и узденей чернилные печати и чернаго народа палцы».

В 1777—1779 гг. по предложению Г.А. Потемкина была создана укрепленная линия от Моздока до земель Войска Донского, состоявшая из крепостей, между которыми располагались редуты, посты и заставы. Именно светлейшему князю предстояло заниматься налаживанием добрососедских отношений между горскими народами и русскими переселенцами, занимавшими земли новой укрепленной линии, организовывать систему управления. В декабре 1779 г. «Малой Кабарды черного народа старшины и все того народа общество» принесли присягу.

В утверждение клятвы кабардинские владельцы «целовали Коран» и прикладывали вместо печатей и подписей «пальцы» за себя и за весь свой народ. Сначала кавказская знать сама занималась решением вопросов управления на своих землях, а русские военные чиновники под управлением Потемкина обеспечивали жизнедеятельность крепостей Моздокской линии, безопасность жителей, улаживали взаимоотношения горских народов с поселенцами и вмешивались в юрисдикцию «владельцев» в случае, когда они не справлялись со спорными вопросами. На Северном Кавказе постепенно складывалась система русской администрации, развивались торговые связи между населением Кавказского наместничества и горскими жителями, которые, с определенными трудностями, включались в политическую и экономическую жизнь Российской империи. Заслуга Потемки-

на в том, что организовано это было по возможности мирно и взаимовыгодно.

Потемкин стал инициатором переселения на укрепленную линию между Моздоком и Азовом иностранных колонистов, в основном немцев, поселенных в 1760-е гг. около Саратова. 16 сентября 1778 г. генерал-прокурор Сената князь А.А. Вяземский писал ему, что «согласно словесному моему с Вашею светлостию объяснению» он подал соответствующий доклад императрице, и тот был удостоен «высочайшей конфирмации». Для реализации идеи Потемкина в саратовские колонии будет послан нарочный от Канцелярии опекунства иностранцев, он займется отбором колонистов, одновременно будет составлена смета на организацию переселения и строительство новых домов, обзаведение скотом, семенами и «прочим нужным для хлебопашества»; все материалы в обязательном порядке пройдут «апробацию» государева наместника в новых землях. Князь Вяземский также предлагал Потемкину «для лутче же достоверности в сем предприятии от общества желающих к переселению колонистов человек двух или трех свозить и на те места, куда их переселять назначается, дабы они сами доброту земли и все свои выгодности наперед знать могли». Кроме этого, в Сенате была составлена ведомость о «числе душ, объявивших желание к переселению в Кавказское наместничество» по 22 губерниям Российской империи; всего высказало такое желание 39 698 человек (26 229 мужчин и 13 469 женщин).

Осенью 1776 г. губернатор Астраханской губернии И.В. Якоби, а также губернаторы Новороссийской губернии М.В. Муромцев и Азовской — В.А. Чертков получили секретные ордера Потемкина, предписывающие им всячески помогать графу П.А. Румянцеву-Задунайскому, командовавшему всеми войсками «к стороне Крыма» в его требованиях, «касающихся до земских распорядков», что было связано со сложной политической обстановкой на южных рубежах государства.

В целях поощрения лиц, доставляющих информацию о соседних землях, Потемкин весной 1777 г. представил Екатерине II доклад, основанный на рапорте И.В. Якоби, просившего разрешения награждать недорогими часами и тульской работы вещами людей, употребляемых для разных «разведываний».

Заботясь о «народном удовольствии» жителей Астраханской губернии, Потемкин обратился в Сенат за разрешением сложить таможенную пошлину с вывоза, привозимого из Персии, хлеба и красного дерева, называя основную причину, — удаленность и пограничное состояние города Астрахани. Сенат разрешил беспошлинный привоз не только хлеба и красного дерева, но и любого строевого и дровяного леса, что, несомненно, благоприятно сказалось на развитии края.

Следующим шагом Потемкина по управлению Астраханской губернией стала полная смена состава правления, кроме прокурора, о чем он доложил в июне 1776 г. рапортом Сенату. В нем называется причина столь решительных мер: «...известясь из репорта Астраханской губернской канцелярии, — пишет Потемкин, — о запущенных бывшими в оной присутствующими разных годов не решенных интересных челобитчиковых и апелляционных делах... не оставил предписать той канцеляри[и], чтобы для решения всех запущенных дел присутствующия съезжались каждой день сверх положенного времяни в присутствие после обеда, и о успехах того решения присылали краткие ведомости, сколько когда ими решено будет». Обращаясь в Сенат, Потемкин просит в случае поступления жалоб на замедление в рассмотрении дел «приписать» их предыдущему составу правления, на что Сенат решил считать распоряжения Потемкина основательными. В 1776 г. в Сенате при обсуждении плана города Саратова, составленного предыдущим Астраханским генерал-губернатором П.Н. Кречетниковым после пожара, было определено предоставить осуществление плана на усмотрение Потемкина.

В ходе организации вновь учреждаемого Саратовского наместничества И.В. Якоби по приказу Потемкина подготовил ему 12 ноября 1780 г. для рассмотрения два списка чиновников, желающих вступить в штат (в одном те, которые уже находятся на службе в губернии, в другом — претенденты из отставных или других губерний). Отличительной чертой местного управления Саратовской губернии было введение в штат представителей иностранных колонистов. Кроме того, учитывая, что в это время Саратовская губерния являлась основным источником соли для всего государства, Якоби предлагал учредить особый департамент при казенной палате.

По присланному от Потемкина расписанию наместничество делилось на 10 уездов. Колонисты пока оставались в ведомстве опекунской конторы, а земли распределялись по уездам с тем, чтобы по окончании устройства поселений на «линии» объединить их в одну округу. Торжественное открытие Саратовского наместничества состоялось 3 февраля 1781 г. с принесением присяги дворянством и купечеством, о чем на следующий день И.В. Якоби рапортовал Потемкину, а тот доложил императрице.

При вступлении в дела, относящиеся к организации Новороссийской и Азовской губерний, Потемкин потребовал у подчиненных губернаторов Муромцева и Черткова, находящихся на местах, полные статистические сведения о состоянии губерний и свои предложения по устройству границ, строительству крепостей и созданию должных условий для заселения и экономического развития земель. Уже 29 июля 1775 г. губернатор Азовской губернии Василий Чертков рапортовал, что «повеленное описание, план и прочее до сей губернии относящиеся сведения доставить он неумедлит». Здесь же он сообщал о препятствиях в строительстве «новой линии» (Днепровской) и писал, что «если построение сей линии да и других крепостей в Новороссийской губернии не будет прямо зависеть от распоряжений вашего высокографского сиятельства, как главного повелителя обеих губерний, то время... будет проходить больше в отвращении различных в работах препятствий и во многих, да иногда и излишних, неминуемых переписках с разными местами...».

9 сентября того же года Потемкин доложил Екатерине, что поручил генералу-поручику П.А. Текели и губернаторам В. Черткову и Муромцеву «разсмотреть границы того края и положить число нужное крепостей для обороны пределов и в прегражденне могущих быть от тамошних соседей покушений, соображая укрепления оных с образом войны и вооружения окрестных тех народов». 18 сентября Потемкин писал о поручении, данном своим подчиненным, членам Сената, особо указывая на то, что они должны были, «войдя во все наиподробнейшия тех мест обстоятельства и сообразив чувствуемыя жителями изнеможении, с тою пользою, каковая по пограничности оных ожидаема быть должна» представить «общее свое мнение» о районировании земель и устройстве укрепленных мест. Согласуясь с мнением

своих подчиненных, Потемкин предложил императрице построить одну крепость на стечении рек Буга и Днепра, а вторую — на Никитинском перевозе. Ее резолюция: «наименовать первую Херсон, а другую — Словенск». Посылая рапорт в Сенат, Потемкин приложил описание границ Новороссийской и Азовской губерний.

В развитие указа Екатерины II от 8 марта 1776 г. об укреплении границ губерний от возможных нарушений мира со стороны Турции Потемкин предлагал: во-первых, определить губернское правление в крепости Словенске, положение которой «столь полезно, что служит она не только к отвращению всяких набегов, но и к достаточному сопротивлению, а особливо противу легкако и не имеющаго всех нужных снарядов неприятеля...»; кроме этого, «окруженное ретрашементом предместье может служить к довольному помещению не только мещан, но и к безопасному убежищу в случае нужды сельских жителей... Сия крепость прикрывать будет тамошней перевоз чрез Днепр и впадающую в оной речку Подпольную».

Во-вторых, по мнению Потемкина, основанному на донесениях губернаторов, выбранное место для постройки Херсона с гаванью «за мелкостию там воды» не подходит. Он задумывает устроить крепость при Глубокой пристани, «где в разных кварталах как морские, так и сухопутные силы со всеми их принадлежностями, в разных отделениях расположась, удобно защищены будут, где и главной для оных крепостей арсенал полагается».

В-третьих, Потемкин полагает необходимым «для занятия пространства между Словенским и Херсоном и ради прикрытия нужнаго там чрез Днепр перевоза» устроить крепость под названием Новогригорьевская.

В-четвертых и в-пятых, для удобной связи между крепостями Херсон и Екатеринск и «ради распространяющихся по реке Бугу с довольным успехом ретранширования селений вербованных казак арнаут» необходимо устроить две крепости — Новоалександровскую и Новопавловскую, названные, по всей вероятности, в честь сына и внука императрицы.

Последним пунктом Потемкин представляет постройку крепости Екатерининской, «под которую занимается самое наивыгоднейшее пред протчими в той околичности место, где ныне

состоит Екатерининский шанец с прибавлением к нынешним его линеям некоторых нужных укреплений потому, что в пункте сем смыкаются польския и турецкия границы».

Потемкин планирует построить указанные крепости за пять лет и посылает реестры о необходимых суммах и количестве мастеровых людей для производства работ, расписывая все погодно. Главным инженером при крепостях Новороссийской губернии и Днепровской линии генерал-губернатор считает необходимым назначить находящегося при Днепровской линии в должности инженер-подполковника Шалыгина, показавшего себя опытным специалистом.

Одно из первых предложений по изысканию средств на обустройство губерний было сделано в апреле 1776 г. Потемкин предлагал денежные средства, оставшиеся после уничтожения Запорожской Сечи (120 000 р.), использовать на составление городского капитала, из него жители губерний по установленным правилам могли получать на распространение «домостроительства и торговли в разсуждении заселяемых ими степных почти мест».

Осуществление планов Потемкина продвигалось не без трудностей. Так, например, 27 августа 1776 г. он сделал выговор генералу А.И. Медеру, которому в 1775 г. было поручено строение крепостей. Как пишет в ордере князь, вместо успехов «не могу еще поныне получить от вас и проектов тем крепостям с сметами... Итак, подтверждая в последний раз, ожидаю скорейшаго отправления от вас проектов и смет...».

Вскоре после образования Новороссийской и Азовской губерний было разработано несколько проектов по их устройству. Они были составлены губернатором Азовской губернии В.А. Чертковым (1726—1793) по поручению Г.А. Потемкина и на основании его рекомендаций. Василий Алексеевич Чертков принадлежал к древнему дворянскому роду. В 1748 г. он поступил на государственную службу и в 1764 г. был произведен в бригадиры с назначением обер-комендантом крепости Св. Елизаветы, построенной по ходатайству сербского генерал-майора Хорвата для защиты сербских переселенцев. В 1771 г. он был пожалован в генерал-майоры и с 1776 по 1782 г. исполнял должность Азовского губернатора, был командиром Днепровской

линии, а с 1777 г. — генерал-поручиком поселенных в Азовской губернии регулярных и иррегулярных полков и шефом Пикинерского Луганского полка. Надо заметить, что В.А. Чертков, кроме хорошего знания обстановки в губернии, обладал и литературным талантом. Его перу принадлежит комедия «Кофейный дом» (1770) и «Обряд при Высочайшем шествии Екатерины II через Харьковское наместничество» (1787).

Проекты, составленные Чертковым, оказали большую помощь Потемкину, показав мнение человека, хорошо знакомого с местными проблемами. Начиная государственную деятельность, Потемкин еще не имел сформировавшейся собственной канцелярии, и Чертков стал одним из первых его сподвижников, творчески воплощая распоряжения и предлагая нововведения. Дальнейшая карьера губернатора Азовской губернии сложилась удачно. В 1782 г. Василий Алексеевич был назначен генерал-губернатором Воронежского и Харьковского наместничеств и в 1787 г., в день торжественного посещения Харькова императрицей Екатериной II, пожалован брильянтовым перстнем и 6000 руб. на подъем во вновь вверенную ему Саратовскую губернию.

К сожалению, проекты Чертков не датированы, поэтому нельзя однозначно говорить о том, что первично: его предложения или план Потемкина? Скорее всего, это было творческое развитие идей двух талантливых личностей.

В первой записке Чертков предлагал построить новые города: Екатеринослав, Павлоград и Мариуполь. «Состоящие в оной губернии, — писал Чертков, — обширные пустые земли для заселения раздавать желающим всякого звания и чина людям, пользующимся дворянским правом...» По мнению губернатора, на поселение следует принимать как вышедших из внутренней России, так и из-за границы, и выдавать им на «обзаведение в домоводстве» на каждую семью определенную сумму, провиант, семена и оказывать другую необходимую помощь. Чертков считал необходимым учреждение в губернии училищ, госпиталей и др.

Его второй проект, подготовленный совместно с губернатором Н. Языковым, — «Учреждение оборонительное или военное, относящееся к страже и обороне границ», посвящен обеспече-

нию безопасности границ Азовской губернии. Для «соблюдения внутренняго спокойствия» губернаторы считали первоочередным содержать в оборонительном состоянии границу с крымскими и кубанскими татарами по рекам Конские Воды, Берде и Ее. Для этого необходимо кроме уже строящихся крепостей на Днепровской линии перегородить реки плотинами через пять или семь верст между крепостями, а также и в Таганрогском уезде, поселить слободы из определяемых к переходу из России однодворцев. «На случай, естли б каким ни есть образом, — говорилось в 5-м пункте плана, — какия-либо хищники сквозь таковую линию прокрались во внутренности, смежно с теми государственными селениями, основать таковые же однадворческих с равным укреплением четырнадцать пятидесятдворовых слобод». Поселенные таким образом однодворцы должны были снабжаться порохом и амуницией, чтобы в случае «нужды» составить пехотную ландмилицию (поселенные войска), «удобную к отражению всяких набегов». Губернаторы подробно перечисляли, какие полки следует расположить в крепостях и селениях по Днепровской линии, «все ети воинския команды не токмо будут содержать пограничную стражу и обуздают неистовыя предприятия хищников, но в случае каких-либо безпокойств составят в обеих частях нарочитыя деташаменты, кои сами собою, особливо безпорядочно толпамы воюющим, не только достаточно сопротивляться, но и сильной отпор зделать», — считали авторы «Учреждения».

На основе собранных данных и проектов Потемкин в 1778 г. представил Екатерине II «Учреждение по Новороссийской и Азовской губерниям». Оно состоит из семнадцати глав с приложением примерных штатов губернских учреждений. «Учреждение» очень подробно определяет границы губерний и состав городов.

В Новороссийской губернии предполагалось вновь построить города Херсон, Ольга, Никополь, Владимир; крепости Новопавловскую, Новогригорьевскую по Бугу. Кроме названных, оставались губернский город Славянск (Кременчуг), Новые Сенжары, Полтава, Днепроград; крепости Св. Елизаветы, Овлиопольская. В Азовской губернии должны были возникнуть города: Екатеринослав, Павлоград и Мариуполь. Среди старых упоминаются

крепости Александровская, Белевская; города Тор, Бахмут и др. Крепости Керчь и Еникале должны были находиться под особым военным управлением в связи с отдаленным положением.

Отдельная глава «Учреждения» посвящена раздаче земель под поселение, так как «польза государственная требует необходимо, чтобы все лежащие в праздне... земли были, конечно, заселены...». Землю следовало отводить в вечное и потомственное владение всем, кроме помещичьих людей и государственных поселян, и освобождать их от налогов на 10 лет. В селениях, городах и крепостях должны были быть построены по одной церкви на казенные деньги, а в предместьях церкви строились по желанию обывателей на их иждивение.

В четвертой главе «О способах к населению земель людьми» определялось, что «на поселение принимать всем губерниям людей, выводимых из-за границы, равным образом и свободных, ни за кем по крепостям и другим правам не состоящих». За переселение крестьян на новые земли дворяне награждались чинами. Предполагалось установить специальные льготы для поощрения к земледелию бывших запорожцев. Кроме них льготы на 5 лет были установлены для однодворцев.

Особое место уделяется в «Учреждении» сохранению и разведению лесов, что связано со степным положением губерний. Специальная глава «О дозволении строить мельницы, о фабриках и заводах и каким образом в каких местах жилые дома строить» разрешала отводить земли под фабрики и заселять их, но только выходцами из-за границы. Для прочности и безопасности от пожаров рекомендовалось в городах и крепостях строить казенные и партикулярные здания из камня или кирпича, для чего поощрялось заведение кирпичных и черепичных заводов.

«Внутреннее земское правление в уездах ведать и управлять исправникам; в казенных местечках и слободах определенным урядником, а под оными в каждом селении особливо быть по выбору обществом, и в званиях тоих обычаем по одному атаману или по выборному войту, да по одному десятскому» — так определялась система управления в государственных селениях.

Одновременно «Учреждение» затрагивало вопросы записи в купеческие и мещанские цеха, проведения ревизий, создания сельских и казенных магазинов для продовольствия на случай

неурожая, содержания дорог, мостов и перевозов, организацию почт, школ, госпиталей, типографии и аптек. Определялись источники доходов с губерний и состав городового капитала.

Кроме «Учреждения» сохранились несколько черновых записок подобного содержания. Можно предположить, что они являлись основой для его разработки или сопровождающими его документами.

Необходимо рассмотреть еще один очень любопытный проект, относящийся к разработке планов по устройству земель, присоединенных к Российской империи в 1774 г. Это «Мнение о Новой России», которое структурно имеет много общего с «Учреждением». Однако существуют и определенные различия. «Мнение» предполагает разделить Новую Россию на две губернии: Азовскую (Екатеринославскую) и Кременчугскую (Елизаветградскую). Особое внимание уделялось укреплению границ губерний, для чего предполагалось построить укрепленную линию с крепостями и определялось количество гарнизонов в них. Всего должно было быть 479 воинских и государственных селений. Более подробно во «Мнении» разбирается система управления губерниями и преимущества, предоставлявшиеся определенным чинам.

Рассмотрев содержание нескольких проектов по устройству Новороссийской и Азовской губерний, можно говорить о глубокой разработке проблем административного, экономического и культурного освоения края его наместником — Григорием Александровичем Потемкиным — и подчиненными ему чиновниками.

Своеобразие государственного устройства Новороссийской и Азовской губерний как пограничных земель хорошо видно и из мнения, возможно, принадлежащего перу генерал-прокурора Сената А.А. Вяземского. Ему, например, Потемкин 23 марта 1776 г. посылал для рассмотрения и сведения реестр провинций в Новороссийской и Азовской губерниях, а может быть, и свои планы об устройстве губерний. Автор мнения считает необходимым разделить штаты на две части, «составя из оных: 1-е Земское или внутреннее учреждение, со внесением всего до земского устройства принадлежащаго; 2-е Оборонительное или воинское учреждение, в котором должно содержаться все относящее-

ся к обороне и военным распоряжениям». Часть провинций, в основном уже довольно заселенных, автор считает возможным разделить по Уложению о губерниях 1775 г., а малозаселенные земли, такие как, например, Кинбурн, должны состоять «под особым правлением».

9 декабря 1781 г. Екатериной II был подписан указ Потемкину о распоряжениях по случаю предстоящего открытия Новороссийской и Азовской губерний, в нем говорилось о необходимости составить план по предполагаемым губернским и уездным городам и определить сроки их открытия.

В развитие этого указа и как ориентир для формирования Управы Благочиния в мае этого же года Екатерина подписала указ о «сочинении таковых штатов каждому городу вверенных им (генерал-губернаторам. — *Н.Б.*) губерний... на основании полицейского устава...». К рескрипту был приложен примерный штат полиции Санкт-Петербурга, Москвы и прочих городов. Штаты губерний ежегодно печатались в адрес-календарях по сведениям, поступавшим из губернских канцелярий в Петербург. Посмотрим на примере Новороссийской губернии за 1781 г., какая же структура местного управления была создана Потемкиным. Губернская канцелярия помещалась в Кременчуге, во главе ее стоял генерал-майор, Днепровского пикинетного полку шеф, губернатор Н.Д. Языков. При нем: секретарь провинциальный Иван Белоусович; губернские товарищи: коллежские советники В.Ф. Нелюбов, Е.И. Седнев; прокурор подполковник В.Т. Золотницкий. Кроме этого, в губернской канцелярии служили секретари, казначей, землемер, пограничные комиссары, обер-провиантмейстер, доктор, штаб-лекарь, аптекарь, лекарь, архитектор, земский комиссар, почтмейстер и валтмейстер. В каждой провинции были должности воеводы, прокурора, казначея, секретаря, землемера. В полках действовала полковая канцелярия и суд.

Губернская канцелярия Азовской губернии помещалась в Екатеринославе (ранее в Азове), возглавлял ее губернатор В.А. Чертков. При ней были заведены специальные должности для управления переселенцами, так, например, «при албанских делах: писменных дел правитель, для переводу греческого языка по албанским делам, для переводу турецкого, татарского и дру-

гих азиатских языков, для словесных переводов». Была создана специальная межевая экспедиция (для отвода новых земель), в которую входили: землемер, межевщики, пограничные комиссары. Существовали также Комиссии о поселении выведенных из Крыма христиан, должности «присутствующих в Армянском магистрате, греческом суде, в католическом суде». В Таганрогском порту находился портовый директор и цолнер (таможенный надзиратель). Делопроизводство велось на русском и частично на языках народов, населявших данную территорию.

Особое внимание в 1779 г. было уделено Потемкиным организации границ Войска Донского. Еще 18 февраля 1775 г. Потемкин отправил свое «предложение» на Дон в верхние и нижние юрты всем атаманам и казакам, наказному атаману Алексею Иловайскому и всему Войску Донскому, где сообщил о полученной конфирмации на его доклад о преимуществах Войска Донского. Для правления всех земских дел, по предложению Потемкина, учреждалось войсковое гражданское правительство, ему вверялось все хозяйственное внутреннее распоряжение, сбор доходов и расходов и все относящееся к промыслам, торговле и прочее, подлежащее гражданскому суду, на основе «генерального во всем государстве установления, с соблюдением данных оному войску привилегий». Учреждаемое правительство должно было находиться под управлением самого Потемкина. Военные дела поручались войсковому атаману, он также подчинялся князю. Всем старшинам и полковникам Войска Донского объявлялись штаб-офицерские чины.

12 августа 1776 г. Потемкин подал в Сенат рапорт, уведомлявший о полученном представлении канцелярии Войска Донского. В нем говорилось о той «великой нужде» в работах, которую терпят старшины и иные чины, будучи часто в походах; в связи с чем они просят разрешить покупать в «великороссийских местах крепостных людей». Потемкин, обращаясь в Сенат, поддерживал их просьбу (ее рассмотрели в марте 1777 г.). Защищая интересы казаков, он просил Сенат о сборе подушного оклада только с состоящих в войске «налицо».

Неудивительно, что, входя во все проблемы функционирования Войска Донского, Потемкин лично занимался проектом устройства его границ с губерниями. В ноябре 1779 г. он подал

доклад Екатерине II, в котором говорилось: «Всемилостивейшая государыня! Для прекращения безпрестанных споров, бывших у Войска Донскаго с разными владельцами в разсуждении смежности владеемой Войском Донским земли с разными губерниями, в прошлом, в 1766, году отправлен был для обмежевания оных и для утверждения границы генерал-майор Медер, которой по причине бывшей войны не мог оное окончить, а потому и отправлен был туда по прозьбе онаго Войска для размежевания земель подполковник Герман с командою, которой с желаемым успехом окончав порученное ему дело и добровольным обоих сторон согласием, уничтожа все бывшия до сего споры и доставя обоюдное спокойствие, представил сочиненную им генеральную о всей Войска Донскаго земле карту с показанием, какия земли и рыболовныя косы уступает Войско по разным весьма нужным местам в Азовскую губернию и какия именно места в замене первых получает. Я, поднося как оную карту, так и описание границ и уважая подвиг Войска Донскаго уступкою весьма нужных мест в пользу как греческих колоний, так и для поселенных полков, а особливо стремительность онаго к успокоению всех бывших до сего споров, с большею с своей стороны уступкою.

Не могу оставить без уважения того артикула, в котором оное согласится не могло, в разсуждении устья реки Дона, где, так называемая, государева тоня[1], от самаго ими покорения Азова одному оному Войску принадлежала, а потому, находя средство сие, доставляющее Войску Донскому прямое благоденствие, достойным правосуднаго Вашего императорскаго величества воззрения, приемлю смелость всеподданнейше просить об утверждении сего добровольнаго с обеих сторон размежевания ко всегдашнему оных спокойствию оставлением помянутой государевой тони Войску Донскому и о высочайшей конфирмации как оной карты, так и подносимого при сем описания».

Войско Донское имело общую границу с Азовской губернией от устья реки Миуса по берегу Азовского моря до устья реки Кальмиуса, далее по левому берегу до вершины, затем по хребту между Кальмиусскими и Торскими вершинами на устье Корсунского колодезя по левому берегу речки Булавина и до вершины реки Каменки и далее до реки Донец. Определены были

[1] Тоня — места скопления рыбы в водоеме.

границы уездов для крепостей Таганрога, Святого Дмитрия, Азова и задонской стороны. Без замечаний Потемкина остались границы Войска Донского со Слободской и Белгородской губерниями. Внимание его привлекло описание границы с вверенной ему Астраханской губернией, в части от Грачевской крепости с калмыцким кочевьем. Здесь Потемкин добавляет на полях, что «...как порядочной границы не было, а только именным указом 1756 года запрещено было калмыкам приближаться к Дону; то на основании помянутаго указа полагается ныне для обоюднаго спокойствия граница вновь, отделяющая калмык от Дона на тридцать верст в гору...». Это должно было способствовать обеспечению безопасности жителей и служить к сокращению столкновений между казаками и калмыками. Последним было разрешено иметь «прибежище» около Дона в глубокую осень и в жестокую зиму только с тем, чтобы они «никаких обид казакам не делали, а напротив того, к Войску Донскому за назначенную границу, — как далее приписано рукой Потемкина, — с согласия с калмыцкими владельцами конныя и скотския табуны по случаю нужды для пазбы гонять и для звериной ловли выезжать...».

Во втором варианте описания донской границы также есть замечания и исправления Потемкина. Так, например, в пункте, относящемся к упоминаемой уже в донесении Потемкина «государевой тоне», он добавляет, что она принадлежала Войску с «самого взятья Азова», и отмечает особую значимость в решении этого вопроса для казаков.

Одновременно с созданием целостной системы безопасности границ новых земель и организации действенной системы управления губерниями Потемкин должен был заселить прежде довольно пустынные земли и обеспечить их быстрое хозяйственное развитие.

С 1776 г. начинается новый этап в колонизации Новороссии. Независимость Запорожской Сечи уничтожена. Крымское ханство стало фактически вассалом России. Турция значительно ослаблена и не может претендовать на возврат Новороссийских земель. Все это создало исключительно благоприятные условия для ускоренного заселения плодородных земель Северного Причерноморья. Характерно, что в 70-е годы решающую роль в деле освоения новых земель начинает играть так называемая «по-

мещичья колонизация». Помещики, получая огромные массивы земель, поселяли на них в основном добровольно пришедших сюда украинских крестьян.

В 1776—1778 гг. правительство не издавало никаких специальных законодательных актов, регулирующих переселенческое движение, хотя в августе 1778 г. начался перевод в Азовскую губернию христиан (греков и армян) Крымского ханства.

В 1779 г. были опубликованы три «Жалованные грамоты» христианам греческого, армянского и римско-католического закона, вышедшим из Крыма в Азовскую губернию на поселение. Переселенцы освобождались на 10 лет от всех государственных податей и повинностей; все их имущество перевозилось за счет казны; каждый новосел получал на новом месте 30-десятинный надел земли; государство строило для неимущих «поселян» дома и снабжало их продовольствием, семенами на посев и рабочим скотом; все переселенцы навсегда освобождались «от военных постов» и «дачи в войско рекрут». На перевод из Крыма греков и армян было затрачено 75 092 руб. и, кроме того, 100 тыс. руб. в виде компенсации «за утрату подданных» получили крымский хан, его братья, беи и мурзы. Деньги, как видно из именного указа императрицы Г.А. Потемкину, отпускались из канцелярий опекунства иностранцев Саратова и других городов. По указу 1783 г. в «селениях греческих, армянских и римских законов» позволялось иметь «греческого и римского закона суды, армянский магистрат».

Г.А. Потемкин стремился к заведению школ и гимназий для детей переселенцев, в которых сохранялось бы преподавание на национальных языках. Уже в 1776 г. он приказал В.А. Черткову позаботиться о «школе для малолетних (албанцев. — *Н.Б.*), где бы не токмо первоначальные, но и вышния науки на греческом, российском, татарском и итальянском языках все нужное преподавалось, с таким различием, чтобы сироты и бедных отцов дети обучались на казенном, а достаточные на своем собственном иждивении содержаны были...». Здесь же Потемкин писал о необходимости больницы с аптекой.

Еще в 1775 г. в Россию начинают возвращаться из-за границы «беглые воинской службы». 5 мая 1779 г. был опубликован манифест «О вызове воинских нижних чинов, крестьян и по-

сполитых людей, самовольно отлучившихся за границу». Всем этим лицам объявлялось «прощение» и предлагалось в течение двух лет вернуться на родину; им были обещаны земли, личная свобода и временное освобождение от податей. Помещичьи крестьяне могли не возвращаться к своим помещикам, а переходить на положение государственных крестьян. По всей вероятности, беглые недостаточно активно возвращались на родину, так как 27 апреля 1780 г. был опубликован новый манифест, продлевавший срок их переселения и расширявший предоставляемые привилегии и льготы.

В отношении беглых крепостных правительство проводило противоречивую политику: с одной стороны, оно старалось удовлетворить помещиков, желавших разыскать и вернуть своих беглых крепостных, с другой — исходило из более широких интересов дворянского государства, нуждавшегося в заселении окраин в целях упрочения границ. Это противоречие нашло свое отражение в следующем ордере Г.А. Потемкина новороссийскому губернатору Муромцеву от 31 августа 1775 г.: «...являющимся к вам разного звания помещикам с прошениями о возврате бежавших в бывшую Сечь Запорожскую крестьян объявить, что как живущие в пределах того войска люди неизъемлемо все и вообще под именем того войска вступили... в военное правление и общество, то и не может ни один из оных возвращен быть...». Однако в том же ордере сообщалось о намерении правительства бороться с крестьянскими побегами в будущем.

Указом 25 июня 1781 г. о переселении государственных и помещичьих крестьян из внутренних губерний в Азовскую и Новороссийскую губернии Северного Причерноморья было, наконец, официально дозволено заселение Новороссии переселенцами из внутренних губерний. По этому указу предписывалось перевести до 24 000 экономических крестьян «добровольно и по собственному их желанию», а также до 26 000 помещичьих крестьян «на розданные и впредь раздаваемые помещикам земли».

Таким образом, в 1776—1782 гг. наблюдались исключительно высокие темпы прироста населения Новороссии, главным образом за счет заселения помещичьих земель. За небольшой период (примерно 7 лет) население края (в границах начала XIX в.) почти удвоилось (возросло на 79,82 %). Особые законы,

изданные еще в 1763—1764 гг., регулировали положение иностранных колонистов. Иностранцы могли селиться в городах или сельских местностях, индивидуально или колониями. Им разрешалось заводить мануфактуры, фабрики и заводы, для чего они могли покупать крепостных людей и крестьян. Колонисты могли открывать торги и ярмарки без обложения пошлинами. Ко всему этому добавлялись различные ссуды, льготы и иные поощрения. Была специально учреждена канцелярия опекунства иностранцев.

В период между Кючук-Кайнарджийским миром и присоединением Крыма контингент иностранных колонистов имел свою специфику: среди них было большое количество подданных Оттоманской империи. После Русско-турецкой войны 1768—1774 гг. началось массовое переселение в Россию молдаван, волохов, болгар, албанцев, греков и поляков. Во время пребывания русского флота в Архипелаге многие греки и албанцы поступили на русскую службу, а по окончании войны заявили о своем желании поселиться в России. Они размещались в основном в Таганроге, Керчи и Еникале. Русское правительство предоставило им денежную ссуду для переезда и различные льготы. На строительство для них домов, гостиного двора, магазинов и других зданий в Керчи и Еникале, как видно из ордера Г.А. Потемкина генерал-майору и обер-коменданту Борзову, предназначалась особая сумма.

В 1776 г. началось переселение в южную Россию польских евреев, привлекавшихся сюда правительственными указами в целях оживления ремесла и торговли. Особую группу составили шведские переселенцы из Эстляндии с острова Даго (Хиума). В 1782 г. в Херсоне и Павлоградском уезде поселились 61 корсиканский солдат и несколько греков и итальянцев с захваченного испанцами острова Минорки.

По указу от 16 ноября 1781 г. на территории Новороссии была произведена первая по счету ревизия, учитывающая одновременно и на общих основаниях население этого района. Она показала значительное увеличение общей численности населения. Прирост составил 35,5 тыс. душ м.п. (1781 г. — 157 526 душ м.п., 1783 г. — 193 451 душа м.п.), причем в это число входят и переселенцы, и естественный прирост, и какая-то часть населе-

ния, учтенная благодаря повышению качества произведенной переписи.

Официальное законодательство и непосредственная деятельность Потемкина способствовали переселению в основном зажиточных крестьян из центральных районов и иностранных переселенцев, способных к ремеслу и земледелию. Такая колонизация вновь приобретенного края оказала непосредственное влияние на хозяйственное освоение Новороссии, хотя оно несколько отставало от темпов ее заселения.

Начиная с эпохи Потемкина можно говорить о значительном росте земледелия. После приобретения Россией берегов Азовского, а затем и Черного морей и устройства портов экономическая жизнь Новороссии вошла в новую эпоху оживленной торговли, вовлекшей в свою сферу и земледелие путем организации экспорта русской пшеницы в Западную Европу.

Необходимость скорейшего освоения Новороссии, в особенности стратегически важных пограничных районов, побудила правительство оставить в силе изданный 22 марта 1764 г. «План о раздаче в Новороссийской губернии казенных земель к их заселению». Этим планом, подготовленным Новороссийским губернатором А.М. Мельгуновым и братьями Н.И. и П.И. Паниными, определялась вся земельная политика на юге России в течение последней трети XVIII в. Согласно «Плану» вся земля разбивалась на участки из 26 десятин (на земле с лесом) и 30 десятин (на безлесой земле). Получить землю («участок») в наследственное владение могли «всякого звания люди» при условии поступления их на военную службу или записи в крестьянское сословие. В разделе «О преимуществах» торжественно объявлялось, что поселенцы, независимо от того, откуда они пришли, будут пользоваться всеми правами «старинных российских подданных».

План 1764 г. привел к созданию в Северном Причерноморье помещичьего землевладения. «Всякого звания людям» было дано право получить в собственность крупные земельные имения (не более 1440 десятин) при условии заселения их за свой счет вольными людьми из-за границы в течение трех лет. Незаселенные участки возвращались в казну. По истечении льготных лет (от 6 до 16) владелец имения должен был платить в казну поземельный сбор с каждого участка (30 десятин), однако, «впо-

лы» государственного поселения (т.е. по 2,5 коп. за десятину). Это уменьшение объяснялось тем, что «помещики своим коштом должны заселять» выделенные им земли.

В целях развития промышленности и торговли земля давалась всем желающим также для заведения мануфактур: «Всякому дозволяется заводы и фабрики заводить, и к тому удобные места давать; а особливо такие фабрики и заводы, с которых вещи на сооружение полков потребны; т.е. суконные, полотняные, конские, овчарные и другие полезные; на все оные на вспоможение заимообразно из казны давать деньги, взимая по шести процентов в год» (гл. VI, п. 4).

После Кючук-Кайнарджийского мира в развитие «Плана» 1764 г. были изданы новые постановления, вызванные расширением колонизируемой территории. 28 апреля 1781 г. азовский губернатор В.А. Чертков довел до сведения Азовской губернской канцелярии о следующем распоряжении Г.А. Потемкина: земля по-прежнему предоставляется «всякого звания и чина людям», однако «пользующимся дворянским правом»; она дается им при условии, что в течение 10-летнего льготного срока они должны поселить на каждые 1500 дес. не менее 15 дворов. Исходя из распоряжений Потемкина, местные администраторы издавали собственные инструкции, разъясняющие отдельные пункты «Плана» и дополнявшие его постановления.

По мере заселения края в нем все шире распространялось земледелие. В обзоре состояния Азовской губернии в 1782 г. отмечалось начало земледельческих работ на «обширном пространстве плодовитых и тучных земель, которые прежде бывшими запорожцами оставлены были в небрежении».

В процессе хозяйственного освоения Северного Причерноморья возникали новые населенные пункты, в том числе и города. Для массовой застройки новых городов и ремонта старых крепостей необходимо было развитие добычи строительных материалов: камня, извести, глины и строительство кирпичных и черепичных заводов. Многочисленные переселенцы, притекавшие в южную Россию, несли туда свои знания и технические навыки. Это способствовало развитию ремесла и мануфактурной промышленности, что, в свою очередь, стимулировало рост городов.

В основании и развитии южных городов большое значение имели административные соображения. В соответствии с ними особое внимание уделялось губернским и областным центрам, чем, собственно, и объясняется вложение колоссальных средств в строительство таких городов, как Кременчуг, Екатеринослав I (в дальнейшем Новомосковск), Екатеринослав II, Симферополь, Вознесенск. Именно в них намечалось сконцентрировать наибольшее число общественных зданий различного назначения и превратить их в крупные экономические и политические центры южного края.

В связи с поселением на Азовском побережье греков, выведенных из Крыма в 1779 г., при устье Кальмиуса появился город Мариуполь. Еще в 1776 г. В. Чертков, по поручению Г.А. Потемкина осматривая местность в районе рек Кальчик и Кальмиус, писал ему о выгодах основания города по реке Кальмиус. «Рассмотря препровождаемое... в оригинале поданное от его преосвященства готфийского и каффийского митрополита Игнатия, за подписанием его и депутатов от выехавших из Крыма греков, обязательное свидетельство, что они для заведения города и поселения хлебопашцев признают земли и места достаточными и способными», — писал Г.А. Потемкин в ордере на имя В.А. Черткова 29 сентября 1779 г. Грекам были предоставлены определенные льготы: «кроме греков до минования 10 льготных лет, никому другой нации никаких земель ни под селения, ни под строение домов и прочаго не отводить и рыбными... никому не пользоваться... приказать им отвесть заблаговременно (на осень и зиму. — *Н.Б.*) квартиры в Бахмутском уезде».

Мариуполь был назван в честь императорского высочества благоверной государыни и великой княгини Марии Федоровны, жены наследника престола Павла Петровича. Особенностью формирования города являлось то, что греки, несмотря на этническую общность, были выходцами из различных частей Крыма и отличались друг от друга некоторыми обычаями, особенностями быта и даже языком. В связи с этим они селились компактными группами, что стало причиной возникновения различных районов города.

Губернатор Азовской губернии В.А. Чертков докладывал Г.А. Потемкину о необходимости построить в Мариуполе ка-

менную церковь во имя святой Марии Магдалины и четыре каменные дома из специальной таможенной суммы, определенной на строение городов всей губернии. Впоследствии эта церковь стала соборной. В конце XVIII в. жители города, помимо церкви Марии Магдалины, соорудили Харлампиевский, Рождественско-Богородицкий и Успенский храмы. При основании города в Успенскую церковь греками была перенесена чудотворная икона Божьей Матери; в 1786 г. в каменной церкви святых мучеников Федора Стратилата и Федора Тирона, построенной греками, как докладывал Г.А. Потемкин Екатерине II, «сделался пожар, от которого вся внутренность церковная с сосудами и утварью сгорела».

В Мариуполе находился греческий суд, учрежденный в 1780 г., в котором по штату был один председатель, четыре заседателя, «городничий из них же грек» и т.д. В 1781 г. В.А. Чертков докладывал Г.А. Потемкину, что часть домов в Мариуполе уже построена, другие же или только начаты, или еще не достроены. Из ведомости, приложенной к рапорту, видно, что в городе и предместье была уже выстроена одна церковь, 54 казенных и столько же частных домов, шесть казенных и 60 частных лавок; для людей, еще не отстроившихся, были сооружены 473 казенные землянки.

В конце столетия Мариуполь значительно окреп экономически. В 1795 г. в нем имелись: 21 табачная, одна кожевенная, три войлочные фабрики, один кирпичный завод, четыре кузнецы, десять мельниц, а также 163 торговых заведения, три кофейни и постоялых двора, четыре харчевни, несколько складов. Здания в городе были одноэтажные и имели скромный облик. В Мариуполе проживало 2623 человека (кроме дворян, чиновников и священников). Заметно увеличилось число жилых строений. Из камня было выстроено 118, из земляного кирпича — 121, из дерева — 213, а из плетня — 17 домов.

Для вновь устраиваемых городов были разработаны общие правила застройки, впрочем, не всегда соблюдавшиеся из-за нехватки материалов и времени. В указанном проекте «Мнения о Новой России» имеется специальная глава «О строениях», в которой говорится, что «в губернских и провинциальных городах и крепостях для казенных потребностей, как то: по одной

церкви, цейхгаузы, пороховые погреба, караульни, губернские и провинциальные канцелярии, казенные школы, сиротские дома и госпитали, губернские, обер-комендантские, офицеров дворы, а для нижних чинов казармы строить каменные, а по крайней мере мазанки из кирпича и покрыть железом или черепицей, а по нужде гонтом или дранью; заборы же в каменных столбах решеткою; в предместье делать строение деревянное или плетеное, набивая глиною и покрывая крыши гонтом или дранью».

Яркой страницей в истории Новороссии стало строительство Херсона, начатое в 1778 г. по указанию Г.А. Потемкина. Здесь решено было устроить верфь для сооружения судов для будущего Черноморского флота, кроме того, Херсону отводилась роль главного торгового города Южной России, складочного пункта для товаров Украины. Близостью турецкой крепости Очаков и владений крымского хана объясняется выбор для Херсона места в значительном отдалении (70 верст) от открытого моря, где Днепр недостаточно глубок. Об этом еще 17 сентября 1778 г. предупреждал П.А. Румянцев князя Г.А. Потемкина: «Место тамошнее может быть удобным для назначенных строений, но неудобным к выводу судов...» Решено было спускать порожние суда на камелях в Глубокую пристань (50 верст от моря) и там нагружать товары. Г.А. Потемкин, докладывая об этом решении, предлагал проект канала и гавани Днепровской, предусматривающий переводить корабли без камелей. Проект этот так и не осуществился. Руководство строительством Херсона было возложено на генерал-цейхмейстера и генерал-капитана флота Ивана Абрамовича Ганнибала (дядя матери А.С. Пушкина); однако Екатерина II писала Г.А. Потемкину: «Ты прав: без тебя Херсон не будет построен...» 11 сентября 1779 г. И. Ганнибал докладывал Г.А. Потемкину, что уже начали производиться земляные работы в цитадели и «...цивильное в крепости строение равно успевает...». По указу императрицы мастеровых и работных людей для сооружения Херсона «надобно было брать из полков». Она же приказывала Г.А. Потемкину, что «Адмиралтейство должно находиться под защитой укреплений», должны были быть построены специально и дома для команд и мастеровых.

Долгое время в петербургском высшем свете ходили слухи о ссоре Ганнибала с могущественным вельможей. Прибыв весной

1783 г. в Херсон, Потемкин обнаружил, что дела в адмиралтействе обстоят из рук вон плохо, и о своем недовольстве деятельностью начальника крепости Ганнибала доложил императрице 16 мая: «Ох, матушка, как Адмиралтейство здесь запутано и растащено... Поверьте, что работать начали с того только дня, как я приехал. Я все неустройства приписываю к одной лености, но леность и беспечность непростительные, превосходящие всякую меру». Иван Абрамович в это время уже приехал в Петербург и, как пишет Екатерина II, «уверил меня, что крепость совершенно в безопасном положении противу нечаянного нападения, и что корабли отстраиваются...»; за сообщение об исправной службе он получил орден Св. Владимира 1-й степени. В результате И.А. Ганнибал был вынужден уйти в отставку.

Замыслы и планы Г.А. Потемкина не всегда совпадали с реальными возможностями государства. Не хватало материалов, рабочих и финансов. В письме Потемкину, написанном в 1783 г., Екатерина II сожалела, что «в Херсоне строения военные и сивильная не таковы, как желалось; надеюсь, что усердием все исправлено будет». Примерно в это же время стало известно о желании императрицы посетить вновь приобретенные земли, в том числе и Херсон. Потемкин энергично начал предпринимать меры к благоустройству города. Осенью 1783 г. он вел активную переписку с полковником К. Гаксом о ходе строительства в городе. В письмах к нему от 3 августа и 14 октября Г.А. Потемкин особо указывал на необходимость «к совершенному окончанию гошпиталя и чтоб прочность оного ответствовала назначенной к употреблению на то немалой суммы...». 7 октября К. Гакс докладывал князю, что за 1783 г. были сделаны фундаменты для гауптвахты, архиерейского дома, домов священников, городовой школы и другим строениям. Планы фасадов должен был рассмотреть и утвердить сам Потемкин. Он уделял внимание даже мелочам, рекомендуя построить две бани — для больных и здоровых, настаивая на скорейшей постройке пивоварен и т.д.

В связи с возведением крепости, города и адмиралтейства в Херсоне появились кирпичные заводы, предприятия по обжигу извести, добыче камня и глины. Росту города активно содействовала торговля. В 1782 г. был издан указ о свободной торговле хлебом и мясом, с 1785 г. действовала коммерческая верфь. Хер-

сон являлся также крупным административным и культурным центром. Кроме уездных учреждений здесь размещались управления морского и военного ведомств.

В 1784 г. Г.А. Потемкин был вынужден сменить инженера К. Гакса, как не справившегося с требуемым объемом работ. С 1 февраля 1784 г. руководство застройкой города возглавил инженер Н.И. Корсаков, он привез с собой архитектора Буржуа. Однако строительство продвигалось с трудом; Г.А. Потемкин докладывал Екатерине II в конце 1784 г. о недостатках в крепостном строении, отсутствии магазинов и госпиталей. «Я, — писал он, — употребил все способы к умножению зданий...»

Старания Потемкина были оценены императрицей. Во время путешествия по Новороссии и Крыму в 1787 г. она писала своему внуку Константину: «...здешний город очень выстроился; из моих окошек вижу направо крепость, противу окошек адмиралтейские магазины, а налево — три военных корабля...» Графу Я.А. Брюсу она сообщала, что «не токмо военные, но и гражданские строения все в лучшем виде, одним словом, Херсон почитать можно между самыми лучшими городами нашими».

Дали свою оценку и иностранцы, сопровождавшие Екатерину II. В письме к Г.А. Потемкину граф Л.Ф. Сегюр, посол Франции в России, восторгался Херсоном, как и другими городами, которые они посетили. Он же говорил в своих записках о почти уже оконченной крепости, казармах на 800 000 человек, адмиралтействе со всеми принадлежностями, арсенале, публичных зданиях, воздвигаемых в разных местах. Особенно Сегюру понравились «несколько церквей прекрасной архитектуры». Строительство города не замедлялось и после посещения его Екатериной II. 26 мая 1790 г. Г.А. Потемкин приказывал архитектору Старову: «В Херсоне купол на соборной церкви переделать наподобие того, что на моей круглой зале в Петербурге, и колокольню назначить. В фасадах колонны, где есть, поправить, чтобы рвы проходили ровно».

Путешествуя в 1799 г. по Крыму и Бессарабии, Павел Сумароков посетил Херсон. Впечатление о городе он оставил в своих записках. Кроме большого количества каменных зданий военного и гражданского назначения имелись и деревянные постройки. Путешественник отмечает планомерность застройки города,

великолепную отделку домов и качество постройки укреплений в адмиралтействе и крепости.

В 1778 г. при устье реки Кильчени (правый приток Самары) был основан город Екатеринослав. Постепенно обнаружилось нездоровое местоположение Екатеринослава, что повлекло перенесение города на Днепр. Однако в районе Екатеринослава I населенный пункт сохранился и получил название г. Новомосковска.

Князь Г.А. Потемкин связывал с Екатеринославом II самые честолюбивые надежды и мечтал о создании не просто города — столицы края, прославляющего Екатерину, но и города, осуществляющего репрезентативную функцию власти, влияющую визуально на восприятие ее мощи и силы. Он писал в своем проекте: «...где же инде, как в стране, посвященной славе Вашей, быть городу из великолепных зданий? А потому я и предпринял проекты составить, достойные высокому сего града названию. Во-первых, представляется тут храм великолепный в подражание Святого Павла в Риме, посвященный Преображению Господню в знак того, что страна сия из степей бесплодных преображена попечениями Вашими в обильный ветроград, и обиталище зверей — в благоприятное пристанище людям, из всех стран текущим.

Судилище, наподобие древних базилик в память полезных ваших узаконений. Лавки полукружием на подобие Пропилей или преддверия Афинского с биржею и театром посредине.

Палаты государския, где жить и генерал-губернатору, во вкусе греческих и римских зданий, имея посередине великолепную и пространную сень. Архиепископия при соборной церкви Преображения с дикастериею и духовной школой.

Как сия губерния есть военная, то призрение заслуженным престарелым воинам — дом инвалидный со всеми возможными выгодами и с должным великолепием... Университет купно с академиею музыкальною или консерваториею...»

Уделяя большое внимание культурному развитию края и распространению просвещения, Потемкин разработал проект «О училище Екатеринославском», в нем говорится: «что как край сей удален от столицы, где знатныя училища находятся, в близости же народов как своих, так и чужестранных, склонных весьма

к учению, то в благодение... народам и в соответствии высокому имени сего города благоволите вс[емилостивейшая] гос[ударыня] основать Екатеринославскую академию...» В дальнейшем Г.А. Потемкин передал в Екатеринославский университет свою личную библиотеку. Он возлагал особые надежды на этот очаг культуры. При университете должны были открыться академии художеств и музыки, хирургическое училище и народная школа.

Для осуществления своих планов Потемкин привлек лучших архитекторов. Еще в 1783 г. на юг прибыл знаменитый зодчий М.Ф. Казаков с архитекторами И. Егоровым и И. Селеховым. В 1786 г. был утвержден новый проект, выполненный К. Геруа. Город занимал высокий холм между Днепром и Долгой балкой и был расчленен прямоугольной сеткой улиц, направление которых соответствовало прямому углу излучины Днепра. Центр планировался в виде большой прямоугольной площади, смещенной к реке. Ее предполагалось застроить по проектам К. Геруа большими общественными зданиями, перечисленными Потемкиным в «Начертании города Екатеринослава».

В указе Екатерины II отмечалось, что «проект всем тамошним публичным зданиям вмещают в себя все надобности и выгоды при наблюдении красоты и прочности тут приличных, а потому и позволяет произвести оные в действие». Однако проект К. Геруа, кроме чрезвычайной грандиозности, имел и ряд других существенных функциональных и композиционных недостатков. Как иностранец, архитектор недостаточно учитывал специфику русского городского быта. Не было предусмотрено устройство отдельных площадей различного назначения, как то: рыночной, сенной, соборной и т.д.

В том же 1786 г. началась заготовка строительных материалов, нашли средства для проведения работ, их должен был возглавить один из ближайших помощников Потемкина на юге М.Л. Фалеев. Тогда же было выделено финансирование на содержание Екатеринославского университета, открытого согласно указу 1784 г., но так и не начавшего свою образовательную деятельность при жизни его устроителя Потемкина. Университет должен был разместиться на Монастырском острове.

9 мая 1787 г. во время путешествия Екатерины II в Крым состоялась торжественная закладка Екатеринослава. На этой

церемонии присутствовал австрийский император Иосиф II и многочисленные иностранные послы. Вот как это торжество описывает граф Л.-Ф. Сегюр: «9 мая — в царском шатре отслужили молебен, и государи, в присутствии архиепископа, совершили закладку собора нового города в чрезвычайно красивой местности». Будущим жителям выдавались строительные материалы и устанавливались льготы, а 5 июля 1787 г. была учреждена «Экспедиция для строения губернского города Екатеринослава».

Во время своего первого визита на юг Украины в 1787 г. архитектор И.Е. Старов составил проект дворца для Г.А. Потемкина. Огромное здание (длиной около 120 м) разместилось на высоком берегу Днепра, главным фасадом обращенное к городу. Особенностями здания являлись отсутствие парадного двора и фронтальность композиции, чем подчеркивалась общественная значимость дворца правителя в структуре губернского центра. Возле дворца английский садовник Уильям Гульд разбил сад, о котором писал князю: «...дом будет иметь отменные выгоды, а сад будет отвечать оному во всем своей полезностью и приятностью». Там же размещались две оранжереи, но к 1794 г. они пришли в ветхость и разрушились.

Великолепный план К. Геруа по застройке Екатеринослава величественными и монументальными зданиями не смог реализоваться по вполне объективным причинам. Невозможно одним росчерком пера, пусть и поддержанного всемогущественным князем Г.А. Потемкиным, создать за короткий срок то, для чего требуются годы даже при благоприятных местных условиях. В 1790 г. к проектированию Екатеринослава был привлечен И.Е. Старов. 15 февраля 1790 г. датирован первый проект зодчего, разработанный в Яссах и через месяц утвержденный Г.А. Потемкиным. Достоинством планировки являлись хорошо продуманные размеры кварталов, их удачное по масштабу соотношение с широкими улицами и просторными площадями. Наряду с планом города Старов спроектировал основные общественные здания. Русско-турецкая война замедлила строительство города. Возводились лишь административные здания. Слева от потемкинского дворца были сооружены деревянные дома для губернатора и канцелярии. Неподалеку от казначейства располагалась группа деревянных зданий, перенесенных из

Екатеринослава I вместо постройки каменных, где разместились присутственные места и палаты.

Уже после смерти Г.А. Потемкина екатеринославский наместник В.В. Каховский докладывал Екатерине II о состоянии города: «По сему разбиты ныне кварталы, означены места, где быть каким строениям, и раздается под строение домов частным людям... Восемь каменных небольших домов строятся по планам, врученным мне от покойного генерал-фельдмаршала (Г.А. Потемкина. — *Н.Б.*). При генерал-губернаторском доме не велел он строить никаких служб, видно, что предполагал обратить оной в публичное здание. Построение моста в сем городе почитал он нужным». В 1792 г. в Екатеринославе было уже 546 казенных строений.

Деятельность Потемкина в области внутренней политики, и конкретно в управлении вверенных ему губерний, в период между заключением Кючук-Кайнарджийского мира и присоединением Крыма — это организация своеобразной базы для дальнейшего расширения территории Российской империи и превращения Северного Причерноморья в цветущий и плодоносный край. Обеспеченная надежными границами, эта территория сделалась объектом интенсивной колонизации в условиях политики льгот и поощрений для переселенцев, а результатом стали известные сдвиги в экономике края, развитии сельского хозяйства и промышленности. Согласно ведомости, составленной 27 марта 1783 г., с момента занятия Потемкиным своей должности по 1783 г. существенно увеличилось количество жителей в Новороссийской и Азовской губерниях.

Значителен личный вклад Потемкина в разработку и осуществление проектов устройства новых губерний. Уже на этом этапе он выработал свой собственный метод руководства, позволявший достаточно быстро и эффективно решать вопросы организации органов власти, хозяйственного обеспечения. Активно участвуя во внутренней политике, Потемкин становится одной из центральных ключевых фигур в государстве, имеющей громадное влияние, основанное уже не только на личной привязанности императрицы, а и на вполне определенных результатах его деятельности, которые считал весомыми и сам князь.

В 1783 г. он писал Екатерине, подводя некоторые итоги своего управления краем: «При определении меня по высочайшей милости генерал-губернатором нашел я в обеих губерниях Новороссийской и Азовской 150 тысяч жителей. Во время моего правления столь много осчастливлен беспрерывными милостями В[ашего] и[мператорского] в[еличества] край Екатеринославский, что, несмотря на все безпокойства войною и пребыванием войск, заразительной бол[езнью] и саранчи, число жителей умножилось по приложенной у сего ведомости знатным числом, посев хлеба и домостроительство год от года приходит в лутчее состояние. Я не оставлю поощерять хлебопашество и принуждаю садить деревья. Он (Екатеринославский край. — *Н.Б.*) приведен уже в единообразное положение установленных В[ашим] имп[ераторским] ве[личеством] наместничеств и все жители с благодарностию чувствуют плоды монарших Ваших попечений».

Глава 10. «ДАР БЕСКРОВНЫЙ...»

Одним из неоспоримых достижений Потемкина, признаваемым как сторонниками, так и критиками князя, в области внешней и внутренней политики является «бескровное» присоединение Крымского полуострова к Российской империи в 1783 г. Его современник С.Н. Глинка поэтически, может быть немного высокопарно, осветил этот исторический факт в своих «Записках»: «...заботы его были о древнем царстве Митридатовом, и он это царство принес России в дар бескровный. Чего не успели сделать века от покорения Казани и Астрахани, чего не успел сделать Петр I, то один совершил этот великан своего времени. Он смирил и усмирил последнее гнездо владычества монгольского».

В результате заключения Кючук-Кайнарджийского мира Крымское ханство отделилось от Оттоманской империи и провозглашалось независимым, о чем говорилось в 3-м пункте мирного договора: «Все татарские народы: крымские, буджатские, кубанские, едисанцы, жамбуйлуки и едичкулы без изъятия от обеих империй имеют быть признаны вольными и совершенно независимыми от всякой посторонней власти, но пребываю-

щими под самодержавной властью собственного их хана чингисского поколения, всем татарским обществом избранного и возведенного, который да управляет ими по древним их законам и обычаям, не отдавая отчета ни в чем никакой посторонней державе, и для того ни российский двор, ни Оттоманская Порта не имеют вступаться как в избрание и в возведение помянутого хана, так и в домашние, политические, гражданские и внутренние их дела ни под каким видом...» Однако ситуация в Крыму была неопределенна и сложна. Турция, хоть и согласилась на признание независимости Крыма, готовилась к новой войне. Турецкий султан, являясь верховным халифом, держал в своих руках религиозную власть и утверждал новых ханов, что оставляло возможность реального влияния на Крымское ханство. В итоге татары в Крыму разделились на две группы — русской и турецкой ориентации, столкновения между ними доходили до настоящих сражений.

Еще в 1771 г. ханом был избран султан Сагиб Гирей из древней алчингизской фамилии, а его младший брат Шагин Гирей — в калги-султаны. После вывода из Крыма российских войск в 1774 г. Оттоманская Порта согласилась почтить независимое ханство публичным посольством. Затем Турция в 1775 г. повлияла на крымцев с целью избрания угодного ей султана Девлет Гирея ханом, на что Россия, хотя и возражала, но смотрела спокойно до 1777 г. По свидетельству очевидца крымских событий И.М. Цебрикова, «всероссийский двор, видя, что турки, весьма хитро свергнув хана Сагибы, по завоевании им восстановленнаго, утвердили Девлета ханом, все устроить в авантаж Порты обещавшего, и которой под предлогом вольности, стал было, России недоброжелательствовать, того ж 1777 г. принужденным нашелся в осень секретно двинуть корпус войск в Крым, и со стороны своей посредством нагайских орд калгу Шагин Гирея чрез остров Тамань в Крым ввел, где силою войск утвержден он над всею областью татар законным ханом...».

Повествование Цебрикова о крымских событиях до сих пор было неизвестно исследователям. Между тем оно дает очень точный анализ противостояния России и Турции в крымском вопросе и действий Потемкина по присоединению Крыма, что позволяет по-новому оценить роль князя.

Личность Шагин Гирея очень своеобразна для Востока. Он учился в Салониках и Венеции, знал несколько языков и был человеком не только с европейским образованием, но и с европейскими взглядами. Став ханом, Шагин Гирей попытался осуществить свою грандиозную мечту: преобразовать ханство в черноморскую империю, европеизировав общество, но делал это он не считаясь с национальными татарскими обычаями. Экономическая слабость Крыма, поспешность в проведении реформ, нежелание считаться с традициями — все это вызвало широкое недовольство, вылившееся в ноябре 1777 г. в бунт.

В декабре 1777 г. после высадки в Крыму назначенного в Стамбуле ханом Селим Гирея III восстание охватило весь Крымский полуостров. Началась гражданская война. Русское правительство пристально следило за событиями. 6 ноября на заседании Государственного совета Потемкин заявил, что нужно сделать все необходимые приготовления для возможной войны и быть в состоянии нанести сильный удар. Совет высказался за всевозможные меры к сохранению мира, но, поддержав князя, рекомендовал быть готовыми к войне с Турцией из-за Крыма. Восставшие против Шагин Гирея татары были разбиты русскими войсками, а хану была оказана денежная помощь для укрепления его власти.

В конце апреля 1778 г. командование Крымским корпусом принял на себя А.В. Суворов. Ему предписывалось препятствовать возможной высадке турецких десантов, не доводя дело до войны. Он должен был поддерживать Шагин Гирея и одновременно, выполняя поручение Потемкина, организовать вывод из Крыма христианского населения на новые земли в Новороссийскую и Азовскую губернии. Шагин Гирей пытался воспрепятствовать этой акции: он даже покинул Бахчисарай и кочевал в окрестностях своей столицы, посылая жалобы Румянцеву на Суворова и резидента А.Д. Константинова, якобы допускавших самоуправство и нарушение обязательств русского правительства. Но Румянцев и Потемкин поддержали Суворова, и к 16 сентября 1778 г. в Россию было выведено более 30 тысяч армян и греков.

Таким образом, в Крыму складывалась следующая ситуация: Россия формально признавала независимость ханства, но

в то же время Потемкин предпринимал шаги по его ослаблению, пользуясь недовольством татарской знати по отношению к нововведениям Шагин Гирея.

10 марта 1779 г. Россия и Турция подписали новую Анайлы-Кавакскую конвенцию, по которой Россия должна была вывести свои войска из полуострова и, подобно Турции, не вмешиваться во внутренние дела ханства.

Осенью 1781 г. ситуация в Крыму опять обострилась и привела к новому восстанию против Шагин Гирея. Его возглавили старшие братья хана — Батырь Гирей и Арслан Гирей. Как писал современник, никто точно не знал причин возмущения, султаны подняли мятеж «с зависти ль, либо по подыскам Порты или же под существенным предлогом, которой братья главным претекстом объявили, что они, видя народ, в Крыму обитающ, отягощенным новым от него Шагина в разных видах установлением...», а кроме того, «как уже весна наступала, в кое время обыкновенно крымцы к бунту по теплоте свободу имели». В конце мая 1782 г. тревожные известия достигли Потемкина, который получил письмо от своего родственника М.С. Потемкина из Петербурга: «Казалось бы, на самое короткое время отсюда отлучились (в это время князь был в Москве. — *Н.Б.*), а с двух сторон так важные пришли известия. Судьба не допускает Вас быть в удалении».

В июне уже Екатерина шлет Потемкину письмо, призывая его к действию: «Не токмо желание мое узнать о твоем добром состоянии принуждает меня послать к тебе сего нарочного, но и самая нужда по делам: в Крыму татары начали снова немалые безпокойства, от коих хан и Веселицкий уехали водою в Керчь... Теперь нужно обещанную защиту дать хану, свои границы и его, нашего друга, охранить. Все сие мы б с тобою в полчаса с тобою положили на меры, а теперь не знаю, где тебя найти». Князь поспешил в Петербург.

3 августа императрица в письме к Шагин Гирею обещала направить ему на помощь военные силы для усмирения мятежников и утверждения его безопасности и предлагала хану прибыть в Петровскую крепость, куда должен был приехать и Потемкин, имевший необходимые полномочия. Потемкин считал, что новый бунт — это следствие «неминуемого и всегдашнего подстрекания татар против России», усилившегося из-за привязанности хана к

России. Князь настаивал на введении войск в Крым, и «естли Вам не подать помощи ему, сим некоторым образом дознают, будто бунтовщики имели право возстать на хана... Я Вас уверить могу, что татар большое число, увидя войски, отопрутся от прозьбы Порте вознесенной и вину всю возложат на начальников возмущения».

8 августа 1782 г. Потемкин направился на юг, где 23 сентября встретился с Шагин Гиреем в Петровской крепости. В беседе с ханом князь передал ему личное послание императрицы, которая решила ввести войска в Крым, рискуя при этом пойти на открытый конфликт с Турцией, и посоветовал Шагин Гирею, «дабы по приведении в порядок крымских дел будущею весною побывать и на Кубане, чтоб и тамошния народы персонально привесть в лутчее состояние».

Через четыре дня генерал-поручик граф Де Бальмен получил приказание Потемкина вступить в Крым, причем особое внимание он должен был уделить отношению к местному населению: «Вступая в Крым и выполняя все, что следовать может к утверждению Шагин Гирея паки на ханство, обращайтесь, впрочем, с жителями ласково, наказывая оружием, когда нужда дойдет сонмища упорных, но не касайтесь казнями частных людей. Казни же пусть хан производит своими, — писал Потемкин, — если в нем не подействует дух кроткий монархини нашей, который ему сообщен. Естли б паче чаяния жители отозвалися, что они лучше желают войти в подданство Ея императорскому величеству, то отвечайте, что вы, кроме спомоществования хану, другим ничем не уполномочены, однако ж мне о таком произшествии донесите... Сообщите мне и примечания ваши о мыслях и движении народном, о приласкании которого паки подтверждаю».

Хан, получивший военную помощь России и обнадеженный Потемкиным, двинулся к Перекопу. Толпы мятежников разбегались при подходе русских полков. Однако русский дипломатический агент Я.И. Рудзевич, донося Потемкину 30 октября 1782 г. «об успокоении большей части черни и о просьбе мурз защитить их от гнева хана», сделал весьма важное замечание: «Но Шагин Гирею никто бы не повиновался без русских войск».

Потемкин и сам, побывав в эти дни в Крыму, убедился, что личность Шагин Гирея вызывает недовольство у татарской зна-

ти, она, возможно, с большим желанием восприняла бы протекторат России, нежели такую «независимость». Особое влияние на настроение крымских жителей оказала та необычайная жестокость, с которой Шагин Гирей расправился с мятежниками. Батыр и Арслан Гирей были брошены своими сторонниками и захвачены в плен. Только вмешательство Потемкина и Екатерины спасло их от казни по приказанию хана.

29 декабря состоялась казнь двух старшин и 10 мулл, обвиненных в сопротивлении, что подробно описал Цебриков в своем сочинении: «Халым и все другие убеждали чернь о прощении, особливо Халым неробко выгаваривал, дабы опомнились, и из черни многия их из рук в руки перехватывали, не смея нихто приступить к начальному убийству. Но когда адним штапом велено к зборищу приступить 30 донским казакам, то по долгом смятении, адин из бешлеев, взявши камень, сперва бросил в голову Халыма, а потом и зборище, тем поощерясь, в 12 часу днем всех 11 человек насмерть побили. Халымов труп публично татара похоронили в городе Карасубазаре».

Столь жестокая казнь, учиненная Шагин Гиреем вопреки манифестам Екатерины II о «человеколюбии и щадении повинную приносящим», стала известна высочайшему двору и самому Потемкину. Хан надеялся утаить эти события или сгладить их с помощью Рудзевича, в данном случае сыгравшего роль так называемого «двойного агента». При начале подавления мятежа против хана Потемкин дал Рудзевичу секретный ордер, чтобы он «испытал у крымцов мысли, могут ли они предшествовать отзывом и желанием в российское подданство». Суть своей миссии Рудзевич открыл хану и стал тайно помогать ему в противостоянии с Потемкиным; и, как писал Цебриков, он «все рачение употреблял к затмению возчатаго князем о подданстве прознаменования... и донесений, хотя пред всеми об оных оглашал, к князю ни чрез кого не отправлял...».

Постоянная угроза со стороны Турции (для нее Крым являлся возможным плацдармом в случае нападения на Россию) вынуждала строить мощные укрепленные линии на южных рубежах страны и отвлекала силы и средства от хозяйственного освоения пограничных губерний. Потемкин, являясь наместником этих областей, видя всю сложность и нестабильность полити-

ческого положения в Крыму, пришел к окончательному выводу о необходимости присоединения его к России. Это завершало территориальное расширение империи на юг до естественных границ и создавало единую экономическую область — Северное Причерноморье.

В декабре 1782 г., возвратясь из Херсона, Потемкин обратился к Екатерине II с известным меморандумом, в котором подробно высказал свою точку зрения, особо указав на благоприятную для действий внешнеполитическую ситуацию:

«Крым положением своим разрывает наши границы, — заявлял Потемкин. — Нужна ли осторожность с турками по Бугу или с стороны Кубанской — в обеих сих случаях и Крым на руках. Тут ясно видно, для чего хан нынешний туркам неприятен: для того что он не допустит их чрез Крым входить к нам, так сказать в сердце.

Положите ж теперь, что Крым Ваш и что нету уже сей бородавки на носу — вот вдруг положение границ прекрасное: по Бугу турки граничат с нами непосредственно, потому и дело должны иметь с нами прямо сами, а не под именем других. Всякий их шаг тут виден. Со стороны Кубани сверх частных крепостей, снабженных войсками, многочисленное войско Донское всегда тут готово.

Доверенность жителей в Новороссийской губернии будет тогда несумнительна. Мореплавание по Черному морю свободное. А то, извольте рассудить, что кораблям Вашим и выходить трудно, а входить еще труднее. Еще в прибавок избавимся от трудного содержания крепостей, кои теперь в Крыму на отдаленных пунктах.

Всемилостивейшая государыня! Неограниченное мое усердие к Вам заставляет меня говорить: презирайте зависть, которая Вам препятствовать не в силах. Вы обязаны возвысить славу России. Посмотрите, кому оспорили, кто что приобрел: Франция взяла Корсику, цесарцы без войны у турков в Молдавии взяли больше, нежели мы. Нет державы в Европе, чтобы не поделили между собой Азии, Африки, Америки. Приобретение Крыма ни усилить, ни обогатить Вас не может, а только покой доставит. Удар сильный — да кому? Туркам. Сие Вас еще больше обязывает. Поверьте, что Вы сим приобретением безсмертную славу

получите и такую, какой ни один государь в России еще не имел. Сия слава проложит дорогу еще к другой и большей славе: с Крымом достанется и господство в Черном море. От Вас зависеть будет, запирать ход туркам и кормить их или морить с голоду.

Хану пожалуйте в Персии что хотите — он будет рад. Вам он Крым поднесет нынешную зиму, и жители охотно принесут о сем прозьбу. Сколько славно приобретение, столько Вам будет стыда и укоризны от потомства, которое при каждых хлопотах так скажет: вот, она могла, да и не хотела или упустила. Есть ли твоя держава — кротость, то нужен в России рай. Таврический Херсон! из тебя истекло к нам благочестие: смотри, как Екатерина Вторая паки вносит в тебя кротость християнского правления».

План Потемкина можно назвать совершенным политическим проектом государственного деятеля, где он представил весь возможный спектр доказательств для подтверждения своего предложения — от экономических до патетических. Причем всей предыдущей работой по заселению Новороссии, устройству крепостей и хозяйственному развитию Потемкин готовил базу для включения Крыма в состав Российской империи. Именно ему принадлежала главная и решающая роль в присоединении благодатного полуострова.

Предложение Потемкина находилось в русле знаменитого Греческого проекта, в свое время приписываемого князю на основании сочинения его племянника А.Н. Самойлова «Жизнь и деяния генерал-фельдмаршала князя Г.А. Потемкина-Таврического». На самом деле авторство Греческого проекта, предусматривающего восстановление Византийской империи со столицей в Константинополе и русским ставленником на троне, принадлежит другому выдающемуся государственному деятелю Екатерининской эпохи — личному секретарю императрицы А.А. Безбородко, на которого были возложены дела по сношениям с Востоком. Екатерина II и Потемкин постоянно выступали эллинофилами: второй внук Екатерины был назван Константином, Потемкиным был основан Херсон, в Петербурге открылся кадетский корпус для малолетних греков. Иностранные дипломаты сообщали: императрица грезит Византией.

Вместе с Потемкиным и Безбородко обсуждала она проекты нового геополитического устройства. 10 сентября 1782 г. их из-

ложил Безбородко в своей знаменитой записке, ставшей основой самого знаменитого частного письма Екатерины II Иосифу Австрийскому, вошедшего в историю под именем Греческого проекта, где императрица предлагала окончательный раздел Турецкой империи.

По мнению некоторых, это письмо «с рассуждениями о разделе Турции лишено черт реальной политической программы, которую бы разрабатывали и собирались выполнять. Легкость, с которой разрешались в этом письме острые проблемы международных отношений, заставляет смотреть на письмо как на провокационный шаг русской дипломатии, как на документ макиавеллистической политики». Да, можно согласиться, что плана действий проект не содержал; сама Екатерина в то же время вполне трезво писала Потемкину: «Политический состав Оттоманской империи разными обстоятельствами... еще отдален от конечного его разрешения».

Действительно создается впечатление, что в отношении Турции и, в частности, Крымского полуострова существовало две программы действий: одна в виде Греческого проекта носила некий иллюзорный отвлекающий характер, а вторая, высказанная Потемкиным, была вполне реальна и осуществима. Свидетельством принятия окончательного решения императрицей после получения меморандума Потемкина может служить «секретнейший» рескрипт на его имя от 14 декабря 1782 г. В нем говорится: «Известно, что одним из главнейших поводом к распрям нашим с турками от давняго времени служил полуостров Крымский, из недр коего не однажды обезпокоены были границы наши. Преобразование его в вольную и независимую область обратилося только в новые для нас заботы со знатными издержками. Опыты времени, от 1774 года прошедшаго, доказывают, что таковая независимость мало свойственна татарским народам, ибо, чтоб удержать ее, надлежит почти всегда нам быть вооруженными, и посреди мира изнурять войска трудными движениями, неся большие убытки как бы во время войны, без всякой надежды заменить оные.

При малейшем со стороны нашей послаблении турки, пользуяся единоверием татар и разными связями, предуспевают там толико умножать свою силу, что почти всякий раз паки к

войне прибегать должно, дабы только дела поставить в прежней степени. Таковое бдение над Крымскою независимостию принесло уже нам более семи миллионов чрезвычайных расходов, не считая непрерывнаго изнурения войск и потери в людях, как превосходят всякую цену».

После изложения хорошо известных Потемкину причин Екатерина объявляет ему свою волю «на присвоение того полуострова... с полною нашею доверенностию и с совершенным удостоверением, что вы к исполнению сего не упустите ни времени удобнаго, ни способов, от вас зависящих... От благоразумия вашего зависеть будет воспользоваться подобными случаями (в рескрипте указаны шесть «случаев», которые могут служить поводом к присоединению полуострова. — *Н.Б.*); а между тем удостоверены мы, что вы, доводя и наклоняя тамошния дела к желаемому нами состоянию и к прямой цели нашей, не упустите употребить все способы завести посреди татарских народов ближайшия связи, поселить в них доброхотство и доверие к стороне нашей, и, когда потребно окажется, склонить их на принесение нам просьбы о принятии их в подданство наше».

Решающие события происходят в 1783 г. Весной было решено, что Потемкин отправится на юг и будет лично руководить присоединением Крымского ханства к России. 8 апреля императрица подписывает манифест «О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны под Российскую державу», над которым она работала совместно с Потемкиным. Этот документ должен был храниться в тайне до того часа, когда присоединение ханства станет свершившимся фактом. В тот же день Потемкин поспешил на юг; по дороге он получил неожиданное известие об отречении Шагин Гирея от ханства, о чем Екатерина отзывается без сожаления: «И о том жалеть нечего, только прикажи с ним обходиться ласково и со почтением, приличным владетелю...» Такова была обычная политика русских самодержцев, все владельцы и вельможи присоединенных земель входили в корпус российского дворянства и получали достойное содержание.

Прибыв в Херсон, Потемкин вступает в переговоры с Шагин Гиреем и окончательно приходит к выводу о необходимости устранения хана с политической арены, о чем сразу сообщает

Екатерине: «Главная теперь надобность настоит в удалении хана из Крыму, в чем я не вижу большого затруднения, как и в присоединении Крыма к державе Вашего императорского величества, — пишет он из Херсона 16 мая. — Но Кубанская сторона будет не без затруднения. Обширность места, разноколенные орды и близость горских народов затруднят несколько исполнение». Учитывая возможные замедления, Потемкин распорядился продвинуться на Кубань А.В. Суворову и своему родственнику П.С. Потемкину.

Получив приказания князя, Суворов занял войсками укрепления бывшей Кубанской линии и стал готовиться привести ногайцев к присяге в назначенный Потемкиным день — 28 июня, день восшествия Екатерины II на престол.

Командующий Кавказским корпусом П.С. Потемкин должен был принимать присягу в верховьях Кубани. Уже 10 июня Потемкин отправляет Суворову 60 экземпляров высочайших манифестов о присоединении Крыма и «плакаты» самого князя с переводами на турецкий. «Ваше превосходительство, — инструктирует князь Суворова, — по вступлении вашем в пределы Кубанские имеете манифесты и плакаты обнародовать и держась правил в плакате изображенных наблюсть с крайнею точностию, чтоб татарские народы в краю Кубанском о верности подданства Ея императорскому величеству целовали Алкоран в присутствии определенных от вас штаб и обер-офицеров, и чтоб начальники и старшины приложили свои печати на посылаемых при сем экземплярах присяги. От вашего благоразумия и искуснаго распоряжения будет зависеть единовременное произведение сего в действие во всей Кубани способами наиудобнейшими».

Лейтмотивом всех ордеров Потемкина этого периода является указание командирам войск, находящихся в Крыму, обращаться с жителями дружелюбно, «не чинѧ отнюдь обид»; в противном случае нарушителям грозит взыскание от князя «по всей строгости законов».

Прогнозы Потемкина оказались верными, за исключением быстрого и спокойного удаления хана. Шагин Гирей, отрекшись от ханства, начал сложную политическую игру, затягивая свой отъезд из Крыма под разными предлогами. Он рассчитывал, что в обострившейся политической обстановке русскому правитель-

ству придется вновь обратиться к его услугам — восстановить на престоле и отказаться от присоединения Крыма. Потемкин, оценив положение, подтягивал войска и через своих агентов вел агитацию среди правящей верхушки ханства о переходе в российское подданство.

14 июня, вслед за Суворовым, манифест и «плакат» были отправлены в Крым Де Бальмену, ему Потемкин приказал особо обратить внимание на соблюдение «строгой на всех постах, при обнародовании манифеста, воинской предосторожности и примечании за поступками татар, не дозволяя делать собраний народу, сие я разумею о военных сборищах». О своем желании как можно спокойнее, миролюбивее и с наименьшими столкновениями провести присоединение Крыма пишет Потемкин и к Безбородко, сообщая о своих действиях по удалению хана из Крыма: «сие я для того делаю, чтобы покорение татар было добровольное».

Потемкин действует решительно, войска занимают важнейшие пункты на полуострове, не встречая недовольства жителей. Хан готовится к отъезду, ему и сопровождающим 16 июня выписаны «пашпорты», но уже 18-го в ордере Де Бальмену Потемкин возмущенно пишет об интригах Шагин Гирея: «Хану хочется пробовать играть со мною, но я ему докажу, что для меня высочайшие интересы святые». В тот же день князь выговаривает русскому резиденту при хане С.Л. Лашкареву за нерешительные действия: «Государь мой, Сергей Лазарович. В донесениях ваших, хотя преподаете вы мне известия о касающемся до хана, но нет во оных ничего такого, чтобы означало конец известному делу. Мне нужны от вас решительныя о намерениях ханских уведомления, и удивительно, что, ведая обстоятельства дел, взялись вы донести мне требование ханское о переезде в Тамань, тогда когда его здесь я ожидаю». И далее собственноручная приписка князя: «в Тамань поездка вот что значит: хан хочет чрез сие держать татар в нерешимости, что едет вон, или нет».

Напряженная ситуация не позволяет Потемкину ни на минуту ослабить контроль за ситуацией. 16 июня 1783 г. он сообщает хану, что поспешит приехать к нему навстречу в Крым, чтобы самому проводить его в Тамань, но в то же время твердо под-

утверждает необходимость выезда Шагин Гирею за пределы ханства. Из записки Цебрикова становятся известны подробности поведения хана, который под видом болезни откладывал выезд. «После Шагин Гирей хан, — рассказывает очевидец, — ободрясь от уныния, употреблял под предлогом выезда и слабости разныя виды, показывающия действы пред советом, что чужд в предании отечества... С начала июня, принимая лекарствы, уверив, будто существенно за тем не выезжает, но он утверждал себя, чтоб и вовся не ехать, особливо не сделав наперед попытки к дальнему стремлению в сопротивлении; естли ж бы потом и выехать, чтился показать, дабы свет увидел, что выезд его есть принужденным, а не собственной его воли, и прогаваривал, что за удовольство вменил бы случившееся ему насилие, иначе же патентаты Европы сочтут его прямым предателем отечества и вновь утвержденнаго татарам бытия, что все умел, употребляя, скрыть... Шагин Гирей, будучи в Катармасарае, метавсь долго разсуждением, каким бы образом конечное показать противоборствование за Крым, всюды однако обретал непроходимыя притекания; узнавши ж о присылке в июне месяце манифестов в формальном присоединении Крымского полуострова, Таманского острова и Кубанской стороны к российскому самодержавству, неотступно требовал у князя Потемкина соглашения об отъезде на Тамань, где, как в уединенном месте, поисправя здоровье, потом в Россию отправитца».

Завершает свою записку о присоединении Крыма Цебриков любопытным наблюдением, первым (документ написан в 1784 г.), возможно, указывая на существовавшее противостояние Потемкина и Шагин Гирея, показывающее, «колико каждой защищал собственную славу, которой перетяжение суть силы судьбой и времянем определенныя».

Судьба Шагин Гирея была решена. Проведя около девяти месяцев в Тамани, он был вынужден 15 мая 1784 г. покинуть этот город и 22 июля прибыл в Воронеж, где поселился в уединенном загородном доме.

«Противоборствование» окончилось 28 июня 1783 г., когда был обнародован манифест Екатерины II и состоялась торжественная присяга крымской знати. Ее принимал лично Потемкин на плоской вершине скалы Ак Кая под Карасубазаром. Крым-

ским жителям объявили манифест о присоединении полуострова к России, в котором императрица обещала:

«Возвещая жителям тех мест силою нашего императорского манифеста таковую бытия их перемену, обещаем свято и непоколебимо за себя и приемников престола нашего содержать их в равне с природными нашими подданными, охранять и защищать их лица, имущество, храмы и природную их веру, коей свободное отправление со всеми законными обрядами пребудет неприкосновенно; и дозволить напоследок каждому из них состояния все те правости и преимущества, каковыми таковые в России пользуются...» Сначала присягали мурзы, беи, духовные лица, а затем уже и простое население. Торжества сопровождались угощеньями, играми, скачками и пушечным салютом.

Тем временем двор и императрица оставались в неведении. Поездка Потемкина в Крым, его плохое самочувствие, свирепствовавшие там язва и чума, подготовка к присяге в Крыму — все это задерживало отправку донесений, что вызывало немалое беспокойство императрицы. 15 июля она пишет Потемкину: «Ты можешь себе представить, в каком я должна быть безпокойстве, не имея от тебя ни строки более пяти недель... Я ждала занятия Крыма, по крайнем сроке, в половине июля, а я о том не более знаю, как и Папа Римский».

Это письмо разминулось с посланием Потемкина, отправленным из лагеря при Карасубазаре 10 июля, содержащим долгожданное известие об окончательном разрешении крымской проблемы. «Все знатные уже присягнули, — сообщает князь, — теперь за ними последуют и все. Вам еще то приятнее и славнее, что все прибегли под державу Вашу с радостию. Правда, было много затруднения по причине робости татар, которые боялись нарушения закона, но по уверениям моим, зделанным их присланным, теперь так покойны и веселы, как бы век жили у нас». В послании от 29 июля Потемкин более подробно рассказывал своей монаршей покровительнице о приведении крымской знати к присяге и причине задержки победоносного сообщения о присоединении полуострова:

«Но причина сему была та, что граф Бальмен от 14-го числа июня обнадеживал меня чрез всякого курьера о публикации манифестов и, протянув до последнего числа того месяца, дал знать,

наконец, что татарские чиновники не все собрались еще. Я, видя, что съезд их зависел от их воли, и тут недоставало того, что я ему еще с дороги предписывал сими словами: "возьмите тон военного начальника", решился поскакать сам и чрез три дни объявил манифесты, не смотря, что не все съехались. Говорено было мне всюду, что духовенство противиться будет, а за ними и чернь, но вышло, что духовные приступили из первых, а за ними и все».

16 июля 1783 г. последовало официальное донесение Потемкина с представлением А.В. Суворова, П.С. Потемкина, Де Бальмена и С.Л. Лашкарева к наградам. Оно дублировалось письмами к идеологу Греческого проекта А.А. Безбородко и послу в Турции Я.И. Булгакову, а также рапортом графу П.А. Румянцеву-Задунайскому. К последнему было обращено и личное послание Потемкина, где он высказывал своему учителю благодарность за подготовку почвы для удачного присоединения Крыма. «Все удачи, какие мы не имеем, — писал Потемкин 31 июля 1783 г., — суть следствие того страха, который вы в мусульманов вкоренили. Позвольте мне назваться обязанным вам...»

Итак, мы видим, что политика Потемкина, направленная на наиболее миролюбивое и дружелюбное отношение войск к населению, высказывание уважения и соответствующих знаков внимания татарской знати, оказала должное воздействие и привела к «бескровному» присоединению Крыма. Так же мирно и торжественно прошло присоединение Кубани: две крупнейшие ногайские орды — Едисанская и Джамбулуцкая — присягнули на верность России. В доношении Екатерине II от 16 июля 1783 г. Потемкин определил политические мотивы добровольной присяги крымских жителей: во-первых, он уверил их, что пущенный от турок слух о сборе рекрут в полуострове «пустой»; во-вторых, князь просил выполнить их просьбу о взимании подати не по душам, как во всей России, а «с земли и со всего — десятину, что учинит гораздо более доходу, да для них честнее». «И ежели это будет, то поверьте, что можно тогда в Анатолию послать Манифесты, и там примут подданство», — восторженно заключал Потемкин, говоря, что и турецкие подданные были бы готовы присягнуть российской государыне на этих условиях.

Наследник престола великий князь Павел Петрович также получил письмо от Потемкина с уведомлением о «приведении

Крыма в подданство». Предназначенный встать во главе государства он прекрасно понимал все выгоды и преимущества, получаемые государством, и писал главному герою знаменательного события: «Таковая весть не могла мне быть неприятна, поелику сим достигли до предположенного Ея величеством намерение, о чем с моей стороны вас поздравляю самих». При всей сложности взаимоотношений наследника престола и фаворита, о чем так много говорилось и говорится, Павел умел признавать заслуги светлейшего князя.

Вот так, благодаря мудрым, политически продуманным действиям неутомимого Потемкина Россия укрепила свои южные границы и получила новые плодородные земли, которые в скором времени стали житницей России, ее прекрасным украшением.

После присоединения Крыма к России многие татары стали покидать полуостров и переселяться в Турцию. Для освоения края были нужны рабочие руки, поэтому наряду с официальным разрешением и выдачей всем желающим соответствующих документов (паспортов) администрация стремилась удержать как можно больше жителей на занимаемой территории. Отмечаемый отток населения имел и еще одну важную причину, связанную со специфическим источником пополнения количества жителей в прежние времена — каждый год в Крым приводили пленных христиан, так называемый ясырь. Так, например, в результате набега Бахти Гирея летом 1717 г. татары разорили Пензенский, Саратовский, Саранский, Верхний и Нижний Ломовские уезды и взяли в плен около 18 000 человек. Крым в XVIII столетии был крупнейшей перевалочной базой работорговли, и там использовался рабский труд пленников. Естественно, когда этот специфический демографический источник был истреблен, количество населения на полуострове уменьшилось. Крымские мурзы очень возмущались тем, что по распоряжению Потемкина должны были освободить христианских пленников. Население полуострова начало уменьшаться еще до присоединения его к России. Это было связано с военными потерями, чумой, свирепствовавшей во время войны, и, наконец, с «замешательствами» после отделения Крымского ханства от Оттоманской империи. Жители разных национальностей, в том числе и татары, в труд-

ные времена искали пристанища в России или Турции, перебирались за Кубань.

Переселение из внутренних областей России и приглашение на жительство иностранцев началось несколько позднее, а пока, заботясь о сохранении спокойствия в Крыму, Потемкин писал Суворову 1 июля: «По присоединении ныне народа татарскаго к державе Е[я] и[мператорского] в[еличест[ва] крайне нужно дать оному чувствовать все выгоды теперешняго его состояния». В связи с этим князь настоятельно рекомендует: «строго наблюсть, чтобы наши обращались с ними ласково и благосклонно, так как с собратиями своими и с верными Ея величеству подданными. Да не дерзнет никто безпокоить их в местах их пребывания под жестоким за то наказанием; но жесточайшему подвергнется, яко мятежник церковный, кто осмелится пренебречь уважение к священным их местам и нарушить молитвы мусульманов. Некие недоброхоты разсевают между ними, будто они переселены будут невольно в другие страны. Дайте знать народу несообразность таких плевел и уверте их, что сии известия, а равно и о рекрутском с них наборе совсем ложны и неосновательны, и что под высочайшею Е[я] и[мператорского] в[еличест[ва] державою будут они наслаждаться прямым благоденствием и тишиною».

Этот ордер Суворову можно назвать программным заявлением Потемкина в отношении к татарскому населению. Соответствующие указы гарантировали свободу вероисповедания, религиозные центры сохранялись, Потемкин даже восстановил «сороковину» — налог, который население платило мусульманскому духовенству до отмены ее Шагин Гиреем. Работая в Синоде и выступая опекуном «инородцев»-мусульман в Уложенной комиссии, Потемкин сумел понять характерные особенности приверженцев мусульманской веры. Бережное отношение к чужой вере, соблюдение прав татарской знати, привлечение местных жителей при создании органов местного управления — проведение такой политики, определенной Потемкиным, привело к достаточно бесконфликтному вхождению и дальнейшему развитию Крыма в составе Российской империи; это дало возможность с первых дней приступить к районированию и хозяйственному освоению крымских территорий. В то время как в центральных районах Российской империи усиливалось крепостничество,

здесь, в пограничной области, укреплялась особая форма помещичьего землевладения, основанная в значительной мере на обычае, который со временем перешел в договорные отношения и вольный наем.

С целью показать крымским татарам, что правительство лояльно и уважительно относится к представителям мусульманской веры, Потемкин в 1785 г. послал таврического чиновника Велшаха-мурзу в Казань, «чтобы видеть образ жизни и благоденственное пребывание татар казанских». В письме к графу И.А. Остерману он просит «ознакомить ево с лучшими из магометан казанских и дать ему способ видеть жизнь и преимущества, которыми пользуются татары внутри России, при свободном отправлении своей религии. Я не сумневаюсь, что житель таврический в бытность свою у вас удостоверится в спокойном и безбедственном пребывании своих единоверцев, и будет иметь объявить при возвращении своем в Тавриду».

При всех призывах к лояльности Потемкин был реальным политиком и понимал, что при сохранении в Крыму большинства татарского населения и оппозиционных сил возможно иное развитие ситуации и сохраняется опасность возмущений и сопротивления, что значительно осложнит ситуацию на юге и положение Российской империи на международной арене. В одном из писем к Екатерине он открыто высказывался: «Сей полуостров еще будет лутче во всем, ежели мы избавимся татар на выход их вон. Много можно обрести способов. Ей-Богу, они не стоят земли, а Кубань для них жилище пристойное».

С чувством выполненного долга Потемкин уже 16 июля 1783 г. пишет императрице о первых предпринятых им шагах по топографическому описанию Крыма, просит о льготах крымским жителям, советует императрице ассигновать средства на содержание мечетей, школ и фонтанов, «дабы угодить магометанам». Особый восторг вызывает у князя необыкновенное плодородие почв: «Теперь только могу доложить, что редко можно найти так плодородную землю: нонешний год не в силах будут всего урожая убрать». Подробное описание Крыма должно было послужить основанием к введению там губернского управления в соответствии с российскими законами.

Сложным и напряженным временем стал для Потемкина 1783 г. Кроме забот о политическом устройстве присоединения Крымского полуострова к Российской империи его мучили жестокие южные лихорадки, подрывавшие и так слабое здоровье князя. Это очень заботило Екатерину, она в каждом письме спрашивала: как он себя чувствует? прошла ли лихорадка? 23 сентября Потемкин сообщал императрице, что поспешил уехать из Кременчуга в Нежин, спасаясь из города, «наполненного лихорадками». «Едва в неделю довезли меня до Нежина, — пишет князь, — и здесь принужден я несколько дней остаться, чтоб собрать остатки ослабевших сил своих и укрепиться на дальнейший путь, которого я уже продолжать не мог. Не знаю, всемилостивейшая государыня, чем кончатся мучения мои, но между тем все дела и войски, всевысочайше мне вверенные, так распоряжены, что не учинил я и не учиню никакого по оным упущения, и коль скоро получу облегчение, то и на службе Вашего императорского величества». Даже в болезни Потемкин заботился о выполнении повелений своей монархини, жил государственными интересами. В ответ обеспокоенная Екатерина просила своего верного и преданного наместника беречь себя: «Бога прошу, да сохранит дни твои и даст тебе силы душевные и телесные. Мне чрезвычайно печально твое состояние... Ничему так не дивлюсь, как в крайней болезни скачешь. Тем болезни умножаешь. Больному покой нужен», — увещевает государыня проявляющего излишнее рвение Потемкина.

Признание Портой присоединения Крыма к России последовало только через восемь с лишним месяцев. До тех пор положение в Крыму было чрезвычайно напряженным. Как видно из ордера Потемкина на имя командовавшего войсками на Крымском полуострове генерала Де Бальмена, опасность со стороны Турции оставалась: «Неизвестно еще, на что решится сия держава, получа известие о присоединении области Крымской к России, а потому и нужно поставить себя во всю военную осторожность».

Одновременно с непростым процессом присоединения Крыма к России заботы Потемкина были обращены на решение еще одного важнейшего внешнеполитического вопроса — он был активным участником подготовки и заключения Георгиевского

трактата 1783 г., по которому царство Картли-Кахети (Грузия) добровольно и на вечные времена вошло под покровительство России. Георгиевский трактат имел большое значение и для России, и для народов Кавказа.

Этим актом царь Ираклий II «именем своим» и «наследников и преемников своих» официально объявил, что Восточная Грузия навсегда отказывается признавать верховную власть и покровительство Персии или иной другой державы, кроме России. Россия же обязывалась защищать Восточную Грузию от внешних врагов и заботиться о возвращении ей захваченных врагами земель, которые впредь будут оставаться во владении грузинских царей.

В инструкции Екатерины II, сообщенной Г.А. Потемкину графом А.А. Безбородко в конце 1782 или в начале 1783 г., говорилось: «Мнение Ея величества было, чтоб:

1-е, чрез вашу светлость заключить с грузинскими царями союзный трактат, не именуя их подданными, но союзниками, от империи Всероссийской покровительствуемыми.

2. Поборов денежных не принять никаких, ниже половины с металлов и минералов, а оставить все то в пользу царей грузинских, а принять только ежегодную присылку шелку, вин и лошадей».

Кроме двух главных пунктов инструкция Екатерины II содержала еще 4 пункта, и она интересовалась мнением Г.А. Потемкина по ним:

3) сколько выделить грузинским царям «субсидий денежныя по числу войск во время войны, а на первое время сумму некоторую...»; 4) нежелательной признавалась связь царя Ираклия с австрийским императором: «Отклонить всякое их знакомство с императором»; 5) ставились вопросы «о войсках и о всем прочем»; 6) не считал ли Потемкин необходимым «...мир между царями Ираклием и Соломоном постановить ясный и точный, учиня себя как ручателем оного, так и арбитром в случае взаимных вновь жалоб».

Изменение международного положения России после заключения Кючук-Кайнарджийского мира вернуло на повестку дня рассмотрение вопроса о вхождении части Грузии в состав России. Дипломатические переговоры об этом начались еще в

1772 г. Защита интересов грузинских граждан со стороны России теперь была возведена в ранг международной политики, о чем свидетельствуют многочисленные доклады русских послов из Константинополя.

Грузия должна была стать верной союзницей России в решении кавказской проблемы, связанной с тем, что благодаря ряду причин султанской Турции в течение трех столетий сравнительно легко удалось искоренить христианство среди горских племен Кавказа, насадить ислам (его суннитскую секту) среди местной знати и тем самым обеспечить себе поддержку и затянуть решение кавказской проблемы. Разумеется, Ираклий II — глава православного государства — хорошо понимал политику Турции в Южной и Западной Грузии и неслучайно писал русскому правительству о том, что в Ахалцихском крае многие недавно были вынуждены принять магометанство и надо срочно принимать меры, чтобы других не заставили сделать то же.

Весной 1783 г. в Георгиевске генерал П.С. Потемкин получил через подполковника Тамара посланный Григорием Потемкиным проект договора с Картли-Кахетским царством и отправил его 9 мая в Тифлис с тем же подполковником. В письме к Ираклию II дальний родственник могущественного фаворита поздравлял царя с решением Екатерины II принять его земли в свое покровительство и просил выделить своих послов для отправления в Георгиевск. Далее он обещал, что вспомогательные войска войдут в Грузию сразу же после подписания договора, а мусульманским ханам будет послано предупреждение.

В Тбилиси более месяца изучали проект двухстороннего договора, и в конце июня 1783 г. был окончательно решен вопрос пре́дставительства от Грузии. Первым послом был назначен князь Иоанн Багратиони, вторым — князь Гарсеван Чавчавадзе, ассистентом — ректор Телавской семинарии архимандрит Гайоз. В представительство вошли также секретарь посольства и 20 служителей.

Уполномоченным со стороны России был назначен князь Г.А. Потемкин, ему разрешалось, в случае надобности, «избрать и снабдить полною мочью от себя, каго он заблагоразсудит». Обрадованный высокой доверенностью, Г.А. Потемкин, отдававший в те дни все свои силы на устройство политической ситуации в

Крыму, не смог принять участия в переговорах и поручил это своему родственнику, главнокомандующему Кавказской линией генералу Павлу Сергеевичу Потемкину. Тем не менее светлейший князь ни на минуту не упускал из своего внимания ход переговоров по заключению Георгиевского трактата и активно обсуждал кавказские дела в переписке с Екатериной и грузинской стороной.

18 июля 1783 г. в 8 часов вечера грузинские послы вступили в Георгиевскую крепость с соблюдением установленного церемониала. Спустя два дня началась работа посольств. В приемной главнокомандующего полномочные представители царя Ираклия II были приняты со всем подобающим почетом, а затем началось первое заседание, носившее характер праздничной встречи, на котором речами обменялись Г. Чавчавадзе и П. Потемкин. В 5 часов того же дня началось второе заседание, его открыл вступительным словом Павел Потемкин. Подчеркнув, что императрица решила заключить договор на льготных для Грузии условиях (русское правительство отказывалось принять дань и часть доходов), он огласил и вручил Иоанну Багратиони полномочие императрицы на имя Г.А. Потемкина и от него — на свое имя. Конечно, послы приняли такую замену, поскольку было известно и о родственной связи двух государственных деятелей, и о том, что братья Михаил и Павел Потемкины — преданные сторонники и доверенные лица вельможного фаворита.

24 июля 1783 г. представители вновь встретились с утра, а в час дня торжественно подписали договор — сперва П. Потемкин, а затем И. Багратиони и Г. Чавчавадзе. После подписания представители обменялись текстами договора: П.С. Потемкин получил грузинский подлинник с русским «переводом», а И. Багратиони и Г. Чавчавадзе — русский подлинник с грузинским «переводом». Г. Чавчавадзе произнес речь и выразил благодарность русской стороне, особенно князю Г.А. Потемкину, за заботу о завершении дела. Вечером весь город торжественной иллюминацией отмечал это событие.

В тот же день, 24 июля 1783 г., Павел Потемкин послал подлинник договора, список грузинских князей и дворян, а также протоколы заседаний Г.А. Потемкину для рассмотрения и сообщил, что 25 июля представители Грузии осмотрят лагерь главнокомандующего, а 27 июля отправятся на родину.

Образец присяги, которую должен был принести царь Картли-Кахети после утверждения Трактата, был подписан теми же уполномоченными и заверен их печатями в Георгиевске 24 июля 1783 г. В документе сказано, что царь Картли-Кахети от своего имени и от имени своих преемников обещает русскому императору и его преемникам быть верными русской империи, признает ее верховную власть, отказывается признать верховную власть других государей и врагов России будет считать своими врагами.

В середине августа 1783 г. представители возвратились в Грузию, где были восторженно встречены. Полковник С. Бурнашев, занимающийся вопросами организации оборонительных укреплений в Грузии, писал князю Григорию Потемкину: «Его светлость царь Ираклий по возвращении своих послов из крепости Егорьевской показывается весьма довольным. Знатные земли здешней ласкают себя видами частными, а народ благословляет руку, избавляющую их от лезгинов».

20 августа 1783 г. царь Ираклий назначил торжественный церемониал в ознаменование подписания договора, на который был приглашен полковник С. Бурнашев. Он самым подробным образом оповестил своего начальника князя Потемкина о празднике, устроенном в Тифлис. В 9 часов утра у церкви Успения Богородицы собралась знать и множество народа. В 11 часов сам царь Ираклий в сопровождении царевичей и вельмож вошел в церковь, и началась литургия. Архимандрит Гайоз «приходит с докладом к царю», а службу отправлял католикос с митрополитом и двумя архиереями, а также представителями духовенства. После окончания службы «была пушечная пальба»; потом в царском дворце устроили пир. «В вечеру царский дом был иллюменован, — писал Бурнашев, — в городе все лавки были отперты, но завешены парчами, ситцами и разными шелковыми материями, освещены зделанными из бумаги цветной фонарями и множеством восковых и простых свеч, что и составляло преузорочные першпективные галерей, пред каждой почти лавкой была азиатическая музыка, песни арабские и плясание. Народ ходил по сим улицам с изъявлением великой радостью толпами, что и продолжалось во всю ночь». Сравнивая торжества, устроенные царем Ираклием, с празднествами, проводимыми в Российской

империи по случаю важных событий в жизни страны или посещением городов императрицей, понимаешь, что пышность и сказочность церемониала присуща этому времени.

Далее С. Бурнашев рассказывал, что «21-го числа была такая ж иллюменация с приумножением возженных в городе во многих местах факелов и фонарей, пред царским домом был фейерверк, состоящий из ракет, фонтанов, шверморов и шлагов. Народной маскарад ходил по улицам, все вообще жители и самые престарелые безпрестанно при биении в бубны плескали руками, и кажется, что народ день от дня представляет себе в новых свое благоденствие, сие веселие продолжалось до света».

Уже 5 августа 1783 года Потемкин торжественно поздравлял свою государыню с благополучным завершением переговоров и значительными внешнеполитическими достижениями России. Студент Московского университета, любитель и знаток древней философии и истории, он по достоинству мог оценить достигнутые результаты и возможные перспективы для развития государства:

«Матушка государыня! Вот, моя кормилица, и грузинские дела приведены к концу. Какой государь составил толь блестящую эпоху, как Вы. Не один тут блеск. Польза есть большая. Земли, на которые Александр и Помпей, так сказать, лишь поглядели, та Вы привязали к скипетру российскому, а таврический Херсон — источник нашего християнства, а потому и людкости (человечности, гуманности. — *Н.Б.*), уже в объятьях своей дщери. Тут есть что-то мистическое.

Род татарский — тиран России некогда, а в недавних времянах стократный разоритель, коего силу подсек царь Иван Васильевич. Вы же истребили корень. Граница теперешняя обещает покой России, зависть Европе и страх Порте Оттоманской. Взойди на трофей, не обагренный кровию, и прикажи историкам заготовить больше чернил и бумаги» — так поэтически характеризует Потемкин цивилизаторскую миссию России на южных рубежах и завершение естественного процесса развития государства, начатого еще в XVI столетии.

В августе 1783 г. Георгиевский трактат был доставлен в Петербург и одобрен. Вскоре основной текст (13 статей) был отпечатан в типографии на русском языке (для оглашения в империи и

отправления представителям России за границей), а 21 сентября 1783 г. Екатерина II ратифицировала договор и отправила в Грузию.

Включение Крымского полуострова в состав Российской империи и заключение Георгиевского трактата коренным образом изменили положение на юге страны. Новороссийская и Азовская губернии стараниями Потемкина стали уже внутренними областями, границы государства сместились к морю до естественных пределов, что, несомненно, сказалось на повышении их обороноспособности. Россия получила выход к морю и возможность иметь на Черном море военный флот, организация которого была осуществлена в дальнейшем под руководством талантливейшего из фаворитов Екатерины Великой.

Восторженно приветствовали жители Российской империи «дар бескоровный» — присоединение древней Тавриды. Правда, у некоторых иностранных свидетелей вызывали удивление методы, с их точки зрения, дикие, какими пользовалось российское правительство. В 1786—1787 гг. Россию посетил предтеча антиколониальной войны Южной Америки за освобождение от испанского гнета, профессиональный военный креол Франсиско де Миранда и оставил немало критических замечаний о российской действительности. Тем не менее он был обласкан Екатериной II и получил разрешение носить форму полковника русской армии. После одного из разговоров с господином Поджио (тот служил хану во время присоединения Крыма), Франсиско де Миранда записал в своем дневнике: «Из этого разговора я извлек интереснейшие сведения: оказывается, русские заставили выехать оттуда 65 тысяч с лишним греческих и армянских семей (христиан, по их утверждению) с целью заселения Екатеринославской губернии. В результате Крым пришел в запустение, его земледелие сошло на нет, а тот край, который намеревались заселить, уже обезлюдел, ибо никто из этих несчастных бедняг там не остался: все они либо погибли, либо бежали в пограничные страны Азии. Возможно ли, что еще творятся подобные бессмысленные дела, — возмущался просвещенный иностранец и борец за независимую республику в Южной Америке (будущую Венесуэлу), — и что деспотизм не осознает пагубных последствий несправедливости и насилия? Тем не менее господин

адъютант... старался убедить нас, что это был выдающийся политический шаг, а также будто князь Потемкин по свойственной ему беззаботности поступал иногда необъяснимым образом... Будь проклята эта порода, аминь!»

Политика всегда была неблагодарным занятием, методы ее жестоки и, наверное, во многом деспотичны, но и иностранный путешественник не был посвящен во все перипетии и сложности многовековых взаимоотношений России и Крыма, не знал подробности событий и судил только по рассказу одного человека. Жизнь доказала правоту Екатерины II и Потемкина, Новороссия и Крым наполнились жителями и стали достоянием государства.

Глава 11. ВО ГЛАВЕ ЮЖНЫХ ГУБЕРНИЙ

В результате присоединения Крыма Новороссийская и Азовская губернии в значительной степени утратили свое военно-стратегическое значение. Указом от 30 марта 1783 г. решено было распространить на них Учреждение о губерниях 1775 г. В связи с тем, что ни одна из них не располагала положенным количеством населения (по закону необходимо 300—400 тыс. жителей), было решено объединить их в Екатеринославское наместничество. Г.А. Потемкин был назначен генерал-губернатором, в его подчинении, в качестве непосредственного правителя края, находился Т. Тутолмин, вскоре замененный И.М. Синельниковым. До построения Екатеринослава губернским городом решено было считать Кременчуг (весной 1789 г. правления начали переводиться в Новый Екатеринослав). Территория наместничества была разделена на 15 уездов.

Предложение Потемкина о разделении Екатеринославского наместничества на 15 уездов основывалось на разрешении Екатерины II, данном в указе на имя Сената от 30 марта 1783 г., увеличить или умножить количество уездов в зависимости от «пространства» земли и количества людей. К этому времени в Новороссийской губернии число жителей увеличилось на 138 596 человек и достигло 210 508 человек, а в Азовской соответственно на 79 872 и общее число — 162 098. Таким образом,

число жителей в двух губерниях было свыше 370 тысяч, что определило количество уездов, и, как пишет Потемкин, «с таковым при том разпоряжением, чтоб по недостаточному в некоторых обширных уездах числу народа не все теперь вообще учреждать во оных уездныя присутственныя места, но только необходимо нужныя...». Суды и расправы, «сим местам принадлежащия», предполагалось производить в присутственных местах ближайшего уезда.

Что же представляло собой Учреждение о губерниях, которое было распространено на новые территории?

7 ноября 1775 г. Екатериной II были утверждены 28 глав Учреждения о губерниях, последующие 3 главы — 4 января 1780 г. Новое положение о губерниях укрепило абсолютистскую монархию и удовлетворило требования дворянства о привлечении его представителей к местному управлению. Созданный в результате реформы аппарат управления на местах оказался способным проводить политику центральной власти, а также сдерживать народные выступления и просуществовал с некоторыми изменениями при Павле I до буржуазных реформ 60-х годов XIX столетия, а затем в несколько преобразованном виде и до октября 1917 г.

Учреждение о губерниях ввело новое административно-территориальное деление, в его основу был положен демографический принцип — численность податного населения. Экономические связи и национальные особенности почти не учитывались. В целях более оперативного управления губерниями было проведено их разукрупнение. Вместо прежних 23 было образовано 50 губерний с числом жителей от 300 до 400 тыс. ревизских душ, а провинция как промежуточная территориальная единица была ликвидирована.

Новое местное управление, согласно Учреждению, отличали от прежнего две характерные черты: разделение органов власти по функциям на административные, финансово-экономические и судебные и усиление роли в управлении на местах выборных представителей от дворянства. Отделение административной власти от судебной — принцип, характерный не для феодального, а уже для буржуазного строя. Абсолютистскими правительствами он использовался в данном случае формально. Именно такой,

формальный, характер носило и разделение властей, поскольку суд оставался в зависимости от наместников и губернаторов.

Структура местного самоуправления выглядела теперь следующим образом. Главным административным органом в губернии стало губернское правление. Этот орган получил всю полноту исполнительной власти: в его компетенцию входили обнародование законов и контроль за их соблюдением, поддержание порядка в губернии. Возглавлял правление губернатор, фактически он управлял единолично.

Аналогичным губернскому правлению органом в уезде был нижний земский суд, состоявший из капитан-исправника и двух-трех заседателей, но, в отличие от губернского правления, члены нижнего земского суда не назначались, а избирались дворянским собранием уезда на 3 года. Дворянские уездные собрания были созданы еще для выборов депутатов в Уложенную комиссию 1767 г. и положили начало дворянским уездным, а затем и губернским обществам, узаконенным Жалованной грамотой дворянству 1787 г. В административное управление города принципиальных изменений не было внесено. Власть здесь по-прежнему оставалась в руках городничих и комендантов из дворян.

Финансово-хозяйственные органы губернии и уезда состояли из казенной палаты и уездного казначейства. В эти учреждения были переданы сбор и учет доходов и расходов губерний и уездов, чем раньше занимались Камер- и Ревизион-коллегии. Затем компетенция казенных палат значительно расширилась — к ним перешли функции Мануфактур- и Берг-коллегий и некоторых других центральных учреждений. Организация финансово-экономических органов на местах была новостью. Их появление объясняется развитием экономики страны и формированием капиталистического способа производства, влиянием этих факторов на крепостное хозяйство, выразившимся в первую очередь в росте дворянского предпринимательства.

В результате реформы 1775 г. была создана четко оформленная система сословных судов: уездный суд в уезде и верхний земский суд в губернии — для дворян, городовой суд и губернский магистрат — для горожан, нижняя и верхняя расправы — для государственных крестьян. Такая система судебных органов укрепила сословную структуру общества. Новым учреждением

в системе местного управления были Приказы общественного призрения. Наделенные административно-полицейскими функциями, они осуществляли также «попечение и надзирание» за народными школами, сиротскими домами, больницами, аптеками, богадельнями.

Над всей этой пирамидой сословных учреждений возвышался генерал-губернатор, он же главнокомандующий, государев наместник. Под властью наместников, как правило, объединялось 2—3 губернии, которые образовывали наместничество. Наместник был поставлен над всеми органами власти и суда и осуществлял надзор за исполнением законов, за учреждениями и должностными лицами. Он имел право вмешиваться в судебные решения, останавливать исполнение приговоров. В его подчинении находились войска, располагавшиеся на территории губернии. Наместники непосредственно назначались императрицей и отчитывались перед ней, а, находясь в столице, заседали вместе с сенаторами. Указом императрицы от 24 августа 1783 г. генерал-губернаторы должны были два раза в месяц составлять краткие донесения о состоянии губерний, что позволяло Екатерине II и ее правительству всегда быть в курсе происходящих в стране событий и оперативно решать возникающие проблемы. Но увлеченный лавиной дел, Потемкин не всегда укладывался в сроки, и в одном из писем 30 декабря 1787 г. Екатерина сетовала, что «в сей час ровно месяц, как от Вас не имею ни строки. Из каждой губернии, окроме имени моего носящей (т.е. Екатеринославской. — *Н.Б.*), получаю известия двойжды в месяц, а от Вас и из армии ни строки, хотя сей пункт есть тот, на который вся мысль и хотение устремлены. Это заставляет меня умирать не одною, а тысячью смертей».

Учреждением должности наместников (генерал-губернаторов) с чрезвычайно широкими полномочиями Екатерина II стремилась компенсировать проведенную ею известную децентрализацию управления. Большие полномочия и неограниченная власть в губернии давали возможность генерал-губернаторам действовать более оперативно в решении возникающих проблем, что приводило к определенным результатам.

Важным дополнением к реформе 1775 г. являлся «Устав благочиния» 1782 г. В каждом городе учреждалась Управа благочиния

во главе с полицмейстером в губернских городах и с городничими — в уездных. Управа благочиния охраняла в городе порядок, принуждала жителей к соблюдению решений местных судов и властей, занималась городским благоустройством, осуществляла надзор за торговлей и правильностью мер и весов и т.п.

Реформа 1775 г. решила очень важный для абсолютистского государства вопрос: создала на местах гибкую и более совершенную организацию власти, ликвидировала чрезмерную централизацию управления.

Для сосредоточения управления духовная власть была также реорганизована. В Азовской и Новороссийской губерниях была учреждена новая епархия под названием Славянского и Херсонского архиепископства (1775 г.).

Чтобы представить себе систему управления Екатеринославского наместничества, можно посмотреть на его штат в 1788 г.: в Екатеринославском наместническом правлении — генерал-губернатор князь Г.А. Потемкин-Таврический; правитель наместничества И.М. Синельников, генерал-майор и ордена Св. Владимира 2-й степени кавалер; советники — коллежский советник и ордена Св. Владимира 4-й степени кавалер А.М. Титов, надворный советник Д.Д. Шмаков; секретарь, титулярный советник Дмитрий Смольянинов.

В палате уголовного суда — председатель полковник и ордена Св. Владимира кавалер И.М. Синельников, советники и секретари. Кроме палаты уголовного суда были палата гражданского суда и казенная, их состав был идентичен. При правлении существовали экспедиции: винная, соляная, «щетная». В наместничестве действовали «совестный», верхний земский суды; общий надзор осуществлял губернский прокурор В.Т. Золотницкий, при нем были два стряпчих (казенных и уголовных дел). В губернском магистрате были предусмотрены должности: председателя, обер-провиантмейстера, стряпчего и губернского секретаря. Приказ общественного призрения возглавлял сам правитель наместничества И.М. Синельников.

В отличие от городового управления на территории России в новых городах должности занимали в основном военные чины, что было связано с постоянной угрозой со стороны Турции.

Утверждая господство в Крыму, правительство делало ставку на татарское дворянство, в котором видело свою опору. В декабре 1783 г. из представителей крымской знати было сформировано Таврическое областное правление, находившееся под общим руководством начальника русских войск И.А. Игельстрома. Правители отдельных округов или уездов (каймаканы) были оставлены на своих постах, так же как и судьи (кадии); решение о каждом каймакане принимал лично Потемкин. Одного из них князь так представлял крымскому правительству: «Будучи известен о добрых свойствах и благоразумном поведении каймакана Козловского Али-аги, подтверждаю его в настоящим звании и надеюсь, что исправляемо им будет с порядком и справедливостью».

14 июня 1784 г. в Карасубазаре прошло первое заседание Таврического областного правления. Указом Екатерины II от 2 февраля 1784 г. была утверждена Таврическая область под управлением Потемкина, включающая в себя полуостров Крым, степь к северу от Перекопа (между Днепром, Конскими Водами и Бердой) и полуостров Тамань. В указе было сказано: «полуостров Крым с землею, лежащей между Перекопом и границ Екатеринославского наместничества, учреждая областью, под именем Таврической, покуда умножение населения и разных нужных заведений подадут удобность устроить ее губернию, препоручаем оную в управление нашему генералу, Екатеринославскому и Таврическому генерал-губернатору князю Потемкину, которого подвигом и самое наше и всех сих землях предположение исполнено, представляя ему разделить ту область на уезды, назначить города, приуготовить к открытию в течение нынешнего года, и о всех подробностях, к тому относящихся, донести нам и Сенату нашему».

Получив в свое управление Таврическую область, Потемкину пришлось заниматься решением подобных вопросов, что и при районировании Новороссийской и Азовской губерний. Различие заключалось в нескольких пунктах:

во-первых, на обширных степных землях почти не было крупных городов, которые могли бы стать базой для развития края, следовательно, при определении уездов необходимо было выбрать подходящие места для устройства населенных пунктов и там в первую очередь создать органы местного управления;

во-вторых, в связи с тем, что граница стала проходить по морскому побережью, отпала необходимость строить города-крепости на укрепленных линиях. На первое место встал вопрос устройства морских портов, для ведения торговли и организации военного флота и верфей.

К 1784 г. Потемкин — уже сформировавшийся опытный государственный деятель, успешно управляющий губерниями и Военной коллегией. К этому времени у него сложилась своя «команда» подчиненных, а вернее соратников, прекрасно понимающих его замыслы и распоряжения и способных творчески их реализовывать. Правителем канцелярии с апреля 1784 г. стал деятельный чиновник Василий Степанович Попов. Образование он получил в Казанской гимназии, по окончании которой, в 1767 г., поступил на военную службу. Не имея склонности к строевой службе, Попов сумел раскрыть свои таланты в канцелярской работе. Замеченный князем В.М. Долгоруковым-Крымским (ему он понравился искусным изложением канцелярских бумаг), Попов был взят в 1771 г. в секретари и с этого времени не разлучался с князем. Особо следует заметить, что он вместе с Долгоруковым находился в Крыму еще до заключения Кючук-Кайнарджийского мира и, следовательно, был очень хорошо осведомлен по всем крымским делам. Это помогало Василию Попову в дальнейшем оперативно и эффективно решать многие вопросы. Он сумел стать необходимым помощником Потемкину, заведовал его походной канцелярией, ведя переписку и исполняя не только служебные, но и личные распоряжения. Благодаря своим способностям и покровительству Потемкина В.С. Попов достиг высших ступеней государственной иерархии и заслужил репутацию самого близкого и преданного человека «великолепного князя Тавриды». После смерти Потемкина Попов в 1792 г. был назначен начальником Императорского кабинета Екатерины II, а затем служил при Павле I и Александре I.

С назначением В.С. Попова на должность правителя потемкинской канцелярии в его функции вошло ведение всех текущих дел по управлению с последующим докладом князю и исполнение его распоряжений. Административные лица обращались к Попову, причем в письмах высказывали иногда со всей откровенностью свои просьбы, мысли, требования, личные пожелания

и взгляды с тем, чтобы он мог более подробно информировать Потемкина.

По заведенному правилу губернаторы должны были периодически представлять рапорты о состоянии вверенных им территорий, а в военное время Потемкин ужесточил свои требования к чиновникам. 17 апреля 1788 г. он писал командовавшему в Крыму корпусом М.В. Каховскому: «Я выхожу из терпения, не получая от вас обыкновенных 3-х дневных рапортов, которые вам отправлять ко мне по средам и субботам предписываю, хотя бы и ничего там не случилось. Сей порядок наблюдаем быть должен и в случае отсутствия вашего». В данный период большое значение приобретает личное присутствие Потемкина в губерниях, в отличие от времени до присоединения Крыма, когда могущественный фаворит осуществлял руководство, находясь при дворе. О решении князя руководить областью на месте сообщил в марте 1784 г. А.А. Безбородко графу С.Р. Воронцову: «Князь Потемкин отправился в губернии в субботу с тем, чтоб в июне возвратиться. Он полагает первые четыре или пять месяцев года всегда проживать в своих наместничествах». Теперь уже Потемкин основывался не только на докладах и донесениях губернаторов, а лично объезжал Крым и Тамань с тем, чтобы разработать планы разделения области на уезды, устройства новых населенных мест, определить земли для раздачи помещикам и поселения новых жителей и т.д.

Тогда же, например, им было определено место для построения Севастопольской крепости, о чем он сообщил Екатерине в письме от 29 июля 1783 г.: «По отправлении курьера поеду в Ахтияр для положения, как укреплять; и как о сем месте, равно и о всей пограничной системе, представлю мое мнение». В другом донесении императрице Потемкин уведомляет о своих многочисленных поездках по Крыму для осмотра «нужных мест» и обещает прислать «представления». В любую погоду по бездорожью, загоняя лошадей, спешил наместнический кортеж от города к городу, от крепости к крепости. Потемкин часто и тяжело болел, и почти в каждом послании заботливая государыня, помнившая приступы жестокой лихорадки еще в те времена, когда Потемкин был в соседних покоях, писала: «береги свое здоровье», «со здоровьем не шути». Он был нужен ей еще на долгие годы.

Начиная работу по организации системы управления в Таврической области, Потемкин предварительно изучил историю развития Крыма, сложившуюся систему управления; он даже обратился через В.С. Попова к известному сочинителю и издателю Н.И. Новикову, с которым учился вместе в Московском университете, с просьбой разыскать сведения о татарских родах «в российском дворянстве для полезного в новоприобретенных провинциях употребления». Все это легло в основу чернового проекта доношения Потемкина к Екатерине с предложением установить в Тавриде «правление по образу во всей России... установленному», сопровождавшееся краткими ведомостями о числе доходов, городов, деревень и количестве жителей. «Херсон Таврической, сколько известно по истории, — писал бывший ученик Московского университета, — населен пришедшими из Азии народами, кои именовались таврами, от горы Тавра, где они жили, потом наполнился оной разными народами из Греции... а во время крестоносных походов генуесцами и венецианами, с которыми множество армян жило, а, наконец, татары из сонма Али-Джингис-Хана тут окоренились, а как... они поселились поколениями... то и управление земское по сему же разделилось безо всякого соображения разстояния мест и числа народа». Обоснованность данного проекта свидетельствует о глубоких исторических познаниях Потемкина и желании решать вопросы управления с учетом традиций и обычаев народов Крыма.

Исходя из этих соображений, Потемкин представил Екатерине II записку с планом территориального деления Таврической области на уезды, где должны были открыться присутственные места, установленные по «Учреждению о губерниях». Предполагалось разделить область на семь «округ»: Феропольская, Левкопольская, Евпаторийская, Перекопская, Днепровская, Мелитопольская и Фанагорийская. Уже одни названия этих уездов говорят о том, что в первые годы районирование основывалось на имевшихся областях и населенных пунктах. Суд и расправа должны будут расположиться в назначаемых присутственных местах. «Сверх же оных, — предлагает Потемкин, — города приморския могут иметь свои ратуши для облегчения коммерции. Весьма полезным представляю я, — продолжает князь, развивая свои взгляды на национальную

политику в Крыму, — не только в избирательных, но частию и в самых областных местах употребить к заседанию известных старшин крымских со всемилостивейшим им пожалованием чинов новым званиям соответствующих, тем паче что многие из них исполнены желания быть в высочайшей Вашего императорского величества службе».

В личном письме Екатерина высказала полное одобрение планам Потемкина: «Я сей час подписала все касательно Тавриды, только прошу тебя не терять из вида умножения доходов той области и губернии Екатеринославской, дабы выплачивали издержки на них употребленные». Одобрила императрица и политику Потемкина, направленную на привлечение в органы управления представителей татарского населения, разрешив «употребить к заседанию из тамошних старшин достойнейших» с определением им соответственных чинов. Давать чины руководитель южных губерний мог и татарским мурзам, и чиновным людям, желающим вступать в военную службу.

Вскоре за учреждением Таврической области Потемкин представил на высочайшую апробацию ее штат. «Оный разполагал я, — пишет Потемкин, лично рассматривавший списки чиновников, — таким образом, чтобы сия область в управлении своем ни малой пред другими губерниями не имела отмены, и чтоб при том нынешние члены правительства Крымскаго и прочие чиновники поступили на места по соображению их настоящих званий и по уважению преданности их и усердия к высочайшему Вашего императорскаго величества престолу». В последовавшем указе предписывалось: «чтобы в числе асессоров и советников определены были несколько человек из жительствующих в области». Накануне войны в 1787 г. последовал ряд секретных указов, в которых императрица рекомендовала князю наблюдать за народами, «пребывающими магометанского закона», а также были высланы муллы и кадии, подстрекающие татар уезжать за границу, при этом она советовала «не чинить напрасных прищепок, притеснений и другого рода злоупотребления». 22 февраля 1784 г. последовал указ, дававший высшему сословию Крыма все права и преимущества российского дворянства, кроме «права покупать, приобретать и иметь крепостных или подданных христианского вероисповедания».

Изучив состав местных органов, мы убеждаемся в том, что Потемкин стремился привлечь к управлению всех представителей социальных групп и национальностей. Подтверждают это и официальные данные из «Ведомостей о чинах, находящихся в штате области Таврической». Областным правителем был действительный статский советник В.В. Каховский, назначенный 16 февраля 1784 г. (с сентября 1788 г. — С. Жигулин, а В.В. Каховский — правитель Екатеринославского наместничества); при нем состояли советники: коллежский советник Мекмедша Мурза Ширинский, надворный советник П.С. Максимович. В должности секретаря — коллежский протоколист Фаддей Симковский. В областном правлении служили коллежские протоколисты: Федор Шербинин, Андрей Неженцев, корнет Корнилий Павленков; переводчик Али-мулла. Директором экономии был надворный советник Карл Иванович Габлиц (автор воспоминаний о службе в Таврической области). В связи с тем, что в области было несколько портов, в местное правление была введена должность советника для таможенных дел, а наличие соляных разработок (под Перекопом) вызвало необходимость назначить специального советника для надзирания за соляными магазинами. Важно подчеркнуть, что и в судебном органе — Верхней расправе — заседателями были представители местного населения — татары: Хайридин-бай, Фузулла-бай, Осман-бай, переводчиком служил грек Анастасий Львов. Мы можем отметить и элемент демократичности в устройстве местных органов. Так, заседателями в этой же Верхней расправе были представители из поселенных солдат — сержанты Андрей Черепанов и Данила Кательников.

Окончательное оформление органов управления пришлось на начало 1787 г. Как следует из донесения Потемкина, 29 января в Таврической области были открыты предписанные учреждения и введен обряд правления, существующий на территории всей России. В это же время прошли выборы судей и заседателей, и, как замечает князь, «собранное разных вер и наций мещанство и поселяне слышали с удивлением о праве своем избирать судей... Достойно примечания, — продолжает он с удовлетворением, — что ни один из ученых кадиев и мулл не был удостоен от жителей выбора, и сей род тунеядцов, пожирающих в роскоши труды чуждые, не мог потому участвовать во всеобщей радости». Ека-

терина с одобрением отнеслась к деятельности Потемкина, направленной на наиболее рациональное устройство Таврической области с учетом местной специфики. Именно о национальном своеобразии, необходимости обязательно учитывать его в организации городового управления докладывал Потемкин в июле 1787 г. К этому времени во вновь заводимых и старых городах, где должны были быть по штату магистраты, жили переехавшие сюда греки, армяне, татары, евреи. Из их состава были выбраны бургомистры и ратманы, а должности секретарей и младших канцеляристов, которые должны были вести судопроизводство на русском языке и на определенном уровне, оставались вакантными. Чтобы привлечь людей на эти места, Потемкин предложил, пока «не распространится там торговля и не умножится купечество», определить им жалованье из казны, таким образом, введя их в штат Таврической области.

В местном управлении крымских городов большое количество должностей, в основном мелких, заняли представители татарской знати и отставные военные. В 1787 г., после посещения Екатериной II Северного Причерноморья, в Крыму провели первые дворянские выборы, на них были избраны уездные предводители дворянства: Симферопольским — Абдувели-ага Тепегокрайский; Феодосийским — майор Атай-мурза Ширинский. Все места депутатов, заседателей, как дворянских опек, так верхних и нижних земских судов, были замещены молодыми мурзами с чинами. Вплоть до 1840 г. большинство выборных мест по Крыму было занято мурзами.

В составе городового управления также учитывалось разнообразие национального состава населения. Это отчетливо видно на примере управления Севастополем по данным 1784 и 1788 гг. 1784 г.: «В магистрате: бургомистры из греков Синадин Кудров, Дмитрий Казы; ратманы-греки; расправный судья титулярный советник Борис Алексеев; сельские заседатели из поселенных солдат: И. Сидельников, из волох — Николай Ботежат». Через четыре года в аппарате городового управления сохраняются местные кадры: «В Севастопольском городовом магистрате: бургомистры Синадин Кудров, Дмитрий Казы; ратманы Юрий Фриза Фоты, Музганати, Яний Кушури, Христо Кукурати...»

С 1785 г. по указу Сената в типографии Иоганна Шнора специально для Таврического наместничества печатались книги и «высочайшие узаконения» на татарском, турецком, арабском и персидском языках. В самый разгар войны с турками, в 1790 г., по настоянию Потемкина был издан Коран, который, по его мнению, «при сношении ныне с турками может... с пользою быть употреблен».

Создание единой системы местного управления с привлечением представителей различных социальных слоев и национальностей, получивших определенные льготы, несомненно, способствовало целенаправленному проведению Г.А. Потемкиным правительственной политики по государственному управлению края, а также заселению и хозяйственному освоению Северного Причерноморья, что значительно упрочило положение Российской империи на новых землях в условиях сохраняющейся военной угрозы.

Потемкин, при освоении Крыма, следовал той же схеме, что и в Новороссии, используя как проверенные методы, так и нововведения, ориентированные на специфику Тавриды. Во-первых, он определил границы новой территориальной единицы по реке Кальмиусу, включая и донские селения, а к Тамани предложил присоединить часть Кубани. Следующим шагом Потемкина была организация потока переселенцев, особенно опытных специалистов, способных ускорить развитие сельского хозяйства и промышленности. Одновременно разрабатывались и реализовывались планы крепостей и городов. Они должны были служить не только обороне новых земель, но и стать промышленными и культурными центрами Крымского полуострова.

Несмотря на успокаивающий характер манифестов 1783 и 1784 гг. и их обещания, среди татар с чисто стихийной силой развивалась эмиграция. По данным академика и географа В. Зуева, посетившего Крымское ханство в 1782 г., здесь было не более 50 тыс. жителей м.п. Если принять во внимание, что перед приездом Зуева в Крым там была произведена перепись населения, то цифра эта представляется вполне вероятной. Данные путешественника совпадают с выводами, к которым пришел И.А. Игельстром в декабре 1783 г., собирая по поручению Г.А. Потемкина сведения от каймаканов (правителей административных единиц). В результате получилось 55 917 душ м.п.

Осознавая необходимость достижения достаточного для развития края количества населения, Потемкин писал Екатерине в своем докладе от 10 августа 1785 г.: «Но сия пространная и изобильнейшая земля в России не имеет еще ни десятой доли жителей по ея препорции, и для того я осмеливаюсь всеподданейше просить о подаянии следующих к населению способов...»

В ходе поисков новых жителей для Южной России Г.А. Потемкин решил сформировать дополнительные отряды поселенных солдат из заштатных церковников. Он предлагал перевести в Таврическую область «дьячков заштатных, которых Синод отдаст на поселение», и превратить их в «военных поселян». Потемкин видел в этом двойную пользу: «...получатся и хлебопашцы, и милиция, которая вся обратится в регулярные казацкие сотни и будет неисчерпаемым источником воинов не на счет рекрут». Правительственный указ о переводе церковников предписывал предоставить им земли, а также «снабжение... на построение домов и на хозяйственное заведение при четырехлетней льготе от всякой подати». Одним из способов привлечения жителей Потемкин считал снятие пошлинного сбора в самом полуострове.

Необходимость заселения Крыма вызывалась как хозяйственными, так и стратегическими задачами: пограничные районы важно было укрепить и обеспечить продовольственными ресурсами; размещаемые войска нуждались в жилищах. В 80-х годах продолжал действовать поощрительный указ от 25 июля 1781 г. о переводе экономических крестьян. Переселение крепостных крестьян в Крым происходило значительно медленнее, чем в Новороссийскую и Азовскую губернии. Переселенцы получали на новых местах «льготу от податей на полтора года с тем, чтобы в течение сего времени подати платили за них жители прежнего их селения», за это тем отдавали землю выбывающих. Указ от 6 июля 1783 г. отмечал, что срок освобождения от уплаты податей повышается до 6 лет. В 1787 г. крестьянам, испытывающим недостаток в земле, разрешили переселяться в южные губернии без каких-либо определенных условий.

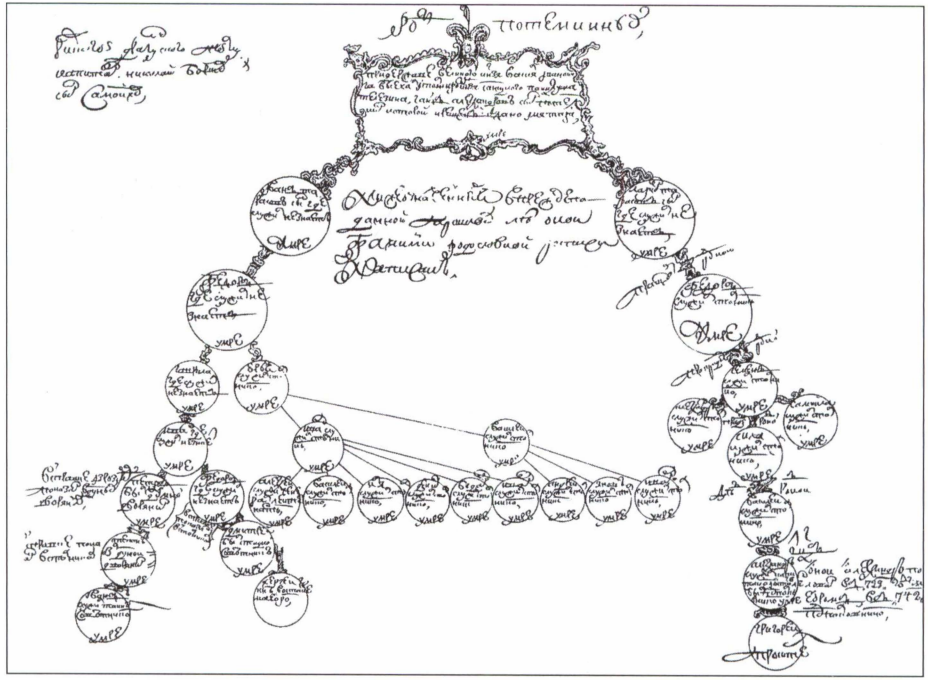
В августе 1786 г. к Потемкину обратился А.А. Вяземский и представил ведомость казенных жителей, желающих переселиться из внутренних областей России (Тамбовской, Рязанской,

Костромской, Калужской, Псковской, Воронежской и др.) в Кавказское наместничество. При этом Вяземский, по распоряжению Екатерины, спрашивал Потемкина о том, есть ли необходимость переселить часть людей в Екатеринославское наместничество из тех губерний, из которых бы «препроводить их водяным путем удобнее...». Еще одну категорию лиц, направляемых на поселение в Таврическую область, составляли отставные солдаты, неспособные к службе.

Для того чтобы переселенцы были в состоянии устроиться на новых местах и со временем сделаться исправными налогоплательщиками, Потемкин решил предоставить им рабочий скот, земледельческие орудия, готовые избы (для каждой семьи). В одном из своих ордеров на имя В.В. Каховского князь писал: «Из оставшегося после выехавших за границу татар разного скота извольте... волов, коров и лошадей приказать раздать новым поселянам, стараясь в сем случае не столько соблюсти равенство, сколько сделать нужное пособие бедным и неимущим». Поддерживая «бедных и неимущих», Потемкин руководствовался трезвым расчетом: ему не нужны на юге разорившиеся крестьяне, не способные нести положенных повинностей, государству требуются зажиточные подданные, и надо дать людям возможность разбогатеть.

Конечно, жизнь диктовала свои правила, и многие объявленные льготы и пособия остались, в значительной части, на бумаге. Не хватало рабочего скота и орудий, условия жилья не соответствовали обещанным — люди жили в землянках и т.д. Это осознавал и сам Г.А. Потемкин. В одном из ордеров он рекомендовал В.В. Каховскому обратить внимание и принять все возможные меры для исправления замеченных профессорами домоводства В.П. Прокоповичем и М.Е. Ливановым недостатков в казенных селениях Таврической области.

Кроме украинцев и русских, Г.А. Потемкин стремился привлечь в колонизуемые районы и представителей других народов. Указом от 14 августа 1783 г. одобрялось его предложение о переводе с Волги в крымскую степь дербетовых калмыков, с 1783 г. началось расселение кочевников-ногаев, едисаев. Потемкин несколько раз посылал специальных агентов в Турцию для склонения казаков-некрасовцев, некогда бежавших из

Генеалогическое древо рода Потемкиных

Русский посол
П.И. Потемкин

Д.В. Потемкина

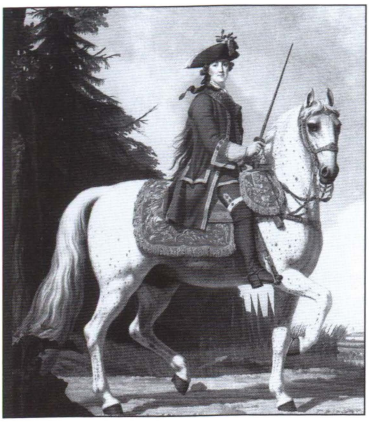
Дворец Петра III в Ораниенбауме

Петр III

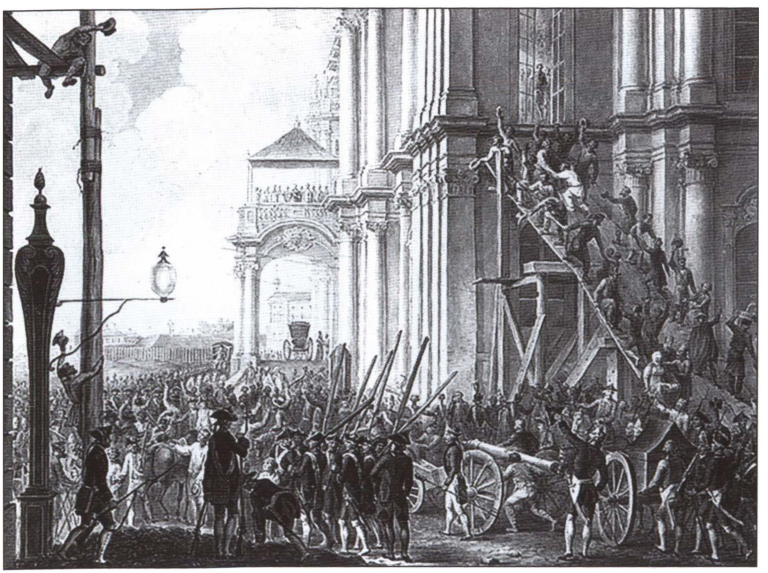
Екатерина II

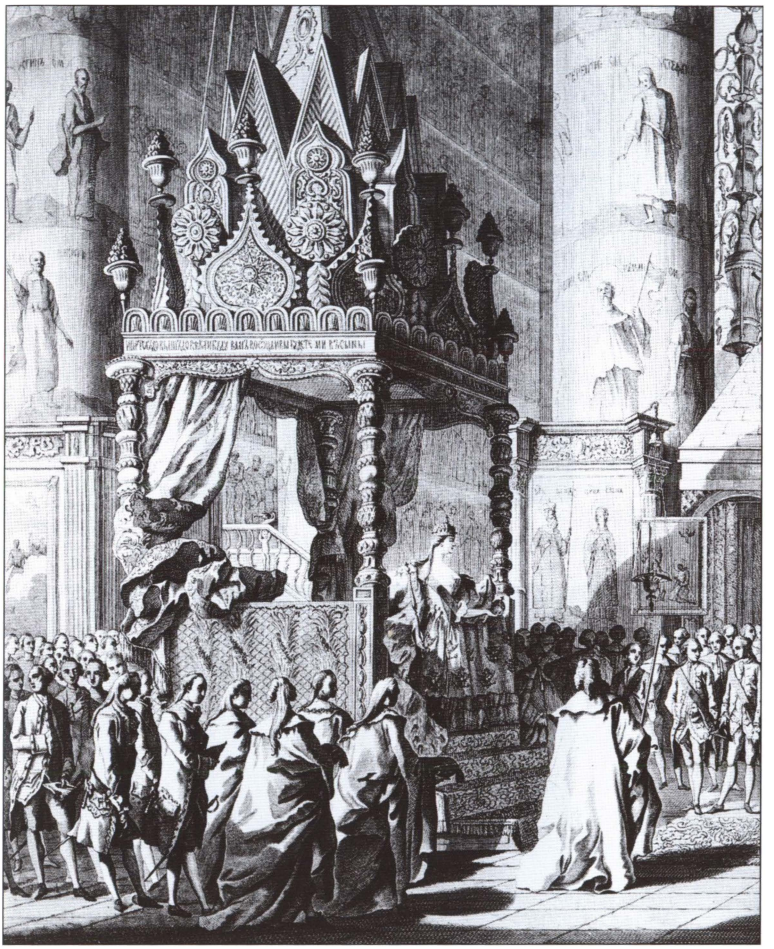
Конный портрет
Екатерины Великой
в мундирном платье
Преображенского полка

Г.А. Потемкин
в 1770-е гг.

Екатерина II на балконе Зимнего дворца,
приветствуемая гвардией и народом в день переворота

Императрица Екатерина II
на троне Мономаха в день коронации

П.А. Румянцев-Задунайский

А.В. Суворов-Рымникский

Медаль «В честь светлейшего князя
Потемкина-Таврического.
На взятие Очакова и крепости Березани»

Сражение при Кагуле 21 июля 1770 г.

П.А. Зубов

С.В. Салтыков

П.В. Завадовский

А.М. Дмитриев-Мамонов

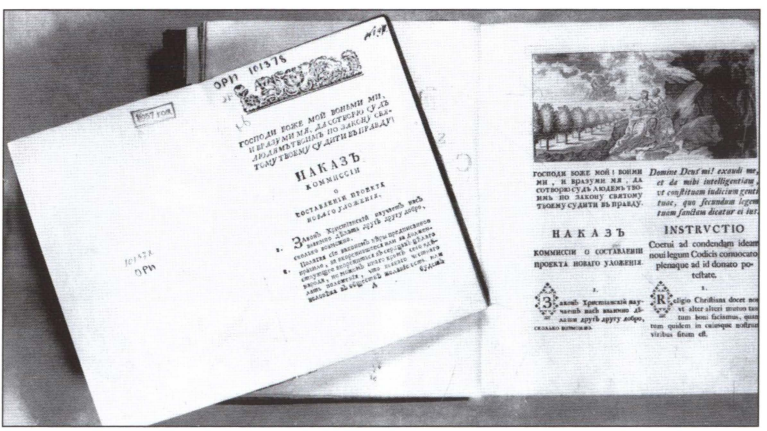
Е.Р. Дашкова

Соборное Уложение 1649 г.
в серебряном ковчеге

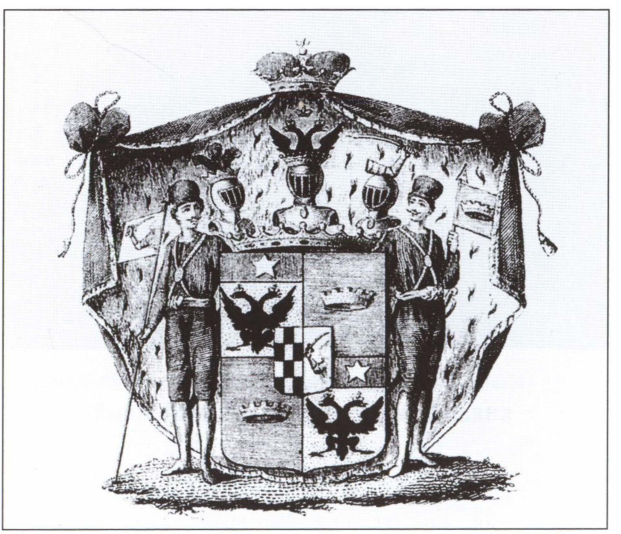
Екатерина II
с текстом «Наказа»

Экземпляры «Наказа» Екатерины II Уложенной комиссии. 1767 г.

Иосиф II, император Священной Римской империи

Герб князя Священной Римской империи германской нации
Г.А. Потемкина-Таврического

Генерал-фельдмаршал
князь Г.А. Потемкин-Таврический

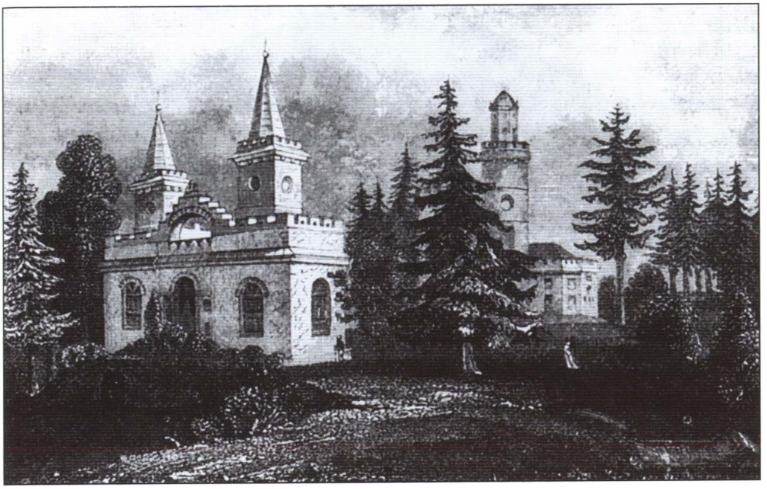
Елизавета Григорьевна Темкина (Темлицына) —
дочь Г.А. Потемкина

Наследник престола
Павел Петрович

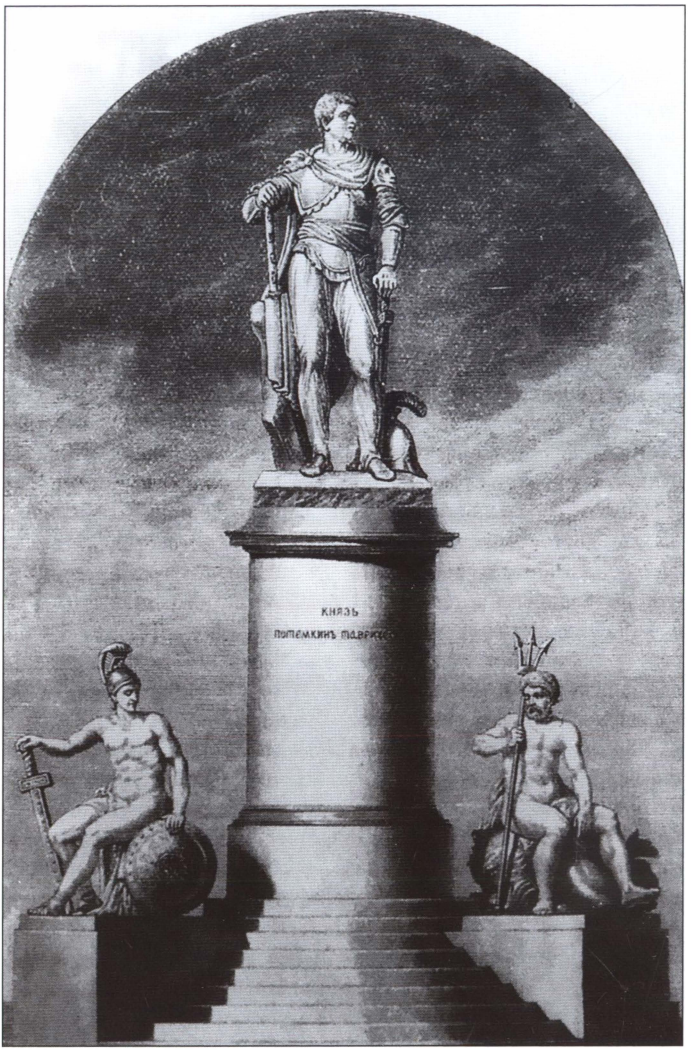
Императрица Екатерина II

Замок Потемкина в Островках

Аничков дворец и Невский проспект

Памятник Г.А. Потемкину в Херсоне

России, к «возвращению на родину». Несколько затормозила темпы переселенческого движения вторая русско-турецкая война. В течение второй половины 1787 г. перевод крестьян на юг еще продолжался, 11 сентября 1787 г. даже был опубликован сенатский указ, позволявший «отпускать однодворцев для поселения в Екатеринославском наместничестве». Летом этого же года Екатерина II в своей записке к Г.А. Потемкину разрешила обращать «однодворцев, поселенных по бывшей Украинской линии, в службу казачью по примеру Донского войска» и прощать беглых с «разрешением им селиться в Екатеринославской области», что было подтверждено указом 3 июля 1787 г. Эти правительственные меры были ответом на две записки Потемкина, где он просил «высочайшего повеления о вопрошении по губерниям и записке желающих переселиться в здешнее наместничество (Екатеринославское. — *Н.Б.*) и Тавриду. Число охотников, — как справедливо считал князь, — будет, конечно, весьма велико, особливо же из однодворцов, землями крайне нуждающихся». Во втором документе Потемкин предполагал со временем обратить однодворцев, составляющих вооруженную и обученную ландмилицию, в казачье войско, чтобы они не «пришли совсем в состояние мужицкое». И, как он писал Екатерине: «Из сего вдруг зделается Екатеринославское казацкое войско, годное ко всякому употреблению, какое впредь заблагорозсуждено будет». В состоянии открытия военных действий Потемкиным были усилены меры, направленные на «обселение» границ войсками, для чего однодворцы, старообрядцы и мещане городов Екатеринославской губернии обращались в «казацкое состояние», и принявшие военное звание по примеру Донского войска могли получить земли по Бугу и Днепру и пользоваться определенными выгодами.

Начиная с 1788 г. перевод населения на юг был воспрещен. 24 февраля 1788 г. специальным указом прекращалось всякое переселение крестьян «казенного ведомства» в южные пограничные губернии «до будущего повеления... по настоящим военным обстоятельствам». Действие этого закона было отменено только по именному указу от 11 октября 1793 г.

В период после присоединения Крымского ханства возросли темпы и иностранной колонизации, и в частности земледельче-

ской, не связанной с несением воинской службы. Греки, румыны и представители других народов, несмотря на многочисленные препятствия, перебирались в Крым. Колонисты вербовались также и в Польше — это были преимущественно польские украинцы.

23 декабря 1791 года был издан указ о том, что право «гражданства и мещанства» предоставляется евреям только в Белоруссии, Екатеринославском наместничестве и Таврической области, чем было положено начало «черты еврейской оседлости». До 1772 г. еврейский вопрос в Российской империи имел лишь маргинальное значение, так как до первого польского раздела постоянное еврейское население отсутствовало и не возникало никакой необходимости вносить изменения в традиционную политику. В результате трех польских разделов 1772—1795 гг. и присоединения к России земель Белоруссии, Правобережной Украины, Литвы и Курляндии, плотно заселенных евреями, они оказались в числе подданных крупнейшей империи. С этого времени государство вынуждено было решать скоротечно возникшую проблему политического, юридического и бытового устройства почти миллионной массы еврейского населения.

В силу исторически сложившегося груза давнишней антиеврейской традиции, протянувшейся от эпохи Ивана Грозного, и довольно распространенной в высших аристократических кругах XVIII столетия юдофобии, взгляды того или иного государственного деятеля на еврейский вопрос можно считать своего рода «лакмусовой бумажкой» его политической зрелости. Потемкин, не из-за какой-то своей особой терпимости, а только исходя из интересов государства, участвовал в разработке политики Екатерины II по еврейскому вопросу и охотно принимал на вверенных ему землях еврейских поселенцев.

Политике Екатерины II в еврейском вопросе была присуща вполне объяснимая с точки зрения существовавшего враждебного к евреям общественного мнения непоследовательность. С одной стороны, провозглашалась цель — интеграция евреев с основным населением страны и включение их в политическую и социально-экономическую жизнь государства как полноправных подданных, а с другой — на них накладывались тяжелые дискриминационные ограничения. Одна тенденция была

направлена на извлечение максимальной пользы из экономической деятельности евреев, составлявших важный элемент в экономике западного края и способствовавших хозяйственному развитию юга России, а противоположная ей — стремление власти не вызывать недовольства в общественном мнении. Находясь под воздействием идей «просвещенного абсолютизма» XVIII в., Екатерина II стремилась править еврейским населением как религиозным меньшинством, равным перед законом с остальными подданными, но в то же время просвещенная государыня разделяла распространенные предрассудки в отношении иудеев. Потемкин, который при всей религиозности, был как политический деятель чрезвычайно веротерпимым человеком, без сомнения влиял на умонастроения императрицы и много сделал для включения евреев в жизнь России. Возможно, на терпимое отношение светлейшего к еврейскому населению его белорусских имений и переселенцев в южные губернии повлияло и то, что род Потемкиных еще с давних времен польского подданства имел тесные взаимоотношения с еврейскими предпринимателями. Смоленские земли, откуда происходило многочисленное и разветвленное генеалогическое древо Потемкиных, на разных этапах российской истории входили в состав Речи Посполитой.

Одной из затей Потемкина было создание «Израилевского конного его высочества герцога Фердинанда Брауншвейгского полка», полностью сформированного из евреев. В 1786 г. был образован эскадрон — отдельное подразделение будущего полка, формирование и подготовка его проходили в белорусском местечке Кричев, принадлежавшем князю. Кричевское графство, входившее до первого раздела Польши в состав Речи Посполитой (владение надворного маршала графа Мнишека), было выделено Потемкину из Дворцового ведомства. Свою хозяйственную деятельность новый владелец согласовывал с общим развитием экономики российского государства, и здесь быстро стали возникать разные виды мануфактур: заводы, фабрики, лесопильные мельницы. Многие из них, как, например, стекольный завод в деревне Ушаки, кожевенный в деревне Задобрости, медный в деревне Грязивецкой Рудне, были отданы Потемкиным англичанам в аренду сроком на 10 лет. Мало кому известно, что именно в Кричеве старинный приятель могущественного

вельможи архитектор Иван Старов к приезду Екатерины II возвел сохранившийся до наших дней дворец, оригинально решив композицию здания: оно построено в виде двух переплетенных вензелей — Е (Екатерина) и П (Потемкин).

Среди знакомых и экономических партнеров Потемкина было большое количество людей еврейского происхождения: крещеных и некрещеных, интеллигентов и коммерсантов. Один из них — Нота Хаймович Ноткин, крупный предприниматель и общественный деятель — стал даже в некотором роде идейным продолжателем политики Потемкина в деле привлечения новых поселенцев в южные губернии России. В конце 1790-х гг. в одной из своих записок-проектов Ноткин предложил переселить «евреев колониями на плодородные степи для размножения там овец, земледелия и прочего», а также завести «по близости черноморских портов» фабрики, «на которых мастеровые люди были бы обучены из сего народа». Спустя несколько лет, уже после смерти Потемкина, идеей предпринимателя о поселении евреев на пустующих казенных землях воспользовался сенатор-поэт Г.Р. Державин, по поручению императора Павла I занявшийся решением еврейского вопроса в государстве. Позднее, уже при внуке Екатерины Великой Александре I, первое «Положение о евреях» от 9 декабря 1804 г. юридически зафиксировало образование в среде еврейского населения класса земледельцев, что дало новый толчок начавшейся в 1807—1809 гг. еврейской земледельческой колонизации в Херсонскую губернию.

В июле 1785 г. был опубликован манифест Екатерины II, приглашавший в Россию иностранных колонистов. Он продолжил политику государства по привлечению зарубежной трудовой силы, начало которой положил манифест-призыв 1764 г. Потемкин обратился к императрице с просьбой дать указания министрам, находящимся при иностранных дворах, опубликовать в газетах за границей объявления о приглашении иностранцев в Тавриду; особо он просил «напечатать о том, что все таковые поселенцы будут иметь все выгоды и преимущества, которыми пользуются в наместничестве Екатеринославском». Этот призыв встретил живой интерес за рубежом у различных слоев населения, по тем или иным причинам недовольных своим положением. К ним относились, в частности, ремесленники и торговцы

города Данцига (Гданьска). Вместе с первой партией данцигских колонистов в Россию явились депутаты от данцигских меннонитов. Меннонитами назывались сектанты-анабаптисты голландского происхождения, известные как образцовые земледельцы. Депутаты изложили свои просьбы Г.А. Потемкину и получили от него согласие на предоставление им ряда льгот. Они просили беспрепятственного и свободного богослужения, 10-летнего освобождения от всех податей, разрешения заводить фабрики в городах и деревнях, «вступать в торговлю и в художескую обществу». Это о них писал русский поверенный в делах в Данциге Семен Соколовский Г.А. Потемкину в 1786 г.: «...с сими переведенцами (меннонитами. — *Н.Б.*) действительно можно Россию поздоровить: ибо сии люди в деревнях, в коих я во время последней прусской войны сам нередко бывал, суть не только добронравны, честные граждане, но и искусные и весьма прилежные земледельцы...» В том же году коллежский асессор и поверенный по принятию колонистов Георг Траппе, уполномоченный Г.А. Потемкиным, обещал меннонитам, желающим переселиться, «...для их пропитания... получать им в месяц каждому по 4 голландских червонца... путевые деньги от казны водою и сухим путем не токмо до Херсона, но и будущей весной возвратно сюда назад... свободные квартиры как в пути, так и во время пребывания в Херсоне...» и т.д. На основании льгот, предоставленных колонистам, в 1789 г. в Екатеринославский уезд прибыло 228 семейств прусских меннонитов. В начале 1790 г. они построили здесь восемь колоний: Хортицкую, Кронсвейде, остров Хортицкий, Эплаге, Неебург, Шенгорст, Розенталь, Неедорф.

Колонистов из Западной Европы было не так уж много: корсиканцы, польские евреи, албанцы, поляки, шведы. Пленные шведы были поселены в Екатеринославской губернии, и Г.А. Потемкин особо интересовался, сколько в их числе «офицеров, тоже солдат и ремесленников». Часть из них пожелала возвратиться на родину, и «на исправление им одеяния и обуви» было предписано «употребить до 3 тыс. руб.». Более двухсот человек склонил Потемкин остаться в подданстве России, как он писал, «лучших мореходцев и мастеровых, переженя и поселя их в шведской колонии на Днепре». В 1783 г. из Царьграда

в Херсон были переселены «минорские колонисты», а в 1788 г. к Потемкину обратились «голландские патриоты» с просьбой поселиться в России. Широко практиковалось привлечение на поселение военных, отставленных от албанской команды. Так, например, в 1785 г. 31 человек объявил желание остаться на жительство в городах Крыма в «купеческом промысле». Кроме вышеперечисленных, существовали и более мелкие колонии: одно селение швейцарцев на Днестровском лимане, иозефстальские поселенцы, итальянцы, цыгане, ведущие кочевой образ жизни.

Официальное законодательство и непосредственная деятельность Г.А. Потемкина способствовали переселению в Северное Причерноморье в основном крестьян из центральных районов и иностранных переселенцев, способных к ремеслу и земледелию. Колонизация такими переселенцами вновь приобретенного края, инициированная и всячески поощряемая правительством в лице Потемкина, оказала благоприятное влияние на хозяйственное освоение Новороссии, хотя оно несколько отставало от темпов ее заселения.

Совершенно по-другому выглядит переселение на новые земли старообрядцев, находившееся в тесной взаимосвязи с общей политикой Потемкина по отношению к этой категории жителей Российской империи. Оно стало поворотным моментом в истории старообрядчества.

Уже при первом появлении раскола в середине XVII в. после церковной реформы патриарха Никона и отделении его от православной церкви у старообрядцев ощущался недостаток в законных лицах, необходимых для совершения таинства и церковного богослужения. С этой целью они начали «сманивать» попов у православных. Со временем правительственные меры пресекли бегство попов, и недостаток в священниках побудил значительную часть старообрядцев совершать обряды без их содействия. Это привело к образованию двух направлений в старообрядчестве: беспоповцев, из семи таинств оставивших только два — крещение и покаяние, и остальных, которые не изменили своим верованиям и совершали обряды по старым книгам. Они пытались получить архиереев из Греции или Кавказа, но безуспешно. Отсутствие епископа приводило к отсутствию попа, что в свою очередь выливалось в невозможность совершать

церковные таинства, а особенно исповедь. Потемкин, хорошо информированный в данном вопросе, был государственным чиновником в полном смысле этого слова и понимал, что нецелесообразно превращать такое большое количество людей в политически опасную нестабильную группу. Одновременно в среде старообрядцев возникла идея о соединении представителей поповского и беспоповского согласий под руководством одного пастыря. Первым мысль о единоверии и единении с православной церковью выдвинул старец Никодим, который нашел себе влиятельных покровителей в лице Гавриила, митрополита Санкт-Петербургского, и Платона, митрополита Московского, а из светских особ — в графе Румянцеве-Задунайском и князе Потемкине.

По совету графа Румянцева Никодим и поп Михаил Калмык обратились к Екатерине и Синоду через Потемкина с просьбой назначить им особого архиерея и, таким образом, воссоединиться с православной церковью, в чем при личной беседе императрица обнадежила старца. В апреле 1783 г. Никодим подал Потемкину прошение старообрядцев. Они просили его содействия в рассмотрении Синодом «соединения» на основании определенных пунктов: разрешить «двоеперстно сложение», прислать из Синода «поставленного из великороссийской породы сельского епископа» в Слободской Успенский монастырь, позволить всем желающим соблюдать старообрядчество и др. В заключение Никодим обращался к князю, говоря о его важной роли в судьбе раскольников: «коего благого дела и ваша светлость будете виновником...» На варианте, датированном 26 февраля 1784 г., имеются примечания Потемкина на некоторые пункты старообрядцев:

ПОТЕМКИН		СТАРООБРЯДЦЫ
1	Клятва касается только до непокорящихся святой церкви, а которые присоединяются, те не надлежат.	Произнесенные... клятвы и поречении на двоеперстное сложение и на прочее некоторое древнее грекороссийския церкве содержание с сношением святейших вселенских четверопрестольных патриархов разрешить.

2	В Новогородской епархии таковых приемов вовсе нет, а приходящие каются только на исповеди.	Положенные 1720-го и увещании 1765-го годов приемы отлучившимся грекороссийского церкве отложить, а некоторых сомнительству подлежащих на волю власти церковной и присоединяющихся оставить.
3	Епископы сельские, сиречь хорееписконы (сан выше иерейского, но ниже епископского. — *Н.Б.*), отменены соборами.	Прислать при указе Ея императорского величества из Святейшего правительствующего Синода поставленного из великороссийской породы сельского епископа в Слободской Успенской монастырь, состоящей в Новгородском Северском наместничестве между вновь учрежденными Зыбковским и Злынским посадами, которому бы не относительные до епархиального архиерея подлежать святейшему правительствующему Синоду с нижеследующим наставлением.
Пункты 4 и 5 заключают в себе наставления, которые необходимо будет дать епископу об освящении церкви в указанном монастыре и поставлении священников из монахов. Отвергая пункт 3-й, Потемкин тем самым не соглашается и на последующие:		
6	Сего дозволить не можно потому, что такой архиерей будет как патриарх Вселенский.	Предписать ему (см. п. 3. — *Н.Б.*) как о живущих в Малой России, так и в разных епархиях Великороссийского государства придержащихся старообрядчества, по желанию их освящать им церкви и по собственному их избранию мужей благоговейных же и искусных в чтении писания посвящать в диаконы, совершать в пресвитеры и быть под паствою его.
7		Таинством святого мира для церквей освящения и крещения младенцев снабдить из Святейшего Синода.
8	Совсем ненужная статья.	От окрестных поелику в рассуждении соблажняющихся о обливательном крещении как духовных, так и светских сообщения в молитвенных храмах свободными предписать.

9		Иеромонахов, священников и иеродиаконов прежде сего в рассуждении содержания старообрядчества церковного отлучившихся грекороссийской церкви, которые согласными сему прошению себя объявят и по справке явятся, что правильному запрещению не подлежат, таковых из-под наимянования по состоявшемуся в 1776 году указу Святейшего Синода светских исключить и позволить им отправлять всякое по их званию священнодействие церковное, постриженных же при старообрядчестве всякого звания и рода не перестригать и впредь желающих в монашество по силе государственных законов дозволить постригать.
10		Выше именованный Успенский монастырь, не включая в штат, оставить на своем пропитании, монашествующих же как в оном, так и в прочих монастырях и селениях, сколько сему согласных будет, подушных окладов и рекрутских наборов свободить и под начал никого из прочих епархии не присылать и из оного в другие епархии не переводить.
11	В тех местах, где назначается.	Дозволить впредь желающим соблюдать старообрядчество церковное, которые согласными сему прошению себя объявят, состоять под паствою имеемого быть при старообрядчестве епископа.
12	Брить бороды и носить платье немецкое и без того принуждать не велено.	Как здешних, так и прочих в великороссийских городах купцов и мещан, имеемых состоять под паствою того епископа, к бритью бород и ношению немецкого платья не принуждать.

Потемкин, рассматривая пункты старообрядцев, руководствовался принципами целесообразности и государственного приоритета. В таких вопросах, как покаяние на исповеди, крещение в три погружения, бритье бород и других, имевших

большое значение для старообрядцев, Потемкин пошел им навстречу.

В ключевом вопросе о епископе его позиция двойственна. Рассматривая пункт 3 о присылке «сельского епископа», Потемкин фактически «ловит» старообрядцев на слове, говоря, что такие епископы отменены соборами. Это свидетельствует о хорошей подготовленности Потемкина в вопросах канонического права. На самом деле старообрядцы просили заштатного епископа, который должен был сделать только одну вещь — поставить другого епископа, а дальше уже началась бы нормальная иерархия. Но Потемкин не идет на это. Как он говорит в 6-м пункте, такой епископ стал бы как «патриарх Вселенский», т.е. оказался бы вне поля деятельности Синода, как отдельная конфессия. Это, несомненно, не соответствовало государственным интересам. В то же время, отвечая на статью 11-ю, Потемкин противоречит сам себе, говоря, что позволяется состоять старообрядцам под паствою епископа в тех местах, где он назначается.

В результате покровительства Потемкина 11 марта 1784 г. состоялся высочайший указ на имя митрополита Гавриила о даровании старообрядцам священников с дозволением отправлять всю службу по старопечатным книгам. В этот же день митрополит получил письмо от князя, где последний рекомендовал отправить соответствующие письма к преосвященным Могилевскому и Славянскому. Разрешение служить по старопечатным книгам — это революционный шаг в политике государства. До этого за факт нахождения таких книг начиналась процедура полного и пристрастного расследования. При Потемкине разрешают не только служить по книгам дониконовского издания, но и начинают их печатать по старой форме.

Смерть Никодима приостановила дело объединения. Но Потемкин не только способствовал старообрядцам в духовных делах, но и всячески старался переселить их в подвластные ему области, зная о свойственном им трудолюбии и склонности к домостроительству и хлебопашеству. Он писал Екатерине о раскольниках, вышедших из-за границы в Екатеринославскую губернию и требовавших разрешения иметь свои церкви. Потемкин предлагал «назначить им селиться на степи крымской, дав епископа той стране, к которому и их, и стародубовских привя-

зать, также и белорусских, и сему повелеть мне с Новгородским архиереем для поднесения Вашему императорскому величеству составить проект». Лучшим способом Потемкин считал поручить их архиерею с епархией, в Херсоне Таврическом. Екатерина с опасением относилась к решительным действиям в отношении раскольников. «Я рассуждаю, — писала императрица князю, — что, конфирмовав сей доклад, подали повод ко многим подобным от раскольников прошениям, из чего родиться может церкви нашей неприятное... О делах же церкви едва ли и прилично установлять что-либо, минуя Синод», — заключает Екатерина.

В следующем году Потемкин в докладе об открытии Таврической области отдельным пунктом предлагает «дозволить всем старообрядцам, которые переселятся на месте, лежащия между Днепром и Перекопом, получая попов от архиерея Таврического, отправлять служение по старопечатным книгам... Заграничным же, прописав сии выгоды, сделать вызов; для перваго опыта я уже переселяю Знаменскую слободу из Елисаветградского уезда на Конския воды». 26 августа последовал соответствующий рескрипт Екатерины. Потемкин затеял на указанных землях создать для старообрядцев особый единоверческий монастырь, о чем писал преосвященному Амвросию. Для монастыря по распоряжению Потемкина было отведено 14 тыс. десятин земли, разрешено собирать пожертвования, и даже он сам сделал значительный вклад. Так было положено начало Корсунского монастыря.

В 1787 г. старообрядцы Черниговского и Новгород-Северского наместничеств, испытывая земельную нужду и зная о выгодных условиях переселения, решили перебраться на юг, но предварительно послали к Потемкину своего поверенного Федора Носова с различными вопросами и пожеланиями. Это послужило поводом для появления специального обращения Потемкина «Придержащимся обряда старопечатных книг», где перечислялись все предоставляемые переселенцам льготы; причем можно считать, что этот документ относился ко всем желающим переселиться в Тавриду. Миграционное движение за пределы досягаемости со стороны государственной власти являлось развитием народной утопии как идеологии протеста и выключения из крепостнической действительности. При всем покровительстве старообрядцам Потемкин действовал больше в

интересах государства, поощряя переселение людей на юг. Как пишет священник Николай Верховский, «согласные» (т.е. желающие соединиться с церковью), живущие в слободах на левой стороне Днепра, были обязаны за получением священников и во всех своих духовных нуждах обращаться к Таврическому архиерею, что затруднялось их отдаленностью. Жители обратились к самому Потемкину с просьбой помочь им получить в священники диакона Иосифа Иванова, на что князь ответил: «Я выпросил для вас льготы в своей губернии. Кто желает на старые обряды получить священство, милости прошу в мое наместничество, а в чужом наместничестве я не хозяин».

В годы второй русско-турецкой войны Потемкин предпринял ряд мер, чтобы использовать раскольников как казаков, о чем доносил 3 января 1788 г. Екатерине: «Раскольничьи слободы, в Екатеринославской губернии лежащия, не дают рекрут, да и доход с них весьма малый. Желание их быть казаками по примеру донских... я нахожу сие весьма полезным. Из них прекрасное будет войско». По мнению князя, многие старообрядцы пожелают переселиться из Польши и стать казаками. Затея Потемкина с обращением старообрядцев в казачью службу удалась. Так, например, 31 августа 1791 г. ему рапортовал Вольского казачьего полку секунд-майор Страшнов о прошении «казаков старообрядцев» позволить им построить часовню и иметь священника, «привозимаго из слобод Стародубенских или из Саратовского наместничества с Иргиза». В своем обращении казаки пишут, что они исправляют службу наравне с прочими и с самого переселения в 1778 г. на Кавказскую линию «претерпевают крайнюю нужду» из-за отсутствия священника.

Интересные сведения о состоянии старообрядчества к 90-м годам XVIII в. в Екатеринославском наместничестве, которые могут служить неким итогом деятельности Потемкина, дает донесение преосвященного Гавриила, составленное в марте 1790 г. по предписанию Синода. В нем приводились данные о количестве душ, показанных по ведомостям в Екатеринославской епархии, «присоединенных к православной церкви», а далее следовало: «что учиненное удалившимся от церкви старообрядцам... снисхождение действует с желаемым успехом в присоединение их к православной церкви, что мною довольно примечено; и можно

было б и более успеть, но находящиеся в раскольнических селениях, даже и в самых городах, беглые и неизвестные попы и монахи подают немалый соблазн, развращая простых и слабых в вере... также и имеющиеся у раскольников часовни, особливо в городах, суть великие преграды суеверным к обращению и присоединению их к православию...».

Уже после смерти Потемкина и Екатерины, в октябре 1800 г., были утверждены составленные митрополитом Платоном «правила единоверия», но они не удовлетворили ожидания старообрядцев. Об особом архиерее для них не говорилось ни слова, и, кроме того, было отказано в прощении беглым попам, находившимся у старообрядцев. До этого времени присоединение к единоверию, еще не организованному, было несравненно сильнее, чем впоследствии. Вероятно, это связано с многочисленными обещаниями, частично выполняемыми, екатерининского правительства в лице Потемкина, которые не осуществились в 1800 г. Окончательное решение проблемы старообрядчества в предложенной князем форме произошло только в 1905 г.

Потемкин намного опередил свое время. Он видел в старообрядцах значительную часть русских людей, живущих в России и за границей. Он первый внес элемент сомнения в позицию духовенства, разрешив издание печатных книг по дониконовскому образцу. Это был кардинальный поворот в истории церкви, свидетельствующий, что Потемкин признавал преемственность между дониконовской церковью и синодальной.

Только после присоединения Крымского полуострова к России на земли Северного Причерноморья было распространено «Учреждение о губерниях» (1775 г.). Потемкин как главнокомандующий, государев наместник возвышался над всей пирамидой местных учреждений. Им была создана гибкая и эффективная система управления в наместничествах с учетом местных особенностей и национального состава населения. К этому времени у Потемкина сложилась своя «команда» подчиненных, способных творчески реализовывать распоряжения князя. Тем не менее личное присутствие Потемкина в губерниях и контроль за всеми вопросами их жизнедеятельности имели огромное значение для этого периода.

Осознавая необходимость достижения достаточного для развития края количества населения, Потемкин продолжил

заселение Екатеринославского наместничества и организовал поток переселенцев в Крым. Новое районирование Северного Причерноморья, создание гибкой системы местного управления и организация заселения края создали благоприятные условия для его хозяйственного освоения.

Глава 12. КНЯЗЬ ТАВРИДЫ

8 апреля 1784 г. могущественный Потемкин оповестил своих подчиненных и «членов почтенного крымского правительства», что монаршим благоволением из Крымского полуострова, Тамани и степи крымской составлена область Таврическая и «препоручена» его начальству. Светлейший с небывалым энтузиазмом приступил к новой должности, желая превратить Тавриду в цветущий край, населить ее и показать императрице, что она сделала правильный выбор, присоединив край и доверив ему столь ответственную должность.

Тотчас после включения Крыма в состав России было предпринято обстоятельное изучение экономических ресурсов и быта населения нового края. Необходимость этого вызывалась многочисленными мотивами, начиная от военно-стратегических соображений (размещение и снабжение войск, строительство укреплений) и заканчивая более широкими задачами хозяйственного развития, которое было возможно лишь при учете существующих социально-экономических условий. Естествоиспытатели, картографы, геодезисты, а также многочисленные администраторы и чиновники были привлечены Потемкиным для сбора сведений о Крыме. Уже в 1784 г. появляются первые карты Крымского полуострова, изготовляются планы и чертежи, отражающие состояние дорог и мостов, крепостей и валов.

Летом 1783 г. князь, находившийся в Крыму, вызвал к себе известного географа К.И. Габлица, чтобы поручить ему физико-географическое описание полуострова. Потемкин хорошо знал Карла Ивановича — немца еврейского происхождения. Будущий сенатор, тайный советник, почетный член Академии наук в 1758 г. в 6-летнем возрасте вместе с отцом переселился из Пруссии в Россию. Здесь он стал видным ученым-естествоиспытателем.

В 1776 г. Академия наук ходатайствовала перед Потемкиным об определении Габлица в одну из южных губерний, чтобы он мог применить там свои познания, полученные в ходе научных исследований. После присоединения Крыма к России Потемкин вызвал к себе талантливого ученого и назначил его на вице-губернаторскую должность. В декабре 1784 г. Карл Габлиц отправил Потемкину «Физическое описание Таврической области по ее местоположению и по всем царствам природы», оно было напечатано в следующем году и заняло свое место на полке в библиотеке князя. К приезду Екатерины II в Тавриду в мае 1787 г. Габлиц по желанию императрицы, переданному ему Потемкиным, подготовил историческое описание приобретенного края.

Раздача земель, поступивших в казну, явилась толчком для составления подробных атласов. В ордере Г.А. Потемкина от 28 января 1784 г. на имя В.В. Каховского говорилось о необходимости описания всех земель в Крыму, вступивших в казенное ведомство, с показанием количества и качества земли, а также наличия садов и «фруктов в них находящихся». «Никакие земли, — писал Потемкин, — не могут быть даны в области Таврической без моей апробации; покупать же оных не воспрещается». 4 февраля 1787 г. он приказал В.В. Каховскому: «В рассуждении вступающих многих просьб о землях во области Таврической, Вашему превосходительству рекомендую сделать в большую пропорцию карту всей области Таврической и назнача на оной все розданные и пустопорожние места». Потемкин предполагал отмечать на карте раздаваемые земли, чтобы ему «всегда известны были места праздные».

Казенный фонд земель, из которого выделяли землю помещикам, составили ханский домен и владения феодалов, выехавших в Турцию. Частновладельческие земли были сохранены в наследственном владении баев и мурз. Уже весной 1784 г. началась раздача земель. Ее получали преимущественно военные и гражданские чиновники — русские, татары, греки, украинцы. Г.А. Потемкин дал специальное предписание, чтобы чинам присутственных мест — «председателям с членами» и секретарям — отводились земли; это должно было «способствовать скорейшему заселению здешних земель», а также поощряло служебную

деятельность чиновников. Светлейший князь не забыл своих подчиненных и себя: начальнику канцелярии В.С. Попову он выделил 57 876 дес., в том числе на материке 30 200 дес., себе Потемкин отвел 13 000 дес. в Байдарской долине и на Южном берегу Крыма и, кроме того, 73 460 дес. в материковой части Таврической области. Причем в ордере В.В. Каховскому об отводе земель в свою собственность поблизости к Байдарской «даче» Потемкин писал о намерении посадить там «масличные» деревья и другие «такому положению спокойственных растений», но при этом отмежевание земель не должно было нанести окрестным жителям «ни малейшего утеснения». Значительные участки земли получили братья М.В. и В.В. Каховские, адмиралы М.И. Войнович, Ф.Ф. Ушаков, Н.С. Мордвинов, капитан С.И. Плещеев, бригадир Де-Рибас, русский посол в Турции Я.И. Булгаков, русский резидент при последнем крымском хане Шагин Гирее С.Л. Лашкарев, представители татарской знати, занимавшие административные посты. Кроме дворян землю получили купцы, «комиссионеры», елкие чиновники, ученые, иностранные садоводы, «банкиры» и др.

Продолжались земельные раздачи и в Екатеринославском наместничестве, причем не менее интенсивно, чем до 1783 г. «План» 1764 г. оставался в силе. Г.А. Потемкина засыпали просьбами об отводе земли. Среди обращавшихся к нему мы видим и бывшего есаула Запорожского войска Сидора Белого (ставшего секунд-майором и впоследствии атаманом собранного в 1787 г. Потемкиным «верного казацкого войска», поселенного по предложению князя на южных рубежах — «в Керченском куту» и на Тамани), губернского землемера Мордвинова, генуэзского дворянина дона Джузеппе Брейтано, купца Чугуева и многих других. Последний заявил, что земля ему нужна для посева трав, так как он намерен производить и продавать на юге «целительный бальзам». Потемкин, всегда поощрявший предприимчивых и инициативных людей, предписал И.М. Синельникову удовлетворить просьбу Чугуева, так же как и другие многочисленные обращения. С весны 1787 г. Потемкин при распределении земель уже руководствовался Атласом Екатеринославского наместничества, в котором на картах по каждому уезду в отдельности были вычерчены и занумерованы все отмежеванные дачи. Среди

владельцев мы встречаем и мещанина, и купца, и священника, и судью, и канцеляриста, и мелкого чиновника, и комиссионера, и «фабриканта».

Потемкин входил во все проблемы, связанные с жизнедеятельностью Таврической области. Губительный климат вызывал к жизни тяжелейшие «лихорадки» и «заразительные болезни», они «прекрасно себя чувствовали» в скоплении людей, прибывающих на полуостров и живших в землянках, в трудных стесненных условиях. Забота о здоровье людей, вызванная не только гуманистическими, но и вполне конкретными практическими мотивами, проходила лейтмотивом через многие распоряжения-ордера Потемкина. Но при этом он не просто декларирует необходимость предохранения от «заразительных болезней», но и входит во все подробности, расписывая методы и способы профилактики, как это было в ордере № 33 от 22 января 1784 г. к генерал-поручику барону Игельстрому:

«В числе предохраняющих от заразы вещей почитается весьма действительным мыло дехтярное. Я посылаю онаго к вам при сем 2 пуда с запискою о действиях онаго, и рекомендую употреблением сего состава стараться способствовать прекращению заразительных болезней, так как и при предохранения от оных. При опасности поветрия дехтярным мылом: 1) окуриваться в палатках или землянках, или где бы ни случилось, а имянно: намазывать оным мылом тряпицы или что иное, удобно сгораемое, и тое зажигать. Примечание: деготь сам один не горит; 2) дехтярное мыло распускается на чистой воде, рот полоскать. Примечание: недавно здесь по совету докторскому таким полосканием излечился некто от жестокой болезни в горле; 3) дехтярное мыло распускается на воде в такую меру густоту, каков есть мед сырец, намазывается по всему телу ежедневно, и в ноздрях, и в ушах, около глаз, под пазухами, пахи, тайный уд и нижний проход. Намазывается вставая со сна, рано поутру, а на ночь спать можно, смываясь водою. Делается из того дехтярного мыла эссенция, а имянно: емлется его 2 фунта, да простого хлебного вина или водки 4 фунта, и то будет казенная кружка или осьмуха; а разпустя или только искроша дехтярное мыло оною мерою или весом вина наливается в сосуде стекляном, а по нужде в какомнибудь употрибительном сосуде, опричь медного, не луженого,

и закрытою бумагою с малою продушиною или со скважиною, поставляется в печку, тотчас, когда случиться хлебы выняты будут; так постоявши сосуд с крошоным дехтярным мылом и с вином, доколе печь закрытая мало по малу остывает, или часов около десятка, между тем и мыло в воде распуститься, с ним с вином перебьется или сляжется, или соединится с ним безразлично навсегда, и так будет одна сила дехтярного мыла, а в нем излишние отляжет в сосуде на дно, и потом одно чистое сцедится, вот и эссенция, которую люди пьют по чарке. А кажется, годилось бы при опасности поветрия».

Особый интерес Потемкин испытывал к методам английского земледелия, предполагая в полной мере использовать их на обширных и плодородных землях, вверенных его попечению. Через своего университетского приятеля поэта В.П. Петрова он был знаком с А.А. Самборским и его книгой «Описание практического английского земледелия» (М., 1783). Экземпляр этой книги хранился в библиотеке князя. А.А. Самборский, будучи протоиереем при православной церкви в Лондоне, увлекался наукой о земледелии и стремился распространять новые английские сельскохозяйственные методы в России. В 1775 г. Самборский приехал в Россию с целью набрать студентов-агрономов для обучения английской агротехнике, среди них были М.Е. Ливанов и В.П. Прокопович. Спустя несколько лет они поступили в распоряжение Потемкина. Уже 18 октября 1785 г. таврический губернатор рапортовал Потемкину о получении ордера № 1171, в котором сообщалось, что профессора Ливанов и Прокопович назначены «в помощь директорам домоводства» с жалованьем 600 рублей годовых. Северное Причерноморье с его благоприятным климатом и пространными землями, не знавшими традиционного земледелия, как нельзя лучше подходило для внедрения новых методов и экспериментов.

Под руководством профессоров земледелия М.Е. Ливанова, автора специально написанного по заказу Потемкина «Наставления к умозрительному и делопроизводному земледелию» (СПб., 1784), и В.П. Прокоповича функционировала особая Контора земледелия и домоводства Таврической области, призванная заботиться о развитии хлебопашества, садоводства и виноделия. Следующие несколько лет они под руководством князя

налаживали и направляли работу во всех отраслях сельского хозяйства губерний: давали рекомендации по размещению полей и пастбищ, технике вспашки и сева, уходу за скотом, лесоводству и садоводству, развитию шелководства и организации фабрик. Ливанов и Прокопович объезжали Крым в целях введения улучшенных методов земледелия. В инструкции к ним Потемкин приказывал: «Все домоводство устроить, сообразуясь качеству земли здешней со всеми изобретениями, в Англии введенными, в образе пахания земли, в обороте посевов, в размножении полезных трав и лучших орудий земледельных; также гумны и овины завести, и где нет водяных мельниц, там сделать ветряные».

Потемкин предполагал на казенных землях организовать хозяйство на основе новых наиболее передовых приемов, и даже обратился к жителям с печатным объявлением, в котором призывал всемерно развивать хлебопашество. Не ограничиваясь призывами, князь подавал и личный пример, задумывая в своих южных владениях английские фермы для внедрения сельскохозяйственного опыта Великобритании. Среди его бумаг сохранилась любопытная вырезка из английской газеты с рекламой новой сеялки, изобретенной Джеймсом Куком, где приводились статистические данные о пятикратном увеличении урожайности по сравнению с ручным посевом.

Таланты Ливанова были применены при осуществлении еще одного проекта Потемкина — разведки залежей угля, железа и драгоценных металлов, в чем он необычайно преуспел. За два года Ливанов обнаружил не только богатые запасы угля, но и серебро, золото, железо и мрамор в окрестностях Кривого Рога, открыв огромные природные богатства Новороссии. Свои поиски, по просьбе Потемкина, он продолжил в окрестностях Николаева и Богоявленска, где только в 1790 г. по желанию князя организовал первую в России школу практического земледелия, целью которой было обучение колонистов новым приемам хозяйствования.

Поиски каменного угля и руд в последней четверти XVIII в. в Донецком бассейне и Северном Причерноморье приобрели плановый характер. В 1781 г. Потемкин направил на экспертизу образец каменного угля, найденного в Азовской губернии. Как писал князь, «его находят почти на поверхности земли, и я надеюсь, что, углубившись в землю, можно будет обнаружить его в

большом количестве и еще лучшего качества для того, чтобы удовлетворять общественные потребности». Позднее, в июне 1789 г., в своем письме Екатерине с театра войны Потемкин указывал, что в Бахмутском уезде обнаружена железная руда, и просил правительственного распоряжения о посылке туда искусного специалиста по горному делу. В 1790 г. помещику Штеричу и горному инженеру Гаскойну были поручены поиски каменного угля по рекам Северному Донцу и Лугани, где в 1795 г. началось строительство Луганского завода. По просьбе Потемкина в сентябре 1783 г. А.А. Вяземский отправил на юг специалистов для монетного двора в Феодосии и для поиска горных руд в Крымском полуострове и Кавказском наместничестве.

Поощряя изучение «английского земледелия», Потемкин освобождал от денежных повинностей мещан, получивших агрономическое образование. В 1787 г. он вызвал в Крым кричевских мещан Ивана Сапонкевича, Герасима Козлова и Степана Грибницкого, которых еще в 1781 г. посылал в Англию для обучения земледелию. Их подготовкой занимался Артур Юнг, эсквайр, автор многих исследований в различных областях сельского хозяйства. Он одобрил такой эксперимент могущественного российского вельможи и расхваливал другим европейским землевладельцам «это благороднейшее начинание князя Потемкина, являющее собой один из лучших способов внедрения новой системы земледелия, какие можно придумать».

Способствовал Потемкин и российским юношам из семей потомственных тульских мастеров, желавших овладеть опытом английских промышленников. Именно по его распоряжению двух подмастерьев, А. Сурнина и Я. Леонтьева, выбрали для обучения в Англии. За их судьбой пристально следил российский дипломат С.Р. Воронцов и постоянно информировал Потемкина. Опыт Потемкина с посылкой двух подмастерьев в Англию, как и заботы С.Р. Воронцова сосредоточить их внимание на производстве ружей, прекрасно окупился. К брату С.Р. Воронцова — Александру, президенту Коммерц-коллегии, не раз обращался Потемкин с просьбами пропустить беспошлинно инструменты и товары для Черноморского флота, заказанные в Англии.

Заботясь не только о казенных интересах, Потемкин стремился внедрять новые методы производства и в своих владениях;

так, например, в Кричевском имении, занимавшем первое место по снабжению Херсонского адмиралтейства, он предполагал создать промышленное хозяйство по современным образцам. Многие заводы Кричевского староства, как стекольный в деревне Ушаки, кожевенный в деревне Задобрости, медный в деревне Грязивецкой Рудне, в надежде на значительную прибыль и усовершенствование производства были отданы англичанам в аренду сроком на 10 лет.

На научные основы пытался поставить Потемкин и организацию садоводства, виноделия, разведения шелковичных деревьев на новых плодородных землях Северного Причерноморья с его благоприятным климатом. В 1784 г. из Франции был выписан ученый садовод Иосиф Банк, заключивший контракт с Потемкиным о заведении садов и назначенный директором Таврических садов. Ему было поручено разведение лучших сортов винограда, а также шелковичных, масличных и других деревьев в Судаке и по всему Крыму, а «всех помещиков и казенных поселян» Потемкин обязал сажать виноградники по берегу Черного моря. Надворный советник граф Яков де Парма был вызван из Италии в 1786 г. для заведения шелковых заводов и прожил в России до самой смерти в 1810 г. В годы второй Русско-турецкой войны (1787—1791 гг.) и после нее он насадил в Крыму на выделенных ему казенных землях несколько тысяч тутовых деревьев, что дало возможность начать производство шелка.

Для устройства парков и садов не только в Новороссии и Крыму, но и почти во всех крупных имениях князя был приглашен специалист из Англии — Уильям Гульд.

Главный садовник Потемкина был уроженцем Ормскирка в графстве Ланкашире. Особо его ценили за то, что Гульд был «великим мастером по устройству прудов, дававших ему землю и все необходимое для того, чтобы разнообразить ландшафт». Как свидетельствует прошение У. Гульда 1794 г., садовник прибыл в Россию в 1776 г. по вызову Потемкина, обязавшегося платить ему 160 фунтов в год. Возможно, он приехал в Россию вместе с А.А. Самборским, и тот порекомендовал его влиятельному фавориту. Несомненно, что Самборский был в курсе жизненных перипетий английского садовника, который часто посещал его дом на Дворцовой набережной возле Литейного моста в Петербурге. В одном из писем к Потемкину Гульд сообщает, что именно от

Самборского узнал так порадовавшую его новость: «От почтенного отца Андрея Самборского, к крайнему моему порадованию, узнал я, что Ваша светлость изволили вновь подтвердить прежнее Ваше обнадеживание о пожаловании земли с крестьянами». Происходило это, по-видимому, в 1785 г., когда Гульд обозревал земли недавно присоединенной Тавриды. 12 мая из Ак-Мечети (Симферополь) правитель Таврической области В.В. Каховский сообщил Потемкину о получении ордера, в котором князь предписывал выделить Гульду землю там, где он сам выберет.

В хозяйственных бумагах канцелярии князя имеются списки служащих и ведомости о выдаче им жалованья по годам. Гульд, например, в 1785 и 1786 гг., в треть года получал 366 руб. 66 коп. Потемкин благоволил англичанину и поручал ему самые ответственные задания: организацию «мгновенных садов» по пути следования Екатерины II во время путешествия 1787 г. в Крым, создание пейзажного парка в английском духе — Таврического сада, благоустройство новых городов в Северном Причерноморье и своих усадеб в Екатеринославле, Елизаветграде, Аничковском дворце, Осиновой Роще и на Елагинском острове Санкт-Петербурга, подмосковном имении Хорошево и др. «При приезде моем из Англии упражнялся я в Аничковом саду, Осиновой Роще и на Елагинском острове; потом отправился в подмосковную Хорошову, где английский сад и парк разложил», — докладывал о своих работах у Потемкина Гульд.

В обществе XVIII в. особенно ценилась способность понимать различные искусства, и для представителя высшего класса необходимо было проявлять интерес к живописи, скульптуре и архитектуре. Признаком же хорошего вкуса хозяина были прежде всего сад и парк, их устройство, на что тратились суммы, сравнимые со стоимостью дворца. Постоянно занятый решением государственных задач, Потемкин находил время для любимого увлечения — садово-паркового искусства. В своих обширных имениях светлейший князь лично подбирал растения и деревья для создания пейзажных английских парков и, отдавая распоряжения Гульду, входил в мельчайшие подробности. В 1790 г., обращаясь к господину Гуль, как иногда называли в России английского садовника, князь приказывал «выписать розы всех сортов, которые существуют», и других разных цветов.

Увлечение английским садово-парковым искусством сблизало Потемкина и Гульда. Садовника поражали степные плодородные земли, порученные его стараниям. Здесь он в полной мере мог проявить свое мастерство в устройстве английских ландшафтных садов и парков. Потемкин полностью доверял мнению и вкусу Гульда в выборе мест для садов, посадки деревьев и шелковицы, заведения прудов; все инициативы садовника находили доброжелательный прием у князя. После одного из путешествий по крымским степям он обращался к Потемкину со своими предложениями: «Проезжая из Кременчуга в Перекоп, а оттуда в Карасубазар через самую плодоносную землю, и не видя никаких на оной деревьев, осмеливаюсь предложить Вашей светлости, что весьма бы было полезно посадить разные деревья, а в некоторых местах и шелковицы. Если покажется вашей светлости угодным сие предложение, то я мог бы рекомендовать для онаго весьма искусного человека из провинции Йоркской, которой мог бы согласиться на триста или четыреста рублей в год. Однако для такова пространства земли одного человека не довольно. Оных людей препоручить надобно неотменно полковнику г/осподину/ Корсакову, которого ревность к общей пользе упоминать не нужно. В следующем письме я буду в состоянии дать Вам отчет моих работ, которых я доселе начать не мог по притчине весьма труднаго и медлительнаго моего путешествия. Естли Вашей светлости угодно будет кончить зимний сад в Конной гвардии, то соблаговолите приказать банкиру Сутерланду выписать из Голландии разных цветов, семена и луковицы по тому реестру, который я к нему отправил».

У. Гульд был отправлен в Херсон и в Тавриду для заведения садов, а до этого, как докладывал Потемкину И.М. Синельников, туда же были посланы еще два садовника «с шелковичными червями». По возвращении У. Гульда И.М. Синельников предполагал «на Елизаветградской Вашей светлости даче, а также... где будет город Екатеринослав надобные места для садов и для винокуренного завода осмотреть и примечания о землях и о наливании прудов сделать».

В своих посланиях Гульд обращался к Потемкину как к человеку, прекрасно разбирающемуся в особенностях земледелия различных районов. В 1789 г. он посылает князю восторженное

письмо, посвященное достоинствам климата и местоположения Богоявленска и Екатеринослава: «За особливое щастие почитаю исполнять Ваши повеления; ибо из оных я узнаю, что Ваш неутомимой патриотический дух повсюду возстановляет государственную пользу. Богоявленск есть весьма важное место и достойное Вашего внимания, поелику может доставлять Черноморскому флоту наилучшую провизию всякаго роду. Между всеми моими путешествиями не находил я земли плодоноснее здешней для всех произрастений вообще; и пастбищ способнее для скотоводства. На сей благословенной земли назначил я ботанической, виноградной, овощной плодовитой и аглинский сад, который приятным и выгодным положением никакому не уступает. Оной сад, лежа в недрах наиприятнейшей долины, напаяется прозрачным и тихожурчащим источником, имея при том в виду реку Буг и, будучи закрыт от восточных и северных ветров, пресыщается южным точию благоразстворением воздуха. По чему самые нежнейшие древа могут тамо плодотворить в совершенстве. А дабы скорее плоды созревали, то малейшим иждивением можно построить стены и теплицы с находящегося на месте камня. Для произведения всего в действо потребно есть садовник, земледел и прасол, который бы умел хорошо солить говядину и свинину для флота. По примечанию моему на сей земли даже и сарачинское пшено новообретенное может родиться, которое не в воде, а на суше растет (видимо, рис. — *Н.Б.*). Умножение разных капуст, силдирей и прочей зелени тем нужнее, что оные суть антискорбутическия, и чрез употребление оных можно отвесть от излишней яствы дынь и арбузов, которые производят смертоносные лихорадки. Как дров для топки здесь недовольно, то в самое короткое время можно развести от семян те дикие кустарники, которые растут в Англии на самой безплотной земли, и которыми отепливаются многия провинции вместо дров.

Из моего плана можите усмотреть, Ваша светлость, что можно зделать между Богоявленским и Фавровою. Мертвая плоскость весьма противоборствует насаждению сада, которая содержит в себе многие гнилые и вонючие заливы, коих осушить невозможно потому, что от воздаяния сильных ветров всегда наполняются вновь оные заливы от реки Буга.

Отсюда следовал я к источнику близ Красного Села, замеченному Вашей светлостью на плане, явствует, что я дал воде толико пространства, колико положение земли дозволило. Место для дому есть горделивое и владычествующее над многими прекрасными видами, обремененными величественными дубами и прочими древесами. Свойство земли и здесь можно почесть толико питательным, что как земледелие, так и всякия произрастания могут быть приведены к наилучшей зрелости; ананасы же можно умножить до безконечности, поелику тут обретается премного дубоваго листу, которой может служить вместо кожевенной коры. Здесь строевого лесу так же весьма изобильно.

Напоследок устремился я к Екатеринославу! План избранного Вашею светлостию наивеликолепнейшего в свете места я уже сообщил. Положение онаго вмещает в себе все харахтиры, то есть величественной, приятной, ужасной, исторической, поэтической и сельской, вкраце сказать. Место сие должно быть удивлением целого света! Тамо я имел щастие посадить разными народами разных дерев до дватцати тысяч. Каковы же в протчем произвел перемены, о том может засвидетельствовать господин губернатор».

Гульд прекрасно понимал, что Потемкиным движут не только придворная мода и личные пристрастия к английским пейзажным паркам, но и практическая значимость развития земледелия в новых районах для снабжения флота, армии, новых горожан и поселенцев. В его творениях мода соседствовала с необходимостью, сады и парки — с огородами. «В бытность мою в Бендерах, — вспоминает Гульд, — приметил я, что Вас кормили худыми огородными овощами; то естли угодно Вашей светлости, чтобы я послал отсюда хороших семен или бы сам приехал туда, то я за особое почту щастие копать собственными руками грядки и производить для пищи Вашей наилучшие плоды».

Отдельно следует сказать о заслугах англичанина в устройстве садов, теплиц, оранжерей в петербургских владениях князя. С искренним сожалением писал Гульд Потемкину в 1791 г. о том, что в его отсутствие в летнее время в течение шести лет по возвращении он всегда находил сады запущенными, а деревья с растениями поврежденными. Приглашение «способного человека» из Англии, считал Гульд, станет единственным спасением.

Неоднократно он рекомендовал князю пригласить садовников со своей родины, считая их лучшими специалистами.

После смерти всесильного покровителя У. Гульд продолжал свои труды у императрицы Екатерины II, как и многие другие служащие Потемкина, затем служил садовником созданного им Таврического сада. В 1799 г. он на два года уехал в Англию, а по возвращении обратился к императору Александру I, которого он, видимо, хорошо знал с самого детства, с просьбой восстановить его на прежнем месте в Таврическом саду. «По дватцатитрехлетней моей службе в России, — обращался к императору Гульд, — получил я позволение съездить в Англию для поправления разстроенного моего здоровья; при отправлении моем Ваше императорское величество изустно в Петергофе изволили мне сказать, дабы я возвратился и паки в Россию по-прежнему для службы Вашему императорскому величеству, по каковому лестному приглашению и по исправлению моего здоровья возвратился я ныне из Англии, привезя с собой двух садовников, из коих один искусен в вышнем садовом знании, а другой — в низшем...». Конечно, подобная просьба человека, даже при решении личных дел в Англии заботившегося о приискании специалистов для своей новой родины, где столь ценят английские пейзажные парки, не могла быть не удовлетворена.

В 1804 г. Гульд обратился к императору с новой просьбой — пожаловать ему в собственность «праздное казенное место, лежащее против Таврического дворца» по улице, идущей к Смольному монастырю. Перечисляя свои заслуги, он писал о том, что во время путешествия Екатерины II «по особенному повелению» устраивал «сады и гульбища» в Кременчуге, Херсоне, Симферополе, Бахчисарае и других местах по пути следования. «Сверх того, — отмечал Гульд, — проезжая разныя казенныя и помещичьи селения делал по просьбам многих начертания, и в натуре распоряжения для заведения аглинских садов во всем их разнообразии. Усердие мое ко введению в России сего приятнаго и полезнаго украшения доказывают многия места, и вокруг сей столицы, где по высочайшим повелениям я делал особыя к улучшению садов распряжения, как то в Ораниенбауме, в Петергофе, на прежде бывшей Горбелевской мызе и в других... Осмелюсь однако ж присовокупить, что огород Таврической может легко служить примером и почитаться первым в Северной России».

К сожалению, не все английские специалисты, приехавшие в Россию, отличались таким трудолюбием и успехами, как У. Гульд. В этом отношении показателен пример английского офицера Гендерсона, выписанного для заведения в Тавриде ботанических садов, но он оказался обыкновенным авантюристом и не оправдал возложенных на него надежд. В одном из писем к помощнику Потемкина Василию Попову правитель Таврической области В.В. Каховский возмущенно сообщал об англичанине и его племянницах: «Они получают жалованье, живут спокойно и ни за что не принимаются, и кажется, ничего не знают. Гендерсон не посадил ни одной былинки, а мамзель не сделала ни одного сыра». Тем не менее Потемкин был благосклонен и в феврале 1788 г. разрешил неудачному садоводу переселиться вместе с семьей в Елизаветград.

Упоминаются и другие профессионалы, отправленные в Крым в 1785 г.: Грунтвал — винодел, Ортлин — «лучший садовник винограда», Линдер — «мастер разводить шелковицу» и т.д. Позднее, в 1787 г., иностранец Яков Фабр сменил И. Банка на посту директора Таврических садов. Вникая лично во все мелочи хозяйственной жизни, Потемкин делает черновые пометки к докладу: «Что касается до области Таврической, то хлебопашество год от году усиливается, виноградны венгерские... вино делается лутше прежняго. Водку французскую гоняют лучше настоящей, и чрез год, конечно, большое количество оной будет». «По всей Тавриде и степи Перекопской, — планирует наместник, — назначено разводить шелковицу, которой в Крыму и дикой множество, прежде десяти лет, конечно, шолку будет...». Шелковая мануфактура до получения достаточного количества собственного сырья должна была обрабатывать привозимый сырец, который Потемкин установил обменивать на соль, что, по его мнению, «все равно как бы и на простой песок менять». В целях облегчения соледобычи Г.А. Потемкин поручил инженеру Н.И. Корсакову построить мосты при крымских соляных озерах, а для хранения соли оборудовать специальные помещения. Крымской солью снабжались, кроме местных жителей, также Екатеринославское наместничество, вся Украина и частично Белоруссия.

Старался Г.А. Потемкин даже об улучшении породы овец — основного вида крымского скота. Он писал императрице: «По-

луденные места империи Вашей изобилуют рунoносным скотом почти больше, нежели вся Европа вместе. Переменив шерсть в лучшую чрез способы верные и простые, превзойдет в количестве сукон все прочие государства. Из всех мест, где находятся лучшие бараны, я выписал самцов, которых и ожидаю на будущее лето».

Особое внимание князь уделял искусственному лесоводству, что было связано со степным положением вверенных ему территорий. Кроме того, в связи с ростом населения и увеличением строительства заметно стали сокращаться уже существующие леса. Ордером от 16 октября 1784 г. Потемкин запретил дальнейшую порубку деревьев и предложил В.В. Каховскому обеспечить необходимый контроль путем назначения смотрителей. В 1786 г. по указу Екатерины II было предпринято описание казенных лесов «для лучшего хозяйственного использования их». На основании записки императрицы «Об умножении леса по степям и сажании леса по казенным землям» Г.А. Потемкин отводил места для новых лесонасаждений, продолжая начатую еще Петром Великим охрану лесных богатств страны.

В условиях хозяйственного оживления края усилились торговые связи между отдельными частями Северного Причерноморья, а также между южной частью украинских земель и центральными районами страны. Еще до присоединения Крыма усиленно изучались возможности ввоза и вывоза товаров по Черному морю. Современники отмечали, что в дальнейшем одним из основных предметов экспорта станет хлеб, который будет выращиваться в большом количестве на Украине и в Причерноморье.

Значительный интерес к торговле с Россией через Черное море проявляло иностранное купечество, в особенности французское. 4 января 1783 г. был издан указ, предоставляющий Потемкину полномочия давать иностранцам разрешения (патенты) на поднятие русского флага на своих торговых судах. Посылая несколько патентов посланнику в Константинополе Я.И. Булгакову, Потемкин отмечал, что увеличившаяся торговля в Черном море и выгоды от использования российского флага способствуют появлению желающих начать торговлю. При этом он понимал, что нечистоплотные люди могут воспользоваться такой возможностью, для чего рекомендовал Булгакову следить,

«чтобы получающие патент были люди надежные, которые бы ни малейшаго не нанесли оному предосуждения, в чем и нужно достоверное за них ручательство».

Сильный толчок развитию крымского сельского хозяйства, промышленности и торговли был дан уже в конце 1783 г. отменой внутренних пошлин. Другим мероприятием, облегчившим торговые связи, было восстановление Потемкиным монетного двора в Феодосии, где стала выпускаться таврическая монета (17 апреля 1788 г. по ордеру Потемкина работы на монетном дворе были прекращены). Это имело большое положительное значение для Крыма, поскольку его хозяйственная жизнь еще только налаживалась. На развитии крымской торговли сказались указы от 16 февраля 1784 г. — об облегчении торговли в крымских городах и открытии их для всех дружественных народов и от 13 августа 1785 г. — освобождавший все «пристани, в полуострове Таврическом лежащие», с 1 января 1786 г. от платежа таможенных пошлин сроком на 5 лет. Особо известна была французская торговая фирма барона Антуана, ее коммерческие дома и конторы открылись еще в 1782 г. по разрешению Потемкина в Херсоне, а затем и в других городах.

В период 1783—1787 гг. в области внешней торговли было заключено несколько торговых договоров с иностранными державами. 10 июня 1783 г. между Россией и Турцией был подписан торговый договор, подробно определявший права и привилегии купечества, взаимно предоставленные сторонами в области черноморской торговли. В 1785 г. был заключен торговый договор с Австрией, в 1786 г. — с Францией, в 1787 г. — с Королевством Обеих Сицилий. В 1787 г. был издан указ о транзитной торговле с Польшей, имевшей целью расширение польского экспорта через Херсон, о чем еще в ноябре 1784 г. высказывался Потемкин в своей записке к президенту Коммерц-коллегии А.Р. Воронцову. Несомненно, начало второй Русско-турецкой войны значительно затормозило торговые связи и экономическое развитие края. Уже 12 января 1788 г. рескриптом Екатерины на имя Потемкина было предписано объявить Херсон, Феодосию и Севастополь «за пресечением торговли... местами военными», и до прекращения войны и открытия портов и таможен все иностранные консулы должны были покинуть эти города и прекратить торговые операции.

Колонизация Северного Причерноморья и расширение торговых связей стимулировали развитие ремесла и мануфактурной промышленности, что, в свою очередь, вело к притоку населения и росту городов. Создавались кожевенные, сафьяновые, свечные, канатные, шелковые, красильные и другие предприятия, которые в основном были связаны с нуждами армии и флота. Г.А. Потемкин стремился к росту частной фабричной промышленности. В 1784 г. он отвел землю в Крыму отставному офицеру д'Эстандсу для устройства фаянсовой и фарфоровой фабрики. В 1785 г. В.В. Каховский докладывал Г.А. Потемкину о приглашении на службу Антонио Детаниона и отводе ему земель для строительства фарфоровой и фаянсовой фабрики. В 1787 г. Потемкин лично докладывал Екатерине II о необходимости перевести часть казенного фарфорового завода из Петербурга в Новороссию и обязательно с мастерами. С просьбой поселиться в Крыму и «сделать разные заведения» обращался к князю Бокамп Ляпольский, камергер и тайный консул короля польского. Для работы на заводимых иностранцами суконных, кожевенных и шляпных фабриках в Новороссийскую и Азовскую губернии, как докладывал Потемкин Екатерине II, переселялись крестьяне из внутренних областей России.

Сам Потемкин активно занимался заведением фабрик в своих белорусских и южных имениях. Он выступал инициатором перевода многих фабрик в Екатеринослав и другие города из центральных областей России. Находясь в лагере при Карасубазаре в июле 1783 г., Потемкин уже определял направления в развитии торговли и мануфактур в Крыму и докладывал Екатерине II свои предложения, как достичь максимальных выгод для государства: «В настоящем упражнении моем об утверждении порядка и благоустройства в Крымской области, входя в рассмотрение, какия коммерция здешняя имеет успехи, нахожу я, что количество отпускаемых отсюда товаров несравненно по цене менее ввозимых. Главные продукты крымские — пшеница и соль, долженствующие обогатить сию область, меняются на сукна, материи и разные мелочи. Деньги потому здесь редки, и недостаток в оных приметен. Польза будет ощутительная, есть ли учреждением в сем крае фабрик отнимется у иностранцов способ пользоваться одним всею прибылью торговли. Я при-

емлю смелость всеподданнейше доложить, — предлагал Потемкин, — Вашему императорскому величеству, не повелите ли, Всемилостивейшая государыня, Ямбургскую суконную фабрику перевезть в здешнее соседство к доставлению таким образом нужнаго Крыму...» Екатерина II не раз еще утверждалась, что выбор ее был правильным: Потемкин не только обладает способностями, талантами, провидением и управленческим даром, но и готов все это использовать в интересах государства.

Массовая раздача земли не только дворянам, но и представителям других сословий и наций (кроме крестьян и однодворцев), с обязательством осваивать и заселять полученные земли, и различные льготы способствовали развитию земледелия и зарождению промышленности. В свою очередь, успешная хозяйственная жизнь Причерноморья решала важную задачу закрепления новых территорий и включения их в общую экономическую систему России. Крупным событием было возобновление и развитие черноморской торговли.

Особый интерес вызывает деятельность Потемкина по строительству новых городов в Крыму и реконструкции старых, которые не только сохранились до наших дней, но и стали крупными экономическими центрами полуострова. Появление городов было следствием не только стихийного процесса, но и определенного плана, продиктованного военно-административными и торговыми соображениями.

Проектирование и строительство южных городов определялись социально-политическими и историческими условиями, характером экономического развития края. Широко использовался опыт, накопленный в процессе переустройства столиц и провинциальных городов империи, учитывались все ошибки, а также достижения в проектировании и строительстве населенных пунктов в Новороссийской и Азовской губерниях.

Во второй половине XVIII в. городам уделялось большое внимание, что нашло свое отражение в «Грамоте на права и выгоды городам Российской империи», где говорилось: «С самого первого основания общежительства познали все народы пользы и выгоды от устроения городов, проистекающие не только для граждан тех городов, но и для окрестных обывателей. Начиная от древности, мраком покрытой, встречаем мы повсюду память

градостроителей, возносимую наравне с памятью законодателей. Полезным таковым управлением предков наших мы стараемся подражать по мере размножения народа и возращения богатства его...» Аналогичные по своему пафосу мысли неоднократно высказывались и в других указах, посвященных основанию и преобразованию новых южных городов. Ими же наполнены и планы Потемкина, его ордера губернаторам и градостроителям.

Важное политическое значение в градообразовании на юге Российской империи имели идеи Греческого проекта, в связи с чем большинство городов называлось в память о древнегреческой колонизации Северного Причерноморья: Одесса, Севастополь, Симферополь, Херсон и т.д. По тем же причинам некоторым существовавшим поселениям возвращались древние имена, например Феодосии, Евпатории, Фанагории.

Политическими мотивами обусловливалась и значительная поддержка, оказываемая государством молодым городам. Их намечалось застроить за счет казны многочисленными зданиями общественного назначения. Жители освобождались от податей, более того, им выдавались ссуды для возведения жилых домов. Предоставлялись и другие льготы. Политические соображения сказывались и в привлечении «полезных иностранцев».

За короткий срок возникло много населенных пунктов. Процесс урбанизации южной окраины обширной империи происходил в своеобразных формах, имеющих общие черты с аналогичным процессом в США. Города Америки были вызваны к жизни главным образом интересами торговли, а города Северного Причерноморья, в отличие от американских, создавались большей частью по инициативе правительства, располагались по всей территории края и с самого начала выполняли самые разнообразные функции — административные, военные, экономические и культурные. Как и в Америке, особенно успешно развивались морские порты. Новые южные города способствовали национальной консолидации поселенцев. Однако в то время, как в Америке национальные различия между людьми, прибывшими из Европы, постепенно стирались и складывалась единая американская нация, в Новороссии этого не случилось.

Проектирование и выбор мест для новых городов были поручены Потемкину. Он лично, несмотря на свирепствовавшую

эпидемию, сразу после присоединения осмотрел Крым с этой целью. В результате Потемкин представил Екатерине свое «положение» о крепостях в Тавриде и удостоился высочайшей апробации. Прежде чем приступить к требованию необходимых для начала строительства сумм, он приказал инженеру полковнику Н.И. Корсакову, с 1784 г. осуществлявшему непосредственное руководство работами в Херсоне и других крепостях, еще раз осмотреть все назначенные места и составить проекты и сметы. 26 ноября 1784 г. Корсаков передал Потемкину рапорт об осмотре Таврической области, на основе которого Потемкин подал доклад императрице со сметой расходов. По мнению опытного инженера и верного соратника наместника, в Севастополе «место под крепость наивыгоднейшее то, которое Ваша светлость сами в Вашу бытность назначить изволили. Оно прикосновенно к самому ходу в гавань, батарея или блокгаус на противной стороне пролива к нему всех ближе, и оборонять с его можно Херсонскую гавань, которую Вы для купеческих судов определить изволили. Сие место можно защитить от бомбордирования и во внутренности оного иметь для перетембирования обветшалых кораблей доки, так как и все главные магазины, вода в оное, хотя чрез удаленное расстояние, однако привести можно, а сверх сего я не теряю надежды, чтоб и не оставить оную в самых градских стенах чрез колодцы. Где старый Херсонес, тут может быть купеческий форштат, как для удобности выгрузки товаров, так для довольствия в пресной воде... В Балаклаве для защищения гавани настоит надобность построить пушек в восемь батарею». Потемкин в своем докладе называет главной крепостью Севастополь, в Евпатории считает нужным только обновить старый замок с небольшим наружным укреплением, а в Феодосии возобновить городское строение и приморскую сторону оградить батареями. «Что же касается до Тамана, — пишет Потемкин Екатерине II, — то по осмотре границы, соединяющейся с Кавказскою линею, можно будет сделать положение».

Под свою особую опеку взял Потемкин строительство Севастополя (в переводе с греческого — величественный город), считая его базой для молодого, созданного им Черноморского флота. К середине XVIII в. на территории вокруг будущего Севастополя, у развалин древнего Херсонеса Таврического, имелись лишь мо-

настырь и села Инкерман и Ахтияр. По имени последнего иногда называли самую огромную бухту. Военно-стратегическое значение этого места еще до присоединения Крыма привлекло внимание русских моряков, которые в 1782 г. сделали первый промер глубин. Обширный глубокий залив, где мог спокойно поместиться огромный флот, небольшие бухты, вдающиеся в берег, представляли полное удобство для устройства при них адмиралтейства, верфи и других портовых сооружений, а широкий проход давал удобный при всех ветрах выход с рейда в море, круглый год не замерзающее. Екатерина писала в это время Потемкину: «Присоединение сея гавани поставляем Мы выше всякого сомнения или спора с чьей бы то стороны не было». Со времен Петра Великого Россия стремилась закрепиться на Черном море. Задача потребовала жертв и усилий нескольких поколений.

После того как Крым был «принят под державу Всероссийскую», в апреле 1783 г., для защиты побережья на безлюдном берегу, где им предстояло построить город — славу России, расположился гренадерский батальон, а затем два полка. Командовавший Азовской флотилией вице-адмирал Ф.А. Клокачев, узнав о хороших качествах гаваней, прибыл с эскадрой и для стоянки выбрал Южную бухту. На ее берегах матросы начали строить жилые дома и склады. Но вскоре Клокачев уехал, и его место занял контр-адмирал Ф.Ф. Мекензи. 2 июля 1783 г. он писал графу И.Г. Чернышеву: «Ныне мы упражняемся в Ахтиарской гавани — делаем казармы, магазины; также завел уже маленькое адмиралтейство». Кроме адмиралтейства Ф.Ф. Мекензи заложил часовню во имя Св. Николая Чудотворца, дом для себя и пристань. Неподалеку от них возвели небольшие дома для офицеров, столовые и кухни для экипажей. Кроме того, было устроено «два хороших тротуара, один от пристани до крыльца дома адмиральского, а другой от дома до часовни, и обсажены деревьями. Выстроено шесть красных лавок с жилыми наверху покоями, один изрядный трактир, несколько лавок маркитанских, три капитанских дома, несколько магазейнов и шлюпочный сарай в адмиралтействе: все строения каменные или досчатые. Итак, — как писал Мекензи, — весной 1784 г. все строения Севастополя были оштукатурены, выбелены, хорошо подкрашены палевой или серой краской, крыши на всех черепичные, и все вместе на покатости берега делает вид очень хороший».

Руководил строительством сам Г.А. Потемкин, присылавший подробные ордера с конкретными указаниями. Главная его мысль: «Севастополь должен быть силен укреплением». Это военно-морской порт. Камень для стройки в основном брали из развалин Херсонеса, несколько позже его стали добывать в Инкермане. 10 февраля 1784 г. указом Екатерины II «для обеспечения безопасности границ» было повелено устроить «крепость большую Севастополь, где ныне Ахтиар, и где должны быть Адмиралтейство, верфь для первого ранга кораблей, порт и военное поселение». Севастопольская крепость планировалась «со внутренним строением, Адмиралтейством, морскими магазинами, с каменною плотиной и с тремя отдельными зданиями». В память о монаршем попечении одна из центральных улиц города получила имя Екатерининской и носила его до разрушительного 1917 г.

Начиная с 1784 г. силами солдат возводились дороги, они связывали Севастополь с Бахчисараем и другими населенными пунктами Крыма, приводились в порядок каменные мосты через многочисленные реки и ручьи. В 1785—1786 гг. дороги были закончены и вдоль них установлены каменные знаки с обозначением миль и верст, изготовленные по рисункам, присланным от Потемкина. Одна из таких миль, в виде усеченной колонны на пьедестале, сохранилась до настоящего времени на Северной стороне города. Строительство города проходило под непосредственным руководством инженера Н.И. Корсакова. Был разработан план, в соответствии с которым в августе 1785 г. намечалось развернуть работы по сооружению крепости и адмиралтейства. В это же время был составлен проект Севастополя. Для новых кварталов предназначалась свободная территория между Артиллерийской и Карантинной гаванями.

Будучи опытным военным, Потемкин, самолично обозревший Ахтиярскую гавань, видел не только ее достоинства, но и возможные трудности в обеспечении обороны Севастополя в случае осады. С беспокойством сообщал он своей венценосной покровительнице, что при всех преимуществах местоположения города «надо захватить всю длину, которая содержит около трех верст, от чего крепость вышла необъятной окружности. Чрез глубокие там овраги очень трудно и почти невозможно соединить части

крепости и так защитить себя, чтоб не открыть тылу некоторых линий и самой внутренности залива прямолинейному действию неприятельских орудий».

С 1786 г. Севастополь строился под руководством капитана, а затем вице-адмирала графа М.И. Войновича, назначенного на место умершего Ф.Ф. Мекензи. О состоянии города первых лет его жизни свидетельствуют записки «севастопольского старожила»: «Севастополь за три года со время основания до путешествия императрицы Екатерины II имел всех строений не более сорока, казенных и партикулярных; в порту не было еще никаких укреплений, и адмиралтейство только еще устраивалось...»

На низменном берегу в 1785 г. была возведена каменная лестница, названная Екатерининской пристанью. Со временем она получила название Графской, в честь графа Войновича. Слева от нее располагалась одноэтажная караульня, сохранившаяся до наших дней. Напротив лестницы размещались дома Мекензи и капитанов; они имели один этаж и простые формы. С другой стороны площади находилась офицерская казарма, от нее начиналась обсаженная тополями, сливами и вишнями Балаклавская дорога. Вдоль нее располагалось несколько жилых строений и Николаевская церковь, отличавшаяся гармоничностью и стройностью пропорций.

В 1787 г. императрица Екатерина II посетила Севастополь, где ей и сопровождавшим ее послам был представлен созданный Г.А. Потемкиным Черноморский флот, с 13 августа 1785 г. находившийся в его подчинении. Снаряжала его вся Российская империя: суда строились на Воронежской верфи, Белоруссия, кроме кораблей, обеспечивала черноморцев парусиной, канатами, сукном для обмундирования, тульские и уральские оружейники трудились над изготовлением артиллерии и оружия для кораблей, помимо морских команд, в Севастополь из разных губерний было выслано несколько сот рабочих, в их числе из Петербурга 40 семейств охтинских плотников. Большую помощь оказали балтийские моряки: в новый военный порт были направлены корабли Балтийского флота, а офицерами и матросами с Балтики комплектовали экипажи Черноморского флота. К сожалению, в первые дни войны Севастопольский флот попал в жестокий шторм и был рассеян; его потеря искренне огорчила

и Потемкина, и Екатерину, но светлейший приложил все усилия для восстановления Черноморской эскадры.

Заботясь о создании сильного флота, Потемкин вкладывал даже личные средства в строительство кораблей, используя ресурсы своих белорусских имений. Верфи были построены в селе Дорогокупове на реке Двине, в Полоцком наместничестве и в городе Кричеве, где также располагалась парусная фабрика и канатный завод, работающие на нужды флота. В Дорогокупове строились военные корабли — «канонерские лодки с одним на носу двенадцатифунтовым единорогом» и десантные суда, где «помещалось с гребцами по осемнадцати человек», а в случае надобности «можно было поставить на носу трехфунтовую пушку». В Велиже (согласно ведомости по Полоцкому наместничеству) суда строились «близ самого города Велижа при реке Двине, остродонные, называемые волны, разных мер по древнему заведению обычаем... в Кричском старостве купеческие суда, называемые бандаки, кои поднимают по 5 и 10 тысяч пуд». Делали корабли крестьяне князя Г.А. Потемкина, а отправляли их от местечка Кричева рекою Сожем, «а из оной Днепром в город Херсон с пенькой и канатами, а оттоль, — как сказано в документе, — возвращаются с крымской солью».

Находившийся в 1787 г. в свите императрицы французский посол Сегюр отмечал, что «несколько зданий для складки товаров, адмиралтейство, городские укрепления, 400 домов, толпы рабочих, сильный гарнизон, госпиталь, верфи, пристани торговая и карантинная — все придавало Севастополю вид довольно значительного города».

Особое значение приобрел город в период Русско-турецкой войны 1787—1791 гг. В 1786 г. был составлен план работ по строительству Севастополя, рассчитанный на 10 лет. В первый год предполагалось перевезти сюда из Херсона припасы и инструменты на первое время, построить жилье для команд, устроить кирпичные и известные заводы для обеспечения планомерной постройки замка, линий главной крепости, водопровода и водохрана, подземных стрельниц, ходов и подкопов, плотины с ее замком и маяком; к концу года закончить замок для обороны судового прохода. К четвертому году работ планировалось завершить каменную отделку крепости со всеми подземными

ходами и подкопами. В девятый год необходимо было возвести публичное строение: церкви, гостиные дворы, комендантский дом и проч. Этим грандиозным планам Потемкина не суждено было сбыться: помешали постоянная нехватка средств, людей, а затем и вторая русско-турецкая война. Но город, несмотря ни на что, рос и развивался, превращаясь в могучий военный порт.

Возглавивший строительство города Ф.Ф. Ушаков в 1789 г. учредил контору Севастопольского порта. В своей записке 1792 г. он отмечал: «Госпитали на открытом же возвышенном месте и чистом воздухе вновь ныне построены... продолжают строение казарм, к ним разных пристроек... По неимению покоев для жилья господ штаб- и обер-офицеров и некоторых разных чинов служителей при Севастополе сделаны многие собственные разные строения, а также купечество российское и иностранное, большей частью из греков, имеют дома и лавки для торговли и от времени до времени умножаются».

После окончания войны Севастополь превратился в один из крупнейших городов Крыма. В 1792 г. здесь проживало уже 15 тыс. человек. Проезжавший по Тавриде в самом конце XVIII в. известный писатель Павел Сумароков оставил колоритное описание Севастополя на рубеже веков: «Ахтияр (Павел I переименовал город в пику матери. — *Н.Б.*) очень хороший город, построенный в наши времена на глухой степи в новейшем европейском вкусе... Стоит на берегу Южной бухты, к которой склоняются амфитеатром несколько рядов улиц, одна другой выше с преизрядными каменными добрых фасад домами. Ахтияр есть настоящий военный город; гарнизон, морские батальоны, матросы и другие команды составляют жителей онаго, а обывателей в нем самое небольшое количество». В 1799 г. в городе было «две церкви, русская и греческая, 610 морских, 45 отставных штаб- и обер-офицерских, 68 купеческих, мещанских, поповских и 18 невольничьих домов, что всего составит, не считая казарм, 741 дом, притом 86 лавок».

Труды основателя города-порта и устроителя Черноморского флота Потемкина, его сподвижников и помощников увенчались скорым успехом. Уже через 20 лет после основания, 23 февраля 1804 г., Севастополь указом внука Екатерины Великой Александра I был назначен «главным военным портом» России на

Черном море, а купеческим кораблям разрешалось заходить в него только во время шторма или поломки.

Предназначение и весь смысл существования Севастополя — это корабли и море, весь город повернут к морским просторам. Уже когда корабль огибает маяк на мысе Херсонес, вдали появляется громадное скопление построек, и взору предстает величественный город, основанный нашими предками. Дома раскинулись по медленно поднимающейся от моря равнине Гераклейского полуострова. Равнина сменяется каменными холмами, берег опоясывают обрывы, проплывают белая колоннада и развалины большого собора. Это древний Херсонес, откуда первые строители брали камень для зданий. Городские дома тянутся все выше и выше, располагаясь террасами, соединенными между собой лестницами. Днем при ярком солнце ослепительно сияют белые фасады, а вечером холмистые дали покрываются разноцветными огоньками: бухта превращается в широкий освещенный проспект. Таким вспоминается современный Севастополь, когда перелистываешь старинные архивные фолианты в массивных кожаных переплетах, повествующие о первых годах жизни города, слава которого — слава великого Потемкина. Уже только за этот могущественный порт, принесший гордость и богатство России, мы можем говорить о светлейшем в превосходной форме.

Во время войны 1787—1791 гг. строительство кораблей не прекращалось, причем для большей безопасности этих работ был создан новый порт с адмиралтейством и верфями — Николаев. Он расположился в устье реки Ингула и был назван в память штурма Очакова 1788 г., происходившего в день святого Николая Чудотворца.

Уже в конце 1787 г. под руководством адмирала Н.С. Мордвинова трижды промерялись глубины Бугского лимана и устья Ингула. В июне 1788 г. по распоряжению Потемкина, заметившего во время осмотра очаковской степи достоинства указанного места, штурман Гурьев вновь измерил глубину и изучил пределы судоходности Ингула, а полковник М.М. Фалеев начал строить походный лазарет в селении Витовке, расположенном в урочище на берегу Бугского лимана, в нескольких километрах южнее будущего города. Вскоре при устье Ингула были заложены эллинги для строительства кораблей. В октябре 1788 г. в Витовку для про-

ектирования дворца Г.А. Потемкина прибыл архитектор В.В. Ванрезант. 27 августа 1789 г. Г.А. Потемкин распорядился «Фаберову дачу именовать Спасское, а Витовку — Богоявленское, ново заводимую верфь на Ингуле — город Николаев». Обращалось внимание на то, чтобы строительство основных сооружений велось компактно. Нельзя не заметить, что при устройстве Николаева Потемкин действовал несколько иначе, чем при постройке Екатеринослава и Херсона. Здесь было меньше желания произвести эффект, больше исполненных практичных проектов. Устроителей города волновали вопросы планировки территории, но чертеж города 1789 г. свидетельствует о том, что застройка велась еще достаточно стихийно. Несколько небольших строений было разбросано на возвышенном плато между устьем Ингула и лиманом. И только к западу линия укреплений охватывала сравнительно небольшую территорию для адмиралтейства. Она разделялась ровными улицами и образовывала сетку небольших кварталов.

Для руководства строительством города был приглашен инженер И.И. Князев, составивший проекты планировки не только города, но и собора, заложенного в 1789 г. (окончательно построен в 1794 г.). Была организована «Канцелярия строений города Николаева» во главе с инженером Коноплиным. Город возводили преимущественно солдаты и пленные, но к работам привлекались и крестьяне. Специально для рабочих Николаева и больных в госпитале Г.А. Потемкин приказал Фалееву выдавать горячее вино; в 1789 г. в городе жили и работали 2,5 тыс. человек. В результате их напряженного труда многое было сделано, и в октябре Фалеев смог донести Потемкину, что «пристань доделывается. Вынимание земли на эллинги рекрутами и турками производится и через месяц уповательно оное кончится. Колодезь каменный сделан. Магазины для пристани делаются. В городе Николаеве 9 казарм каменных и 5 деревянных покрывают... Сверх того и еще заложено каменных казарм 4 и офицерских связей 3...». В связи с этим Потемкин ходатайствовал об официальном утверждении Николаева — нового города на южных пределах Российской империи.

Весной 1790 г. из Богоявленска в Николаев переводится архитектор В.В. Ванрезант, а в помощь ему выделяется П.В. Неелов. Для разработки генерального плана Г.А. Потемкин посылает в

Николаев инженера Ф.П. Деволана и своего любимого архитектора И.Е. Старова, которых сопровождает соответствующими инструкциями. Старов должен был построить для Г.А. Потемкина дом в Богоявленском, сделать купальни и бани, устроить фонтан в пригороде Николаева. В ордере к Князеву, Деволану и Старову Потемкин предписывал «во всем согласиться, избирая способы лучше и кратчайшие, смотреть на пользу, чтобы излишеств не было». В 1791 г. в Николаев было переведено Адмиралтейство из Херсона, где оставили только «магазейны» и строительство мелких судов. Было решено в городе не строить ничего деревянного, а мазанки штукатурить. В Николаеве предполагали поселить заштатных церковников, а «для приохочивания иностранцев... исходатайствовать сему городу порто-франк на 20 лет». Потемкин хотел построить в Николаеве церковь, все мастерские устроить замком, что и должно было составить адмиралтейство, «обведя сей хорошим валом и для защиты большие сделав по флангам батареи; выйдет из сего хорошая крепость».

С гордостью писал Екатерине могущественный вельможа в самый разгар военных действий о своих успехах в устройстве городов: «При всех военных заботах не оставлял я пещись о внутреннем устройстве и в течение войны многие зделаны заведения. Город Николаев может равнятся уже с лутшими городами. Богоявленск теперь под именем местечка — не хуже однако ж многих городов. При лутших строениях украшены сии места прекрасными фонтанами, а на стороне очаковской сделан такой, какого, по признанию самих турков, нет в Цареграде. Сей последний служит для наполнения судов, отправляемых в море, с такой удобностию, что транспорты подходят к самым трубам и не имеют нужды вынимать бочек.

На дороге от Николаева к Херсону в степи поселена большая слобода для облегчения прохожих команд и транспортов. Переведенные по покупке в России крестьяне к Великому лесу и Гуте поселены большими слободами и обращены на разные мастерства; по Адмиралтейству, в порте Николаевском, только что заведенном, построены уже два корабля... Для Адмиралтейства заведен большой канатный завод в Херсоне и литейный двор... На степи, между Буга и Днестра лежащей, населил я более двух тысяч дворов, из Польши и Молдавии выведенных... Из городов

турецких более пяти тысяч собрано армян обоего пола для поселения в границах российских.

Ежели все сии попечения могут быть доказательством усердия моего, то я повергаю их к Высочайшему сведению», — заканчивает князь свой доклад, сам прекрасно понимая, что из последних сил, своих и подчиненных ему людей, он создает будущее России на века.

Путешествующий Павел Сумароков, посетив в 1799 г. Николаев, записал: «довольно обширен, расположен в новом вкусе, имеет до 800 домов, построен из камня, и большею частию с колоннами, коих третья доля принадлежит казне. Улицы в нем прямые без переулков, одинаковой ширины и все сквозные... В Николаеве 2 церкви: собор с весьма хорошей внутренностью и деревянная греческая».

На месте татарского селения Ак-Мечеть (белая мечеть) был построен город Симферополь, ставший столицей Таврического наместничества (1784 г.). Такой выбор был сделан Потемкиным потому, что «город сей почти в середине земли, довольно имеет воды и лесов и съезд из деревень. И для них удобнее по причине ровного положения». К этому времени, в связи с выездом многих татар в Турцию, поселение наполовину обезлюдело, что отразилось на его застройке. Статистические данные свидетельствуют, что в 1783 г. здесь насчитывалось 224 целых и 84 разрушенных дома. В 1784 г. в городе был заложен дворец для Екатерины II, проект которого утвердил сам Г.А. Потемкин, и начали селиться гражданские жители, прибывали переселенцы из Правобережной Украины. В 1784 г. в Симферополе проживало более 300 человек, большинство из них составляли татары. Из ведомости, составленной генералом-майором С. Жегулиным после смерти Г.А. Потемкина, видно, что к 1792 г. население возросло до 2000 человек.

Согласно плану города, составленному инженерами А. Федоровым, Тизенгаузеном, А. Шостаком, С. Тюремниковым, Х. Саковичем, И. Казариным, заселенная татарами бывшая Ак-Мечеть оставалась без изменений. В ней, как писал Павел Сумароков, «встречались узкие, излучистые улицы; виделись низкие, не пространные, из белого неотесанного камня сделанные дома, которые покрыты или черепицей, или дерном, и во всем точное наблюдение татарских поведений...».

На северо-запад от Ак-Мечети, на возвышенном холме между Салгиром и впадающим в него притоком, для русского и украинского населения был запроектирован огромный район площадью около 120 десятин. Здания для администрации размещались на возвышенном берегу Салгира. Рядом с екатерининским дворцом появились дома областного правления и вице-губернатора. Напротив располагалась аптека, а между ней и старым городом построили училище. Несмотря на важность своего значения, город рос медленно. В 1785 г. в Симферополе было всего 15 казенных дворов, 16 разных зданий, 264 татарских дома, 7 мечетей, 4 школы; жителей 133 человека разных званий, 186 татар, 16 мул.

В 1790 г. возникла необходимость в составлении нового плана города, его проектирование Г.А. Потемкин поручил И.Е. Старову: «С губернатором для губернского города Симферополя расположить строения, стараясь их с выгодою казне прожектировать». Вот какую характеристику городу дает «Описание к атласу Новороссийской губернии»: «...построен иррегулярно, в нем главнейшие строения суть дворец и три большие мечети сделаны из тесанного камня на извести, областные присутственные места, народное училище, арсенал, при оном казармы и пороховой погреб, хлебный запасной магазин, три церквы, первая российская, вторая греческая и армянская...»

Печатью войны 1768—1774 гг. были отмечены наиболее значительные города Крымского полуострова: Кафа (Феодосия), Козлов (Евпатория), Бахчисарай. Вот как описывает путешественник В. Зуев вид Кафы, являвшейся в 1782 г. во время его пребывания в Крыму резиденцией Шагин Гирея. Значительный сам по себе, город этот имел «обширные предместья». В нем жили раньше греки, армяне и другие народы, шла бойкая торговля. «Но ныне, — продолжал Зуев, — предместий сих, мечетей и церквей греческих и армянских видны только одни основания; городских стен, замков и башен одни только развалины; домов внутри города разве третья часть оставалась целая и та, может быть, уже вновь из развалин складенная».

В момент присоединения к России Крым находился в состоянии большого запустения. Несмотря на то что административная и хозяйственная деятельность по устройству полуострова требовала огромного внимания, Г.А. Потемкин не забывал о многовековой истории края. Еще в 1777 г., когда здесь стояли

русские войска, он поручил князю А. Прозоровскому «снять в Крыму все достойные примечания виды и старинные здания...». Обращаясь к архиепископу Евгению Булгарису, князь просил его сделать историческое описание Крыма. В 1790 г. по поручению Потемкина Тавриду «обозревали» И.Е. Старов и Стратилати. Старова сопровождал Карл Габлиц, докладывавший Г.А. Потемкину: «...я объехал с ним все внимания достойные места в здешней области, как по сю сторону гор лежащие, так и знатнейшие по ту сторону, на южном берегу находящиеся...» Значительную работу по сбору сведений о Крыме провел генерал Игельстром, осуществлявший гражданское (до 12 июня 1784 г.) и военное (до 23 октября 1784 г.) управление Таврической областью. Большую сложность представлял сбор исторических сведений о городах и крепостях, на котором настаивал Потемкин. Игельстром отвечал ему, что в Крыму «ни книгохранилищ, ни же каких записок ни у кого не находится».

Особый интерес проявлял Г.А. Потемкин к Феодосии. Он заботился об охране от расхищения мечетей, замка паши, загородного дворца хана, приказав представить к ним особого директора — коллежского советника Маврсения. После включения Крыма в состав Русского государства потребовалось обновление социально-экономической структуры города. В 1786 г. Феодосия была освобождена на пять лет от пошлины. В 1787 г. она стала уездным центром Таврической области. Однако повышение административного статуса города и стремление активизировать его торговлю не дали должного эффекта. Феодосия и ее старые укрепления лежали в развалинах. В 1786 г., по данным иностранного путешественника Ж. Ромма, в городе насчитывалось 488 татар, около 700 армян, немного греков и евреев. «Так, город этот, самый большой в Крыму, самый торговый на Востоке, теперь один из самых бедных городов России», — констатировал очевидец.

Потемкин готовил Крым к приезду императрицы. В древнем городе предполагалось, как видно из «Сметы о возобновлении из старого камня крепостных стен и построений в городе Феодосии», в «11 башнях возобновить своды и сделать к ним... каменные со сводами проходы; вновь построить каменную пристань; вновь построить хорошей архитектуры трое ворот; вновь сделать чистою работою... 7 каменных со сводами и перилами

мостов; у канала... обделать вновь камнем осыпавшихся береговых стенок; по сторонам прилежащей к валу круглой площади посадить в ряд более 3000 деревьев...». В 1787 г. был разработан трехлетний план застройки Феодосии. В первый год планировалось очистить улицы, «собрать и положить в сажени каменные, подровнять стены и присыпать к ним землю»; на следующий год надо было построить мосты, починить обвалившиеся стены, одеть дерном земляные крепости и осенью посадить деревья; на третий год «построить пристань и некоторые для поклажи товаров магазины...». В 1792 г. в Феодосии уже 132 двора, где проживало 450 человек; в городе было 4 церкви, 1 мечеть, 1 еврейская школа, 86 лавок и магазинов, 9 постоялых дворов.

В бывшей столице Крыма, Бахчисарае, перед приездом на юг Екатерины II предпринималось немало усилий с целью сделать его «как можно опрятней». «В Бахчисарае большую улицу, где имеет быть въезд Ея императорского величества, застроить хорошими домами...» — гласил один из приказов Потемкина. Они должны были строиться «на манер тамошний» и покрываться черепицей. По распоряжению князя велись работы по починке Бахчисарайского дворца и мечетей, исправлению улиц и слому ветхих домов. «В Бахчисарае Большая улица во многих местах расширена и прибавлена для безопасного проезда, построено несколько новых хороших домов. Дворец внутри отделывается, большая часть канала против дворца одета камнем», — докладывал Василий Каховский Потемкину 2 мая 1785 г.

Интересно сравнить описания Бахчисарая, которые ему дали Сегюр в 1787 г. и Павел Сумароков в 1799 г. Сегюр говорит о «дурно выстроенных домах», опасном въезде. Сумароков пишет о городе: «...он других претерпел разорения, и поднесь превосходит все прочие города на сем полуострове». В Бахчисарае, по словам путешественника, «2 греческих и 1 армянская церковь, 2 еврейских школы, 33 мечети; 1 еврейское, 3 магометанских училища; 3 народных бани; 17 ханов, 17 кофейных домов, 4 сафьянных завода, 75 фонтанов, 487 лавок, 1411 домов и 6777 обоего пола жителей, в коем числе только 7 русских». Из ордера Потемкина В.В. Каховскому видно, что еще было сделано к приезду императрицы в Крым: «...бывший в Карасубазаре старый дом перестроен, а вновь заложенная галерея и прочие покои отделы-

ваются; в Старом Крыму заложена пристройка к тому дому, где полк[овник] Шац имеет пребывание; в Феодосии исправляется тот дом, в котором жил генерал-майор Розен; Бахчисарайский дворец весьма хорошо отделывается...»

Портовый город Козлов, располагающийся на берегу Черного моря, после присоединения Крыма был переименован в Евпаторию и стал уездным центром Таврической области. «Война нанесла ему чувствительные удары, — пишет о городе Петр Сумароков, — от крепких стен, его окружавших, и высоких при них башен остались в редких только местах поврежденные оных части, видны основания срытых домов и опустелые мечети... В нем учрежден карантин, считается более 800 домов...» Обороне Евпатории уделялось существенное внимание. В 1784 г. было предписано возвести новое укрепление, а в следующем, 1785-м году — «возобновить старый замок». В 1784 г. в городе насчитывалось 81 христианский, 856 татарских и 97 еврейских домов.

Для экономической активизации полуострова в 1786 г. было решено освободить Евпаторию и другие крымские порты от пошлины на 5 лет и тем самым стимулировать торговлю. Это способствовало и притоку жителей в город, порт которого являлся самым оживленным в Крыму. К 1792 г. в Евпатории было 854 двора, где проживало 3875 человек; 2 церкви, 20 мечетей, 500 лавок и магазинов, 17 постоялых дворов, 6 кожевенных заводов и 18 ветряных мельниц. Все строения были сделаны из дикого кирпича на глине под черепицей.

Исследование градостроительной деятельности правительства на территории Северного Причерноморья и, в частности, непосредственно Г.А. Потемкина свидетельствует о том, что она имела свои региональные особенности. Во многом они зависели от фантазий и желаний князя. Однако существовали и вполне объективные причины бурного роста городов. Прежде всего, быстро развивавшаяся экономика Российской империи была крайне заинтересована в хозяйственном освоении новых территорий, в развитии внешнеторговых операций через черноморские порты, в разработке залежей полезных ископаемых, таящихся в недрах южных земель. Поэтому развитие причерноморских городов на первых порах стимулировалось искусственно.

Очевидным фактом является полиэтническая структура населения южных городов. В строительстве новых населенных

пунктов и крепостей принимали участие русские солдаты, переселенцы из центральных районов России, молдаване, болгары, армяне, греки, другие иностранные колонисты. В связи с этим сложилось сосуществование разных форм городского управления, например, греческая дума и греческий суд в Мариуполе. Соседство в большинстве городов разноплеменных групп населения обусловило зонирование городской территории не только по функциональному и социальному, но также и по национальному признаку. Поэтому южный город обычно складывался из собственно города — средоточия административных, религиозных, торговых сооружений, жилищ состоятельных слоев населения — и примыкавших к нему национальных и иных форштатов.

Эти специфические исторические условия отразились и на градостроительной культуре южных городов. В Северном Причерноморье в большинстве случаев города создавались на пустом месте. Их редкое разнообразие и оригинальность обусловливались уже тем, что проектировщики учитывали назначение и профиль будущего населенного пункта, социально-классовую и этническую структуру его населения, конкретные природные условия и другие факторы. В результате, несмотря на развитие в это время в градостроительстве принципов типизации, одинаковых городов не оказалось. Более того, были предложены и осуществлены совершенно оригинальные и выразительные в художественном отношении решения планировочной системы. При этом следует отметить стремление к компактности и четкости в организации поселений. Главная заслуга в этом принадлежит знаменитым архитекторам и Г.А. Потемкину, который направлял и поддерживал их деятельность. Осознавая необходимость в скорейшем строительстве городов как социально-экономических и военных субъектов, он стремился воплотить в них свои художественные и архитектурные пристрастия, стремясь сделать их не просто достойными и равными российским городам, но и лучше, значительнее. К сожалению, память о Потемкине, как, впрочем, и о Екатерине II, не сохранилась ни в названии улиц этих городов, ни в монументах.

Внимательный читатель обязательно заметит, что на бумаге, в официальных ведомостях и донесениях Потемкина о жизни вверенной ему Таврической области все выглядит благополучно. «А в жизни?» — спросите вы. Конечно, не просто давалось стране

и жителям освоение новых земель, сравнимое по тяготам с реформами начала XVIII столетия и строительством Петербурга во времена Петра Великого. Изнурительный климат, постоянные «лихорадки», которыми наравне со всеми страдал и сам наместник, требующий больших усилий труд по строительству военных и гражданских объектов, постоянный недостаток в снабжении и продовольствии — все это тяжелым бременем легло на Потемкина, его служащих. Но, согласитесь, страдания и лишения не были напрасны. Гений Потемкина создал прекрасные города, ставшие украшением полуострова, он вдохнул искру жизни в древние города Крыма — Феодосию, Евпаторию, Бахчисарай. Вся страна отдавала силы, средства, людей и таланты новым землям, стараниями Потемкина и его подчиненных в рекордно быстрые сроки Крымский полуостров превратился в южную жемчужину Российской империи, столь любимую многими поколениями россиян.

Глава 13. «ПОТЕМКИНСКИЕ ДЕРЕВНИ» — СКАЗКА НАЯВУ

На Григория Александровича Потемкина была возложена многотрудная и ответственная задача обеспечения безопасности южных границ России и освоение новых земель Северного Причерноморья. Перед ним простирался пустынный край, подвластный его воле и фантазии. Проекты князя были грандиозны и, быть может, не всегда реальны. Для Потемкина характерно, при всей видимой легкомысленности решений, тщательное их осмысление и разработка, а затем претворение в жизнь. На этом последнем этапе при влиянии реалий исторической обстановки не все проекты смогли быть реализованы в том виде, как предполагал Потемкин. Например, масштабный план построения Екатеринослава, воспринимавшийся всеми как безудержная фантазия князя, на самом деле должен был служить воплощению репрезентативной функции государства.

Кипучая деятельность князя Г.А. Потемкина в Южной России не могла не обратить на себя внимания современников. Утверждали, что громадные суммы, истраченные им, не при-

носят никакой пользы, что даже приобретение Крыма не стоило огромных пожертвований, требуемых князем. Очень мало известно о том, как и когда у Екатерины II появилось желание совершить путешествие на юг России, но императрица понимала ценность личного появления перед подданными для укрепления своей власти. Ее многочисленные «шествия» по стране, встречи с наместниками, губернаторами, уездными дворянами и купечеством служили решению многих внутриполитических и внешнеполитических задач. О поездке в Тавриду начали говорить уже в 1784 г. Екатерина стремилась как можно скорее обозреть новые земли и, конечно, Тавриду, о которой так красочно писал Потемкин. «Скажи ты мне, друг мой, — обращалась к нему императрица 15 апреля 1784 г., — начисто: буде думаешь, что за язвою или другими препятствами в будущем году в Херсоне побывать мне не удастся, могу тогда ехать до Киева?» Окончательное решение о поездке было принято осенью, о чем Потемкину сообщили приказом. Ему предписывалось сделать все необходимые распоряжения по исправлению дорог, мостов и организации путешествия. Екатерина предполагала осмотреть Киевскую, Черниговскую, Новгород-Северскую, Екатеринославскую губернии и Таврическую область. Но обстоятельства препятствовали планам императрицы, а тем временем жизнь Северного Причерноморья шла своим чередом с учетом, несомненно, распоряжений Екатерины. Благоустраивались города, строились каменные и деревянные здания, прокладывались дороги, но уже тогда в придворных кругах и среди иностранных дипломатов появилась легенда о «потемкинских деревнях».

Потемкин готовился наилучшим образом встретить свою благодетельницу и продемонстрировать ей не только преимущества новых земель, но и первые результаты своей деятельности по управлению и благоустройству края. 28 мая 1784 г. он приказывает барону Игельстрому для предполагаемого приезда Екатерины II в Таврическую область «осмотреть благовременно места для станций от Перекопа по дороге Бахчисарайской». Уже планируются места для остановок и ночлега, а следовательно, нужно подготовить «путевые дворцы» — дома, где государыня и многочисленный двор смогут отдохнуть и набраться сил для продолжения путешествия. Потемкин лично назначает здания,

достойные принять императрицу: «В Акмечете (Симферополе. — *Н.Б.*) нужно построить дом, я оный вашему попечению препоручаю... В Карасу-базаре дом также исправить, хотя тот, в котором ваше превосходительство сами жить изволите, совокупя обе связи и, сделав большую, где место позволит, галерею. Полы весьма нужно сделать крепче, а прочее все на манер азиатский». Другому своему верному помощнику, Василию Каховскому, Потемкин поручил благоустроить Бахчисарайский дворец: починить, «сад прибрать, что есть в оном деревянного, вновь перекрасить. И цветов умножить, фонтаны починить». Да и сам город должен быть в достойном виде, а значит — «Бахчисарай вычистить, что ветхо поправить, развалины сломать, улицу намостить, лавки исправить и также починить мечети». Для благоустройства Бахчисарая наместник определил 10 000 рублей из местных доходов и солдат, которым выплачивали по пять копеек в день каждому. В сентябре Потемкин торопит подчиненных с выполнением заданий, напоминая о «поспешнейшем в Таврической области строении дворцов по пути для высочайшего Ее императорского величества шествию»; он должен точно и своевременно знать о результатах предпринятых действий.

Сравнивая художественное оформление и эстетику различных поездок Екатерины II по России, можно говорить о том, что постепенно складывался церемониал путешествия и приема государыни, отличавшийся особой торжественностью и пышностью. К приезду монархини и высокопоставленных гостей благоустраивались города, готовились «путевые дворцы», в больших городах специально сооружались триумфальные ворота для проезда императорского кортежа. Украшались и иллюминировались улицы, собиралось дворянство, купечество и местные жители для встречи Екатерины II, определялись места, достойные посещения государыни: соборы и духовные святыни, фабрики, учебные заведения; приезд и отъезд сопровождались колокольным звоном и пушечной салютацией, проводились приемы, балы и маскарады.

Потемкин, участвовавший в подготовке празднования Кючук-Кайнарджийского мира летом 1775 г., помнил, с какой особой пышностью было организовано пребывание Екатерины II в Москве. Как уже отмечалось, тогда по ее распоряжению знамени-

тый архитектор Василий Баженов представил на Ходынском поле облик южных земель, соединив образы Черного моря, Дона, Днепра, Крымского полуострова с обеденными и бальными залами, театром, буфетами с мясом и вином. «За Дунаем вы устройте фейерверк, а на той земле, которая должна представлять Черное море, вы расставите освещенные лодки и суда; берега рек, в которые обращены дороги, вы украсите ландшафтами, мельницами, деревьями, иллюминированными домами, и вот у вас будет праздник без вымыслов, но зато прекрасный, а особливо естественный...». Эту идею государыни Баженов и его команда воплотили в жизнь с блеском и поразительной фантазией, устроив на Ходынском поле турецкие крепости и европейские дворцы, минареты и колокольни, причудливые павильоны и галереи, построенные в различных архитектурных стилях, морские суда, откуда зрители смотрели фейерверк и иллюминацию. Эти идеи оформления торжества в сочетании с действительно произведенными работами по освоению южного края, привлечению жителей, созданию новых городов и населенных пунктов были успешно использованы Г.А. Потемкиным для подготовки «шествия» Екатерины II в полуденный край. Оно поразило его современников и удивляет до сих пор потомков. Согласно многочисленным хозяйственным документам и переписке князя, на юг были вызваны художники, возможно, их он и использовал для декорирования местности.

Словосочетание «потемкинские деревни» давно стало фразеологизмом. Так говорят о «чем-либо, специально устроенном для создания ложного впечатления видимого, показного благополучия, скрывающего истинное положение состояния чего-либо». Общепринято, что выражение это — реакция трезво мыслящих и наблюдательных людей, русских и иностранцев, которые во время путешествия Екатерины II в Новороссию и Крым не дали ослепить себя пышными празднествами, устроенными Потемкиным.

Современники путешествия 1787 г. высказали немало резких суждений о «чудесах», показанных императрице. Типичным можно считать высказывание шведа Иоанна-Альберта Эренстрема — очевидца событий: «От природы пустые степи... были распоряжениями Потемкина населены людьми, на большом рас-

стоянии видны были деревни, но они были нарисованы на ширмах; люди же и стада пригнаны фигурировать для этого случая, чтобы дать самодержице выгодное понятие о богатстве этой страны...» Примерно то же писал саксонский дипломат Гельбиг, отражая мнение императора Иосифа II: «Живописные селения были всего-навсего театральными декорациями; Екатерине несколько раз кряду показывали одно и то же стадо скота, которое перегоняли по ночам на новое место; в воинских магазинах мешки были наполнены не зерном, а песком». Гельбигу же принадлежит рассказ и о том, что за селения видела вдали Екатерина по пути в Таврическое наместничество. В них, кроме каменных домов, ничего не было, церкви и колокольни были изображены на доске; другие деревни, лежащие вблизи дороги, только успели выстроить, и они казались обитаемыми, но, добавляет главный критик Потемкина, жители были пригнаны за 40 немецких миль. Вечером, когда стемнеет, поселяне должны были вместе со всем своим скотом перебираться в следующее селение, чтобы опять предстать перед императрицей.

В одном из распоряжений Потемкина действительно есть приказ перегонять стада скота, оставшегося после выезда за границу татар, но делалось это для раздачи поселянам, чтобы «сделать нужное пособие бедным и неимущим». Да и жители, привлеченные правительственными мерами в Северное Причерноморье, представляли собой все разнообразие национальностей — от татар до немцев. По распоряжению Потемкина в Тавриде из «тамошних жителей» были сформированы конные дивизионы, они в национальных одеждах участвовали в сопровождении императорского кортежа и поразили своим видом придворных и иностранных дипломатов. Для новоформируемых команд был утвержден даже специальный «штат жалованью на содержание», чтобы, с одной стороны, привлечь местных жителей к службе, а с другой — предотвратить «каковые либо в земле шалости». Не стоит забывать, что во все время подготовки и самого путешествия сохранялась военная угроза со стороны Турции, на что указывает одно из распоряжений Потемкина 29 октября 1785 г. генерал-майору Репнинскому: «...подтверждаю я прежнее мое вам предписание, чтоб в ваших сношениях с пограничными турецкими начальниками глас умеренности предпочитали вы

шуму и угрозам, коих в действо произвесть вы не в силах. Если турки более говорят, нежели делать могут, то таковый пример недостоин подражания. Пусть они одни останутся при хвастовстве своем, с нашей стороны да сохранится вся пристойность». Опытный политик и государственный деятель понимал, что в настоящее время Россия не готова к новой войне, южные земли еще требуют укрепления и наполнения жителями.

Мысль о «потемкинских деревнях» возникла за несколько месяцев до того, как Екатерина II ступила на новоприобретенные российские земли. Миф предварял реальность, и в этом нет никакого парадокса, если учитывать атмосферу соперничества, наговоров и взаимной ненависти, царившую в петербургском высшем свете, а также сложные внешнеполитические интриги. О том, что ее ожидает лицезрение размалеванных декораций, а не долговременных построек, царице твердили еще в Петербурге, о чем есть много тревожных помет в «Записках» М.А. Гарновского, управляющего делами Потемкина в Петербурге. Весной 1787 г. он сообщал через В.С. Попова князю, что между многими нелепыми слухами, имевшими хождение в столице до прибытия светлейшего в Киев, «глупее не было сего, что его светлость находился в Кременчуге недели две болен, а потом удалился в Нежин, где также лежал болен». Постоянная перлюстрация (изготовление копий) депеш европейских дипломатов, собиравшихся сопровождать Екатерину II в путешествии на юг, укрепляла и усиливала ее сомнения. Неслучайно в дневнике А.В. Храповицкого находим такую запись от 4 апреля 1787 г.: «Перелюс[трация] писем... к Сегюру и Кобенцелю. — Намерение (императрицы. — *Н.Б.*) скоро ехать, невзирая на неготовность князя Потемкина, тот поход удерживающего». Нежелание Потемкина принимать Екатерину вызывает сомнения. Известно, что 7 января 1787 г. он с искренней радостью приветствовал начало путешествия: «У нас здесь зелень на лугах начинает показываться. Я думаю, скоро и цветы пойдут. По дороге пыль, а у Перекопа еще снег. Дай Боже, чтобы сия страна имела счастие тебе понравиться, моя кормилица».

Уже в ходе шествия Потемкин отдавал последние распоряжения по торжественной встрече Екатерины II. 15 апреля он сообщал Синельникову, что прибытие императрицы в Кременчуг

ожидается 24 или 25 апреля. В связи с этим Потемкин приказывал: «употребить все силы, не теряя ни минуты, чтоб все было в исправном порядке и готовности к тому времени. Постарайтесь по всей возможности, чтоб город был в лучшей чистоте и опрятности. Безобразящия город строения разломать или срыть... Чем многочисленнее будет корпус дворянства, тем лучше... На других воротах, что на мосту, прикажите надписать "Екатерине Великой"... Правление наместническое (Екатеринославское. — *Н.Б.*), палаты и все присутственные места содержать в готовности к собранию сенаторскому; сверх исправности в делах должны все канцелярские служители быть в совершенном опрятстве».

2 января в 11 часов утра при пушечной пальбе с обеих крепостей из Зимнего дворца выехала Екатерина II в сопровождении свиты и иностранных послов. Обычный порядок жизни императорского двора сохранялся и в дороге. Екатерина вставала в шесть часов утра и занималась делами с подчиненными, затем завтракала и принимала иностранных послов. В девять часов все двигались в путь, в два останавливались для обеда; в семь часов располагались на ночлег. Везде она находила дворец или красивый дом; представителям западноевропейских дворов в городах отводили квартиры в домах зажиточных людей, а в деревнях им приходилось спать в избах. Как вспоминает граф Сегюр, дипломаты постоянно обедали за столом государыни. После нескольких минут, посвященных туалету, Екатерина выходила в залу, разговаривала, играла с ними в карты; в девять часов уходила к себе и занималась до одиннадцати.

В больших и малых городах и селениях самодержицу встречали и провожали пушечными салютами, колокольным звоном и громом оркестров. Воздвигались триумфальные арки. Устраивались иллюминации, фейерверки, званые обеды, балы. Проводились торжественные богослужения. Каждый губернатор желал как можно более выгодно представить подвластные им земли пред очи Екатерины II, предпринимал значительные организационные меры для приема императрицы, детально расписывая церемониал встречи и действия «дворянских должностей», как, например, это было в Новгород-Северской губернии.

Малороссийский генерал-губернатор граф П.А. Румянцев-Задунайский издал целый ряд циркулярных предписаний на-

местническим правлениям относительно различных спешных и неотлагательных приготовлений к приему Екатерины II в губернии. Уже в ордере 19 октября 1784 г., напоминая о сделанных уже распоряжениях относительно дорог, мостов, гатей и перевозов, он предписывал приложить особое старание, чтобы на станциях, назначенных к обедам и ночлегам, определены были для сего лучшие обывательские дома, при которых следовало запасти березовые дрова и уголь, приготовить особые поварни и ледники. Согласно распоряжениям Румянцева, дома всех начальствующих лиц и присутственные места должны были быть отремонтированы и приведены в достойный вид, на что выделялось 5000 руб.

Подробнейшим образом определял П.А. Румянцев Новгород-Северскому наместническому правлению порядок встречи коронованной гостьи, входил в мельчайшие детали, настоятельно требовал, чтобы полиция и управа благочиния «посредством наилучшего присмотру и в городах и деревнях денных и ночных караулов тишина, чистота, безопасность и доброй порядок вообще в само вышней степени совершенства содержании было». Безопасность императорского кортежа должна быть обеспечена полнейшая, никто не мог проехать мимо дворца, где располагалась Екатерина II, при ее шествии никто не смел ехать ни в каретах, ни в дрожках, ни в возах, навстречу. Нарушители сразу же останавливались и выходили. Государыня должна увидеть цветущий край, богатые города и села, счастливых ее правлением людей, но в то же время безопасность и спокойствие императрицы превыше всего.

Через Смоленск, Кричев (где Екатерина ночевала во дворце Потемкина), Стародуб императорский кортеж 22 января 1787 г. достиг Новгород-Северского. «План дворянских должностей во время шествия Ея величества» через Новгород-Северскую губернию был утвержден еще 6 ноября 1786 года и предусматривал для препровождения императрицы и сопровождающих ее лиц от уезда до уезда «быть от каждого уезда по двенадцать человек молодых дворян верхоконных». Там, где был недостаток в молодых дворянах, направлялись юноши из соседних уездов. Дворянский предводитель каждого уезда должен был собрать «гостеприимцев» по 3 человека «с почтеннейших дворян» и по

три человека им помощников — «провожателей», организовать со своим дворянством торжественную встречу, приготовить «цуг» из 12 лошадей и запас продовольствия и фуража. Для того чтобы полностью обеспечить Екатерину II, многочисленных придворных, иностранных дипломатов и сопровождающую прислугу, было даже определено необходимое количество продуктов питания: «на тех станциях, где назначено быть обеденным столам или ночлегам, надобно иметь в заготовлении кормленых рогатых скотин на станции по три, телят хорошо напоенных трое, баранов десять, птиц курей пятнадцать, гусей пятнадцать, уток пятнадцать, индеек пятнадцать и диких птиц сколько можно; муки крупичатой два пуда, сыр галанской, масла коровья пуд, сливок два ведра, яиц пятьсот, окороков шесть, чаю фунт, кофе полпуда, масла прованского пол дюжины, селедей бочонок, сахару два пуда, самовары или чайники большие, доски подносные, чайные приборы, тако ж вина белого и красного французских по три ведра, водки французской по два ведра, сладкой и крепкой водки штофов по пять, аглицкаго пива по четыре дюжины, лимонов пятьдесят, столовое белье, столовые приборы, посуда столовая и поваренная, поваров и протчее, что для стола нужно и служителей в хорошем одеянии». На первый случай на станциях заготавливались «с жаренными разного рода холодными блюдами, холодными пирогами, сыр, масло, окороки». Слушая рассказы о роскоши екатерининского двора, можно только удивляться, какой простой пищей потчевали вельможную гостью в губерниях.

Новгород-Северский встретил Екатерину традиционно: пушечной стрельбой, колокольным звоном и триумфальными воротами. Вечером город озарился великолепной причудливой иллюминацией, причем триумфальные ворота, колонны и разные специально построенные пирамиды и «треугольники» по проспектам светились разными огнями. Отправляясь из города, императрица заехала в местечко Вишенки, принадлежащее П.А. Румянцеву-Задунайскому, где, подобно большим городам, хозяин встретил ее пушечной салютацией и колоколами. Образованный хозяин препроводил Екатерину в покои, при обеде крепостные играли вокальную и инструментальную музыку, а по выходе из-за стола «зажжена была пред домом, построенным

в готическом вкусе, иллюминация с разноцветными огнями и прозрачными надписями и изображениями».

В Черниговской губернии власти особенно хлопотали, чтобы получше и попышнее принять Екатерину. Главную проблему, как всегда, представляло состояние дорог. Один из мостов, по дороге из Глухова на Киев, был вновь сделан на отпущенную сумму «за винную продажу». Как бывало и в последующие времена, приезд высокопоставленных гостей очень способствовал благоустройству регионов, приведению дорог и домов в надлежащее состояние, но ни в одном распоряжении по проезду Екатерины II мы не встречаем каких-либо «самодурских» требований местных чиновников, желающих поразить императрицу ландышами и свежей травой в январе.

Черниговское наместническое правление слишком беспокоилось о том, как принять государыню в местечке Березном и устроить все так, чтобы никакое безобразие не могло броситься ей в глаза. Для этого кузницы, богадельни и винокурни еще в 1784 г. были переведены с тракта в отдаленное место, а полуразвалившаяся колокольня сломана. О таком же благообразии усердно заботились и в Нежине. Там на главной улице, по которой предполагалось высочайшее шествие, было решено снести две лавки купцов Подпружникова и Свешникова, сужавшие проезд.

Торжественно проехав Новгород-Северскую и Черниговскую губернии 29 января 1787 г., императорский кортеж приблизился к древнему Киеву. Когда Екатерина оказалась в 7 верстах от города, в Печерском Успенском монастыре начался благовест в один колокол, к нему присоединились колокола Старокиевского Софийского собора, а затем и всех церквей и монастырей. В город императрица въезжала в специально приготовленной карете, заложенной десятью лошадьми, а за ней верхами следовали придворные чины. Встречали государыню первые лица губернии и города, знатные дворяне, военные чины. Прибывшую на берег Днепра к приготовленному мосту, Екатерину приветствовал вице-адмирал Петр Иванович Пущин с морской командой. В это время началась пушечная пальба с Печерской крепости. В сопровождении хоругви (часть войска со знаменем или стягом) из 100 мещан конных со значками, с литаврами и че-

тырьмя трубачами, предводителей дворянства и сорока конных дворян карета императрицы проехала к триумфальным воротам. Всеобщее ликование захлестнуло город, женщины бросали под карету цветы из корзинок, на воротах играли трубы и литавры, военные и гражданские составляли живой коридор для шествия Екатерины II.

Вечером сад перед дворцом, где остановилась знатная гостья, озарился разноцветной иллюминацией, на сделанном щите в сиянии горело имя Ея императорского величества, под ним «на двух и по обоим оных сторонам на пяти пальмовых древах, в средине каждого изображены из желтого огня вензелевые имена» наследника Павла Петровича и его супруги Марии Федоровны, их детей — внуков государыни Александра, Константина, Александры, Елены и Марии. По сторонам деревьев в полукружии освещены были в одноцветном желтоватом огне пирамиды, сделанные треугольником. А вдали триумфальные ворота, щиты с живописными картинами и весь город сияли приветственными огнями.

Здесь, в Киеве, к свите Екатерины II присоединились новые лица — участники дальнейшей поездки. Это родственники Григория Потемкина: племянницы статс-дама графиня Александра Васильевна Браницкая с супругом польским кавалером графом Браницким, статс-дама графиня Екатерина Васильевна Скавронская, их брат Лейб-кирасирского полка вице-полковник Василий Васильевич Энгельгардт, а также еще несколько вельмож. Великолепные обеды, балы, приемы, беседы, игры в карты и в бильярд в восемь и десять шаров с иностранными министрами — все это составляло дни и вечера Екатерины II в Киеве. Шел Великий пост, и все было организовано скромнее, чем обычно. Императрица каждый день присутствовала на церковных службах и литургиях. 5 февраля в ее честь граф Румянцев устроил в своем доме маскарад, государыня была в своем любимом одеянии — «обыкновенном русском платье» и пробыла в гостях всего несколько часов. 15 февраля, в понедельник, поутру, в 11-м часу Екатерина отправилась в знаменитый Киево-Печерский монастырь и его пещеры, где иеромонах Феофилакт и духовник императрицы протоиерей Иоанн Панфилов объясняли ей имена Божьих угодников, «опочивающих в тех пещерах». Приложившись ко всем

святым мощам, российская императрица была помазана миром «из главы мироточивыя» и, получив мощный духовный заряд, покинула это святое для православных христиан место. Был ли среди сопровождающих кавалеров князь Григорий Потемкин, мы не знаем, но в следующие три дня — 16, 17 и 18 февраля — мы видим его за карточным столом Екатерины рядом с фаворитом Александром Матвеевичем Дмитриевым-Мамоновым и французским посланником графом Сегюром. Если накануне Потемкин был в Киеве, то вряд ли пропустил посещение святого места, общеизвестна его религиозность и знание церковной истории и жизни. 18 февраля играли в карты и ужинали на 26 кувертах — столько гостей собралось в доме племянницы Потемкина Александры Браницкой, где она с супругом принимала знатную путешественницу.

День проходил за днем, Екатерине нравилось в Киеве, она не спешила с продолжением путешествия, давая возможность Потемкину завершить последние приготовления в своих губерниях, посещала примечательные места, Печерскую крепость, прогуливалась в каретах по разным улицам города, на Подол. Сюда, в Киев, повидаться с императрицей и обсудить важные вопросы взаимоотношения двух государств 7 марта 1787 г. приехал ее давний, некогда горячо любимый друг, польский коронный гетман князь Станислав Понятовский, достигнувший вершин политической карьеры благодаря своей покровительнице. В древний город постепенно собирались все новые и новые иностранные гости. Они должны были стать свидетелями великолепного путешествия Екатерины в южные земли и триумфа ее верного и преданного помощника. 8 марта светлейший князь Григорий Александрович Потемкин устроил обеденный стол в доме архимандрита близ соборной церкви Успения Пресвятыя Богородицы, в котором он остановился в Киеве. Потемкин приветствовал Екатерину у кареты, а в сенях перед покоями встречала гостей и выполняла роль хозяйки дома любимая племянница князя Александра Браницкая. Спустя несколько дней любимица фаворита была пожалована почетным орденом Св. Екатерины, им награждались только придворные дамы. Потемкин был доволен таким вниманием к его семье и вместе с Александрой и ее супругом искренне благодарил Екатерину за монаршие милости, подтверждающие ее благово-

ление. Во всех своих частых разговорах с императрицей он манил некогда так страстно любившую его женщину в дивный край, рассказывал о прелестях природы, о селениях и заложенных городах, множестве людей прибывающих каждый день на плодородные земли Северного Причерноморья. К ногам своей покровительницы Потемкин был готов положить многотрудные годы забот и стараний, желал получить ее монаршее благословение. Только она сама сможет по достоинству оценить его заслуги перед престолом и Отечеством. Светлейший находил поэтические аллегории, чтобы описать всю прелесть Черного моря, то спокойного, то гневного, красоту Севастопольской бухты, открывающуюся из окон дворца в Инкермане, шум ночного прибоя и лунную дорожку. Наш герой и сам был очарован новыми землями, их природной красотой и многообещающими достоинствами.

Дальнейшее путешествие из Киева Екатерина II так же, как и в Казань, решила продолжать по Днепру, и 17 марта вместе с фрейлинами и всей свитой отправилась к Китаеву монастырю, чтобы осмотреть приготовленные галеры «Днепр», «Десну», «Буг» и другие сопровождающие суда и отдать последние распоряжения. Почти до конца апреля Екатерина и весь двор наслаждались Киевом в ожидании хорошей воды и благоприятной погоды для путешествия. Уже сюда, в Киев, Потемкин привез депутатов от дворянства Таврической области для представления императрице. Один из них, коллежский советник Теми-Ага Симферопольский, произнес на аудиенции краткую приветственную речь на татарском языке и вместе со своими спутниками, дворянским предводителем Абивелием Ага, коллежским асессором Мех Мечети мурзой Агринским, Иосифом Ибрагимом и дворянским секретарем Гуссейн Хаза мурзой Ширинским, был пожалован к руке.

Приближался день отъезда. 21 апреля киевское дворянство по специальным повесткам собралось на великолепный бал в честь императрицы, завершившийся красочным фейерверком. Он продолжался 49 минут, а по окончании перед дворцом и в саду была зажжена иллюминация, засветились огнями триумфальные ворота в разных частях города, щиты с живописными картинами и пирамиды, устроенные около дворца между качелей (утром они были наполнены разными жареными рыбами и калачами, деревянными сосудами с пивом и медом для раз-

дачи народу). Город прощался с государыней и желал, чтобы его запомнили богатым, красочным и прекрасным. Между тем были распределены речные суда для дальнейшего плавания: на галере «Днепр» разместилась сама Екатерина II, «Буг» занял князь Потемкин с племянницами, «Сейм» предназначался для иностранных послов, «Ильма» — для морской и подрядческой провизии, «Ингул» — для императорского гардероба, «Дон» — для кондитера и провизии, «Самара» — кухня для приготовления вечернего кушанья, «Кубань» — кухня для обеденных столов, «Десна» семибаношная — столовая, «Сож» десятибаношная — для гофмаршала Стрекалова, лейб-медика Рожерсона и статс-секретаря Екатерины Храповицкого; всего 21 корабль и мелкие гребные суда должны были доставить императорский двор в южные владения Российской империи.

22 апреля Екатерина под звон всех киевских колоколов и пушечную салютацию покинула город. На исходе двенадцатого часа она и все путешественники на шлюпках переправились на столовую галеру «Десну», а уже только после обеда вместе с верной камер-фрейлиной Анной Степановной Протасовой и фаворитом Александром Дмитриевым-Мамоновым перебралась на «Днепр». В 3 часа дня с императорской галеры был дан пушечный залп, означавший начало похода. Суда подняли якоря, двинулись в путь; вдруг со всех городских пушек началась пальба, город заполонил колокольный звон, стоявшие на берегу и близко на плотах мещане и ремесленники сделали из ружей «беглым огнем троекратную пальбу», еще очень долго от заполненных народом берегов неслось эхо возгласов «ура!», «виват, Екатерина!».

Киев и его жители попрощались с государыней, она вступила на путь в новые земли, где ее ждали прекрасные селения и города, дома и дворцы, сады и парки, созданные гением Потемкина, населенные его волей бескрайние и богатые земли; ее ждала сказка наяву, принятая многими критиками за пресловутые «потемкинские деревни». Ненадолго императорская эскадра остановилась напротив польского местечка Канев, откуда на «Днепр» прибыл польский король Станислав Август, его с должным почтением представил Екатерине Григорий Потемкин. После приема на польского короля был возложен российский орден Св. апостола Андрея Первозванного и звезда, усыпанная бриллиантами.

Вечером в Каневе на горе специально для услаждения взора российской императрицы был сделан обелиск с вензелевым именем Екатерины, и он, и гора до самого берега Днепра осветились разными огнями. Ко всей приятности после пушечной пальбы на горе зажгли фейерверк.

Неспешное плавание по Днепру проходило в обычных придворных заботах, наблюдениях за польскими берегами на другой стороне реки, мимо которых проходили корабли. Спустя несколько дней, 29 апреля, суда достигли местечка Крылова на границе Екатеринославского наместничества и Польши. Здесь государыню встречали правитель наместничества Иван Максимович Синельников, один из ближайших сподвижников Потемкина во всех преобразованиях, и его подчиненные. На следующий день Кременчуг принимал Екатерину опять множеством людей, пушечной пальбой, колоколами и триумфальными воротами.

Кульминацией путешествия, финальным аккордом стало пребывание Екатерины в землях, подвластных Потемкину. Предчувствуя незабываемые впечатления от посещения Крыма, императрица писала к принцу де-Линю, приглашая его в поездку: «Потом я повезу своих спутников в страну, которую, говорят, обитала некогда Ифигения. Одно название этой страны оживляет воображение; самые разнообразные измышления распускаются по поводу моего пребывания там».

«Церемониал встречи» коронованной гостьи был составлен Синельниковым и в обязательном порядке поднесен на апробацию Потемкину, контролировавшему все мельчайшие нюансы в организации торжественного приема. Правитель наместничества предписывал собрать у пристани всех местных чиновников во главе с вице-губернатором, дамам расположиться в галереях около триумфальных ворот, а многочисленных жителей распределить по берегу Днепра по обеим сторонам пристани. Музыка и хор должны будут заиграть, когда Екатерина въедет в триумфальные ворота, а затем жители, расположенные между армейскими полками, станут бросать под колеса кареты Потемкина, которую займет императрица, живые цветы.

Отсюда начинаются земли, подвластные Потемкину, здесь он распоряжается церемониалом, и вот уже первое новшество в путешествии: в доме главнокомандующего, во дворце Потем-

кина, в большой тронной зале, в честь государыни организован концерт из 186 певцов и музыкантов, принадлежавших князю. Обеденные столы для Екатерины, ее свиты, государевых чиновников и знатного дворянства в Кременчуге сервировались специально изготовленными для каждого наместничества серебряными сервизами (отдельные предметы из них и поныне можно увидеть в музеях). Музыка и хор певчих, что очень любил Потемкин, сопровождали обеды и ужины.

Как и везде город, сад перед дворцом и близлежащие дома вечером озарила иллюминация, а официальные летописцы шествия Екатерины II записали в «Камер-фурьерском журнале»: «обрадованные жители города пришествием Ея величества изъявляли друг ко другу наичувствительнейшую радость, сопровождая оную как в обиталище своем, так и вне оного, в разных местах города различными забавами и гуляньем близ дома» государыни, но с соблюдением надлежащего порядка. Екатерина была довольна увиденным, разница между Киевом и Кременчугом бросалась в глаза. Французский дипломат Сегюр, отмечая успехи административной деятельности князя, заметил, что Екатерина сказала Потемкину: «До самого Киева я могла думать, что механизм администрации в моей империи испорчен: здесь же я нахожу, что он действует с полною силою». Заметила императрица и три новых легкоконных полка, существование которых неоднократно ставили под сомнение злопыхатели и критики Потемкина. В нескольких письмах к оставшимся в столице крупным чиновникам, ставшими рупором ее впечатлений от нового края, Екатерина восхищается конницей. Она «такова, как, может быть, еще никогда подобной не бывало», «про которых покойный Панин и многия иныя старушенки говорили, что они только на бумаге... я видела своими глазами, что те полки не карточные, но в самом деле прекрасные».

Во всем Екатерина способствовала Потемкину, поддерживала почти все его начинания по управлению и освоению Северного Причерноморья, но даже при всей своей «очарованности» светлейшим вряд ли эта опытная и сильная женщина в угоду ему закрывала глаза на явные недостатки в исполнении правительственной политики на местах. Наверно, она оценивала деятельность и достижения Потемкина как реальный правитель, учитывая

ограниченное время и различные объективные обстоятельства. Много не было сделано, немало осталось только на бумаге, но и победы неоспоримы. Кременчуг понравился Екатерине, и она сразу пишет своему постоянному корреспонденту во Франции — барону Гримму, что город «прелестнейшая местность, какую мне случалось видеть, здесь все приятно». В письмах к русским адресатам она была более словоохотливой, в подробностях рассказывала о своих впечатлениях, чтобы к ее возвращению мнение при дворе изменилось в пользу светлейшего, и недоброжелатели поняли: она довольна увиденным, их критика необоснованна. «Чтобы видеть, что я не попусту имею доверенность к способностям фельдмаршала князя Потемкина, — пишет Екатерина в столицу, — надлежит приехать в его губернии, где все части устроены как возможно лучше и порядочнее; войска, которые здесь таковы, что даже чужестранные оные хвалят неложно; города строятся; недоимок нет». Сравнение Екатеринославского наместничества с увиденными прежде тремя малороссийскими губерниями, даже при всей пышности приема, было не в пользу графа П.А. Румянцева, «оттого что ничему не давано движения, недоимки простираются до миллиона, города мерзкие и ничто не делается». Возможно, это преувеличение, призванное отразить субъективное мнение Екатерины, но контраст между «старыми» и «новыми», бурлящими жизнью, губерниями бросился в глаза императрице. По ее словам, «с тех пор, как мы въехали в Екатеринославское наместничество воздух, и все вещи, и люди переменили вид, и все кажется живее».

4 мая путешественниками было получено известие о вступлении в российские границы «знаменитого путешественника» императора Священной Римской империи Иосифа II, путешествующего под именем графа Фалькенштейна. Встреча двух коронованных особ состоялась 7 мая на берегу Днепра, не доезжая трех верст до местечка Новые Кайдаки. Екатерина сама в письме к своему постоянному корреспонденту описала странное и комичное положение, в котором они оказались: «Он (Иосиф) рассчитывал обедать у меня, я же рассчитывала найти обед у фельдмаршала князя Потемкина, а сей последний вздумал поститься, чтобы выиграть время и приготовить закладку нового города. Мы нашли (в Кайдаках) князя Потемкина, только что

возвратившегося из своей поездки, и обеда не оказалось». Но так как нужда делает людей изобретательными, то знатным вельможам пришлось взять на себя роль прислуги: «князь Потемкин затеял сам пойти в повара, принц Нассау — в поваренки, генерал Браницкий — в пирожники, — и вот их величествам никогда еще с самого дня их коронации не случалось иметь столь блистательной прислуги и столь плохого обеда». Приехав в Кайдаки около трех часов дня, Екатерина, граф Фалькенштейн и все сопровождающие все-таки получили обед на 13 кувертах — по числу присутствовавших за столом. За столом, наверное, долго смеялись собравшиеся, вспоминая недавнее приключение и критически оценивая способности Потемкина в кулинарии, признавая все остальные его достоинства.

Отъехав на 8 верст из Кайдак, 9 мая путешественники стали очевидцами закладки храма в Екатеринославе. В походной церкви — шатре, раскинутом на лугу, отслужили литургию, а затем все пешком добрались до назначенного места. По совершению водоосвящения с молебенным пением в присутствии императоров двух обширных европейских империй был заложен камень в основание церкви во имя Преображения Господня. Потемкин подал Екатерине особую плиту, она положила ее в основание, а Иосиф II добавил кирпич и известь. Это была та самая церковь, задуманная светлейшим в его грандиозном и фантастическом плане построения Екатеринослава наподобие храма Св. Петра в Риме, только он мечтал сделать ее «на аршинчик длиннее». С иронией отнеслись иностранные свидетели не только к возможности возвести такое здание на пустынных землях, но и вообще к идее устроить губернский город из немногочисленных в то время построек. Действительно, вскоре после закладки храма его строительство приостановилось, и уже только после смерти Потемкина на этом месте была сооружена более скромная церковь.

Что же увидели в Новороссии Екатерина II и ее великолепная свита? Что им показал Потемкин? Для них было приготовлено невиданное по разнообразию и пышности зрелище. Французский посланник Л.-Ф. Сегюр, находившийся в свите, писал: «Потемкин всегда старался преодолевать препятствия, разнообразить величественные картины, представлявшиеся взору императрицы, и оживлять даже пустыню...» Само собой разумеется, что многие

развлечения, задуманные Потемкиным, носили отпечаток его своеобразного характера. Они дают интересный материал для истории придворного быта России XVIII в. Несомненно, большая часть задуманной Потемкиным феерии имела чисто развлекательные цели. Конечно, на это ушла уйма казенных денег, миллионы и миллионы, которым можно и должно было найти лучшее, полезное применение. В этом отношении, пожалуй, прав был граф де Людольф, заметивший, что «для разорения России надобно не особенно много таких путешествий и таких расходов».

Но вот что важно: Потемкин действительно декорировал города и селения, но никогда не скрывал, что это декорации. Сохранились десятки описаний путешествия по Новороссии и Тавриде. Ни в одном из них, сделанных по горячим следам событий, нет и намека на «потемкинские деревни», хотя о декорировании упоминается неоднократно. Вот характерный пример из записок того же графа Сегюра: «Города, деревни, усадьбы, а иногда просто хижины так были изукрашены цветами, расписанными декорациями и триумфальными воротами, что вид их обманывал взор, и они представлялись какими-то дивными городами, волшебно созданными замками, великолепными садами». Важно и другое: потемкинская феерия была так блестяща, так разнообразна и непрерывна, что не всякий наблюдатель был в состоянии отличить развлечения от идей — в высшей степени серьезных, поистине государственного масштаба.

По дороге в Херсон Екатерина проезжала и с интересом осматривала слободы Хортицы, Грушовку, многие большие и малые селения. В городе Никополе Потемкин представил ей «в довольном числе поселянников», родом из Польши. На вопрос «о благосостоянии их сообщества в рассуждении поселения в сих местах» они через старосту ответили краткой речью, «изъявляющей надежду свою на власть всевышнего Бога и упование на монаршую Ея величества милость». И светлейший, и императрица остались довольны. Екатерине нравились новые приобретения Российской империи, она разделяла оптимизм князя о большом потенциале нового края и его будущем. Приближаясь к Херсону, императрица с удовольствием писала П.Д. Еропкину: «Хорошо видеть сии места своими глазами; здесь все делается и успевает... польза окажется со временем... здешние жители все

без изъятия имеют вид свежий и здоровее, нежели киевские, и кажутся работящее и живее. Все эти примечания и рассуждения пишу к вам нарочно, дабы вы, знав оныя, могли кстати и ко времени употребить сущую истину к опровержению предубеждений, сильно действующих иногда в умах людских. Все вышеописанное оспаривать может лишь слабость, либо страсть или неведение». Всей своей корреспонденцией во время путешествия Екатерина готовила общественное мнение к тому, что слухи о грандиозных и бессмысленных тратах Потемкина — наветы недовольных, что в новых землях все благополучно, и только благодаря многотрудным стараниям ее верного друга и помощника Потемкина юг России превращается в плодороднейший край. И главное, милость ее и доверенность к светлейшему князю неизменны, никакие интриги и наговоры не могут поколебать ее мнение и отношение к Потемкину.

Херсон поразил всех путешествующих. 12 мая 1787 г. у триумфальных ворот Екатерину встречали купечество и мещанство с хлебом и солью, при въезде в крепость — генералитет и высшие армейские чины, пехотные полки «отдавали честь при преклонении знамен с барабанным боем и музыкой». Молодой город (двор и иностранные дипломаты провели в нем около трех недель) не уступал в пышности приема остальным. «Я могу сказать, — писала она из Херсона, — что мои намерения в сем крае приведены до такой степени, что нельзя оных оставить без достодолжной хвалы; усердное попечение везде видно, и люди к тому избраны способные».

Облик города и крепость удивили даже иностранцев, бывших в свите императрицы. Еще осенью 1786 г. в Херсон приехал венесуэлец Франсиско де Миранда, его отзывы об увиденном не всегда в пользу поступков Потемкина, но вещи несомненные этот опытный и проницательный человек сумел разглядеть. Осмотрев крепость, он записал в своем дневнике обо всех ее фортификационных достоинствах, заметив только, что линии обороны слишком короткие, отчего и расстояние между бастионами невелико. «Качество строительных материалов, — продолжает внимательный путешественник, — особенно кирпича, показалось мне неважным. Корсаков рассчитывает за два года полностью завершить строительство, начатое около двух лет назад». Дом

Потемкина в Херсоне, предназначенный для пребывания императрицы в городе, произвел на Миранду плохое впечатление. Он отметил, что внешний вид оставляет желать лучшего, а причиной тому, по мнению иностранца, то, что князь имеет обыкновение не платить работающим на него мастеровым, а потому все они стараются его избегать. «Зал в том же доме, предназначенный для аудиенции императрицы, когда она пребудет в город, — по словам венесуэльца, — великолепен, хотя безвкусен и пропорции не соблюдены». Особо поразил Миранду арсенал: «Принимая во внимание, что он существует совсем недавно, поразительно, сколько кораблей тут построено и можно было бы построить еще, если бы не небрежение прежних должностных лиц». Критически оценил состояние Херсона и построенные корабли император Иосиф II, осмотрев фортификационные работы, нашел, что многого еще не сделано, а корабли — непрочны и построены из сырого леса. Он ездил осматривать укрепления и в других городах. 6 июня 1787 г., когда Екатерина уже на обратном пути остановилась в Кременчуге, племянник Потемкина генерал-поручик Александр Николаевич Самойлов рапортовал из Херсона князю Г.А. Потемкину:

«Его величество император римской сего числа по утро в четыре часа изволил отправиться в путь свои на Ольвиополь. В бытность его здесь ездил он в Кинбурн, по приезде в Збруевск, вышед из коляски, был в тамошней церкви, потом в квартире начальника господина генерал-майора и кавалера фон Река, спрашивал, здоровое ли там место и много ли бывает больных, на что ответствовано, что больных очень мало, на что сказал — работы нет. Господин же Рек объявил, что работа хотя и есть, но здесь здоровое место. По прибытии ж в Кинбурн осматривал замок, но наружнаго укрепления не осматривал, потом ездил на шлюпке к турецким судам, где довольно осматривал оные, о сем последнем по возвращении сюда, сам он мне сказывать изволил».

Венесуэльца Франсиско де Миранда поражали многие вещи в России. 31 декабря 1786 г. он впервые увидел Потемкина. Путешественника беспрепятственно пропустили в дом князя и проводили в кабинет. Светлейший чрезвычайно предупредительно поднялся навстречу и пригласил гостя за свой стол. За чаем, собственноручно приготовленным Потемкиным, князь

расспрашивал Миранду об Испанской Америке и его родине, много говорил на политические темы, о характере испанского народа. Вдруг вошла графиня Сиверс, Потемкин поцеловал ее и усадил за стол. Иностранный гость вспомнил так поразившие его рассказы об этой женщине. Вечером путешественник записал в своем дневнике: «Это — шлюха (хотя происходит из добропорядочной семьи), проживавшая в таком качестве в Петербурге, а потом перебравшаяся в Кременчуг, где ее никто не навещал. Теперь ей удалось снискать расположение князя, она повсюду его сопровождает, и все наперебой заискивают перед ней... Он сожительствует с ней без всякого стеснения». Еще не раз Миранда оказывался за столом князя, где сам Потемкин раскладывал по тарелкам запеканку и фрикасе, а мадам Сиверс разливала чай.

Немецкий врач Дримпельман — очевидец спуска кораблей в Херсоне, ставшего началом торжеств и празднеств в честь коронованных гостей, — был поражен внешним оформлением события. Для того чтобы жители Херсона и окрестностей могли принять участие в зрелище, через Днепр были построены три плавучих моста с перилами, снабженные для защиты от солнца и дождя крышей, покрытой зеленой клеенкой. Средний помост, предназначенный для Екатерины, Иосифа II и знатных особ, отличался великолепными и с большим вкусом подобранными украшениями. В конце помоста стояло кресло под балдахином из голубого бархата, богато украшенное кистями и бахромой. В назначенный день, 15 мая, ясное и безоблачное небо обещало хорошее зрелище собравшимся нескольким тысячам зрителей. От императорского дворца — дома Потемкина, до верфи, находившейся в полуверсте, путь был выровнен и покрыт зеленым сукном с фабрик Потемкина на две сажени в ширину. С обеих сторон располагались офицеры и чиновники в разнообразных мундирах, особо привлекавших взоры зрителей. На месте спуска кораблей соорудили высокие подмостки с галереей, где разместились музыканты.

В час пополудни Екатерина в сопровождении императора Иосифа II и придворных отправилась из дворца. Она, по замечанию немецкого врача, «явилась запросто, в сером суконном капоте с черной атласной шапочкой на голове. Граф (Фалькен-

штейн. — *Н.Б.*) также одет был в простом фраке. Князь Потемкин, напротив, блистал в богато вышитом золотом мундире со всеми своими орденами». Это он был триумфатор и герой дня, но позволим себе поймать на слове или, может быть, просто указать на неточность иностранного очевидца. В официальном «Камер-фурьерском журнале» зафиксировано, что Екатерина была одета в «морской флотский мундир». При приближении государыни пушечным выстрелом был дан сигнал к спуску кораблей, раздалась музыка, а с валов крепости — гром пушек. Военный 70-пушечный корабль «Иосиф» сначала торжественно тихо, а потом все быстрее и быстрее двинулся со специального возвышения и сошел в Днепр. Вскоре за первым последовал другой 70-пушечный корабль «Владимир», затем 50-пушечный фрегат «Александра». Всё возрастающие крики толпы, гром пушек и музыка придавали зрелищу невиданные величественность и торжественность. Довольная Екатерина щедро наградила старших и младших строителей кораблей и многих других участников праздника золотыми часами и табакерками, проехала на катере мимо спущенных на воду кораблей, убедившись вблизи в их мощи и крепости, а потом в фаэтоне вернулась во дворец.

Наибольшую благодарность заслужил Потемкин: весь мир в лице высоких представителей иностранных держав смог убедиться в возрастающей мощи Российской империи. Английский дипломат Фиц-Герберт писал в своих депешах, что «императрица чрезвычайно довольна положением этих губерний, благосостояние которых действительно удивительно, ибо не далее как несколько лет тому назад здесь была совершенная пустыня». С особым чувством вглядывалась Екатерина в Потемкина за обеденным столом, сервированным вместо пирамид моделями кораблей и судов. Внимательная женщина примечала в милом друге следы усталости и забот, долгих раздумий над бумагами и, чего греха таить, честно признавалась она себе, пышных застолий и кутежей. Но Екатерина чувствовала, что в душе он все тот же сообразительный университетский юноша, пылкий конногвардеец, опытный генерал и, наконец, ее милый любимый «Гяур, москов, казак». «Нет, — думала про себя императрица, — все было правильно. Без этого человека империя многого бы не приобрела, его сил хватит еще на долгие годы, но и я

скучаю, когда нет светлейшего рядом. Все становится проще и спокойнее вместе с ним, он придает мне силы и решительности в поступках». Потемкин упивался своим триумфом, с торжеством поглядывая на дипломатов и знатных вельмож, особенно на тех, кто критиковал его поступки и решения. Теперь все умолкнут, и не придется тратить время и силы на столь утомительные придворные интриги.

В послании к барону Гримму Екатерина подробно писала о пребывании в Херсоне, не уставая перечислять заслуги своего любимого фаворита: «Словом, благодаря попечениям князя Потемкина этот город и этот край, где при заключении мира не было ни одной хижины, сделались цветущим городом и краем, и их процветание будет возрастать из года в год». Критики князя видели лишь внешнюю сторону событий, пышные торжества и наряженных людей, прибранные улицы и дома, триумфальные ворота и иллюминацию. Но о каждодневных заботах Потемкина по заселению края, строительству городов, устройству деревень, разведении скота, обработке земли, устройству фабрик, заводов, парков, лесов и садов — словом, обо всем том, чем наполнены многочисленные его доношения, письма, предложения Екатерине, кроме нее, знали лишь единицы. Только мы с вами, пролистывая сотни архивных дел, можем найти истину между бросающимися в глаза великолепием и пышностью оформления путешествия Екатерины по Новороссии и Крыму и действительно сотворенным Потемкиным.

Не только мемуары свидетельствуют о состоянии края, когда его посетила императрица. В ее свите находился сенатор граф А.П. Шувалов, которому вместе с сенатором С.Ф. Стрекаловым было поручено по пути следования проводить ревизию там, где это позволяли условия путешествия, губернского управления и знакомиться с положением административного устройства. По сути, это была сенатская ревизия, начало ей положил Петр I, а за основу были взяты пункты «Записки сведениям, потребным для Ея императорскаго величества относительно управления губерний», составленные графом А.А. Безбородко для сенатской ревизии А.Р. Воронцова и А.Л. Нарышкина по 11 губерниям России, включая Саратовскую и Астраханскую.

Результатом деятельности Шувалова и Стрекалова стал рапорт на имя императрицы о состоянии Екатеринославской губернии. Сенаторы в ходе ревизии «усмотрели знаменитые успехи трудов и устройства по сей вновь составленной губернии», отметили число жителей, урожай зерновых, доходы. По их сведениям, Екатеринославское наместничество, кроме положенного числа рекрут, содержит 12 полков, «ни требуя ниоткуда рекрут, а довольствуясь единственно воинскими своими поселянами». При ревизии Шувалов и Стрекалов осмотрели все присутственные места наместничества, располагавшиеся в Кременчуге: губернское правление, три палаты, суды средние и нижние, совестный суд, приказ общественного призрения и «удостоверились лично о пристойном содержании колодников и везде обрели возможную исправность, точность в отправлении дел». Все дела в учреждениях решались быстро, а если некоторые и задерживались, то по уважительным причинам, зафиксированным в рапорте. «Итого во всех вышеописанных местах, — пишут сенаторы в заключении, — решено дел 7579, сверх того в губернском правлении исходящих номеров состояло 86 198, в казенной палате — 20 386, всего состоит решенных дел и исходящих 114 163».

«Внутренний порядок» присутственных мест и «обряд» течению дел охарактеризован сенаторами как находящийся в соответствии с высочайшими предписаниями. «Вообще в осмотренных нами присутствиях, — добавляют ревизоры, — приметили мы должное тщание и точное исполнение во всем, относящемся до управления губернии; каждый по званию своему являет старание о учинении себя достойным монаршаго Вашего величества благоволения». Сенаторы официально зафиксировали «цветущее» состояние края под руководством Потемкина и эффективность системы управления, устроенной князем.

После пятидневного пребывания в Херсоне путешественники отправились в Крым через Кизикерман и Перекоп. Готовя этот путь, Потемкин предписывал «дорогу от Кизикермана до Перекопа сделать богатою рукою, чтобы не уступала римским, я назову ее: Екатерининский путь». Проехав Бериславль, Екатерина переправилась 18 мая 1787 г. через Днепр. На другом берегу начиналась Таврическая область. И здесь сразу же императорский кортеж был встречен таврическим правителем Василием Кахов-

ским, директором экономии Карлом Габлицем и эффектным зрелищем: карету государыни окружили конные трухменцы, киргизцы и ногайцы, обитающие в Днепровском и Мелитопольском уездах под предводительством Мамут-бея. В их сопровождении путешественники проследовали через Черную Долину до вершины Каланчак, где их встретили теперь уже 3500 конных донских казаков во главе с войсковым атаманом Алексеем Ивановичем Иловайским. Во все время поездки до станции ночлега у Каменного моста Екатерина могла любоваться из окна своей шестиместной кареты «похвальным проворством» казаков, они демонстрировали «казачьи разъезды и разные воинские движения, им свойственные», а по прибытии к месту назначения «изображен был всеми казаками сильный удар на неприятеля».

Пересечение границы Таврической области навело иностранных свидетелей на мысль о том, что благодаря Потемкину государыня-победительница имела приятную возможность торжественно вступить в Крым и «занять престол татарских ханов, предки которых не раз заставляли русских князей являться с поклонами к высокомерным предводителям Золотой орды».

Императрица не уставала восхищаться селениями, их необычными названиями, прелестной весенней крымской природой. Все новые и новые диковинки располагал по ходу движения шествия Григорий Потемкин, поражая свою благодетельницу и ее сопровождавших. 19 мая в Айдары Екатерине были представлены таврические татарские чиновники, тщательно отобранные наместником в штат края, а вечером статс-дамы, придворные кавалеры и чужестранные министры во главе с Потемкиным «имели вечернее кушанье в раскинутой между ставками калмыцкой юрте». На следующей станции императрицу ждали новые представители ее многочисленных подданных — при Альма-Кермене с правой стороны дороги стояли хоругви из 26 лучших мурз, бывших некогда бешлеями, во главе с полковником Иваном Горичем, с татарскими конными дивизионами, составленными из 1500 вольно вступивших в службу татар. Пропустив фаэтон, в который пересела Екатерина, и отдав честь с преклонением знамен, татарские всадники разделились по сторонам экипажа и сопровождали императрицу до дворца в Бахчисарае. Во время всего шествия по Тавриде Екатерина повелела охранять ее татарам, и этот, по мнению ди-

пломата Сегюра, неожиданный опыт доверчивости удался, как всякий отважный подвиг. Французский посланник пересказал в своих мемуарах беседу с принцем де Линь. Тот, смеясь, предположил, что двенадцать тысяч татар (а ими во время путешествия был окружен императорский кортеж) могли бы беспрепятственно захватить августейшую государыню и могущественного римского императора, посадить их на корабли и доставить в Константинополь, «к великому удовольствию его величества Абдул-Хамида, владыки и повелителя правоверных». К счастью, добавляет Сегюр, эта мысль не пришла на ум сынам Магомета.

Преображенный Потемкиным древний город — столица крымских ханов Бахчисарай — встречал новую правительницу. Из-за расположения его на покатостях окрестных гор въезд в город не был безопасен, и, спускаясь по чрезвычайно крутому спуску между скал, карета государыни едва не упала на бок и не разбилась. Главная улица «со въезда самая прямая», благодаря распоряжениям светлейшего, вела ко дворцу, по обеим сторонам ее стояли приветствующие государыню ремесленники, мелочные, богатые купцы, каждый у своей лавки. На пути шествия Екатерину встретило мусульманское духовенство во главе с первым муфтием ханской мечети Мусалавом-Ефенди, а близ дворца — греческий священник с хлебом и солью. Как и в Казани, Екатерина была поражена многообразием наций и народов, пришедших в подданство Российской империи. Она задумалась, сколько терпения нужно было, чтобы местная знать поверила в расположение российских властей и решилась прибегнуть под ее державу, сколько трудов приложил любезный друг Потемкин к тому, чтобы присоединение прошло мирно, жители приняли новую власть, многочисленные народы, жившие здесь издавна и приехавшие по призыву из разных стран, стали вместе строить, заниматься ремеслами, земледелием, торговать, участвовать в управлении — словом, отдавать свои таланты и силы на общее дело.

Вечером в Бахчисарае приветственной иллюминацией озарились все мечети и жилое строение, «расположенное косогором». В главной мечети, где были похоронены ханы и члены их семей, муфтий с дервишами совершил торжественное богослужение.

Очарование архитектурно малопривлекательному Бахчисараю придавали его древность и былое величие столицы могущественного Крымского ханства, жители которого не раз наведы-

вались в пределы России с опустошительными набегами. Город поразил путешественников своим непривычным восточным видом. Сегюр записал свои первые впечатления: из-за того, что русское правительство не препятствовало мусульманам торговать и отправлять свое богослужение, они сохранили свои прежние обычаи; «мы как будто находились в каком-нибудь турецком или персидском городе, с тою только разницей, что мы могли свободно осматривать его, не подвергаясь притеснениям, каким христиане подвергаются на востоке». Российская императрица и император Иосиф II заняли бывшие ханские покои в одноэтажном дворце, построенном по образцу константинопольского сераля на берегу реки. Он был окружен садом, разделенным на четыре части. Густые ветви розовых, лавровых, жасминных, гранатовых и померанцевых деревьев, бывших в самой яркой поре цветения, закрывали окна своей зеленью и наполняли комнаты благоухающим сладким восточным ароматом.

Стены дворца еще помнили былых владельцев, шепот и стенание наложниц гарема. Спустя годы здесь оказался великий Пушкин, уловив своим поэтическим слухом то, что, может быть, чувствовали Екатерина и Потемкин в Бахчисарайском дворце:

Я посетил Бахчисарая
В забвенье дремлющий дворец.
Среди безмолвных переходов
Бродил я там, где, бич народов,
Татарин буйный пировал
И после ужасов набега
В роскошной лени утопал.
Еще поныне дышит нега
В пустых покоях и садах;
Играют воды, рдеют розы,
И вьются виноградны лозы,
И злато блещет на стенах.
Я видел ветхие решетки,
За коими, в своей весне,
Янтарны разбирая четки,
Вздыхали жены в тишине.
Я видел ханское кладбище,
Владык последнее жилище.

Увлеченная легендой о Бахчисарайском фонтане слез, Екатерина устроила нечто подобное в одном из залов Зимнего дворца, и здесь же было отведено место для диковинного подарка Потемкина — великолепного механического павлина, посмотреть на который до сих пор собирается множество любопытных. Согласно древней легенде о Бахчисарайском фонтане, хан был очарован новой наложницей гарема — польской красавицей княжной Марией, но она не ответила могущественному Гирею взаимностью. Княжна умерла, а в «память горестной Марии» в углу дворца был сооружен фонтан слез, вслед за вельможами золотого века он поразил своей историей и Пушкина:

Над ним крестом осенена
Магометанская луна
(Символ, конечно, дерзновенный,
Незнанья жалкая вина).
Есть надпись: едкими годами
Еще не сгладилась она.
За чуждыми ее чертами
Журчит во мраморе вода
И каплет хладными слезами,
Не умолкая никогда.

Со времен Екатерины Великой и Потемкина русские всем сердцем полюбили удивительный мир Крыма, его природу и древности. Члены императорской семьи, родовитое дворянство, литераторы и художники, простые люди — каждый черпал свое вдохновение на этой древней земле, находил здесь свой любимый уголок. Императрица провела в Бахчисарае только пять дней, но граф Сегюр заметил, что удовольствие свое от происходящего она не скрывала, оно «выражалось во всех чертах лица ее: она наслаждалась гордостью государыни, женщины и христианки при мысли, что заняла трон ханов, которые некогда были владыками России и еще незадолго до своей гибели вторгались в русские области, препятствовали торговле, опустошали вновь завоеванные земли и мешали утверждению русской власти в этих краях».

Из Бахчисарая путь Екатерины II лежал к Черному морю. 22 мая 1787 г. императорское шествие достигло Инкермана.

Кульминацией путешествия, главным «чудом» была демонстрация молодого Черноморского флота на Севастопольском рейде. Во дворце, построенном в пригороде Севастополя Инкермане, Потемкин дал великолепный обед на 51 персону. В разгар празднества был отдернут массивный занавес, скрывавший большой балкон, обращенный к заливу. Взору присутствовавших открылась необыкновенная по зрелищности картина. Между двумя рядами татарских всадников зрители увидели залив верст на двенадцать вдаль и на четыре в ширину. Посреди залива, напротив царской столовой, выстроился в боевом порядке грозный флот, построенный, полностью снаряженный стараниями Потемкина всего за два года. На корабле «Слава Екатерины» был поднят кайзер-флаг, государыню приветствовали залпом из пушек по пятнадцать выстрелов с каждого судна. Иностранным дипломатам почудилось, что грохот их «возвещал Понту Эвксинскому о присутствии его владычицы и о том, что не более как через тридцать часов флаги ее кораблей могут развеваться в виду Константинополя, а знамена ее армии — водрузиться на стенах его».

После знаменательного обеда Екатерина в сопровождении императора Иосифа II, дипломатов и придворных вельмож на шлюпках отправилась «по заливу к городу Севастополю». При приближении к флоту на катере императрицы был поднят штандарт, и тогда все корабли, фрегаты и другие суда, спустя свои флаги, салютовали из всех пушек. Матросы, стоящие по реям, вантам и борту, неистово громко и многократно кричали «ура! ура! матушке Екатерине!». Когда катер с государыней поравнялся с флагманским кораблем, то каждое судно сделало 31 выстрел, заглушая восторженные крики матросов. Существование боеспособного Черноморского флота даже самые непримиримые противники и критики князя не могли подвергнуть сомнению, ведь нельзя же всерьез говорить о том, что нарисованные корабли столь оглушительно стреляют и живо маневрируют. Вид флота из 27 военных судов и 8 транспортов убедил всех, включая иностранных очевидцев, в возможности России удержать приобретенные земли. Сегюр заметил Екатерине, что своими достижениями она загладила воспоминания о неудачном Прутском походе Петра I, запорожских «разбойников» превратила в по-

лезных подданных и подчинила татар, прежних поработителей России. «Наконец основанием Севастополя, — заключил французский дипломат, — вы довершили на юге то, что Петр начал на севере». Она благосклонно приняла восторги Сегюра и уточнила, что, не будь у нее такого соратника, как Потемкин, вряд ли бы достижения были столь значительными и успешными.

Екатерина, уверившись в грандиозных достижениях своего любимца, писала с восхищением барону Гримму из Севастополя: «Здесь, где тому назад три года ничего не было, я нашла довольно красивый город и флотилию довольно живую и бойкую на вид; гавань, якорная стоянка и пристань хороши от природы, и надо отдать справедливость князю Потемкину, что он во всем этом обнаружил величайшую деятельность и прозорливость». Действительно, внимательно следя по донесениям Потемкина за ходом строительства Севастополя, только Екатерина по достоинству могла оценить труды князя, его заботы и результаты кропотливой ежедневной работы. За свои заслуги Потемкин получил из рук императрицы ценный дар. 22 мая в Севастополь прибыл поверенный в делах на Мальте капитан 1-го ранга Таро от гроссмейстера Мальтийского ордена. Тот прислал в знак победоносного приобретения Тавриды «пальмовую ветвь, с кустом цветов трофеями украшенным». Эту ветвь Екатерина II изволила отдать его светлости Григорию Александровичу Потемкину, своему любимцу, «яко основателю Севастопольской гавани», а он, в свою очередь, отправил подарок на флагманский корабль «Слава Екатерины».

На следующий день, 23 мая, гости города стали свидетелями военно-морских маневров: было проведено показательное «бомбардирование» с бомбардирского корабля «Страшный» специального «городка», устроенного против рейда на северном берегу в трехстах саженях. Екатерина и многочисленные сопровождающие сначала на шлюпках осмотрели самые примечательные корабли «Слава Екатерины», 40-пушечный фрегат «Легкой» и 50-пушечный «Святой Андрей», привлекший особое внимание императора Иосифа II. Затем уже из дворца императрица наблюдала за действиями бомбардирского корабля. С пятого выстрела «городок» был зажжен. Поистине Севастополь стал триумфом Потемкина, но успокаиваться ему было

еще рано. Императорское шествие продолжалось, и следовало позаботиться о том, чтобы впечатления государыни от вверенного ему края не только не ослабли, а, наоборот, укрепились и усилились. И конечно, он не уставал стараться в своих затеях, а благодатный крымский край помогал ему своей необыкновенно красивой природой.

Сохранилось романтическое предание об одной из диковинок, придуманной князем для своей государыни, но, к сожалению, официальные источники ничего не говорят о событии, случившемся в мае 1787 г. неподалеку от пригорода Севастополя — Балаклавы. Здесь поселились в большом количестве греки, бежавшие от турецкого гнета. Перед поездкой в Крым в одном из разговоров Потемкин стал восхвалять храбрость греков и даже жен их. Смеясь, Екатерина спросила: чем он может доказать свои слова? И светлейший пообещал ей предоставить свидетельство своего мнения. Дав такое обещание, Потемкин еще из Петербурга послал в марте 1787 г. повеление подполковнику Балаклавского греческого полка Чапони непременно устроить амазонскую роту из вооруженных женщин. Делать было нечего — надо выполнять приказ светлейшего. Жена старшего ротного капитана Сарданова Елена стала капитаном амазонской роты, а под ее начальством собралось сто дам, жен греческих военных. Был придуман наряд для новых амазонок, конечно, более скромный, чем у их легендарных предшественниц. Он состоял из юбки малинового бархата, обшитой золотым галуном и золотой бахромой, курточки зеленого бархата, также обшитой золотым галуном. Одеяние добавлял тюрбан на голову из белой дымки, вышитый золотом и блестками, с белыми страусовыми перьями. Вооружение амазонок состояло из одного ружья и трех патронов пороху.

Для встречи императрицы недалеко от Балаклавы была устроена аллея на четыре версты из лавровых деревьев, усеянная лимонами и апельсинами. Посредине дорогу покрыли лавровыми ветвями, а в конце расположили палатку, где на столе было приготовлено Евангелие, крест, хлеб и соль.

Император Иосиф II выехал вперед из императорского кортежа, желая осмотреть Балаклаву, и первый обнаружил амазонскую роту. Подъехав к начальнице Елене Сардановой, именитый

путешественник не удержался и от восхищения поцеловал ее в губы. Увидев это, амазонская рота взбунтовалась, но прекрасная Елена успокоила всех, сказав, что император не отнял у нее губ и не оставил своих. Вскоре прибыла императрица. Потемкин просил ее позволения стрелять амазонской роте, чтобы доказать храбрость греческих женщин, но Екатерина уже все и так поняла. Подозвав через переводчика Гаврено Елену Сарданову, государыня подала ей руку из кареты, поцеловала в лоб и, потрепав по плечу, сказала: «Поздравляю вас, амазонский капитан, ваша рота исправна. Я ею очень довольна». Потемкин торжествовал: он исполнил данное своей покровительнице слово. Из Симферополя Екатерина прислала Елене монаршее благоволение и бриллиантовый перстень в 1800 руб., а прочим амазонкам — денежное вознаграждение.

Из Севастополя Екатерина поехала прекрасной Байдарской долиной, часть которой принадлежала светлейшему. Каждый шаг здесь являл зрению различные виды, составленные из живых картин, в приятном смешении гор, обиталищ, плодоносящих деревьев и неподражаемых неровностей местоположения с речными «водоскатами». Художники, состоящие в штате Потемкина, искусно использовали все выгоды, представляемые крымской природой. Но Потемкин своей неуемной деятельностью сумел сам во многом изменить ландшафт крымских мест, его растительную палитру. В 1786 г. он заказал для своего сада в принадлежащей ему тогда Алупке, ставшей спустя годы истинной жемчужиной Южного берега Крыма, из разных средиземноморских стран новые растения: итальянскую сосну, кипарисы, кедры, платаны и многие другие. Мягкий теплый климат позволил ему обогатить ландшафт иноземными растениями, и теперь они кажутся органически присущими Крыму. В 1801 г. писателю Павлу Сумарокову местные жители Алупки показали особую достопримечательность этих мест — самые первые на полуострове кипарисы, прародители всех остальных. Они же рассказали путешественнику, что прежним владельцем здесь был задуман ботанический сад, и «князь Потемкин, усердный покровитель сего полуострова, выписывал из Анатолии, Царьграда, равно и из других мест лучшие для него произрастания, кои все укоренились с успехом».

В Карасубазаре 26 мая Екатерину ждало новое представление: когда вечером она вышла из выстроенного стараниями Потемкина изящного дворца в обширный английский сад, чтобы насладиться прохладой и свежестью цветов, все пригорки на десять верст кругом вспыхнули рядами разноцветных огней фейерверка. Посреди этого горящего круга возвышалась конусообразная гора, на ней яркими огнями блистало вензелевое имя Екатерины. Зрителями необычайного для этих мест представления стали и местные жители — татары, собравшиеся на окрестных горах. Они были настолько поражены происходящим, что даже официальные летописцы — составители «Камер-фурьерского журнала» — записали: «когда горели фейерверверочные колеса и щит, сколько сему любовались, столько напоследок были устрашены пущенными в великих тысячах кучами ракет, отчего в самое кратчайшее время не точию на горах, даже и внизу оных не видимо было татарских зрителей».

Как же оценивала путешествие сама Екатерина II? 12 мая 1787 г., еще на пути в Херсон, она пишет главнокомандующему в Москве генерал-аншефу П.Д. Еропкину: «Хорошо видеть сии места своими глазами; нам сказали, что найдем жары несносные человечеству, а мы наехали — воздух теплый и ветр свежий...; здесь все делается и успевает с меньшей хотя силою (сравните с Санкт-Петербургской губернией), издержкою и отягощением противу той, польза окажется со временем, как во всех великих предприятиях, которых польза не всегда, в начале паче, открыта понятию множества...» К нему же она обращается 20 мая из Бахчисарая: «Кричали и против Крыма, пугали и отсоветовали обозреть самолично. Сюда приехавши, ищу причины такового предубеждения безрассудного». Своему внуку, великому князю Александру Павловичу, она пишет 28 мая из старого Крыма: «...дорога сия мне тем паче приятна, что везде нахожу усердие и радение, и, кажется, весь сей край в короткое время ни которой российской губернии устройством и порядком ни в чем не уступит». Как видим, императрица, весьма проницательная и умная женщина, не была введена в заблуждение триумфальными воротами и декорациями, а сумела трезво и объективно оценить деятельность Потемкина.

Перед отъездом из Крыма Екатерина щедро наградила таврических военных и гражданских чиновников, пожаловала 30 мая

в Карасубазаре денежные средства духовенству, находящемуся при Черноморском флоте в Севастополе, греческому духовенству в Феодосии и Бахчисарае, а также на мечеть и дервишам, не забыла и об открытых в области Таврической училищах. Нижним чинам всех войск было определено по рублю на человека. Татарские чиновники и мурзы, проводив императрицу до станции в Баши, были отпущены «в свои места», а на их место в кортеже для сопровождения Екатерины II заступил генерал-майор Денисов с отрядом Донского войска. 31 мая через Перекоп государыня покинула благословенный Крым, 3500 конных казаков и калмыков под звуки пушечной стрельбы провожали вельможную гостью у Каменного моста.

В записках иностранных путешественников, сопровождавших Екатерину II в Тавриду, то и дело встречаются темы проектов и планов. Об этом все время рассуждает граф Л.-Ф. Сегюр: он думает, что цель Екатерины II «не покорение Константинополя, но создание Греческой державы из покоренных областей, с присоединением Молдавии и Валахии для того, чтобы возвести на новый престол великого князя Константина». Если отвлечься от частностей, надо признать, что Сегюр обладал глубоким и метким умом. Он высмеял европейские слухи о том, что «про путешествие везде будут думать, будто они (Екатерина II. — *Н.Б.*) с императором (Иосифом II. — *Н.Б.*) хотят завоевать Турцию, Персию, даже, может быть, Индию и Японию». Следовательно, император Иосиф II и посланники европейских держав превосходно поняли, с какой целью взяла их в путешествие Екатерина. Их скепсис был скорее маской. За нею скрывался страх, что Россия сумеет осуществить свои грандиозные планы. В этой среде и появился миф о «потемкинских деревнях». Нельзя забывать и о русских противниках Потемкина, их позиция — это позиция конкурентов и политических противников князя. Уже во время путешествия и особенно сразу после него буквально все иностранные наблюдатели пишут о неизбежной и близкой войне России с Турцией. Известно, что не только Франция и Англия, не только Пруссия, но даже внешне союзная Австрия буквально толкали Турцию на открытый конфликт. Коль скоро в Новороссии и Тавриде нет «существенного», нет хорошего войска, нет хорошего флота, коль скоро там есть только «потем-

кинские деревни», — значит, победа Турции возможна, значит, Крым снова будет ей принадлежать. Турции на деле пришлось убедиться, что «потемкинские деревни» — это миф.

8 июня 1787 г. в Полтаве состоялось знаменательное событие в жизни Потемкина, венчавшее все его заслуги перед Отечеством. Сенату было предписано именем императрицы заготовить похвальную грамоту с описанием подвигов господина генерал-фельдмаршала князя Григория Александровича Потемкина в присоединении Тавриды к Российской империи, в успешном заведении хозяйственной части и населения губернии Екатеринославской, в строении городов и умножении морских сил на Черном море. За заслуги эти Екатерина повелевала ему именоваться светлейшим князем Потемкиным-Таврическим.

Односторонние оценки иностранных, а отчасти и русских мемуаристов, переносивших центр тяжести на показной характер действий Г.А. Потемкина, опровергаются материалами источников, свидетельствующих о том, что из месяца в месяц, из года в год происходил закономерный и неуклонный процесс заселения и освоения Северного Причерноморья. Путешествие Екатерины по южным землям завершилось в начале июля 1787 г. Благодарное таврическое и екатеринославское дворянство обратилось через Потемкина к императрице с просьбой разрешить установить на собранные ими деньги монумент в память посещения Тавриды. Вот ответ «премудрой» Екатерины: «Желаю только, чтоб иждивение, ими назначаемое, употреблено на сооружение зданий, которые, преподавая память событий, служили так же для пользы общей, например, училища или госпиталя, а в области Таврической фонтана — для выгоды народной». При этом следует заметить, что фонтанами в то время именовали источники пресной воды, нехватка которой до сих пор ощущается на полуострове. Вскоре после путешествия были отчеканены две медали в память крымского путешествия, в их разработке деятельное участие принимал сам Потемкин-Таврический.

12 июня после обеда на исходе третьего часа Григорий Потемкин в слободе Черемошной, недалеко от границы, разделяющей Харьковскую и Курскую губернии, покинул императорский кортеж и отправился назад в Полтаву. На обратном пути из Крыма в Петербург Екатерина почтила своим присутствием еще

несколько губерний. Со дня получения высочайшего рескрипта о путешествии предпринимались различные меры в Орловской губернии: ремонтировались дороги, готовились «путевые дворцы», «во многих местах сооружались триумфальные арки, обелиски и пирамиды». На границе губернии были устроены триумфальные ворота и площадь разукрашена обелисками с гербами уездных городов губернии и аллегорическими изображениями, относящимися к шествию государыни. Въезд в губернский город Орел был особо торжественен. Пушечная пальба и колокольный звон начались еще при приближении Екатерины к городу; вдоль дороги стояли полки, у триумфальных ворот судьи городового магистрата — купечество с хлебом и солью, градская дума и многочисленные ремесленники, дальше у народного училища расположились учителя с учениками, те в руках держали букеты цветов. Чиновники ожидали государыню на крыльце, у подъезда и в сенях дома, назначенного для ее пребывания. От парадной лестницы к большой зале по сторонам пути стояли 8 «малолетних благородных детей» в белой одежде, украшенной «цветочным сплетением». Мальчик и девочка держали корзины, наполненные цветами и плодами. На следующий день после приезда, 17 июня, Екатерина почтила своим присутствием дом орловского генерал-губернатора Семена Александровича Неплюева, где в ее честь благородными девицами была представлена русская комедия «Солима 2-й» и комическая опера «Ворожей».

Из Орла кортеж императрицы через Мценск проследовал в Тулу, и здесь чиновники, боясь огорчать Екатерину II сведениями о высокой цене на хлеб из-за неурожая 1786 г., скрыли эту информацию. Чтобы продемонстрировать цветущее состояние губернии, со всего уезда были собраны стада скота и табуны лошадей на луга вдоль дорог, где проедет государыня. Поселянам приказано было встречать ее в праздничных нарядных одеждах. Такой прием удивил и Екатерину II, и сопровождавших ее дипломатов — быть может, эти сюжеты включили они в рассказы о «потемкинских деревнях». Правда о бедственном положении жителей все же открылась. Несмотря на это, тульский наместник Михаил Никитич Кречетников получил соответствующие награды, а Екатерина с удовольствием осмотрела знаменитый Тульский арсенал, наполненный огнестрельным и белым оружием, а затем присутствовала

на спектакле в местном театре, где актеры из воспитанников и воспитанниц московских представили русскую комедию «Хвастун». Потемкин тоже не понаслышке знал об оружейной славе города. В последний свой проезд через Тулу в Санкт-Петербург он побывал на оружейном заводе, где по его заказу для сражающихся на юге войск изготовлялось огнестрельное и белое оружие. Именно тогда, как писал М.Н. Кречетников 17 февраля 1792 г., князь «по известности о многочисленном заготовлении по заводу и отпуске оружия при обозрении... всех заводских работ, усмотря их в таком действии, какова токмо желать можно, лично удостоверил чинов и мастеров в ходатайстве с окончанием войны у Вашего императорского величества о отличной милости и воздаянии им». Потемкин не дожил до конца войны, и теперь самому тульскому наместнику приходилось напоминать Екатерине об обещаниях ее любимца.

Знаменитая поездка Екатерины подходила к концу, все сильно устали от изматывающих даже в самых удобных экипажах переездов. 23 июня 1787 г. императорский кортеж подъехал к подмосковному имению Потемкина — красивейшей усадьбе Дубровицы. Тенистые липовые аллеи с радостью приняли под свою сень царские кареты. У крыльца дома в отсутствие хозяина Екатерину встретили графы Алексей, Иван, Федор и Владимир Орловы, специально прибывшие из Москвы, а также главнокомандующий Москвы генерал Еропкин с дворянством и жителями местечка. В покоях уставшую к концу путешествия императрицу приветствовал садовник с разными фруктовыми плодами, выросшими на землях Потемкина, в отдельной комнате на столах были загодя разложены ситцы и платки, изготовленные на местной фабрике. Дубровицкая усадьба понравились Екатерине. Великолепное имение с обширным французским парком, усадебным дворцом во вкусе елизаветинского времени и знаменитой своей необычной архитектурой позднего барокко Знаменской церковью очаровали и тогдашнего фаворита Александра Матвеевича Дмитриева-Мамонова. Он сразу попросил у Екатерины купить для него подмосковное потемкинское имение.

Императрица считала Дубровицы одним из многочисленных владений князя и не сомневалась, что он с удовольствием продаст его в казну, как уже делал не раз. Но Григорий Александрович

любил это место, здесь жила подолгу его мать. Имение, располагавшееся на старых боярских землях, было куплено в 1781 г. у князя С.А. Голицына и было застроено с небывалым размахом. Потемкин не скупился, поддерживая усадьбу. Его домовая канцелярия не успевала составлять балансы о состоянии ситцевой фабрики и ведомости на строительство в имении, запрашиваемые князем в 1784—1787 гг. В 1786—1788 гг. в дубровицкий господский новый дом было куплено разной мебели, зеркал, стекла, стульев и прочего на 1587 руб. 35 коп. К приезду Екатерины в Дубровицы Потемкин успел сделать 4 моста, а о ее посещении имения ему сразу же сообщил поверенный А. Пузин. Потемкин заботился не только о строениях и производстве. В его владении состояло более 1000 душ, живших в селе и принадлежащих к нему деревнях. В 1787 г. после неурожая князь распорядился специально для жителей и для весеннего сева закупить хлеб.

Уже 25 июня из Коломенского Екатерина отправила светлейшему письмо о своем намерении купить у него Дубровицы: «Есль ли вы намерены продавать, то покупщик я верный, а имя в купчую внесем Александра Матвеевича». Заботливый хозяин не спешил расставаться с любимым имением, но напрямую о своем нежелании продавать земли сказать Екатерине не мог. Своему управляющему в Петербурге Гарновскому Потемкин велел затягивать дело. По распоряжению князя уже в 1787 г. были составлены ведомости о землях, доходах с них, числе жителей, а также «Инвентариум Дубровицкой экономии с описанием господского дома и строений». С началом войны с Турцией молодой фаворит не прекратил добиваться так понравившегося ему имения. Гарновский не без иронии писал правителю потемкинской канцелярии Василию Попову: «Александру Матвеевичу приятно чтение реляций, но еще приятнее дела дубровицкие». В сентябре 1787 г. Потемкину все же пришлось расстаться с Дубровицами, причем наблюдавший за сделкой отец фаворита проявил исключительную скаредность. Управляющим Потемкина не удалось забрать из имения даже фарфорового сервиза и серебряных ложек. Потеря усадьбы стала той ложкой дегтя, которая испортила бочку меда — потока благодеяний и наград после путешествия Екатерины в полуденные земли.

13 июля 1787 г. уже из Царского Села Екатерина писала Потемкину о том, что путешествие длиною в 6000 верст окончено

благополучно. «С того часа, — продолжала она, — упражняемся в рассказах о прелестном положении мест вам вверенных губерний и областей, о трудах, успехах, радении, попечении и порядке, вами устроенном повсюду. Итак, друг мой, разговоры наши почти непрестанные замыкают в себе либо прямо, либо с боку твое имя, либо твою работу. Пожалуй, пожалуй, пожалуй, будь здоров и приезжай к нам безвреден, а я, как всегда, к тебе и дружна, и доброжелательна». Наверное, не раз в беседах вставал вопрос о громадных денежных средствах, затраченных Потемкиным на юге России. Каждому, кто говорил о том, что князь часть из них опустил себе в карман, Екатерина напоминала поездку 1780 г. в Белоруссию для встречи с Иосифом II. Тогда, возвращаясь из Могилева, императорский кортеж 4 июня заехал в родовое поместье Потемкиных — смоленское село Чижево, где состоялся обед в присутствии хозяина. Один из богатейших и влиятельных людей своего времени принимал Екатерину в простом дворянском доме, на что она обратила внимание присутствовавших: «Когда Потемкин устраивал Херсонскую пристань, завистники разглашали, что он из выданных ему миллионов выстроил какие-то великолепные дворцы на родине своей, а вот его дворец». Действительно, светлейший так и не построил в своем родовом гнезде дворца, достойного запечатлеть знаменательное место, где началась его жизнь.

Историки давно установили и доказали, что знаменитый анекдот о «потемкинских деревнях» не более чем миф, но, к сожалению, этот миф оказался исключительно живуч и активно используется сейчас кстати и не кстати. Потемкин для многих — только лишь автор самого первого и грандиозного в истории России обмана главы государства. Даже сторонники Потемкина с трудом верили в то, что представленные императрице и ее свите города и селения существуют наяву. Ведь все знали, что за несколько лет до поездки Екатерины на юг там практически ничего не было. Гораздо проще современникам было принять то, что все увиденное — одна большая декорация, нарисованная на холсте. Тот же Михаил Гарновский, доверенное лицо Потемкина в столице, передает свой разговор уже после окончания шествия Екатерины, в конце июля 1787 г., с Евграфом Александровичем Чертковым, тем самым, который, по преданию, был свидетелем на свадьбе

Екатерины и Потемкина. Чертков ездил вместе с императрицей в Тавриду и своими впечатлениями делился с Гарновским:

«Я был с его светлостью в Тавриде, в Херсоне, в Кременчуге месяца за два до приезда туда Ея императорского величества. Я удивлялся его светлости и не понимал, что то было такое, что он там хотел показать Ея величеству. Нигде там ничего не видно было отменного; словом, я сожалел, что его светлость позвал Ея величество по-пустому. Приехав с государынею, Бог знает, что там за чудеса явилися. Чорт знает, откудова взялись строения, войски, людство, татарва, одетая прекрасно, казаки, корабли. Ну, ну, Бог знает что... Какое изобилие в явствах, в напитках — словом, во всем, ну, знаешь так, что придумать нельзя, чтоб пересказать порядочно. Я тогда ходил как во сне, право, как сонный. Сам себе ни в чем не верил, щупал себя, я ли? Где я? Не мечту ли или не приведение ли вижу? Ну! Надобно правду сказать, ему-ему только одному можно такия дела делать, и когда он успел все это сделать! Кажется, не видно было, чтоб он и в Киеве занимался слишком делами, ну знаешь, все как здесь. Только и слышно было "Василия Степановича", да "Попова", — "Попова", да "Василия Степановича"; ну да все ведь одно. Удивил! Ну подлинно удивил! Не духи-ли какие-нибудь ему прислуживаются». Евграф Александрович Чертков выразил всеобщее удивление тому, что смог сделать Потемкин и его подчиненные в Екатеринославской губернии и Таврическом наместничестве за действительно короткие сроки.

Многим Потемкин казался чародеем, гениальным преобразователем, умеющим создавать на пустынном месте города, села, фабрики, флот; некоторые же видели в нем фокусника, обманщика, шарлатана. Для одних удивление переросло в «потемкинские деревни», для других — в признание управленческих талантов Потемкина, но, согласитесь, этот человек никого не оставил равнодушными — ни современников, ни потомков.

Глава 14. ПРЕЗИДЕНТ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ

В мае 1774 г. Потемкин получил чин генерал-аншефа и был назначен вице-президентом Военной коллегии, командующим

всей легкой конницей и всеми иррегулярными войсками, а затем в 1784 г. — президентом этой коллегии. Пройдя в период первой Русско-турецкой войны блестящую школу выдающегося российского полководца П.А. Румянцева, Потемкин в полной мере использовал полученный опыт для укрепления русской армии, повышения ее боевой мощи, обеспечения военными средствами безопасности южных границ России. Все стороны армейской жизни были подвергнуты главой военного ведомства России значительному усовершенствованию, начиная от организации войск и заканчивая обмундированием. При этом Потемкин следовал тому же принципу, что и при организации гражданского устройства в подчиненных ему губерниях — лично рассматривать все проблемы и вопросы, разрабатывать проекты реформ.

Осенью 1774 г., исполняя поручение Екатерины II, он провел инспекторскую проверку войск, расположенных в столице и окрестностях, осмотрев полки: Казанский кирасирский, Вологодский и Кексгольмский пехотные. Результатом этой проверки стал рапорт Потемкина, в котором он сделал несколько довольно критических замечаний. Так, например, говоря о Казанском кирасирском полку, Потемкин одобрительно отзывается о состоянии людей, лошадей и амуниции. «Но что принадлежит до тех военных обращений, — продолжает он, — коими оной полк на смотру действовал, то оные от прямого кавалерийского совершенства так удалились, что стремительность и не разлучная нигде с оною стройность, как единственная тяжелой кавалерии сила, без которой ни в малейших пред неприятелем оборотах действовать она не может, в упоминаемом полку вовсе не находится, а тем самым таковой полк ни же с равным числом иррегулярного войска сражаться не может». Здесь Потемкин не просто характеризует состояние полков, но и высказывает программные положения об изменениях в войсках, помня, что против легкой турецкой конницы тяжелая кавалерия уступает. Свои взгляды вице-президент реализовал позднее, когда по его настоянию было увеличено число иррегулярных войск. В этом рапорте Потемкин высказывает и свое отношение к солдатскому быту, его он будет стараться изменить на протяжении всей жизни. Получив одобрительную резолюцию на свой доклад, Потемкин направил 27 октября 1774 г. приказ в Казанский кирасирский

полк об исправлении положения: «...А как описываемая мною кавалерийская стремительность приобретается нечувствительным образом посредством прилежания в частых обучениях, то и отношу я оное к господам полковым и эскадронным командирам, дабы они обучали всему выше писанному, избегая сколько можно бесчеловечных и в обычай приведенных к сему побои, творящих службу отвратительную; но ласковым и терпеливым всего истолкованием, узнав твердость, чему они подчиненных обучать обязаны, избегнут случая сами делать нечаянные ошибки и тем приобретут полную их доверенность, любовь и почтение, и превратят службу в почтенное и приятное для них упражнение, исполняя сим как прямую пользу службы, так и человеколюбивое Ее императорского величества намерение».

Этим принципам в организации военного обучения и управления армией Потемкин стремился следовать на посту президента Военной коллегии, постоянно заботясь о подчиненных ему тысячах военнослужащих. В январе 1775 г. Потемкин представил Екатерине II доклад, целью которого было очистить полки «от всех неупотребительных излишностей и каждый род войска поставить на такой ноге совершенства, чтобы вся в нем благопристойность была соответственно стремительному его движению». Он предлагал обучать драгун и конному, и пешему строю, чтобы они могли действовать, не нуждаясь в подкреплении ни пехоты, ни тяжелой конницы.

В том же докладе Потемкин указывал на необходимость увеличить число гусарских полков, нужных для разведывательной службы и быстрых передвижений. На основании соображений Потемкина было сформировано пять драгунских полков (из десяти эскадронов каждый) и семь русских гусарских полков (из шести эскадронов каждый); в 1777 г. при всех кирасирских полках были устроены особые конно-егерские батальоны, а в 1785 г. число гренадер было приказано довести до сорока батальонов и сформировать шесть егерских корпусов (по четыре батальона каждый) и мушкетерские четырехбатальонные полки. Егеря представляли собой отборную пехоту, приученную к рассыпному строю, меткой стрельбе и индивидуальному бою. Они не имели аналогов в иностранных армиях, их слабое подобие можно обнаружить лишь в прусских войсках Фридриха II. Егеря в бою

строились в каре и прикрывали фланги, а в случае необходимости разворачивались для стрельбы. В результате произведенного Потемкиным перемещения акцента в пользу легкой кавалерии в русской армии осталось всего 5 кирасирских полков, зато число драгунских было доведено до 10, гусарских — до 16.

Желая создать в среде казачества большую группу своих сторонников и учитывая опыт пугачевского восстания, правительство Екатерины пошло на то, что многие ранее выбранные «на круге» «начальные люди» стали получать патенты на офицерские звания. Эта идея принадлежала Потемкину, который очень высоко оценивал боеспособность казачьих войск и даже призывал солдат и офицеров регулярной кавалерии учиться «сидеть в седле с той свободою, какую казаки имеют». Свое удовольствие казачьими войсками Потемкин высказал в ордере полковнику М. Платову. «Сколь мне было приятно видеть скорые плоды сего вновь учрежденного войска, — писал он в 1788 г., — и сие умножилось видом бодрых воинов, какой они имеют... они уже приобрели осанку, приличную рыцарям». Восхищение Потемкина разделял и союзник России во второй Русско-турецкой войне император Священной Римской империи Иосиф II. В мае 1787 г., путешествуя вместе с императрицей по южным областям России, он делился со своим известным полководцем Ласси наблюдениями по поводу донских казаков: «Ловкость этих людей и род строя, который они умеют соблюдать в самом беспорядке, поистине заинтересовали меня... Если запустить такое войско в тыл расстроившейся кавалерии, она пропала бесповоротно».

Важной задачей для Потемкина на посту президента Военной коллегии стало изменение комплектования армии, особенно в условиях усиления внешнеполитической активности России. Российская регулярная армия со времен Петра I строилась на рекрутских наборах податного населения, Потемкин же впервые распространил рекрутские наборы на Украину и Белоруссию и одновременно ввел новые принципы очередной системы и жеребьевки. В указанных областях был установлен 15-летний срок службы, проведение призыва было ограничено 2 месяцами, население распределялось на части и очереди по 500 человек. Каждая часть имела определенную очередь, внутри которой рекруты призывались по жребию без замены наемниками. Пред-

принял Потемкин попытку распространить эти принципы на Великороссию, но встретил яростное сопротивление помещиков, что помешало ему завершить проведение рекрутской реформы. Указывая на последствия этой незавершенности, Потемкин писал Екатерине II в конце 1788 г.: «Рекруты отдаваемые слабы и с болезнями, многие застарелыми, так что мрут большим числом, не доходя еще до места. Сколько же их пропадает по непривычке к климату и по крутому приобучению к солдатской жизни и службе, сие ужасно... Термин набора в государстве поставлен толь не вовремя, что рекруты никак на будущую кампанию не поспевают быть солдатами...» Уже в ходе второй Русско-турецкой войны 1787—1791 гг. Потемкин пришел к мнению, что необходимо заменить существовавшую тогда бессрочную службу на срочную. Для прекращения частых побегов солдат в Польшу Потемкин «пехоте и кирасирам порцию отпустить приказал, чем и прекратилось, сказав, что государынина воля сделать после войны срочную службу». Об этом он сообщал в письме к графу А.А. Безбородко и добавлял: «Сие больше всего подействовало. Поляки подманивают. Ей нужно срок положить, хотя б начав с государственных (крестьян. — *Н.Б.*)». Это прогрессивное для своего времени предложение избавить солдат от изнурительной службы до смерти или инвалидности могло привести не только к пользе частной, но и армия стала бы более молодой и боеспособной. В дальнейшем в России была введена срочная служба.

Необходимость усовершенствований в принципах рекрутского набора признавал и один из ближайших советников Екатерины II А.А. Безбородко, обращаясь к Потемкину: «Весьма желательно было бы, чтоб для пользы государства и вернейшей его обороны план Ваш о службе военной произведен был в действо и чтоб, хотя по окончании войны, сие сделалось». В ходе реформ русской конницы, проведенной Потемкиным в 1783—1786 гг., поселенные полки были преобразованы в полевые, что, несомненно, укрепило вооруженные силы накануне войны.

Составной частью проводимых Потемкиным реформ в армии стало изменение в формах одежды, связанные с улучшением солдатского быта. Недаром солдаты складывали о нем песни, а после его смерти один из них признался генералу Г.Г. Энгельгардту: «Покойный его светлость был нам отец, облегчил нашу

службу, довольствуя нас всеми потребностями; словом сказать, мы были избалованные его дети...»

Описывая состояние русской армии в 1764 г., генерал А.И. Хрущов говорил о грубом и жестоком обращении с солдатами, побоях, обременительных способах, используемых в марше, чтобы «не гнуть колена», и многих других недостатках. Первым обратил на это внимание Румянцев. Потемкин, усвоив его взгляды и видевший все тяготы солдатской жизни, сумел провести ряд последовательных реформ.

Опыт войны показал, что от армии надо прежде всего требовать не показной чистоты, а способности быстро передвигаться и менять строевые формы. Еще только в зените фавора, заняв пост вице-президента, Потемкин 16 ноября 1774 г. направил Военной коллегии записку об устном повелении Екатерины, положившем начало изменению обмундирования армии. В ней говорилось: «1-е, что положенные по штату во всей пехоте фламанского полотна штиблеты отныне навсегда уничтожаются... 2-е. Вместо положенных по тем же штатам на каждого человека двух пар башмаков, составляющих равную цену с сапогами, отпускать еще на каждого человека по одной паре сапог. О сем к исполнению сим государственной Военной коллегии объявляю».

В ордере генерал-поручику Текели от 18 июня 1775 г. Потемкин предписал во всех корпусах легких войск в полках гусарских унтер-офицерам и рядовым «отныне волос в букли не завивать и не пудрить, кос обвитыми лентами не иметь... пикинерам остричь волоса в кружок и никаких буколь, кос не носить». В июне 1776 г., даже в самый разгар объяснений Екатерины с Потемкиным, она не позволяла ему уходить в обиды и забывать об обязанностях государственного деятеля, в том числе и по военному ведомству. Получив письмо от великого князя Павла Петровича из Риги о состоянии полков, терпящих там «нужду в обуви и в одежде», императрица приказывает фавориту «наведаться», в чем причина столь бедственного положения солдат, и сделать соответствующие распоряжения.

В программном докладе «Об одежде и вооружении сил» (1783 г.) взгляды Потемкина о реформе обмундирования получили свое полное развитие: «В Россию, когда вводилось регулярство, вошли офицеры иностранные с педантством тогдашнего

времени. А наши, не зная прямой цены вещам военного снаряда, почли все священным и как будто таинственным. Им казалось, что регулярство состоит в косах, шляпах, клапанах, обшлагах, ружейных приемах и прочем. Занимая себя таковою дрянью, и до сего еще времени не знают хорошо самых важных вещей, как то: маршированья, разных построений и оборотов... Стрелять же почти не умеют... Словом, одежда войск наши и аммуниция таковы, что придумать почти нельзя лучше к угнетению солдата, тем паче, что он, взят будучи из крестьян, в 30 почти лет возраста узнает сапоги, множество подвязок, тесное нижнее платье и пропасть вещей, век сокращающих».

Высказав критические замечания, Потемкин предложил целый план изменения внешнего вида солдата. «Красота одежды военной, — считал он, — состоит в равенстве и в соответствии вещей с их употреблением: платье чтобы было солдату одеждою, а не в тягость. Всякое щегольство должно уничтожить, ибо оно есть плод роскоши...». По каждому предмету обмундирования Потемкин предложил свои изменения, направленные на освобождение солдата от обременительных, с его точки зрения, излишеств в одежде:

Шляпа — убор ненужный, потому что головы не закрывает, а торчащие во все стороны концы треуголки «озабачивают навсегда солдата опасностию», «мешает положить голову... препятствует ей поворачиваться, да и не закрывает также от морозу ушей». Князь считал, что каска гораздо приемлемее, чем шляпа, и «есть наряд военный характеристический».

Кафтан и камзол с рукавами — «покрой кафтана подает много поводу делать его разнообразным, следовательно, уравнения быть не может».

Штаны лосинные в коннице надо заменить на суконные, что приведет к сокращению затрат военнослужащих, которые часто за свой счет докупали суконные. Кроме этого, в осеннюю и дождливую погоду, по мнению Потемкина, лосинные штаны причиняют много неудобств; зимой от них холодно, а летом жарко.

Узкие сапоги надо сменить на просторные, а чулки — на онучи или портянки. Их солдат сможет скинуть в любой момент, вытереть портянкой ноги и обернуть их сухим концом, «в скорости обуться и предохранить тем их от сырости и ознобу».

Лучшим из седел Потемкин считал венгерское, отличавшееся легкостью и удобством как для всадника, так и для лошади. Кроме этого они стоили дешевле старых.

«Уборке волос» светлейший уделил особое внимание. «Завивать, пудриться, плесть косы, солдатское ли это дело? — возмущался князь. — У них камердинеров нет... Всяк должен согласиться, что полезнее голову мыть и чесать, нежели отягощать пудрою, салом, мукою, шпильками, косами. Туалет солдатский должен быть таков, что встал, то готов».

Потемкин ввел в коннице и пехоте простую удобную форму, сохранявшуюся в главных элементах еще долгое время. Косы, букли, пудра, шпильки — «всякое щегольство», отягощавшее солдата, было уничтожено.

Изучив доклад Потемкина «Об одежде и вооружении сил», Екатерина II 4 апреля 1783 г. подписала рескрипт о приведении в действие представлений князя, высоко оценив его предложения. Императрица писала: «Учиненное вами по воле нашей представление о перемене образа одежды и вооружения войск наших мы приемлем тем с большим удовольствием, поколику находим, что сим средством, одолев все до сего бывшие предубеждения, истребляются излишества, кои доныне тяготили воина... вместо же того доставляется ему выгода и облегчение с немалою еще для казны нашей пользою».

Светлейший был противником бесполезной муштры, он доказывал, что солдат надо учить не только парадному строю, но главное — правильно действовать в различных боевых порядках, не только содержать оружие в чистоте, но и уметь стрелять из него. Требуя от строевой службы простоты и свободы действий, Потемкин писал 24 марта 1787 г. князю Долгорукову: «За нужно нахожу изъявить желание мое, чтобы все полки маршировали ровно, непринужденно, но не вяло; чтобы марш не был притворный, а самый натуральный; людей приучать смыкаться и знать деление частями, как взводов, дивизионов и прочего; ряды чтоб были несколько плотнее, заходили с возможною скоростью; ружьем чтоб делали плавно и ровно; стоять под оным бодрее, только не окостеневши, как прежде было в моде».

Даже весьма влиятельные люди, как, например, граф А.А. Безбородко, участвовавший в решении многих политических вопро-

сов наравне с Потемкиным, критически оценивали деятельность князя в военном ведомстве. Возможно, это было связано с их малой осведомленностью в частных распоряжениях светлейшего, а может быть, постоянная конкуренция была причиной. Несомненно, на разных этапах все свое внимание и силы Потемкину приходилось сосредотачивать на решении вполне конкретных, важных для страны задач. Так, накануне решающих событий в присоединении Крыма 15 марта 1784 г. Безбородко писал в Англию Сергею Романовичу Воронцову о князе: «По Военной коллегии не занимается он кроме секретных и самых важных дел, дав скорое течение прочим». Тот же вельможа, месяцем ранее, называл светлейшего своим благодетелем и говорил, что «князь Потемкин поступил со мной отменно похвальным образом».

Взгляды главы Военной коллегии на солдатское обмундирование далеко опережали его время. Столь же революционным было проведенное Потемкиным смягчение наказаний солдат: князь восставал против побоев рекрут и требовал, чтобы ограничивались в крайнем случае «шестью палками». При обучении рекрут Потемкин придерживался метода строгой последовательности, приведения их «нечувствительным образом к первым познаниям звания солдатского». Неоднократно писал Потемкин начальникам частей, приказывая относиться к солдатам человечнее и не превышать известной меры в наказаниях: «Господам офицерам гласно объявите, чтоб с людьми обходились со всевозможною умеренностью, старались бы об их выгодах, в наказаниях не преступали бы положенных, были бы с ними так, как я, ибо я их люблю, как детей».

Под страхом строгого наказания запрещал Потемкин употребление солдат на частные работы командиров. «Я вам даю знать, — писал он генералу Нащокину, — что у генерал-майора Неранчича найдено в обозе 60 гусар, и все, по моему приказу, отобраны. Сие с такою строгостью велено мною взыскивать, что ежели я найду у вас в обозе военных или нестроевых, принадлежащих армии, людей, то за каждого взыщу по десяти рекрут, а может, еще и хуже будет». Для Потемкина было очевидно, что «лутче иметь посредственное число солдат настоящих, нежели великое таких воинов, которым бы по старым примерам исправлять только работы командирские».

Князь лично следил и за правильным и своевременным снабжением солдат пищей и одеждой, требовал соблюдения санитарных правил «Примечания о причинах болезней», опубликованных им и введенных в действие в 1788 г., и вторично после Петра I учредил должности инспекторов в армии. Они должны были контролировать исполнение всех предписаний по кавалерии и пехоте. Вникая во все мелочи солдатского быта, Потемкин занимался устройством лазаретов — при строительстве новых городов обязательным было устройство госпиталей и карантинов, контролируя даже рацион питания раненых. Вопросы функционирования госпиталей постоянно присутствовали в ордерах Потемкина подчиненным. В 1788 г. обеспокоенный Екатеринославский наместник Синельников предлагал изменить маршрут следования рекрут, поскольку прежний был длиннее и обременительнее. Новый путь избавил бы армейское пополнение от жалоб, а если переждать весенние «грязи и полые воды», то это способствовало бы сокращению больных среди рекрут. Тяжелые лихорадки были бичом армии, правительство края освобождало государственные и частные дома, «дворцы» для преобразования их в госпитали и размещения больных, отовсюду собирались лекари и медицинские чины, медикаменты.

К сожалению, состояние медицины в это время еще намного отставало от потребностей армии и гражданского населения, что подталкивало правительство к привлечению значительного числа иностранцев, а также созданию сети специальных учебных заведений. Еще в декабре 1783 г. Медицинская коллегия докладывала императрице Екатерине II о проблемах в медицинском обеспечении армии, малочисленности медико-хирургических школ и необходимости в связи с этим «выписать из чужих земель лекарей и подлекарей». В официальном документе говорилось:

«Как по нынешнему движению армии Вашего императорского величества требовано было в начале нынешнего 1783 года от Военной коллегии весьма много медицинских чинов сверх обыкновенного комплекта, а коллегия в ведомстве своем за не положением по штату не имеет ни одного человека для таких экстраординарных командировок, принужденною нашлась собирать из других мест для надобностей в армии; и, взяв отовсю-

ду, только могла набрать 80 человек докторов, штаб-лекарей, лекарей и подлекарей. Школы ж медико-хирургическия столь малочисленны, что и без экстраординарных нужд никогда Медицинская коллегия не могла укомплектовать армии и флота Вашего императорского величества как лекарями, так и подлекарями, о чем от Медицинской коллегии в 1780 году еще подан Вашему императорскому величеству всеподданнейший доклад, в коем испрашивается о умножении медико-хирургических школ. А как ныне от армии Вашего императорского величества требуется еще весьма много медицинских чинов, то не благоволите ль, Всемилостивейшая государыня! высочайше повелеть для настоящей надобности, для армии Вашего императорского величества, сколько потребно лекарей и подлекарей выписать из чужих краев по примеру прошедшей войны с Оттоманскою Портою. А для всегдашнего укомплектования как армии, так и флота, умножить школы при генеральных гошпиталях прибавкою учащихся по поданному Вашему императорскому величеству в 1780 году докладу и на то определить сумму.

И о сем Вашего императорского величества всеподданнейше Медицинская коллегия просит высочайшего указа».

Венесуэлец Франсиско де Миранда, оказавшись в 1786 г., накануне новой войны с Турцией, в Херсоне, посетил местный госпиталь. По его словам, тот был неплохо спланирован и построен, но из-за ощущаемого повсюду отвратительного запаха воздух показался заезжему гостю зловонным. «Чистотой и порядком, — записал Миранда в дневнике, — госпиталь не отличается. Как мне сообщили, из каждого полка сюда направляют солдат, которым не хватает места в казармах, и на сегодняшний день таких насчитывается, помимо больных, от 300 до 400 человек».

С началом боевых действий на русско-турецком фронте нехватка в медицинском персонале и медикаментах ощущалась все острее и острее. Потемкин постоянно требовал от Медицинской коллегии лекарей для армии, ведущей изнурительные бои в тяжелых климатических условиях. 1 декабря 1788 г. директор Медицинской коллегии тайный советник фон Фитингоф направил императрице Екатерине II доношение о малом количестве «знатного числа лекарей и подлекарей» при армиях и флотах,

в котором вполне обоснованно писал: «главнейшим нахожу то, что наипаче при армиях и флотах Вашего императорского величества недостает знатного числа лекарей и подлекарей, как то в прилагаемом при сем списке показано. Посему, для удовлетворения некоторым образом при армиях и флотах теперь настоящей крайней в медицинских чинах надобности, не нахожу я иного средства, как по договорам, не более как на три или четверть года, принять в службу из чужих краев искусных лекарей и подлекарей, при определении же их условиться таким образом, дабы без прекословия следовали во все места, куда только они по рассмотрении коллегиею в них надобности посылаемы быть могут». По докладу Фитингофа в тот же день состоялся соответствующий указ.

Широкий спектр реформ в российской армии, проведенных Потемкиным на посту вице-президента, а затем и президента Военной коллегии, самым непосредственным образом был связан с управлением новыми губерниями. Именно войска выполняли функции охраны границ, разведки, участвовали в хозяйственном освоении земель. При этом довольно трудно согласиться с бытующим мнением о том, что главной целью реформ Потемкина было только завоевание популярности в армии. Суть преобразований более глубока. Несомненно, военная реформа — дело внутреннее, но она самым прямым образом служила и для достижения целей внешней политики.

По-разному оценивали современники деятельность Потемкина на поприще главы военного ведомства. Иностранцев особо интересовало состояние русской армии. Император Иосиф II в письмах к фельдмаршалу Ласси весьма подробно характеризовал вооруженные силы России, и далеко не лучшим образом. Он постоянно повторял, что внешнему блеску армии и флота, успешно продемонстрированному Потемкиным во время поездки Екатерине, не соответствовала внутренняя прочность и сила. Войска были одеты в новые и весьма изящные мундиры, но у конницы, по замечанию Иосифа II, сабли были не годны. Одежду солдат он находил несоответствующей условиям климата, отчего они часто болеют лихорадкой. При страшной дороговизне на юге офицеры нуждались и нередко терпели голод, а солдаты часто ходили без рубах. Комплект полков был

неполный, и Иосиф II считал, что из заявленных Потемкиным 100 000 человек, составляющих войска в его наместничествах, на деле есть не более 40 000, из которых многие болели, а другие занимались строительством в новых городах. Критиковал император и состояние оборонительных сооружений в Херсоне, Кинбурне, досталось также Черноморскому флоту и профессиональной подготовке матросов. Скептические замечания Иосифа II во многом, наверное, были связаны с тем, что Австрия вполне обоснованно конкурировала на мировой арене с Российской империей и вела активную внешнюю политику. Это был взгляд пристального соперника.

Чужеземец Франсиско де Миранда, приехавший в Россию издалека и не связанный политическими амбициями, был более объективен в своих оценках. Его очень интересовали количественные и качественные показатели российской армии, он много расспрашивал и беседовал на эти темы и с Потемкиным, и с военными чинами во время своего пребывания в России. Профессиональный военный, наделенный недюжинными способностями, пытливым умом и решительностью, был более справедлив в оценках состояния войск на юге России в преддверии войны. В том, что рано или поздно России не избежать столкновения с Турцией, были уверены почти все политические деятели. В своем дневнике Миранда постоянно возвращается к столь близкой и знакомой ему теме армии. 18 ноября 1786 г. он записал, что один из сотрудников Потемкина, Корсаков, показал ему солдата в артиллерийской форме, которая очень понравилась венесуэльцу: «каска или шапка в греческом стиле, изготовленная из латуни, дабы выдерживать сабельные удары, а также взрыватели на плече. Короткая шпага с широким лезвием и острием, каковые служат солдату для разных целей». И заключение профессионального военного: «В общем эти войска обмундированы с большим вкусом, воинским изяществом и сообразно климату (на английский манер)». После этого Миранда с Корсаковым продолжили разговор, причем чужеземец нашел собеседника прекрасно разбирающимся в военном искусстве. 13 декабря любезный майор Корсаков привел иностранца в «артиллерийский парк», состоящий из 30 пушек. «Опрятность, бравый вид и крепкое сложение здешних солдат, безусловно, привлекают

особое внимание, — записал вечером Миранда. — У часовых поверх форменной одежды были надеты обыкновенные тулупы из бараньего меха, суконные накидки, а на руках — перчатки (как принято в этой стране), без чего было бы невозможно вытерпеть стужу». Сумел он получить от российских военных и столь интересующие его данные «о современном состоянии армии», которые тщательно зафиксировал в дневнике:

	Количество человек
Кавалерия	61 819
Пехота, за вычетом гвардейских полков, артиллерии и гарнизонных батальонов	213 002
Итого	274 821

Жестким и суровым испытанием для реформированной Г.А. Потемкиным армии стала вторая Русско-турецкая война, начавшаяся в 1787 г. Предвидя значительное увеличение делопроизводства, связанного с ожидаемой войной, Потемкин решил усовершенствовать его систему и лично составил соответствующую инструкцию на имя Василия Попова:

«Как наступает время, в которое умножатся заботы и дела, то для скорейшего течения и немедленных резолюций нужно учредить в канцелярии моей такой порядок, дабы всему непрерывное течение было:

1. Экспедицию комиссариатскую и провиантскую. Кто оными править будет, должен тот иметь всегда готовый ответ дать, когда спрашивать буду.

2. Экспедицию по входящим от командующих частями рапортов о делах обыкновенного течения, на которых ответ не медля сочинять и подносить к моему подписанию.

3. К третьим принадлежать будут все дела по казацким войскам и волонтерным командам.

4. К сей принадлежат дела по губерниям мне вверенным.

Все канцелярии находиться имеют в точной Вашей команде, а экспедиция, секретное казначейство экстраординарных сумм, также и адмиралтейство с флотом в особом и собственном Вашем ведении».

В августе 1787 г. рейс-эфенди вызывал русского посла в Стамбуле Якова Булгакова и в ультимативной форме потребовал вы-

дать бежавшего в Россию молдавского господаря Маврокордато; признать имеретинского царя Ираклия II турецким подданным; отозвать русских консулов из Ясс, Бухареста и Александрии, а турецких допустить во все российские гавани и торговые города в Северном Причерноморье. Российский дипломат, сидевший некогда вместе с Потемкиным на одной скамье в Московском университете и на долгие годы сохранивший с ним приятельские отношения, решительно отверг ультиматум турецкого правительства. 5 августа его арестовали и заключили в знаменитый Семибашенный замок. Опытный Булгаков сообщил в столицу: «Сколь ни скоро меня схватили, успел я скрыть наиважнейшие бумаги, цифры (шифры для кодировки донесений. — *Н.Б.*), архиву моего времени, дорогие вещи и прочее. Казна также в целости, хотя и не велика». События развивались стремительно. Следуя внушениям английского, прусского и шведского министров, визирь Оттоманской Порты 13 августа 1787 г. объявил войну России. Это случилось спустя всего несколько месяцев после блистательного путешествия Екатерины на территорию некогда принадлежавших Турции земель и рождения мифа о «потемкинских деревнях».

По словам А.А. Безбородко, в чьем ведении находились вопросы внешней политики, Российская империя была готова к ожидаемой схватке: «у нас все готово и готовее, чем в 1768 году». Для России это была седьмая за сто лет война за выход к Черному морю. Григорий Потемкин был назначен командующим Екатеринославской армией, граф П.А. Румянцев-Задунайский — Украинской. Тяжелый груз ответственности за жизни сотен и тысяч людей, территориальную целостность Российской империи, наконец, за престиж страны на мировой арене лег на плечи светлейшего. 21 августа он пишет Екатерине: «Война объявлена... Я в крайности. Полки с квартер подойти скоро не смогут. В Херсоне страшное число больных. В Крыму тоже довольно. Кораблей выведенных — защитить на Лимане трудно. Бог один в силах подать помощь. Транспорты все хлебные станут. Естли бы моя жизнь могла удовлетворить всему, то я бы ее отдал. Прикажите делать большой рекрутский набор и прибавлять двойное число в оставшие полки в России. Трудно нашим держаться, пока какая помощь прибудет». Вдогонку с курьером в столицу летит

еще одно письмо о проблемах на юге, в армии; светлейший опять настойчиво говорит о большом рекрутском наборе и жалуется на очень плохое самочувствие. «Я насилу хожу, после болезни слаб еще был, — заканчивает Потемкин послание к Екатерине, — а теперь лихорадка начинает показываться. Матушка, прости, не могу больше писать». Кому было вернее знать, готова ли Россия к ожидаемой войне, сановнику в столице или Потемкину на месте? Может быть, ему не хватало месяца, двух, полгода? А возможно, светлейший — человек сомневающийся, остро ощущающий свою небывалую ответственность, чувствующий упадок сил после болезни и бесконечной, непрерывной работы. Даже великие деятели имеют право на чувства, страхи и переживания. Образ человека складывается из многих фрагментов, он не может и не должен быть только хорошим, не обладающим недостатками, активным и деятельным. Человек прошлого и человек настоящего разный, многогранный, и именно это прекрасно. Долгие годы, оглядываясь в свое прошлое, мы видели образы или гениев, или антигероев. Черное и белое, без полутонов. Теперь мы можем узнать настоящих, не придуманных людей прошедших столетий, которые порой вершили судьбы людей, а порой были игрушкой в чужих руках. Жизнь Потемкина — не фантасмагория. Он действительно любил, страдал, воевал, размышлял, сомневался, проводил веселые вечера за богатым столом и долгие дни в решении насущных проблем. Он жил.

48-летний Потемкин, впервые принявший на себя командование, при всякой неудаче, при каждом неуспехе волновался, нервничал, падал духом, о чем откровенно писал императрице. Екатерина отвечала ему: «Из многих ваших писем мне бы казаться могло, что вы колеблетесь в выполнении вами же начертанного и уже начатого плана в рассуждении турок. Но я сих мыслей себе никак не дозволяю. Нет ни славы, ни чести, ни барыша, предприняв какое дело и горячо оное поведя, потом, недоделав, самовольно исковеркать. Оборону границ вы вели с совершенным успехом; даст Бог здоровье, мой друг, поведешь с успехом и наступательные действия». Потемкин воспрянул духом, почувствовал прилив сил, теперь его главная задача решить вопрос: где противник нанесет основной удар? Наиболее опасное направление на Херсон прикрывала крепость Кинбурн, возведенная на песчаной косе

против Очакова. Именно этот боевой участок светлейший поручил Суворову. «Мой друг сердешный, ты своей персоной больше десяти тысяч, — писал ему Потемкин еще накануне объявления войны. — Я так тебя почитаю и, ей-ей, говорю чистосердешно. От злых же Бог избавляет, Он мне был всегда помощник. Надежда моя не ослабевает, но стечение разных хлопот теснит мою душу». Напряжение на этом участке боевых действий нарастало, сюда подтягивались русские войска. Осенью турки подвергли Кинбурн жестокой бомбардировке, в результате ответной стрельбы противнику был нанесен значительный урон. Потемкин доволен действиями Суворова, тот оправдал все его ожидания и показал себя прекрасным полководцем. Светлейший с искренним удовольствием сообщает Екатерине: «Над всеми ими в Херсоне и тут Александр Васильевич Суворов. Надлежит сказать правду: вот человек, который служит и потом, и кровью. Я обрадуюсь случаю, где Бог подаст мне его рекомендовать». Ни зависти, ни признаков вражды и непонимания, о которых так много, и с удовольствием писали и современники, и потомки. Потемкин и Суворов, находящийся в его подчинении, по-прежнему боевые товарищи, у них общие цели и одна война.

Осень 1787 г. принесла страшное потрясение для светлейшего: Севастопольский флот разбит бурей. Трагедия надломила воскресший дух Потемкина, подорвала его веру в помощь Бога и свои силы. Он снова пишет «матушке», это письмо приводит Екатерину в ужас. Никогда еще ее милый друг не был столь измучен обстоятельствами и болезнями, никогда не был столь растерян и слаб. «Матушка государыня, я стал несчастлив... Я при моей болезни поражен до крайности, нет ни ума, ни духу. Я просил о поручении начальства другому. Верьте, что я себя чувствую; не дайте чрез сие терпеть делам. Ей, я почти мертв; я все милости и имение, которое получил от щедрот Ваших, повергаю стопам Вашим и хочу в уединении и неизвестности кончить жизнь, которая, думаю, и не продлиться... Я все с себя слагаю и остаюсь простым человеком. Но что я был Вам предан, тому свидетель Бог». Но Екатерина и бывший некогда командиром Потемкина П.А. Румянцев письмами поддерживают пошатнувшегося колосса, светлейший приходит в себя. Командирам частей следуют приказы, разогнанный бурей флот собирается в Севастополе.

И, о чудо! Флот цел, пострадал значительно, однако существует и боеспособен.

В январе 1788 г. в действующую армию прибыл офицер французской королевской гвардии, представитель старинной аристократической фамилии граф Роже де Дама. Сделав для него исключение, императрица позволила иностранцу вступить волонтером в русскую армию. В армии, а особенно во флотилии, в эту войну было много иностранных волонтеров, они стали свидетелями всех важнейших сражений, а также роскошной жизни Потемкина в ставке. С азартом окунулся Роже де Дама в родную стихию — войну. Он явно симпатизировал светлейшему и, как непредвзятый очевидец, с восторгом описал его образ на исходе жизни. Почти ежедневно француз в числе пяти или шести лиц обедал за столом князя, накрывавшимся независимо от большого стола. Вечера ближайшее окружение князя (в него с легкостью вошел французский гвардеец) проводило непременно у Потемкина, и все забывали, что находятся в Татарии, благодаря различным удовольствиям и тамошнему обществу.

Потемкин, по воспоминаниям мемуариста, обладал широкой натурой, сочетавшей в себе самые разнообразные оттенки проявлений человеческого характера, начиная от нежности, любезности, обязательности человека высшего общества и заканчивая суровостью, высокомерием и жестокостью совершеннейшего деспота. Обладая необыкновенным тактом и давая волю всем движениям своей души, он угнетал тех, кто его оскорбил или не нравился ему, и в то же время льстил и осыпал милостями тех, кого отличал и уважал. Он не затруднялся в средствах развить задуманное, работал с легкостью и был находчив во время развлечений; мог казаться пустым человеком и одновременно быть занятым различными вопросами, отдавая самые разнообразные приказания. Так, он вмещал в своей голове проект разрушения Оттоманской империи рядом с проектом возведения дворца в Петербурге, или проект изменения формы всей армии и приказание приготовить корзину с цветами для своих племянниц. И между тем никогда его мысли не перепутывались, и он не приводил в замешательство тех, кому он их излагал.

Течение его мыслей, казавшееся нелогичным, на самом деле было правильно и строго держалось намеченного пути. Он успел

узнать все пути к удовлетворению честолюбия и к удовольствиям; он умел вовремя переступить, подняться, спуститься или уклониться, чтобы достигнуть цели — управлять безраздельно и развлекаться непринужденно. Князь Потемкин, как писал Роже де Дама, подчинял своим личным страстям военное искусство, политику и управление государством. Он ничего не знал в корне, но обладал всесторонними поверхностными знаниями и особым чудесным чутьем. Его воля и ум заметно превосходили его знания, но деятельность и твердость первых обманывали относительно недостатка последних, и он, казалось, властвовал по праву победителя; он презирал своих соотечественников и раздражал их своей надменностью, но любил иностранцев и пленял их ласковостью и самым утонченным вниманием; в конце концов, он подчинил себе все государство, проявляя произвольно европейскую утонченность наряду с азиатской грубостью.

Приветствовавший меры Потемкина по совершенствованию рекрутского набора, Безбородко в личном послании 1788 г. к российскому представителю в Лондоне Сергею Воронцову высказывался более категорично. По его мнению, военная мощь не соответствовала благополучию в финансовом обеспечении военных действий, которого вполне хватало, не прибегая к налогам. «Взяв со ста душ рекрута, — продолжал Безбородко критику военного начальства, — наполнили только армию, а более 30 000 недостает в пограничных одних гарнизонах. Теперь еще готовим порох и снаряды...». Сетовал он и на медлительность Потемкина в доставлении свежих данных из Новороссийской губернии, что задерживало принятие решений. «Время движется к высылке флота, а дело за войсками и генералом» — так описывал ситуацию в столице Безбородко. И лейтмотивом через многие письма и воспоминания этого времени — тема придворных интриг. Граф прямо говорит об этом: «В случае неудач ожидаю наверно, что тут и негодование на нас, а главнейше на меня обратится, при пособии всяких коварных происков, кои опять здесь умножаться стали».

В апреле 1788 г. Потемкин, обеспокоенный усилением интриг, решается покинуть армию и ехать в столицу, но противники его при дворе старались удержать светлейшего в армии. Новую военную кампанию решено было начать осадой Очакова. После

долгих, изнурительных и тяжелых морских сражений с турецким флотом в Лимане, около Кинбурна, корабли противника были оттеснены. В июле 1788 г. основные силы русской армии двинулись к Очакову. Казалось, вот она, близкая победа, но турецкая крепость выдержала пятимесячную осаду. Волонтер француз Роже де Дама воспринимал военные действия вокруг Очакова с интересом стороннего наблюдателя. Однажды он с принцем де Линь, также находившимся в лагере Потемкина, решился сделать вылазку по направлению к Очакову и попытать счастья по ту сторону аванпостов. «Смелый и пылкий, каким бывают в 20 лет, — писал о принце и совместном приключении чужестранец, — он с таким же нетерпением желал видеть турок, как и я... Соединив свое милое ребячество с интересом ко мне, он выразил желание, чтобы я увидел неприятеля на суше впервые вместе с ним. Очарованный его предложением, я сажусь на коня, и мы рядом отправляемся...». Искатели приключений в сопровождении только троих людей проехали казачьи аванпосты и уже различали минареты Очакова, сады, окружающие город, всадников, гарцевавших у стен крепости. Увлекшись наблюдениями за турками, Роже де Дама и принц де Линь слишком приблизились, их заметили, и турецкая кавалерия, пришедшая в большее движение, чем плодовые деревья от урагана, бросилась за ними в погоню. Благополучно вернувшись, иностранцы обещали друг другу избегать прогулок к садам Очакова.

Шло время, осада затягивалась, и ропот непонимания звучал не только в столице, но и в окопах. В ноябре 1788 г. граф Браницкий, муж племянницы Потемкина Александры, снабжавший провизией и всем необходимым своего вельможного родственника из собственных имений, покинул армию. В связи с этим светлейшему пришлось ограничить себя в удовольствиях. Иностранцы удивлялись бездействию князя. Они считали, что в Европе генерал-аншеф был бы ответственен за потерянное им время, за бедствия, которые он так бесполезно заставлял претерпевать, за множество людей, погибавших ежедневно от нужды и болезней. «О, неведомая Россия!» — восклицали чужестранцы. Они видели, что «князь Потемкин был неприкосновенен, он олицетворял собой и душу, и совесть, и могущество императрицы и в силу этого не был подчинен никаким правилам

долга или справедливости. Никто не осмеливался открыть глаза государыне из страха компрометировать себя. Терпели все, хоть и ропща и проклиная судьбу».

Иностранцы, находившиеся в русском лагере, терялись в догадках о планах светлейшего относительно дальнейших боевых действий. Он был откровенен только в письмах к Екатерине, которой сообщал обо всех действиях вверенных ему команд, маневрах флота, вылазках неприятеля. 17 октября 1788 г. Потемкин писал государыне о провале второго заговора в Очакове в пользу русской армии и казни его участников. Президент Военной коллегии предложил новый план: после сообщения разведки о том, что неприятель не планирует вылазки, он предполагал усилить «канонаду» и форсировать ретраншемент. В этом же письме светлейший благодарил Екатерину за «шубку», присланную, как он писал, «от матернего попечения». Возможно, именно с ней была связана любопытная история, поразившая спустя годы великого Пушкина. Князь Д.Е. Цицианов, служивший в штате Потемкина, рассказал ее своей двоюродной племяннице А.О. Смирновой-Россет: «Я был, — говорит он (Цицианов. — *Н.Б.*), фаворитом Потемкина. Он мне говорит: "Цицианов, я хочу сделать сюрприз государыне, чтобы она всякое утро пила кофий с калачом, ты один горазд на все руки, поезжай же с горячим калачом". — "Готов, ваше сиятельство". Вот я устроил ящик с камфоркой, калач уложил и помчался, шпага только ударяла по столбам все время, трат, тра, тра, и к завтраку представил собственноручно калач. Изволила благодарить и послала Потемкину шубу. Я приехал и говорю: "Ваше сиятельство, государыня в знак благодарности прислала вам соболью шубу, что ни на есть лучшую". — "Вели же открыть сундук". — "Не нужно, она у меня за пазухой". Удивился князь. Шуба полетела, как пух, и поймать ее нельзя было...».

Спустя месяц, 17 ноября, Потемкин пишет Екатерине, что штурму воспрепятствовал сильный снег, но обещает, что через три дня «кончится бреш-батарея и, несмотря на стужу и зиму, начну штурмовать, призвав Бога в помощь». Французский волонтер Роже де Дама вспоминал, что 18 ноября 1788 г. Потемкин устроил поистине театральное зрелище из атаки острова Березани «запорожцами», но это уже были не те вольные жители

Запорожской Сечи, а преданные службе императрицы донские казаки.

6 декабря 1788 г. в 4 часа утра русские войска собрались перед фронтом лагеря и приняли благословение священников. Всем солдатам разрешили выйти из строя и приложиться к кресту, при этом каждый опускал на блюдо медную монету и только затем возвращался к своим товарищам. Построившись в колонны, солдаты в полном молчании двинулись от траншей к окопам Очакова. Сигналом к штурму послужили три бомбы, их действие привело в движение всю огромную массу войск. При разрыве первой солдаты должны были сбросить зимнюю одежду: шубы и меховые башмаки. Для перехода через ров каждая колонна получила достаточное количество досок, а пятая (последняя) — лестницы для штурма крепостных стен. Традиционные крики «ура!» предупредили турок о начале атаки. Это очень удивило иностранцев, привыкших наступать в тишине, что значительно способствовало неожиданности момента. Спустя несколько часов крепость, так долго осаждаемая, была взята, сараскира (командующего войсками) захватили в плен. Несколько дней жители Очакова, спасшиеся от резни, переносили погибших на середину Лимана, чтобы с весенней оттепелью их унесло в Черное море. Роже де Дама, храбро сражавшийся у стен крепости, вспоминал: «Вид этих ужасных тел на поверхности Лимана, сохраненных морозом в тех положениях, в каких они умирали, представлял собою самое ужасное, что только можно вообразить».

Получив известие об успешном штурме крепости (его Потемкин предполагал «принести в дар» в день тезоименитства Екатерины), императрица сразу же садится за перо. «За ушки взяв обеими руками, мысленно тебя цалую, друг мой сердечный князь Григорий Александрович, за присланную с полковником Бауром весть о взятьи Очакова. Все люди вообще чрезвычайно сим счастливым происшествием обрадованы. Я же почитаю, что оно много послужит к генеральной развязке дел». В этот же день, 16 декабря 1788 г., императрица подписала указ о награждении Потемкина орденом Св. Георгия большого креста 1-й степени за «усердие к нам, искусство и отличное мужество, с которыми вы, предводительствуя нашею армиею Екатеринославскою и флотом на Черном море и одержав разные важные над неприятелем на-

шим и всего христианства поверхности, предуспели покорить оружию нашему город и крепость Очаков». После взятия Очакова Екатерина лично спроектировала в 1789 г. медаль с надписью: «Усердием и храбростию», и тогда же в честь Потемкина ею были задуманы награды «на занятие Крыма: Кротостию смирен противник» и в честь преобразований в Екатеринославской губернии с девизом «Степи населил, устроил».

В начале 1789 г. Потемкина ожидали в столице при дворе, но уехать, не отдав всех необходимых распоряжений, он не мог. «Матушка всемилостивейшая государыня, не было способа мне отлучиться отсюда, не учредив всего и не дождавшись полков, приближающихся к своим квартерам, — оправдывался в письме к коронованной покровительнице князь. — Маршу очень препятствовали неслыханные до сего здесь морозы. Я, подав все пособия, а на места, где нет селений, — все свои ставки поставил ради проходящих команд, всячески снабдя и сеном, и угольем... Я посылаю предварительно, чтобы не подумали, что меня ни есть другое остановило». При дворе все чаще и чаще говорили о неспособности Потемкина справляться с военными заботами, злословили о его увлечениях дамами вместо боевых действий, разврате, царящем в ставке светлейшего. Не мог спешить он и потому, что донимали болезни, накопившаяся усталость. «Я же ныне и не в силах так летать, как прежде, а нужда требовала некоторые квартеры и вновь построенные лазареты самому осмотреть. Через два дня отправлюсь», — заканчивал Потемкин свое письмо от 15 января 1789 г. из Кременчуга. Но о здоровье только строчка, все остальное — о кораблях возрождаемого Черноморского флота.

Небывалые на юге морозы сковали корабль «Владимир» у Кинбургской косы, теперь его освободили, и он с грузом отправился в Севастополь. Навстречу должны выйти несколько крейсерских судов, для их прохода предполагается осветить ночью берега от Тарханова кута. На военно-морскую базу в Севастополь будут отправлены и другие освобожденные изо льда корабли: «Александр», фрегаты «новоизобретенные» «Федот Мученик», «Григорий Богослов», «Григорий Великия Армении». Докладывал Потемкин своей государыне об окончании строительства кораблей «Мария Магдалина», «Петр

Апостол» и «Евангелист Иоанн». Кроме этого, взятая в бою турецкая галера первого ранга была обращена в парусное судно и оснащалась сильной артиллерией, другой турецкий корабль «совсем переделан на европейский манер в ранг 62-пушечного корабля». Светлейшему нравится новое судно: «оно отменно хорошей конструкции в подводной части и ходит скорее всех наших на фордевин». Ничто не упускает Потемкин из внимания, вытащены и исправлены все турецкие суда, потопленные под Очаковым, ведь «дерево и конструкция полугалер прекрасные» и они еще могут послужить против прежних своих владельцев. Екатерина довольна, погибшая в начале Русско-турецкой войны великолепная Севастопольская эскадра стараниями Потемкина возрождается.

Императрица прекрасно понимает причины, задержавшие князя на юге, но ее беспокоит здоровье фаворита, и она постоянно уговаривает близкого друга: «И сколь не желаю тебя видеть после столь долгой разлуки, однако я весьма тебя хвалю: во-первых, за то, что ты не отлучился, пока все нужные и надобные распоряжения не окончил... Доезжай до нас с покоем, побереги свое здоровье и будь уверен, что принят будешь с радостию, окончив столь славно и благополучно толь трудную кампанию».

По воспоминаниям иностранных военных, следующие после взятия Очакова две недели Потемкин провел в Кременчуге. Это были дни отдыха: лучшие концерты под управлением Сарти, любовь, свидания, застолья. Князь Юрий Владимирович Долгоруков, критиковавший в своих воспоминаниях действия Потемкина еще в годы первой Русско-турецкой войны, был недоволен и ходом ведения дел под Очаковым, и другими поступками теперь уже могущественного вельможи. Ставка князя в Дубоссарах на Днестре напоминала ему своим великолепием местоположение восточного визиря, дни после взятия Очакова казались ему нескончаемым празднеством. «Казалось, что светлейший князь намерен был тут остаться навсегда», — записал он свои впечатления.

Как некогда Франсиско де Миранду поражали причуды Потемкина, так и теперь француз Роже де Дама не уставал удивляться: «Ежеминутно я знакомился с какой-нибудь особенною азиатскою

странностью князя Потемкина. Ничто в его развлечениях, ни в господстве не следовало обычаям моей родины... Его неограниченное могущество, его поступки возбуждали постоянный интерес, приковывали внимание... Он переменял губернаторства, разрушал город, чтобы основать его в другом месте, образовывал колонии или учреждал что-нибудь, изменял управление губернией через полчаса после назначения бала или празднества. Одним словом, этот странный, но отличный человек всему удовлетворял, обнимал одновременно важнейшие дела и развлечения юности». Блистательный даже в своих развлечениях, Потемкин не оставлял никого равнодушным. От восхищения до ненависти — вот спектр мнений о нем и при жизни, и после смерти.

Потемкин был встречен в Петербурге с триумфом. В течение трех месяцев он работал с императрицей над решением вопросов, возникавших в ходе Русско-шведской войны 1788—1790 гг. Он указывал Екатерине на необходимость продолжения реформ в армии и флоте, но советы светлейшего в этот раз не были приняты. Один из бывших фаворитов Екатерины II П.В. Завадовский подробно писал своему приятелю Сергею Воронцову в Лондон о днях пребывания Потемкина в столице. Тот старался пресечь голоса противников, которые шепотом и наговорами все больше и больше влияли на государыню, покушались на незыблемость политического положения светлейшего в системе власти. Побывав однажды у Завадовского дома, Потемкин, как вспоминает хозяин, «ведя со мною разговор, сказал, что ежели бы он верил тому, что к нему писано, то считать бы должен меня первым своим врагом». Завадовский нелицеприятно отзывался о могущественном вельможе, критиковал его, но и признавал достоинства.

«Нерадение его, при жажде властвования, в отношении дел его суть пороки... Но благотворить есть также его превосходное свойство, и сия добродетель в нем со излишеством. Все стоячее он валит и лежащее подымает; врагам отнюдь не мстителен. Много в нем остроты, много замыслов на истинную пользу; но общая ненависть к нему выбирает только худое. Достигая все покорить под свою пяту, не дорожит способами; но и величайший муж Иулий Цезарь был всегда первенствующим... Доверенность могуществу его равна. Не одержал он титула генералиссиму-

са, каков ему начали давать иностранные, а власть его больше, чем сия: ибо не одни дела военные, но все идут по его воле. Он пользуется вещию, а не временем». Даже сравнивая Потемкина с великим полководцем и государственным деятелем, Завадовский жестко и категорично говорит о недостатках в армии. Его оптимизм в начале войны с Турцией, теперь, в июне 1789 г., сводится к желанию побыстрее достигнуть мира с Портой — «судьба еще отдаляет время вступить России на степень величия, соразмерную ее могуществу».

Отношение к Потемкину в конце его жизни, как это часто бывает с деятельными людьми, отличалось «нелюбовью» общества. 3 февраля 1789 г., накануне приезда светлейшего, его доверенное лицо в столице Гарновский в письме к правителю канцелярии Потемкина Василию Попову пересказал разговор Екатерины со своим доверенным камердинером Захаром. Она спросила: «Скажи, пожалуй, любят ли в городе князя?» Захар ответил: «Один только Бог да Вы».

2 мая 1789 г. в столице было получено известие о смерти султана Абдул-Гамида, и Потемкин поспешил к войскам. Невзирая на критику и недовольство многих его решениями, он с новыми силами занялся подготовкой к очередной военной кампании. Теперь светлейший уже являлся главнокомандующим всех войск.

Военные действия весны и начала лета 1789 г. развивались довольно успешно, они были перенесены на территорию Молдавии и Валахии. Кампания 1789—1790 гг. ознаменовалась победами А.В. Суворова при Фокшанах и Рымнике, что вызвало искреннее удовольствие Потемкина. Он хорошо относился к своему давнему боевому товарищу и вряд ли разделял мнение венесуэльца Миранды о нем как о «человеке крайне назойливом». Скорее он знал то, о чем иностранец только слышал: «Говорят, однако, что он храбр и исполнен чувства воинского долга». Главные награды А.В. Суворову были продиктованы императрице князем: он получил титул графа Рымнинского и орден Св. Георгия 1-й степени. Получив известие о наградах, полководец писал правителю канцелярии Потемкина Василию Попову: «Долгий век князю Григорию Александровичу; увенчай его господь Бог лаврами, славою... Он честный человек, он добрый человек, он великий человек, счастье мое за него умереть».

В исторической литературе долгое время существовало прямое противопоставление Потемкина Суворову. С одной стороны, фаворит, осыпанный милостями императрицы, с другой — победоносный генерал. Судя по их переписке, официальным документам и многим другим материалам, отношения между этими двумя незаурядными личностями всегда были ровными и деловыми.

Вскоре отличился и сам светлейший: он занял Аккерман, а затем Бендеры, не пролив капли крови. Современники откликнулись на долгожданные успехи Потемкина восторженными одами, в которых поэтически воспевали военные достижения русской армии на юге.

НА ПОДОРВАНИЕ БЕНДЕРСКИХ СТЕН 1790 ГОДА

***

Бендеры, кои свет и время уважает,
Огромный памятник воинских славных дел!
Где тверди сильныя, которыми ты цвел?
Огнь скрытый под землей все в пепел обращает.

***

Какое зрелище! воспламененный прах
Вдруг каменны бугры на воздух с пылью мещет,
Мрачится ясный день, земная твердь трепещет,
И возмущенный Днест ревет в своих брегах.

***

Град гордый времени несытаго стал пища:
Но в сих развалинах Ареева жилища,
Где тысящьми народ пал в разны времена,
Днесь пагубна вражда и злость погребена.

Петр Карабанов

После блистательных и победоносных сражений Потемкин поселился сначала в Яссах, а потом в Бендерах, откуда внимательно следил за общеевропейской политикой, руководил военными действиями, вел переговоры о мире с Турцией, пере-

писывался с Екатериной II, А.В. Суворовым, Я.И. Булгаковым и другими лицами о делах государственных и военных. Только неопытные и не знавшие Потемкина люди могли обмануться в его намерениях и поведении. Опытный дипломат, саксонский резидент в Петербурге Георг фон Гельбиг писал 12 июля 1790 г. к Лоссу: «...Мнимая не деятельность князя Потемкина, по полученным достоверным известиям, все еще продолжается; но к сему присовокупляют, что он так поступает из политики: поелику известно, что походы Турков бывают непродолжительны. В сие время пребывает князь спокоен, да и редко иметь страшится чего-либо важного, в рассуждении того, что Турки слишком запуганы, чтобы решились напасть на Россиян. А по наступлении осени преследует он их наисильнейшим образом; а как они в то время поспешают в свои зимния квартиры, то и одерживает князь обыкновенно великия над ними выгоды.

Между тем, как мои известия, так и полученныя от вашего превосходительства, подтверждают, что князь, при наружной своей не деятельности, занимается весьма прилежно переговорами, коих цели, невзирая на союз Пруссии с Портою, он бы, конечно, давно достигнул, если бы требования его не были столько непомерны, что купить оных, как некоторые уверяют, не могут даже и российския деньги...»

Саксонский дипломат Георг фон Гельбиг, в 1787—1796 гг. проживавший в Петербурге, — автор знаменитого памфлета о князе, где были собраны все порочащие вельможу исторические анекдоты. В 1797—1800 гг. в нескольких номерах гамбургского журнала «Минерва» увидела свет написанная им биография Потемкина, оказавшая огромное влияние на всю последующую историографию о князе. Сочинение Гельбига представляет собой язвительный памфлет, рисующий политику Потемкина и покровительствовавшей ему императрицы в самом неприятном свете. Автор объявляет несостоятельными все военные, административные и хозяйственные мероприятия Потемкина в Северном Причерноморье. Саму идею освоения южных степей он пытается представить как нелепую и вредную авантюру. Именно Гельбигу принадлежит литературное оформление мифа о «потемкинских деревнях». Как часто случалось в исторической науке, в ответ на его книгу в России появилось несколько биографий Потемкина,

целью которых стало на основе документальных свидетельств из семейных и государственных архивов дать объективную оценку личности и деятельности фаворита. Первым отечественным биографом Г.А. Потемкина считается его племянник Александр Николаевич Самойлов. Его сочинение основано на фамильных бумагах, семейных преданиях и личных впечатлениях. Несомненно, что Самойлов, ближайший помощник князя, был его верным поклонником и с возмущением писал о ходивших, уже при жизни Потемкина, всяческих небылицах. Надо отметить, что и он, в свою очередь, допустил ряд фактических ошибок в некоторых датах из жизни Потемкина. В дальнейшем труд А.Н. Самойлова стал основой многих биографий Потемкина, и из книги в книгу повторялись заблуждения племянника светлейшего.

Переписка Екатерины II и Потемкина за 1787—1791 гг. развенчивает миф о несостоятельности князя как полководца. Несомненно, он, будучи человеком действия, часто сомневался, но тем не менее сумел добиться невиданных ранее успехов малой кровью, создав сильную и боеспособную армию.

3 декабря 1790 г. светлейший сообщил императрице о посылке корпуса Суворова к крепости Измаил, а 11 декабря после 8-часового изнурительного и кровопролитного штурма крепость пала. Потери турецкой стороны были громадны — 26 тысяч человек, истреблена целая армия. Русская сторона потеряла 10 тысяч убитыми и ранеными, в том числе 400 офицеров из 650. Важная, но очень дорогая победа. Она была достигнута сочетанием храбрости русских войск с тщательно продуманным планом действий. В секретном ордере от 25 ноября 1790 г. Потемкин предписывал Суворову, взяв сколько возможно человек на корабли, отправляться к Измаилу. Он предупредил, что русская флотилия уже «истребила» там почти все турецкие суда, что будет значительно способствовать штурму. Затем начальник Военной коллегии дает основные инструкции Суворову: «Прибыв на место, осмотрите чрез инженеров положение и слабые места. Сторону города к Дунаю я почитаю слабейшею. Естли б начать тем, чтобы, взойдя тут, где ни на есть, ложироваться и уже оттоль вести штурмование, дабы и в случае (чего Боже сохрани) отражения было куда обратиться... Боже, подай вам Свою помощь! Уведомляйте меня почасту».

Один из участников осады Измаила, граф Григорий Иванович Чернышев, в ноябре 1790 г. в нескольких письмах описал своему двоюродному брату и мужу племянницы Потемкина Варвары князю Сергею Федоровичу Голицыну события, происходящие в ставке. Светлейший тогда впервые за время войны пересел из коляски в седло для объезда линии фронта. Опасаясь позднего зимнего времени, Потемкин еще только приказывал обстреливать город снарядами, не предпринимая попыток к штурму. Медлительность князя и на этот раз вводила в недоумение окружающих, как и его поступки. «Вообразите, — писал Чернышев, — когда приходят к господину Потемкину, все собираются на открытом воздухе вокруг костра, и тут проводят утро в ожидании, пока его превосходительство выйдет в большой шубе и удостоит обратиться к вам с разговором. Там остаются до времени обеда, какая бы ни была погода, и потом все остальное время дня; это называют генеральскою квартирою. Согласитесь, — возмущался свидетель этого зрелища, — что это плохая квартира и что ее лучше бы назвать генеральская поляна, тем более что у нас беспрестанно идут дожди». Для одних Потемкин — бездеятельный, погрязший в роскоши вельможа, для других, тех, кто знает больше и получает распоряжения князя, — он напряженно работающий человек. Чернышев, не зная о секретном ордере Суворову от 25 ноября и планах Потемкина к штурму крепости, 27-го числа с горечью писал двоюродному брату об отступлении: «все кончено — мы не получим Измаила и победных лавров». Спустя несколько дней город пал. Штурм начался со стороны реки, как и предполагал светлейший.

Известие о взятии Измаила было встречено в столице с ликованием, 29 декабря Екатерина повелела «отправлять молебствие с большою пушечною стрельбою». 3 января она послала поздравительное письмо Потемкину: «Измаильская эскалада города и крепости с корпусом в половине противу турецкого гарнизона, в оном находящемся, почитается за дело едва ли еще где в гистории находящееся, и честь приносит неустрашимому российскому воинству». Все ожидали скорейшего заключения мира, но Потемкину не суждено было собрать плоды своих трудов.

Глава 15. ЛЮБИМЕЦ МУЗ

Григорий Потемкин — учащийся Московского университета, рейтар Конной гвардии, любимый фаворит Екатерины, талантливый администратор и умелый политик, сомневающийся, но побеждающий военачальник — сколько ипостасей этого человека мы знаем? Он был отмечен многими дарованиями и одно из них — любовь к искусству во многих его проявлениях. Могущественный вельможа в силу значительности своего положения и по искренним душевным пристрастиям любил литературу, живопись, музыку. К нему, ища благоволения и милостей, прибегали многие известные отечественные и иностранные деятели культуры Екатерининской эпохи, литераторы и живописцы видели в нем мецената своего времени, любимца муз.

Восемнадцатый век — век Просвещения — стал временем расцвета в культурной жизни России. Послабления для дворян в обязательной службе и одновременно открытие новых учебных заведений способствовали формированию всесторонне образованных людей. Сфера их интересов была широка — музыка и поэзия, искусство и история, философия и наука. Русские аристократы, путешествуя по Европе, привозят из поездок новые знания, впечатления, книги, произведения искусства. В России делаются переводы и издаются новинки европейской литературы.

Большую роль в повышении интереса российского общества к изучению прошлого, к искусству и литературе сыграл личный пример императрицы. От Екатерины II, ценившей образованность и увлеченно занимавшейся литературой, историей, языкознанием и коллекционированием книг, редких рукописей, произведений искусства, исходил мощный импульс для подражания. Россия должна была показать Европе, что вступила с воцарением Екатерины II в новую эру существования, ознаменованную стремительным расцветом культуры, и способна конкурировать блеском своей цивилизации с любым европейским государством. Верный сподвижник императрицы, помощник в решении всех вопросов модернизации государства, творчески реализовавший политику Екатерины II, Потемкин и на этой стезе был рядом с государыней.

В русле «художественной кампании» императрицы по привлечению в Россию крупнейших специалистов в различных отраслях науки и искусства по инициативе Потемкина в Россию были приглашены знаменитый венский портретист Иоганн Баптист Лампи, автор известных портретов Екатерины II; французский музыкант Сарти, сочинявший музыку для оркестра и хора князя; архитектор Буржуа-де-Теньер, участвовавший в строительстве Херсона; художники Ле Блан, Мишель Жерен и многие другие талантливые иностранцы.

В октябре 1790 г. Потемкин обратился к австрийскому канцлеру Кауницу: «Прошу склонить господина Лампи отправиться на некоторое время ко мне. Я беру на себя все дорожные расходы из Вены и обратно... Для меня истинное наслаждение ума видеть вокруг себя нескольких добрых живописцев, которые работают на моих глазах». Прибыв в Яссы в сентябре 1791 г., венский портретист уже не застал светлейшего в живых, однако, как писал секретарь Потемкина Василий Попов, Лампи работал над несколькими портретами «весьма сходными с подлинниками». Известны несколько этюдов и великолепный портрет князя, принадлежащие кисти художника, потом они неоднократно копировались другими неизвестными мастерами.

Именно в екатерининское время становится модным создавать личные библиотеки, собирать коллекции картин, древностей, драгоценных камней, старинных рукописей. Художественные коллекции Царского Села и Эрмитажа Екатерина II поручила пополнять новыми шедеврами князю Николаю Борисовичу Юсупову. Он покупал для нее полотна старых мастеров, редкие графические рисунки, античные мраморы, старинную бронзу, китайский и японский фарфор, ковры, гобелены, шпалеры. Часть вещей, приобретенных Юсуповым для императрицы, были подарены ею своему другу и сподвижнику Потемкину для украшения его дворцов.

Значительное место в развитии российского Просвещения в эпоху Екатерины II занимала античная культура во всех ее проявлениях: литература, философия, скульптура, декоративно-прикладное искусство. В 1750—1770 гг. в России появились переводы трудов античных авторов; в библиотеке Потемкина были не только переводные издания, он приобрел часть книжного

собрания знаменитого греческого духовного писателя Евгения Булгариса, и в книжной коллекции князя оказались произведения Аристотеля, Аристофана, Демосфена и других античных авторов на разных языках. Среди вещей князя достойное место занимали античные раритеты: «Антики из города Геркулана» (вазы большие и малые, чашечки, бутылочка). Две вазы, изображавшие «Геркуланские деяния», украшали знаменитый потемкинский праздник в Таврическом дворце.

Интерес к античности окрашивал все сферы деятельности Екатерины II и многих ее приближенных — вплоть до исторического обрамления внешней политики России на южном направлении: русско-турецкие войны, освобождение Крыма от турок рассматривались как этап возрождения греческих начал в Европе, частью которого стала активная градообразовательная деятельность светлейшего на вновь присоединенных землях Северного Причерноморья. Большинство городов назывались в память древнегреческой колонизации этих мест — Одесса, Севастополь, Симферополь, Херсон, по тем же причинам некоторым существовавшим поселениям возвращались древние имена — Феодосия, Евпатория, Фанагория. В Крыму и на всем Черноморском побережье велись интенсивные археологические раскопки в местах расположения греческих поселений, по поручению Потемкина Тавриду обозревали архитекторы и ученые с целью учесть все старинные здания и достопримечательности, а архиепископа Евгения Булгариса князь просил составить историческое описание Крыма.

Особый интерес у российского общества эпохи Просвещения вызывала культура Востока — Китая и Японии. Среди книг Потемкина — рукопись «Известие о Китае» — автограф переводчика Л. Разсохина, посланного в Пекин в 1729 г.; «Джун Юн, т.е. закон непреложный» (перевод китайского философа Кун Дзы), книга «Сы шу геи» и др. В Таврическом дворце князя был специально устроен Китайский зал, где, по свидетельству старинных документов, находились «фигуры китайских идолов», «фигуры фарфоровые», «картины на флере», маленькие ширмы, чайники, фонари и т.п. По просьбе Потемкина ему доставляли китайский фарфор и другие редкости с Востока.

Екатерина II при всей своей «охоте» за картинами, по-настоящему испытывала одну страсть — коллекционирование

резных камней, их она могла часами перебирать и рассматривать. Похоже, этой страсти был подвержен и светлейший князь, недаром его любовь к драгоценностям, редким камням породила множество анекдотов. Это пристрастие Потемкина передалось и его потомкам: племянница князя Татьяна Васильевна Юсупова, урожденная Энгельгардт, была основательницей знаменитой юсуповской коллекции драгоценностей. В собрании минералов и редкостей Потемкина был «слоновый зуб чрезвычайной величины», топазы, лабрадор весом 4 пуда 20 фунтов и др. Еще одна коллекция металлов и минералов, принадлежавшая князю, вместе с библиотекой была передана в казанскую гимназию в 1798 г.

Шедевры европейского искусства из богатейшей художественной коллекции Потемкина после его смерти были куплены Екатериной II у наследников и пополнили собрание Эрмитажа. Основная картинная галерея Потемкина была сконцентрирована в Таврическом дворце, и значительную ее часть составляли картины, приобретенные Потемкиным у наследников герцогини Кинстон, в том числе большое полотно Миньяра «Александр и семейство Дария». При посредстве князя в Эрмитаж была куплена картина Корнелиса де Фоса «Семейный портрет». Свои художественные пристрастия Потемкин реализовывал на практике; при князе в Новороссии и Крыму состоял большой штат русских и иностранных живописцев, архитекторов, граверов, литейщиков и чеканщиков. Потомкам можно назвать имена «статуэра» Григория Шельнова, портретиста Алексея Новикова, гравера Егора Михайлова, чеканщика Екимова. Сведения о них сохранили пожелтевшие от времени фолианты домовой канцелярии Потемкина. Несомненно, что хранящиеся в библиотеке князя «Краткое руководство к обучению рисования живописцев» и французское издание «Искусство объяснять и печатать живописные полотна» Леблона (Париж, 1756) использовались как самим Потемкиным, интересовавшимся искусством, так и окружавшими его художниками. Один из его крепостных художников — М. Шибанов, автор картины «Крестьянский обед», стал зачинателем живописного бытового жанра.

Художественную коллекцию Потемкин пополнял различными способами. Портрет графа Калиостро, с которым князь встречался в Петербурге, прислал ему французский художник Мунье.

Светлейший забрал в свою коллекцию весной 1787 г. образцы панно с мотивами Рафаэля, присланные И.Ф. Рейфенштейном Екатерине II для Эрмитажа.

Английскому живописцу Джошуа Рейнолдсу через лорда Кэрисфорта в 1780-х гг. были заказаны две картины для Екатерины II и Потемкина. В 1788 г. на Лондонской академической выставке появилась картина Рейнолдса «Геркулес, удушающий змея», предназначенная для императрицы, а в следующем году — «Воздержанность Сципиона» для светлейшего князя, а также повторение «Венеры и Амура». В 1789 г. в Россию на корабле «Дружба» прибыла картина, выполненная по заказу русской императрицы. Сюжет монументального полотна «Младенец Геракл, удушающий змей, подосланный Герой» (таково было полное название картины), был выбран неслучайно. Как объяснял сам художник в письме Потемкину: «Я избрал темою сверхъестественную силу Геракла еще во младенчестве, ибо сюжет этот допускает аналогию... с недетской, но столь известной мощью русской империи». Приняв с искренним удовольствием эту аллегорию, Екатерина заплатила за полотно 1500 гиней, послала художнику табакерку со своим портретом, украшенную бриллиантами, и благодарственную записку.

Во всех полотнах Рейнолдса зрителей поражала удивительная композиционная изобретательность, насыщенный теплый колорит, светотеневые контрасты, свидетельствующие об уроках у венецианцев, Рембрандта, других мастеров прошлого. Свои мысли об искусстве английский живописец изложил в знаменитых «Речах», которые он ежегодно произносил перед слушателями Королевской академии художеств в Лондоне (в 1768 г. он стал ее первым президентом). Главный королевский художник своими размышлениями значительно повлиял на формирование художественного вкуса современного ему английского общества, провозглашая в искусстве первенство воображения и чувства. Кроме картин он преподнес Потемкину как истинному ценителю прекрасного два тома своих речей, произнесенных в Королевской академии. «Поскольку Вы, — обращался к князю Рейнолдс, — не так хорошо знаете английский, как итальянский и французский, я посылаю два перевода на эти языки».

Богатая коллекция живописи Потемкина в основном пополнила Эрмитаж, но часть его собрания из Таврического дворца

Павел I после вступления на престол забрал в Михайловский замок. В 1797 г. по его поручению комиссия в составе профессоров Академии художеств провела полную инвентаризацию всех картин, находившихся в Эрмитаже, Таврическом и Мраморном дворцах. Новая опись по сравнению с каталогом, составленным в середине века И.-Э. Минихом, содержала на 1338 картин больше, причем значительную часть этого излишка составляли картины бывшего собрания Потемкина и другого фаворита Екатерины II, Григория Орлова.

В XVIII в. большинство крупных русских частных собраний, подобно Эрмитажу, включало наряду с картинами старых мастеров произведения современных художников — преимущественно французских. В собрании Потемкина было большое количество портретов Екатерины II, членов императорской семьи и родственниц князя, иногда неоконченных. Вот некоторые примеры из старинной описи его коллекции: «портрет Ея величества в дорожном платье», «Его высочества Александра Павловича», «портрет Ея величества гравированной Скородумовым в бронзовых рамках», портрет Павла с супругой, портреты племянниц Потемкина Александры Васильевны Браницкой, Екатерины Васильевны Скавронской и др. «За любовь и почтение к достохвальным художествам» Потемкин в 1779 г. получил официальное признание Санкт-Петербургской Императорской Академией художеств, как «почетный художеств любитель».

Уже упомянутый Франсиско де Миранда после одного из разговоров с Потемкиным о живописи с удивлением записал в своем дневнике, что князь, «как видно, кое-что смыслит и является большим поклонником нашего Мурильо». Среди собрания Потемкина была и копия «Иоанна Крестителя» Б.Э. Мурильо, которую воспроизвел гравер Кабинета ее императорского величества Г.И. Скородумов. В другой день светлейший показал гостю свое новое приобретение — «отличнейшее жемчужное ожерелье (или браслет), инкрустированное бриллиантами», князь имел склонность к таким безделицам. Затем разговор о живописи продолжился, причем, как записал Миранда, они беседовали, «высказывая свои мнения с кистью в руке».

Светлейший был знаком и способствовал многим отечественным живописцам и скульпторам. «Более не остается надежды,

кроме Вашей светлости...» — писал ему в 1780 г. скульптор Федот Шубин, сетуя на свое бедственное положение. Отсутствие заказов в 1780-е гг. изменило материальное положение Шубина и вынудило его обратиться в Совет Академии художеств с просьбой о предоставлении ему места в штате. Но даже заступничество могущественного любимца Екатерины II, обратившегося в 1789 г. с письмом к президенту Академии И.И. Бецкому об устройстве скульптора на должность адъюнкт-ректора, осталось без внимания. Еще раньше, в 1774 г., знаменитый ныне архитектор В.И. Баженов просил князя о содействии в изготовлении памятной медали в связи с закладкой нового Кремлевского строения и посылал вельможе свои планы построек в Царицыне.

Все современники отмечали, что при истинной страсти к литературе, искусству, коллекционированию Екатерина напрочь была лишена чувства понимания музыки. При дворе постоянно собирались музыкальные вечера, давались концерты, но душа императрицы не откликалась на изящные сочетания семи нот. Потемкин, напротив, слыл большим любителем и ценителем хоровой и инструментальной музыки. Его музыканты, среди которых был известный русский скрипач И.Е. Хандошкин, исполняли симфонии, отрывки из опер композиторов: Дж. Сарти, служившего в 1787—1791 гг. у Потемкина капельмейстером, И.-С. Баха, Ф.-И. Гайдна и др. Композитор Сарти произвел на чужестранца Миранду благоприятное впечатление, они долго говорили о музыке, достоинствах Боккерини и Гайдна, беседовали о Генделе, приводящем в восторг потемкинского капельмейстера. Иностранцу показалось, что Сарти прекрасно разбирается в теории музыки и композиции, а особо его поразил следующий случай: «Князь ради развлечения поставил на нотной бумаге наугад несколько закорючек и, указав тональность и темп, предложил Сарти сочинить какую-нибудь музыку, что тот и сделал с ходу, доказав свои способности и мастерство». Об удивительной способности потемкинского капельмейстера к композиции вскоре стало известно, и императрица обратилась к князю: «Если бы были так добры доставить арию Сарти, сочиненную на точки, случайно поставленные вами же, — здесь же она передавала Потемкину строки из письма барона Гримма, — ...принеся вам большую благодарность

за оперу "Армида", просит меня достать ему эту знаменитую арию, о которой он слышал».

В одном из писем к светлейшему граф А.К. Разумовский в сентябре 1791 г., зная любовь князя к музыке, даже предлагал пригласить в Россию «одного из лучших композиторов в Германии, именем Моцарт». Как писал русский вельможа, живший в Вене: «Он не доволен своим положением здесь и охотно предпринял бы это путешествие... Если Ваша светлость пожелает, я могу нанять его не надолго, а так, чтобы его послушать и содержать при себе некоторое время». Как знать, если бы не смерть светлейшего, Россия могла бы стать прибежищем для великого композитора.

Пушкин, собравший Table-talk (застольные разговоры) о Потемкине из рассказов и исторических анекдотов, бытовавших в начале XIX в., записал следующую историю. Потемкину доложили, что некий граф Мор, житель Флоренции, превосходно играет на скрипке. Ценитель музыки, князь захотел его послушать и отправил одного из адъютантов курьером в Италию. Тот явился к графу М. и, объявив ему приказ светлейшего, предложил тотчас садиться в тележку и скакать в Россию. Благородный виртуоз взбесился и послал к черту самоуверенного русского вельможу и курьера с его тележкой. Делать было нечего, но адъютант не мог приехать к Потемкину, не исполнив его приказания. Догадливый юноша отыскал в городе какого-то бедного, но способного скрипача, и легко уговорил его ехать в Россию под именем известного виртуоза. Потемкин остался доволен его игрой, принял в службу как графа М., и тот даже дослужился до полковничьего чина.

Любитель и ценитель хоровой и инструментальной музыки Григорий Потемкин приобрел у фельдмаршала А.Г. Разумовского великолепный оркестр музыкантов за 40 000 рублей, ему пришлось заплатить по 800 рублей за каждого. При этом светлейший был щедрым хозяином и платил своим певцам большое жалованье: 27 музыкантам «большого хорового» оркестра — от 8 до 12 руб. в месяц, 20 музыкантам «малой роговой музыки» — 5 рублей «порционных денег». Каждый год Потемкин тратил немалые деньги на содержание оркестра, покупку роговых инструментов, струн, ноты; а кроме этого, в счетах князя есть записи о жалованье и порционных деньгах капельмейстерам,

музыкантам, певчим, суммы на кареты, наем квартир. Словом, прихоть и любовь князя к услаждению себя и гостей музыкальными вариациями стоила ему довольно дорого.

В 1777 г. Авраам Романус рекомендовал князю вызвать в Петербург музыканта Блазиуса Антона Сартори, служившего при варшавском французском театре. С 1779 г. по 1782 г. он был преподавателем вокальной, инструментальной клавирной музыки и композитором в Академии художеств. Потемкин особо интересовался духовной музыкой, и среди его обширной библиотеки были «Октоих нотного пения» (1772) и «Праздники нотного пения» (1772).

Внимательный читатель помнит, что с детства Потемкин был дружен с книгой, любил с карандашом в руках перелистывать страницы в поисках новых неведомых открытий. На протяжении всей жизни светлейший не забывал этого увлекательного занятия, со временем оно стало для Потемкина необходимостью. Новые знания способствовали формированию его мировоззрения, нередко помогали в практической административной работе, как ни скучно это звучит. Действительно, Потемкин был именно чиновником, администратором высокого ранга, и не всякому суждено было достигнуть таких результатов, как он в своей деятельности. Свое образование Потемкин получал уже во время непосредственной государственной службы из чтения книг и в общении с интеллектуальной элитой. Путешественник Кокс заметил эту особенность многостороннего образования князя. По его мнению, светлейший «отличался быстрым пониманием и редкою памятью, имел общее, хотя поверхностное понятие о литературе. Его начитанность ограничивалась французской беллетристикой, русскими духовными писателями и переводами классиков, особенно Плутарха; но масса сведений, приобретенных им от лиц различных профессий, с которыми он сталкивался, была изумительна».

В «Уведомлении» известного сочинителя А.П. Сумарокова, приложенном к его «Оде Григорию Александровичи Потемкину...» (1774), он рассматривал вопрос о рифме вообще и о возможности трагедии на русском языке, написанной белым стихом. При этом поэт ссылался на свои беседы с Потемкиным: «Обещал я по требованию некоторого знатного господина и ис-

кусного в российском языке и во словестных науках человека сочинити трагедию без рифм». Интересуясь теорией стихосложения, фаворит приобрел для ее изучения «Правила пиитические» Апполоса (А.С. Байбаков. М., 1774). В 1775 г. Сумароков, испытывая материальные затруднения, обратился к Потемкину с предложением купить у него книги для библиотеки, в том числе оперы, комедии, трагедии. По каким-то причинам князь не приобрел эти книги, но у него были тома из «Полного собрания всех сочинений А. П. Сумарокова» (М., 1781— 1782), изданного Н.И. Новиковым.

Ранее упоминалось о дружбе Потемкина с его товарищем по Московскому университету поэтом Ермилом Костровым. Приятельские отношения Потемкина со многими литераторами, зародившиеся в годы учебы в университете, сохранялись и в дальнейшем. Еще в юности Потемкин сблизился с поэтом Василием Петровым. Страстно любя греческую и латинскую словесность, Петров занимался со своим юным другом языками и чтением классических авторов:

Читать певца Троянской брани
Был, пишут, Александров вкус;
Как сот, Потемкина гортани
Приятен стих любимца муз.

Много стихотворных строк Василия Петрова было посвящено князю, а тот в свою очередь оказывал постоянное покровительство своему приятелю. «Карманный стихотворец», как часто называли Василия Петрова, искренне преклонялся перед могущественным приятелем. Узнав о пожаловании своему давнишнему приятелю генерал-адъютантского чина, означавшего взлет в придворной иерархии до заоблачных высот, Петров сразу отозвался на это событие высокопарной одой:

Вчера с предвестием, со исполненьем ныне,
Потемкин! о твоей сорадуясь судьбине,
Приветственны стихи тебе я написал,
Которыя Платон священный осыпал,
Златым песком, чем те свой блеск усугубляют,

А музы их писать мне свыше пособляют:
Они и купно с их собором Апполону,
Усердный чрез меня к тебе возносят тон,
Прося, да будет ты трудов их почитатель
И ревностный о них монархине предстатель,
Они давно твою к себе горячность зрят,
Умножив ты ее, будь росский Меценат.

Искренность Василия Петрова по отношению к своим вельможным покровителям Екатерине II, ее фаворитам Григорию Орлову и Григорию Потемкину потомками воспринималась как лицемерие и «изысканная лесть». Но получение монаршей любви и милости, титулы и чины не нарушали прежней дружбы. Потемкин уже был Превосходительным, а поэт писал к нему:

Младой и храбрый вождь, друг общества и мой,
Препровождаемый собраньем муз, Герой,
Что виден по своей заслуге, не по дедам,
Как агнец жил меж нас, как лев изшел к победам;
Потемкин! будь счастлив, геройствуй, успевай
И славой дел твоих с летами созревай.

Однажды Петров привел Потемкина в типографию Селивановского, чтобы показать это заведение князю и познакомить его с хозяином. «Я примусь за работу, — сказал поэт вельможе. — Увидите, что по ласке хозяина типографии и я кое-как понаторел в его деле». Подойдя к типографскому станку, Петров ловко набрал и оттиснул только что сочиненные строки:

Ты воин, ты герой;
Ты любишь муз творенья,
А вот здесь и соперник твой —
Герой печатного изделья.

Преподнеся лист Потемкину, поэт произнес: «Вот и образчик моего типографского мастерства и привет за ласковый Ваш сюда приход». Светлейший отвечал: «Стыдно же будет и мне, если останусь у друга в долгу. Изволь: и я попытаюсь. Но чтобы не

ударить в грязь лицом, пусть наш хозяин мне укажет за что приняться и как что делать? Дело мастера боится. А без ученья и аза в глаза не увидишь». Это был праздник для хозяина типографии, он с рвением принялся рассказывать и указывать сиятельному ученику. Потемкин, хотя и не так быстро, справился с хитростью типографского набора. Закончив работу, он окликнул Петрова: «Я, брат, набрал буквы, как сумел. А ты оттисни сам, ты, как я видел, дока в этом деле». Поэт совершил нехитрую операцию и прочитал строки, появившиеся на листе бумаги:

Герой ли я? не утверждаю;
Хвалиться не люблю собой,
Но, что я друг всегдашний твой,
Вот это очень твердо знаю.

Потемкин был знаком со многими современными ему сочинителями и оказывал материальную помощь в издании некоторых книг. Среди обращавшихся к нему литераторов имена М.М. Хераскова, И.Ф. Богдановича, В.И. Майкова, Г.Р. Державина, историка И.Н. Болтина, который, между прочим, служил в лейб-гвардии Конном полку вместе с Потемкиным. Писали к светлейшему и иностранцы, ищущие расположения влиятельного человека при дворе русской императрицы: о помощи просил специалист по сельскому хозяйству А. Эклебен, шевалье Борасси предлагал подписаться «на издания истории походов Тюррена из Парижа», о своей оде на путешествие императрицы в Херсон в 1787 г. писал Потемкину профессор физики Батал.

Даже известный русский умелец И.П. Кулибин был вынужден просить князя в 1786 г. о принятии его в штат служащих при Потемкине и присвоении ему чина академика механики: «Милостивейший государь! За несколько времени пред сим, изволили жаловать меня в Ваше отеческое покровительство, то нынече, если только удостоен буду иметь щастие быть в команде Вашея светлости, причисля меня в службу здесь в городе или где Вам благо рассуждено будет...» Любимец Екатерины научился у нее хорошо разбираться в людях и часто покровительствовал талантливым соотечественникам. По неизвестным причинам Потемкин не смог помочь Кулибину в искомом чине, но в 1791 г., уже на-

кануне кончины, вызвал его к себе в Яссы. Именно уникальный механик по распоряжению светлейшего готовил праздничный фейерверк в Таврическом дворце в день празднования взятия Измаила.

Секретарем у светлейшего, начиная с 1774 г., в течение 18 лет служил известный поэт и переводчик В.Г. Рубан. В 1777 г. он последовал за Потемкиным на юг России, где занял еще и должность директора Новороссийских училищ. После назначения князя президентом Военной коллегии, литератор заведовал там иностранной перепиской и был переводчиком деловых бумаг с польского языка, а в 1786 г. уже получил высокий чин советника. Успех к Рубану как к писателю пришел после издания им на средства Потемкина путеводителя по северной столице — «Описание Санкт-Петербурга» (1777 г.), посвященного Екатерине II. Уже в следующем, 1778 году, опять на средства Потемкина, Рубан напечатал «Путешествие по святым местам Василия Барского». В коллекции рукописей князя хранился один из трех списков этого известного сочинения. Список, прежде чем попал в библиотеку Потемкина, принадлежал архимандриту Феоктисту Мочульскому. В 1782 г. в Петербурге Василием Рубаном был издан первый путеводитель по Москве: «Описание императорского столичного города Москвы...»

Оды, написанные поэтом и переводчиком на прибытие Потемкина из действующей армии в Петербург ко двору, на пожалование его в генерал-адъютанты, воспевали восхождение нового фаворита, отличавшегося боевым духом и особым пристрастием к искусству и литературе:

Потемкин, лаврами увенчанный побед,
С дунайских берегов к брегам Невы пришед,
Приемлется от все, как заслуженный воин
Любви и почестей Отечества достоин:
Изведали его Гассан и Ибрагим отважные наши,
Которых дерзкую он приступил отвагу
И Россов сущему поспешествуя благу,
На Силистирию гром и молнию бросал
И сильною рукой противных поражал...

***

Приятно по трудах иметь спокойны дни
И сладко отдыхать в прохладной древ тени:
Потемкин, утомясь трудами в ратном поле,
При осеняемом щедротами престоле
Спокойство дней своих желанное обрел
И лавр героев честь, на нем раззеленел.

Интересные взаимоотношения связывали Потемкина с другим известным поэтом — Гавриилом Романовичем Державиным, также посвятившим несколько своих произведений князю. Кроме занятий литературной деятельностью Державин состоял и на статской службе. Во время управления Тамбовской губернией в конце 1788 г. у Державина возникли неприятности, грозящие судебным разбирательством. Он обратился за помощью и покровительством к Потемкину. Именно с поручением светлейшего, данным воронежскому купцу Гарденину, были связаны проблемы поэта-чиновника. Еще в марте 1788 г. купец явился к губернатору с открытым ордером от главнокомандующего армией князя Потемкина, предписывающим всем главам губерний помогать Гарденину, как провиантскому комиссионеру в покупке и доставке провианта в армию. Тамбовскую губернию в этот год постиг неурожай, и Державин вопреки мнению вице-губернатора распорядился выдать купцу деньги на покупку продовольствия из губернского казначейства. В результате интриг из Сената поступил указ по жалобе наместника, в которой говорилось, что губернатор «накопил недоимки и другие всякие нелепицы».

Началась длительная тяжба, Потемкин встал на сторону Державина. Его поддержали и владельцы тамбовского имения Зубриловки — племянница Потемкина Варвара Васильевна Голицына и ее муж Сергей Федорович, служивший под начальством князя. Варвара Васильевна приютила в Зубриловке жену Державина Елену Яковлевну, и здесь поэт в строфах оды «Осень во времена Очакова» воспроизвел поэтические портреты Сергея и Варвары Голицыных и их всесильного родственника, спасшего Державина от суда. По просьбе Потемкина Державин в 1791 г. сочинил четыре хора на музыку Осипа Козловского для знаменитого бала в Таврическом дворце. После смерти великолепно-

го князя Тавриды поэт с лихвой заплатил долг благодарности своему покровителю, создав оду «Водопад». Это апофеоз всего, что было действительно достойного, по мнению автора, в духе и делах Потемкина:

Не ты ль наперстником близ трона
У северной Минервы был:
Во храме муз друг Апполона,
На поле Марса вождем слыл,
Решитель дум в войне и мире,
Могуч — хотя и не в порфире?

Однако при составлении своих «Записок», спустя годы после смерти большинства главных героев прошлых лет, в том числе Екатерины и Потемкина, поэт-чиновник сумел оставить последнее слово за собой. В его историях светлейший предстает как фаворит прошлых лет, который в конце 1780-х гг. «за Державиным, так сказать, волочился, желая от него похвальных себе стихов; спрашивал чрез господина Попова, чего он желает?». Да, таково свойство человеческой души: спустя годы начинаешь казаться себе более великим, чем твои могущественные современники. В привычной стихотворной форме Державин выглядит искренним и благодарным своему покровителю:

ПОБЕДИТЕЛЮ

В Всевышний помощи живущий,
В покрове Бога водворен,
Заступником Его зовущий,
Прибежищем своим, и в Нем
Надежду кто свою кладет в свой век,
Велик, велик тот в свете человек!

***

Как в зеркале, в тебе оставил
Сияние Он Своих лучей;
Победами тебя прославил,
Число твоих прибавил дней;
Спасение людям Своим явил,

Величие Свое в тебе открыл.
Но, кто ты, Вождь, кем стены пали,
Кем твердь Очаковска взята?
Чья вера, чьи уста взывали
Нам Бога в помощь и Христа?
Чей дух, чья грудь несла монарший лик?
Потемкин ты! — С тобой, знать, Бог велик!

В личных посланиях к Потемкину Державин был также предельно дипломатичен и обращался к нему с искренним уважением. В апреле 1789 г., узнав о скором отъезде князя, Державин из Москвы решился писать к нему. Он хотел напомнить о своей тяжбе и просил Потемкина до отъезда похлопотать о нем, кроме этого, поэт-чиновник желал получить разрешение на прибытие в столицу «для личного изъяснения невинности моей пред Вами с тем, что б по крайней мере в мыслях Вашей светлости мог щитаться я совершенно не заслужившим обвинения...».

В мае 1798 г., спустя два года после вступления на престол, император Павел I посетил Казань, где провел смотр войскам. Строжайше было приказано от государя: «о неделании никаких по дорогам приуготовлений и всего такого, чтобы на нарядную встречу походило». Император-рыцарь не желал даже путешествовать на манер матери Екатерины II с пышностью и монаршим великолепием. В 6 часов вечера 22 мая со стороны Волги показался императорский катер. Торжественная встреча Павла I властями губернии состоялась недалеко от Тайницкой башни. Государя встречали военный губернатор генерал-лейтенант Б.П. Де Ласси, комендант генерал-майор П.П. Пущин и некоторые другие военные. Здесь же присутствовали представители казанского дворянства, чиновничества и горожане. После торжественного приема император, вместе с сыновьями Александром и Константином, в сопровождении губернатора, отправился в Кафедральной собор. Около него была подготовлена еще одна торжественная встреча. На этот раз его ожидали «знатнейшие в чалмах татары», офицеры, духовенство во главе с архиепископом Амвросием, гражданский губернатор Д.С. Казинский и представители городского общества.

В городе сын великой Екатерины II, опять же в противоположность своей матери, выбрал неказистый, старенький, приземистый одноэтажный деревянный флигель в пять окон по улице. Главным достоинством дома была близость к Арскому полю, на котором планировались маневры. В течение всего времени пребывания Павла I в Казани не прекращалось народное столпотворение. Значительные массы жителей стекались из близлежащих городов и деревень, чтобы увидеть императора. По воспоминаниям очевидца приезда Павла I, землемера титулярного советника Капитона Мильковича, на улицах Казани царило всеобщее воодушевление, вплоть до того, что люди ночевали на улицах — лишь бы с утра увидеть выход государя. «Великое стечение отовсюду многочисленного народа, — вспоминал местный житель, — узрев вожделеннейших своих посетителей, восхищен был даже до того, что из них обоего пола престарелые при приветственных восклицаниях не могли удержаться от слез. На лицах всех верноподданных изображено было полное веселие и удовольствие. Во все сие высочайшее Его императорского величества в Казани пребывание народ с особой жадностью спешил видеть человеколюбивого монарха; но дабы не опоздав узреть с восхождением солнца неусыпающую и о блаженстве своих подданных бдящую его Монаршую особу, спал тамо, где только преклонял сон, не избирая для себя ни выходных, ни спокойных мест, даже до того, что в каналах и к сторонам улиц растущая трава служила им постелями; а ближайшее отдохновение от чертогов вмещающих сего великого монарха было для них сладчайшим утешением».

Павел I не остался равнодушным созерцателем этой картины. Каждый день в пять часов вечера император гулял в садах Лецкого и Волкова, где беседовал по несколько часов с казанскими жителями, узнавая о жизни и нуждах города и горожан. Поскольку главной целью визита Павла I в Казань был смотр войск Оренбургской инспекции, то именно этому он посвятил основное время. Каждое утро, начиная с 26 мая, он отправлялся на Арское поле, там проводились учения «с ружейной и артиллерийской стрельбой и экзерциями». Император остался доволен состоянием войск, свидетельством чего были многочисленные награды и поощрения.

Воспользовавшись кратковременным пребыванием Павла I в Казани, Б.П. Де Ласси подал ему доклад с представлением гражданского губернатора Д.С. Казинского, о восстановлении в городе гимназии и о пополнении ее книгами библиотеки Г.А. Потемкина, хранящейся в Новороссийском приказе общественного призрения. «В Новороссийске (так при Павле I назывался Екатеринослав, ныне Днепропетровск.— *Н.Б.*), — писали осведомленные чиновники, — имеется без всякого употребления в ведомстве Приказа общественного призрения библиотека казенная и небольшое собрание для кабинета металлов и минералов, покойным князем Потемкиным-Таврическим заведенныя. Дабы усовершенствовать гимназию лучшими к образованию будущих воспитанников произведениями, не благоугодно ли будет повелеть оную библиотеку, с принадлежащим к ней, перевесть сюда из Новороссийска и для употребления отдать гимназии?»

Просьба казанской администрации была связана с проектом преобразования гимназии в первую ступень университета, о чем на основании указа от 31 октября 1797 г. генерал от инфантерии князь Мещерский подал на имя Павла I записку с проектом и штатом нового учебного заведения. Первоначально в проекте И.И. Шувалова и М.В. Ломоносова о распространении университетского образования в России предполагалось учредить университеты в двух городах — Москве и Казани. Поскольку в Казани не было соответствующих условий, решили учредить гимназию под патронажем Московского университета. В 1790 г. гимназию объединяют, согласно школьной реформе Екатерины II, с народным училищем. Но идея об основании университета была жива и при новом императоре Павле I получила свое развитие с учреждением гимназии и значительным пополнением ее книжного собрания за счет библиотеки Потемкина.

29 мая 1798 г. император подписал указ о размещении гимназии в губернаторском доме и передаче библиотеки Г.А. Потемкина в Казань.

Что же представляло собой книжное собрание светлейшего князя, о котором столь ревностно хлопотали в Казани? Сохранившиеся «Списки книг французских, английских, итальянских, польских, латинских, греческих и российских, так же различных эстампов и других вещей, находящихся в библиотеке бывшей

покойного его светлости князя Потемкина-Таврического и архиепископа Евгения, а по именному Ее императорского величества повелению поступившей в ведомство Екатеринославского приказа общественного призрения» позволяют судить о книжных пристрастиях князя, да и сами фолианты до сих пор стоят на полках в Казанском университете.

К концу жизни Г.А. Потемкин собрал более 4000 книг на разных языках; в описи они систематизированы по языковому признаку, а внутри разделов по алфавиту. Потемкин был не только меценатом, но и страстным любителем книг, обладающим собранием редких книг и рукописей, обширной коллекцией эстампов, картин, медалей. Многочисленные связи Потемкина с литераторами нашли свое отражение в его книжном собрании. Писатели и поэты дарили князю издания собственных произведений — в результате у него собралось более ста од, посвященных Екатерине II и самому светлейшему. Живя в Петербурге, Потемкин имел практически неограниченные возможности пополнять свою библиотеку. Нередко по каталогам, присланным верными людьми из столицы, он заказывал различные издания, эстампы и рисунки в те отдаленные места, где ему приходилось проводить долгие месяцы по делам службы.

Екатерина II, занимавшаяся литературной деятельностью, интересовалась мнением князя о своих сочинениях и постоянно дарила их ему. В библиотеке Потемкина имелись ее оперы «Февей», «Сказка о царевиче Хлоре» и др. Императрица была благодарна князю за помощь в составлении ее «Записок касательно российской истории»: «По вашей милости хронология моей истории России или, лучше сказать, моих воспоминаний о России становится самой блестящей частью». Эти «Записки» были напечатаны в «Собеседнике любителей российского слова», его издавала президент Академии наук и давняя знакомая светлейшего Е.Р. Дашкова, регулярно посылавшая Потемкину этот журнал. В библиотеке князя находилась и другая периодика. Так, кроме «Собеседника» (в шестом номере которого опубликована ода Державина «Решемыслу», посвященная вельможе), у него была подборка «Санкт-Петербургских ведомостей». Потемкин не раз пользовался объявлениями о продаже книг, печатавшимися в этой газете.

В те годы, когда Потемкин неотлучно жил в Зимнем дворце, Екатерина сумела увидеть в нем образованного и просвещенного человека. Очень часто императрица в посланиях к своему постоянному корреспонденту барону Гримму писала о тех или иных достоинствах фаворита. 24 октября 1774 г. Екатерина сообщила о получении экземпляра нового издания сочинения Гримма о превосходстве итальянской музыки перед французской, но «не успела на него взглянуть, как Потемкин в ту же минуту овладел книгою. Это у него старая привычка, — объясняла императрица поступок фаворита, — которую он приобрел во время своих набегов на неприятельскую страну. Он воевал таким образом шесть лет с большою пользою для отечества, но себе богатства не нажил, потому, что всегда отдавал свою долю солдатам. Такой способ войны не всегда и не всем удается». Неоднократно Потемкин сам посылал к Гримму копии нот новых сочинений Сарти и других композиторов. Когда Екатерина писала Гримму в 1783 г. о «второй эпохе российской истории», сочиняемой ею лично для внуков Александра и Константина, императрица похвалилась, что «читавшие первую эпоху этой истории нашли, что это в своем роде сочинение озарительное; в числе их князь Потемкин, княгиня Дашкова... люди требовательные». Конечно, придворные старались своим мнением вдохновлять государыню на новые литературные и исторические сочинения, но тем не менее два упомянутых в письме к Гримму человека вряд ли стали бы льстить Екатерине.

Императрица, восхищенная великолепием Тавриды, в дни посещения Бахчисарая в 1787 г. посвятила своему герою несколько стихотворных строк в знак признательности за приобретение новых земель:

Лежала я вечер в беседке ханской,
В средине бусурман и веры мусульманской.
Против беседки той построена мечеть,
Куда всяк день пять раз имам народ влечет.
Я думала заснуть, и лишь закрылись очи,
Как уши он заткнув, взревел изо всей мочи...
О, Божьи чудеса! Из предков кто моих
Спокойно почивал от орд и ханов их?

А мне мешает спать среди Бахчисарая
Табачный дым и крик... Не здесь ли место рая?
Хвала тебе мой друг! Занявши здешний край,
Ты бдением своим все вяще укрепляй.

В 1787 г. литератор и издатель Н.И. Новиков выпустил «Родословную книгу князей и дворян российских...». Приобретя ее для библиотеки, Потемкин обратился через своего секретаря В.С. Попова к Николаю Ивановичу с просьбой разыскать сведения о татарских родах в российском дворянстве для «полезного в новоприобретенных провинциях употребления». Эти исторические справки были необходимы князю для лучшего знания местного населения Крыма. В библиотеке Потемкина был «Опыт исторического словаря» (СПб., 1772) Н.И. Новикова, а также большое число книг, изданных просветителем в типографии Московского университета.

Потемкин и сам занимался книгоиздательской деятельностью. В 1787 г. во время путешествия Екатерины II в Крым им была взята из Военной коллегии типография, ставшая для него походной. В ней, кроме указов, необходимых для повседневной работы по управлению губерниями, печатались книги на русском, французском, латинском и греческом языках. Среди изданий этой типографии в библиотеке был, например, «Апостол театр, книга по повелению его светлости князя Потемкина-Таврического, напечатанная в Яссах» (1791). Там же было напечатано предсмертное сочинение самого князя: «Канон спасителю господу Иисусу» (Яссы, 1790). Для походной типографии постоянно запрашивались литеры, а в 1790 г. из Преображенского полка на юг по распоряжению Потемкина были отправлены все граверы. В том же году он предпринял попытку создать описание своего собрания в Петербурге, в связи с чем князь приказал записать в каталог «все книги, сколько есть в библиотеке». Обладая неограниченными возможностями, светлейший умудрился собрать несколько книжных коллекций, кроме Екатеринославской, в своих дворцах — Таврическом и Аничковом.

Известный историк Г.В. Вернадский, разбирая в годы Гражданской войны «Тавельский архив» секретаря Потемкина В.С. Попова, обнаружил в нем черновую рукопись стихотворе-

ния — автограф князя. Оно было написано в виде торжественного приветствия Екатерине II по случаю ее приезда на юг в 1787 г. Сами стихи носят явно незаконченный характер чернового наброска, в рукописи много исправлений и даже не везде соблюден размер. Однако даже эта маленькая находка служит подтверждением глубокого интереса Потемкина к поэзии.

Верный сподвижник обращался к монаршей покровительнице со словами искреннего восхищения и преклонения:

Край силой твоего оружия стяжанны,
Я слабою тростию дерзаю начертать,
Воскресши между скиф,
Где век златы взникает.
Из мертвых зданий разбросанные камни,
Последуя твоему божественному гласу,
В приятный легкий строй
Составят венов Афины.
Народы, коих здесь невежество помрачает,
Те чудом твоего творительна ума
Во общество людей полезных преродятся
И славу дел твоих до облак вознесут.
Потомство, возглася твои благодеяньи,
Возобновит сердец всех благодарность
За щастье данное тобою сей земли
И людям, что людей ты возвратила.
Царица кого Зевс умудрил град создать
И дики племена законом обуздать.

Конечно, даже человек, не разбирающийся в теории стихосложения, согласится, что интересно в этой оде только имя автора. Но с тростью, о которой пишет Потемкин, связан еще один литературный опус. В сентябре 1870 г. сочинитель Д.П. Знобишин обратился к наследнику престола цесаревичу великому князю Александру Александровичу с торжественной одой при поднесении трости, принадлежавшей некогда князю Потемкину-Таврическому. Он, выражая мнение потомков о светлейшем, воспевал дела давно минувших лет и предвещал великое будущее России, стране, где родятся такие герои, как прежний владелец раритета:

Был век, роились исполины
Венчая нас лавром каждый год!
Век дивных дел Екатерины,
В народной памяти живет!

Пред северной ее державой
Никто не смел возвысить речь;
Судьбу царей и царств со славой
Решал Ея победный меч.

В среде бойцов ея могучих,
Сподвижников великих дел,
Один, как молнья грозной тучи,
Державной мыслями владел.

Причудлив, как волна морская,
Тверд, неподкупен, как булат,
Он был, в алмазах весь сверкая,
Солдат и тонкий дипломат.

Ему, смеясь, она вручила
Однажды трость из камыша,
Сказав, «Носи, как я носила!».
И царским даром дорожа,

Той тростью Запорожской Сечи
Он буйство дерзкое смирил;
Был с нею под дождем картечи,
Когда Очаков разгромил;

За вековые мстя обиды,
Ордынцев стер с лица земли;
Дал тростью знак: брега Тавриды
К ногам монархини легли!

Пред тростью сей султан в Царьграде
Дрожал, предвидя смертный час,
Готов молить был о пощаде...
Как гетман вдруг в степях угас.

Упала трость из рук без боя!
Но, в память будущим векам,
Кладу ее, с гербом героя,
Великий князь к Твоим стопам.

Поистине, в этих нескольких строчках поэт отразил всю жизнь Потемкина, его заслуги и значение в судьбе России.

По долгу Потемкин активно использовал знания и опыт русских и иностранных специалистов в области земледелия. Это нашло свое отражение в составе библиотеки, на ее полках достойное место занимала книга А.А. Самборского «Описание практического английского земледелия» (М., 1783). Автор, будучи протоиереем при православной церкви в Лондоне, увлекался наукой о земледелии и стремился распространять новые английские сельскохозяйственные методы по России. Возможно, что это издание князь получил через своего приятеля поэта Василия Петрова, поддерживавшего постоянную переписку с Самборским. С искренним интересом и любовью подбирая растения для своих парков и садов, князь использовал имевшийся у него «Каталог растениям в саду г. Демидова» П.С. Палласа (М., 1781) и «Теорию садового искусства» Хусцвельда на французском языке (1779).

Как вы помните, другой постоянной заботой Потемкина в новых землях было строительство городов. Отсюда его стремление приобретать как можно больше книг по истории и теории архитектуры, а также по планировке европейских городов и дворцовых ансамблей. Многие современные иностранные издания давали пищу фантазии и замыслам светлейшего, основу знаний по архитектуре. В первую очередь это, конечно, французские издания: «Практическая архитектура, которая объясняет главные конструкции частей зданий» Буле (Париж, 1768), «Курс гражданской архитектуры» Блонделя, продолжил Поте (Париж, 1771), «Описание всех интерьеров дворцов Сан-Суси, Потсдама и Шарлотенбурга, содержащие объяснение всех картин, антикварных изделий и других замечательных старинных вещей» Вестеррайха (Потсдам, 1773), «Жизни древних и современных архитекторов, которые стали знаменитыми в различных нациях» Пинжерона (1772). Идеи Потемкина воплощали в жизнь луч-

шие архитекторы Российской империи: М.Ф. Казаков, К. Геруа, И.Е. Старов, И. Егоров, И. Селехов. С необыкновенной энергией работал князь вместе с ними над проектированием Екатеринослава. Причем Потемкин вникал во все мелочи проектирования и, изучив специальные книги, мог послать, например, такую записку архитектору Ивану Старову: «Церкви фасад, соблюдая меру, сделать лучше, особливо предхрамию, одним словом, все фасады переменить. Наместничество было бы не круглое и не замком. Гостиный двор простой без колон, а с арками».

В осведомленности Потемкина в области архитектуры смог убедиться и венесуэлец Франсиско де Миранда. Вечером 8 января 1787 г. князь рассказал заезжему иностранцу о проектах и перспективах Екатеринослава, разработанных французским архитектором Эруэном. Это была фантастическая идея о городе, построенном с древнеримской щедростью и архитектурным вкусом. «Беседуя об архитектуре, — записал вечером Миранда в своем дневнике, восхищаясь просветительской деятельностью вельможи, — мы провели время вдвоем... Этот человек, наделенный сильным характером и исключительной памятью, стремится, как известно, всячески развивать науки и искусства и в значительной мере преуспел в этом».

Увлеченный идеями французских просветителей, одним из лозунгов которых было просвещение народа и распространение полезных знаний, Потемкин активно включился в деятельность своей монаршей покровительницы Екатерины II по увеличению количества учебных заведений в стране. Идея о создании в России разноуровневой системы образования была высказана еще в совместном проекте отцов-основателей Московского университета М.В. Ломоносова и И.И. Шувалова. 17 ноября 1760 г. последовал соответствующий указ императрицы Елизаветы Петровны Сенату. В нем говорилось о необходимости «в знатных городах учредить гимназии, в которых бы обучали нужнейшие европейские языки и первые основания, и при оных гимназиях некоторое число положить учеников записных на содержании казенном, другие могут быть вольные, а по маленьким городам учредить школы, которые будут обучать русской грамматике, арифметике и прочим первым основаниям, а из оных школ станут выходить в гимназии, а из гимназий в Кадетский корпус, в

Академию и в Университет, а из сих трех мест в действительную службу». Таким образом, определялась стройная система непрерывной подготовки государственных служащих, которая была реализована во второй половине XVIII в.

В ходе губернской реформы 1775 г., изменившей систему местного управления на территории Российской империи, Екатерина II решила воплотить в жизнь идею об организации начального образования для детей всех сословий. На вновь учрежденный Приказ общественного призрения была возложена обязанность «попечения и надзирания об установлении и прочном основании народных школ» не только во всех городах, но и в больших слободах. В 1786 г. Екатериной II был утвержден «Устав народным училищам в Российской империи», созданный в результате плодотворной деятельности Комиссии об учреждении народных училищ и членов Академии наук. В городах разрешалось открывать малые (с двухлетним курсом) и главные (с пятилетним курсом обучения) народные училища. В программу преподавания входили чтение, письмо, счет, рисование, краткий катехизис, священная история, чистописание, арифметика, история (всеобщая и русская), география, геометрия, физика, естественная история, архитектура. 12 августа 1786 г. последовал указ Екатерины II «Об открытии народных училищ» в 25 губернских городах России, а затем по указу 1788 г. были организованы училища еще в 14 губерниях. К концу XVIII в. в России открылось 288 малых и главных училищ с общим числом учащихся около 22 тыс. человек, что составило третью часть всех обучавшихся в учебных заведениях России; в них работало 790 учителей. По мере распространения сети народных училищ в этот процесс включались окраинные районы России и новые, присоединенные к империи территории. Создание государственной системы городских школ общеобразовательного характера явилось весьма значительным событием в истории русской культуры и педагогики.

Потемкин охотно подхватил идеи Екатерины о развитии сети учебных заведений, и почти в каждом его доношении или письме к государыне обсуждались практические меры по реализации правительственной политики в этом направлении. Все подчиненные светлейшего прекрасно понимали своего руководителя. Один из

них, Иван Пашков, 6 марта 1789 г. сообщал столь важную для князя и императрицы новость «об открытии в губернском городе Харькове главного народного училища». В одной из бесед с иностранцем Франсиско де Миранда Потемкин рассказал гостю о способности современных греков приобретать знания, подобно древним, отметив, что в гимназии, основанной под патронажем императрицы в Петербурге для обучения юных представителей этой национальности, успеваемость выше, нежели у тех, кто принадлежит к иным нациям. Во вверенных ему землях наместник также учредил несколько национальных учебных заведений, а в пожалованном князю петербургском имении Озерки временно разместил греческую гимназию, планируя ее со временем сделать одной из частей Екатеринославского университета.

В России в это время был только один университет — Московский, и в 1784 г. Потемкин подал Екатерине II проект об учреждении еще одного — Екатеринославского. При нем предусматривалось создание двух академий — художеств и музыки, хирургического училища и народной школы. С этого времени университет стал главной заботой Потемкина, именно ему он предназначал в дальнейшем свою богатейшую библиотеку. С таким предначертанием вельможи, в частности, было связано появление в его книжном собрании большого количества учебной литературы по гуманитарным и естественным предметам, правда, некоторые учебники хранились у него еще со времени занятий в Московском университете.

Просвещенная императрица Екатерина II уделяла большое внимание воспитанию внуков — ведь им предстояло стать во главе государства. Ее сын Павел рос сначала под наблюдением императрицы Елизаветы Петровны. Екатерина в первые сложные годы своего правления не находила для него достаточного времени, и всю свою материнскую заботу она обратила на внуков. Однако императрица имела свое мнение на воспитание и считала, что «при воспитании царственного сына должны быть приняты два начала. Они состоят в том, чтобы сделать его добродетельным и вселить в нем любовь к правде. Это сделает его любезным в глазах Бога и людей».

При Павле Петровиче состоял целый штат нянек и придворных чиновников. При назначенном к нему в 1758 г. Ф.Д. Бехтееве

появился первый, специально составленный для Павла, учебник — «Краткое понятие о физике...» (СПб., 1760), и в том же году был напечатан для мальчика особый календарь с картами Российской империи. Еще 29 июня 1760 г. Елизавета Петровна назначила генерал-поручика Н.И. Панина обер-гофмейстером при Павле. Тогда же 6-летнего цесаревича стали считать достаточно взрослым для того, чтобы приглашать иностранных посланников представляться ему на отдельных аудиенциях.

При вступлении в должность воспитателя великого князя Н.И. Панин представил свое мнение о воспитании Павла, согласно которому оно должно делиться на два периода: до 14-летнего возраста необходимо преподавать ему закон Божий, арифметику, историю и языки русский, французский, немецкий, причем «в начале все обучения не прямою наукою, но больше наставлениями должны быть производимы». Учителями наследника российского престола Павла Петровича были: Остервальд — истории, географии и языков русского и немецкого и Порошин — арифметики и геометрии. Закон Божий ему преподавал архимандрит Платон, а физику и астрономию — Ф.И. Эпинус. Кроме того, были учителя рисования, танцев, фехтования, музыки, декламации.

С женитьбой окончилось воспитание Павла Петровича, что констатировала в письме к нему Екатерина II. Здесь же она писала о моральной ответственности наследника престола и предлагала ему заниматься самообразованием и навыками государственного управления. «Публика смотрит на тебя во все глаза, — обращалась к великому князю Екатерина II, а она — судья строгий. Простолюдье во всех странах не умеет различать между молодым человеком и принцом; и поведение первого слишком часто служит к помрачению славы другаго... Перед публикою ответственность теперь падает на тебя одного, и она жадно будет следить за твоими поступками... О тебе станут судить, смотря по благоразумию или неосмотрительности твоих поступков. Впрочем, обращайся ко мне за советом всякий раз, как найдешь нужным. Я тебе буду говорить правду со всей искренностью, к какой только способна, а ты будешь доволен, выслушав ее. Понимаешь! Вдобавок, чтобы твои занятия, в угоду публике, были значительнее, я назначу час или два в неделю, по утрам, в

которые ты будешь приходить ко мне один для выслушания бумаг. Таким образом, ты ознакомишься с ходом дел, с законами страны и моими правительственными началами. Согласен?»

Для воспитания своих внуков в духе просвещения Екатерина II создала собственную научно-педагогическую концепцию, задачами которой были: «одна — раскрыть ум для внешних впечатлений, другая — возвысить душу, образуя сердце». Полная свобода и никакой изнеженности, строгость в сочетании с любовью и забота о приобретении самых разнообразных навыков — все это входило в систему воспитания, выработанную императрицей.

В 1784 г. Потемкин в послании к Екатерине со знанием дела высказал несколько программных положений о преподавании языков для внуков императрицы Александра и Константина: «Весьма, матушка, хороши и достаточны предписания. Я одно только желал бы напомнить, чтоб в учении языков греческий поставлен был главнейшим, ибо он основанием других. Невероятно, сколь много в оном приобретут знаний и нежного вкуса сверх множества писателей, которые в переводах искажены не столько переводчиками, как слабостию других языков. Язык сей имеет армонию приятнейшую и в составлении слов множество игры мыслей; слова технические наук и художеств означают существо самой вещи, которые приняты во все языки. Где Вы поставили чтение Евангелия, соображая с латынским, язык тут греческий пристойнее, ибо на нем оригинально сие писано». Прислушавшись к авторитетному для нее мнению светлейшего, Екатерина подписала: «Переправь по сему».

Будущий император Александр I рано научился читать и писать, к семи годам он понимал по-немецки, по-французски и по-английски. Ему нравилось обучаться столярному мастерству, красить, клеить, растирать и составлять краски, малярничать; он с удовольствием колол дрова, чистил мебель, ездил верхом, ловил рыбу, занимался фехтованием, исполнял обязанности конюха и кучера; под присмотром садовника он копал землю и ухаживал за садом. Но главное, что отмечала Екатерина, это то, что «все делается по собственному почину и с одинаковым усердием: мы не замечаем даже, что мы все это делаем, потому что нас ни к чему не принуждают». Александр очень любил ба-

бушку, он мог часами находиться в кабинете императрицы и во всем хотел походить на нее.

В 1784 году, когда Александру еще не исполнилось семи, а Константину — пяти лет, Екатерина решила, что мальчики должны «перейти в мужские руки». Выбор пал на князя Николая Ивановича Салтыкова, ему в руководство императрицей была написана специальная «Инструкция», в которой определялись принципы физического, нравственного и умственного воспитания наследников престола.

Императрица-бабушка подобрала блестящих учителей для своего любимого внука. Русскую словесность и историю ему преподавал М.Н. Муравьев — писатель, один из просвещенных людей своего времени; естественные науки — известный ученый, путешественник, академик П.С. Паллас; законоучителем и духовником был знаменитый протоиерей А.А. Самборский, долго живший в Англии, где он стал страстным англоманом; ему было поручено, помимо духовных наставлений, обучать Александра иностранным языкам.

По рекомендации Ф.М. Гримма в 1782 г. в Россию был приглашен швейцарец Ф.С. Лагарп — человек высокообразованный, приверженец идей Просвещения и республиканец по взглядам. Он обучал Александра иностранным языкам и более всего занимался нравственным воспитанием своего ученика. В этой должности он находился 11 лет (1784—1795 гг.). Впоследствии император Александр говорил, что всем, что есть в нем хорошего, он был обязан Ф.С. Лагарпу.

Лично занимаясь воспитанием своих внуков, бабушка специально для них сочинила и составила несколько учебных книг, пособий и сказок; среди них: «Российская азбука» (СПб., 1781—1783); «Выборные российские пословицы» (СПб., 1783), «Сказка о царевне Хлоре» (СПб., 1781,1783), «Сказка о царевиче Февее» (СПб., 1783,1785), «Записки касательно российской истории» (СПб., 1787—1794, ч. 1—6), «Гражданское начальное учение» (СПб., 1783).

Видимо, любознательность внука заставила Екатерину обратиться к самым различным областям науки, литературы и морали, чтобы создать педагогический шедевр, который она сама назвала «Бабушкина азбука великому князю Александру

Павловичу». Почти на каждой странице она приводит мудрые мысли или факты из жизни античных деятелей. В подтверждение своих рассуждений и афоризмов Екатерина использует высказывание знаменитых философов и «мудрецов» — Сократа, Платона, Аристотеля. Просвещенная монархиня в своем послании к подрастающему поколению провозглашала ценности, заимствованные ею в трудах французских энциклопедистов: «Власть поручена единому ради чинения пользы множеству»; «Всяк в обществе живущий подвержен общественным законам»; «Добрые законы направляют действия граждан к добру».

Каталог библиотеки Потемкина дает уникальную возможность высказать некоторые предположения о мировоззрении ее владельца. Кроме греческого светлейший владел французским, итальянским, английским, возможно, польским языками. Будучи глубоко верующим человеком, князь приобретал Библии, речи духовных деятелей, жития святых и другую церковную литературу на разных языках. Среди них редкие издания на латыни: «Божественные Иоанна Златоуста шесть диалогов о достоинстве епископа» (Базель, 1525), «Послание философа Атенагора Афинского в защиту христиан», а также изданная в Москве в 1754 г. «Библия, или История ветхого и нового завета».

В библиотеке был знаменитый свиток из 50 кож с «Пятикнижьем Моисеевым» на еврейском языке, написанный предположительно в IX в. Эта редкая рукопись стала одной из ценнейших в коллекции Потемкина. Ее история имела свое продолжение уже после смерти светлейшего, в первой четверти XIX в. В 1812 г. свиток «Еврейского Талмуда» из тогда уже учрежденного Казанского университета, куда перешли книги князя, была прислана в Санкт-Петербург, в Императорскую Публичную библиотеку с целью снятия с него копии. Внимание к иудейской священной рукописи вновь было привлечено в 1821—1822 гг., когда открылось «Дело управляющего Императорской Публичной библиотеки о возвращении в Казанский университет рукописи Пятикнижия Моисеева, а впоследствии об обмене ее на дублеты библиотеки». В его решении принял непосредственное участие министр духовных дел и народного просвещения, близкий друг Александра I князь А.Н. Голицын. Поскольку в ведении возглавляемого им объединенного министерства находились вопросы

просвещения и религии (иностранных исповеданий), император в октябре 1817 г. своим указом поручил князю рассматривать все дела, касающиеся евреев (кроме судебных), сосредоточенные в Сенате и у министров.

19 ноября 1821 г. Голицын пишет письмо директору библиотеки А.Н. Оленину о просьбе попечителя Казанского университета М. Магницкого вернуть рукопись, оцененную в 30 тыс. руб. 3 декабря Магницкий извещает библиотеку о получении кожаного свитка. Однако уже в начале 1822 г. попечитель Казанского университета через князя Голицына предложил обменять рукопись на какие-либо дублетные материалы библиотеки. В своем письме от 3 марта Магницкий сообщает о древности и необыкновенной ценности свитка, а в следующем послании от 6 мая об этом же пишет и князь Голицын. В ответ директор библиотеки посылает министру доношение, в котором между прочим указывает на завышение объявленной цены документа, «ибо — князь (имеется в виду покойный Потемкин. — *Н.Б.*), при всей известной мне любви к просвещению, не имел требований на имя знатока в древностях еврейских и потому не имел и сведений нужных к тому же, чтоб быть верным ценителем сей рукописи; при том он как человек мог ошибиться сам или быть введен в заблуждение другими». Позиция Императорской Публичной библиотеки, не оценившей по достоинству ни знания Потемкина, ни древнюю рукопись, сыграла свою роль. Министр А.Н. Голицын учел мнение ее руководителя, сообщив письмом в Казань о прекращении дела. Таким образом, еврейский манускрипт из книжного собрания светлейшего остался в Казани, где и находится поныне, оставаясь молчаливым свидетелем собирательской деятельности светлейшего князя и его интереса и внимания, проявленного к иудейской религиозной культуре.

Потемкин имел доступ к книгам Московской Синодальной типографии и Патриаршей библиотеки, каталоги которых были затребованы через него Екатериной II в 1779 г. По предложению князя профессор Московского университета Х. Маттеи составил каталоги этих библиотек на латинском языке, они были напечатаны в 1776 и 1780 гг. В 1781 г. Потемкин обратился к архиепископу Гавриилу с просьбой прислать из московских библиотек книги по приложенному к письму списку. Как со-

общал преосвященному владыке князь, ему было позволено Ее императорским величеством брать «хранящиеся в Синодальной библиотеке для рассмотрения и напечатания книги». В списке затребованных книг труды Евстафия Салунского, Симеона Фессалонийского, Демосфена, стихи Пиндара, трагедии Софокла, комедии Аристофана. Из рукописных книг Потемкина заинтересовали «Летопись державы великих государей российских и о посольстве в другие государства», «Дело Петра, диакона новомещанского, о его ереси и отступлении от церкви восточныя, в разных тетрадях в ящике».

В годы учебы в Москве Потемкин был близко знаком с Московским архиепископом Амвросием Зертис-Каменским. В библиотеке князя была книга А. Попа «О человеке» (М., 1757), цензором которой был архиепископ. В память о нем Потемкин переиздал этот трактат в своей походной типографии в 1791 г. В его собрании были труды представителей русского духовенства: несколько томов «Поучительных слов...» (М., 1779—1805) Московского митрополита Платона, состоявшего с Потемкиным в дружеской переписке, рукопись сочинения протоиерея Успенского собора Александра Левшина «Историческое описание трех главных московских соборов» (издано в 1783 г.). Запись на ней брата автора, Алексея Левшина, говорит о том, что рукопись была преподнесена Екатерине II, а та, вероятно, передала ее Потемкину, как знатоку. Таким образом, часть книг и рукописей в библиотеке князя изначально могли принадлежать императрице. По заказу князя протоиерей П.А. Алексеев, познакомившийся с Потемкиным еще в годы преподавания богословия в Московском университете и известный как автор «Церковного словаря», написал «Исторический словарь всех еретиков и раскольников». Книга эта, как писал Алексеев князю: «Не только для духовных, но и для светских начальников весьма полезна». В 1786 г. Потемкин просил губернатора Черниговского наместничества А.С. Милорадовича посодействовать ему в приобретении библиотеки скончавшегося архимандрита Паисия. Покупка, видимо, не состоялась, а книги попали в церковные учреждения Чернигова.

Особенно увеличилась библиотека и ее ценность после присоединения к ней части книжного собрания Евгения Булгариса (1716—1806 гг.). Знаменитый греческий духовный писатель и пе-

дагог в конце 60-х годов получил предложение перевести с французского на греческий язык «Наказ» Екатерины II (изданный в 1771 г.). В этом же году, по рекомендации Фридриха Великого, Е. Булгарис приехал в Россию и получил должность придворного библиотекаря императрицы. В 1775 г. он был назначен архиепископом Славянским и Херсонесским. Трудно точно датировать начало участия Е. Булгариса в «библиотечном проекте» Потемкина для Екатеринославского университета. Возможно, что часть потемкинской библиотеки сначала помещалась в Херсоне, и архиепископ начал работать в ней или официально как библиотекарь, или неофициально как читатель, часто посещающий ее. Точно не известно также, когда Е. Булгарис окончательно решил продать свои книги князю, вероятно, библиотеки сначала были объединены в Херсоне, и продажа стала необходимой, когда архиепископ покидал город в связи с отъездом в Петербург в 1789 г. Последующая переписка между Е. Булгарисом и Потемкиным показывает, что князь согласился заплатить за библиотеку довольно значительную сумму 6000 р.

Потемкин проявлял живой интерес к истории России и других стран, что было характерно для русского общества второй половины XVIII в. Книги такого содержания были собраны в библиотеке известного историографа Г. Ф. Миллера, управляющего Московским главным архивом Коллегии иностранных дел. В 1779 г. князь М.М. Щербатов, хорошо знавший ценность книжного собрания историографа, вел с ним переговоры о покупке его библиотеки для Потемкина. 18 апреля Щербатов сообщил князю: «...я старался его (Миллера. — *Н.Б.*) уговорить о продаже его библиотеки списков вашей светлости, на что он мне сказал, что его библиотека, как списки, так и печатные книги, в которых действительно много редких книг есть, так между собой соединены, что их одних без других продать неможно...» В результате архив и библиотека Миллера еще при его жизни были куплены для Московского главного архива Коллегии иностранных дел. Из посланного Екатерине II «Объяснения» историографа о составе своей библиотеки можно понять, чем она заинтересовала Потемкина. Здесь, кроме книг по истории России и соседних государств, были сочинения по юриспруденции, медицине, философии, манускрипты, родословия, копии писем и бумаг Петра Великого. Не сумев приобрести собрание

Миллера, Потемкин постарался восполнить свою библиотеку такими же книгами, но из других источников. Так у него появилось многотомное издание «Древней истории» Шарля Роллена (СПб., 1749—1762), «История о Александре Великом» Квинта Курция Руфа (СПб., 1750), «Опыт исторического доказательства о происхождении россиян от арарартцев...» И. Г. Дрюммеля (СПб., 1785) и др. Из книг русских историков у него были «Краткий российский летописец с родословием» М.В. Ломоносова (СПб., 1760), «Примечания на историю древния и нынешния России Г. Леклерка» И.Н. Болтина (СПб., 1788), «Начертание общего топографического и физического описания Российской империи» (СПб., 1778). Из «Россики» — произведений иностранных авторов о России, собранной Потемкиным, можно назвать два тома «Жизни Петра Великого» (Венеция, 1737) на греческом языке и «Историю России» П.Ш. Левекка (Париж, 1782) на французском языке.

Как и многие другие известные деятели второй половины XVIII в., Потемкин испытывал особый интерес к эпохе Петра I. В его книжном собрании были первые книги гражданской печати: «Рассуждение, какие законные причины его величество Петр Великий к начатию войны против короля Карла XII Шведского в 1700 году имел...» (СПб., 1716), «Регламент Петра Великого о управлении Адмиралтейства и верфи» (СПб., 1722) и др. К ним же примыкают «Слова и речи...» сподвижника Петра I Феофана Прокоповича (СПб., 1760—1774, Ч. 1—4). Ко времени Петра I относятся и рукописные сборники из собрания князя: «Указы Петра Великого 1702 г. о лесах» (копии), «Путешествие стольника Петра Толстого по Европе... 1697 года» (подлинник). В рукописном собрании было много исторических сборников, включающих в себя исторические и историографические сочинения, а также указы, родословные таблицы, гербовники (представленные в подлинниках или в копиях). Интересно, что попавшая к Потемкину рукопись «Собрание фамильных гербов...» была в 1785 г. поднесена автором А. Князевым Екатерине II, а та в свою очередь, как это нередко бывало, подарила ее князю.

Большой раздел в библиотеке Потемкина занимали книги по истории отдельных стран, среди них особенно много было на французском языке. Это труды не только по истории Фран-

ции, но Греции, Египта, Африки; исторические и топографические таблицы; карты и атласы. Можно назвать такие книги, как: «История расцвета и падения Римской империи» Эдварда Гиббона (Лондон, 1781), «История Англии» Голдсмита (Лондон, 1740) на английском языке, «История польского народа от начала Христова» на польском. По этой же тематике Потемкиным приобретались и переводы зарубежных авторов на русский язык: «Королевство Венгерское с приобщенными к оному землями» А. Ф. Блюминга (СПб., 1774), «Историческое и географическое описание царства Арапского» (СПб., 1786).

С достаточной полнотой в библиотеке князя представлены сочинения выдающихся мыслителей эпохи Просвещения. Невзирая на запрещение «Эмиля» и на нелюбовь Екатерины II к деятельности Ж. Ж. Руссо, переводы его произведений появлялись в России довольно часто. Были они и у князя. Это две книги — «Рассуждение» и «Слово похвальное». В 1782 г. к Потемкину обращался Гальен де Сальморан, издатель «Российского Меркурия», с предложением приобрести у него рукописи Вольтера. Потемкин отказался от покупки, видимо, его удовлетворяли имеющиеся у него опубликованные сочинения писателя на французском языке: «Карманный философский словарь» (Лондон, 1764), «Вопросы для энциклопедии» (Лондон, 1771—1772) и некоторые другие. Была у Потемкина и знаменитая просветительская «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел» (35 т., 1751—1780) на французском языке. Будучи глубоко верующим человеком, Потемкин отличался большой веротерпимостью: он помогал, оказывал покровительство и состоял в переписке и с представителями различных конфессий. Возможно, эта веротерпимость являлась как раз следствием влияния идей эпохи Просвещения на мировоззрение могущественного фаворита и крупного политического деятеля. Произведения Вольтера, Дидро, Руссо и других энциклопедистов в библиотеке Потемкина, а также анализ его государственной деятельности и методов управления Северным Причерноморьем дают право предположить, что многие идеи Просвещения он пытался реализовывать в жизни. Это и принципы формирования местного управления, и деятельность по распространению просвещения: устройство школ, гимназий, Екатеринославского

университета и др. Вслед за деятелями эпохи Просвещения, Потемкин искренне считал, что образование и просвещение оказывают благотворное влияние на формирование человека.

Президенту Военной коллегии и реформатору русской армии, конечно, были необходимы книги по военному делу, такие как: «Военные формы войск Франции и иностранных государств пехоты, кавалерии, гусаров, драгунов в правление Людовика XVI», «План (новый) и проект усиления защиты и нападения на местности, с иллюстрациями» Ландсбергена на французском языке, «Истинный способ укрепления крепостей и городов по способу Вобана» (СПб., 1786). При создании Черноморского флота Потемкин также обращался к опыту иностранных специалистов, который он находил в книгах своей библиотеки: «Элементы навигации» Робертсона в 2-х томах на английском языке, «Военный мореплаватель» Н.П. Озанна (СПб., 1788), «Атлантида Нептуна о мореплавании и судовождении англичан», «Учебник морской, где объясняются морские термины» Бурде (1773) на французском языке.

Библиотека Потемкина — государственного деятеля — отличалась от многих современных ей значительным количеством русских и иностранных книг по физике, математике, астрономии и другим естественным наукам. Среди них распространенный в России в XVIII в. учебник Г.Ф. Крафта «Краткое начертание физики» (СПб., 1787), «Элементарные части оптической системы» Смита на английском языке, «Математические элементы» Сегнера (1767) на греческом языке, «Астрономия» Ланда (Париж, 1744) на французском языке. Об интересе Потемкина к новым достижениям науки свидетельствует имевшееся у него на французском языке «Описание опытов с аэростатической машиной Монгольфье» (1784). Любопытно, что среди его бумаг оказалось и печатное объявление о «представлении метода» Монгольфье в доме княгини Шаховской на Поварской улице в Москве. Будучи на юге России, Потемкин хвалился одному из иностранных путешественников, «что здесь также проводятся эксперименты в области аэростатики».

Имевшиеся в библиотеке любовные романы, повести и другая беллетристика говорят о том, что Потемкин любил и развлекательное чтение. Среди книг этой тематики были издания на мно-

гих европейских языках, а также переводы и сочинения русских авторов. Князь приобрел такие популярные в русском обществе второй половины XVIII в. издания, как «Вальмье. Истинное приключение» Ф.Т.М. Арно (СПб., 1790), «Мессия» Ф.Г. Клопштока (Ч. 1—2, М., 1785—1787), «Жизнь и похождения российского Картуша» (СПб., 1786) и др.

Книжная коллекция Потемкина органично вписывалась в общий контекст культуры Екатерининской эпохи и в то же время имела свои особенности, связанные с ее целенаправленным собиранием для университета. Тенденции просвещения, интерес к окружающему миру, науке, характерные для того времени, нашли отражение в подборе книг. Библиотека Потемкина — это собрание человека образованного, ищущего, размышлявшего над проблемами современного ему мира и принимавшего участие в решении важных политических вопросов в жизни России.

Внезапная смерть Потемкина 5 октября 1791 г. по дороге из Ясс в Николаев не позволила князю распорядиться своим имуществом и любимыми книгами. Заботу о них взяла на себя Екатерина II. Библиотека в это время находилась в «Кременчугской круглой каменной палате», куда она была перевезена из Херсона, видимо, еще при жизни князя. После составления описи по именному распоряжению императрицы библиотека была передана в Екатеринославский приказ общественного призрения.

После указа Павла I о передаче книжного собрания Потемкина Казанской гимназии в Новороссийск был послан учитель немецкого языка Богдан Линкер, ставший первым хранителем заведенной в 1800 г. библиотеки гимназии. Ему была дана специальная инструкция, в ней излагались подробные указания о сохранении книг во время перевозки. По рапорту Б. Линкера директору гимназии П.А. Соколову от 28 марта 1799 г. «библиотека, собрание металлов, минералов и картин на 18 подводах» были доставлены в Казань. Некоторое количество книг из библиотеки Потемкина было все-таки оставлено Екатеринославской гимназии. 2 июня того же года квартирмистр Волков подал в контору Императорской Казанской гимназии рапорт о том, что «казенная библиотека, не разобранная, в тридцати трех ящиках под моим присмотром принята и помещена в нанятом для про-

живания чиновников гимназии у госпожи Чичаговой доме, где ныне хранится за моим замком».

В марте 1800 г. наконец приступили к устройству шкафов, полок и учету поступивших книг. Оказалось, что недостает 79 книг и эстампов. По этому поводу И. Хорвату, бывшему в 1794—1797 гг. Екатеринославским губернатором, был послан срочный запрос. Дело получило огласку, и ему пришлось объяснять утрату книг в Министерстве императорского двора. И. Хорват писал, что «библиотеку, принадлежавшую князю Потемкину, нашел в Екатеринославле разбросанную без описи, а множество книг и сгнившими от сырости, что она тогда возима была из одного места в другое, и что всякий брал кому что нравилось». В свое оправдание Хорват писал также, что он «не имел времени по служению... в том краю упражняться в чтении книг и рассматривании эстампов». Положение Хорвата усложнялось и тем, что его обвиняли в захвате казенных земель и поселении там крестьян. В ответ на постоянные напоминания из Казани о пропавших книгах Хорват сообщал о том, что он пытался русские издания «прикупить в Москве», а иностранные выписать из «чужих краев». Тяжба Казанской гимназии с Хорватом продолжалась несколько лет. Чиновник отклонил от себя всякую ответственность за потерянные книги, и решение этого дела было отложено, а потом, видимо, и забыто.

В 1806 г. библиотека Потемкина (1737 названий в 4022 переплетах) была передана из гимназии в открытый Казанский университет и соединена с книгами, подаренными надворным советником В. И. Полянским. В 1821 г. библиотекарем П.С. Кондыревым была составлена общая опись фонда университетской библиотеки. В ней рядом с названиями сочинений есть пометы: «ПТ», «ПЛ», «Купл.», которые означают: 1) книги, поступившие с библиотекой бывшего князя Потемкина-Таврического; 2) книги, подаренные Полянским; 3) книги, купленные самой гимназией или ей подаренные. По данным этой описи, действующей и сейчас, в Казанском государственном университете хранится собрание книг Потемкина, состоящее из 1065 сочинений на иностранных языках, 106 на русском, 34 рукописи и 114 эстампов и чертежей.

На этом история библиотеки не заканчивается. В Аничковом дворце Потемкина за годы его владения собралась небольшая коллекция книг князя. В 1794 г. по распоряжению Екатерины II архитектор Е.И. Соколов перестроил дворец для размещения Кабинета Ее императорского величества. В составе библиотеки при Кабинете находились и книги Потемкина, приобретенные императрицей вместе с дворцом. В январе 1827 г. библиотека князя Потемкина вместе с принадлежащими к ней эстампами была передана из Кабинета «библиотекарю при Эрмитаже господину Седжеру». При этом около 100 французских и русских изданий осталось при Кабинете Его императорского величества Николая I. Среди них труды по физике, механике, военному делу, истории.

Кроме этого книжное собрание было и в знаменитом Таврическом дворце. Потемкин охотно предоставлял книги для чтения своим друзьям и сподвижникам, и мы даже можем назвать некоторых из них. Например, его ближайший сотрудник Фалеев из Николаева получил от князя не одну иностранную книгу. Книги, хранящие память вельможных рук, быть может, сейчас пылятся в какой-нибудь из библиотек России или Украины. Можно только надеяться, что благодарные потомки, для которых собирал свою книжную коллекцию выдающийся государственный деятель, смогут по достоинству оценить его заслуги в области просвещения.

Интересы князя, художественные и литературные пристрастия этого одного из самых могущественных и богатых вельмож конца XVIII века оказали огромное влияние на его государственную деятельность и во многом на развитие российского общества. При этом образ ленивого и неспособного фаворита постепенно сменяется на совершенно другой — образованного и способного государственного мужа, достойного представителя «просвещенного» века Екатерины II. Конечно, на первом месте для Потемкина всегда были государственные интересы, но причастность князя к культурной жизни России эпохи Просвещения была довольно ощутимой, он участвовал в формировании вкусов, разбирался в литературе и искусстве.

Глава 16. ЖЕНЩИНЫ СВЕТЛЕЙШЕГО

С раннего детства Григорий Александрович Потемкин был окружен вниманием, любовью, заботой и теплом матери и старших сестер. Став фаворитом Екатерины II и достигнув вершины карьеры, он сумел позаботиться о племянниках и племянницах, дал им образование, устроил при дворе, выгодно женил и выдал замуж. Милость и расположение императрицы распространились на всех родственников любимого и достойного фаворита. Племянницы Потемкина стали прекрасными женщинами, ими восхищались, а некоторые придворные дамы даже завидовали им.

У шестого, самого младшего ребенка в семье Александра Васильевича и Дарьи Васильевны Потемкиных — Григория — было пять сестер, одна из которых, Надежда, умерла в 19 лет. Самая любимая сестра Марфа (возможно, что в крещении Елена. — *Н.Б.*) была замужем за ротмистром Смоленской шляхты Василием Андреевичем Энгельгардтом. От этого брака родилось шесть дочерей: Анна (самая старшая, к этому времени уже вышла замуж за Михаила Жукова), Александра, Екатерина, Варвара, Надежда, Татьяна и сын Василий.

В начале июля 1775 г. в Москве Григорий Александрович получил письмо от шурина, незадолго перед этим овдовевшего, о решении вверить судьбу юных дочерей в руки стремительно набиравшего силу фаворита. На небольшом листе бумаги Потемкин прочел: «...приношу мою чувствительнейшую благодарность за милость Вашу к оставшим, сущим без призрения, сиротам, которым прошу быть милостивым и заступить Марфы Александровны место, вспоминая ее к Вам... любовь. По приказанию Вашему я их к матушке пришлю». Вскоре пять «девиц Энгельгардтовых» из скромного смоленского имения приехали к бабушке. Императрица, оказавшая знаки монаршей милости матери фаворита сразу по приезде в Москву на коронацию, близко к сердцу приняла судьбу девушек и уже 10 июля написала Потемкину: «Матушке твоей во утешение объяви фрейлинами, сколько хочешь, из своих племянниц». Мать его Дарья Васильевна в 1776 г. была пожалована в статс-дамы и получила украшенный бриллиантами портрет императрицы для ношения на лифе платья, а племянницы — раз-

личные придворные чины: Александра 10 июля 1775 г. назначена фрейлиной, 24 ноября 1777 г. она стала камер-фрейлиной, 12 ноября 1787 г. — статс-дамой, а 1 января 1824 г., уже при императоре Александре I, — обер-гофмейстериной; Екатерина получила фрейлинский ключ в 1776 г., 17 августа 1786 г. она уже статс-дама, 18 апреля 1809 г. племянница Потемкина была удостоена награждения единственным в России дамским орденом Св. Екатерины, и 1 января 1824 г. ей дана должность гофмейстерины; Варвара и Надежда были пожалованы во фрейлины в 1777 г., а Татьяна — 11 декабря 1781 г.

Любовь к сестре светлейший перенес на своих племянниц, они были представлены ко двору и стали его украшением. Девушки отличались красотой, и существует предание, что, когда они навещали дядю, он дарил каждой по червонцу, а Екатерине Васильевне — бриллианты. Самая старшая из них, Александра (1754—1838), вошла в интимный кружок императрицы и стала ее доверенным лицом. Проведя детство и юность в провинциальной Москве у своей бабушки Дарьи Васильевны Потемкиной, Александра трудно осваивалась в высшем обществе. Ее современник Вигель, что случается нередко с мужчинами, достаточно едко говорил об этой женщине: «Старшая из них уже неспособна была к принятию блестящей образованности екатерининского двора, но, имея ум, характер, бывши в самых тесных связях с всемогущим своим дядею, она облеклась в какую-то величественность и ею прикрывала недостатки своего воспитания... Она не роза, но жила близ нея, и отпечаток величия Екатерины долго еще блистал на ней».

В декабре 1775 г. красавица Александра уехала вместе с двором в Петербург, где началась новая для нее жизнь. Страстный роман Потемкина с императрицей шел на убыль, и 36-летний дядя особо расположился к племяннице, которой в 1776 г. исполнилось 22 года. Что это было — распущенность тогдашних нравов и могущественного вельможи, выдумки придворного света, необычное проявление «отеческой любви» дядюшки — кто даст ответ. Не исключено, что страсть Потемкина к Александре, стройной брюнетке с выступающими скулами, умными голубыми глазами, большим чувственным ртом, изящным носиком, могла охладить чувства к нему Екатерины II и привести к отставке

князя из покоев фаворита в Зимнем дворце. Кто может дать ответ, перешел ли дядя грань отеческой любви к племяннице, или то, что придворными воспринималось как разврат в семье Потемкина, было лишь видимостью, превратным толкованием близости фаворита и Александры Энгельгардт. Ее письма полны искреннего почтения к Григорию Александровичу, она обращалась к нему: «папа мой родной», «папа родной сударик», «батюшка мой родной».

Не исключено, что Александра Энгельгардт искренне привязалась к дяде и он стал ее первой настоящей любовью. Как часто случалось в семьях прошлого, да и, наверное, сейчас такое возможно, дядюшки вступали в близость с племянницами, дальние родственники заключали браки. Исторические анекдоты и действительные факты дают нам богатую пищу для размышлений о нравственной жизни общества. Без ложной скромности следует признать, что, вполне вероятно, Потемкин мог состоять в интимной близости с кем-то из своих племянниц. Не исключено, что это воспринималось как некое продолжение отеческой любви и покровительства. Если это было, то, несомненно, по обоюдному согласию. Вне зависимости от любовной связи в течение всей своей жизни дядюшка заботился о судьбе племянниц, удачно выдал их замуж, крестил многочисленное потомство «девиц Энгельгардтовых» — словом, психологический климат в семействе Потемкиных отличался особой нежностью и привязанностью многочисленного потомства сестер князя к своему могущественному и высокопоставленному родственнику.

Вскоре при дворе поползли слухи о том, что развратный и беспринципный князь соблазнил всех сестер Энгельгардт. Иностранные дипломаты собирали все имеющиеся сплетни о домашней жизни Потемкина, сопровождая их своими домыслами и оценками. «Способ, каким князь Потемкин покровительствует своим племянницам, — писал в Версаль Корберон, — даст вам понятие о состоянии нравов в России», а для того, чтобы подчеркнуть всю аморальность поведения фаворита, дипломат добавлял: «Одной из них всего двенадцать лет, и ее, без сомнения, ждет та же участь». Российские сановники также с удивлением наблюдали за приватной жизнью могущественного вельможи, а Семен Воронцов писал своему приятелю Кочубею о том, что

«...князь Потемкин устроил гарем из собственной семьи в императорском дворце, часть которого он занимал».

На Александру при дворе вскоре стали смотреть, как на влиятельную персону, вхожую и в гостиную фаворита, и в кружок императрицы. Осенью 1778 г. осведомленный английский посланник в одном из своих первых донесений в Лондон писал о сохранившем могущество Потемкине, старшая племянница которого «приобрела над ним еще большую власть». «Эта молодая особа, — характеризовал ее англичанин, — весьма приятной наружности, богато одаренная от природы, обладающая редким искусством для ведения придворных дел». Спустя два года, когда Петербург задумал посетить племянник и наследник короля Пруссии Фридриха II, представитель этой страны в России граф фон Гёрц представил ему характеристику самых заметных придворных Екатерины. Здесь он не преминул указать на влияние и репутацию племянниц Потемкина: «Камер-фрейлина (Александра. — *Н.Б.*) и другая девица Энгельгардт (возможно, Варвара или Татьяна. — *Н.Б.*), две особы, которым весьма важно оказывать внимание довольно заметное, в особенности старшей. Обе они очень красивы и кажутся даже любезными. Для принца нетрудно будет всегда оказывать им приветливость, и я думаю даже, что он не почувствует никакого отвращения ими овладеть».

Потемкин, особо расположенный к старшей племяннице, задумал выгодно выдать ее замуж. Из многих претендентов был выбран граф Франциск-Ксаверий (в России Ксаверий Иванович) Браницкий (1739—1817), великий коронный гетман польский, поступивший на русскую службу. Этот брак был выгоден обоим. Потемкину был нужен сильный союзник в Польше, где он получил обширные владения после первого раздела этой страны Россией, Пруссией и Австрией в 1772 г. Браницкого (он был старше своей избранницы на двадцать три года), в свою очередь, такой брак приближал к русскому двору. Пышная свадьба состоялась 12 ноября 1781 г. в церкви Зимнего дворца, при этом молодая Браницкая была пожалована в статс-дамы. Франц Ксаверий с юных лет отличался веселым нравом и мужеством. Способный и ловкий, каким его считали современники, Браницкий прожил все свое родовое состояние, но на жизнь

смотрел как философ: сколько в ней пользы, столько она доставляет удовольствия.

Александра Васильевна и после брака не прерывала связи с русским двором. Она проводила в Петербурге целую зиму, уезжая на лето в обширные имения своего мужа в Южной России. Ему в приданое Александра Васильевна принесла имение Белую Церковь, причем раньше оно было центром земельных владений Браницких, а уже затем его приобрел Потемкин. Племянница писала дяде, оправдывая свое пребывание в далеком имении намеками на семейные обстоятельства: «Благодарю Вас, мой родной батюшка, что написали приятное известие, что государыня изволила милостиво обо мне говорить, а что изволит удивлятца, што я живу в Белой Церкви, а если б изволила знать наши опстоятельства, то инова нечево делать, как сидеть в такой глуши... Прости, мой сударик, люби меня всегда, то Сашенька будет покойна. Целую ручки твои и ношки».

Екатерина II милостиво относилась к Браницкой: она действительно смогла стать доверенным лицом императрицы, сохранилась переписка, свидетельствующая об их привязанности друг к другу. Екатерина в своих письмах благодарила за послания статс-дамы по поводу торжеств, сама поздравляла Александру Васильевну с днем рождения, с рождением детей; особенно Екатерина II просила ее заботиться о здоровье Потемкина, беречь его. Вскоре после того, как Браницкая покинула столицу, 20 июня 1782 г. императрица писала к ней: «Графиня Александра Васильевна! Письмо Ваше я получила здесь, в Царском Селе, и с удовольствием из оного усмотрела, что из памяти Вашей не исчезло прежнее Ваше бытье при мне и в здешнем месте. Желаю, чтоб и теперешний Ваш жребий к удовольствию Вашему служил». Забота императрицы особо проявлялась в посланиях, связанных с рождением детей статс-дамы, внучатых племянников светлейшего. В феврале 1783 г., за несколько дней до рождения первенца в семье Браницких, императрица шутливо укоряла Александру Васильевну: «Долго ли это будет, что ты, мой свет, не родишь? Кто слыхал, что целый год брюхата! Знатно, это мода польская; а у нас на Руси более девяти месяцев на то не нужно. Опомнись, душа. Ведь ты не вовсе полька, ведь ты смолянка. Но, как бы то ни было, будь здорова и, буде можно, расстанься

с беременностью». Еще не получив этого распоряжения, Браницкая родила первенца — сына Владислава. Екатерина охотно приняла прошение Ксаверия Ивановича «быть восприемницею сына вашего от Святого крещения» и поручила фельдмаршалу П.А. Румянцеву присутствовать на обряде вместо нее. В подарок Екатерина послала крестнику детское платьице, фасон которого придумала для своих внуков.

Привязанность племянницы к Потемкину сохранялась долгие годы, при любой возможности она старалась быть рядом с ним, как это случилось во время путешествия Екатерины в 1787 г. на юг. Она, единственная из родственников, присутствовала при смерти князя, и он окончил земной путь на руках Александры. Кроме этого, племянница была «политическим агентом» своего дядюшки. В подробных письмах наряду с известиями о своей жизни и здоровье детей она сообщала Потемкину о важных событиях в Польше и за границей. Александра часто писала дяде и о жизни своих сестер.

В январе 1785 г. счастливая Александра сообщила Потемкину о рождении сына Александра, она пишет, что выполнила распоряжение императрицы: «...я приказание ее исполнила, она изволила приказывать мне еще одна родить». В приписке переполненная материнскими чувствами племянница добавляет: «Алексаша мой родился 3 четверти и один вершок, очень мальчик хорошей». Екатерина II снова стала крестной матерью. 14 февраля она ответила Александре Васильевне: «...Желая быть восприемницею новорожденного сына Вашего, поручила я генералу-поручику Гудовичу исполнить сей обряд от лица моего. Князь Григорий Александрович уведомит Вас, что я, пожаловав сына Вашего в прапорщики гвардии, приказала его причислить в Преображенский полк...»

Известия о племяннице Потемкин часто получал от дальнего родственника и верного сотрудника Павла Потемкина. В марте 1785 г. в своем письме он пишет о получении от нее весточки и упоминает о распоряжении светлейшего — «ведаю, что Вам не угодно было, чтоб она приезжала сюда, но она пишет, что, узнав о болезни Вашей, спешит ехать в Петербург и уповательно уже в дороге. Чего для поспешаю поднести, батюшка, Вам письмо ея и доложить, что прикажите написать к ней».

Видимо, не столь поспешно Александра Васильевна решила реализовать свое намерение, и в апреле того же года в ответ на поздравительное послание дядюшки она послала ему большое полное признательности письмо. В нем были и новости от сестры Екатерины. «Я не знаю слов найти, батюшка родной, — писала Александра, — как изъяснить Вам мою благодарность. Сударик папа, верьте, что Вы делаете для тех, который умеет чувствовать всю силу твоей милости. Как бы Вам, папа родной, самому было приятно нас видеть на тот час, когда Вы милость государыни матушки получили. Я намерена в мае тотчас после крестин ехать в Петербург, как Вы приказываете, сударик мой...». Сожалея о том, что разминется с дядей в столице, Александра писала, что хотела взять с собой сына Владислава — «как бы Вы его полюбили, когда увидели. Мальчик прекрасный и очень забавен». «За перстень, — продолжала племянница, — цалую Ваши ручки... Катинке я вчера писала, что вам неугодно, чтоб она к тебе переписку слала, и верно, папа, она прервет, я уверена... во всяком письме она пишет ко мне об Вас, как она Вас любит и привязана, что нельзя более и стоит, чтоп Вы ея любили. Прости, мой батюшка родной, цалую ручки твои и пребуду паслушная дочь». В августе 1786 г. она снова просила дядюшку быть восприемником дочери.

Пятилетнего Владислава Потемкин и Екатерина смогли увидеть во время путешествия на галерах из Киева в Кременчуг в 1787 г. Императрица была довольна крестником, о чем написала в Петербург к Николаю Ивановичу Салтыкову, ответственному за воспитание внуков Екатерины Александра и Константина: «Я здесь забавляюсь с маленьким пятилетним графом Браницким. Мать, насмотрясь, как содержали великих князей, точно наблюдает с своим сыном мои правила, и то столь удачно, что сей мальчик не только прекрасен собой, но при том таков, как только по его летам желать можно: здоров, не упрям и такого свободного обращения, как будто с нами век жил; отнюдь не дик, не боязлив, но умен и весел, так что, кто его увидит, всякий к нему привяжется».

С большой критикой относились к Александре Браницкой придворные вельможи. Безбородко 29 июля 1785 г. писал Семену Романовичу Воронцову в Англию о встрече с племянницей Потемкина на юге России: «Мы застали здесь Браницкую с разными

жалобами и претензиями. Излишне мне вам сказывать, сколько ею скучают и сколько желают, чтоб она отправилась обратно. По ее просьбам, и можно сказать основательным, ничего делать не хотели; но я употребил в пользу само желание, чтоб она скорее ехала и тем предуспел в ее пользу». Несмотря на такие высказывания, все были любезны с родственницей могущественного Потемкина.

Александра при любой возможности навещала дядюшку. Во время ее приезда в 1788 г. в Елизаветград она так тяжело заболела, что Потемкин опасался за ее жизнь. 19 мая он написал императрице: «У нас Александра Васильевна отошла было на тот свет, но вдруг и неожиданно Бог помог». В сентябре того же года Александра и ее сестра Екатерина Васильевна Скавронская уже в лагере светлейшего под Очаковым.

В следующий раз Браницкая приехала в военный лагерь накануне штурма Измаила. Даже в эти напряженные дни в ставке не прекращались празднования. Кроме общественных балов, бывавших еженедельно по два или три раза, у светлейшего каждый день собиралось избранное общество в двух маленьких великолепно убранных комнатах. В них «красовался вензель той дамы, в которую князь влюблен»», писал один из участников этих собраний граф Григорий Иванович Чернышев князю Сергею Федоровичу Голицыну — мужу племянницы Потемкина Варвары. Он передает родственнику князя интимные моменты из жизни военного лагеря, называя вместо имен только инициалы: «Впрочем, Бог знает, чем все это кончится, ибо ждут Браницкую, и уже послан офицер встречать ее. Госпожа Л. должна немедленно приехать и везет с собою молоденькую девушку лет 15 или 16, прелестную как амур. Говорят, что это П., но не знаю которая; не П. ли это, жившая при Дворе вместе с М.? Как бы то ни было, князю готовят жертву, которую добыл генерал Львов».

Жизнь Браницкой изменилась только с воцарением Павла I. Она удалилась в свое поместье Белую Церковь, где и прожила почти безвыездно до самой смерти. Обладая громадным состоянием, Браницкая отличалась широкой благотворительностью, что было присуще и ее детям.

Любимая племянница Потемкина оказалась связующим звеном между ним и семьей Воронцовых (их причисляли к

противникам князя при дворе Екатерины II). Одна из дочерей Александры Васильевны, Елизавета (1792—1880), вышла замуж за сына Семена Романовича Воронцова, Михаила. Их свадьба состоялась в апреле 1819 г. в Париже, где они находились в это время. Племянники Потемкина и их дети состояли в постоянной семейной переписке. Внук сестры фаворита Марии Александровны Самойловой (урож. Потемкиной), Николай Александрович Самойлов, в 1824 г. сообщал о своей помолвке Владиславу и Елизавете Браницким. Его отец, Александр Николаевич, часто писал Александре Васильевне Браницкой.

После смерти Потемкина между его наследниками возникли разногласия по вопросу о разделе имений в Польше. Браницкие претендовали на них полностью «по правилам и по законам Польским», как писала Александра Васильевна в прошении Екатерине II. Кроме того, она называла еще одну вескую причину: семья Энгельгардтов была наиболее близка к Потемкину и любима им. А.Н. Самойлов, представитель другой ветви, просил императрицу разделить все поровну между детьми сестер князя. В одном из своих писем П.В. Завадовскому граф А.А. Безбородко с иронией охарактеризовал поведение наследников: «Они уже изрядный опыт своего сребролюбия оказали, когда при приуготовлениях к погребению жаловались Браницкая и Энгельгардт, что много издержано понапрасну».

По распоряжению Екатерины II, которое последовало в 1794 г., имения в Белоруссии и Польше (оставшиеся за разделом российских) должны были быть поделены на три части по смерти сестер Потемкина их детям. Родовое имение — село Чижево, где родился Потемкин и его сестры, — перешло в XIX в. к внуку Александры Васильевны Браницкой Владиславу. В 1856 г. он решил исполнить давнюю волю своей бабушки и освободить крестьян от «прав помещичьих», представив «право и неограниченную власть» в ведении этого дела своей родственнице Елизавете Ксаверьевне Воронцовой. В 1858 г. жители Чижево были освобождены с обязательством выплачивать ежегодно на нужды храма в селе 143 рубля серебром.

Название еще одного имения Потемкина тесно связано с именем Михаила Семеновича Воронцова. В 1824 г. он приобрел местечко Алупка на берегу Черного моря, принадлежавшее в

конце XVIII в. Потемкину, им же был основан великолепный Алупкинский парк, поражающий своей архитектурой и до сих пор.

Много сил приложила Александра Васильевна Браницкая, чтобы увековечить память своего дяди. После смерти Потемкина Екатерина II распорядилась воздвигнуть ему монумент в Херсоне, но не успела. В 1801 г. граф А.Н. Самойлов и Энгельгардты обратились уже к Александру I с просьбой разрешить им поставить монумент Потемкину в Херсоне и выстроить там же дом призрения для черноморских служителей. По приказанию императора было назначено место в городе и даже представлены планы, но, вероятно, из-за несогласованности наследников дело застопорилось. В 1823 г. этот вопрос возник вновь. Речь шла о денежных взносах на строительство монумента и дома призрения. Из документов выясняется, что деньги внесли только А.В. Браницкая (500 000 р.), ее сестра Т.Б. Юсупова (100 000 р.) и А.Н. Самойлов (50 000 р.), остальные же задерживали взносы, и строительство не было начато.

Кроме этой неудачной попытки А.В. Браницкая самостоятельно решила построить каменный домик рядом с сооруженным ею памятником на месте, где скончался Потемкин по дороге из Ясс в Херсон. На монументе была надпись: «На сем месте преставился 5 октября 1791 г. князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический. Памятник сей поставлен графиней Александрой Васильевной Браницкой, бывшею с ним при его кончине, из усердия и любви к дяде и благодетелю». В 1834 г. с поручением заняться устройством домика для смотрителя Браницкая обратилась к своему зятю Михаилу Семеновичу Воронцову. На место смотрителя она просила выбрать «из отставных унтер-офицеров или рядовых, служивших в Черноморском флоте».

О преданности Браницкой памяти Г.А. Потемкина рассказывает в своих «Записках» Прасковья Николаевна Львова, посетившая в 1812 г. имения Браницких. «Бюст Державина соседствовал с бюстом Г.А. Потемкина в саду графини Браницкой», — вспоминает Львова.

Все племянницы, как их называли при дворе — «барышни-смолянки», с помощью своего знаменитого дядюшки вошли

в семьи родовитых русских фамилий. Воронцовы, Юсуповы, Браницкие, Самойловы и, наконец, Голицыны стали родственниками Г.А. Потемкина. Одна из дочерей Марфы Васильевны Энгельгардт (урожд. Потемкиной), Варвара (1757—1815), вышла замуж за Сергея Федоровича Голицына (1749—1810).

Варвара Васильевна по красоте уступала лишь своей младшей сестре, графине Екатерине Скавронской (1761—1829). Характер Варвары Энгельгардт частично вырисовывается в ее переписке с дядей Г.А. Потемкиным; в своих посланиях тогда еще 20-летняя барышня, по-своему любя дядю, терзала его ревностью, капризами, непостоянством и беспрестанными просьбами о пожаловании мест и чинов ее друзьям и знакомым. Согласно официальному «Камер-фурьерскому журналу», при дворе Варвара впервые появилась в конце июня 1777 г. Кокетливая, капризная, вспыльчивая девица воцарилась в сердце дяди, сменив сестру Александру.

«Матушка, Варинька, душа моя, жизнь моя, — писал в коротком послании Потемкин. — Ты заспалась, дурочка, и ничего не помнишь. Я, идучи от тебя, тебя укладывал и расцеловывал, и одел шлафраком и одеялом, и перекрестил». Страстный мужчина открывается в этом любовном романе в письмах. В нем и пылкие признания, и невиданная нежность, обиды и примирения, бытовые мелочи домашней жизни князя... 37-летний Потемкин не скрывает своих чувств, он находит самые нежные прозвища для молоденькой племянницы-любовницы, их мы не видим в переписке с Екатериной II: «сокровище», «божественная Варюшка», «сладкие губки», «любовница нежная». Может быть, только она из племянниц была по-настоящему его любовницей? Ни с кем из сестер Потемкин так не откровенен на бумаге, никто из них не писал дяде в таком интимном и фривольном тоне, как Варвара:

«Я никак бы не думала, что вы, осердясь, ушли вчера от меня. Хорошо, батюшка, положим, что я вам досадила; да ведь вы знаете, когда я разосплюсь, то сама себя не помню; к тому же прежде я получила письмо от бабушки, которое меня взбесило, то можно ль уйти?.. Зато это теперь я вижу, что вы меня ничего не любите. Когда бы вы знали, чего мне стоила эта ночь, душка моя злая, ангел мой, не взыщи, пожалуйста, мое сокровище бесценное; приди, жизнь моя, ко мне теперь, ей Богу грустно, моя

душа, напиши хоть строчку, утешь свою Вариньку. Виновата я пред вами, только Бога ради посердись, прости, батюшка; целую миллионы раз и думаю, как вы теперь на меня сердиты, то вам это неприятно». До Дарьи Васильевны в Москву, видимо, доходили слухи из столицы об отнюдь не отеческих отношениях сына с опекаемыми им племянницами. Говорили, что письма матери он, не читая, бросал в огонь. Возможно, что именно в письме, «взбесившем» Варвару, бабушка отчитывала внучку за ее предосудительное поведение.

Потемкин в отношениях с племянницей соединил в себе нежность отца, страстность влюбленного и покорность слабохарактерного мужа. Сохранившиеся записочки (их опубликовали в конце XIX в., и они шокировали своей интимностью российское общество) не оставляют сомнений в близких отношениях Потемкина с Варварой Энгельгардт:

«Варинька, друг мой любезный, жизнь моя, красавица, хочется целовать тебя. Голубушка, пишу к тебе для того, что мне приятно заниматься тобою; ручки мои бесценные. Для чего я не могу их иметь всегда при себе?»

«Варинька, жизнь моя, ангел мой. Я завтра буду в городе и теперь хочу знать, какова ты, жизнь моя? Отпиши, голубушка, где ты завтра будешь у меня — в Аничкове или во дворце? Прости, миленькая, целую тебя».

Дядюшка часто по-отечески поучает ее, преподает навыки придворной жизни. Сообщая, что императрица приглашает Варвару на обед, Потемкин дает племяннице советы: «Сударка, оденься хорошенько, и будь хороша и мила», и в другой записочке: «Матушка, жизнь моя Варинька, божество мое; я бы чрезвычайно рад был, есть ли б ты завтра вышла и была бы так авантажна, как сегодня. Прости, мой ангел, я тебя столько целую, сколько люблю». Потемкин неспроста упоминает об «авантажности» Варвары: он действительно делал все, чтобы племянницы выглядели соответственно их, а точнее, его положению при дворе. Потемкин дарил им дорогие подарки, и не только к праздникам, но и просто когда приходил навестить их. Однажды племянница встретила очередной подарок не так, как ожидал дядюшка, и в письме он отчитывает ее не как пылкий возлюбленный, а как строгий отец и влиятельный вельможа:

«Варвара Васильевна, разве так ты должна встречать мою ласку? Что ты думаешь, я не уверен в твоем бескорыстии? А я думаю, мне вы позволите поступать по моей иногда воле с вами, а особливо в вещах, которых гораздо больше у меня, нежели у вас. Знайте и то, что я всех вас дарю и впредь хочу в именины прилагать нечто и денег. Потому что вам жить надобно сходственно с моею знатностью. Вы меня огорчили, встретивши мою ласку сердечную так грубо».

Но долго сердиться на свою Варюшечку Потемкин не мог, и все его послания полны нежности, любви и заботы:

«Варинька, Варюшечка, душа моя, я посылал Замера (доверенное лицо князя. — *Н.Б.*) к вам, он мне сказал, что у тебя голова болит; жаль мне, душа моя; однако ж будь весела и с приятной твоей улыбочкой. Ангел мой, есть ли б знала, сколько тебя люблю. Прощай, ангел».

«Матинька Варинька моя, друг мой, жизнь моя, я тебя целую. Завтра, после концерта, буду сам; я бы и ранее приехал, но никак нельзя. О гофмейстерине просил и, приехавши, тебе расскажу. Кажется хорошо. Прости, мой ангел, посылаю тебе дынь».

Из некоторых записочек видно, что в 1777 г., в разгар бурного романа, Потемкин нередко бывал нездоров или пребывал в подавленном настроении, но болезненность не сказывалась на отношении к Варваре, с ней он по-прежнему заботливый и внимательный дядюшка-любовник. В коротких посланиях к племяннице наиболее полно раскрывается чувственная натура Потемкина. Для нее он находит множество ласковых слов, обращений, вариантов объяснений — Потемкин предстает совершенно другим человеком.

«Ангел мой, твоя ласка столько же мне приятна, как любезна. Друг бесценный, сочти мою любовь к себе и увидишь, что ты моя жизнь и утеха, мой ангел; я тебя целую без счета, а думаю еще больше. Прости, твой вернейший по смерть П.».

«Варинька, когда я тебя люблю до бесконечности, когда мой дух не имеет, опричь тебя, другой пищи, то если ты этому даешь довольную цену, мудрено ли мне верить, когда ты обещала меня любить вечно. Я люблю тебя, душа моя, а как?.. Так, как еще никто никого не любил... Не дивись, ежели ты видишь меня иногда в грусти. Бывают движения невольные, и я чувствую очень, что

нет резона, токмо владеть собою не могу. Прости, мое божество милое, я целую всю тебя».

«Не забыл я тебя, Варинька, и не забуду никогда, а каков я вчера был, оставшись, то тебе расскажет Зомер. Да и теперь немогу так, что не мог остаться сидеть у государыни. Я еще, душенька, в первый раз вижу, что ты рассудила отвесть мою душу, когда я в превеличайшей грусти. Я, как ни слаб, но приду к тебе... Жизнь моя, ничто мне так не мило, как ты».

«Жизнь моя, Варинька, у меня так болела грудь, что я отроду этакова мученья не имел; завтра буду в городе. Прости, моя душенька, приезжай ко мне в Летний обедать».

«Варинька, голубушка, я, как собака, немогу; всю ночь не мог уснуть и за стол не пойду. Какова ты, жизнь моя? Завтра, после обеда, буду. Прости, душа милая. Целую тебя».

«Варинька, мой друг бесценной, душа моя, какова ты?.. А я занемог вчера, все тошно мне да голова болит; сегодня думаю выходить. Прости, моя жизнь, целую тебя».

«Варинька, душенька; я приехал, и голова так закружилась, что насилу дошел до комнаты. Я чрезвычайно хил стал. Государыня вышла и все вверху, а я один лежу. Моя жизнь, прости, целую тебя, сударка моя, душенька моя; посылаю тебе мое благословение и Надежде Васильевне».

«Варинька, душа моя, мне упомянуть твоё имя приятно. Красавица моя любезная; целую тебя всю с ног до головы. Мой ангел, для чего шуба счастливее меня!»

«Ангел мой бесценной, я недавно проснулся и здоров; приду целовать тебя, моя душа, любезная Варинька, ты мое здоровье и жизнь».

Когда же занемогла племянница Варвара, Потемкин с искренним беспокойством занимался ее здоровьем, и даже императрица давала советы:

«Моя божественная Варинька, ты видишь, сколько я маю заботы — мне твоя болезнь тяжелее собственной жизни. Послушай меня, а больше государыню, которая приказала весьма милостиво тебе сказать, чтобы ты пила спа-вассер (минеральную воду из источников в Спа. — *Н.Б.*), и покуда будешь пить, не есть горячих пирогов, ни хлеба теплого. Она уверять изволит, что ты, выпивши стаканов пять, будешь здорова и хандры не будет,

да при этом движение должно иметь. Прости, моя любовь, моя душа, мое все, что я люблю». Видимо, недомогание было связано с изжогой и быстро прошло, но каждый раз, когда племянница жаловалась на плохое самочувствие, обеспокоенный Потемкин спешил успокоить и взбодрить Варвару:

«Варюшечка, душа моя, не смей немочь, я за это высеку. Сударушка моя, я видел тебя во сне очень хорошо. Ужо оденусь — приду тебя целовать».

«Я, Варвара Васильевна, сам немогу, а ты, верно, была бы здорова, ежели бы слушалась меня».

«Варинька, жизнь моя, здорова ли? С Новым годом (1778-м. — *Н.Б.*), будь здорова и люби меня так, как я тебя люблю, жизнь моя, друг бесценной; целую тебя».

В ответ на коротенькие записочки Потемкина Варвара писала ему более пространно, но и более сдержанно. Впрочем, у нее могло быть меньше опыта в эпистолярной любовной науке, а быть может, сердечные переживания Варвары были не столь сильны, как у дядюшки. История сохранила для нашего любопытства некоторые послания Варвары Васильевны к Потемкину, в них гораздо больше заботы и нежности, чем страсти и пыла:

«Жизнь моя, я очень о вас беспокоюсь, Христа ради скажите мне, есть ли вам легче? Я все ждала от вас, как вы сами мне обещали прислать, но не дождалась, то посылаю к вам. Бога ради, жизнь моя, напишите ко мне. Прощай, мой любезный ангел, буду ждать с нетерпением твоего ответа, а между тем прости еще, мой любезный друг; в мыслях тебя целую миллион раз. Приезжай, мой ангел, к нам, если ты здоров, а ежели нет, то не езди, мое сокровище, а прикажи мне к себе быть. Прости, душенька, еще тебя целую».

«Ради Бога, батюшка, князь Григорий Александрович, зайдите на минуту; я не еду без этого, чтобы с вами не помириться. Бог с вами, я, может быть, одним словом досадила, а вы вспомните, что целым письмом меня разругали, да в прибавок сказали: "Черт с вами", то, как это слово приятно. Придите, голубчик, ради Бога, мне пора ехать».

«Папа, жизнь моя, очень благодарю за подарок и письмо, которое всегда буду беречь. Ах, мой друг папа, как я этому письму рада! Жизнь моя, приеду ручки твои целовать».

Вскоре любовная идиллия подходит к концу. Потемкин по долгу службы проводит все больше и больше времени в южных губерниях. Варвара тоскует, скучает, это замечают при дворе. Императрица пишет князю: «Слушай, голубчик, Варенька очень не может. Если тому причиною Ваш отъезд, Вы не правы. Уморишь ее, а она очень мне мила становится. Ей хотят пустить кровь». Удивительно в данном случае поведение Екатерины, которая, несомненно, была в курсе любовных дел своего фаворита. Не оставляет мысль, что ее столь сильное чувство угасло именно в тот момент, когда открылась его связь с племянницами, хотя в письмах императрицы нет ни намека на это обстоятельство. Скорее всего, только одна из сестер Энгельгардт — Варвара — вступила в любовные отношения с дядюшкой, а двор императрицы и досужие дипломаты определили остальных в «гарем» фаворита. Измена Потемкина, да еще с племянницами, могла разом остудить сердце Екатерины, ну а разум подсказал ей, что незачем терять способного администратора. С этой точки зрения послания князя в тяжелые дни расставания, где он умоляет Екатерину о возобновлении прежних отношений, выглядят более чем странно.

Постепенно становится понятным, что будущего у страстного увлечения дядюшки племянницей не будет, а Варваре уже пора выйти замуж и занять положение в обществе. К этому дело и шло: в то время ее внимание привлек совсем другой человек — молодой князь Сергей Голицын. В ней, видимо, проснулось настоящее чувство. Натура активная, она вскоре добилась взаимности, но оказалась в затруднении: ей не хотелось обманывать дядюшку, тем более что он и так сразу бы узнал обо всем. Не желая резко порывать с Потемкиным, а главное, боясь лишиться выгод от их отношений, Варвара не собиралась упускать и Сергея Голицына. Ей надо было устраивать судьбу, а не тратить время на романы. Вскоре подвернулся подходящий повод для разрыва с дядей, при этом еще и получилось, что Потемкин стал виновником произошедшего. На какое-то время он должен был уехать из Петербурга по важным делам. Совпадение ли это было или продуманная игра, но именно перед отъездом дяди Варвара Энгельгардт вдруг заболела — как посчитали, ее крайне огорчила предстоящая разлука. С дороги Потемкин написал племяннице, обвинившей

дядюшку в «жестокости»: «Варинька, ты дурочка и каналья неблагодарная; можно ли тебе сказать: "Варинька поможет, а Гришенька ничего не чувствует". Я за это, пришедши, тебе уши выдеру. Матинька, пожалуй, не будь доктором сама себе; кровь пустить немудрено, только можно этим худо сделать».

Все сложилось удачно, и теперь Варваре Васильевне, обиженной дядюшкой, несчастной и покинутой, ничего не остается, как порвать с ним. Племянница садится за перо и пишет вдогонку Потемкину большое письмо, намекая на некую соперницу:

«Напрасно Вы меня так ласкаете, я уже не есть та, которая была. Еще бы Вы больше меня дурачыли севодни в кабинете. Послушайте, я теперь Вам серьезно говорю, если вы помните Бога, если Вы когда-нибудь меня любили, то прошу Вас, забудьте меня на веки, а уж я решилась, чтобы оставить Вас. Желаю, чтобы Вы были любимы тою, которую иметь будете; но верно знаю, что никто вас столь же любить не может, сколько я. Дурочылась понапрасну, радуюсь, что в одну минуту узнала, что я только была обманута, а не любима вами. Знайте, что я расстаюсь с вами и не забываю; но еще чувствительнее мне в тысячу раз с вами расстаться...

К чему Вы меня просите, штобы я с Вами помирилась. Я никогда не выду из благопристойности. Буду с Вами так, как я вчера Вам сказывала. Только не так, как прежде».

Варвара не откликнулась на уговоры дядюшки-любовника и через несколько дней сказала наконец свое последнее слово: «Ну, теперь уже все кончилось; ожидала я этого всякую минуту с месяц назад, как я примечала, что вы совсем не таковы против меня, как были прежде. Что же делать, когда я так несчастлива? Не скажу я вам, чтобы мне это было легко... Пускай любви вашей ко мне нет, да, по крайней мере, сколько-нибудь честь в вас останется. Посылаю к вам все ваши письма; а вас прошу, если помните Бога, то пришлите мои... Я очень чувствую, что делала дурно, только вспомните, кто этому причиною? Прощайте, батюшка, поверьте, что я всегда вам желаю всего хорошего; это со мною на веки останется, только прошу вас, и сама стану стараться вас бегать; дай Бог вам веселиться столько, сколько я буду плакать... Больше я уже вас беспокоить не буду; впрочем, будьте уверены, что я не забуду во весь мой век, что я вами несчастлива...»

Теперь Варвара Энгельгардт могла признаться, что они с князем Сергеем Голицыным любят друг друга. Узнав об их привязанности, Потемкин не стал мешать браку. 14 сентября 1778 г. английский посол Харрис записал о важном событии при дворе русской императрицы, связанном с именем племянницы могущественного вельможи: «Позавчера во дворце состоялось их торжественное обручение». Свадьбу отложили на год, но жених поспешил воспользоваться преимуществами близости к фавориту императрицы: «Отдай, душенька Варвара Васильевна, письмо, приложенное к сему, князю Григорию Александровичу. Хочется, душенька, один раз в жизни испытать мне опытом дружбу твою ко мне... Я письмом просил вчерась князя, чтобы он вошел в мое состояние и исходатайствовал мне чин бригадира... Надобно для моего счастия, чтобы князь Григорий столько же захотел сделать мне милость... Но на сие я не столь счастлив, чтобы сам собою мог довести. Чем преданность моя к нему более стремится, тем меньше, может быть, примечается она. Отдав письмо, приложенное ему, употреби свою просьбу обо мне столько же, сколько ласка твоя и любовь ко мне тебе позволит; я сегодня ввечеру в город буду и тебя увижу; увижу также и то, что вправду ли ты любишь меня или нет». Трудно поверить в то, что жених не был в курсе придворных сплетен. Какой-нибудь доброхот обязательно рассказал бы Сергею Голицыну о двусмысленности отношения Потемкина к племяннице. Вполне возможно, что новую должность для будущего мужа Варвара должна была получить, воспользовавшись именно любовью к ней не дядюшки, а мужчины. Не очень достойно, но для карьеры и достижения чинов многие шли и не на такое.

В январе 1779 г. состоялась свадьба Варвары Энгельгардт и Сергея Голицына. Досада Потемкина была непродолжительна, он постоянно благоволил молодым, покровительствовал мужу своей племянницы, исполнял, по возможности, просьбы о протекциях, а также вместе с императрицей стал восприемником первого сына Голицыных — Григория (1779—1848). Дядюшка и племянница оставались близкими родными людьми до конца жизни князя. Варвара продолжала писать к Потемкину в том же полуигривом, чуть интимном, тоне: «Целую ручки твои; прошу тебя, папа, чтоб ты меня помнил; я не знаю, отчего мне кажется,

что ты меня забудешь — жизнь моя, папа, сокровище мое, целую ножки твои». Иногда она подписывалась: «Дочка твоя — кошечка Гришинькина».

Сергей Федорович Голицын приходился правнуком самому яркому из представителей третьей ветви обширного голицынского рода — воспитателю Петра I, боярину Борису Алексеевичу, основателю подмосковной усадьбы Вяземы. Сергей Голицын родился 20 августа 1749 г., в семье статского советника, президента Ямской канцелярии Федора Сергеевича Голицына и его жены Анны Григорьевны, урожденной графини Чернышевой. Знатное происхождение сочеталось в Сергее Голицыне с хорошим образованием и прекрасными личными качествами: он был храбр, гостеприимен, исполнителен. Имея сильных покровителей в служебной карьере, сначала в лице дяди, З.Г. Чернышева, а затем светлейшего князя Г.А. Потемкина, Сергей Федорович, начав службу в 1756 г., участвовал в первой Русско-турецкой войне 1769—1774 гг., в 1779 г. он был произведен в генерал-майоры. Во время второй Русско-турецкой войны он особо отличился в битве при Мачине. Состоя под началом Потемкина, С.Ф. Голицын с уважением относился к князю и хорошо знал его интересы. В одном из писем, сожалея, что Потемкин, заняв более высокий пост, перестал быть его командиром, Голицын пишет о приготовленном к приезду светлейшего сюрпризе: «Э, батюшка Григорий Александрыч. Вы нас оставили, а я было в угодливость Вам завел в полку огромную турецкую музыку, и все здешние песни очень хорошо играют, дожидался все Вас, хотел, чтоб невзначай Вам оную показать, а теперь, как услышал, что Вы быть не изволите, так, ей Богу, охота опала...»

Еще в преддверии женитьбы Потемкин предоставил С.Ф. Голицыну «в аренду» Смоленский драгунский полк, расквартированный в Балашовском уезде Саратовской губернии. Здесь, на землях, приобретенных в конце 1770-х г., Сергей Голицын создал родовое гнездо для своего многочисленного потомства — усадьбу Зубриловку, где и поселились Голицыны после свадьбы. Зубриловка стала любимым местом пребывания Голицыных. Они не жалели средств на устройство усадьбы, украшение дома-дворца; собирали библиотеку и произведения искусства. Собственных средств, видимо, не хватало, и в своих письмах Сергей Федорович

неоднократно просил Г.А. Потемкина оказать материальную помощь для «избавления от разорения жены и семерых несчастных детей», для спасения имения, как он писал в одном из писем.

Знакомство поэта Гавриила Романовича Державина с Варварой Васильевной Голицыной, хлопотавшей за него перед дядюшкой, носило и литературный характер. Именно красавице-племяннице своего покровителя Державин посвятил прекрасные поэтические строки в 1788 г.:

И ты спеши скорей, Голицын!
Принесть в твой дом с оливой лавр.
Твоя супруга златовласа
Пленила сердцем и лицом,
Давно желанного ждет гласа,
Когда ты к ней приидешь в дом...

Так писал Г.Р. Державин, обращаясь к сражавшемуся в это время под Очаковым С.Ф. Голицыну.

При участии Державина в 1788 и 1790 гг. в Тамбове была издана французская пьеса «Заблуждения от любви, или Письма Фанелии к Мильфорду», перевод которой сделала племянница светлейшего. Этот перевод ценители «почитали одним из лучших в тогдашнее время», а Державин был преисполнен гордости «за успехи от нововозникающих тамбовских муз». В письме к литератору М.М. Хераскову поэт советует: «Прочтите новый роман; да послужит он многим из ваших указкою и по выбору и по слогу. В столицах не все так переводят...» Сама Варвара Васильевна, унаследовавшая от дяди пристрастие к литературной деятельности, более чем скромно оценивала свой труд, посвященный мужу Сергею Федоровичу Голицыну: «...выпустить в свет сей слабый перевод дерзнула я не с намерением тщеславия или желания угодить тому же самому свету, но побудительной причиной было то... что я занимаюсь чем-нибудь полезным и к просвещению ведущим...»

Смерть Г.А. Потемкина потрясла всех: императрицу, двор и, конечно, родных князя. «Я, обливаясь слезами, — писала Варвара Голицына своему саратовскому соседу из Ясс, — только Вам и сказать могу, что вместе с благодетелем моим я всю надежду

мою потеряла; и, как будто нарочно, дабы чувствовала я всю тяжесть удара моего, он столь был ласков, милостив и благотворителен к нам! Ничем не занимался так, как только привести дела мои в порядок и сделать детям моим впредь состояние хорошее». С.Ф. Голицыну пришлось принимать участие в решении вопросов о разделе имущества и выплат в казну значительных долгов князя.

Брак князя С.Ф. Голицына с Варварой Васильевной был на редкость счастливым и гармоничным. Она, выйдя замуж, стала примерной женой и матерью десяти детей, занявших впоследствии видные государственные должности. Варвара Васильевна взяла в свои руки управление всеми делами мужа, и окружающие отмечали ее домовитость, стремление увеличить благосостояние семьи, обеспечить своим детям блестящее будущее. Редко посещая Москву и Петербург и мало показываясь в обществе, где она была известна своей надменностью, княгиня Голицына была любезна лишь с близкими людьми, родными. У нее часто собирались литераторы и поэты, она покровительствовала И.А. Крылову и К.Ф. Рылееву. Литературный талант Варвары Голицыной унаследовали ее дети и внуки: сыновья Александр и Владимир, внуки Михаил и Сергей Григорьевичи заняли достойное место на страницах «Словаря российских писателей XIX в.» и входили в близкое окружение А.С. Пушкина.

При вступлении на престол Павла I его неприязнь к Потемкину распространилась и на родных князя. С.Ф. Голицын вместе со старшими сыновьями подвергся опале, которая, однако, не коснулась старшего из братьев — Григория Голицына: уже 19-летним он занял пост управляющего Военной канцелярией Павла I. При восшествии на престол Александра Павловича князь С.Ф. Голицын стал генерал-губернатором Прибалтийского края, а в 1809 г., во время войны с Австрией, был назначен главнокомандующим. 10 января 1810 г. он внезапно скончался в Галиции и был похоронен в своей любимой Зубриловке. Лишь на пять лет Варвара Васильевна пережила мужа. Все это время она, передав ведение хозяйства сыну Федору, провела в домике на окраине парка рядом с тем местом, где был погребен ее муж.

Младшая из сестер Энгельгардт — Татьяна Васильевна — оказалась под опекой Потемкина в возрасте восьми лет. Детская

привязанность к дядюшке видна в ее письмах к Потемкину на юг: «Я не знаю, дорогой дядюшка, когда буду иметь счастье увидеть Вас. Те, у кого я спрашиваю, отвечают, что ничего не знают и что Вы останетесь на всю зиму. Ах, как это долго, если только они говорят правду. Но я не верю этим шутам». 11 сентября 1786 г. в пригороде Петербурга, на мызе Пелле, состоялось венчание Татьяны Энгельгардт и дальнего родственника Григория Александровича — Михаила Потемкина. На свадьбе по обыкновению присутствовала императрица, покровительствующая всем родственникам князя. Жизнь Михаила Потемкина оборвалась трагически — в декабре 1791 г., спустя несколько месяцев после кончины светлейшего, в столицу пришло известие о его внезапной смерти при переправе через реку в ста верстах от Киева. Татьяна разом потеряла и дядю-опекуна, и мужа. Ей было только двадцать четыре года.

Вторым мужем племянницы Потемкина в 1793 г. стал знаменитый князь, представитель древнего рода — Николай Борисович Юсупов, тонкий ценитель изящных искусств и непременный торговый агент императрицы по покупке редкостей в собрание Эрмитажа. Он был европейски образованным человеком, умным, отличался изысканным вкусом и отменными манерами. В доме Юсуповых на Фонтанке в Петербурге собиралось общество известных литераторов, музыкантов, среди которых был и Державин. В подмосковное Архангельское к Н.Б. Юсупову приезжал Пушкин беседовать о днях минувших. Все знали о добросердечии хозяйки дома, готовой помочь сочинителям, музыкантам и художникам в трудную минуту деньгами и заступничеством. Державин особо восхищался Татьяной Васильевной как заботливой матерью. Она сама занималась воспитанием и образованием детей:

Являя благородны чувства,
Не судишь ты страстей людских:
Объяв науки и искусства,
Воспитываешь чад своих.

Традиции и память о прошлом бережно сохранялись в семье Юсуповых. Все потомки Татьяны Васильевны, а следовательно

и Григория Потемкина по линии Юсуповых, отличались разнообразными талантами и были людьми необычными. Один из них — Феликс Феликсович Юсупов. В его доме и при его участии был убит знаменитый Григорий Распутин, которого российское общество начала XX в. считало главным злом, угрожающим судьбе царской семьи и России. В мае 1900 г. супруги Феликс и Зинаида, первая красавица при дворе Николая II, составили «Духовное завещание» о передаче в случае их внезапной смерти всего движимого имущества в собственность государства. Это был поступок, достойный древнего рода, впервые богатейшие люди государства решили позаботиться о сохранении в Отечестве исторических и культурных ценностей на благо потомков:

«Мы, нижеподписавшиеся, князь Юсупов граф Сумароков-Эльстон и княгиня Юсупова графиня Сумарокова-Эльстон, за себя и за несовершеннолетних детей наших Николая и Феликса сим изъявляем следующую нашу волю. В случае внезапного прекращения рода нашего в лице нашем, князя и княгини Юсуповых, и двух сыновей наших Николая и Феликса, все наше движимое имущество, состоящее в коллекциях предметов изящных искусств, редкостей и драгоценностей, собранных нашими предками и нами и хранящихся в домах наших петербургском (Мойка, 94) и московском (Трехсвятительский пер. у Красных Ворот) и подмосковном имении Архангельском, завещаем в собственность государства в видах сохранения сих коллекций в пределах империи для удовлетворения эстетических и научных потребностей Отечества согласно указаниям, какие для сего будут преподаны государем императором.

Вместе с тем изъявляем наше желание, дабы и самые помянутые выше дома и Архангельское имение, представляющие произведения высокого художественного интереса, перешли бы в полное распоряжение Его величества государя императора и избегли бы участи служить целям и интересам, противным их историческому прошлому...

В заключение выражаем полную нашу уверенность, что боковые наследники наших родовых имений, которым, кроме завещанного нами государству, останется богатое наследство, охотно подчинятся этой нашей воле создать на пользу Отечества вековой памятник угасшего рода князей Юсуповых».

Действительно, за века семья Юсуповых собрала уникальную художественную коллекцию. Татьяна Васильевна, как и ее дядя, увлекалась коллекционированием драгоценных камней, античных камей, инталий. В ее собрании были не просто дорогие украшения, а поистине редкие и известные алмазы, сапфиры, жемчужины. Среди них два знаменитых своей величиной и красотой бриллианта — «Полярная звезда» (сорок карат) и «Альдебаран»; ожерелье с огромной, «с грецкий орех», жемчужиной в центре, известной под именем «Перегрины», по преданию, принадлежавшее когда-то испанскому королю Филиппу II. В коллекцию Татьяны Васильевны входили серьги французской королевы Марии Антуанетты, великолепная алмазная диадема с жемчугом, изготовленная для сестры Наполеона Каролины Мюрат, ожерелье из сорока двух крупных черных жемчужин.

Самой красивой, по признанию современников, была Екатерина Васильевна Энгельгардт, многие и ее записывали в «гарем» Потемкина. По одной из легенд, в конце 1779 — начале 1780 г. в семье светлейшего случился скандал: Екатерина объявила о своей беременности от дяди. Она в сопровождении Варвары отправилась в путешествие по Европе. Сохранившиеся письма Екатерины Васильевны не дают основания говорить о ее любовной связи с Потемкиным, скорее он представляется добрым и заботливым опекуном:

«Папа мой родной, сколь велика моя радость, того я Вам изобразить не могу. Я, наверное, через 8 дней или ближе буду иметь сщастие Вас видеть. Теперь Вас прошу, мой батюшка, куда мне прикажите приехать, в Царское ли Село или прямо в Петербурх, то прошу Вас зделать мне милость прислать етаго куриера навстречу, чтобы я знала, куда мне приехать. Вы, папа, меня не узнаете, — писала племянница, — все находят, что я выросла, пахудела, а мне кажется, очень падурнела. Затем ручки Ваши целую. Дочка Ваша родная Кишичка». Едва Екатерина Энгельгардт появилась при дворе, как ею увлекся внебрачный сын Екатерины II Алексей Бобринский, о чем с иронией писала императрица Потемкину в декабре 1779 г.: «Он говорит о ней с большой охотой, находит очень приятным быть с ней... Маленький Бобринский говорит, что у Катеньки больше ума, чем у всех прочих женщин и девиц в городе. Хотели узнать, на чем он

основывал это мнение. Он сказал, что, на его взгляд, это доказывалось одним лишь тем, что она носит меньше перьев, меньше румянится и украшается драгоценностями, чем другие...»

Действительно, Екатерине Энгельгардт не приходилось украшать то, что от природы было совершенно и вызывало восторги окружающих. «Магнит очей, заря без туч...» — так называл ее Державин. «Восхитительное лицо в сочетании с ангельской кротостью, — писала ее современница, — делали ее очарование неотразимым». Французский дипломат граф Сегюр, повидавший немало знаменитых красавиц, отзывался об уже замужней племяннице Потемкина в превосходной форме: «В Париже все любовались бы красотою... прелестной графини Скавронской, головка которой могла бы служить для художника образцом головы Амура». 10 ноября в церкви Зимнего дворца, в присутствии дядюшки и государыни, состоялось венчание Екатерины Энгельгардт и молодого графа Павла Мартыновича Скавронского, находившегося в дальнем родстве с императорской фамилией (жена Петра I — Екатерина Алексеевна, из рода Скавронских. — *Н.Б.*). «На следующий день, — записал современник, — графиня Скавронская ездила благодарить императрицу, и ее величество пригласила ее вечером в Эрмитаж, чего не удостоились не только придворные дамы, но даже и дамы, имеющие портреты (статс-дамы. — *Н.Б.*)».

Женитьба на племяннице всесильного Потемкина открыла Павлу Скавронскому путь к блестящей карьере, и вскоре он занял пост российского посланника при дворе короля Обеих Сицилий в Неаполе. Екатерина Васильевна недолго прожила с мужем за границей, и в 1785 г. вернулась в Петербург, где блистала при дворе Екатерины. Князь Павел Дмитриевич Цицианов писал своему приятелю: «Графиня... как ангел во плоти, хороша, молода и прекрасна». Даже великого князя Павла Петровича очаровала племянница Потемкина. Его поверенный в столице Гарновский пишет, что наследник престола «крайне холоден ко всем тем, кто его светлости принадлежит, исключая ее сиятельство графиню Катерину Васильевну». Мать мужа Екатерины Васильевны — Мария Скавронская — со временем смирилась с необычным поведением избалованной племянницы могущественного вельможи. В январе 1785 г. она обращалась к Потемкину

с выражением всяческой признательности за покровительство сыну: «Я не могу Вам довольно изъяснить, сколько я чувствительна за все Ваши милости к сыну моему... приношу благодарность и покорно прошу всегда иметь ево под своим покровительством, будте ему, батюшка, вместо отца, он никого, кроме Вас, не имеет, а мое желание только в том, чтобы он был тому достоин».

Судьба красавицы Екатерины Васильевны, пожалованной на радость свекрови в 1786 г. в статс-дамы, не изменилась со вступлением Павла на престол. Племянница Потемкина даже стала кавалерственной дамой ордена Св. Екатерины и на всех торжественных выходах шла непосредственно за царской фамилией. В 1793 г. граф Скавронский после длительной болезни скончался. Второй раз замуж Екатерина Васильевна вышла спустя пять лет, страстно влюбившись в красавца и аристократа графа Джулио Ренато Литта-Висконти-Арезе, происходящего из древнего миланского рода. В России его после вступления в 1789 г. на военную службу именовали Юлий Помпеевич. После женитьбы он принял русское подданство и навсегда остался на родине супруги.

Еще одна из сестер Энгельгардт — Надежда — получила от Потемкина прозвище «безнадежной». Она отличалась упрямством и своеволием и уступала сестрам в красоте — ее рыжие волосы «причудливо переплетались со смуглой кожей». Устройством ее судьбы дядюшка занимался с не меньшей заботой — в 1779 г. для двадцатилетней Надежды нашелся знатный и богатый жених Павел Алексеевич Измайлов. Семейная жизнь их оказалось недолгой — в 1781 г. племянница Потемкина овдовела. Через два года Надежда вступила во второй брак с Петром Ампиевичем Шепелевым, он был вдвое старше ее. Брак оказался не очень счастливым, нередко Надежда гостила у своей сестры Александры в имении Белая Церковь. Она часто делала приписки к посланиям Браницкой, в них видна ее искренняя привязанность к дядюшке:

«Ручки Ваши, батюшка дядюшка, цалую и благодарю за поклон. Ждем с нетерпением щесливого время Вас видеть и расцеловать Ваши ношки и ручки. Препоручаю себя в Ваше покровительство...»

«Я также, батюшка дядюшка, ручки Ваши цалую. Очень рада, что я с сестрицей вместе... Простите, сударик дядюшка, не забудьте меня вовсе. Я, Бог видит, сколька к Вам привязана...»

«Нельзя быть более огорченной, как я, батюшка дядюшка, — обращалась к своему покровителю Надежда в апреле 1785 г., — увидя писание Ваше ко мне. В чем Вы на меня гневаетесь, клянусь Вам всем на свете, что я не нахожу себя виноватой. Вы сами изволили, что Вы в письме ничево таво не написали, чтобы я могла терпеть на щот Ваш поступить. Батюшка дядюшка, из милости прошу успокоить меня хоть одной строчкой, тогда и поверю, что Вы не гневаетесь на меня. Цалую ручки Ваши...»

Что бы ни случалось между дядей и племянницами, Потемкин не мог долго на них сердиться. Его забота распространялась на всех сестер, он способствовал карьерам их мужей, нередко выплачивал многочисленные долги, чаще всего Шепелева. Потемкин искренне любил дочерей своей сестры, был привязан к племянницам и помогал им во всем. Конечно, образ безупречного героя нарушается любовной связью, по крайней мере, с одной из них — Варварой. Но люди не совершенны, как и мир, их окружающий. Мы не будем ни оправдывать князя, ни уничтожать его своим презрением.

Новые сюжеты из личной жизни исторических персонажей обогащают наше представление о людях прошлого. Любознательный исследователь, приложив определенные старания и труд, может найти среди обилия архивных материалов новые документы, проливающие свет на устойчивые историографические мифы.

Пленительный образ Елизаветы Темкиной (под этим именем она известна в исторической литературе, и мы будем следовать традиции), созданный замечательным русским портретистом Владимиром Боровиковским, не может оставить равнодушным. Поэтический портрет эпохи сентиментализма, виртуозно исполненный художником, поражает жизненной достоверностью, грациозным спокойствием и тайной, которую несколько столетий не могут разгадать любители отечественной истории.

Судьба этой прекрасной женщины опутана вуалью дворцовых тайн, сам факт ее рождения и имена родителей уже загадка. Однако историки категоричны: Елизавета Темкина — дочь светлейшего князя Григория Александровича Потемкина и российской императрицы Екатерины Великой. Не требуя веских аргументов, все принимают эту версию как аксиому. В известных классиче-

ских биографиях Екатерины II историков XIX в. нет упоминаний о рождении императрицей дочери Елизаветы Темкиной. Только в краткой записке археографа и коллекционера, директора Московского главного архива Министерства иностранных дел барона Ф.А. Бюлера (сына бывшего сотрудника Потемкина — А.Я. Бюлера), сопровождавшей статью из «Московских ведомостей» (1872, № 153 за 9 июня) об отчислении по кавалерии старшего помощника начальника 6-й кавалерийской дивизии и начальника бывшего Уланского полугоспиталя генерал-майора Калагеорги от должности, говорится о том, что Бюлер в 1832 или 1834 гг. был знаком с офицером гвардии конной артиллерии Константином Калагеорги, у которого была сестра. «Их мать (Елизавета Калагеорги. — *Н.Б.*), — свидетельствует современник, — была подлинная дочь князя Потемкина. Отец мой знал это, и она походила на портреты князя, даже была несколько крива на один глаз. Кто была ее мать? не знаю».

Как вы помните, сближение Екатерины и Григория Потемкина началось в феврале 1774 г., когда он был вызван из армии ко двору, а уже в июне якобы состоялось их тайное венчание. Роман императрицы и Потемкина развивался стремительно, их отношения обсуждали двор и иностранные дипломаты. В конце мая 1775 г. Екатерина известила Потемкина о своем пешем паломничестве в Троице-Сергиеву лавру, тогда императрица прошла пешком шесть верст. По сложившейся легенде, это сообщение свидетельствует о том, что государыня была на предпоследнем месяце беременности, а 12 или 13 июля 1775 г., во время празднования в Москве заключения Кючук-Кайнарджийского мира, Екатерина родила девочку Елизавету в законном браке, от горячо любимого мужа. Назначенные на 12 июля гуляния на Ходынском поле были перенесены на неделю из-за болезни Екатерины, 7 дней она не выходила из покоев. Сама императрица в письмах иностранным корреспондентам госпоже Бьелке, Гримму и лифляндскому губернатору графу Ю.Ю. Броуну уверяла, что причиной болезни стали немытые фрукты.

Документальных подтверждений рождения девочки не сохранилось, что вполне понятно. Императрица Всероссийская не могла позволить огласки своей личной жизни. Однако недавняя архивная находка — письмо грека Ивана Калагеорги к послед-

нему фавориту Екатерины II князю Платону Александровичу Зубову — позволяет точно утверждать, кто был отцом Елизаветы Темкиной:

«Ваше Высочество!

Примите мое почтение Вашему Высочеству в нынешних обстоятельствах, от которых зависит моя счастливая жизнь. Это благодаря Вам, мой генерал, я смог добиться надежды на руку настоящей дочери покойного князя Потемкина. Вы начали меня поддерживать, я Вас умоляю соблаговолить и продолжить. Генерал Самойлов сообщил мне, что господин Попов получил от всемилостивейшей государыни согласия на мою женитьбу, и обещал составить часть приданного девицы, и говорить об этом с Ее величеством. Господин Попов, которому императрица поручила устройство молодой персоны, ждет, что господин Самойлов решится, и дело остается в том же этом состоянии. Я осмеливаюсь Вас умолять, мой генерал, соблаговолить сказать слово благосклонности обо мне господину генерал-прокурору. Я был убежден, что, если Ваше Высочество изъявит совсем легкое желание, это дело завершится, я немедленно прекращу пребывать в ужасной тревоге. Я присоединяю новый знак милости к тому, которым Вы меня уже удостоили.

С глубочайшим уважением к Вашему Высочеству Иван Калагеорги».

Сомнений не остается. Действительно, отцом Елизаветы Темкиной, вышедшей 4 июня 1794 г. замуж за грека Ивана Христофоровича Калагеорги, был фаворит императрицы светлейший князь Григорий Александрович Потемкин. Как видно, об имени отца Елизаветы были осведомлены и способствовали ее браку племянник князя генерал-прокурор Сената А.Н. Самойлов (в его семье, по преданию, воспитывалась девушка), бывший секретарь В.С. Попов, ставший статс-секретарем императрицы после смерти своего покровителя и, наконец, последний из любимцев государыни.

Покровительство, оказанное П.А. Зубовым Ивану Калагеорги, состоявшему некогда в свите великого князя Константина Павловича и сохранившему свое положение при дворе, а также прошение или скорее мольба о помощи, обращенная к Екатери-

не II 19-летней Елизаветой Григорьевной, сделали свое дело, и бракосочетание состоялось.

Впоследствии девушку, возможно даже ее потомки, стали именовать неполной фамилией отца, следуя придворной традиции, как, например, И.И. Бецкой (Трубецкой), Ранцовы (Воронцовы), Лицыны (Голицыны). Однако официально она никогда не называлась Темкиной, лишь в одном документе того времени мы обнаружили ее девичью фамилию — Темлицына. Тогда, 16 февраля 1794 г., молодая девушка обратилась с прошением к императрице Екатерине II:

«Отпустите, всемилостивейшая государыня! несчастной, которая приемлет дерзновение изъявлять Вашему императорскому величеству всеподданнейшую благодарность. В злополучии моем удостоили Ваше величество обратить на меня милосердые взоры; воспомнить о всенижайшей из подданных Ваших и всемилостивейше обещать соизволили... около года тому назад. Но благоволите ныне осчастливить меня монаршим на прозьбу мою вниманием.

За год пред сим лишилась я благодетеля моего бригадира Фалеева, который не переставал удовлетворять моим потребностям, и около уже года предана забвению и оставлена. Никто не печется о моем пенсионе, содержании и об учителях. Генерал Самойлов, сестра его, господин Высоцкий (родственники и наследники Г.А. Потемкина. — *Н.Б.*) обещали снабдить меня приданным, есть ли кончится дело о наследстве после покойного светлейшего князя; но Богу известно, когда оное решится, а между тем я не имею ничего. Удостойте всем: государыня, устроить жребий мой, разсеяв сомнения безпомощной... Ваше императорское величество не оставляли никогда щедротами вашими мне подобных, и не одна я буду оными взыскана. Благоволите переменить указ о покупке крестьян, но повелите употребить сию сумму на доставление меня домиком, в котором жила бы я с тем моим покровителем, какового угодно было Вашему императорскому величеству мне назначить». Второй раз фамилия Темлицына прозвучала уже только в 1901 г. в «Ходатайстве внуков покойной Елизаветы Григорьевны Темлицыной, по мужу Калагеорги», где они называют свою бабушку крестницей Екатерины II.

Иван Христофорович Калагеорги вступил в службу ко двору 11 января 1782 г. и до 1789 г. состоял при великом князе Константине Павловиче для обучения его греческому языку, затем был пожалован в армию поручиком и находился при генерал-фельдмаршале И.П. Салтыкове, участвовал в кампании 1790 г. против шведов, в том же году произведен в капитаны, в 1793 г. — в секунд-майоры. В 1794 г. уволен к статским делам и в ноябре определен в Сенат экзекутором, а в 1797 г. стал коллежским советником.

В течение нескольких лет И.Х. Калагеорги занимал должность херсонского вице-губернатора, затем стал херсонским губернатором и в 1820—1833 гг. екатеринославским губернатором. За заслуги в управлении херсонской губернией в течение года, когда военный губернатор Дюк де Ришелье отсутствовал, и особое усердие при заготовлении провианта и овса для Молдавской армии, 29 января 1810 г. Калагеорги был награжден орденом Св. Анны 2-го класса. В этом же году Калагеорги по делам службы отправился в столицу с письмом Ришелье к князю А.Б. Куракину, рекомендовавшего «чиновника сего, как известного мне коротко с весьма хорошей стороны».

Калагеорги сохраняет свое положение при дворе. Приехав в Петербург, он живет в Мраморном дворце, и, как свидетельствует письмо от 9 июня 1810 г. к двоюродному брату жены — графу А.Н. Самойлову, имеет возможность способствовать просьбам, обращенным к Александру I и М.М. Сперанскому. Как следует из послания, Самойлов хотел помочь в продвижении по службе или награждении мужу своей внучки — Д.А. Донец-Захаржевскому.

«Сиятельнейший граф, милостивый государь!

По причине продолжающейся Петра Яковлевича болезни, получив от него письма Вашего сиятельства к государю императору и Михаилу Михайловичу Сперанскому, которому лично я вручил вчерашнего числа. Он меня отменно хорошо принял и обнадежил, что непременно вручит государю, но нужно, сказал, иметь терпение до первого большого праздника, я ему сказал, что в будущем месяце 22-го вдовствующей императрицы будет; он обещался непременно тогда и доложить и об резолюции хотел мне дать знать, либо сам напишет Вашему сиятельству. Сказал

также, что он господина Захаржевского не знает, я отвечал, что и цесаревич его знает и хороших очень об нем мыслей. На сих днях непременно постараюсь я, чтобы Его высочество попросил господина Сперанского, так же и Ардалиона Александровича напущу на него; в протчем, что по сему еще воспоследует, не премину известить».

Елизавета Калагеорги все это время жила в Херсоне, откуда посылала своему двоюродному брату и покровителю графу А.Н. Самойлову письма, полные намеков на семейные тайны, которые нам, наверное, так никогда и не разгадать:

Херсон 1810 г. сентября 8

Милостивый государь Александр Николаевич!

Приношу мою благодарность за поздравление Ваше меня с имянинами. Напрасно изволите беспокоиться, что ничего не посылаете, я и не ожидала. Позвольте Вам сказать, вспомните то письмо, которое Вы мне изволили писать в бытность мою в деревне, оное наполнено колкими укоризнами и огорчительными упреками за сделанное Вами мне благодеяние, после етого могу ли я принять от Вас какого ни есть подарка. Есть ли Вы думаете, что я неблагодарна, то оставили бы на мою совесть, а попрекать, уже ето не благодеяние; но Вы меня напрасно щитаете неблагодарною, сие не доказательство, что я не приехала с Вами проститься, не могла тогда, и теперь не могу описать все притчины, которые задержали меня ехать к Вам. Вспомните, что я неоднократно, когда мне можно было, приезжала из Херсона к Вам нарочно поздравить Вас с имянинами Вашими, думая чрез то сделать Вам угодное, но Вы и виду не показывали, что Вы етим довольны; а в маленькой невольной моей ошибки тотчас даете знать Ваше негодование.

Имела честь получить бумагу на мальчика и девочку для доставления Сухопрудской, за что чувствительно благодарю, и прошу Вас простить меня, есть ли я Вас с сим обеспокоила.

В протчем, желаю душевно Вам совершеннаго здравия. Имею честь пребыть с глубочайшим моим почтением Вашего сиятельства покорная слуга Е. Калагеоргиева.

Херсон 1812 г. января 18

Милостивый государь Александр Николаевич!

Имела честь получить письмо Ваше, но крайне и душевно сожалею, что Вы часто бываете нездоровы, берегите себя, Вы всегда пренебрегаете своим здоровьем и не бережетесь в пище. Надеюсь, что Вы получили мое последнее письмо, надеюсь также, Вы простите меня, что беспокою Вас моею просьбою, но верьте, что крайне нуждаюсь в деньгах. Уверена в Ваших милостях ко мне, осмеливаюсь Вас еще утруждать. Несколько писем получаю от госпожи Сухопрудской, просит крепости на мальчика и девочку, Вам мне пожалованные, которых я ей уступила; она показала у себя их по теперешней ревизской сказке купленных от Вас, она имеет свидетельство на их от Вас, но она очень недовольна мальчиком, который пренегодный, ворует и несколько раз уже бежал от нее, так как она очень недостаточна, то хочет продать его, но без купчей крепости не может ни к чему приступить. Прошу Вас, Александр Николаевич, сделать милость и оную прислать, дабы могла я ей сим сделать большое удовольствие.

Желая душевно быть Вам здоровым, целую Ваши ручки. Остаюсь навсегда покорная, Ваша Елисавета Калагеоргиева.

Херсон 1813 г. января 8

Милостивый государь Александр Николаевич!

Надеюсь, что Вы последнее мое письмо получили, в котором поздравляла Вас с праздниками Рождества Христова, теперь позволите Вас поздравить с Новым годом и пожелать Вам всех благ на свете. Благодаря Бога, до нас не дошла чума, и там, где есть, начинает прекращаться. Я бы давно у Вас была, есть ли бы не помехою сия болезнь, где в многих местах надо выдерживать карантины.

За обязанность поставляю, так как Вы, Александр Николаевич, истинной мой благодетель, уведомить Вас, что вторую мою дочь сватает один помещик в 30 верстах от Новомиргорода именем Лутковской, родной племянник княгини Кудашевой, что тоже возле Миргорода. Человек молодой, предостойной, имение очень изрядное, служил он в военной службе, потом в отстав-

ку для домашних обстоятельствах отставлен подполковником. По-настоящему, должно бы не согласиться, пока старшая наша не выдет, но, мне кажется, в нашем состоянии не должно иметь предубеждения.

Я надеюсь на Бога, что и Варинька моя уйдет своей судьбы, есть ли мы станем выбирать, то могут они просидеть, а я больше ничего не желаю, как видеть их щастливыми в супружестве и не нуждаться в своей жизни.

Итак, мы решились и дали слово, я хотела ехать на контракты, ибо нужно делать покупки, где гораздо дешевле, нежели у нас, да и достать многого нельзя, но не могу никак отлучиться теперь. Я дала комиссию одному туда ехавшему кое-что нужное искупить.

Позвольте мне прибегнуть к Вам, как к отцу, не оставить меня в теперешнем моем положении, из контрактов прислать, что Вам заблагорассудится, дочери моей всякая милость от Вас для нас дорога и примется как от отца. Попросите от себя и Катерину Николаевну (Самойлова Екатерина Николаевна (1750—1825), в первом браке за Раевским Н.Н. (1741—1771), во втором за Давыдовым Л.Д. (1743—1801). — *Н.Б.*), и к ней буду писать и уведомлю ее. Надеюсь, что Вы не прогневаетесь на меня, что я так чиста, сердечно смею Вам открыться.

Целую Ваши ручки, желаю, чтобы Вы здоровы были. Имею честь быть на века покорная Ваша Е. Калагеоргиева.

P.S. Забыла я Вам написать, что на сих днях ожидают князя Куракина в Екатеринослав, куда и Иван Христофорович (Калагеорги. — *Н.Б.*) хочет отправиться; я думаю, Вы известны, что князь сделан начальником для прекращения моровой язвы».

Всего несколько писем. Мы видим скромную женщину, заботливую мать (у Елизаветы Григорьевны и Ивана Христофоровича было четыре сына: Александр, Григорий, Николай, Константин и пять дочерей: Варвара, Екатерина, Вера, Настасья и Софья). Ни намека на прошлое, родителей. Не найдено пока переписки Е.Г. Калагеорги с другими родственниками по отцу — Воронцовыми, Голицыными, Юсуповыми. Только эти послания, написанные ее рукой. Они вызывают большие сомнения в достатке семьи и получении богатого наследства после отца. Елизавета Григорьевна постоянно жалуется своему родственнику на тя-

желое материальное положение и оправдывается перед ним в каких-то своих проступках.

В Херсонской губернии Е.Г. Калагеорги принадлежало село Балацкое, в котором числилось 42 двора, 103 м.п. и 84 ж.п. душ. Сохранившееся описание села тоже не говорит о каких-то преимуществах происхождения помещицы: «Село Балацкое, статской советницы Елизаветы Григорьевны Кологеоргиевой с выделенной церковной землею. Село при озере Болацком; церковь каменная во имя Верховных апостолов Петра и Павла; две ветряных мукомольных мельницы, каждая об одном поставе. Церковная земля по обе стороны балки Добринской, и дача речки Ингула на левой, и по обе стороны балок Дорышевой, Хреновой, Добренькой, на коей три пруда: Холтаревой и Кошиноватый, от вершинова Дорошева и Добренького и многих безыменных озера Хренового, 4-х протоков безымянных и при озере Балацком описания реки, озера. В них рыба, грунт земли; хлеба, сенных покосов. Лес — в нем звери, в полях и при водах птицы и промыслы крестьян: промышляют хлебопашеством, женщины сверх полевой работы прядут шерсть, ткут холсты и сукна для себя».

Переселившись в Варшаву, цесаревич Константин Павлович не забыл своего старого друга по детским играм; в 1816 г. он рекомендовал Калагеорги его начальнику бессарабскому губернатору Бахметьеву как человека, «коего я, по нахождению при мне с малолетства, знаю как отличного, достойного и честного человека...». В семье Калагеорги особо хранили 18 писем цесаревича к Ивану Христофоровичу за 1815—1822 гг., являвшихся лучшим доказательством добрых чувств, которые испытывал Константин к другу детства. Почти все они посвящены заботам цесаревича об устройстве судеб старших сыновей Ивана Калагеорги — Александра и Григория. Он принял их под свое покровительство и попечение, намереваясь определить в лейб-гвардии Конный полк, где некогда начинал Григорий Потемкин, а для получения образования поместил на казенный счет в 1-й Кадетский корпус.

Цесаревич с отеческой заботой следил за нравственным и физическим развитием юношей, сообщал отцу об их успехах. После окончания корпуса Александр и Григорий были произ-

ведены в корнеты с определением в лейб-гвардии Уланский полк, но великий князь, чтобы «и после сего не оставить их без надзора», привез юношей вслед за собой в Варшаву и не переставал информировать Ивана Христофоровича о службе сыновей.

Земельные владения семьи Калагеорги были увеличены в 1820 г., когда «по уважению усердной 39-летней службы Екатеринославского гражданского губернатора» действительного статского советника Ивана Христофоровича ему были пожалованы земли. В том же 1820 г. 26 мая семейство Калагеорги принимало в своем доме родственников Раевских и приехавшего вместе с ними поэта А.С. Пушкина. Неужели он, так живо интересующийся эпохой Екатерины II и личностью ее фаворита, не знал, что видит его настоящую дочь? Какая потеря для собирателя старинных историй.

Продолжают историю происхождения Елизаветы Калагеорги письма ее сына к известному коллекционеру Петру Михайловичу Третьякову. В конце декабря 1883 г. генерал-лейтенант Константин Калагеорги послал из Херсона в Москву письмо с предложением: «Имея великолепный портрет моей матери работы знаменитого Боровиковского и не желая, чтобы это изящное произведение осталось в глуши Херсонских степей, я совместно с сыном моим решились продать этот фамильный памятник и сделать его доступным как для публики вообще, так в особенности для молодых художников и любителей живописи. Ваша галерея картин известна всем, а потому обращаюсь к вам с предложением, не угодно ли вам будет приобрести эту драгоценную вещь».

Полотно было оценено в шесть тысяч рублей и весной 1884 г. отправлено в Москву вместе с сопроводительным письмом Калагеорги: «Портрет имеет ценность историческую, так как мать моя — родная дочь Светлейшего князя Потемкина-Таврического, а со стороны матери — тоже высокоозначенного происхождения. Она воспитывалась в Петербурге, в лучшем тогда пансионе Беккера, и прямо из пансиона выдана замуж за моего отца, бывшего тогда товарищем детства Великого князя Константина Павловича, и получила от Потемкина обширные поместья в Новороссийском крае». Возможно, именно тогда у Елизаветы Григорьевны появилась более приемлемая фами-

лия — Темкина вместо Темлицына, тогда же и возникла идея о том, что ее мать — императрица Екатерина II. Многим бы хотелось, чтобы столь романтическую любовную связь венчало рождение ребенка.

Не согласившись на цену, предложенную Третьяковым, в 1885 г. внук Темкиной мировой судья Николай Константинович Калагеорги потребовал возвратить картину в Николаев. Вскоре она оказалась собственностью Н.М. Родионова, он также пытался продать портрет известному собирателю Третьякову. Уже в 1907 г. у вдовы Калагеорги картину приобрел московский коллекционер Иван Цветков. В своих записках по искусству он оставил запись беседы с внуком Ивана Калагеорги, который рассказывал ему о бабушке как о дочери Екатерины II и Г.А. Потемкина.

Итак, становится ясно, что в семье знали имя отца Елизаветы, а возможно, и матери, но по тем или иным причинам не называли его. Иначе говорится в этих письмах о том, где воспитывалась девушка до замужества: не в семье Самойловых, а в пансионе Беккера. Странно звучат и слова об обширных поместьях, полученных от отца, поскольку в делах по наследству князя ее имя не фигурирует, как и в многочисленных бумагах Потемкина. На самом деле единственное владение в Херсонской губернии — село Балацкое — Елизавета Калагеорги приобрела в 1796 г. у своего брата графа А.Н. Самойлова, получившего эти земли в наследство после смерти Г.А. Потемкина. Можно предположить, что продажа была фиктивная, но тем не менее официально Елизавета не получала ни наследства после смерти отца, ни поместье в приданое.

Покровителем Елизаветы Григорьевны являлся близкий друг и сотрудник Г.А. Потемкина обер-штер-криг-комиссар Черноморского адмиралтейства М.Л. Фалеев, он завещал ей в 1790 г. 10 000 руб., как говорится в официальных бумагах: «На приданое девице Елисавете Григорьевой, оставленной на воспитании в доме статского советника Бека и у жены его Елены Андреевой, по завещанию истиннаго его друга Зоммера...» На протяжении нескольких лет продолжалась борьба Елизаветы Калагеорги с наследниками Фалеева, оспаривающими ее право на получение денег по завещанию. Персона Фалеева и его роль при Потемкине

довольно загадочны. Он, видимо, был особо доверенным лицом князя, посвященным во многие семейные тайны.

Если отцовство Потемкина можно считать неоспоримо доказанным, то с именем матери возникает много вопросов. Конечно, кажется вполне естественным назвать Екатерину II матерью девушки, и полное отсутствие материалов о ней среди личных бумаг императрицы оправдать устоявшимся мнением о недостаточном внимании государыни к своим детям. Однако тезис этот можно легко опровергнуть многочисленными документами, относящимися к сыну Екатерины от графа Г.Г. Орлова Алексею Бобринскому. Судьбе мальчика императрица посвящала много времени: было устроено его материальное положение, общественный статус, воспитание, образование; во время заграничного путешествия Екатерина поручила юношу заботам и вниманию своего верного корреспондента энциклопедиста Ф.-М. Гримма. Наконец, по вступлении на престол Павел признал Алексея Бобринского своим братом. В отношении дочери от законного, хотя и тайного, мужа нет ничего.

Трудно однозначно утверждать, что Екатерина была матерью Елизаветы Темкиной, или так же категорично опровергать эту версию без достаточных документальных данных. Наверно, когда-нибудь возможно будет по крупицам собрать мозаику жизни этой знатной по рождению, но во многом несчастной женщины, превратить историографический миф в реальность.

Возникает вопрос: если не Екатерина II мать Елизаветы Калагеорги, то кто? Можно предположить, что девочка родилась не в 1775 г., а позже, и тогда матерью могла стать Варвара Энгельгардт. А если довериться истории о том, что все сестры состояли в «гареме» светлейшего, то родить могла любая из них. Среди бумаг Потемкина сохранилось несколько записочек от неизвестных женщин, не оставляющих сомнений в том, что они были любовницами князя, следовательно, могли стать матерью его ребенка. Это даже более реально, поскольку девочку отдали на воспитание Самойлову, а не кому-то из семейства Энгельгардт, и ее имя не фигурировало в решении вопросов наследства как одно из доказательств привязанности Потемкина к детям от сестры Марфы.

Вполне вероятно, что Елизавета родилась в 1777—1779 гг. Именно тогда у Потемкина было несколько любовных связей, и

одна из женщин, адресовавшая столь пылкие послания красавцу-фавориту, могла стать матерью девочки:

«Как вы провели ночь, мой милый; желаю, чтобы для Вас она была покойнее, нежели для меня: я не могла глаз сомкнуть. Теперь я перед Вами вся и сама не знаю, почему мысль о Вас — единственная, которая меня одушевляет; но, сказать ли? я Вами не довольна. Вы казались таким рассеянным; что-то такое есть, что Вас занимает. При первом посещении Вашем Вы выказали более удовольствия видеть меня. Знаю, что вечером Вы не были у императрицы, что Вы захворали...»

«Я только что проснулась, и мне подали присланные Вами цветы, премного Вам обязана, сердце мое! Желаю, чтобы здоровье Ваше поправилось, чтобы я могла видеть Вас веселым и счастливым, каким видела Вас во сне нынешнюю ночь: Вы были так любезны, казалось, любите меня от всего сердца. Прощайте, расстаюсь с Вами; муж мой прийдет сейчас ко мне. А когда же Вы что-нибудь сделаете для моего сына? Я желала бы, чтобы он был в Вашем Новотроицком полку».

«...Матинька, когда я Вас увижу, моя жизнь! Завтра неделя, что я не видала тебя, душенька. Пожалуйста, заезжай когда-нибудь ко мне, мне бы хотелось всякую минуту быть с тобой; все бы тебя целовала, да тебе надоела...»

«...Целую Вас тридцать миллионов раз с ежеминутно возрастающей нежностью; пальчики и беленькия ножки целую в мыслях. Матинька, очень я тебя люблю, друг мой сердечный...»

Светлейшего любили женщины. Статный красавец, лицо которого не портил ослепший глаз, могущественный вельможа не мог не вызывать интереса и страстных чувств. Потемкин же обожал общество женщин, и его любовные интриги превращались в легенды. О приключениях князя в военном лагере в годы второй Русско-турецкой войны ходило множество анекдотов. Княгиня П.Ю. Гагарина рассказала историю, случившуюся с ней в Яссах в 1790 г. Потемкин стал ухаживать за княгиней, это при том, что в ставке уже была Прасковья Андреевна — супруга Павла Потемкина, ее также зачислили в список любовниц светлейшего и еще несколько дам. Ожидалось прибытие турецких уполномоченных, и князь, шутя, обещал Гагариной (она была

беременна) собрать «конгресс» в ее спальне. Она вспоминала, что однажды Потемкин даже схватил ее за талию, за что она при многочисленном обществе дала ему со всего размаху пощечину. Все ахнули. Взбешенный князь ушел в кабинет, гости ожидали катастрофы. Не прошло и четверти часа, как Потемкин вернулся и, поцеловав руку княгини, преподнес ей изящную бонбоньерку в знак примирения.

С именем Прасковьи Андреевны Потемкиной связан еще один характерный для образа князя рассказ, переданный его родным племянником Николаем Петровичем Высоцким. Светлейшему в 1788 г. нужно было тайно получить сведения о политических событиях в Париже. Он послал туда верного человека Баура, но, как было объявлено, за модными башмаками для Прасковьи Андреевны. В военном лагере принялись обсуждать причуды князя, а тем временем в сумку посыльного Василий Попов опустил секретный пакет на имя доверенного французского банкира. Баур прибыл в Париж, секретным образом передал пакет и бросился умышленно хлопотать, суетиться, бегать по всем лавкам, заказывая «модные башмаки для мадам Потемкиной». Город в недоумении: русский вельможа из дикой страны послал за башмаками для своей любовницы. Все только и обсуждали причуды неведомых русских, а Потемкин тем временем получил важные политические известия.

Франсиско де Миранда тоже вспоминал любовные увлечения Потемкина: «Наш князь более часа беседовал тет-а-тет с юной Марией Нарышкиной, излагая ей какую-то политическую материю, коей весьма озабочен, а она все повторяла, вздыхая: “Если бы это было правдой!”»

Потемкин любил и увлекался, вызывал в женщинах ответную страсть. Он был удачливым мужчиной, и судьба благоволила ему во всем. Женщины, окружавшие светлейшего, были прекрасны и удивительны, каждая из них личность сильная и оригинальная. Племянницы Потемкина — украшение его жизни — стали прекрасными женами и матерями, воспитали детей, потомки которых и сейчас живут во всех уголках земного шара.

Глава 17. ПРОЩАЛЬНЫЙ БАЛ

В феврале 1791 г. Потемкин в последний раз приехал в Петербург, покинув так полюбившиеся ему просторы Новороссии. Сведения доверенных лиц о возрастающем влиянии на Екатерину II молодого фаворита Платона Зубова встревожили князя. Михаил Гарновский подробно писал Василию Попову о происходящих при дворе событиях, и Потемкин даже вдали от столицы был в курсе событий. Еще 13 августа 1789 г. он сообщал о посещении императрицей вместе с новым фаворитом «ближайшие к корпусу дворца комнаты его светлости», осмотре ими редких картин и библиотеки. 25 августа Гарновский пишет, что «никогда государыня не была лучше расположена к его светлости, как теперь; в день воспоминает его раз по несколько и весьма его здесь видеть желает... Случай Зубова продлится, без всякого сомнения, по крайней мере до возвращения его светлости». Екатерина приказывает отремонтировать Шепелевский дом Потемкина, обить комнаты белым штофом, развесить картины — словом, подготовить все к приезду светлейшего. Но опытный придворный чувствовал опасность со стороны нового фаворита, несмотря на слова Гарновского о прежнем расположении к нему императрицы.

Политическая партия, стоявшая за Зубовым, усиливала свои позиции, и впервые императрица была так увлечена, что более внимательно прислушивалась к критике действий Потемкина. Тон ее писем по-прежнему дружелюбен, но она упоминает «самых недоброхотов», которые «хотя злятся, но оспаривать не могут великие тобою приобретенные успехи, коими Всевышний увенчал, и искусные твои труды и рачение...». Появление в Петербурге князя (а его вес в государственных делах и душевная близость с Екатериной были несоизмеримы с влиянием молодого красавца Платона Зубова) могло серьезно пошатнуть позиции партии противников светлейшего при дворе. «Хотя я победил его наполовину, но окончательно устранить с моего пути никак не мог, — рассказывал в 1819 г. Зубов своему управляющему, — а устранить было необходимо, потому что императрица сама шла навстречу его желаниям и просто боялась его, будто взыскательного супруга. Меня она только любила и часто указывала на Потемкина, чтобы я брал с него пример».

Как нередко случается с людьми, спустя годы они по-иному видят прошлое и свою роль в событиях минувших дней. Вряд ли Зубов был столь сильной политической фигурой, чтобы добиться опалы Потемкина, много лет стоящего у подножия трона. Скорее князя в столицу звали дела, связанные с завершением тяжелой для юга России войны. Он был убежден: вопрос о выходе Порты из войны решается не на Босфоре, а на берегах Рейна и Темзы, следовательно, надо вести переговоры напрямую с монархами Европы. Но тем не менее, как говорили современники, Потемкин стремился в столицу и для того, чтобы «вырвать зуб» — устранить влияние Зубова на государыню. Екатерина сначала отговаривала его, ссылаясь на необходимость присутствия князя в Яссах в связи с возможным скорым миром: «Касательно до твоего приезда сюда, я тебе скажу, что лично я всегда рада тебя видеть... нахожусь в необходимости тебя просить предпочитать пользу дел и не отлучаться, но, заключа мир, возвратиться, яко миротворец».

Потемкин настаивал на скорейшем приезде в Петербург. Потеряв терпение, 15 января он пишет своей монаршей покровительнице письмо, которое должно было уверить ее в правильности принятого князем решения и его самых искренних намерениях. Потемкин обращается не только к разуму Екатерины, но и к ее чувствам: «Есть ли во мне что хорошее, то назидано Вами. Мог ли я оказать свою годность? На то Вы подали способ. Я тем похвалюсь, что никто другой не может: по принадлежности моей к тебе, все мои добрые успехи лично принадлежат тебе». Подчеркивая, что императрица «с первой молодости» вела его к вершинам государственной власти и политического искусства, светлейший просит не пренебрегать своими советами в столь сложных обстоятельствах.

Государыня понимает, что удерживать Потемкина бесполезно, возможно, он уже в дороге. Она до глубины души тронута его искренностью, решимостью и преданностью ей и делам государства. Навстречу князю летит гонец с новым письмом Екатерины: «Твои ко мне чувства мне известны, и как, по моему убеждению, это часть твоего существования, то я уверена, что они никогда не изменятся; а у тебя иных никогда не знала. Господин питомец мой, ты оправдал мое об тебе мнение, и я дала и даю тебе аттестат, что ты господин преизрядный...»

28 февраля 1791 г. Григорий Потемкин прибыл в Петербург. В эти дни он активно работал вместе с А.А. Безбородко, составляя документы «для отклонения от войны» с Англией и Пруссией, много времени проводил наедине с государыней, решая важные политические задачи, стоящие перед Российской империей. Открытого столкновения с Платоном Зубовым, которого ожидали придворные доброхоты, не произошло. Державин спустя годы писал о «каком-то тайном подозрении в сердце императрицы против Потемкина», его недовольстве назначением поэта-чиновника к докладам по военным делам, странном поведении светлейшего: «Злоязычники говорили, что будто он часто пьян напивается, а иногда как бы сходит с ума, заезжая к женщинам, почти с ним незнакомым, говорит несвязно всякую нелепицу». Но это только придворные сплетни — обычное дело по отношению к людям столь высокого положения и неординарным личностям, как Потемкин.

Сама Екатерина была очень довольна тем, что открытого разрыва между верным фаворитом и новым любимцем все же не произошло. Опытный политик сумел показать свою силу, не прибегая к крайним мерам, и сохранить доброжелательные отношения с Зубовым. «При виде князя Потемкина, — писала императрица 14 мая 1791 г. принцу Шарлю де Линю, — можно сказать, что победы и успехи украшают человека. Он возвратился к нам из армии прекрасный, как день, веселый, как зяблик, блистательный, как звезда, более остроумный, чем когда-либо». Разве могла тогда Екатерина даже подумать, что видит Григория Потемкина последний раз? Он ушел на пике карьеры, могущественный, влиятельный, непобежденный. Россия запомнила его могучим героем и в придворной борьбе, и на военном поприще.

Во время своего последнего пребывания в Петербурге князь окружил себя пышностью и роскошью. На публичные выходы он являлся во всем блеске, с многочисленной свитой из генералов, офицеров и пленных пашей. Столица была поражена грандиозным праздником в знаменитом Таврическом дворце князя, посвященным взятию Измаила. Это была вершина торжества Потемкина.

Таврический дворец был построен по проекту приятеля светлейшего по Московскому университету, служившего у него в

штате, архитектора И.Е. Старова — автора фактически всех дворцов Потемкина. Дворец в стиле классицизма поражал своим великолепием. Он славился богатым внутренним убранством, зимним садом с оранжереями, скульптурами, мраморными вазами, фонтанами.

Строительство дворца в Конной гвардии началось в 1782 г. и продолжалось в течение восьми лет; сооружение загородной резиденции князя шло под гром сражений второй Русско-турецкой войны 1787—1791 гг. Среди хозяйственных бумаг Потемкина можно встретить различные документы, счета, реестры, списки строительных материалов, связанные с возведением Таврического дворца, его ремонтом и перестройкой уже после смерти владельца для нужд казны, куда он был куплен у наследников князя в счет его долгов.

В 1790 году Потемкин продал дворец в казну за 450 тысяч рублей, а уже в начале следующего года Екатерина II возвращает князю его как подарок. Подобную операцию Григорий Александрович проделывал несколько раз с некоторыми своими домами и владениями, поддерживая, видимо, таким образом свое финансовое положение. За несколько недель дворец был меблирован и наполнен различными художественными сокровищами, превратился в сказочное место, где Потемкин собрал все свои любимые диковинки.

Таврический дворец стал своеобразной архитектурной одой в честь достижений и побед Потемкина, символом величия и славы Российской империи. Художественный образ дворца, увиденный глазами современника, запечатлен тонким знатоком искусства поэтом Г.Р. Державиным в описании потемкинского праздника, сделанного им по заказу владельца: «Кто хочет иметь о нем понятие — прочти, каковы были загородные дома Помпея и Мецената. Наружность его не блистает ни резьбой, ни позолотой, ни другими какими пышными украшениями. Древний изящный вкус — его достоинство; оно просто, но величественно». Для торжественного бала в Таврическом дворце Державин сочинил также по просьбе Потемкина четыре хора на музыку Осипа Козловского.

Для царственных гостей в огромной зале, рассчитанной на пять тысяч человек, была устроена галерея, поддерживаемая

двумя огромными колоннадами. В первой между колоннами было сделано по три ложи для знатных особ женского пола, убранных снаружи подзорами из белой и зеленой тафты. От подзоров вниз по столбам спускались занавесы из такой же тафты, так что каждая ложа представлялась смотрящим снизу прекрасным балдахином. По обеим сторонам противоположной колоннады между последними двумя столбами были поставлены громадные зеркала, увитые зеленью и цветами.

Великолепная эстрада отделяла галерею от зимнего сада. Сквозь колонны был виден райский уголок, наполненный фантазией английского садовника Гульда: живыми лаврами, миртами и другими южными деревьями, усыпанными цветами и плодами. «Под мирною тению их, — писал Державин, — инде как бархат стелется дерн зеленый, там цветы пестреют, здесь излучистые песчанные дороги пролегают, возвышаются холмы, ниспускаются долины, протягиваются просеки, блистают стеклянные водоемы; везде царствует весна, и искусство спорит с прелестями природы». В кустарниках гости могли видеть гнезда соловьев и других поющих птиц — воздух был наполнен их пением. В траве стояли большие стеклянные шары, наполненные водой, в них плавали золотые и серебряные рыбки.

В саду был устроен храм с жертвенником, на нем возвышалась статуя Екатерины из белого мрамора «на порфировом подножии с златой надписью "Матери Отечества и мне премилосердой"». К храму вел затейливый лабиринт, как знак того, что «не легко достигнуть подобного обожания и славы». По тропам лабиринта расставлены статуи славных в древности мужей, мраморные вазы. На зеленом лугу, позади алтаря, сооружена высокая хрустальная «алмазовидная, обделанная в злато пирамида» с вензелем императрицы, украшенная висящими гранеными цепочками и венцами из разных драгоценных каменьев. За обелиском в самой глубине сада — зеркальная пещера, внутри нее колодец и резная купель из паросского мрамора выше человеческого роста.

Покои Таврического дворца не отставали по роскоши и изобретательности украшения от зимнего сада. Художники несколько недель трудились над отделкой и убранством дворца. Весь город только и обсуждал, сколько денег потратил на празднество Потемкин, как обставлены комнаты дворца, что устроено

в зимнем саду, сколько провизии и какой закупают служащие князя по всему Петербургу. Увиденное превзошло все ожидания. Залы блистали картинами, коврами, великолепными обоями, различными редкостями и диковинками, поражавшими взгляды любопытных гостей. Особое впечатление произвел золотой слон с необычными часами на спине, шевеливший глазами, ушами и хвостом. Была еще одна диковинка — удивительные часы в форме высокого бронзового дерева, на котором находились павлин, петух, сова и разные малые животные в натуральную величину, искуснейшей работы из металла. Животные, когда часы отмечали время боем, двигались и даже кричали. Как писал Державин, «казалось, что все богатство Азии и все искусство Европы совокуплено там было ко украшению храма торжеств великой Екатерины».

Гостей на празднике собралось множество. Сам хозяин ожидал императрицу в залах дворца. На нем был малиновый фрак и епанча из черных кружев стоимостью в несколько тысяч рублей, столь любимые им бриллианты сияли везде. Унизанная ими шляпа была так тяжела, что князю пришлось передать ее адъютанту. К 6 часам пополудни торжественно прибыла Екатерина II со всем императорским семейством, придворными дамами и кавалерами. Все были в маскарадном платье. Кавалеры оделись в испанскую одежду, а дамы — в греческую, их чалмы и платья были богато вышиты золотом, пояса и ожерелья блистали драгоценными каменьями.

При появлении государыни от алтаря выступил хоровод, состоящий из двадцати четырех пар юношей и девушек из знаменитых дворянских родов России, среди них были и внуки Екатерины — Александр и Константин. Эта великолепная кадриль открыла бал польским танцем. С хоров грянула торжественная песня Державина «Гром победы раздавайся»:

Гром победы раздавайся,
Веселися храбрый Росс,
Звучной славой украшайся:
Магомета ты потряс.
Славься сим, Екатерина,
Славься нежная к нам Мать!

Воды быстрыя Дуная
Уж в руках теперь у нас.
Храбрость Россов почитая,
Тавр под нами и Кавказ.
Славься сим, Екатерина,
Славься нежная к нам Мать!

Одарив своим вниманием участников бала, Екатерина уединилась для отдыха в «чертоге, устланном коврами», стены которого были обиты драгоценными тканями. Вдруг «ожил» диковинный золотой слон. Искусно устроенная на нем фигура персиянина ударила в колокол, это было сигналом к началу театрального представления. Уже наступила ночь. После балета и комедии Потемкин пригласил императрицу и всех гостей к парадному ужину.

Гости, вступившие в освещенные залы Таврического дворца, и сама Екатерина не смогли скрыть удивления: «Неужели мы там, где прежде были?» Тысячи лампад внутри дома. Потолок, карнизы, окна, простенки — везде паникадилы, фонари и светильники, наполненные горящим белым благовонным воском. Одни как жар горят, другие как воды переливаются, соединяясь, они создают торжественное сияние, все покрывают своими лучами. «Волшебные замки Шехерезады, — воодушевленно писал поэт Державин о чудесах, представленных Потемкиным, — сравнитесь ли вы с сим храмом, унизанным звездами, или лучше с целой поднебесностью, увешанной солнцами?.. Я весь в зарях. Окна окружены звездами. Горящие полосы звезд по высоте стен простираются. Рубины, изумруды, яхонты, топазы блещут. Разноогненные с живыми цветами и зеленью переплетенные венцы и цепи висят между столпами. Тенистые радуги бегают по пространству...». Такого великолепия давно не видывала столица.

Для народного гулянья перед дворцом устроили качели, поставили лавки, бесплатно раздавали платья, чулки, шляпы, «вареную и неварeную пищу», разные напитки. В самом Таврическом несколько покоев заняли богато убранные столы, накрытые дорогими сервизами и заполненные самыми изысканными яствами. Столы расположили амфитеатром, так, чтобы все взоры гостей были обращены к императрице, и, по словам

Державина, «казалось, что вся империя пришла со всем своим великолепием и изобилием на угощение своей всемилостивейшей и великой обладательницы». Из кавалеров сидели только принцы, сам Потемкин стоял за креслом Екатерины до тех пор, пока она не приказала ему сесть. В продолжение всего вечера хор из 300 музыкантов светлейшего пел сочиненные Державиным стихи, восхвалявшие всевозможные достоинства мудрой государыни и ее заслуги в судьбе Отечества.

Окончание празднества было не менее торжественным. Державин рассказывал, что Потемкин «с благоговением пал на колени пред своею всемилостивейшею благодетельницею и лобызал ея руку, принося усерднейшую благодарность за посещение». Народное гулянье с пением малороссийских песен продолжалось до самого утра. Иностранный очевидец потемкинского торжества Сенак де Мейльян с удивлением писал к своей приятельнице госпоже NN в Париж о поразившем его поступке могущественного вельможи: «Заметил я и то, что в царстве женщины нет надобности мущинам унижаться перед нею... Пусть было бы это перед императором, — иностранец говорил о том моменте, когда Потемкин упал перед государыней на колени, — и сия глубокая униженность будет показывать только высочайшую власть и беспредельное уважение: но изъявление такой покорности императрице рождает мысль о власти красоты... и я сам готов боготворить царствующую жену». Такое поведение вельможи очевидец объясняет и давней русской традицией — «восточным обыкновением повергаться к ногам государя, когда он изволит посетить чье-либо жилище».

Роскошный праздник Потемкина в Таврическом дворце Екатерина назвала «прощальным вечером», что было понято князем, — государыня желает его возвращения на юг к оставленным планам по прекращению войны. 24 июля 1791 г. Потемкин, сам того не зная, навсегда покинул Петербург. В последний вечер перед отъездом он обедал у племянницы Татьяны. В числе гостей была графиня Головина, считавшая князя одним из самых безнравственных людей, но в этот раз даже ее сердце дрогнуло: Потемкин говорил о скором прекращении дней своей жизни. Многие современники, узнав о смерти светлейшего, вспоминали потом, что он предвидел свою кончину.

Пушкин записал такой эпизод в «Разговорах с Загряжской»: «Потемкин приехал со мной проститься, я сказала ему: "Ты не поверишь, как я о тебе грущу". — "А что такое?" — "Не знаю, куда мне будет тебя девать". — "Как так?" — "Ты моложе государыни, ты ее переживешь; что тогда из тебя будет? Я знаю тебя, как свои руки: ты никогда не согласишься быть вторым человеком". Потемкин задумался и сказал: "Не беспокойся; я умру прежде государыни; я умру скоро"».

Предчувствие его не обмануло. Покинув столицу, Потемкин вернулся на театр военных действий и занялся вопросами мирных переговоров с турками. Болезнь, уже давно подтачивавшая его организм, усиливалась быстро, и все чаще и чаще в письмах его к императрице встречаются жалобы на упадок сил. Из Ясс 6 августа он писал: «...я вчерашнего дни сюда прибыл. Сделал с лишком пятьсот верст в тридцать часов. Что устал и изнемог, о том ничего не говорю...» Переговоры с турками внушали надежду на скорое заключение мира, Потемкин даже потребовал независимости для Молдавии, права России утверждать господарей Валахии и уступки города Анапы. Но тут случилось страшное предзнаменование.

13 августа 1791 г. в местечке Галац от лихорадки умер один из офицеров свиты Потемкина, Карл Александр Вюртембергский, родной брат Марии Федоровны, супруги наследника престола Павла Петровича. Светлейший покровительствовал ему, и великая княгиня неоднократно благодарила его за брата. 5 июля 1789 г. из Павловска Мария Федоровна писала князю: «Похвалы, которые Вы ему даете, меня тем больше обрадовали, что я надеюсь, что все ево старание будет заслуживать хорошие мысли, которые Вы о нем имеете, и всю дружбу и попечение, которое Вы ему уже показали. Будьте уверены о всей моей благодарности и что я больше чувствительна, нежели могу изъявить...» Поздравляя Потемкина со взятием Бендер 17 ноября того же года, что «умножало славу Вашу без пролития крови», великая княгиня снова с искренней признательностью писала князю: «Продолжайте ему (Карлу Вюртембергскому. — *Н.Б.*) сие расположение, и есть ли бы был еще в нынешнюю кампанию случай, где бы он мог показать свою охоту и усердие к службе, я верно надеюсь, что Вы ево употребите».

Смерть члена императорской фамилии произвела сильное впечатление на Потемкина. Он устроил пышные похороны, по жаре прошел в траурной процессии, а затем выпил два стакана ледяной воды. И тут случилось то, что многие сочли за предзнаменование скорой кончины Потемкина. По окончании отпевания князь вышел из церкви, приказали подать его карету, но по случайности вместо нее подвезли гробовые дроги. Потемкин в ужасе отступил — он был чрезвычайно мнителен.

Уже больного светлейшего повезли в расположенное неподалеку местечко Гущ. 15 августа, перед отъездом, он написал Екатерине о том, что заболел: «Бог свидетель, что замучился, идет 2-ой беспрерывный параксизм». Спустя несколько дней светлейшему полегчало, и он, уверенный, что и на этот раз победит недуг, спешит уверить императрицу: «Благодаря Бога опасность миновала, и мне легче. Осталась слабость большая. День кризиса был жестокий. Я не уповал уже Вас, матушка родная, всемилостивейшая государыня, видеть». 29 августа Екатерина молилась в Александро-Невской лавре о здравии своего верного Потемкина и подарила монастырю «большое серебряное паникадило к раке Св. Александра Невского, золотую лампаду, сверх того сосуды золотые с антиками и бриллиантами».

Еще не оправившись полностью от лихорадки, светлейший спешит в Яссы, туда же выехала Александра Браницкая. В сентябре здоровье Потемкина опять ухудшилось. 6-го числа он написал государыне: «Четверо сутков беспрерывный жар, и боль головная, и слабость крайняя. Я во власти Божией, но дела Ваши не потерпят остановки до последней минуты». Вельможа в бриллиантах даже на пороге смерти думал о заботах государственных. В городе свирепствовала малярия. «Такого году никогда не бывало: все немогут, — жаловался Потемкин императрице на тяжелейшую эпидемию. — Дом мой похож на лазарет, в армии в лазаретах больных 8 тысяч, да при полках 10 тысяч. Слава Богу, что не мрут».

Верный Василий Попов неотлучно находился при князе и подробно сообщал Екатерине о здоровье Потемкина. 21 сентября он писал А.А. Безбородко: «Князь опять занемог. Лихорадка мучила его третьяго дня жесточайшим образом, так что его светлость до сих пор не встает с постели». Александра

Браницкая и Василий Попов уговорили Потемкина принимать лекарство и соблюдать диету. Появилась надежда на выздоровление, верный секретарь докладывал императрице: «Здоровье его светлости при наблюдаемой им умеренности в пище час от часу становится лутче». Но колесо времени не суждено остановить. Земные дни князя неуклонно подходили к концу. Болезнь наносила все новые и новые удары. В письмах Потемкин уже не скрывает своего отчаяния и говорит о мучительных приступах, послания Попова государыне и Безбородко полны описаний невыносимых страданий князя. Трое докторов — Тиман, Массо и Санковский — констатировали, что «болезнь уже в таком развитии, что обыкновенное врачевание едва ли поможет».

26 сентября Потемкин пишет несколько строк Екатерине: «Измученный жестокими моими страданиями не могу я сам писать. Попов донесет Вашему величеству о моем состоянии, — но у князя достает сил завершить короткое послание по всей форме, — я же до последнего издыхания Ваш благодарнейший и вернейший подданный князь Потемкин-Таврический». На следующий день сил его хватило только на одну строчку: «Матушка родная, жить мне больше тяжело, что тебя не вижу». Он уже знал наверняка, что его бал в Таврическом дворце и вправду стал прощальным, никогда уже не увидать ему столь милое и любимое лицо Екатерины, ее улыбки, не услышать нежного, умеющего повелевать миллионами, голоса. Никогда не назовет императрица своего фаворита «Милая милюшечка Гришенька», никогда он не услышит «Гяур, москов, казак». Теперь они расстались навсегда. Не по вине друг друга, не из-за придворных интриг и козней противников, а по воле судьбы, распорядившейся жизнью Потемкина.

25 сентября Попов докладывал императрице о состоянии светлейшего: «От 21 сентября до нынешнего дня князь подвержен был безпрестанным и жестоким страданиям. Все признаки открывали тяжкую и мучительную болезнь. Горестныя его стенания сокрушали всех окружающих его. Когда только боли его унимались, то его светлость начинал говорить о безнадежности своей жизни и со всеми прощался, не внемля никаким нашим вопреки сего увериям». 27 сентября наступило некоторое улучшение, Потемкин «приобщился Святых Тайн». 30 сентября, в

свой день рождения (князю исполнилось 52 года), светлейший плакал, вспоминал «священное» имя государыни, а окружающие старались его утешить. Все чувствовали, что наступают последние дни. Потемкин решился ехать, велел закладывать карету. Ему казалось, что лучшим лекарством станут родные степи Новороссии, любимый ветер с Черного моря. 4 октября Попов сообщил Безбородко: «Его светлость решил отсюда выехать в Николаев и сегодня в 8 утра в сей путь отправился». В тот же день Потемкин отправил из Ясс свое последнее письмо Екатерине: «Матушка, всемилостивейшая государыня. Нет сил более переносить мои мучения. Одно спасение остается — оставить сей город, и я велел себя везти в Николаев. Не знаю, что будет со мной. Вернейший и благодарнейший подданный. Одно спасение — уехать».

До Николаева он не доехал. 5 октября около полудня несколько карет, медленно двигавшихся по степной дороге в сторону Кишинева, остановились на обочине. Потемкин велел вынести его коляски и положить на землю. «Я хочу умереть на поле», — согласно преданию, объявил он. Потемкина уложили на ковер, под голову устроили кожаную подушку; казалось, что ему стало легче на воздухе. Вокруг собралась немногочисленная свита, все плакали. Доктора стояли неподалеку, уже не в силах помочь вельможе. Один из них, Сановский, протянул дорожную икону. Потемкин поцеловал ее и выронил из рук. Спустя мгновение посреди бессарабской степи окончилась жизнь одного из великих людей своего времени — светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического. Один из казаков, сопровождавших его, достал из кармана два медных пятака и закрыл ими глаза покойного. В руках нескольких сотен нищих перебывали «две лепты», замкнувшие очи тому, кто без счету сыпал золотым дождем. Браницкая, не помня себя, бросалась на тело дядюшки, старалась уверить всех, что он еще жив, пыталась своим дыханием согреть охладевшие уста Потемкина.

Получив ужасную новость, Василий Попов, оставшийся в Яссах, сразу послал печальное известие императрице: «Удар свершился, всемилостивейшая государыня! Светлейшего князя нет более на свете. Поутру он сделался очень слаб, но приказал скорее ехать; наконец, не доезжая большой горы, верстах в 40 от Ясс, так ослабел, что принуждены были вынуть его из коляски и

положить в степи. Тут и испустил он, к горестнейшему нашему сожалению, дух свой».

Известие о кончине князя Г.А. Потемкина было получено в столице только 12 октября, хотя гонец с печальным посланием, загоняя по дороге лошадей, прибыл на 2—3 дня быстрее обычной скорой езды. Секретарь императрицы А.В. Храповицкий записал в своем дневнике: «12 (октября. — *Н.Б.*). Слезы и отчаяние. В 8 часов пустили кровь... 13. Жаловалась, что не успевают приготовить людей. Теперь не на кого опереться. 16. Продолжение слез. Мне сказано: как можно Потемкина мне заменить? Все будет не то. Он был настоящий дворянин, умный человек, меня не продавал; его не можно было купить».

Почти сразу же после получения ужасного известия Екатерина села за перо. Она обращалась к своему верному адресату, посвященному в чувства государыни и знавшему о роли Потемкина в ее жизни. Императрица опять писала барону Гримму. «Снова страшный удар разразился над моей головой, — вся в слезах опечаленная женщина дрожащей рукой едва выводила строчки. — После обеда, часов в шесть, курьер привез горестное известие, что мой выученик, мой друг, можно сказать, мой идол, князь Потемкин-Таврический умер в Молдавии от болезни, продолжавшейся целый месяц.

Вы не можете себе представить, как я огорчена. Это был человек высокого ума, редкого разума и превосходного сердца. Цели его всегда были направлены к великому. Он был человеколюбив, очень сведущ и крайне любезен... В эту войну он выказал поразительные военные дарования: везде была ему удача — и на суше, и на море.

Им никто не управлял, но сам он удивительно умел управлять другими. Одним словом, он был государственный человек: умел дать хороший совет, умел его и выполнить...

В нем были качества, встречающиеся крайне редко и отличавшие его между всеми другими людьми: у него был смелый ум, смелая душа, смелое сердце. Благодаря этому мы всегда понимали друг друга и не обращали внимания на толки тех, кто меньше нас смыслил. По моему мнению, князь Потемкин был великий человек, который не выполнил и половины того, что был в состоянии сделать... Теперь вся тяжесть правления лежит на мне».

Императрица так и не оправилась от тяжелейшего удара. Со смертью талантливого фаворита закончился золотой период ее царствования, ей уже не в ком было искать той поддержки и тех мудрых советов, что давал Григорий Потемкин.

При дворе активно обсуждали причину смерти Потемкина. Называли «гнилую горячку и молошницу». Безбородко по просьбе Завадовского сообщил ему подробности о болезни Потемкина, заметив: «Тут не было ничего особливого, кроме самого обыкновенного. Склонность его к желчи при гемороидах, раздраженная разными неприятностями, в последнюю его у нас бытность случившимися, при сильном движении от непонятноскорой дороги увеличила силу болезни... По обычаю своему, растворяя ночью окна, не воздерживался от пищи и не принимал лекарств... Приехав в Чердак близ Ясс, съел он жареного целого гуся и впал в рецидиву. Тут еще более отрекся он от лекарств, и когда одолевал его внутренний жар, то не только питьем холодного, но, растворяя окна по ночам и имея при себе готовых людей, велел лить себе eau de cologne (туалетная вода) на голову, опрыскивать себя кропилом с холодною водою... По вскрытии тела его найдено необычайное разлитие желчи, даже части ея, прильнув к неким внутреннostям, затвердели». Официальная версия гласит, что князь Потемкин-Таврический умер от рецидива болотной лихорадки, которую он подхватил в 1783 г. в Крыму. Сохранившееся с юности предубеждение против врачей и лекарств сгубило здоровье князя. Кто знает, не откажись светлейший от помощи и рекомендаций докторов, он мог бы и на этот раз победить болезнь. Была, правда, еще одна версия кончины Потемкина — отравление, но она из ряда тех легенд, что окружают его имя.

Россия была потрясена известием о кончине «великолепного князя Тавриды», второго человека в империи после государыни. Кто-то искренне плакал и горевал о потери верного сына России, кто-то злорадствовал, со смертью Потемкина получив возможность высказать то, что не решался ранее, но равнодушных в эти дни не было.

Державин, узнав о смерти Потемкина, написал вдохновенные строки на его кончину:

Чей труп, как на распутьи мгла,
Лежит на темном лоне ночи?
Простое рубище — чресла,
Две ленты покрывают очи;
Прижаты к хладной груди персты,
Уста безмолвствуют, отверсты!
Чей одр — земля, кровь — воздух синь,
Чертоги — вкруг пустынны виды?
Не ты ли счастья, славы сын,
Великолепный князь Тавриды?
Не ты с высоты честей
Незапно пал среди степей?

Тело светлейшего доставили в Яссы, откуда он так спешил вырваться. 12 октября генерал, два генерал-адъютанта на лошадях, в сопровождении одного эскадрона полка князя Потемкина, в траурном виде, с литаврами, покрытыми черным сукном, возвестили городу о времени выноса тела, назначенном на следующий день в 8 часов утра. В этот день гренадерские полки стали шпалерами по обеим сторонам улицы, где должно было пройти погребальное шествие. Когда собралось духовенство, вынос тела Потемкина возвестили 71 пушечный выстрел и колокольный звон, залпы продолжались через каждую минуту до самого монастыря. Тело выносили генералы, балдахин — гвардии офицеры, а кисти поддерживали полковники. Погребальный кортеж составили генералитет, войска, духовенство и длинная вереница чиновных лиц. Они несли на специальных подушках ордена и все регалии вельможи.

Здесь, в монастыре Голии, в церкви Вознесения Господня 13 октября 1791 г. собрались гражданские и духовные лица, родственники князя, друзья и враги, чтобы совершить надгробное пение и услышать последнее «целование» Амвросия архиепископа Екатеринославского и Херсониса Таврического, которого связывали со светлейшим узы дружбы. Почти год назад, 15 января 1790 г., в этом храме тоже было много народа, но тогда по радостному поводу. Архиепископ Амвросий произносил приветствие Григорию Александровичу Потемкину-Таврическому при возложении на него лаврового венца. Многие стоящие сейчас у

гроба великого Потемкина вспоминали пророческие слова, обращенные в тот день к нему: «Почести открывают красоту души; душа возвышает цену почестей: и добродетели чада чувствуют тогда, что земля есть истинное предверие небесных чертогов матери своей. Признай истинны сии, светлейший князь!» В этот трагический день прощания с Потемкиным речь архиепископа Амвросия была наполнена глубочайшей скорбью, трагизмом, осознанием великой потери и не раз прерывалась слезами.

Опечаленные сотрудники Потемкина, теряющиеся в догадках о своей дальнейшей судьбе после смерти фаворита, поспешили разобрать вещи покойного. Самое важное и секретное — личные бумаги светлейшего, среди которых были и интимные письма государыни, собрал В.С. Попов. Они были «заперты в особый ящик, а ключ спрятан» и тотчас же отправлены в столицу. Уже 4 ноября 1791 г. Екатерина сообщила В.С. Попову о получении «возвращенных писем» и просила его, как только появится возможность, «возвратиться ко мне». Здесь же она поспешила успокоить служащих покойного Потемкина и распорядилась Попову: «Обнадежьте оставшихся после него, кои под его руководством при особе его мне служили, чтоб они уверены были в моем к ним благоволении и пришлите мне список штата его и иным при нем собственно трудившимся».

Были обеспокоены своей судьбой и многочисленные родственники Потемкина: с его смертью, как нередко бывало в истории, могла прекратиться и милость императрицы. Однако письма с соболезнованиями и подтверждениями своего расположения и покровительства были посланы Екатериной к графу А.Н. Самойлову, графине А.В. Браницкой, братьям Павлу и Михаилу Потемкиным. 6 декабря Михаил Сергеевич Потемкин, дальний родственник и муж племянницы Потемкина, писал императрице, что «племянникам и родственникам князя объявил благоволение Вашего императорского величества за их расположение оказать ревность к службе Вашего императорского величества, за что приносим всеподданнейше благодарность, удостоверяя, что мы беспрерывно желаем жертвовать нашею жизнею высокой благодетельницы нашего дома и паки всеусерднейшую приносит нашу благодарность, что милость Вашего императорского величества не угасаема к имени князя Григорья Александровича, а по нем и к

присвоенных к нему». Здесь же М.С. Потемкин сообщает о письмах Екатерины, найденных при разборе «гардероба» князя, которые он собирается доставить в Петербург и передать лично.

Все родственники Потемкина с надеждой устремили свои взоры к императрице, желая сохранить ее расположение в память о заслугах Потемкина. 3 ноября из Неаполя Екатерина Скавронская, так и не увидевшая дядюшку перед кончиной, писала Екатерине II о своем горе. «Преставился отец мой, — обращалась к государыне как к нежной и заботливой матери племянница Потемкина, — и я утопаю в слезах горести. Едва получила я от его наполненное ласк письмо, в котором он изъяснял крайнее свое желание видеть меня, услышала неблагополучнейшую весть о кончине его. Сим неожидаемым ударом поражена, боюсь представить себе всю великость потери моей. Я привыкла из малолетства все мое щастие полагать в нем, и он утверждал меня в том безпрестанным своим об оном радением. Вашему величеству известны были его отеческие ко мне расположения, и сие делало меня достойною высочайших Ваших ка мне милостей. Припадаю к стопам Вашего императорского величества и, с глубочайшим почтением касаясь оных, прошу о продолжении покровительства Вашего. Одно сие может быть мне утешением в настоящем моем сиротстве».

Императрица искренне сочувствовала и сопереживала осиротевшим племянникам и племянницам Потемкина, в своих письмах она была откровенна и без стеснения говорила, что горе и печаль объединяют ее с родными светлейшего. Всем им Екатерина обещала продолжить опеку князя и свое покровительство, что и исполняла до конца жизни. «Александр Николаевич, — писала государыня генерал-прокурору Сената и племяннику Потемкина Самойлову 17 ноября 1791 г. — Письмо Ваше от 15 октября (прошло только несколько дней после похорон князя. — *Н.Б.*) до рук моих доставлено, из которого вижу, что при глубокой печали Вы находитеся и нездоровы еще, и что усердие Ваше и упование на меня, преодолевая то и другое, готово на всякое служение. Сие расположение вижу я с удовольствием, о печали же распространяться никак не могу по великой моей чувствительности».

К Александре Браницкой, на руках которой умер любимый Екатерины, императрица была особо внимательна. Ей тоже

предназначалось письмо государыни с утешением и заботой: «Графиня Александра Васильевна! Разделяя с Вами общую нашу горесть, прошу Вас несумненную надежду положить сначала на Бога, потом увериться, что я непременно, пока жива буду, пребуду к Вам отлично доброжелательна».

Императрица приказала доставить в Херсон и набальзамировать бренные останки своего верного друга. 23 ноября 1791 г. гроб поставили в склепе еще недостроенной и неосвященной церкви Св. Екатерины, предполагая в дальнейшем соорудить над ним монумент из екатеринославского мрамора. Здесь же находилась и богато украшенная икона Спасителя, ею в 1774 г. императрица благословила Потемкина на новороссийское генерал-губернаторство, но в 1793 г. ее вытребовал племянник князя граф Александр Самойлов. Вокруг церкви уже покоились многие преданные и способные сотрудники Потемкина: строитель Херсона полковник Корсаков, генерал артиллерии барон Меллер-Закомельский, бывший господарь молдавский Эммануил Россет, генерал Максимович, полковник войска Донского Мыртынович, и, наконец, брат великой княгини Марии Федоровны — принц Карл Александр Вюртембергский.

При совершении последнего надгробного пения «В бозе почившему светлейшему князю Григорию Александровичу Потемкину-Таврическому» епископ Феодосийский и Мариупольский Моисей произнес проникновенную речь о великих достоинствах и заслугах светлейшего перед Отечеством и престолом. Современники прекрасно понимали, личность какого масштаба они потеряли, свидетелями чьей кончины стали. Многие, слушая проникновенные слова епископа, не скрывали слез и про себя повторяли слова «последнего целования»:

«Приспело плачевное время предати земли тело светлейшего князя Григория Александровича, мужа по всем отношениям безпримерного; тело, оплаканное жертвенными слезами по всем градам, селам и весям, разделяющим путь от столицы древней Дакии до Херсониса Таврического. Мы знаем, что оно земля, и всегда долженствовало возвратиться в место свое, однако жаль и с сею землею разстаться: ибо оно обносило в себе чрез пятьдесят два лета драгоценнейшую россиянам душу.

Любезен бывает нам тот дом, в котором обитал наш друг или благодетель; важен ковчег, сохранявший какое-либо изящное сокровище: равным образом любезно и тело, носившее в себе отличную душу.

Кто же между россиянами был светлейший? Князь Григорий Александрович. Ах! Сколь многия и сколь прочим невместительныя стяжал он своими добродетелями себе титлы! Он был верной сын церкви, велилепное украшение Отечества, усердный страж монаршего престола, едва где-либо в бытописаниях сретаемый герой, всюду победоносец, неимоверный возродитель градов, искусный создатель флотов, удивление Европы.

Скорбит о нем церковь, сетует монархиня, стенает воинство, воздыхают иноплеменные, надеявшиеся чрез него или усыновиться России или стяжати ея к себе дружество и покровительство, даже побежденные им жалеют о нем, яко о великодушном и человеколюбивом победителе. Вот сколько добродетельнейшему мужу сердечных, а следовательно, и безсмертных памятников!

Но между вещественными памятниками, сооружаемыми светлейшему князю, пребудеши ты, знаменитый граде Херсонисе! первым и знаменитейшим памятником, яко им порожденный, и удостоивыйся восприяти в сыновния недра свои приснопамятный прах рождшаго тя! Каждый воспомянувый имя князя Потемкина, воспомянет о тебе; и воспомянувый о тебе, воспомянет о князе Потемкине. В Херсонисе почил российский Ахиллес. И сии два имена, Херсонис Таврический и Потемкин-Таврический, останутся на веки в неразделимом союзе. Князь будет вечною славою тебе, а ты будеши вечною славою и памятником князю».

Князь Г.А. Потемкин был довольно богат, и после его смерти остались обширные земельные владения, дворцы, дома, фабрики, картины, книги, драгоценности и т.д. Однако родственников ожидало не только значительное наследство, но и многочисленные долги. Имея неограниченный государственный кредит, Потемкин использовал средства своих обширных владений не только для личного обогащения, но и для государственных нужд. Не считаясь, он тратил на строительство и оснащение Черноморского флота, обустройство новых городов, развитие промышленности. Расчеты по долгам Потемкина заняли несколько лет: заимодавцы обращались к наследникам, те, в свою очередь,

просили Екатерину взять на счет казны какие-то суммы; постоянно составлялись списки кредиторов, подробно записывались неоплаченные работы и вещи, выдавались расписки, доверенности. Из ведомости, составленной в 1792 году, следует, что общий долг исчислялся 2 888 366 руб., часть его была заплачена из имений Г.А. Потемкина — 2 125 405 руб. Другую часть долга щедро оплатила императрица. Кроме этого была проведена ревизия денежных сумм, оставшихся после смерти Потемкина в армии. Преданный памяти покойного князя и желая защитить его честное имя, Василий Попов направил Михаилу Потемкину, ответственному за сбор сведений, все данные по экстраординарным суммам в армии. Как он писал, «поставляя за священный долг пещись обо всем том, что до чести покойного светлейшего князя касается, с удовольствием исполнил Ваше требование, доставя к Вам сведении не только об оставших суммах, но и отчот за все время войны». Теперь уже сотрудникам Потемкина пришлось защищать от сплетен доброе имя своего начальника и покровителя.

Сразу после смерти Потемкина стало ясно, что немедленную и очевидную выгоду от кончины светлейшего получил молодой фаворит Платон Зубов. Уже 17 октября он приказал все пакеты с бумагами, направляемыми на подписание императрицы, присылать ему. На следующий день, как записал Храповицкий, «ходил докладывать по бумагам из Безбородкиной канцелярии и послал генерал-прокурору письмо для сведения, что поручены ему дела графа Безбородко», то есть Зубов взял в свои руки вопросы внешней политики. Сам Безбородко в качестве чрезвычайного уполномоченного отправился в Яссы, где 29 декабря 1791 г. завершились труды, начатые Потемкиным, — был заключен мир на условиях российской стороны: подтверждение Кючук-Кайнарджийского мира, признание принадлежности Крыма России. Не зря Потемкин отдавал свои таланты, идеи, силы и здоровье — Российская империя на века получила прекраснейшие земли Северного Причерноморья, которые не смогли сохранить потомки. Получил Зубов и многие должности Потемкина, необыкновенно усилив свое влияние на императрицу.

В сравнении с золотым веком эпохи Екатерины II последние годы XVIII века — время правления Павла I — кажутся временем

регресса и разрушения достигнутых в предыдущее царствование успехов в управлении государством. Император взошел на престол в возрасте 42 лет. Это был человек с уже сформировавшимся характером и четкими политическими убеждениями, значительно расходившимися с представлениями его матери. Екатерина, как ему казалось, была слишком мягка и либеральна — качества, не подходящие для истинного самодержца и связанные с особенностями женского правления. Все это, по мнению Павла I, пагубно сказывалось на положении в стране, особенно после революционных событий во Франции 1790-х гг. Для того чтобы избежать революции, следовало при помощи военной дисциплины и полицейских мер устранить любые проявления личностной и общественной свободы — такова была позиция нового императора.

Столь долгое ожидание власти отрицательно сказалось на характере Павла I и привело к тому, что, получив престол, император стал действовать во всем наперекор политики матери, исключением не стали и многие достижения Потемкина на юге России. Этим стремлением пронизано, по сути, все его недолгое царствование, в результате чего, по словам историка В.О. Ключевского, «самые лучшие по идее предприятия испорчены были положенной на них печатью личной вражды». Новый император пытался как бы зачеркнуть предшествующие 34 года русской истории, объявить их сплошной ошибкой. Вместо древних греческих или славянских названий, данных Потемкиным населенным пунктам в Крыму и Екатеринославской губернии, по распоряжению Павла I вводились тюркские или «русские простанародные». Эпидемия переименований охватила южные земли: Севастополь превратился в Ахтиар, Феодосия — в Кафу.

До 28 апреля 1798 г. под спудом, не засыпанный, простоял гроб с телом Потемкина. Император Павел I, узнав о том, что останки фаворита не захоронены, секретно приказал, чтобы «тело, без дальнейшей огласки, в самом же том погребу погребено было в особо вырытую яму, а погреб засыпан землей и изглажен так, как бы его никогда не бывало». Гроб в склепе засыпали землей, вход заложили камнем, а сверху был положен деревянный пол. Тогда же был уничтожен и памятник над склепом. Причина называлась в императорском указе: «По

разстройке, в которой оставлены дела князем Потемкиным, в управлении его бывшия, неприлично быть монументу, в память его воздвигнутому, и для того сооруженный от казны в городе Херсоне повелеваем уничтожить».

После смерти Павла его сын и внук Екатерины II — Александр I разрешил родственникам Г.А. Потемкина поставить монумент в Херсоне и устроить «дом призрения для престарелых и немощных» на деньги, пожертвованные наследниками князя. 17 ноября 1825 г. губернатор Новороссии князь М.С. Воронцов, муж внучатой племянницы Потемкина Елизаветы Ксаверьевны, обратился к управляющему Министерством внутренних дел В.С. Ланскому с сообщением о начале сбора средств на сооружение монумента в память «основателя Новороссийских губерний». Губернатор писал о полученном от императора разрешении и утверждении эскизов памятника, подготовленных «знаменитым нашим художником» Иваном Мартосом. Идея скульптора была представить образ героя, лишь в общих чертах напоминающий Потемкина. Герой екатерининского времени был облачен скульптором в средневековые рыцарские одеяния с доспехами, аллегорическими львиными масками на плечах. Некоторые современники даже замечали, что длинное нижнее платье, «живописно выказывая мощные мышцы Потемкина», напоминает преобразования в одежде русской армии, проведенные президентом Военной коллегии. Скульптору нелегко давалась работа над монументом. В 1835 г. Иван Мартос писал к графу Воронцову, извиняясь за задержку в изготовлении модели бюста Потемкина и размышляя над образом героя эпохи Екатерины Великой: «Я предвижу, что навлек на себя неудовольствие Вашего сиятельства медленным исполнением сей работы; другого, как одно то, что я очень долго бился, искавши на модели разительного сходства, окончив, несколько раз переменял, и снова начинал, и не мог себя удовлетворить, ибо кроме сходства я искал и выразительности великого характера, которой носил на себе покойный светлейший князь. Я имел щастие, говорил несколько раз с ним, он два раза удостоил меня быть в моей мастерской, я даже имел какое-то удовольствие не оканчивать бюст, а все его работать; но надобно было с ним расстаться».

Только в 1836 г. в херсонском городском саду был поставлен великолепный памятник светлейшему князю Потемкину-Таврическому. Почти девять десятилетий простоял монумент герою екатерининского времени на своем месте. В дни революционных событий XX в., закрытый брезентом, получил он шутливое прозвище жителей — «херсонское привидение». В 1922 г. памятник перенесли на территорию Херсонского историко-археологического музея, а во время Великой Отечественной войны монумент погиб.

Захоронение Потемкина при Павле I, как и многие события из его жизни, превратилось в легенду. Говорили, что тело его было вынуто из гроба и бесследно зарыто где-то во рву. Рассказывали и другие небылицы. Ночью 4 июля 1818 г. по распоряжению архиепископа Иова и сопровождавших его нескольких духовных лиц был поднят деревянный пол и сделан пролом в склепе. Они вошли и, подняв крышку гроба, удостоверились, что тело Потемкина не тронуто. В 1859 г. снова пять лиц спустились в склеп и вынули из полуразвалившегося гроба, засыпанного землей, череп и некоторые кости, положили их в особый ящик и оставили.

С окончанием земной жизни история Потемкина не прервалась, она превратилась в объект исторических анекдотов и научных исследований. Литераторы, историки, публицисты, любители прошлого не могли пройти мимо личности такого масштаба, как Григорий Александрович Потемкин-Таврический. Дела, совершенные им, или приписывались другим, или забывались, или просто отрицались. Он оставался фаворитом, человеком, способным только на «потемкинские деревни». Но проходят годы, и все истинное становится явным. Как ошибался Федор Ростопчин, государственный деятель времен Александра I, когда писал в конце декабря 1791 г. о Потемкине: «Чудеснее всего, что он забыт совершенно. Грядущие поколения не благословят его память»!

ЭПИЛОГ

Убеленный сединами архивариус вспомнил, как в 1874 г. еще гимназистом он вместе со своим родственником — членом особой ученой комиссии Одесского общества истории и древностей во главе с историком Н. Мурзакевичем отправился в Херсон для исследования могилы Потемкина. Они нашли в склепе ящик, в котором лежал череп с выпиленной сзади треугольной частью и наполненный массой для бальзамирования. На затылке черепа остались следы темно-русых волос. Кроме этого в ящике лежало несколько костей. В склепе сотрудники общества обнаружили части деревянного и свинцового гробов, куски золотого позумента, серебряные гробовые скобы и три шитые канителью орденские звезды 1-й степени Св. Андрея Первозванного, Св. Владимира и Св. Георгия Победоносца. Неизгладимое впечатление произвел на молодого юношу вид бренных останков героя эпохи Екатерины Великой.

Старый архивариус перевернул последнюю страницу рукописи. Перед ним пронеслась блистательная жизнь светлейшего князя Потемкина-Таврического, столь необычная, что может показаться — она похожа на фантасмагорию, на причудливое видение. В судьбе Потемкина сказка соседствовала с действительностью, а реальность превращалась в миф.

О Потемкине писали много. Необычный человек, неординарная личность, светлейший вызывал самые разные эмоции и у современников, и у потомков. Кто-то говорил только о его достоинствах и заслугах, другие называли главными качествами князя леность и восточный деспотизм. Самые противоречивые мнения вы можете услышать о «великолепном князе Тавриды». Его фантазии были великолепны, и многие из них превратились в реальность. Потемкин не был идеальным человеком, его обуревали сильные страсти, немыслимые желания, и он умел

блистательно их осуществлять. Недоброжелатели говорили, что во вред стране, а главная его покровительница и защитница — Екатерина — не уставала благодарить своего фаворита за труды на благо Отечества.

В характере Потемкина было все: добродетель и порок, безудержная энергия и поразительная бездеятельность, великие таланты и нравственные недостатки. Он был человеком своего времени, героем эпохи Екатерины Великой — замечательный государственный деятель, богатый и могущественный вельможа, красивый мужчина, легкомысленный сибарит, гениальный фантазер, истинный меценат и любитель изящных искусств... Это был обыкновенный русский гений. Его высокие достоинства переходили в кричащие недостатки, а неординарность личности приводила к грандиозным политическим достижениям. О Потемкине можно рассказывать бесконечно, и истинная его жизнь, этапы которой бережно сохранили для потомков пожелтевшие от долгого времени страницы многотомных архивных фолиантов, гораздо интереснее, разнообразнее и увлекательнее, чем сотни легенд, посвященных этому необычному человеку.

Фигура Потемкина — одна из ключевых в истории России XVIII столетия, золотого века нашего великого прошлого. По масштабам, роли, значению и результатам деятельности рядом с ним можно поставить только Петра Великого и Екатерину Великую. Самые точные слова нашел для любимого фаворита императрицы великий Пушкин, особо интересовавшийся эпохой Екатерины Великой и, наверное, предполагавший посвятить светлейшему одно из литературных произведений: «Много было званых и много избранных, но в длинном списке ее любимцев, обреченных презрению потомства, имя странного Потемкина будет отмечено рукою Истории».

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог 3
Глава 1. ИСТОКИ 6
Глава 2. ВРАТА НАУК 22
Глава 3. ПОД РУЖЬЕМ 32
Глава 4. ТРИУМФ НЕМЕЦКОЙ ПРИНЦЕССЫ 49
Глава 5. ДА ЗДРАВСТВУЕТ ИМПЕРАТРИЦА! 66
Глава 6. «ГЛАЗЕНЬЕ НА СИЛИСТИРИЮ» 94
Глава 7. ФАВОРИТ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА 109
Глава 8. ЖИЗНЬ ПРИ ДВОРЕ 145
Глава 9. ГОСУДАРЕВ НАМЕСТНИК 181
Глава 10. «ДАР БЕСКРОВНЫЙ...» 217
Глава 11. ВО ГЛАВЕ ЮЖНЫХ ГУБЕРНИЙ 242
Глава 12. КНЯЗЬ ТАВРИДЫ 270
Глава 13. «ПОТЕМКИНСКИЕ ДЕРЕВНИ» — СКАЗКА НАЯВУ 304
Глава 14. ПРЕЗИДЕНТ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ 344
Глава 15. ЛЮБИМЕЦ МУЗ 374
Глава 16. ЖЕНЩИНЫ СВЕТЛЕЙШЕГО 414
Глава 17. ПРОЩАЛЬНЫЙ БАЛ 454
Эпилог 477

Научно-популярное издание

Великие исторические персоны

Болотина Наталья Юрьевна

ПОТЕМКИН

Выпускающий редактор *М.К. Залесская*
Корректор *Б.С. Тумян*
Верстка *И.В. Резникова*
Художественное оформление *Е.А. Забелина*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:
127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.
Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доб. 2213), 940-48-71.

Почтовый адрес:
129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:
129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

Подписано в печать 24.02.2014. Формат $84 \times 108^{1}/_{32}$. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура «MyslC». Печ. л. 15.
Тираж 2000 экз. Заказ 7854/14.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК «Парето-Принт», 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru

Потемкин

Книга историка-архивиста Н.Ю. Болотиной рассказывает о блистательной жизни светлейшего князя Г.А. Потемкина-Таврического, выдающегося администратора и полководца второй половины XVIII века. О Потемкине писали много. Необычный человек, неординарная личность, светлейший вызывал самые разные эмоции и у современников, и у потомков. Одни говорили только о достоинствах и заслугах Григория Александровича, другие называли главными качествами князя леность и восточный деспотизм. Самые противоречивые мнения можно и по сей день услышать о «великолепном князе Тавриды». Потемкин не был идеальным человеком, его обуревали сильные страсти, немыслимые желания, которые он умел блистательно осуществлять. Недоброжелатели утверждали, что деятельность Потемкина вредна для страны, а императрица Екатерина II, главная его покровительница и защитница, не уставала благодарить своего фаворита за труды на благо Отечества.

ВЕЛИКИЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПЕРСОНЫ

ISBN 978-5-4444-1983-0

